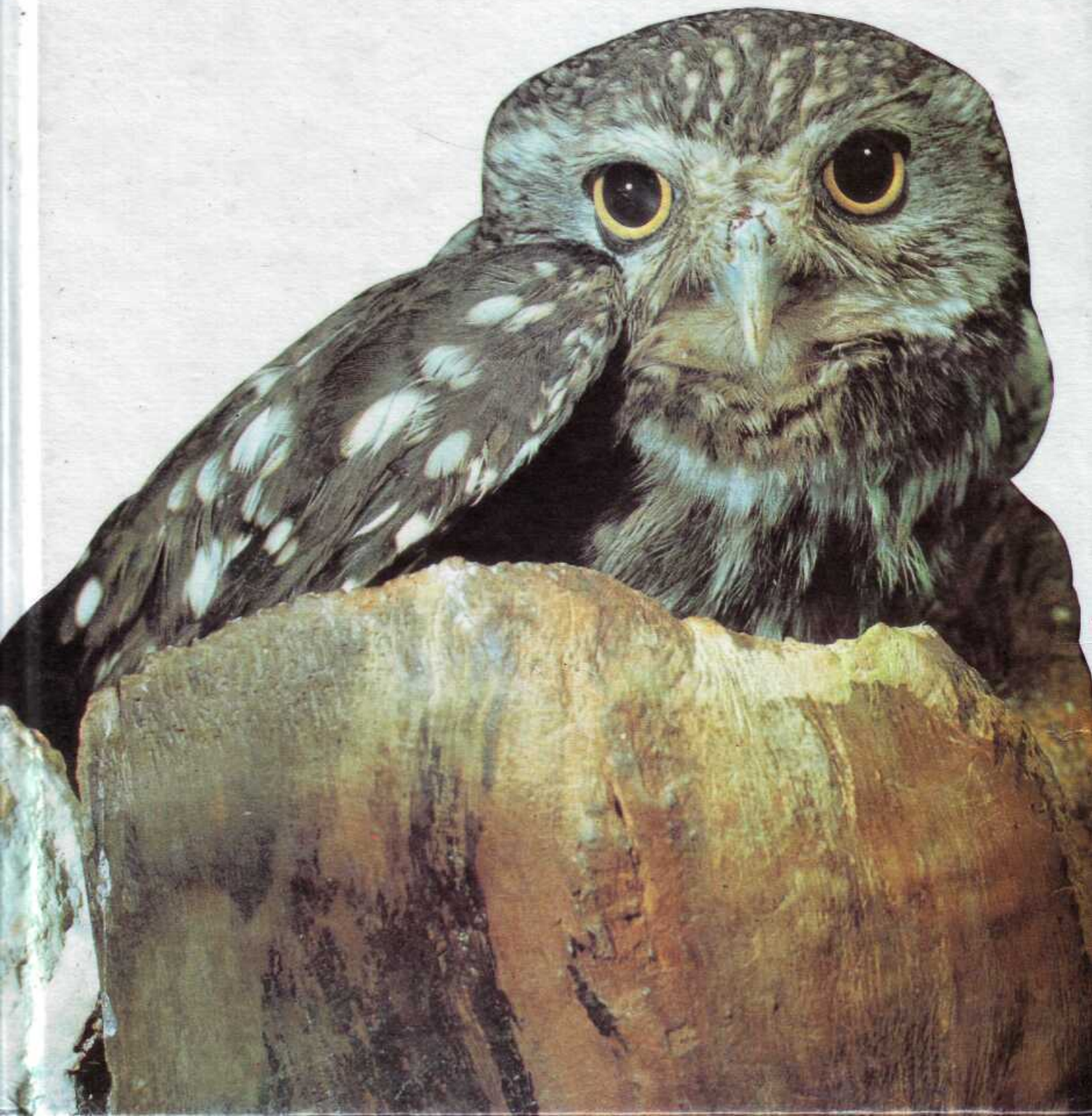
ПТИЦЫ



Леонид
Семаго

ПТИЦЫ

Москва
«Мысль»
1994

ББК 28.693.35
С 30

Редакция географической литературы

Художник А. И. Ольденбургер

Авторы иллюстраций:

Б. А. Нечаев,
И. А. Мухин,
Э. Н. Голованова,
Б. И. Скачков,
Л. Л. Семаго,
А. В. Гражданкин

© Л. Л. Семаго. 1994.
© Оформление.
Издательство «Мысль».
1994

ISBN 5-244-00610-X

Содержание

Наблюдайте птиц! 6
Большой пестрый дятел 10
Дубонос 13
Орлан-белохвост 15
Хохлатый жаворонок 18
Большой сорокопут 20
Свиристель 23
Лазоревка 26
Седой дятел 29
Пищуха 31
Ворон 33

37 Рябинник
40 Кряква
42 Чомга
46 Серая куропатка
48 Большая синица
50 Поползень
53 Сорока
56 Домовый воробей
60 Зяблик
62 Зеленушка
65 Снегирь

Камышовый лунь 70
Овсянка 73
Скворец 75
Филин 79
Вертишейка 82
Полевой жаворонок 85
Черный дрозд 88
Певчий дрозд 90
Чибис 92
Тетеревятник 96
Горихвостка-чернушка 101

104 Малый зуек
106 Луговой лунь
108 Лысуха
113 Желтая трясогузка
116 Каменка
118 Горихвостка-лысушка
121 Камышница
124 Ушастая сова
126 Иволга

Черная крачка 132
Серая мухоловка 134
Золотистая щурка 138
Жулан 140
Черношейная поганка 143
Чернолобый сорокопут 145
Береговая ласточка 149
Орел-могильник 151
Лесной конек 155
Кобчик 157
Удод 160
Воронок 162
Малая крачка 166
Касатка 169

173 Тювик
177 Речная крачка
180 Степной орел
184 Юла
186 Авдотка
188 Большой баклан
192 Чеглок
196 Сизоворонка
198 Орел-карлик
200 Козодой
204 Коршун
206 Сплюшка
208 Сойка
211 Черный стриж

Варакушка 216
Серая цапля 218
Вяхирь 221
Зимородок 223
Белая трясогузка 226
Огарь 228
Пустельга 230
Зарянка 232
Кольчатая горлица 235
Полевой воробей 238

241 Щегол
244 Домовый сыч
247 Пухляк
249 Перепелятник
253 Неясыть
255 Грач
258 Малый пестрый дятел
260 Серая ворона
265 Канюк
268 Черноголовая славка
271 Маленькое послесловие

Наблюдайте птиц!

тицы — удивительные создания природы, наделенные даром свободного полета. За его совершенство, красоту, неутомимость и скорость птиц именуют властелинами воздуха, аристократами неба, детьми бури... Часами может парить над равниной орел, ни разу не взмахнув крыльями, для которых воздух и опора, и несущая сила, а взмахи зимородка неуловимы для взгляда. Полет лебедя слышен за сотню шагов, а огромный филин летает беззвучно, словно сам он не птица, а сгусток темноты. Среди птиц немало неутомимых ходоков и бегунов, есть древолазы, пловцы, ныряльщики, для которых вода — более близкая стихия, нежели беспредельное небо. Птицы — везде. Их встречали на полюсах планеты, в великих пустынях, в открытом океане, на высочайших вершинах мира и даже над ними, они — наши ближайшие соседи в городах.

Предложение «Науки и жизни» ежемесячно печатать очерки о жизни птиц Русской равнины соблазнило меня возможностью убить двух зайцев: без очереди и хлопот опубликовать самые интересные наблюдения о нравах, поведении и сезонной жизни пернатых обитателей лесов, вод, степей и городов страны, сделав их достоянием не только коллег, но и миллионов людей других профессий. Небольшими неудобствами сотрудничества с престижным журналом были ограничение объема и сроки сдачи материала: летние рассказы приходилось писать зимой, весенние — осенью, каждый рассказ всего на четырех страницах. Хотя для дубоноса или береговушки хватало с лихвой и этого, а скворец или касатка не умещались на десяти. За те пять лет, в течение которых из номера в номер печатались очерки, орнитологи ни единым словом не похвалили и не покритиковали их, что убедило меня в удачном выборе стиля публикаций и в оригинальности фактов из жизни властелинов воздуха. Эти очерки в порядке сезонности и стали основой книги «Птицы». Некоторые из них оставлены без изменений, другие написаны заново.

Больших открытий в орнитологии у меня не было, но интересных мелочей накопилось за десятилетия множество. А каких только событий не было: и по-настоящему трагичных, и клоунски смешных, и просто занятных.

Осеннее токование рыжеспинных синь-птиц, сизоворонок, нельзя считать редкостным проявлением преданности какой-то особо сентиментальной пары. Но сколько лет ни пытался я снова увидеть их воздушный танец накануне расставания с родиной, не везло, да и только. И если бы не протокольная запись в блокноте, с годами могло бы показаться, что было видение в степном мареве, а не действительное событие. Если бы не щепотка рыжеватых перышек между

страницами — свидетельство ожесточенной драки двух удодов, до сих пор был бы уверен, что эти тихони не способны даже на пустяковую ссору. Наверное, все птенцы козодоя вылупляются ночью. Но один сделал это в полдень. Освободившись из скорлупы, он в тот же миг «поцеловался» с матерью и снова спрятался под ее перо. Видимо, без этого ритуального соприкосновения дальнейшее поведение птенца нарушится, и он не станет козодоем. Конечно, не в каждой семье ушастых поганок трехдневный малыш может со злостью наброситься на 'отца. И хотя я был очевидцем этой сцены всего раз, то, что родитель оставил безобразную выходку своего отпрыска без последствий, убедило меня в заурядности детского проступка. У камышниц молодняк очень рано обретает самостоятельность, но, если послушание нарушается преждевременно, птенец может получить пару хороших тычков, чтобы не подавал дурной пример братьям и соблюдал внутрисемейную дисциплину. Уверен, что такой воспитательный прием присущ всем болотным курочкам, но, как это выглядит в действительности, за полсотни лет знакомства с этими птицами видел лишь однажды.

А кормление самкой ястреба-тювика своего кормильца принесенной им же добычей — видел ли кто подобное вообще у хищных птиц? А как ловит живую рыбешку скворец?

Зато, застигнув среднего пестрого дятла за обработкой дупла своего малого собрата, я понял, почему так часто под жильем этого красавца бывает очень мало щепы, будто сделал вход в дом и прихожую и бросил работу. А он, оказывается, экономит силы и время на чужом труде. Случай с иволгой, прогонявшей соперницу из Зазеркалья, подтвердил догадку, что приятный флейтовый свист вовсе не песня самца, что самки свистят более задушевно, что ли.

Далеко не каждой «мелочи» удавалось найти подходящее объяснение, без которого она превращалась в большую загадку. То не было стечения подходящих обстоятельств, то в ход событий вмешивались посторонние силы, то не было той самой птицы, чье поведение отличалось от обычных поступков ее родни. Именно по этой причине в книге есть несколько незначительных недомолвок, и, может быть, мое объяснение некоторых особенностей поведения птиц небесспорно. Ну что же, давайте поищем толкование вместе. Пусть эти недомолвки пробудят интерес к поиску иного ответа, который может пригодиться и науке.

Пока книга была в наборе, прибавились новые наблюдения. И вряд ли когда-либо в изучении таких высокоразвитых существ, как птицы, будет поставлена точка. Это будет поражением познания. Наблюдайте птиц, и вас посетит тихая радость собственных открытий!

Большой пестрый дятел

иновала осень, и лес стал прозрачным, и слышно в нем далеко. Скрипят на разные лады под ветром деревья, стучат друг о друга оголенными ветками, ночами еще похохатывают черноглазые неясыти, днем сойки покрикивают, синицы и поползни посвистывают, да с раннего утра стучат-колотят лесные мастера — дятлы. По их стуку не всегда угадаешь, который из пяти видов дятла, что водятся в лесостепных борах и дубравах, добывает себе корм или строит зимнее жилье, но чаще всего это бывает самый обычный и самый известный большой пестрый дятел,

В лесу, где нет больных деревьев, этот дятел жить не станет. Не потому, что голодно, а потому, что построиться негде. Негде птенцов выводить, негде ночевать, негде в непогоду отсидеться. И даже самый упорный и усердный не возьмется выдолбить дупло в здоровом дереве самой мягкослойной породы. Опытная птица по звуку определит, что не стоит даже кору ковырять на таком стволе. Но если древесина уже тронута грибом, если внутри дуба вместо «железного» ядра — трухлявая начинка, дятел найдет такое дерево и, пробив живые слои заболони, выдолбит в нем глубокое семейное дупло весной или — для себя одного, помельче — осенью.

Пестрые дятлы из числа немногих птиц, кому дом нужен всю жизнь, а не только на несколько недель, пока выводят птенцов. Ни один.из них, даже в теплую июльскую ночь, не будет ночевать под открытым небом. В осеннее же ненастье, в дождливую зимнюю оттепель дятлов в лесу не слышно и не видно, потому что терпеливо сидят они в сухом жилье, пережидая холодный дождь и предпочитая немного поголодать, нежели потом сушить перо собственным теплом.

Семейное дупло рубит, как правило, самец, начиная работу в первый же погожий день весны. И самое трудное в этой работе, пожалуй, начало. Потом, когда дятел доберется до больной, полуистлевшей части ствола, дело идет быстрее. Забравшись внутрь, птица легко откалывает мягкие щепочки, потом, высунувшись и оглядевшись по сторонам, выбрасывает их к подножию дерева. По этой россыпи в светлом весеннем лесу легко найти свежее дупло.

Потом ее скроют травы, потемнеют сами щепочки, но отыскать дом нашего дятла будет еще проще: непрерывным громким стрекотанием выдают его место птенцы. Еще не одевшись пером, тихонько и неразборчиво верещат они на дне дупла, и это верещание слышно сквозь ствол как несмолкаемое шипение. Подрастая, дятлята цепляются за стенки жилья поближе к выходу, и оттуда раздаются звуки, слышные в тихую погоду шагов на двадцать. Они похожи на приглушенный и не очень четкий стук не совсем исправной швейной машинки. Наконец, рослый, в полном наряде, красноголовый птенец высовывается из круглой дыры и, не закрывая рта, кричит на все урочище. Впечатление такое, что сидящие под ним в темноте и духоте остальные дятлята, голодные, истязают его из последних сил, чтобы скорее освобождал место им. Взрослые дятлы и без того хорошо знают дорогу к своему дуплу, но истошные крики птенцов не только торопят их носить корм быстрее, но и, наверное, служат им как постоянно включенный звуковой маяк.

В пищу птенцам идет всякая мелкая живность, которую дятлы могут собрать со стволов, с веток и даже с травы: жучки, гусеницы, ночные бабочки, которые днем смирненько сидят на коре, разная тля, пауки. Кое-кого ловят даже в воздухе: гусениц листовертки, спускающихся на паутинках с начисто объеденных крон, медлительных, длинноногих комаров-карамор, крылатых муравьев... И хотя корма дятлы приносят сколько может уместиться в клюве, голодный крик птенцов не прерывается ни на минуту. Поэтому нет у родителей возможности ковыряться в стволах, ибо этой работой только себя прокормить можно.

Пока птенцы не покинут дупло, заботы по дому выпадают больше на долю дятла-отца, чем матери. Он и ночует с детьми до их вылета, и кормить утром начинает раньше, и за чистотой в дупле следит лучше.

Покинувшие дупло дятлята весьма понятливы и усваивают родительские уроки буквально с первого раза. Как-то в небывало холодное июньское утро дятел-отец в лесном поселке привел троих четырехнедельных слетков на знакомую с зимы кормушку, куда сердобольный человек догадался насыпать творога. Дятел сноровисто и быстро накормил прямо на столике каждого. А через час трое молодых вместе прилетели к окну и уже сами склевали остатки творога. Синичата в таком возрасте куда как бестолковее: они и после десятого раза просят отца покормить их еще, не догадываясь, что самим можно брать сколько угодно творога или другого корма.

Когда сидение птенцов в дупле подходит к концу, вид у дятлов-родителей еще бодрый, но внешность потрепанная: почти на треть стерлись за год хвосты, от частого лазанья в дупло побилось перо на боках и крыльях, а на груди — еще зимой, на «кунице», где расколачивает дятел шишки. К тому же больное дерево нередко начинает источать по краям дупла липкий, сладкова-

тый сок, от которого слипается и пачкается оперение даже на голове. Зато когда к концу лета взрослые перелиняют, и они сами и их птенцы-слетки — одни из самых нарядных пернатых обитателей леса.

В самое трудное для птиц время дятлу-домоседу живется сытнее других, особенно там, где растет сосна. А сейчас дерево это шагнуло по песчаным левобережьям степных рек далеко на юг от тех мест, где росло испокон веку. Сосновые леса зеленеют на Нижнем Дону, даже в песках Северного Приаралья крепко стоят семидесятилетние сосны. И не кто иной, как сосна, может кормить и кормит большого дятла девять месяцев в году, с июля до мая. У нее не бывает неурожаев и нет иных потребителей вкусных орешков, кроме белки, клеста и дятла. Хватает всем: и зверьку, и птицам. Лишь через лето после могучих засух, какие были в 1946 и 1972 годах, не родит сосна, и тогда покидают ее леса все до единого большие пестрые дятлы, потому что зимой в чистых сосняках прокормиться им больше нечем. Тогда они по чернолесью, по ольшаникам пробавляются либо переселяются к человеку поближе, где есть чем поживиться на общих птичьих кормушках, а то и в мусорных ящиках.

Большие пестрые дятлы — великие умельцы по части разделки сосновых шишек, умение это передается по наследству и подкрепляется обучением в детстве. В трещину на вершине столба, в углубление, специально выдолбленное в стволе или на ветке, птица намертво затискивает шишку и разрубает ее клювом по восьми радиусам, извлекая из-под чешуек все до единого орешка. Уходит на это пять-шесть минут, и требуется шестьсот—восемьсот ударов клювом. А вся операция с одной шишкой: сорвать, закрепить, раздолбить — занимает до десяти минут, Поэтому в самые короткие дни зимы работает

У кормушки
Возле дупла
Жилище

дятел на своей «кузнице» *с* рассвета до сумерек, Срубит с ветки шишку, принесет в клюве на «кузницу», прижмет грудью к стволу, выбьет двумя-тремя ударами пустую и, вставив целую, принимается за работу. Времени для отдыха нет и минуты. После снеготаяния под его деревом лежат сотни размочаленных, пустых шишек. А есть многолетние «кузницы», под которыми лежат такие вороха, что за раз на телеге не увезти.

Семейные взаимоотношения и семейный уклад больших пестрых дятлов не единообразны у всех пар поголовно. Есть у них помимо давно известного нам порядка какие-то тонкости, понятные пока лишь самим дятлам. Некоторые пары живут, не расторгая добровольных уз, и после ухода из семьи молодых птиц, поддерживая и в суровое время года отношения, которые могли бы стать для пуристов образцом чистоты и строгости нравов. Самки в таких парах сохраняют какое-то главенство и некоторые привилегии. Они могут пользоваться кузницами самцов, и хотя предпочитают работать на своих «верстаках». Дятлы-самцы всегда уступают им место, где собирают корм сами. В таких парах, как и у холостых птиц, у каждого отдельное зимовальное дупло, в котором они проводят ночь или пережидают дождливые часы.

Но вместе с тем существует пока непроверенное подозрение, что дятел может быть отцом двух выводков одновременно и что вызвано это «многоженство» отнюдь не нехваткой самцов в лесу.

28 апреля 1974 года в одной из воронежских дубрав обратил я внимание на «перестрелку» нескольких пестрых дятлов. На сухом осиновом суку «отстреливался» один самец, находившийся как бы в середине треугольника, в углах которого поочередно барабанили три самки. Голоса никто не подавал. На несколько мгновений квартет барабанщиков расстроился появлением еще одного самца. Но ни одна из самок не проявила и намека на благосклонность к чужаку. Зато барабанщик-самец так погнал нарушителя, что тот долго не мог успокоиться где-то на краю соседнего квартала, а концерт-«перестрелка» продолжался еще несколько минут и окончился сам собой: птицы занялись иными делами. А вот проверить, была та четверка одной семьей или чем-то другим, не удалось. Осталось лишь подозрение. Но ничего в том зазорного для дятла нет, ведь оправдались такие предположения относительно зимородка, мухоловки-пеструшки и некоторых других птиц, которых прежде считали однолюбами, что ли. Но есть и серьезные сомнения: если выводков два, то кто ночует во втором дупле с яйцами или птенцами?

Дятел — не орел и не чайка, чтобы описывать красоту или совершенство полета, однако его летные способности не ограничены одним-единственным стилем, как у дрозда или кукушки, хотя в основном-то ему приходится летать от дерева к дереву, то есть на расстояние в несколько наших шагов. Но это, скорее, перепархивание. А через широкую просеку или поляну, от берега к берегу над рекой птица летит рывками: разгонится сильными и частыми взмахами, прижмет крылья поплотнее к бокам и, как пуля, проносится часть пути по инерции. Снова разгон и — полет без крыльев. Звук у этого полета от энергичных взмахов такой, что можно узнать дятла, стоя к нему спиной,

Кажется, никто не видел дятла в крейсерском полете. Я, например, до сих пор не знаю, каким образом он перебирается из одного лесного острова в другой, когда между ними чистое поле без единого деревца или столба, на котором можно отдохнуть и хотя бы оглядеться, чтобы чеглок или иной птицелов не накрыли сверху, Ему, наверное, большое поле перелететь даже не жизнь прожить, а, скорее всего, с нею расстаться.

А весной иногда удается увидеть особый, брачный, что ли, полет дятла, и сразу становится понятно, почему самые красивые и яркие перья растут у этой птицы под хвостом. Такие летают, да, видимо, и не могут летать другие птицы, Поставив хвост торчком и распушив ярко-алое подхвостье, дятел, часто трепеща крыльями, летит, словно по натянутой струне,

И совсем неожиданные летные способности дятлов проявляются при чрезвычайных обстоятельствах, когда, например, приходится защищать им собственный дом от посягательств на захват жилья лесными скворцами. Обычно в «поединок» вступают дятел и скворчиха, а хозяйка дупла и скворец присутствуют словно зрители, Дятел то, закрывая вход в дупло своим телом, грозит захватчице клювом, то, петляя среди ветвей, наподобие какой-нибудь мухоловки, носится за ней с таким проворством, что та еле успевает уворачиваться и никак не может оказаться у дупла раньше хозяина,

Надо признать, что репутация большого пестрого дятла не совсем безупречна. В гнездовую пору не любят и боятся его мелкие лесные птицы. Правда, грабит дятел маленьких соседей лишь в холодные, дождливые весны. Но зато никто, как он, не обеспечивает поползней, синиц, удодов, горихвосток, мухоловок и свою родню — вертишеек надежным жильем. Зимой, сбивая с сухостойных деревьев большие куски коры, он малость подкармливает свою временную синичью свиту. А с первого дня весны, когда начинается сокодвижение у кленов, и до зеленения березы угощает он березовой и кленовой пасокой лазоревок, зябликов, зарянок, щеглов. И за все эти добрые дела можно простить те нечастые беды, которые случаются по его вине в весеннем лесу.

Дубонос

Чисто небо над степью, но сухой восточный ветерок перегоняет через сверкающий асфальт снежную пыль поземки, то вытягивая ее в длинные космы, то скручивая их в причудливые завитки и жгуты, словно пытается сшить воедино белый покров заснеженных полей, рассеченных бесконечной лентой темного шоссе. Но это ему никак не удается: снег застревает в придорожных лесополосах, образуя высокие валы в плотных рядах белой акации и непролазно-колючих кустах лоха. Чернеют на кустах лоха гнезда сорок, но хозяек нет — разлетелись по хуторам и станицам. Не для птиц обстановка у дороги, и поэтому не сразу можно принять за живое существо маленькую птичью фигурку в редком переплетении оголенных колючих ветвей. Повернувшись к ветру, спрятав в пушистое перо ноги, на ветке сидит головастая птица снегириного роста и неторопливо ощипывает высохшие, почерневшие плодики лоха. Старательно разминает она твердокаменные косточки, вылущивая из них небольшие ядрышки.

Каждое утро в любую погоду прилетает на этот куст одинокий дубонос и проводит весь короткий зимний день за одним занятием — едой. Корма много, но нелегко достается птице ее зимний хлеб. Продолговатая косточка лоха выдерживает давление до полупуда, и таких косточек, чтобы быть сытым и провести под открытым небом долгую ночь, нужен не один десяток. Справиться с такой работой можно

Черемуха
Семья дубоносов
Мама и дети

только дубоносу, у которого края клюва подогнуты и смыкаются друг с другом наподобие двоиных кусачек. Дубонос без видимых усилий колет им косточки вишни и черемухи. Тот, кто осмелится взять дубоноса в руки, не зная силы его оружия, непременно поплатится небольшой ранкой: птица легко прокусывает кожу на пальце взрослого человека.

За клюв и дано его обладателю столь выразительное название. Но во внешности дубоноса есть еще одна примечательная особенность — в каждом крыле шесть из десяти главных маховых перьев расширены к концам и фигурно срезаны — у самцов, самок и слетков. Такое строение полетных перьев уникально и играет роль в аэродинамике полета. По росту дубоноса можно сравнить со снегирем, но он вдвое тяжелее, маесивнее красногрудого красавца. Больше у дубоноса и нагрузка на крыло, но скорость и маневренность полета не меньше, чем у снегиря. Только ноги дубоноса кажутся маленькими и слабыми по сравнению с туловищем. Однако когда птица, уцепившись за край корзинки нодсолнечника, переворачивается вниз головой, чтобы достать семечко, это впечатление исчезает.

Голос у дубоноса слабоват, к тому же он молчалив. Тихую весеннюю песню дубоноса можно послушать лишь в те минуты, когда его певческое окружение занято другими делами. Усевшись на тонкой ветке, дубонос, едва приоткрывая толстый клюв, отрывисто и с оттенком жалобы высвистывает всего три ноты: резко и сильно «пиц», довольно невнятно «тссии», безнадежно и жалобно «цик». Распевшись, птица оживляется и повторяет каждую ноту дважды, Тогда у нее получается: «Пиц-пиц, тси-тси, цик-цик». Первая часть будто обращение, потом краткое изложение сути дела, а конец как горестный призыв или жалоба обиженного горемыки. Не песня, а какой-то птичий плач. Но вид у певца в эти минуты самый бравый. Такова песня, а семейное и стайное общение осуществляется однообразным и простым циканьем, за которое воронежские птицеловы в давние времена дали дубоносу второе название — цикал.

Зимовать на Русской равнине остаются самцы-одиночки, а вся масса птиц улетает, хотя и не отлетает далеко от своей гнездовой области, Возвращение дубоносов весной больше похоже на неторопливую прогулку, чем на пролет, Ватажки самцов долго кочуют по садам, байрачным дубравам, окраинам полей. Не замечено, чтобы ранней весной дубоносы, подобно другим зерноядным птицам, кормились молодыми ростками трав. Они в изобилии находят любимый корм на земле, без труда выбирая из лопнувших вишневых и алычевых косточек вкусные ядрышки, луща семена лесных яблонь и груш, подсолнечника и разнообразя этот корм набухшими почками.

Любимое дерево дубоносов — черемуха. К тому времени, когда ее плоды начинают покрываться темным румянцем, взрослые птицы ведут свои выводки в речные долины, в лесные полосы, и из густой черемуховой листвы весь день слышится частое циканье вперемежку с негромким щелканьем. Несколько дней, пока у слетков не окрепли еще клювы, продолжается учебное кормление. Взрослые колют не совсем затвердевшие косточки и оделяют цикающих птенцов водянистыми ядрышками. Освоив простой способ кормежки, молодняк ведет себя тихо, и только чернильные пятна высохшего сока да черная мякоть на зелени листьев выдают места, где пируют семьи дубоносов. Интересно, что гнездовой ареал дубоноса, простираясь на восток, вплоть до Енисея, лежит внутри ареала черемухи.

Будучи одной из самых зерноядных птиц, взрослый дубонос не принадлежит к законченным вегетарианцам и никогда не упускает возможности сменить растительный корм на животный. Есть среди дубоносов даже любители самой мелкой птичьей добычи — тлей. К осени на черешках тополевых листьев разрастаются крепкие галлы, внутри которых сидят колонии тлей, Найдя такое дерево, дубонос кормится на нем до листопада, раскалывая галлы, как орешки, и вылизывая из них сладких и нежных насекомых, почти недоступных другим птицам. В гнездовое время взрослые едят тот же корм, который носят птенцам. А выкармливают они свое потомство почти одними гусеницами — дубовой листовертки и даже непарного шелкопряда. Собирая под деревьями гусениц, когда те, объев всю листву, ползут в поисках новой, дубоносы так обрабатывают их, что на них почти не остается жгучих волосков, и в таком виде отдают птенцам.

Дубонос принадлежит к семейству вьюрковых, но его гнездо не похоже на теплые, непродуваемые постройки местной родни: зяблика, щегла, зеленушки, коноплянки. Это почти просвечивающееся, но довольно плотное сооружение из коротеньких прутиков, выстланное внутри мягким материалом. Строит его самка под неотступным присмотром самца, строит неторопливо, тратя на работу несколько дней, но занимаясь строительством только по утрам. Днем около недостроенного гнезда птиц не бывает. Самка и насиживает почти бессменно, и с птенцами сидит неделю, а кормит всех самец. Его трогательная забота о самке и детях кажется немного несовместимой с грубоватой внешностью и холодновато-строгим взглядом светлых глаз.

Орлан-белохвост

Минувший солнцеворот остановил полугодовое наступление ночи, хотя она еще немного продолжала теснить день, отбирая у него по нескольку утренних минут, и он раздвигал свои границы пока только в одну сторону — вечернюю. О первой прибавке светлого времени мы узнаем лишь по календарю, но в животном мире эта перемена улавливается, наверное, с точностью хронометра. Иначе чем еще можно объяснить, что в самый канун Нового года в последней перед впадением в Дон излучине Северского Донца пара орланов-белохвостов начала строительство нового гнезда. Еще и ворон не затевал своих воздушных игр, еще не слышно морозными ночами жутковатого пения филина, а огромные, похожие на орлов хищники неторопливо принялись за работу.

В непроходимом от весны до ледостава пойменном лесу орланы выбрали крепкую, с сухой вершиной ветлу и в развилке трех толстых ветвей стали складывать основу помоста. С земли в эту пору подобрать нечего: все под снегом. К тому же полугнилые, трухлявые обломки — материал ненадежный. Поэтому приходилось ломать сушняк с ближайших ольхи, осокорей, ив. Среди нескольких оброненных птицами веток у подножия ветлы, воткнувшись толстым концом в снег, торчала сухая, без коры тополевая ветка полутораметровой длины и толщиной в месте излома около трех сантиметров. Такую можно переломить о колено, а руками получится не у каждого. Видимо, птица пикировала на нее с высоты, отламывая с разлета силой удара вытянутых, как при нападении на добычу, толстых лап. Поэтому так медленно шло строительство: за день на еще просвечивающем помосте прибавлялось по две-три ветки, а иногда пара не появлялась в лесу по нескольку суток. Но и при таких темпах времени оставалось достаточно, чтобы к концу февраля гнездо было готово к откладке яиц.

Есть у белохвостов необъясненная пока особенность поведения. В феврале же появляются у старых гнезд те пары, которым не надо строиться заново. Но все равно и они, как бы не давая угаснуть инстинкту гнездостроения, ежегодно добавляют к многолетним постройкам сколько-то нового материала, и гнездо каждый сезон подрастает в высоту и раздвигается вширь. Так что его величина свидетельствует не о старательности и особом трудолюбии хозяев, а о возрасте. Такие сооружения поражают своими размерами: кажется, что еще несколько веток, положенных на огромный, многопудовый помост, и рухнет, не выдержав непомерной тяжести, искалеченное ураганами и грозами старое дерево. В прежней волжской дельте, еще до начала строительства на великой реке первых гидростанций, на западном (Дамчикском) участке Астраханского заповедника было гнездо белохвостов, на котором, поджав ноги, могли бы сидеть четверо-пятеро взрослых людей, а посередине еще бы осталось достаточно места для самовара. И возможно, что тогдашние хозяева владели тем гнездом по наследству.

Гнездо хоперских орланов выглядит еще внушительнее. Попасть в него можно только сверху, потому что ветла, на сучьях которой оно устроено, и на ветлу не похожа: не дерево, а колонна, под стать двухсотлетним дубам Шипова леса. И держится она корнями в земле не слабее тех дубов. Прямой неохватный ствол на могучем основании высоко поднял аккуратную крону. И пока здоров этот гигант, у местных стихий даже сообща не хватит сил свалить или переломить его. Такие деревья заслуживают право носить собственное имя. Нет в мире другой такой ветлы, поэтому и выбрали ее орланы, не соблазнившись ни громадными осокорями, ни дубами соседней Теллермановской рощи. Они по достоинству оценили крепость и надежность уникальной ивы, соорудив на ней свое гнездо.

Здесь птиц не беспокоит никто: место глухое, диковатое. Упавшие деревья и ветки переплетены цепкой ежевикой. Летом крапива непроходима, в рост человека, комары злые и неустрашимые, под травой, как западни, ямы и промоины, топь. Сюда и волки опасаются забегать, если нужда не заставит. Только весной стрекочут вокруг огромного гнезда полевые воробьи, втиснувшие в щели дома орланов собственные гнезда. Хозяев они не боятся, а от прочих врагов, разорителей гнезд, защищены надежно. Даже куница не решится шарить рядом с собственной смертью ради сомнительной удачи.

Есть у белохвостов одна особенность гнездового поведения — строить на семейной территории несколько гнезд. У двух пар, живущих в Хоперском заповеднике, пять гнезд: три у одной, два у другой. Для вывода птенцов всегда используется большое, основное гнездо, а на небольшом, как у ястреба-тетеревятника, помосте, сложенном на одном из соседних деревьев, ночует орлан-отец. И лишь кое-где на безлесных и безлюдных морских побережьях белохвосты могут строить гнезда на скалах, а то и просто на земле.

Этот могучий хищник одинаково охоч до рыбьего, птичьего и звериного мяса почти любой свежести. Он ловит на мелководьях крупных щук, язей, сазанов, лещей, ловко выхватывает из воды снулую, всплывшую вверх брюхом

Слеток
Взрослая птица
Гнездо
Орлан-белохвост
с добычей

рыбу, подбирает такую же, выброшенную волной, на берегу. На богатых рыбных местах молодые орланы с рождения настолько привыкают к вкусу и виду однообразной пищи, что потом не сразу и без обычной для них голодной жадности берут другой корм. Разрывая крупную рыбу на куски, орланы управляются с ней очень быстро, будто нет в ней ни костей, ни острых колючек.

За мелкой птицей не гоняются, предпочитая жертву по своему росту. Ловит на воде лысух, уток, линных гусей, их птенцов-подростков, молодых, еще не умеющих постоять за себя цапель. Нередко подчищает огрехи неудачливых охотников, подбирая убитую дичь или подранков, забившихся в густые заросли. Порой рискует опускаться за легкой добычей в такую чащу трехметровых тростников, что потом выбирается из нее до открытого места пешком, ибо не может, подобно утке или болотному луню, взлететь вертикально вверх, да еще с набитыми до отказа желудком и зобом. Мощные лапы позволяют орлану без труда справляться с зайцем и даже некрупной лисой. Не раз оказывались в его когтях бродячие собаки. Водяные крысы и ондатры — тоже добыча, особенно на больших весенних разливах, которые выживают зверьков из надежных убежищ под открытое небо.

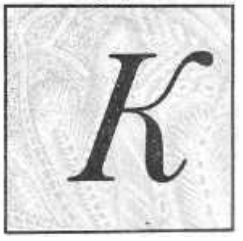
В любое время года, но особенно зимой, белохвосты охотно становятся стервятниками и вместе с воронами, грифами, орлами пируют на трупах павших животных. Почти у каждой зимы находится несколько суровых недель, когда она самоуправно берет дань с крупного зверья. От глубокоснежья и морозов, от жестоких буранов и сильных ожеледей по заповедникам и охотничьим хозяйствам, когда после дождя верхний слой снега смерзается в непробиваемую копытами ледяную броню, немало гибнет оленей, кабанов, сайгаков. Знают белохвосты такие места и каждую зиму облетают их в поисках печальной жертвы стихии. Обилие пищи гасит агрессивность птиц по отношению друг к другу, и бывает, что на одной туше собираются сразу несколько хищников.

Орланов (белохвоста и других) называют еще морскими орлами, но на настоящих крупных орлов — беркута, могильника — они не очень похожи. У орла ноги оперены до пальцев, а у орлана они голые до пятки, как у курицы. Клюв у орлана помассивнее, помощнее. В оперении взрослых птиц много белого цвета. У взрослого, старше пяти лет, белохвоста хвост настолько бел, что силуэт кружащей под кипенным облаком птицы кажется куцым. У молодых эта белизна словно бы густо заляпана ржаво-бурой болотной грязью, да и остальные перья у них значительно темнее, чем у стариков.

При одинаковом с орлом весе хвост орлана заметно короче, и потому сложенные крылья у него концами прикрывают его почти целиком. В полете хвост похож на срезанный углом веер, Двух с половиной метрового размаха крылья позволяют белохвосту без единого взмаха подолгу парить даже в слабых восходящих воздушных токах. Наблюдая это плавное и неторопливое кружение в поднебесье, даже незнакомый с аэродинамикой птичьего полета человек невольно убеждается, что полет огромного хищника в других режимах или очень труден, или почти невозможен. Однако для белохвоста нет нелетной погоды. Это настоящий властелин воздуха. Он одинаково хорошо преодолевает большие пространства и при ясной, безветренной погоде, и при почти штормовой пурге с сырым снегом, над сушей и над морским простором,

Белохвост — долгожитель. Может подолгу голодать, не тратя сил. Выращивая в год всего по одному-два птенца, он мог бы процветать в своем огромном ареале, простирающемся от Центральной Европы до Тихого океана. Но зоологи, выяснив современную численность вида, внесли его в списки Международной и Национальной Красных книг. Даже заповедный режим не всегда спасает белохвостов от гибели. Этот вид пострадал не столько от прямого преследования, браконьерства и разорения гнезд, сколько от беспокойства в гнездовое время, от сведения лесов в поймах больших рек и затопления самих пойм, от загрязнения рек и озер и оскудения их рыбных богатств, от недавнего неумеренного применения в сельском и лесном хозяйстве ДДТ, конечными потребителями которого стали многие рыбоядные птицы. Гибли орланы и на отравленных, оставленных для волков тушах павших животных. Устранение хотя бы половины этих причин позволит белохвостам возвращаться в, казалось бы, навсегда утерянные для них местообитания.

Хохлатый жаворонок



ак-то зимой школьникам большого донского села был задан вопрос, как помогают они зимующим птицам. Ответ был всюду одинаков.

— Синиц кормим.

— А кроме синиц?

— У нас только синицы, воробьи и сороки. Других птиц нет.

Пришлось показать в окно на двух небольших птиц с острыми хохолками, которые клевали у школьного порога раскрошенный и втоптанный в снег кусочек печенья. И весь класс, услышав, что эти свойские птахи — жаворонки, в удивлении прильнул к стеклам.

Был тот чудесный день в начале февраля, когда зима начинает снимать свою «шапку». Позванивали в садах колокольчики синиц, чимкали в густой сирени воробьи, что-то импровизировали сороки, а на обтаявших крышах начинали свою негромкую распевку хохлатые жаворонки. Они безвылетно живут всюду, где гнездятся, являя такой же пример оседлости, как вороны или дятлы, будь это в Северной Африке, Поволжье, Прибалтике или Индии. Их с одинаковой вероятностью можно встретить в безлюдье Кызылкумов и на оживленной окраине большого города, застроенной высотными зданиями. Они постоянно на виду в степных селах, станицах, хуторах и аулах. Правда, зимой, пока снегопады не укрыли землю и есть возможность кормиться семенами диких трав, хохлатый жаворонок независим и попадается на глаза не чаще, чем летом. Но после первой же снежной ночи парочки жаворонков появляются на дорогах и улицах и ведут себя с такой уверенностью и смелостью, будто жили здесь от рождения.

Держась и зимой семейными парами, эти птицы не проявляют взаимной привязанности. будто встреча их на одной улице случайна. И чем труднее с кормом, тем оба бегают подальше друг от друга. Сытые, наоборот, почти всегда рядом. В эту трудную пору их «рабочий» день длиннее, чем у других дневных птиц: начинается с рассветом и заканчивается в сумерках, когда уже нигде не видно воробьев и улетают на ночевку вороны. Ночь они проводят вместе, устраиваясь либо на кучке печной золы, либо на песке под обрывчиком, либо возле хлева, поближе к теплым кучам навоза. Холода они не боятся и спят, спрятав в густое перо ноги и клювы. А вот днем сильный мороз обжигает тонкие жавороночьи пальцы, и птица, собирая крошки, ковыляет, словно калека, то на одной ноге, то на другой, поджав озябшую и опираясь на опущенное крыло.

Глядя, как безбоязненно семенит жаворонок буквально у ног пешеходов или стоящих на остановках пассажиров, можно подумать, что эта безбоязненность от той доверчивости, с которой относятся к человеку некоторые птицы, попадающие в города из совершенно безлюдных мест. Однако хохлатых жаворонков, целыми днями снующих среди людей, доверчивыми не назовешь. Они и в самые морозные или ненастные дни необыкновенно внимательны и осторожны, не уступая в этом отношении даже вороне. Стоит только остановить на птице взгляд и сделать осторожный шаг в ее сторону, как она на всякий случай отбегает от вас подальше, а то и перелетает на другую сторону улицы.

Нет от этого скорохода-подорожника никакой рублевой пользы ни полеводу, ни огороднику. Лишь немногим любителям известен его певческий дар. Если бы не хохолок, то и во внешности ничего привлекательного. Поэтому и внимания к нему никакого: бегает ли по шоссейной обочине, посвистывает ли на бугорке среди захламленного пустыря, или, наоборот, не видно его и-не слышно, и никто не поинтересуется, никто не спохватится, не протянет руку помощи в трудные дни. Да к тому же если и проснется чувство сострадания к терпеливому соседу, то облегчить жизнь независимой птицы вовсе не просто. Даже голодающего жаворонка не накорм\пппь. как синиц на кормушке или воробьев на подоконнике. Стоит лишь остановиться и сделать то движение, бросая щепотку крошек или зерен, на которое стремглав сбегаются куры и летят пернатые попрошайки, как жаворонок, не понимая доброго намерения, улетает, не раздумывая, прочь, словно от коварного подвоха. Поэтомл' приходится хитрить, чтобы никто из воробьев не заметил.

Если хитрый прием удается, жаворонок поступает с подаянием, как с находкой, которую нельзя присваивать целиком, но попробовать, пока никто не видит, можно. Он торопливо, но без жадности, склевывает несколько крупинок, не стремясь сразу насытиться до отвала, и снова семенит по укатанному и утоптанному снегу, не прихватив с собой ни крошки. Если посчастливится найти целое подсолнечное семечко, он зажимает его кончиками клюва и старательно бьет о камешек, асфальт или мерзлую землю, а разбив, аккуратно подбирает все до съедобной пылинки. Если поблизости окажутся голуби или воробьи, то второго семечка даже из целой пригоршни ему уже не достанется.

Вместо того чтобы успеть ухватить еще одно, недогадливый жаворонок принимается отстаивать справедливость силой, устраивая трепку одному из воробьев, и теряет все. Он намного сильнее нахала, но голодный воробей, терпя крепкие тычки и не отбиваясь, а только зажмурившись, торопливо лущит семечки. А когда

ватажка, покончив с чужим угощением, разлетается, раздосадованному жаворонку не остается ни крошки.

Жаворонок не привыкает к опасным ситуациям, но очень точно оценивает степень риска и никогда не взлетит перед несущейся на него автомашиной, а, подпустив ее чуть ли не на метр, быстренько, но с достоинством отбежит в сторону ровно на столько, чтобы не попасть под колесо. Не бежит в страхе прочь, а словно бы уступает дорогу равному. Присматриваясь к каждой соринке на дороге или тротуаре, он всегда успевает увидеть летящего над землей ястреба-перепелятника раньше, чем тот его, и так умело затаивается на открытом месте, что хищник без подозрений пролетает мимо. А вздумай он положиться на крылья, они не спасли бы его в смертельной погоне. Из-за этой осторожности сторонится жаворонок любого дерева, Если на его пути стоит лесная полоса, он никогда не полетит сквозь нее или даже в разрыв ниже вершин деревьев, а, круто взмыв перед зеленой стеной, лишит затаившегося там ястреба возможности ударить сверху. И только подкидыш-кукушонок заставляет его несколько дней рисковать жизнью. Тогда семья жаворонков кормит приемыша и на дереве, присаживаясь в момент кормления на ветку, где просяще пищит кукушонок.

У хохлатого жаворонка красивый голос, который не теряет благозвучия в любой ситуации. Даже негромкое предупреждение сопернику приятно на слух и звучит скорее как вежливая или даже робкая просьба уладить дело миром, нежели как прямая угроза, за которой следует нападение. Благодаря врожденной музыкальности хохлатый жаворонок, как пересмешник, более разборчив, чем такие таланты, как скворец или частая его соседка каменка-плясунья. Практически он может подражать любой певчей

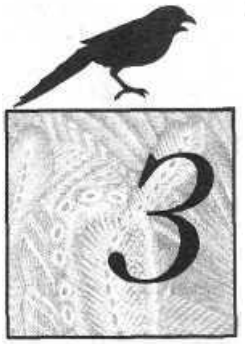
Гнездо

Хохлатый жаворонок с птенцами

птице до абсолютного сходства, предпочитая простенькие мелодии отдельным звукам. От хорошей находки птица приходит в такой восторг, что повторяет ее раз за разом, день за днем, иногда обрабатывая ее на свой лад. Другое дело, что в его повседневном окружении нет хороших певцов, и, верный своему вкусу, он словно бы не слышит ни унылого тирликанья полевых коньков, ни самого бездарного и безголосого из своей родни малого жаворонка, ни серой славки, у которой песню и песней-то не назовешь. Поэтому его легко, буквально за несколько минут, можно научить свистеть «чижика-пыжика». И память музыкальная необыкновенна: через годы вспоминает, казалось бы, навсегда забытый напев.

Весной и летом пернатых певцов всюду множество — и высоких талантов, и так себе. А осенью какие песни? Однако среди наших жаворонков есть и осенние певцы. Один — юла, лесной жаворонок, другой — хохлатый. Но юла попела на лесной опушке, а завтра нет ее. Хохлатый же, пока стоит погода, особенно в бабье лето, поет целыми днями и может зачаровать даже взыскательного слушателя. Еще дрожит в разогретом мареве степная даль, но тишина в ней такая, что шорох пересохших трав под сапогами кажется чересчур громким. И вдруг откуда-то издали в этой тишине возникает чарующе-нежная песня. В ней нет ни единой паузы, постоянно меняется сила звучания, словно то же самое марево то делает звуки едва слышимыми до неразборчивости, то пропускает их громкими и хрустально-чистыми. Поет птица на кочке, на проводе, на столбике, не взлетая. И эта осенняя тихая песня, как некоторые негромкие звуки природы, бывает слышна издали и вблизи одинаково.

Он и весной как-то не очень любит петь на лету, хотя его летные способности не хуже, чем у полевого жаворонка. Крылья у него необыкновенно широки, и в полете это придает ему сходство с летучей мышью. Может взлетать вертикально. Но летает мало. Больше на ногах. Прекрасно бегает, делая шаги шириной более двадцати сантиметров. А когда бежит под ветер — еще шире. Для него нет большего наслаждения, чем искупаться в сухом, сыпучем песке или пыли. А к воде относится почти с ненавистью и только в сильную жару при сухом корме летает или бегает на водопой. Корм берет только с земли. Сам почти круглый год питается семенами, птенцов же, которых выводит дважды за лето, выкармливает насекомыми.



Болыпой сорокопут

Зима выдалась на редкость малоснежной, а после солнцеворота погода и вовсе сделалась похожей на засуху: дни стояли в меру морозные, тихие и ясные. Сначала за час до полудня, а потом все раньше и раньше тепловатым бором и чуточку согревало край большой поляны. Неподвижный воздух тут же начинал светиться множеством ледяных пылинок-искорок, будто был соткан из невидимых нитей, угадываемых лишь по сверкающим на них узелкам. Искрящаяся тишина почти не нарушалась попискиванием синиц и негромким перестуком двух-трех дятлов, от которого, наверное, и вздрагивали те нити, гасли и снова вспыхивали узелки-искорки.

Птиц вокруг поляны было, наверное, больше, чем летом. Но их влекла сюда не красота заиндевелых дубов и сосен, а щедрая кормушка, которую еще по первозимью устроил для них добрый человек, не ленившийся приходить сюда в любую погоду. Поползни, синицы, пухляки, дятлы знали время прихода своего благодетеля: с рассвета они обшаривали деревья в соседних кварталах, но за несколько минут до появления на поляне кормильца словно по зову собирались возле столика, на который из кульков и мешочков вытряхивалась пища.

Кормушка зимой, как и водопой в летнюю жару, — место птичьего общения, где между посетителями складываются отношения хотя и далекие от дружелюбия, но терпимые, без грубых драк, но и не без угроз. В разноплеменных и разноперых компаниях есть кто-то посильнее, посмелее, посмирнее и совсем робкие. Но если корма достаточно, то будут сыты и самые дерзкие, и самые смиренные, будет видимость какого-то порядка. Птицы быстро запоминают и узнают друг друга, понимают, с кем необходимо считаться, кого можно припугнуть.

Человек любил наблюдать за своими подопечными, знал каждого из них в лицо и был озадачен исчезновением в последние дни одной задиристой лазоревки и скромного пухляка. Если это перепелятник, то мирной жизни на поляне конец. Успокаивало, что поблизости не было оставляемых ястребом следов. А тем временем исчез один из трех красавцев-снегирей.

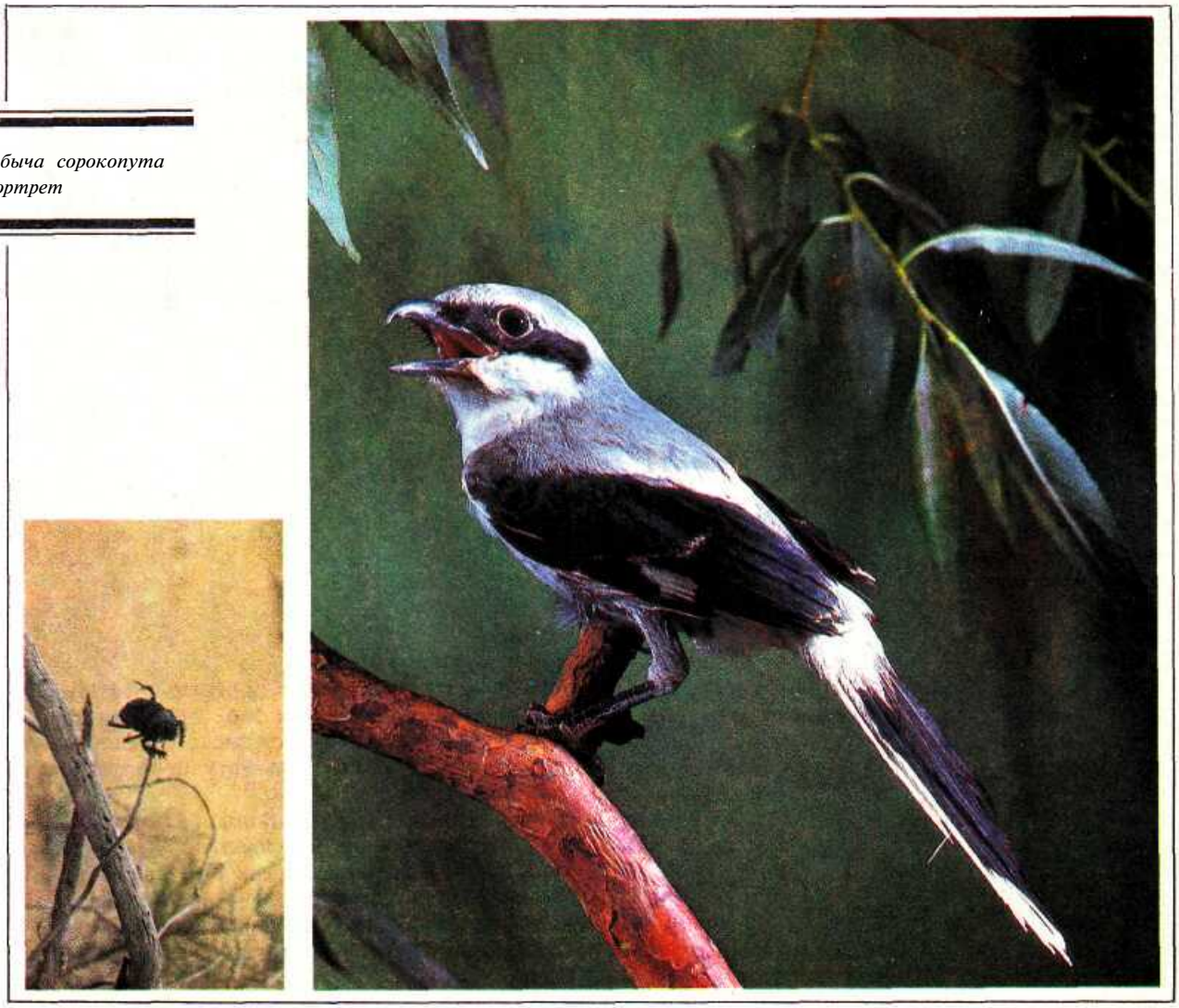
Разгадка пришла лишь в начале февраля.

Ежедневный режим на кормушке был однообразен, как и погода: после кормежки наступал общий перерыв, во время которого на столик никто не садился. Отдыхали кто где, подремыва-

ли, перо чистили, не забывая поглядывать по сторонам. Спокойствие и мир без всяких условий устанавливались на опушке. Но в этот раз вдруг за полчаса до обычного перерыва всех словно ветром сдуло. В панике метнулись под кусты синицы и затаились там. Лишь седой дятел остался на столике, настороженно вздернув, словно коротенькую пику, острый клюв. Какие-то негромкие и неразборчивые звуки на поляне все же остались, но их внезапно прервал неподдельный кошачий вопль, после которого сверху снова полилось невнятное журчание с присвистыванием и повизгиванием. Так обычно начинают свои зимние певческие состязания сойки. Но человек потому и выбрал урочище подальше от поселка, что в него сойки не залетали надолго. Да к тому же лесная птичья мелюзга в эту пору не боится расписных пересмешниц.

На причину общего переполоха клювом, словно перстом, и указывал дятел, внимательно глядя на вершину дуба, где, подставив солнцу светлую, почти белую грудь, пел бродячий певец-хищник, большой сорокопут. Пел от хорошего настроения, вставляя в щебетание один и тот же полудикий кошачий вопль. Но не крик мартовского кота в тихом лесу напугал птиц, которые никогда в жизни и не слышали настоящего мява. Если бы сорокопут просто сидел, молча греясь на солнышке, то и тогда бы ужас, овладевший посетителями кормушки, был не меньше, потому что для пернатых эта певчая птица так же страшна, как и профессиональный птицелов-перепелятник.

С осанкой, подобающей настоящему хищнику, широкогрудый и головастый, сидел он на сухом торчке, как строгий хозяин, изредка резко занося длинный хвост вбок, словно грозя тому, кто посмел при нем пошевелиться там, внизу. Стук палкой по стволу не испугал его, не заставил ни изменить вызывающую позу, ни замол-



Добыча сорокопута
Портрет

чать. В щебетании и выкриках, раздававшихся сверху, не было ничего музыкального или благозвучного, но неясно слышались или угадывались то предсмертный писк синицы, то еще чье-то верещание, издаваемое в крайнем ужасе. У его немногочисленной родни, других сорокопутов, способность перенимать чужие голоса часто доходит до совершенства, и их приятно слушать, как певцов с хорошим вкусом. Этот же словно специально собирает что похуже: не песни, а последние вскрики своих жертв. А «кота» прихватил либо на кордоне, либо в лесной деревне, где охотился на воробьев.

В названии этой птицы нет ничего странного. Старинное толкование по созвучию с «сорока пудами» лишено смысла, так же как и другое объяснение, что своим бормотанием сорокопут, словно сорока, плетет другим птицам путы. А вот внешнее сходство с сорокой настолько очевидно, что излишне искать иное происхождение этого слова. Дважды мне представился случай наблюдать полет сорокопута из окна самолета. Причем в разное время года: мы летели над снежной равниной и над черной зябью. Я узнал его сразу, но первой мыслью было: «До чего на сороку смахивает!» А летчик, не знавший никаких птиц, кроме сороки, скворца и утки, увидев мелькание черно-белых крыльев, так и сказал: «Какая-то чудная сорока». По-немецки и по-французски слова «сорок» и «сорока» разных корней, а сорокопут называется кустарниковой сорокой и серой сорокой. У поляков он просто сорокач.

Зато видовое название переводится с латыни как палач-караульщик. Караульщик потому, что добычу высматривает, не прячась, с видного места, откуда и бросается на неосмотрительную жертву. А нападение сверху всегда удачнее, чем погоня. Хотя за птицей сорокопут может гнаться более километра и схватить ее на лету, как хватает жука. Охотясь на мышей и лягушек в густой траве. может повисать на месте, как пустельга. Укрывшуюся пол густыми ветками жертву выпугивает, как перепелятник, словно бы приплясывая над ней и всплескивая крыльями. Это когда самому в колючки лезть не хочется. Палач, наверное. за то, что нередко убивает сверх всякой меры и надобности. В этом отношении его просто не с кем сравнить. Ястреб-тетеревятник, забравшнсь в голодном отчаянии в утиный садок, хватает кого попало, но. наевшись, уже не обращает внимания на остальных: живите! Сорокопут. очутившись в неволе и посаженный в мешок, где уже были щеглы, зеленушки и овеянки. за несколько минут оторвал головы всем таким же узникам, как сам. Про запас? Нисколько.

В тех местах, где он живет хотя бы временно, видят иногда не его самого, а словно бы про запас оставленную добычу: лягушонка, большого жука, ящерицу, насаженных на острые колючки белой акации, боярышника, шиповника. Охотник цепляет жертву на шип не абы как, а непременно головой вверх: мышь, например, часто вешает за ухо. Накалывает ради удобства разделки добычи, а где нет колючих деревьев и кустарников, управляется с ней по-ястребиному — на земле или толстой ветке. Запас хозяева всегда прячут от чужого глаза, а то, что остается на виду, — недоеденное и лишнее. Когда с добычей туговато, сорокопут съедает сколько может, оставляя от полевки одну-две задних лапки да коротенький хвостик. Если же мыши или ящерицы снуют повсюду, охотник ловит уже не лишь бы насытиться, а чтобы полакомиться изысканными кусочками, выклевывая у жертвы мозг и оставляя остальное мухам,

Сорокопут смел не только с теми, кто слабее и меньше его. Он только тетеревятника остерегается. Да и на того покрикивает из-за куста. А с остальными...

Весной 1984 года пара сорокопутов поселилась на старой, но еще не заросшей сече в Хреневском бору на юге Черноземья, где много лет полновластными хозяевами жили орлы-могильники и вороны. Сорокопут выбрал место не по неведению; он появился на вырубке, когда ворон уже кормил своих птенцов, а орлица грела первое яйцо. Ни орлов, ни воронов он не счел даже ровней и первым делом, кажется, занялся тем, чтобы дать им острастку, дабы держались от его гнезда стороной, и добился этого. А ворона, летавшая из соседнего квартала к реке, старалась не каркать в воздушном пространстве его участка.

Но сорокопуту этого показалось мало, и, пока у него в гнезде не появились птенцы, он ежедневно в буквальном смысле терроризировал орлицу-наседку и на гнезде, и в стороне от него, Он по два-три раза на день прилетал на орлиное дерево, усаживался на макушку сосны над гнездом, выкрикивал свой боевой клич, воинственно размахивал хвостом и, доведя себя до отчаянности, камнем падал на спину орлицы, ударяя клювом в перья сложенных крыльев. А та, привыкнув к дерзким выходкам, даже не оборачивалась: прямо Слон и Моська птичьего мира. Зато вне гнезда царица побаивалась серого наглеца, который даже в присутствии орла беспрестанными наскоками не давал огромной птице вернуться на помост после утреннего туалета или кормежки и на лету целил клюнуть именно в голову.

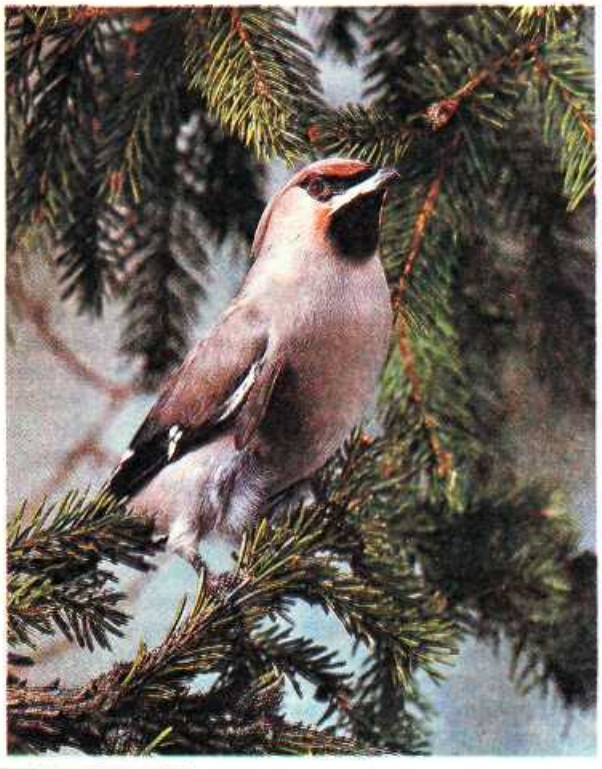
Таков он, серый, или большой, сорокопут, и на Мещере, и в саксаульниках азиатских пустынь, и в таежных лесах Канады, Карелии, Сибири. Пока семья и дети — две птицы рядом; кончились заботы — каждый становится одиночкой, словно нигде у него никакой родни и не было.

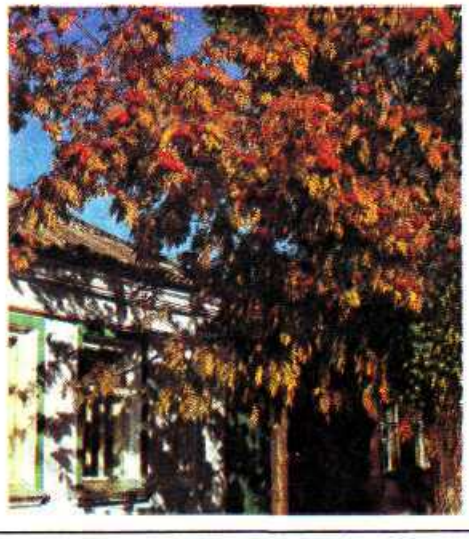
Свиристель

Ни одна из примет народного месяцеслова не предвещала такой свирепой зимы, как прошлая. Небывалый морозище ахнул в самый канун нового 1979 года, снега за два дня навалило — ни проехать, ни пройти. Попрятались и молчали озябшие воробьи, едва попискивали не отлетавшие от кормушек синицы. Искреннее сочувствие вызывали нахохлившиеся вороны, и чуть ли не на лету замерзали красивые дрозды-рябинники.

В городе было ничуть не теплее, чем в лесу или в поле, но на дворах и на улицах как ни в чем не бывало пировали на застывших рябинах красавцы-свиристели. Большие стаи хохлатых птиц, не пугаясь ни автобусов, ни пешеходов, с завидным проворством ощипывали рябиновые гроздья и торопливо глотали твердые, как камень, сладковатые ягоды вместе с налипшими на них снежинками. Разность температур птичьего тела и мороженых ягод была, пожалуй, более семидесяти градусов, но свиристели так поспешно срывали и проглатывали красные ледышки, словно опасались, что не каждому достанется его доля. Проглотив три-четыре ягоды на ветке, птицы уносили в клюве еще по одной, проглатывая их уже на лету. В сумерки все улетели в лес, а на рассвете снова были у тех деревьев, которые не успели ощипать до вечера.

Всего на две недели хватило пернатым кочевникам могучего урожая рябины, и стаи исчезли так же внезапно, как и появились, то ли до весны, то ли до будущей осени. И не предугадать их пути, не предсказать сроков кочевья.





Свиристель
Калина
Рябина

Сто двадцать лет назад Альфред Брем, начиная свой рассказ о свиристеле, написал: «Необыкновенное всегда считалось чудесным, ибо чудесное начинается там, где оканчивается понимание». Внезапное и неожиданное появление неизвестных птиц в странах Европы порождало в народе суеверия, считалось причиной бед и горя, дороговизны и даже войн. Да и орнитологи тех времен знали о свиристеле немного: первое гнездо этой птицы было найдено в Лапландии только в 1856 году за награду в триста серебряных талеров — деньги, видимо, немалые.

Давно стала понятной причина осенних и зимних нашествий свиристелей на города Европы и пустыни Казахстана, известны границы гнездовой области этих птиц, изучены размножение, питание, линька. Но ореол загадочности вокруг хохлатых красавцев все-таки не исчез. Что задает их стаям изначальное направление путешествия и обеспечивает возвращение на родину уже другим путем? Ведь осенние и весенние маршруты их миграций не совпадают, а стаи летят по ним, не видя друг друга, но придерживаясь одного и того же курса, будто подчиняясь обязательному заданию, год от года разному.

В детстве я считал свиристелей самыми редкими гостями нашего Подворонежья (разных орлов, филина, журавлей и то чаще видел). Так оно и было, потому что во всем городе росли, наверное, два-три деревца рябины, урожай с которых мы, опережая друг друга, обрывали сами в первый же день учебного года. Потом шли в пригородный парк за спелой барыней (так в наших местах называют боярышник), и птицам к началу золотой осени оставались только рубиновые гроздья гадючьего паслена, черные с синевой ягоды девичьего винограда и смоляные кисти бузины.

Потом было страшное время, когда в сожженном и взорванном городе не было ни людей, ни птиц. Мирный Воронеж, возвращая себе славу зеленого города, стал избавлять свои улицы и скверы от однообразия и преждевременной желтизны чужеземных кленов. Вдоль домов и дорог поднялись ряды густых лип, широколистных каштанов, раскидистых ясеней, белоствольных берез, душистых акаций и нежных песенных рябин. Из тонких хворостинок выросли крепкие деревца, и осенью все сильнее гнутся их ветки от наливной тяжести оранжево-алых гроздьев.

Бедных даров у рябины не бывает, и с изобилием уже не могли управиться случайные стайки дроздов-рябинников и снегири. Нужен был массовый потребитель, который нашелся довольно быстро: северные кочевники-свиристели включили город в число обязательно посещаемых мест. И чуть ли не каждую осень их звенящие стаи стали останавливаться там, где пировали прошлые годы. Если задерживались где-то на хороших кормах осенью, прилетали зимой, Густо облепив рябину, свиристели рвут и глотают ягоду за ягодой, и поначалу, даже в спешке, никто не обронит ни одной, но потом все меньше рябины остается на ветках, все больше ее краснеет на земле, асфальте или снегу, и никто из птиц не спускается вниз, чтобы подобрать рассыпанное. Меня всегда удивляла эта непонятная расточительность свиристелей, одинаковая и при изобилии корма и при его недостатке. Брошенные ягоды не отличаются ни видом, ни вкусом от тех, которые будут проглочены, тем более что вкус рябинового яблочка можно ощутить, только раздавив во рту, а свиристели глотают их целиком.

Похоже, что у некоторых птиц в стае есть что-то вроде скверной забавы. Такие, утолив голод, снова возвращаются на куст или деревце и, словно от безделья, начинают срывать ягоду за ягодой и бросать их, будто отыскивая какую-то заветную.

На игру это не похоже. Во-первых, ни птицы, ни звери, живущие в стае, не развлекаются каждый сам по себе. Во-вторых, слишком однообразна у всех эта странная забава, и никого не интересует ее результат. Но ведь в каждом действии должен быть очевидный или скрытый смысл. Этот смысл становится понятным только во время весеннего возвращения свиристелей,

Не потерявшие ни своей красоты, ни степенности птицы, может быть, по старой памяти находят весной оголенные рябиновые деревья и с талого снега, с холодной земли подбирают моченые ягоды, оборванные ими самими или же их соплеменниками еще по осени или зимой. Выходит, что не сорили тогда даровым угощением, а делали запас на обратный путь, пусть не для себя, но для своих, для всех птиц своего вида. А если бы сразу подчистили все до ягодки, туговато пришлось бы на опустошенной самими же дороге домой, пришлось бы перебиваться на мусорных ящиках яблочными огрызками, на улицах — голубиным и воробьиным кормом, в лесу — осиновыми почками.

Все, кто делает на зиму запас, возле него и живут, пока не подъедят последние крошки. Но свиристели — кочевники: им и с собой не взять, и кладовых у них нет, куда они прятали бы лишний корм, вот и бросают наземь, будь то рябина, калина, боярышник или что другое, чтобы покрыло снегом. На холодной земле под снегом ягоды сохраняются почти в свежем виде. Даже если потеряют свой прежний привлекательный вид плодики рябины или боярышника и немного раскиснут от снеговой влаги, они будут съедобны для свиристелей, а те ягоды, что останутся на ветвях, или вороны оборвут в оттепели, или высохнут они от морозов, почернеют и прогоркнут, и никому не будет от них проку,

Считалось, что весной свиристели не возвращаются на родину по разоренной ими же самими

осенней дороге, где было ощипано все до ягодки. Но в птичьем мире исключения не так редко становятся правилами, и наоборот. Поэтому нет ничего невероятного в том, что озеленение городов и посадка полезащитных лесополос за несколько лет изменили поведение свиристелей, получивших настоящее сверхизобилие корма, и зимние скитальцы начинают возвращаться в евою тайгу через те же места, где останавливались по осени.

Съесть свиристель может действительно очень много. Но что это за еда? Ведь самое ценное и питательное из яблочек рябины и кизильника, из плодов калины и боярышника — их семена — проходит через организм птицы за несколько минут без изменений. Земля под деревьями, где после кормежки отдыхает стая свиристелей, бывает сплошь устлана этими семенами. Для голубей же эти отходы — настоящий дар, и они, толкая друг друга, жадно клюют даровое угощение.

В самое холодное время года свиристели живут исключительно на ягодных соках и чувствуют себя, видимо, неплохо. Когда смотришь, как свиристель торопливо срывает и глотает промороженные в камень ягоды, то невольно ощущаешь мурашки на собственной спине-и начинает ломить зубы. Ладонь немеет от горсти стылой рябины, а ведь птице надо отогреть эти ледышки внутри себя своим же теплом.

Чтобы лучше понять, что такое зимняя трапеза свиристеля, представьте, что вам на морозе и ветру за полминуты надо проглотить полпуда фруктового мороженого да еще запить его ледяной водой или заесть скрипящим снежком — птицы эти даже на таком сочном корме много и часто пьют. И не имеет значения, в каком виде будет вода: жидком, сыпучем, твердом. Лишь бы было ее достаточно.

Кажется, именно в питье кроется одна из причин того,-что в морозное бесснежье стая за стаей, как в паническом бегстве, покидают места, где вкусного урожая хватило бы на всех свиристелей планеты. Если нечего пить, свиристелей не удержать и свежим виноградом: улетят, не возвращаясь. Так было в морозный, засушливый ноябрь 1975 года по всему Черноземью. Тогда в одну ночь, без ветра ушли с неба низкие тучи, похолодало, и вечерний туман замерз на кончиках веточек тополей и кленов. Полуденное ноябрьское солнце немного согрело мир, и ледяные капельки снова стали превращаться в сверкающие капли воды. Прямо с присадистых кустов боярышника свиристели взлетали на макушки деревьев и, повисая вниз головой, проглатывали подтаивающие льдинки, пока те не успели превратиться в капли и упасть на землю.

Когда обсохли веточки, стая нашла еще один выход из положения и продержалась на хороших кормах еще два дня. По дороге тракторы и автомобили чуть ли не в пыль искрошили лед промороженных луж, и хохлатые птицы несколько раз на день прилетали утолять жажду на серое (с пылью) ледяное крошево, как на настоящий водопой.

Они все делают вместе: вместе отдыхают, вместе ищут корм и кормятся, вместе пьют, толпой налетая на маленькую лужицу, вместе ночуют и никогда не ссорятся. Как и у скворцов или ласточек, свиристель-одиночка — большая редкость.

Стаю летящих свиристелей издали вполне можно принять за скворцов, хотя это птицы разных сезонов. Но в последние годы большие стаи скворцов все чаще стали зимовать в городах Восточной Европы. У свиристелей также согласован каждый маневр стаи, но по сравнению со скворцами их можно назвать асами: то они плавно тянут над городскими кварталами, разыскивая еще не ощипанные рябины, то до предела снижают скорость полета на виражах, то вдруг с такой стремительностью проносятся в густом переплетении ветвей, что не уследить взглядом, И по этому мастерству безошибочно угадываются лесные жители, которые в таежной чаще так же проворны, как и в светлом редколесье,

Но такое случается с ними редко: на воздушные игры нужна лишняя энергия, а все, как раз наоборот, подчинено жесткой ее экономии. Получая с пищей скудную энергию в ту пору, когда ее надо больше, чем в другие сезоны, свиристели умеют беречь ее, расходуя дневной запас только на собственный обогрев и перелет к месту ночевки и обратно. Ни игр, ни лишних полетов, ни громких криков. Поэтому так малоподвижны, вроде даже ленивы или необыкновенно степенны свиристели, так доверчивы и непугливы. В лишних движениях теряется драгоценное тепло, хотя птицы великолепно одеты для непогоды.

Проглотив порцию рябиновых яблочек, взлетают все на высокое дерево и спокойно сидят там несколько минут, лишь ветер встрепывает их зачесанные назад хохолки. Но теперь в городах самые высокие места не макушки тополей, а телевизионные антенны на крышах новых домов. И антенны такие, что на каждую может, не теснясь, сесть добрая сотня птиц. Садятся не как попало, а все грудью к ветру и на одинаковом расстоянии сосед от соседа,

Ярких красок у свиристелей немного, но спутать их по внешности с другой птицей нельзя: бархатисто-черное пятно под клювом и такой же черноты полоска через глаз, лимонно-желтая лента на конце хвоста и узкая кайма того же цвета на сложенном крыле. Недлинный хвост снизу прикрыт каштановыми перьями. Остроза-чесанный хохол — с красноватым оттенком, а остальное перо того не имеющего точного назва-

ния цвета, как цвет дорожной пыли или осенних туч, едва подсвеченных закатным солнцем. Края рта очерчены беловатой каймой, придающей взрослой птице некоторое сходство с птенцом-слетком. Но самое замечательное в наряде свиристеля — это несколько ярко-красных пластиночек на кончиках перьев крыла.

Немцы называют его шелкохвостом, англичане — вескокрылом, на Украине он омелюх — за особое пристрастие к ягодам омелы, которую и разносит по белу свету, но только в одном направлении, в южную сторону. Русское название — свиристель — дано за голос. Однако зимой и осенью свиристели не только свистят. Кроме приятной, серебристой трельки есть у них и другие сигналы: тихая, трескучая, как у ополовничков, трель, какие-то журчащие звуки, которыми птицы обмениваются, когда спокойны и сыты. Однако эти сигналы настолько тихи, что их удается слышать, лишь случайно очутившись в середине стаи.

Я бывал на родине свиристелей, но хорошо знаю лишь ту половину их жизни, которую они проводят в скитаниях. А там, в северных лесах, это совсем другие птицы. Там они настоящие лесные жители, а в скитаниях чувствуют себя свободно в шумной городской обстановке. В Заполярье в пору солнечных ночей они ничего, кроме насекомых, не едят, здесь же клюют мороженые рябину, яблоки и почки. Там у каждой пары своя территория, здесь нет пар, здесь для всех стай все общее, и никогда не бывает между ними ссор из-за корма.

Когда-то редкие гости городов, а теперь, прилетая почти из года в год в те места, где зимой рады всякой птице, свиристели должны были научиться чему-то еще, кроме как рябину глотать да клевать промороженные яблоки. И научились. Стали чуть ли не выпрашивать по балконам и окнам свой привычный корм, стали вместе с городскими воробьями хлеб и каши есть на кормушках. А это уже еда посытнее. Поэтому теперь чуть ли не в любой день зимы где-нибудь да услышишь на улице, как потихоньку свистят две-три птицы, не пожелавшие лететь с остальными в поисках лучших мест. Но когда придет апрель, их не удержать на лишний день ни пучком калины, ни иным лакомством.

Многие свиристели уже не первую зиму прилетают в наш город, ведя с собой новичков, незнакомых с городской обстановкой. Ночевать, однако, все до единого улетают в лес. Потом там, под соснами, где хотя бы раз останавливалась на ночевку стая свиристелей, поднимется густая поросль молодых рябинок, посеянных зимними странниками, хохлатыми птицами-красавцами.

Лазоревка

Пасмурный, неморозный и тихий декабрьский день. Ни солнца, ни теней, ни снежного блеска. Тяжелеет шапка зимы, хотя еще и лед слабоват, и нет хороших сугробов. Однако лихой ветер-северянин в одну ночь так продул речную долину, что смел в береговые ивняки почти половину снега, который лег было на открытый луг, и так завалил им несгибаемую щетку сухих тростников, что не пройти сквозь нее пешему. Мороз высушил бамбуковой крепости стебли и жесткие ленты листьев, и шуршат они при малейшем дуновении. И одинокий рыболов то смотрит на поплавок в темной лунке, то с беспокойством поглядывает туда, где в тростниковой чаще раздается громкий шорох. Даже не шорох, а почти треск, будто там напролом пробивается к открытому месту заблудившийся кабан.

Шум постепенно приближается к берегу, и вскоре становится различимо мелькание крошечных птичьих силуэтов: в обычном поиске зимнего корма снует в тростниках маленькая стайка лазоревок. Облик и повадки выдают принадлежность птиц к синичьему племени. У каждой светло-лазоревая «шапочка» величиной с копейку, того же оттенка сложенные крылья и хвост. Приятная голубизна летнего неба на птичьем пере отозвалась в имени маленькой европейской синички.

Назвать лазоревку лесной птицей можно лишь с оговоркой, и не только потому, что она избегает темнохвойных лесов. Она не очень частый обитатель и светлых боров и в островных дубравах предпочитает держаться поближе к опушкам. Да и там ее голос слышится реже, нежели в старых садах, парках и даже полезащитных лесополосах. Любит она поймы Спокойных, равнинных рек с ольховыми, тополевыми, ивовыми левадами. Здесь можно встретить ее в любой сезон, здесь всегда для нее корм, который она собирает с веток, листьев, коры стволов, с высоких болотных и прибрежных трав. Достается ей какая-то доля урожая ольхи, которую болотное дерево рассевает по снегу с середины зимы.

Чем западнее, тем сильнее у лазоревки склонность к оседлости. А на Русской равнине в иные годы она ведет себя почти как перелетный вид, и не каждую зиму удается встретить в самых любимых ее местах хотя бы десяток птиц-одиночек. И осенние кочевки начинает она очень рано, покидая гнездовые места до настоящего отлета деревенских ласточек, золотистых щурок и пеночек.

Портрет
С добычей
У дупла
Лазоревка у синичника
Семья
На кормушке

В другие же годы кочевые стайки до весны не покидают листопадные леса.

Зимой лазоревки как-то не ищут компании других птиц из своей синичьей родни, редко сопровождают дятлов, словно бы проявляя особую независимость. Попав на общую кормушку, маленькая лазоревка сразу же становится на ней полновластной хозяйкой и даже деспотом, отгоняя от корма тех, кто больше ее ростом, а стало быть, и сильнее. И пусть на кормушке будет целый ворох семечек, она без колебаний бросится на поползня или большую синицу, если кто-то из них хотя бы попытается взять семечко раньше ее. И вовсе не голод заставляет лазоревку быть такой агрессивной. Она и в иных случаях жизни отстаивает свои права, нападая первой. Весной не каждая пара скворцов решится на захват дупла, занятого семьей лазоревок.

Постройка гнезда для первого выводка у лазоревок начинается по-синичьи рано. Выводков бывает два в сезон, и забот с ними немало. При строительстве самец не помогает самке в доставке материала, но и не остается безучастным. Он как бы присматривает за жильем, не отлучаясь от него, чтобы хозяином не стал кто-то из бездомных соседей. Как только самка прилетает с перышком или пучком шерстинок, он залетает в гнездовье следом за ней и остается там несколько секунд уже после того, как она улетит за новой ношей. Возможно, что укладка материала в нужном порядке — это в какой-то мере и его забота.

Гнездо лазоревки должно быть не просто теплым, а очень теплым. Ведь наседка согревает своим маленьким телом десяток, а то и полтора яиц, общий вес которых больше ее собственного. Гнездо устраивается по общему синичьему стандарту и выстилается толстым слоем шерсти и перьев. Наседка лежит в нем, словно на пышно взбитой перине. Основание и стенки выкладываются из материала погрубее — мочала, травинок, мха. Чем просторнее дупло, тем больше приходится самке носить в него всякой ветоши, чтобы заполнить лишнее пространство, тем больше уходит на это времени.

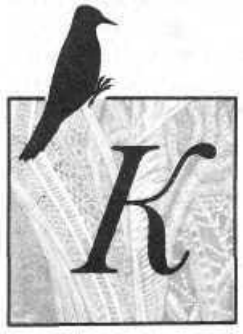
В период строительства первого, весеннего, гнезда с нужным для выстилки лотка материалом везде плоховато. Перо можно найти лишь на том месте, где ощипывал добычу ястреб. Из зверей в апреле только зайцы линять начинают. Но зато встреча с улегшимся на дневку русаком оборачивается для лазоревки необыкновенной удачей. Она нащипывает с клокастой, облезающей заячьей спины столько отличной, тонкой шерсти, что заполняет ею дупло, чуть ли не оставляя без места себя саму. Если, наблюдая за работающей лазоревкой, неподвижно посидеть или постоять несколько минут неподалеку от ее дупла, то можно почувствовать на собственной шевелюре ее силенку и усердие. К человеку возле гнезда эта птица относится довольно спокойно и доверчиво. Самку на гнезде можно даже погладить, и она не замрет от ужаса, а постарается ущипнуть за палец.

Во время двухнедельного насиживания забота о кормлении наседки целиком лежит на самце, Однако в гнезде он ее только подкармливает, Может быть, и не столь обременительно летать к дуплу с каждым насекомым, но у лазоревок сложилась своеобразная тактика: самец по-настоящему кормит самку во время ее непродолжительных отлучек с яиц. Она и сама высматривает, чем можно поживиться, но вроде не знает, как это делается. А самец то и дело подлетает к ней и кладет, как птенцу, в раскрытый клюв все, что находит съестного. Получается и быстро, и в стороне от «дома», и самка не тратит на поиск корма энергию, которая нужна для обогрева яиц. Да и птенцов в первые дни их жизни приходится греть столь же усердно, особенно во время ненастья.

Лазоревки — певцы далеко не первого десятка. Еще до прихода весны слышится их короткая и негромкая трелька, которая потом повторяется тысячи раз в одном и том же ритме и которую мы считаем их территориальной песней. Для нашего слуха совершенно одинаково поют и самцы и самки. К тому же в паре обе птицы на глаз неразличимы. Возможно, что «песня» самца нам или неизвестна, или ее нет у него совсем. Ведь песня, скажем, иволги-самца очень тиха и невнятна, а красивый свист одинаков у всех взрослых птиц. У самок флейтовые переливы звучат даже с большим чувством и богаче оттенками, а молодняк начинает настраивать свои «флейты» еще до отлета.

Миловидный облик лазоревки создает обманчивое впечатление кротости нрава. Коротенький, даже для ее роста, клювик вроде бы не оружие для защиты, а тем более нападения. Но оказывается, лазоревка может им ущипнуть больнее, чем ударить. Он у нее как маленькие и крепкие щипчики, кончики которых могут сходиться под разными углами. Таким инструментом очень удобно снимать с веточек, с почек крошечные яички тлей, с коры — крепко приклеенных щитовок, выбирать из сережек березовые орешки. Вот долбить этим клювиком твердые семена подсолнечника, как большие синицы, невозможно, и лазоревка как бы отгрызает кусочек скорлупы и через маленькое отверстие вытаскивает крошки ядрышка. По таким скорлупкам и можно определить, что прилетела к птичьей столевой и лазоревка, которая вообще-то бывает нечастой гостьей на даровом угощении, даже и в трудную пору.

Седой дятел



Когда-то почти в каждом обходе всех лесничеств Усманского и Хреновского боров, Шиповой дубравы и других островных лесов стояли старинные кордоны: дом, один-два сарая, иногда — банька. И бани, и сараи, и бревенчатые дома обмазывали для тепла местной штукатуркой толстым, пальца в три-четыре, слоем. Крепкая и легкая, она могла держаться без ремонта десятилетиями, но подмазывать стены приходилось лесникам ежегодно, после каждой зимы. К весне побеленные дома с одной-двух, а то и со всех четырех сторон становились грязно-конопатыми от множества глубоких щербин, словно кто-то держал те кордоны в осаде, паля в стены самой крупной картечью, но притом стараясь, чтобы в окна и двери не попадало и чтобы крыша оставалась цела. Поначалу я, как гость, как-то и не обращал внимания на это странное вредительство или глупое озорство, пока в одну из зим не стал очевидцем птичьих «проказ».

Второй день неожиданной январской оттепели начался бойким дождем, быстро смывшим серебро свежего инея со стволов берез и осин, остатки снега с сосновых веток. В такую погоду ни в одном лесу не услышишь перестука дятлов, предпочитающих отсиживаться в сухих дуплах, чтобы не мочить перо. Поэтому возле Кряжевского кордона меня удивил знакомый стук синкопами: где-то впереди долбил крупный дятел. Странным было поведение лесного мастера (дождь все-таки), и странным был звук, вроде как не по дереву. Но когда я вышел на поляну, стук оборвался и никакого дятла вблизи не оказалось. ,

Из трубы стлался негустой дымок, и, значит, можно было обсушить шапку и куртку, чтобы, не промокнув до нитки, дойти до станции. Хозяин, зная, зачем его гость в непогоду бродит в бору, начал с лесных новостей, но в комнате раздался отчетливый, хотя и сильно приглушенный, стук дятла. На мой вопросительный взгляд лесник ответил сразу: «Там дятел зеленый из верхних венцов шашеля выковыривает. Там ему тепло, шашелю-то. Он и зимой бревна точит. Дятел слышит, где червь грызет дерево, там и долбит».

Тогда и стало понятно, почему дятел стучал в дождь: работал он под широким навесом крыши и капли на него не падали. И хотя занимался он добрым делом, «лечил» дом, но осторожничал. Как только человек выходил на крыльцо, «лекарь» мгновенно скрывался за углом, откуда украдкой, словно бы воровато, выглядывал, можно ли продолжать работу и не попадет ли ему за это. Работая на дереве, птица ведет себя намного смелее.

Спина у этого дятла действительно зеленая, того оттенка, который зимой держится на сосновой хвое, как бы с легкой желтинкой. А самый низ спины, прикрытый концами крыльев, зеленовато-золотой, хризолитовый. Но зовут этого дятла не зеленым, а седым за обилие светло-серого пера. Интересно, что у многих птиц, у которых расцветка наряда меняется без смены оперения, самым ярким и пестрым он становится к весне и даже к лету. У седого дятла, наоборот, спина к лету не только тускнеет, но вроде бы подергивается настоящей сероватой сединой. Самец, как у всех наших дятлов, немного наряднее самки: у него на лбу атласно-красное пятнышко с двухкопеечную монетку. Всего остального у обоих поровну.

У седого известность птицы-муравьеда: с весны до осени, почти полгода, его благополучие держится на всех видах лесных муравьев. Пестрые дятлы избегают лесов, где нет больных деревьев, в которых можно долбить дупла для вывода потомства или для ночевки зимой. Седому этого мало: он не будет гнездиться в том лесу, где нет муравьев, потому что там не вырастить ему и одного птенца, не то что шестерых — восьмерых. Пример? В похожих на настоящие леса полезащитных полосах Докучаевского оазиса в Каменной степи, едва им перевалило за пятьдесят, уже жили оседло и малый, и средний, и большой пестрые дятлы, а седой появлялся, лишь бродяжничая окрест, зимой. Прошло еще почти пятьдесят лет, и ни одна пара так и не загнездилась в насаждениях оазиса, в которых почти нет муравьев.

Берет он дань с муравьев в любой стадии развития этих насекомых, то есть и личинками, и куколками (муравьиным «яйцом»), и взрослыми. Обирает племена смелых рыжих и краснощеких лесных муравьев, злющих и бесстрашных песчаных, добродушных великанов-древоточцев, черных садовых лазиусов, но со всех — в меру; и не слабеет, не редеет по его вине население муравьиных держав. Первыми, ранней весной, начинают платить ту дань крепкие семьи рыжих. Едва апрельское солнце освободит от снега купола муравейников, как из остывшего подземелья высыпают тысячи теплоносов. С этого дня для всех седых остаются позади трудные дни поиска корма: слизнуть две-три сотни из сплошной массы муравьев — дело нескольких минут.

У этого муравьятника врожденное знание тактики пестования потомства всех видов местных муравьев. Без специального обучения слеток, только что покинувший дом, — это уже настоящий муравьиный следопыт, которого интересуют лишь те ходы и щели, которыми пользуется его добыча. На дырочки, оставлен-

ные на лесных тропинках и дорогах дождевыми червями, пчелками, мокрицами, этот юнец и внимания не обращает.

Лучшая пора в жизни седых дятлов — теплое и сырое, с частыми грозовыми ливнями лето: постоянно сыты сами и нет забот с кормлением птенцов. Дожди не очень осложняют жизнь разных муравьев, но хлопот рабочим прибавляют, заставляя их то опускать личинок и куколок в подземелья, чтобы не мокли, то поднимать поближе к поверхности, чтобы согрелись и не заболели. А черным лазиусам еще приходится чуть ли не ежедневно строить или ремонтировать земляные кучки-инкубаторы с мелкими камерами внутри, где и зреет муравьиный расплод,

Поутру дятлы не спешат с поисками корма. У них хватает терпения подождать, пока поднимется повыше солнце, пока оно обогреет муравейники, пока муравьиные няньки вынесут поближе к теплу новое поколение, упакованное в мягкие коконы, и уложат поспевающее «яйцо» под тонкими и ненадежными земляными сводами. Начинать охоту, а вернее, грабеж раньше было бы нерасчетливо: обеспокоенные муравьи тут же попрятали бы и личинок, и куколок обратно до следующего утра.

Птица наугад неуловимо быстрыми ударами клюва разбрасывает в стороны землю с кучки-инкубатора. Разворошив рыхлое сооружение, она торопливо, пока хозяева в панике, точными двюкениями длинного языка, даже не наклоняясь. слизывает «яйца» вместе с вцепившимися в них муравьями. Грабитель действует совершенно безнаказанно, стоя среди толпы обозленных защитников муравейника, у которых и оружие есть, и самоотверженности хватает, да поделать они ничего не могут: укусить дятла не за что. Уязвим у него только молниеносно выскакивающий из клюва язык, за который хвататься рискованно: если и успеешь, то тут же и сам распрощаешься с белым светом.

Не в лучшем положении оказываются перед седым и те семьи лазиусов, которые укладывают «яйцо» под корой старых пней и буреломных валежин. У них дятел, не особенно тревожа самих, аккуратно достает куколки языком сквозь такие щели, в которые может протиснуться только сам муравей со своей драгоценной ношей.

Настоящими, хотя и мимолетными, праздниками для седых бывают охоты на крылатых муравьев, которые у тех же лазиусов вылетают три-четыре раза за сезон. Дятел не может точно угадать минуту «икс», но он не оставит без внимания беспокойную суету рабочих муравьев, расчищающих выходы, и вовремя окажется на месте. И когда муравьиные «царевны» и их «принцы» получают разрешение покинуть подземелье. охотник уже стоит рядом и слизывает одну за другой упитанных самок, не давая им возможности даже развернуть крылья. Мелких шустрых самцов дятел почти не трогает: не та добыча. Этот разбой не прибавляет беспокойства в муравьиной семье, ведь никто не считает, сколько крылатых было в муравейнике и сколько из них благополучно взлетело. Все заканчивается очень быстро, и охота, и вылет, а на опустившихся на землю бескрылых самок сытые дятлы и не смотрят.

Муравьи — летний корм, а почти всю осень и долгую зиму седому приходится стучать клювом в поисках жучиного приплода, живущего в древесине и под корой. Но и здесь он не долбит наугад, обладая умением угадывать место, где лежит, остекленев от мороза, личинка дровосека. Расковыряв ее забитый опилками ход, дятел расчищает его языком, а потом, как маленькой теркой, выскребает добычу неторопливо и тщательно, чтобы и крошка не потерялась. Со стороны кажется, что птица наслаждается находкой, растягивая удовольствие и смакуя каждый кусочек. Весной сам добывает и пьет сладковатую березовую и кленовую пасоку. Летом лакомится спелыми лесными ягодами, но особенно не увлекается. Осенью, кочуя через города и поселки, ощипывает иногда черную бузину и рябину. В те суровые зимы, когда от бескормицы и холодов гибнут в лесах кабаны и олени, на пиршестве стервятников достается и седому,

Седые дятлы считаются оседлыми птицами, хотя безвылетно в своих лесах живут немногие, Осенью, с началом листопада, общее движение перелета словно бы затягивает и седых. В местах их постоянного обитания это явление заметить трудно: сегодня встретишь на одного больше, чем вчера, завтра — еще двух лишних, а может быть, наоборот, ни один не попадется на глаза, Зато первое появление зеленоспинного гостя в городе — самый верный признак, что не бродягаодиночка, не найдя приюта в лесу, случайно залетел на бульвар или в сквер, а по всем перелескам, садам, полезащитным полосам, паркам врассыпную движется множество его сородичей. Обратное, такое же неспешное движение начинается в конце зимы. Но если осенью каждая птица держалась особняком, не ища общества своих, то в феврале самки объединяются в какое-то подобие стаек, не проявляя в них ни малейшей неприязни друг к другу.

И в конце же зимы раздаются по лесам звучные раскаты барабанной дроби самцов. Седой — отменный барабанщик и на чем попало стучать не будет. Хорошие «инструменты» — высохший, но не тронутый гнилью дубовый сук, расщепленная молнией макушка сосны, толстая щепа на буреломном клене — используются годами и, возможно, переходят по наследству. Ценятся крепкие скворечники и дуплянки без трещин, от которых звук, как от настоящего барабана, Правда, с возвращением скворцов приходится

подыскивать новый «инструмент». Дробь седого легко отличить от раскатов других видов дятлов по длительности: она звучит две половины секунды. У остальных — короче. Первая половина раската — как вступление, вторая гремит в -полную силу так, что лесное эхо звучит как ответный сигнал. Самки бьют дробь и реже, и слабее, и короче, и «инструмент» у них поплоше.

Есть обоснованные подозрения, что седой не столь трудолюбив, как другие дятлы, и не прочь воспользоваться их дуплами для вывода потомства и для собственного жилья. Гнездовые дупла и у него получаются отменно, однако некоторые пары, пренебрегая общей традицией выводить птенцов только в новом, свежем доме, занимают выдолбленные большими пестрыми дятлами, идеально подходящие по размерам видовому стандарту. Там, где ареал седого совпадает с ареалом среднего пестрого дятла, первый может подрабатывать и его дупла, углубляя и расширяя их. Работы немного, а жилье получается новым. На зиму для ночевок, для отсидки в непогоду седому тоже нужно дупло, как и всем остальным дятлам, но сам он, кажется, не утруждает себя работой: чужого хватает. По этому поводу у него бывают незначительные конфликты с большим пестрым дятлом, которому понятна причина интереса постороннего к постройке зимовального дупла. Опасаясь потерять дом, он отгоняет седого даже от дерева, в стволе которого кроме нового есть не менее десятка свободных дупел постройки прошлых лет.

Да, гнездовые дупла седого и пестрого дятлов одинаковы по объему, но в них воспитываются неодинаковые выводки. У седого в «квартире» в среднем на двоих больше, чем у пестрого. В Воронежском заповеднике находили дупла седого с десятью яйцами, у пестрого лишь однажды с семью. Так что не объем жилья, а изобилие отличного корма влияет на плодовитость. К тому же и со слетками у седых проще: им, как и молодым вертишейкам, не требуется особого обучения, потому что летом в лесу муравьи всюду — на деревьях, на пнях, на земле, в траве и на тропинках.

Пищуха

В конце зимы старый лес почти так же молчалив, как и в пору глухого предзимья. Правда, нет-нет да и разнесется вдоль просеки барабанная дробь какого-нибудь дятла, удивленно или встревоженно засвистит поползень, спроваживая этого барабанщика со своего участка. На солнечных опушках в хорошую погоду начинают пересмешничать сойки. Но в сердце леса, в еще непроходимых овражистых урочищах бесптичье и безмолвие. Но именно в такой глуши задолго до прихода весны, когда еще держатся крепкие морозы, можно услышать, как обещание грядущей смены сезонов, первую настоящую птичью песенку, не очень громкую, но чистую, бодрую, хотя и коротенькую. Это законченная, звенящая трелька, которая то звучит на пределе возможности невидимого певца, чисто и звонко, то, наоборот, приглушенно и неясно, словно в четверть голоса. Похоже, что, пропев раза два-три в полную силу, птица выдыхается, но, не сдаваясь, высвистывает следующую трель в четверть голоса.

Это песенка маленькой птицы-ползуна, пищухи. Ее громкость меняется не оттого, что певцу надо немного отдохнуть, а молчать он не хочет и не может, а потому, что поет он то на одной стороне толстенного ствола, и тогда звуки беспрепятственно долетают до слушателя, то, перескочив на противоположный бок, повторяет напев с тем же азартом, но тогда мы слышим его приглушенно. Поэтому отыскать птицу на слух удается не сразу. К тому же она ни секунды не сидит на месте.

Пищухи начинают петь, когда день дает уже заметную на глаз прибавку светлого времени. А в ту суровую пору, которая зовется шапкой зимы или полночью года, отыскать ее еще труднее. Лишь изредка окликает она кого-то коротким, высоким и тонким свистом-писком, настолько высоким, что даже в абсолютной тишине он не всегда воспринимается как настоящий. За этот свист и дано птице самое распространенное ее название.

Ее жизненное пространство — тот этаж леса, который находится между его верхним пологом и землей, а точнее, стволы старых и стареющих деревьев с морщинистой, покрытой разноцветными лишайниками корой. Можно без оговорок сказать, что в этом ярусе проходит вся жизнь пищухи, которая представляет собой ежедневное и почти безостановочное движение вверх. Но в этом движении птицы не поднимаются до вер-

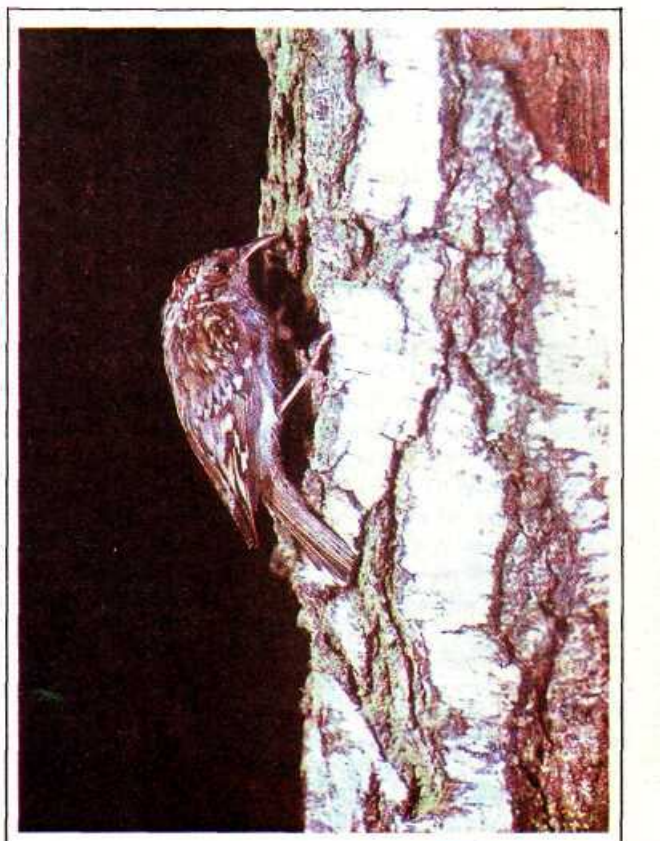
шин дубов и сосен. Некоторые из их племени, возможно, никогда не видели родного леса с высоты птичьего полета. В поисках пищи пищуха начинает осмотр ствола от комля дерева, почти от земли. То напрямую, или растянутым зигзагом, то по крутой спирали птица быстро, резкими настильными прыжками поднимается до нижних ветвей кроны, а потом планирует к подножию другого дерева. Стволы с гладкой корой ее не интересуют. Не потому, что на такой коре трудно держаться, а потому, что там бедно с добычей.

Пищуха скачет по вертикальной поверхности так же, как дятлы, подпираясь упругим хвостом, а иногда и немного приспущенными крыльями. Но у дятлов два пальца вперед, два назад, а у нее вперед направлены три из четырех. Зимой она прикрывает тонкие пальцы распушенным пером так, что выглядит словно бы безногой, и создается впечатление, что птицу быстрыми рывками ведет вверх какой-то особый магнит, скрытый в полом стволе, или же она отталкивается не ногами, а пружинистым хвостом. Скачки едва уловимы взглядом: пищуха так быстро прицепляется к новой точке, что ее тело не успевает отодвинуться от вертикальной опоры, словно нет в нем никакой тяжести. Хотя какая там тяжесть: 8—10 граммов всего-то веса в сытой взрослой птице. Ни разу не попадалась на глаза пищуха, скачущая по земле или сидящая на ветке, как синица. Да, наверное, она и сама не знает, как это делается. Хотя кое-какой материал для гнезда птица подбирает только с земли — перья, например, высматривая их с дерева.

Уже с раннего детства птенцы пищух как бы приучаются к тому, что получить корм можно только стремясь вверх. Родители как бы воспитывают в них заповедь: будешь сыт, если будешь стремиться вверх. Полуслепым и полуоперенным птенцам пища подается только сверху. Проще и быстрее было бы отдать сенокосца, долговязого комара-карамору или гусеницу, став на край гнезда. Но взрослая птица цепляется над колыбелью хвостом вверх, а птенец, будучи еще не в состоянии приподняться на ногах, тянет шею на всю длину, чтобы взять порцию. Потом, незадолго до вылета, начинаются настоящие тренировки. Ведь пищухе в повседневной жизни нужны не крылья быстролета, а неутомимые и цепкие ноги. Молодым птицам коротенькие крылышки служат лишь для спуска вниз, и особого мастерства тут не требуется. Поэтому, принося корм, отец и мать всякий раз заставляют самого голодного уже не просто приподняться в гнезде, а подпрыгнуть, да повыше, и уцепиться хотя бы на мгновение коготками за стенку щели, в которой устроено гнездо. И никакой лености, отказов или попыток голодовки. И уйдут они из гнезда по стволу. А дятлята покидают дупло на крыльях.

А лучшее место для устройства гнезда — сквозная щель на стволе дерева, так, чтобы вход-выход был на обе стороны, и к тому же еще крыша над головой. Для этого годятся громобойная трещина, расщеп на буреломном пне, узкое дупло. Но выше всего ценится щель за отставшей от мертвого ствола корой. Возможными конкурентами на эту недвижимость могут быть лишь серая мухоловка или певчий дрозд, но пищуха опережает обоих, занимая место уже в апреле. Поэтому, зная вкус птицы-ползуна, ее проще других птиц, нуждающихся в укрытии для гнезда, обеспечить простеньким гнездовьем: достаточно приладить к стволу три коротеньких дощечки, сбитых тремя гвоздиками. Такой «домик» никто, кроме семьи пищух, не займет. В здоровом лесу, где нет ни мертвых, ни увечных деревьев, только таким способом можно оставить на гнездовье несколько пар этих птиц.

При первом знакомстве с пищухой, в какое



За работой

бы время года это ни случилось, в поведении птицы удивляет ее необыкновенная доверчивость: за ней можно наблюдать буквально с двух шагов, не опасаясь помешать ее поискам, строительству гнезда или другим занятиям. Не надо ни прятаться, ни скрадывать птицу, чтобы разглядеть рисунок ее наряда до мельчайшего перышка. Такого не позволит другая лесная птица, кроме разве что гаички. Потом, присмотревшись к пищухе как следует, начинаешь сомневаться: доверчивость ли это или сильная близорукость? Ведь всю свою добычу, всю мелкую и мельчайшую живность, ютящуюся на коре, пищуха разыскивает на расстоянии двух-трех сантиметров. В теплое время года собирает она живых насекомых и пауков, а вот зимой в ее пище множество чуть ли не микроскопически мелких яичек бабочек и тлей. И всю эту мелочь надо разглядеть и ухватить, почти не останавливая своих быстрых скачков. Ни с земли, ни с травы, ни с тонких веток и листьев пищуха добычу не собирает, в воздухе на лету не ловит.

Пищух считают оседлыми птицами, но многие из них по осени пускаются в кочевки, иногда довольно дальние, неторопливо бродяжничая по чужим лесам то в одиночку, то ненадолго в синичьей компании, а к весне возвращаются обратно. Но похоже, что с возрастом пропадает тяга к зимним скитаниям и птицы начинают жить безвылетно в родном лесу. Похоже, что у таких после воспитания второго, летнего, выводка семейные привязанности в паре не обрываются, и долгую зиму самец и самка переживают вместе. И он, и она по наряду неотличимы друг от друга, голоса, которыми окликают друг друга, тоже одинаковы. И когда встречаешь в зимнем лесу неподалеку друг от друга двух пищух, не проявляющих ни малейшей взаимной неприязни, убеждение, что это не случайные попутчики, приходит само собой.

Ворон

На исходе первого после солнцеворота месяца зима, накопив запас холода, единовластно правит на просторах Русской равнины. Звериная и птичья жизнь заметна лишь в лесу, а на полях поземка быстро зализывает следы лисьих ночных охот и заячьих встреч. Взлетит с придорожного сухого бурьяна стайка чечеток и тут же опустится снова: день короток и нельзя улетать даже от такого скудного корма, как семена полыни и тысячелистника. Вблизи ни души, но будто что-то беспокоит маленьких птиц, и едва вспорхнули снова, как с недоступной взгляду высоты раздался отчетливый и строгий крик ворона — словно приказ, чтобы сидели смирно.

Через секунду после гортанного круканья в холодной синеве возник звук быстро летящего тела: сверху на заснеженное поле почти отвесно падали, набирая скорость, две черные фигурки. Положив концы полусложенных крыльев на хвост и став похожими на притупленные наконечники гигантских стрел, повернутых остриями против движения, два ворона с шипящим свистом неслись почти рядом, стремительно приближаясь к земле. А что, если, обманутые сверкающей белизной, врежутся в нее, не успев выйти из свободного падения? Ведь это уже не снежный пух, а холодная твердь, на которой не остается следа.

Но метров за пятьдесят до нее обе птицы, как по команде, развернули сильные крылья, погасив звук стремительного полета, и стали неторопливо набирать потерянную высоту, перекликаясь негромко, как бы советуясь, чем блеснуть на следующем заходе. И, решив, что отчаянным трюком можно удивлять мир бесконечно, повторяют падение.

Еще невелика у дня прибавка светлых минут, но воронам и этого достаточно, чтобы заметить поворот к весне, чтобы овладело суровыми птицами то настроение, которое придет к остальным лишь с настоящими вешними переменами. И пара отдалась тем же воздушным играм-танцам, высотному полету крыло в крыло, какими отмечала свою первую встречу, став с нее неразлучной птичьей семьей.

В старую сказку, что ворон живет триста лет, верят до сих пор, пожалуй, не только те, для кого ворон и ворона в пернатом мире то же самое, что волк и волчица — в зверином. Верят, не ведая того, что живая добыча ворону милее мертвечины, что и орлы не от лени или старческой немощи охотно становятся стервятниками и подолгу живут, не проливая чужой крови. Молва

могла не только приписать ворону невероятное долголетие, но и вполне сделать его вечной птицей из-за его необыкновенной верности месту. Почему его, а не аиста, у которого такая привязанность ничуть не слабее? Да потому, что ворон всегда на виду, будь то жаркий июльский полдень или вьюжное февральское утро. Он в своих владениях постоянно, а не налетом, как немой лягушатник. И кто отличит, те ли птицы летали над бором в прошлые годы или это их молодая смена? Тот же черный до последнего перышка наряд, то же спокойное карканье, та же извечная осторожность, то же гнездо.

Пара мостит гнездо не на один сезон и каждый год добавляет в постройку веточки и ветошь, но лишь в пределах необходимого, не подчиняясь слепо инстинкту: строить, коль время подошло, повыше да пошире. Поэтому хотя и выглядит оно внушительно (глыба глыбой), но без признаков излишества или небрежности строителей. Поэтому гнездо первого года мало отличается от десяти-пятнадцатилетнего. Работают оба, вместе улетая, вместе возвращаясь с одинаковой ношей. Вороны лесов испокон веку строились на деревьях, вороны гор — на скалах, вороны пустынь и тундр — на уступах обрывов. Но вот с тех пор как почти все ландшафты планеты расчертили линии высоковольтных электропередач, птицы открытых пространств, и лесные, и горные, быстро оценив надежность и недоступность стальных опор, стали гнездиться на них. На такой верхотуре гнездо открыто всем ветрам и вьюгам. Но умен и осторожен ворон, и его новую привычку нельзя считать оплошностью. Рядом с токонесущими проводами чувствуют себя в полной безопасности и взрослые птицы, и птенцы. Те, подрастая и начиная выходить из гнезда, бесстрашнее опытных матросов со старинных парусников прогуливаются по стальным конструкциям, как по реям, не пугаясь высоты.

В таких районах, как степное Черноземье, жизненное пространство ворона расширили вошедшие в силу полезащитные лесополосы, Ворон становится обычным там, где был редкостью. Уже присматривается он к городам, осмеливаясь летать-чуть ли не над самыми крышами. Возможно, это уже не праздное любопытство, а намерение осесть на постоянное жительство.

Снеся первое яйцо, самка уже не вольна покинуть гнездо даже на несколько минут. Морозы последней недели февраля, мартовские метели, гололеды и холодные дожди могут мгновенно остудить яйца, погубив под их скорлупой начинающуюся жизнь. Бывает, что ночной многочасовой снегопад так завалит наседку, что утром поверх белого кома едва выглядывает черная клювастая голова в ожидании завтрака.

Поэтому и воронята появляются на свет с теми же промежутками во времени, с которыми были отложены яйца, или даже с большими. Так что последний иногда вылупляется, когда первому неделя, а то и полторы. В птичьей жизни это немало: разница в росте может быть двойной и даже тройной. Но уже в гнезде, еще до того, как воронята начнут пробовать крылья, она исчезает, и на глаз, особенно с земли, не определить, кто в выводке старший, кто младший. Кормильцем же всей семьи, с того дня как началось насиживание и до прихода настоящей весны, был ворон-отец.

За жизнью семейных воронов наблюдать несложно: через несколько дней можно распознавать птиц даже по голосу, а через несколько лет знать о них все до мелких подробностей. А вот жизнь холостяцкой вороньей вольницы, ее уклад, ее пути и связи с другими стаями, пожалуй, не известны никому. Дело в том, что взрослые птицы, живя постоянными парами, к общительности с соплеменниками не склонны. Они могут собираться группами на ничейной территории, где корма и добычи хватит всем. Например, на скотомогильнике, на убранном, но еще не перепаханном поле, где и зерна, и мышей достаточно.

Но у молодых, покинувших семьи воронов, обученных многому из опыта «стариков», наоборот, тяга быть в стае постоянно. Они собираются в компании таких же скитальцев и ведут совместную кочевую жизнь в течение полутора лет, странствуя по воздушным дорогам, не признавая ничьих прав на Владения гнездовыми и охотничьими территориями. Надолго нигде не задерживаются, даже на обильных кормах. Летят высоко, не издавая ни звука. Там им помогают и ветры, и восходящие токи под кучевыми облаками. Из поднебесья им видно, что творится на земле и у земли, поэтому опускаются в самых безлюдных местах на охоту или кормежку — ловить сусликов в степи или ковырять початки кукурузы на полевой дороге.

Ворон — птица больших пространств, превосходный и сильный летун. Взмахи крыльев почти орлиной длины бывают слышны над лесом даже сквозь шум листвы. Умение парить в воздушных вихрях и восходящих токах, набирать без усилий любую высоту и планировать с нее против ветра у него не хуже, чем у таких аристократов неба, как луни, канюки и коршуны. Это одна из немногих птиц, кто может, не теряя высоты и скорости, лететь какое-то расстояние спиной вниз, махая крыльями как в нормальном полете, Таким способом спасается он от нападения серых ворон, сводящих с ним счеты за разграбленные гнезда. Как только ближайшая из преследовательниц готова нанести ему удар сверху, он, не меняя направления полета, переворачивается, выставляя навстречу обозленной родственнице сильные лапы с растопыренными пальцами, Таким же приемом ворон, залетев невзначай на

участок тетеревятника, отбивается и от ястреба-хозяина. Стало быть, сила этого оружия известна в птичьем мире, ведь живую добычу ворон берет лапами, как хищник.

Ненависть у ворона с вороной взаимная, Правда, в ее возникновении более повинен странствующий молодняк, нежели старые семейные птицы. Ватага холостяков не упустит случая разграбить воронье гнездо в присутствии хозяек и потом вообще не возвращаться в те края, и месть пострадавших от наглого налета, естественно, обращается на соседей, которые, кстати, тоже не безгрешны в отношении чужого. И ворон, который смел даже против орлов, в одиночку побаивается ворон. Вороны вдвоем могут так «посадить» ворона, что тот иногда, не осмеливаясь взлететь, уходит до какого-нибудь прикрытия пешком, держа клюв нацеленным на преследовательниц.

Зато с другой родней — с грачами — ворон может жить и живет в ладу и мире, нередко гнездясь прямо в их колониях. В затяжные весны к прилету грачей у ворона в гнезде уже птенцы-подростки. И настолько мирно уживаются эти два вида птиц, что жизнь семьи воронов в Грачевнике бывает незаметнее и спокойнее, чем жизнь отдельно живущих пар. И гнездо не отличается среди старых грачиных построек пудового веса, И сами они как-то не выделяются в общей массе таких же черноперых птиц, и глуховатые их голоса теряются в беспрерывном грачином гаме, Главное условие такого мира в том, что ворон не заглядывает в грачиные гнезда даже тогда, когда есть возможность сделать это незаметно и безнаказанно. У него хватает сообразительности не раздражать соседей в то время, когда спокойствие необходимо в собственной семье. Холостяцким же шайкам тоже хватает ума (а может быть, не хватает смелости) вторгаться в колонии грачей.

Слеток
Взрослая птица

У ворона нет серьезных врагов, от которых следовало бы держаться подальше. Он бесстрашен и перед царями птиц. Мне не раз приходилось видеть предупредительное нападение борона на орла-могильника. Орел только уворачивался в воздухе, не пытаясь дать отпор, хотя никакой вины в отношении гнезда воронов за ним не было. На падали ворон ведет себя как равный даже среди нескольких беркутов и белохвостов.

Ночью мог бы быть для него опасен филин— гроза всего вороньего семейства. Однако ворон спасается от когтей огромной совы смекалкой и осторожностью. И без того необщительные, вороны никогда не устраиваются на ночевку группами, как грачи, вороны, галки и сороки, Каждый с вечера устраивается сам по себе, прячась в густой кроне сосны, пихты, ели. И каждую ночь — новое место. Возле таких ночевок и попадаются в конце лета черные перья: при утреннем туалете птица тщательно переберет оперение клювом и то, что держится слабовато, выдернет сама, чтобы поскорее выросло новое.

А вот найти сразу целую россыпь воронова пера как свидетельство гибели самой птицы еще не приходилось. Может быть, и это обстоятельство навело кого-то на мысль, что живет вещая птица столетия.

Голос ворона нельзя без оговорок назвать карканьем, в его односложном призыве ясно слышится отчетливый звук «у», но не «а». Звуковые сигналы многообразны, порой понятны даже их интонации. То это громкое гортанное круканье, то короткий, словно бычий, «мык» на лету, то резкий, как гонг, удар, то похожий на орлиный клекот. Один в полете почти никогда не молчит и словно сам с собой разговаривает «кро-крук-кр-кр-а».

Это талантливый подражатель, но в отличие от пересмешников других видов вольные вороны не развлекаются передразниванием козлят или петухов. Живущие в клетках или вольерах скрашивают свое существование, крича летящим мимо серым воронам по-вороньи, грачам — по-грачиному. Грубый голос не позволяет им произносить высокие звуки, но вызывающий озноб скрип гвоздя, выдираемого из толстой доски, взрыв электрической лампочки получаются превосходно. Обученный хозяином ворон произносит его слова отчетливо, без искажения интонации, без попугайной шепелявости и скороговорки.

Он всеяден, но всему предпочитает живую или свежую добычу. Свою или убитую кем-то. В пору золотой осени, в разгар оленьих турнирных боев утром каждого дня вороны прежде всего облетают лесные урочища в надежде найти труп рогача-неудачника, погибшего в ночном бою от рогов соперника. Зимой тех же оленей убивает мороз, отдавая эту дань в первую очередь ворону.

Всюду, где живет ворон, с ним связаны древние поверья. Каких только былей и небылиц, наивных и зловещих, о нем не знает молва. Таинствен, умен, понятлив, смел, осторожен и независим, молчалив, но не безмолвен, строг, силен, но не драчлив; и поговорка «ворон ворону глаз не выклюет» совсем не иносказательна. Голос его, как рассудительный и почти понятный разговор; но издалека он приходит с небольшим опозданием, оторвавшись от действия, и поэтому так загадочен его смысл: то ли приказ, то ли заклинание, то ли просто выражение хорошего настроения. В темном наряде без единого пятнышка иного цвета, черен с отливом до последнего перышка, до кончиков когтей. И к старости не седеет. Всегда подтянут, словно по званию и выправка, перо не ерошит, не хохлится, его научное название без всяких эпитетов и составлено из латинского и греческого слов «corvus» и «согах» — корвус коракс: Ворон ворон,

Казалось бы, после таких слов к репутации ворона добавить больше нечего. Коль строг и суров, значит, чужд игривости и склонности к праздным развлечениям. Возможно, так оно и есть. А то, что позволяют себе зимой семейные птицы, есть не только выражение чувств, но и обязательный обряд, без которого не начинаются гнездовые хлопоты.

Такое убеждение крепло во мне все пятьдесят лет знакомства с черной птицей до того осеннего дня, когда увидел в московском небе, как забавлялся ворон-одиночка. Вернее, он был один в целой стае ворон, которые вопреки извечной взаимной вражде относились к нему как к заводиле интересной игры. Паря в воздушных вихрях над крышей двадцатиэтажного дома, он словно бы водил хоровод без пения, обучая новому танцу понятливых и способных новичков, точно повторявших каждое его движение,

Подобными танцами вороны в городах развлекаются попарно в любой ветреный день, а тут они вились без толкотни за реявшим перед ними вороном, и ни одна птица из четырех десятков не пыталась ему угрожать. Да и сам ворон вел себя свободно, не пытаясь избавиться от живого шлейфа.

А не было ли это привычной утренней встречей московских ворон-горожанок со своим старым знакомцем, не позволявшим себе ничего дурного в отношении соплеменниц летом? Можно было бы принять и это объяснение, если бы через два месяца не увидел я подобную сцену уже в пятистах километрах от столицы, в самом центре Воронежа. Словно и впрямь появилось у ворона намерение обосноваться в городе, а начинать надо с установления добрососедских отношений прежде всего с собственной родней.

А моему бывшему студенту Володе Сарычему повезло больше: в последние дни зимы он видел игру целой стаи холостых воронов. Хмурым и ветреным днем более дюжины годовалых птиц реяли над донским крутояром. Издали это было похоже на самые распространенные воздушные танцы ворон, но вблизи оказалось, что у воронов есть «игрушка», простая забава превратилась в своеобразное спортивное развлечение со своими правилами. Одна из птиц, сломив веточку, взлетала выше остальных и, выпустив прутик из клюва, устремлялась за ним сама, стараясь поймать его уже лапами. Ухватив «добычу» и каркнув, словно крякнув от удовольствия, ворон-закоперщик повторял свой прием еще раз и еще, втягивая в игру остальных. И уже вскоре отпущенный прутик без толкотни и суеты старались поймать и они. Кому это удавалось, тот поднимался выше товарищей и бросал веточку. Если из-за чьей-то нерасторопности или из-за резкого порыва ветра она падала в кусты, кто-нибудь летел к лесочку и сламывал с дерева новую и заводил игру заново.

Погода была такая, что не было видно или слышно никаких других птиц, а полтора десятка молодых воронов взмывали и пикировали, зависали над обрывом на распростертых крыльях, негромко покрикивая, словно ободряя друг друга, и нипочем были им и холодный ветер, и низкие тучи, и снег. Лихие птицы. Уныния не знают. Удали всегда хватает. На то они и вороны • — великое и независимое птичье племя!

Рябинник

имой даже в маленьком городке птиц несравненно больше, чем в любом заповедном лесу. Но кто они, эти пернатые, которых не манят теплые края? Воронья семья, воробьи, синицы, голуби. Эти — всегда. А еще в городах могут зимовать и зимуют снегири, чечетки, дятлы и совы, а где вода — кряквы. В иные годы к этому списку и добавить больше некого, в другие можно не в конец десятка поставить зимних скитальцев, которые, не обращая внимания на щедрые кормушки, до весны живут исключительно на ягодном корме: хохлатых аристократов — свиристелей и крупных, красивых дроздов-рябинников. И в дни, когда тяжелеет шапка зимы, кто-нибудь да обратит внимание на этих дроздов, неторопливо обрывающих крошечные яблочки с тех декоративных яблонь, которые растут и в сквере у Большого Театра, и возле Московского университета, во дворах и на бульварах столицы.

Еще недавно рябинник был довольно редким и случайным гостем городов, залетавшим в них в неприветливую пору затяжного предзимья. Однако после того как дерево, давшее название птице, прочно освоило улицы, скверы и сады, дрозды, привлекаемые сверхизобилием корма, стали все чаще и все большими стаями навещать города уже в дни золотой осени, а потом и гнездиться поближе — в пригородных лесах и рощах, в парках окраин и, наконец, среди жилых кварталов. Рябина не только помогала дроздам пережить зиму, но и позволяла расширять свое жизненное пространство и отодвигать границы гнездового ареала далеко к югу. Еще лет сорок назад рябинник был редок даже на Верхнем Дону, а ныне гнездится и в его низовьях.

У рябинника особая тяга к сладкому, он уже летом, когда повсюду предостаточно любого птичьего корма, начинает питаться поспевающими дарами лета. Горечь рябиновых яблочек, перебивающая вкус сахара, терпима им, когда нет иного выбора. Но если в ряду обыкновенных рябин будет стоять хотя бы одно сортовое дерево со сладкими плодами, дрозды в первую очередь ощиплют его. Найдя это дерево раз, запоминают место, и те, кто к следующей осени останутся живы, приведут сюда по памяти всех своих. И уж тогда нам не попробовать на вкус, какова она, рябина Невежинская, Моравская или Ликерная: задолго до полной зрелости оберут дрозды щедрый урожай.

Рябина дала название птице, но даже в особо урожайные годы дрозды начинают не с нее, а с

ранней лесной ягоды. Потом все смелее и смелее шарят по садам, не встречая там ни серьезной конкуренции, ни строгого отпора. Правда, больших стай в это время еще нет, и едва заметный урон на осыпанной спелыми плодами вишне или несколько исклеванных на макушке дерева ранних груш не особенно огорчают садовода. Но когда в любительских садах поспевает мелкоплодный виноград северных сортов, даже тричетыре птицы за несколько дней могут не только испортить настроение, но и начисто отбить желание заниматься виноградарством там, где живутэти дрозды. К тому же разные пугала, безотказно действующие на таких сообразительных птиц, как воробьи и скворцы, не производят на рябинников никакого впечатления.

Рябинник хотя и дрозд, но его нельзя назвать настоящей перелетной птицей. Его осенние и весенние миграции могут выглядеть как отлет и возвращение на родину, но на самом деле это не что иное, как начало и конец стайного бродяжничества по гнездовому ареалу: где корм — там остановка. Направления этих скитаний весной и осенью могут совпадать с направлением миграций настоящих перелетных птиц, но не более. Да и пути у них, как и у свиристелей, что ни год иные. Но есть места, где рябинники зимуют ежегодно. Например, они крепко держат в памяти Каменную степь, где километры опушек старых полезащитных лесных полос состоят сплошь из боярышника, не делающего в противоположность рябине перерывов в плодоношении: каждую осень гнутся крепкие ветки под тяжестью сладковатых.плодов. Так что ни суровость, ни мягкость зимы не определяют миграционное поведение рябинников. Одеты тепло, и главное для них корм, а не погода.

Но все-таки за долгую зиму, видимо, приедается и птицам однообразный, хотя и сладкий, фруктово-ягодный корм, и они не упускают возможности подловить какую-нибудь живность, Возле незамерзающего ручья в оттепель можно встретить одного-двух рябинников за непонятным и странным занятием. Птицы скачут по снегу, то и дело склевывая что-то невидимое с его чистой поверхности. При внимательном рассмотрении это «что-то» оказывается крошечными ногохвостками, нелетающими насекомыми, которые по непонятной причине появляются в оттепели на снегу. Это добыча, достойная корольков или маленьких синиц, но никак не дроздов. Весенние кочевые стаи рябинников уже не обращают внимания ни на уцелевшие ягоды калины, ни на рябину и боярышник. Раньше скворцов появляются они в долинах вскрывшихся рек, собирая по еще не залитым полой водой берегам и луговинам ожившую мелкую живность.

Рябинник, как и другие дрозды, не замечен в причинении даже небольших неприятностей своим пернатым соседям. Наоборот, там, где гнездится хотя бы пара этих шумливых и смелых птиц, завзятым разорителям чужих гнезд не поживиться легкой добычей, птенцами или яйцами мелких мирных птиц. Да что малых, даже сильных мира птичьего не дают рябинники в обиду, если те гнездятся с ними рядом. Они умеют прогнать со своего участка белку, которая не упустит возможности обездолить зяблика или мухоловку. Ворона и сорока сами предпочитают не заглядывать туда, откуда раздаются словно бы недовольные покрикивания рябинников. Мне довелось быть очевидцем, как семейная пара этих дроздов за несколько секунд рассеяла целую стаю холостого воронья, осадившего гнездо орлов-карликов, которые, не будь у них таких решительных соседей, могли бы остаться без потомства. Поэтому у рябинника нет особой необходимости выводить птенцов, как другие дрозды, дважды в сезон. Для процветания популяции вполне достаточно и одного. Конечно, ловят рябинников и ястребы, но не чаще, чем других их сородичей. Вороны разоряют его гнезда и остаются безнаказанными, но лишь тогда, когда человек своим присутствием мешает хозяевам защитить дом от грабителя,

Пренебрегая возможной опасностью, рябинники и не пытаются держать в тайне месторасположение своего гнезда. Особенно в дни его строительства, которым занимается только самка, но при обязательном и неотступном сопровождении самца, которому не надо охранять семейную территорию от вторжения других пар. Там, где поселяется первая семья, она так и выводит птенцов в одиночестве, полагаясь в защите участка лишь на себя. Но в обжитых рябинниками урочищах гнездятся самые настоящие колонии, в которых держатся друг друга десятка полтора-два, а то и больше пар. В парке небольшого поселка под Воронежем лишь на одном дереве тополя построились одиннадцать семей рябинников. Как грачи. И ни одной открытой ссоры, ни иного проявления неприязни в этом крикливом птичьем поселении не замечалось от появления первых птиц до вылета слетков. Шумно, но мирно жила колония, и местные сороки облетали ее далеко стороной.

Среди пяти видов среднеевропейских дроздов рябинник как певец стоит на последнем месте, Да не только среди родни, но и среди прочих певчих птиц не знаменит он песней. Как территориальный сигнал она ему и не нужна. Поэтому во время гнездостроения он не отвлекает пением внимания на себя, а, сопровождая самку и следуя за ней налегке, своим сердитым «чакчаканьем» как бы .оповещает, мол, гнездо наше здесь, но держитесь от него подальше. И только в эти дни поведение птиц подсказывает, кто самец, кто самка, ибо нарядами они оба одинаковы, как двойники.

Есть хочется
Боярышник
Птенец рябинника

Кряква

Полночь года — зима, ранние сумерки — поздние рассветы. Под утро трещат от мороза стволы деревьев, трещит лед на реках, стынут, теряя тепло, земля и воздух, а у водослива за плотиной водохранилища клубится густой пар, сквозь который едва пробиваются лучи низкого и тускловатого солнца, нечетко высвечивая утиные силуэты. Никакому морозу не совладать здесь с течением, которое словно перемешивает на дымящейся воде птичью стаю, то отделяя от нее пары, тройки и целые косяки, то рассеивая ее по всему плесу, то снова собирая в единое огромное живое пятно.

Повыше поднимается солнце, ветерок разгоняет белесую пелену, и темные силуэты становятся расписными селезнями и рябенькими утками.

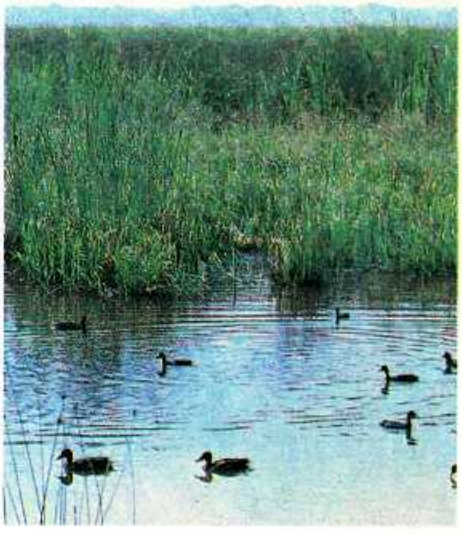
С самой первой зимы, как перегородила плотина речную долину, остаются тут зимовать кряквы. Не какие-то больные или истощенные подранки, не решившиеся на дальний перелет, а здоровые, сильные и упитанные птицы в полном брачном наряде. Они то выстраиваются на тонкой, подточенной течением кромке льда, то взлетают и, сделав круг-другой над заснеженными берегами, опускаются на воду, плавают, купаются, охорашиваются, дремлют, ходят по бетону водосброса у опущенных затворов. Когда десятка три-четыре зазимуют, когда — побольше тысячи. И ни ссор, ни ухаживаний в огромной стае. Кажется, каждый плавает в ней сам по себе, как было месяц назад, перед ледоставом. Но постепенно глаз улавливает в общем движении какой-то порядок, и оказывается, что большинство в стае — неразлучные пары, что каждая утка плавает за одним, своим селезнем. Совсем незаметно повернуло солнце на лето, а на птичьих зимовках уже образовались недолговечные утиные семьи. Но до весны этот союз выглядит как помолвка, и все живут, не уединяясь, в общей стае, в которой к тому же чуть ли не четверть всех птиц — селезни-холостяки. Они сейчас вроде бы безразличны к удаче соседей, но на апрельских разливах, на полевых лужах и озерах будут, пренебрегая возможной опасностью, а порой и рискуя жизнью, гоняться за утками — и за свободными, и за чужими, стремясь наверстать упущенное зимой.

Всю яркость и красоту брачного наряда семейные и холостые селезни демонстрируют на весеннем токовании. И позы и звуки этого ритуала создают впечатление, будто селезни, стосковавшись где-то по хорошей воде, купаются в упоении, смывая несуществующие пылинки с безупречно чистого платья. Птицы трясут хвостом, крутят головой, становятся на воде во весь рост, окатывая себя множеством брызг, быстро плавают, положив голову и шею на воду, и так картинно поднимают хвост и крылья, что становятся не похожи на самих себя. Они никогда не крякают, а во время токования свистят и как-то хрипловато хрюкают и, резко чиркая клювом по крылу, издают особый скрип. Крякает утка, и это по ее голосу назван вид.

С гнездовыми делами кряквы стараются не мешкать. Утка начинает строить гнездо и откладывать яйца до прихода настоящего и устойчивого тепла. Мало того, нередко бывает так, что снесенные яйца сутками лежат под холодным дождем, словно бы брошенные наседкой в неглубокой ямке, устланной прошлогодней растительной ветошью. Но и от такого испытания жизнь под скорлупой не угасает, и утята вылупляются из всех яиц крепкими и здоровыми. Греть яйца утка начинает, как только снесет последнее, обкладывает их собственным пухом, а во время коротких отлучек прикрывает им же и сверху, чтобы не остывали. Днем она гнезда не покидает, на кормежку отправляется в сумерках. Утром, если до воды далеко, пьет росу с травы рядом с гнездом и снова ложится на яйца.

Есть немало птиц, которым для гнезда нужно строго определенное место. Нет места, не будет и гнезда. Дятел, не найдя в лесу больного дерева, попытается выдолбить дупло в стене лесной сторожки, но никогда не будет ковырять земляной обрывчик. Скворцу и стрижу годятся и щель, и дупло, и домик, но чтобы обязательно была крыша над головой. Аист сложит толстый помост на дереве или безглавом церковном куполе, но никогда не сделает этого на земле, чомга — только на воде, ласточка-береговушка — в норке, щегол — на ветке... Кряква в этом отношении почти универсал среди птиц. Ее гнезда находили в глухой ольховой чаще и в открытой степи, на кочке среди болота и на чердаке высокого дома в центре большого города, на земле, в дуплах, на кучах сплавного мусора, в грачиных и ястребиных гнездах,-возле воды и далеко от нее, в ящиках и камышовых шалашиках, сооруженных охотниками специально для нее.

Ее утята не знают страха перед высотой и без замешательства прыгают на зов матери с крыши или дерева, будь внизу густая трава или голый асфальт. Падают, не кувыркаясь, а словно бы на парашютиках, растопыривая пальцы перепончатых лапок. Пух на них такой густой, а сами так легки, что скорость падения и сила удара о землю не опасны для их жизни. Спрыгнул последний, сбились гурьбой и побежали за матерью к воде. Есть в первый день не хотят. А когда захотят, просить не станут: каждый ловит



На взлете
В тихой заводи
Пара
На гнезде
Кряква с птенцами

и собирает то, что пригодно в утиную пищу. Они пробуют на клюв буквально все: ловят на траве комариков, снимают с нее мелких улиточек, глотают сочную ряску, выцеживают из воды самую крошечную живность, охочи до разных семян. В общем-то программа утиной жизни довольна проста, и учить малышей ничему не приходится. Их надо только предостерегать, предупреждать да защищать, пока совсем малы. И все эти, пусть несложные, заботы выпадают на долю одной лишь матери.

Пока она три-четыре недели бессменно сидит на гнезде, защита от врагов у нее одна-единственная — быть невидимкой, не вздрогнуть от внезапного испуга. И не всегда даже угроза собственной жизни заставит ее взлететь, оставив врагу яйца. А главным врагом кряквы везде и всюду остается ворона. Есть и другие, их немало, но ворона чаще всех грабит гнезда, утаскивая яйца, и она же ловит птенцов-пуховичков прямо на глазах у матери. Одна воронья пара может обездолить буквально всех уток, загнездившихся по соседству.

Когда утка становится наседкой, ее селезень еще несколько дней бродит неподалеку вроде сторожа, а потом исчезает навсегда. Он, оставаясь прежним красавцем, ищет не новую подругу, хотя весна еще не кончилась, а таких же, как сам, бывших семьянинов. По двое, по трое дремлют они день-деньской на плесиках, летают и плавают мало. А потом, собравшись холостяцкой стайкой, улетают на большие степные озера с крепкими камышовыми зарослями, в тихие, заросшие затоны, в непролазные плавни южных дельт. Впрочем, если поблизости найдется надежное место, то останутся и там сменят свой семицветный наряд на рябенькое утиное оперение. У каждого разом выпадут все полетные перья, и птицы на месяц станут словно бескрылыми. Так что селезню никак нельзя оставаться возле семьи, если бы и захотел, такой он ей не опора и не защита. И без того слабые голосом самцы на линьке становятся вовсе молчальниками, чтобы ничем не выдать свое прибежище. Но их отыскивают береговушки. И пока не намокло и не утонуло линное утиное перо, ласточки собирают его, чтобы выстелить в норках собственные гнезда. У береговушек одна надежда — на селезней, потому что другие птицы — ни сухопутные, ни водоплавающие — еще не линяют. Самки меняют свое оперение так же, но остаются при выводке до тех пор, пока утята не станут утками.

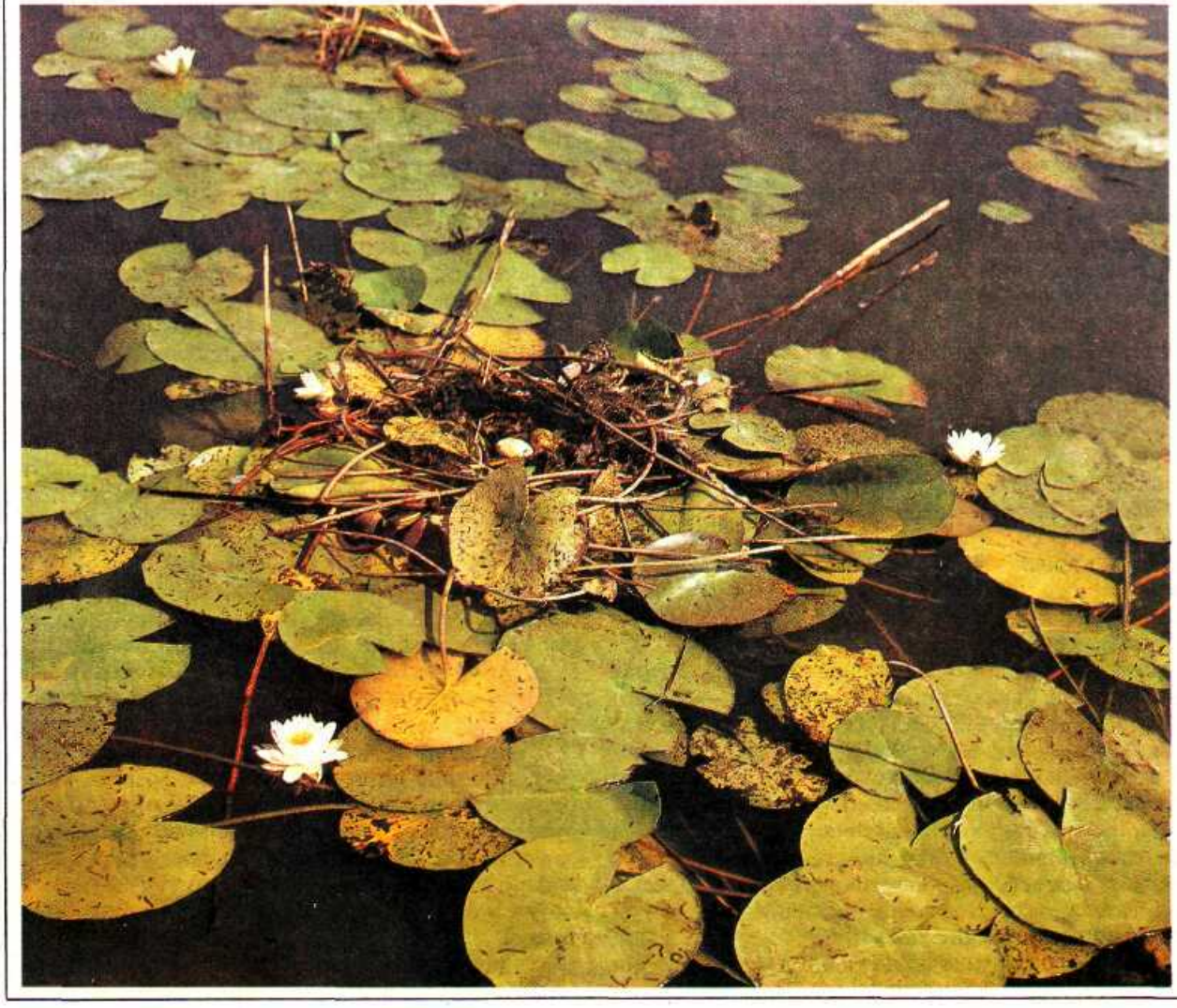
Чомга

Даже в самые суровые зимы большие города отдают своим поилицам-рекам столько тепла, что не бывает близ них настоящего ледостава. И уже не случайно, а регулярно, не в одиночку, а стаями слетается зимовать в такие места водоплавающая птица. В основном это непритязательные кряквы, среди которых не вдруг отыщешь грузноватый силуэт красноголового нырка или стройную фигурку чомги, у которой на узкой, остроклювой голове еще нет брачных украшений. У теплых черноморских и каспийских берегов эта поганка зимует испокон веку, а на реках и водохранилищах стала оставаться недавно. В зимнюю пору она охотится под водой, и единственной ее добычей может быть только рыба. Охотится на глаз, и поэтому времени на ловлю — в обрез. И даже на самых добычливых местах зимовка дается чомге труднее, чем уткам. Она и одета победнее, и всю долгую ночь проводит на холодной воде, так что потери тепла у нее больше.

К утру голод дает себя знать как следует, и, едва занимается рассвет, птица, не тратя ни минуты на туалет, начинает нырять. После нескольких неудачных нырков она появляется на поверхности, держа в клюве изогнувшегося и растопырившего все колючки ерша. От морозного воздуха у рыбешки сразу захватывает дух, но чомга, боясь упустить добычу, обращается с ней бережно и неторопливо. Тем временем становится светлее, и второго ерша птица ловит быстрее. Потом отплывает от заберега, под которым охотилась, оглядывается по сторонам и словно раздваивается: рядом выныривает точно такая же чомга, которая промышляла поодаль, и обе усердно и тщательно начинают чистить оперение.

Когда же над стылой, затуманенной долиной поднимается тускловатое солнце, птицы начинают купаться. От косых лучей не становится теплее, но их сияние приводит чомг в неописуемый восторг. Плывут по воде кусочки льда, клубится парок, а они так плещутся в холодной струе, будто овладело ими весеннее настроение, будто этот мороз последний. Окунаются, закидывают голову на спину так сильно, словно намереваются опрокинуться навзничь, так шлепают полуразвернутыми крыльями, что искрами разлетаются по сторонам крупные брызги. Потом, сверкая серебристым оперением грудок, белизну которого можно сравнить только с мартовскими вербными барашками, перебирают клювами

Гордый вид
Скоро будут птенцы
Гнездо чомги



перышко за перышком, купаются снова и засыпают, словно утомленные утренним туалетом до полного изнеможения.

Возможно, что эта пара — уже птичья семья, Здесь доживут они до ледохода и улетят на степное озеро, мелководный затон или просторный пруд, где будет их гнездо, где в первый же день прилета начнут они свои танцы. Именно танцы, потому что трудно подобрать иное название токованию этих древних птиц. В них определенное чередование «колен» с синхронным исполнением фигур и постоянный ритм.

Токуют в любую погоду, но колоритнее всего выглядят танцы, когда на воде ни морщинки и она, как зеркало, отражает красоту обеих птиц и синеву весеннего неба. Всякий раз танец начинается без всякой подготовки. Только что одна чомга неторопливо и не очень старательно складывала небольшой плотик. Другая чистилась, отряхивалась и охорашивалась поодаль, не проявляя интереса ни к соседке, ни к ее занятию, И вдруг обе, встрепенувшись, стремительно поплыли навстречу друг другу, чуть склонив вперед прямые шеи и держа острые клювы как оружие. Однако намерения птиц далеки от боя, и, едва не столкнувшись грудь с грудью, чомги резко останавливаются, вскидывают головы и крутят ими вправо-влево, точно стряхивая с кончиков клювов невидимые капельки. Это «стряхивание» продолжается не более минуты, а потом партнеры быстро расплываются в разные стороны, не оглядываясь и не останавливаясь, словно обознались при встрече, и, чтобы поскорее скрыть смущение, тут же оба ныряют.

Но через несколько секунд они снова на поверхности, и у каждой в клюве пучок, сколько могли нащипать на дне, травы и полусгнивших обрывков. С этими пучками, как с подарками, почти положив шеи на воду, чомги спешат к тому месту, где только что расстались. Плывут с такой скоростью, что за каждой тянутся две длинные волны. В момент сближения обе встают в полный рост, будто под ними не вода, а твердая опора, и снова вертят головами, как бы хвастаясь своими находками. Издали их фигурки похожи на чуть склоненные друг к другу тонкогорлые кувшинчики. В воде только ноги. Их напряженная работа не видна, но корпус птицы неподвижен, как у хорошего танцора, идущего по сцене на кончиках пальцев. Это и главная, и заключительная часть танца. Но между первым и вторым коленами бывает иногда еще одно, во время которого чомги, находясь друг перед другом, быстро касаются кончиками клювов перьев на своих спинах, будто два тонконогих грибка делают поочередно быстрые реверансы. (Кетати, английское название поганки в русской транскрипции звучит как «гриб».)

День ото дня увлечение танцами слабеет. Они исполняются с прежним старанием, но становятся все короче, порой обрываются, едва начавшись. Но зато у самки появляется другое занятие. Она торопливо и без особой тщательности собирает всякие травяные обрывки, которые еще могут хотя бы немного держаться на воде, и складывает из них небольшой брачный плотик, то и дело проверяя его плавучесть своим весом, Постройка эта временная, и птица не стремится скрыть ее от постороннего глаза, потому что пара пользуется ею всего несколько секунд. А вот настоящее гнездо сооружается основательно обеими птицами в укромном месте. И ни самец, ни самка никогда не плывут к гнезду открыто, а только под водой.

В остальном жизнь и поведение чомги и других поганок в гнездовую пору довольно сходны. Не совсем только понятно, почему чомги не ловят для птенцов рыбешку на месте, а уплывают к дальним границам своих участков, метров за сто и дальше, и никогда не носят и не водят детей туда, где охотятся. И ведь, возвращаясь с охоты, кормилец несет только одну рыбешку, которую, не деля, одному и дает. А птенцы, видя подплывающего с добычей родителя, не спешат перехватить чужую долю: кому отдаст, тому и достанется.

Пока птенцы малы, родители охотятся для них по очереди, ни на секунду не оставляя их без присмотра и не подвергая риску нападения главного врага водяных птиц — камышового луня, который в любой миг может вылететь из-за стены тростников. Поэтому кормилец, оделив последнего, больше не ныряет, а начинает усердно чистить и без того безукоризненно чистое перо, отряхиваться и охорашиваться, словно стараясь после завершения семейных забот придать себе представительный вид для важного визита на общеозёрное птичье собрание, где нельзя появляться абы как.

Вторая птица с четверкой птенцов на спине в эти минуты безучастно дремлет рядом, не проявляя ни любопытства, ни раздражения. Но чем дольше затягивается туалет, тем сильнее становится убеждение, что у «франта» и мысли не было о каком-либо свидании, а усердное встряхивание, приглаживание и укладка перышек все более походят на нескрываемый намек, что, мол, устал и давай поменяемся. А птенцы между тем начинают возиться на родительской спине, и тут молчаливый, но настойчивый намек вроде бы доходит до сознания дремлющей птицы, и она бесцеремонно стряхивает с себя живую ношу, Делается это просто: чомга резко поднимается, разворачивает крылья, как бы потягиваясь после сладкой дремоты, и птенцы съезжают со спины, словно с крутой горки, в воду, но тут же без толкотни и ссор забираются на спину второго родителя.

Родительская спина служит несколько дней маленьким чомгам плавучим домом, теплым,

сухим и надежным. Птенец, выбравшись из скорлупы, не желает ни минуты сидеть в сырости под материнской грудью, а быстренько забирается к ней на спину. Туда же лезут второй, третий. С последним птица сходит с гнезда, и оно остается догнивать как плавучая куча ветоши, разве что лысуха постоит на ней или ночью заберется ондатра, чтобы сжевать на плоту травинку.

У чомги с птенцами на спине действительно беспечно-дремлющий вид, но она постоянно настороже и, если возникает угроза прямого нападения, прижмет птенцов крыльями к себе поплотнее, и — только ее видели!

Кормилец, поймав маломерка-окунька или карасика, несет его как подарок-диковинку, бережно держа в клюве и то и дело макая в воду, чтобы не потускнела, не пропала под ярким солнцем живая красота. Подплыв к птенцу, кормилец опускает голову на всю длину шеи, а нырнувший птенец должен сам поймать отпущенную перед ним жертву. Так происходит обучение, так поддерживается в роду неукоснительное правило ловить только живую добычу и никогда не брать в клюв снулую рыбу. Родительские заботы не прекращаются с окончанием обучения, и отец или мать нет-нет да и сунут лишнюю рыбку рослому птенцу, который уже владеет искусством подводной охоты. Так вместе и живут до осени.

Птенцы-подростки своим одеянием похожи на пингвинят: у них очень долго не растет перо и они, будучи ростом едва ли не со своих родителей, остаются одетыми в необыкновенно густой короткий пух.

А улетают поздно, иногда уже после появления крепких заберегов. Какую-то часть осеннего пути чомги неторопливо проделывают вплавь по водохранилищам и большим рекам, если направление долин совпадает с пролетным курсом, Заметить на воде их рассеянную стайку можно лишь случайно, да и то глаз быстро теряет в беспрестанной пляске мелких волн тонкие силуэты голов и шей. Весной же, наоборот, спешить надо, и чомги при своих посредственных летных качествах летят не только ночами, но нередко и днем. Полет этих птиц по скорости сравним с утиным, но еще менее управляем — нет хвоста, Приходится подруливать лапами и даже шеей. Крылья чомги для ее роста узки и коротковаты, Например, из одного крыла ястреба-тетеревятника можно выкроить два для чомги, а вес-то обеих птиц одинаков. Поэтому и нагрузка на крыло у чомги вдвое больше,

Существует убеждение, что поганки всех видов могут кое-как стоять на твердой опоре, но ходить-бегать не умеют. Действительно, для этих бесхвостых ныряльщиков занятия на суше не найдется, и на берег они никогда не выходят и не садятся. Ведь нога у поганки начинается от пятки, и поэтому ей не сделать ни шага ни по-утиному, ни по-куриному. Однако я избавился от этого заблуждения уже через несколько дней после первого знакомства с живыми чомгами в старой волжской дельте.

Свернув на легкой лодке-плоскодонке, кулясе, с речной бороздины в култук, я перекрыл дорогу чомге, нерасчетливо заплывшей в узенький заливчик между двумя песчаными косами, Птица мгновенно сообразила, что не сможет взлететь с разбега, а прорываться на простор по мелководью рискованно, и, как-то по-пингвиньи выскочив на косу, неуклюже, но быстро перебежала по укатанному песку на манер диснеевских гномов, то есть развернув лапы на сто восемьдесят градусов. В траве она запуталась бы, а по твердому песку проскочила с эдакой лихостью, что я и рассмеяться не успел.

Стихия чомги — вода, и у нее нет здесь серьезных врагов. Ее главный враг — птица сухопутная, ворона, которая легко отыскивает сверху гнезда, спрятанные в любых зарослях, и крадет яйца. То, что чомга, отлучаясь, прикрывает яйца гнездовой ветошью, не спасает их. И кое-где ворона, обездоливая семьи поганок, заставляет последних строить новые гнезда и делать повторные кладки до трех раз. Но там, где нет ворон, чомги не боятся мостить гнезда-кочки на совершенно открытых, без единой травинки мелководьях и спокойно выводят птенцов буквально под боком у камышового луня, которого, кажется, не принимают всерьез за врага. Да тот и сам смотрит на чомгу как на добычу, для его когтей недоступную. Попробуй, схвати ее на воде в открытую, когда она от неожиданного выстрела успевает нырнуть и ни одна дробинка ее не заденет.

Серая куропатка

Бывает в январе на Русской равнине необыкновенный день — будто в самое сердце зимы, в полночь года пришел он из светлой весенней поры. Медленно плывут по светло-синему небу легкие облака, сгущая своими тенями не укрытую снегом влажную черноту осенней пахоты. Светлой чайкой тянет вдоль темной лесополосы седой лунь. Не хватает только поющих над умытой озимью полевых жаворонков, чтобы поверить, что наступил апрель. Но нет в этом просторе не только жаворонка, но и скворчиных ватажек и черно-белых чибисов. Лишь изредка из одного села в другое пролетит пустынным небом паратройка ворон.

Но вот в нераспаханной степной балочке, где зелень низенького мха и прижавшихся к земле зимостойких трав едва пробивается сквозь жухлую листву, наметилось неясное движение нескольких теней — это выдал себя табунок серых куропаток, пасущихся на пологом солнечном склоне. Впрочем, едва солнце скроется за облаком, как тут же исчезнут с зеленовато-серой поверхности темные силуэты, и даже в сильный бинокль не сразу отыщешь самих птиц, настолько их оперение сливается с общим фоном косогора. Маскировка столь совершенна, что затаившуюся на открытом месте куропатку может выдать лишь блеск темного глаза. Наряды самца и самки схожи, но неодинаковы; в них есть яркие пятна: оранжевые горлышко и щеки, широкая коричневая подкова на груди, красновато-каштановые полоски на боках и ярко-рыжие перья короткого хвоста, которые птица показывает лишь на взлете.

Полтора десятка птиц собрались в табунок не случайно. Это семья, которая летом была чуть ли не вдвое больше. Однако за полгода было столько встреч с лунями, ястребами, лисами, а потом и с охотниками, что число птенцов заметно поубавилось. А ведь в одном выводке бывает до двадцати пяти близнецов. В 1957 году в Хоперском заповеднике было найдено гнездо с двадцатью семью яйцами. Так что по плодовитости наша серая куропатка бьет в птичьем мире все рекорды.

Без малого месяц уходит у самки, чтобы снести все яйца: ежедневно по одному. Крадучись появляется она ранним утром у гнезда-ямки, добавляет к лежащим там очередное яйцо, прикрывает их сухой травой и не появляется поблизости до следующего утра. Дожди, холодные зори и ветры, дневная жара сменяют друг друга, а яйца лежат как брошенные под ненадежным покровом из горсти побитых былинок.

Начав насиживать, самка становится еще осторожнее и осмотрительнее, так что о месте гнезда не знает буквально ни одна живая душа. Единственное, что может выдать наседку, —это блеск ее темного круглого глаза на ярком свету. В полуденную жару птица уходит покормиться, быстро и тщательно прикрывая яйца сухим мусором, чтобы не перегрело их горячее степное солнце, не заметили ворона или лунь. Возвращается она всегда окольным путем и только в сопровождении самца. Он, как разведчик, еще на дальних подступах к гнезду внимательно осматривает окрестности. Ростом он повыше самки. Перебегая с места на место, вытягивает шею и смотрит поверх травы.

Не видя ничего подозрительного, петушок тихо и успокоительно квохчет, и тогда рядом с ним, как из-под земли, появляется наседка. Не

Серая куропатка
На гнезде

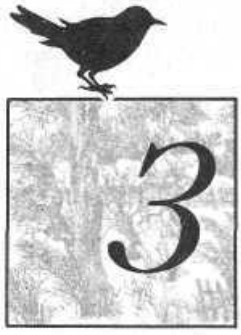
поднимая головы и как бы приседая, она довольно быстро сторонкой крадется к гнезду, Чем ближе, тем сильнее прижимается курочка к земле и последний метр не идет, а буквально ползет. И как бы наплывает на гнездо, мгновенно замирая на нем и снова становясь невидимкой, а потом начинает убирать из-под себя мусор, которым прикрыты яйца. И делает это так осторожно, что кажется, будто это не она, а легкий ветерок чуть шевелит сухие травинки. Петушок к гнезду не подходит — несет охрану в стороне. Он всегда готов к защите и в случае появления на участке серьезной опасности отвлекает внимание на себя. С шумом, широко развернув яркорыжий хвост, он взлетает из травы и тут же, пролетев немного, падает в нее снова. Взлетает всегда так, чтобы враг — лиса, собака, человек — невольно отвернулся от гнезда.

Птенцы появляются на свет почти одновременно. Выклевываясь один за другим, они перебираются под крылья отца, лежащего рядом, а скорлупки остаются в ямке под матерью. Как только две дюжины новорожденных обсохнут, семья уходит с места, не возвращаясь к нему.

При таком потомстве присмотреть за каждым, обучить чему-то невозможно даже вдвоем, и удивительно послушные и энергичные птенцы с первого дня начинают без ошибок выполнять программу куропаточьей жизни: держаться вместе, кормиться самостоятельно, не выходить на открытые места. Вся жизнь этих птиц на ногах, и они не знают усталости. Летают мало и лишь в крайних случаях. Но птенцы приобретают способность к полету намного раньше, чем молодняк хороших летунов. Полетные перья на маленьких крылышках растут так быстро, что одетые пухом птенцы уже на первой неделе жизни могут немного перепархивать. Благодаря этой способности за ними удержалось старое охотничье название «поршки». На второй неделе порхание сменяется настоящим полетом, и весь выводок по команде может пролететь вслед за родителями более десятка метров. Но зато сами птенцы растут довольно медленно и догоняют взрослых птиц лишь к осени,

Серая куропатка прекрасно уживается в районах интенсивного земледелия, гнездится на окраинах больших городов, вокруг которых как непременный элемент городского ландшафта постоянно существуют большие и маленькие пустыри со своеобразным животным и растительным миром. На этих пустырях куропаткам удается сберечь гнезда и выводки от собак, кошек, сорок и ворон, но в суровые зимы они терпят тут такое же бедствие, как и те, которые живут в степных урочищах, в песках и на возделываемых полях. Преодолевая из-за голода страх перед человеком, жмутся куропаточьи табунки к станичным и сельским дворам, коровникам и сеновозным дорогам, вступая в нелегкую конкуренцию с голубями, воробьями, овсянками и подвергаясь преследованию ястребов, полевых луней и браконьеров. К исходу зимы от осенних табунков в живых нередко остается одна птица из десяти. И только самая высокая в птичьем мире плодовитость спасает куропаточий род от исчезновения.

Однако есть надежный, но почти забытый способ спасения куропаток и от истребления хищниками, и от зимней бескормицы. Не ожидая, пока стихия начнет брать дань с их поголовья, отлавливают куропаток простыми ловушками и содержат в просторных низких вольерах до появления настоящих весенних проталин на косогорах, когда табунки прекращают свое существование, и куропаточьи пары занимают семейные участки. Не стоит опасаться того, что за два-три месяца неволи птицы привыкнут к человеку, ежедневно приносящему им корм, и потом первыми попадут под охотничий выстрел, В день выпуска они будут такими же дикими, как и до поимки.



Большая синица

Зимой день большого города начинается затемно. К утру мороз выжимает из стылого воздуха густую, игольчатую изморозь, которая отбеливает черное переплетение липовых и кленовых ветвей, искрится в голубоватом и желтом свете фонарей, поскрипывает под ногами. Словно бы выспавшись, резвее, чем вечером, катят по улицам троллейбусы и автобусы. Торопятся к остановке пешеходы, и никто не обращает внимания на тихий звук, который раздается из непроглядного кружева над головами и которого не было тут вечером: тихий-тихий, словно бы робкий, синичий колокольчик. «Ци-фи, ци-фи, ци-фи» — как бы спросонок свистит на дереве невидимка-синица, и еще тише попискивает неподалеку другая. На полтора часа раньше лесных синиц, раньше самых ранних воробьев, ворон и галок проснулись и появились возле еще пустой кормушки синицы-горожанки.

Искони лесная, смекалистая птица, в трудную для нее пору года синица сама шла на контакт с человеком, хорошо усвоив, что возле его жилья в любом случае лучше, чем в голом зимнем лесу. В меру доверчивая, но не назойливая, всегда бойкая, но не драчливая, нарядная и звонкоголосая гостья не могла не вызвать симпатию и желание помочь ей пережить холода. И хотя до сих пор немало синиц так и живут в своих лесах, еще больше их переселяется с осени в города, поселки и села, где дети и взрослые не перестают заботиться о них до весны.

И тут синицы не только сыты в любую погоду, но большинство их и ночь проводит в тепле. Синица вообще нигде и никогда не ночует под открытым небом. Днем еще подремлет несколько минут на веточке, а ночью — под крышу. Годятся дупло, скворечник, земляное гнездо воронка, железная труба: ни ветра, ни сквозняка, ни снега внутри, но холодно так же, как на ветке. А теперь уже не узнать, где, когда и какая синица первой залетела на ночь не в дырку фонарного столба, а в ярко освещенный цех завода, локомотивное депо или аэровокзал. И в самые долгие ночи авиапассажиров поздних рейсов в Уфе ли, в Воронеже или другом порту встречает перезвон синичьих голосов.

Синица не ночной певец, но обстоятельства изменили режим птичьих суток. Днем здесь хозяйничают воробьи, мгновенно подхватывающие каждую крошку. Но зато ночью никого не будет за буфетной стойкой, и можно, не мешкая, отщипнуть кусочек от сдобного печенья или пирожного или ухватить еще что-нибудь по своему росту. Сытые улетают каждая на свой насест в полутемном углу, дремлют, просыпаются, посвистывают под монотонный аккомпанемент одиночки-сверчка и снова перепархивают к буфету, а перед началом нового дня все эти полуночницы куда-то исчезают, наверное, чтобы выспаться.

Кормушка стала не просто зимним спасением для синиц, но и раздвинула их жизненное пространство. Еще на памяти многих из нас время, когда были эти птицы только гостями даже в самых зеленых городах. В пору листопада появлялись кочевые синичьи ватажки в садах и скверах, к зиме их становилось поменьше, а к тому времени, когда приходил срок начинать семейную жизнь, исчезали до осени, снова становясь лесными птицами. И никакие ухищрения с развеской специальных домиков не могли заставить хотя бы одну пару изменить привычной обстановке и остаться выводить птенцов в городе. Но все-таки изобилие корма в конце концов подтолкнуло синицу к тому, чтобы стать птицей-горожанкой. Теперь они настолько привыкли к кормушке, что в дни внезапного летнего ненастья родители приводят к ней свои выводки.

Но основная масса синичьего племени осталась верна лесной жизни. Семейные пары занимают гнездовые участки рано, еще по снегу, наполняя светлый мартовский лес своими весенними «колокольчиками». В это же время приходит в движение вся масса зимовавших вдали от гнездовых мест. Недели за три до равноденствия мелкие синичьи ватажки начинают объединяться в стаи. В середине марта движение их становится направленным: сотни две-три птиц, какие молча, какие с песней, с дерева на дерево, с куста на куст, спрыгивая на проталинки у подножий стволов, тянут вдоль опушек, по речным долинам, садам и лесополосам, не минуя сел и больших городов. Тянут медленно (стаю можно сопровождать пешком), как по какой-то ничем не обозначенной дороге, которую выбирают передовые. Пересекая границы уже занятых участков, эти странники не вызывают возмущения хозяев. Движение это безостановочно, и никто не задерживается даже у полных кормушек, не отстает от стаи, пока не доберется до своего места.

К строительству гнезд самки приступают, когда станет свободно с нужным материалом. А нужны сухой мох, которого можно надергать с комлей соседних деревьев; шерсть, которую можно собрать на лосиной тропе или нащипать с боков линяющего зайца; несколько перышек от жертвы ястреба. В лесу синица выбирает место для гнезда пониже, предпочитая дупла в торцах пней всем остальным. Развешанные домики, дуплянки, тыквы-травянки занимает так же охотно, как скворцы и воробьи. Одна пара както облюбовала отбеленный дождями лосиный

череп. В городе синицы строятся где придется, так как лучшие места занимают сильные конкуренты — скворец и воробей. Потому и находят их гнезда в почтовых ящиках, в трещинах кирпичных стен, в пустотах бетонных плит, в фонарных столбах, во врытых в землю железных трубах. И весенние гнезда для первых выводков, и летние — для вторых делаются одинаково теплыми. Иногда в летнем даже больше шерсти и перьев, и наседка лежит, словно бы на пышно взбитой перине, обогревая в течение двух недель десяток, а то и полтора белых с мелким, четким красным крапом яиц. Лежит крепко, на стук не вылетает. Ее даже рукой погладить можно — она не встанет, а только будет пугать по-синичьи. Корм ей в дни насиживания носит самец.

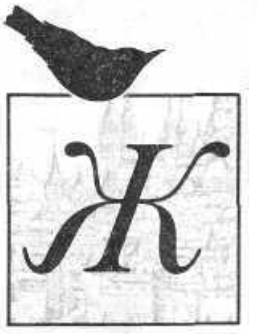
Мать вскоре после вылета первых синичат оставляет их на попечение заботливого отца, Путь и скорость передвижения синичьей семьи в гуще листвы или хвои легко угадать по жужжащим голосам' слетков, а зайдя вперед, можно вскоре оказаться в окружении всего выводка, Еще ни разу не видавший человека птенец может схватить с листа гусеницу и теребить ее буквально возле лица наблюдателя. У него еще светлые края рта, ростом он поменьше взрослой синицы, но платье на нем той же расцветки, только не такое яркое: грудка не желтая, а почти салатная, черная шапочка на голове без блеска, словно перышки ее забиты пылью.

Среди птиц синичьего роста нет всеядных, и сама синица в теплое время года кормится и кормит птенцов всевозможными насекомыми. Зимой же пробует «на клюв» буквально все: собирает с коры яйца тлей, отыскивает на ветках оцепеневших паучат, расклевывает зерна, вместе с вороном и беркутом пользуется той данью, которую берет мороз с оленей и кабанов. Ее не интересует работа большого пестрого дятла на

Большая синица
У своего дома
Портрет
На кормушке

«кузнице» (тут ничем не поживишься), но дятла, занятого свободным поиском, обязательно сопровождают несколько синиц. Другие виды дятлов работают более старательно и экономно, а этот срубает кору с сухостойных деревьев кусками с ладонь и больше. При таком размахе кое-что достается и его белощеким спутницам, быстро подбирающим упавших на снег личинок короедов. А в первые дни весны, когда начинают гнать сок клены, синицы любят пить сладковатую кленовую пасоку из дятловых подсочек.

Песня синицы проста, звонка и приятна: этакое однообразное и бесконечное повторение двух нот, которые раскладываются на два или три слога. Двусложный «колокольчик» одинаков у всех, по крайней мере на слух очень трудно различить двух певцов. Трехсложную песню, созвучную с названием птицы, каждый самец поет на свой лад. Последний слог в ней изменяется от чистого свиста до сверчковой трельки. Есть такие, которые искажают второй слог. А самые редкостные проявляют способности незаурядных пересмешников, и в марте в заснеженном лесу можно услышать июньскую песню чечевицы, но без ее вопросительной интонации. Частенько самец поет, не прерывая какого-либо другого занятия. Но уже с середины февраля он выделяет для этого специальное время. Выбрав ветку повыше, раздвинув желтые перья грудки так широко, что черная полоска на ней становится пятном, названивает под ярким солнцем, словно поторапливая светило: я, мол, тебе песню, ты нам — капель. Слушать песню синицы можно бесконечно, тем более что в эту пору нет других. Ее легко передать звуками нашей речи, кому как слышится. Ее охотно перенимают самые талантливые и взыскательные пересмешники, которые отбирают для своего репертуара далеко не все, что слышат в птичьем мире.



Поползень

утковато бывает в старом лесу за рекой морозными февральскими ночами, когда, проседая под собственной тяжестью, раскатисто трещит лед, когда, пугая оленей, мечется по берегам и просекам эхо от треска раздираемых морозом стволов да похохатывают в чаще черноглазые неясыти. Но едва начнут розоветь облепленные густой изморозью верхушки самых высоких сосен, как неподалеку от опушки, разгоняя ночные страхи, раздается бодрый и немного лихой посвист поползня. Потом днем и дятел побарабанит на сухом сучке, позвенят синицы, помяукает и покудахтает пересмешница-сойка. Но утром в любую погоду первым приветствует новый день именно он, голубоспинный смотритель зимнего леса — поползень.

Когда солнце немного отогреет темные бока дубов и кленов, споет и он. Только песня его, тот самый сигнал, которым птица и права на семейный участок заявляет, и, наверное, настроение свое весеннее тоже выражает, звучит как немного удивленный и протяжный возглас, произносимый свистом. Сильный, звучный, он обычно повторяется трижды кряду и заканчивается короткой трелькой. И это «тьюю-тьюю-тьюю-тирр» никак не вяжется ни с обликом, ни с манерами резкого и быстрого в движениях, смелого и почти невозмутимого поползня. Тем, кто знаком с этой птицей, известен больше тот самый отрывистый, бодрый, какой-то подхлестывающий свист «твуть-твуть-твуть», за который его обладателя издавна звали в народе ямщиком.

Наверняка кто-то просыпается раньше, чем они. Но именно их бодрый свист звучит как сигнал подъема, как утреннее приветствие, как утверждение, что ночь миновала, что сегодняшний день будет чуточку длиннее, чем вчера, что жизнь продолжается. Всегда у этих поползней хорошее настроение, словно все им вокруг трын-трава. Всегда поползень скор, бодр, ни от кого и ни от чего не зависим и абсолютно бесстрашен.

Какая дикая птица может оставаться спокойной, когда рядом с гнездом человек? Только поползень. Кого можно, запасясь небольшим терпением, угощать семечками прямо с руки? Поползня. Попав в ловушку, поползень не бьется в ней, обезумев от ужаса, не бросает семечко, а ждет, когда выпустят. Дятел в руках кричит истошным голосом и клюется, большая синица молча щиплет пальцы, а этот потрепыхается немного, пока надеваешь ему кольцо на

ногу, что-то неразборчиво буркнет (клюв занят семечком) и, отпущенный, через несколько минут снова сидит в ловушке. Создается впечатление, что он легче с жизнью расстанется, чем с куском. Откуда такое пренебрежение опасностью? Его держишь в руке, а он присматривает место, куда бы ему семечко поудобнее и понадежнее запрятать.

Независим поползень потому, что запаслив. Дятел или синица, когда сыты, дремлют. Поползень так попусту времени не тратит. Если сыт, все равно ищет и прячет все съедобное в десятки и сотни маленьких тайничков на стволах. Если что-то не ладится с поиском, достанет из запасов орех. Долбит его не где попало, а на своем долбежном дереве: затискивает в морщину коры орех или кленовое крылышко и стучит не хуже дятла. Только дятел работает, опираясь на хвост, а поползень ни на что не опираясь, да еще вниз головой. Уцепившись расставленными лапками за кору, он бьет скорлупу ореха, добавляя к силе удара собственную тяжесть. И торчат зимой на таком дереве по всему стволу осколки ореховых скорлупок да бурые кленовые «носики».

Поползень

У нас, кроме поползня, нет больше птиц, которые заботливо обеспечивали бы кормом себе зимовку. Среди зверей с таким же усердием запасается только хомяк. Азарт запасания у поползня не исчезает до конца зимы. Я не раз испытывал поползня: может ли он при избытке корма зимой отказаться от заготовки впрок? У меня то времени не хватало, то уже нечего было предложить птице, а она все требовала: давай! где семечко? дай семечко!

Лес поделен между поползнями и зимой так же, как летом. При нечаянных встречах в пограничной зоне у них не бывает драк. Предъявление прав ограничивается очень короткой демонстрацией: один из соседей принимает вызывающую позу, выпятив грудь, подняв торчком вверх и клюв, и коротенький хвостишко. Этого оказывается вполне достаточно для разрешения конфликта.

В одну из зим посреди лесной поляны, на ничьей земле была устроена большая птичья кормушка. Семечек насыпали на столик, сушеной рябины и бузины, мелко нарезанного лисьего сала. Только отошли в сторону, как на него, оглядываясь по сторонам, сел поползень. Взял в клюв сало и улетел с ним к деревьям. Вернулся он быстрее, чем мог бы управиться с кусочком, и вернулся не один. Рядом села его подруга и терпеливо стала ждать своей очереди, пока он выбирал, что получше. Обе птицы то и дело улетали и возвращались снова, раз за разом унося только сало, которого уже хватило бы на десяток поползней.

Я пошел к тому дереву, к которому полетел самец. Он бегал по толстому сухому суку: в одном месте кора отстала и туда он затолкал свою добычу. Каждый новый кусочек прятал на другом дереве. Пара трудилась так энергично, что пришлось добавить сала: хотелось узнать, есть ли у птиц чувство меры. Но тут появилась еще одна пара, жившая по ту сторону поляны. Однако первые считали себя хозяевами всего изобилия, и самец дал понять это соседям. Те не особенно возмутились. Они подождали, пока хозяева унесли новую порцию, и, быстренько ухватив по кусочку, улетели в свою сторону. Ритм работы удвоился, лишь один раз дело дошло до короткой стычки, когда первый самец, вернувшись, застал второго на столике.

Но оказалось, что к поляне выходила граница участка еще одной пары, которая позже всех узнала о даровом угощении. Поляна была ничья, и поэтому птицы были обескуражены, встретив двойной отпор. Однако и они, улучив момент, когда четверо соседей разлетелись, получили свое.

Пряча добычу, поползень не интересуется, видит его кто-нибудь или нет. В то время как птицы едва поспевали заправлять в щели куски сала, сойка наблюдала за ними и следом вытаскивала кусочек за кусочком и проглатывала, Несколько кусочков нашел и дятел.

Все птицы, которые делают на трудное время запасы, начинают собирать их, когда черные дни уже не за горами. Поползень в середине лета, в июле, прячет на деревьях все, что съедобно и может храниться до весны. Одна парочка, воспитав и отпустив свой выводок, переносила на свои сосны сначала несчетное количество вишневых косточек, потом арбузных семечек, потом подсолнечных. Вскочив на стол, они ловко выклевывали из нарезанных ломтей арбуза спелые семена, стараясь взять сразу два-три. Темп работы при изобилии корма был таким же, как зимой на кормушке. Наверное, эти птицы ничего не умеют делать как-нибудь.

С гнездовыми делами поползень опережает всех лесных птиц, кроме таких же домоседов — тетеревятника, ворона, неясыти да, кажется, еще белоспинного дятла. Чуть ли не в самый первый погожий денек апреля, когда солнце быстро подбирает снег из-под деревьев, когда лишнее тепло стекает по стволам к их подножиям, самка принимается за дело. Гнездо строит с той же поспешностью, с какой потом будет собирать корм птенцам. Дупло выбирает заранее, еще зимой. Прежде всего вход в него делает по своему росту. Для этого набирает полный клюв земли и, забравшись внутрь, начинает обмазывать края дупла. Если леток настолько мал, ЧТОБ него можно лишь пролезть, как, например, у дупла дятелка, самка все равно обмазывает края глиной, делая круглое отверстие чуть овальным, Только после этого она будет уверена в безопасности жилья для нее самой, яиц и птенцов. Эта обмазка — надежная защита от скворца, вертишейки, белки, куницы. Дятел тоже через такой маленький вход пробиваться не будет, а скорее сзади стенку проломит.

Занятую обмазкой птицу снаружи не видно, к подножию дерева не падает ни комочка. Если глины поблизости нет, самка берет песок или легкую супесь. В каждый комочек птица добавляет немного слюны, как ласточки добавляют ее к любому грунту, и держится такая обмазка годами.

Слизнув несколько капель кленового сока, поскакав торопливо по стволу в поисках съестного, самка заканчивает обмазку и начинает заполнять лишнее пространство в дупле. Присмотрев вблизи полуистлевший пень, откалывает от него куски почти в палец, едва протискивается с ними в дупло и бросает их внутри как попало.

Третий этап работы проще: строительница сдирает с сухих веток маленькие кусочки коры и кладет их внутри так, чтобы получился неглубокий лоток. Никакого отдыха, пока не будет закончена работа, и еще незаметно, чтобы солнце начало клониться к закату, а уже положен на место последний кусочек. В конце строительства самка выглядит такой же энергичной и бодрой, как и в начале, хотя все сделано ею без какой бы то ни было помощи со стороны самца,

Он лишь изредка подлетает к дуплу, смотрит, не залезая, внутрь, потом громко и протяжно свистит. В его весеннем свисте слышится нам или восхищение работой, или удивление, или тревога. На самом деле это заявление прав на свою территорию, которую он охраняет,

Как и у дятлов, стихия поползня — стволы деревьев, только его мастерство лазания несравненно выше, чем у лесных мастеров, потому как он может передвигаться по вертикальной поверхности в любом положении: боком, вверх и вниз головой, не пользуясь третьей точкой опоры, то есть хвостом. Из-за легкости и быстроты движений кажется, что сила тяжести, действующая на эту птицу, направлена не к центру Земли, а к сердцевине ствола, что прыжки даже в положении вниз спиной не требуют никаких усилий. Но человек, на ладонь которого впервые опустится за угощением прирученный поползень, невольно пугается, когда когти небольшой, воробьиного веса пичуги с неожиданной силой, хотя и без боли, впиваются в кожу. Цепкость пальцев такова, что позволяет поползню держаться даже за поверхность бетонных столбов,

Эта птица всегда в движении, всегда она на ногах.

А отдыхает ли когда или с зари до зари в сплошной беготне по стволам? Летом в середине дня наступает в лесу час, когда куда-то исчезают все поползни: не видно самих, не слышно ни писка, ни посвиста. Будто все, сговорившись, отправились в гости к родне в соседнюю рощу, потому что и в голову не придет, что таким деятельным и подвижным птицам нужен хотя бы небольшой отдых. Но долгий летний день великоват для пернатых бодряков, поэтому прячутся они по свободным дуплам, чтобы подремать немного,

Сверху поползень весь голубоватый: и голова, и спина, и крылья, и хвост, снизу — белый и немного рыжего по бокам у хвоста. Глаза светлые, а через глаза от клюва узкие черные полосочки. Клюв острый, прямой, крепкий,

При своей довольно яркой и пестрой окраске поползень на стволе не очень заметен. Ведь кора дубов, осин, сосен и даже берез порой так густо облеплена нашлепками голубоватых лишайников, что чистого места между ними не остается, Под этими нашлепками поползень часть своей добычи находит. И все-таки он одна из самых заметных фигур зимнего леса: то шуршит, то стучит, то свистит на разные лады с первых минут рассвета и чуть ли не до темноты, как самый настоящий смотритель зимнего леса.

Сорока

одной из последних зимних недель непременно найдутся два-три денька таких солнечных, чистых и тихих, что невольно перестаешь торопить порядком надоевшую зиму. В эти дни лучше всего пересчитать с самолета уцелевших лосей, кабанов, оленей, которые наверняка доживут теперь до тепла и зелени лесных первоцветов. С двухсотметровой высоты четкими тенями видны даже цепочки лисьих следов, не то что черные колоды лосиных туш и кабаньи «котлы». Большие птичьи гнезда еще под снеговыми нахлобучками. В лесу их мало, в лесополосах много. Где сотни — одно возле другого, — там грачевник, где одно-два, там сорочий участок. Грачей еще нет, но сороки уже чем-то заняты внизу и, напуганные самолетом, разлетаются в разные стороны.

Раньше середины апреля ни в одном из сорочьих гнезд яиц не будет, но многим птицам не терпится хотя бы н&много побыть, повозиться у старого жилья, может быть, просто так, может быть, подправить его. А какая-то самая старательная пара еще в феврале аккуратно разобрала по прутику все ближние постройки прошлых лет и сложила новое гнездо — огромный, насквозь просвечивающий шар. Пока поблизости нет талой земли и не из чего слепить внутреннюю основу этого сооружения, прочную земляную чашу. Нет сухой ветоши, чтобы выстелить лоток изнутри. А те птицы, у которых в их короткой жизни еще не было ни кола ни двора, в это время еще и пару себе не присмотрели, с кем строиться будут.

Дырявая крыша, пусть даже метровой толщины (и такие бывают), конечно, не защита от дождя, но препятствие для тех, кто не прочь заглянуть в чужое гнездо и стащить яйцо или птенца. А прочность ажурного сооружения из веточек и земли отменна: без всякого ремонта держится оно на дереве или кусте годами под бесчисленными дождями, снегопадами и ветрами. У станции метро «Профсоюзная» в Москве высаживали уже большие липы, одну из них привезли из питомника прямо с полуразвалившимся, без крыши сорочьим гнездом. Года два липы стояли на месте, а потом их аккуратно выкопали, чтобы проложить дополнительный кабель, и посадили снова. Гнездо выдержало и перевозку, и две посадки, и две выкопки и еще пригодилось бы для ушастой совы или пустельги, если те вздумали бы поселиться на московском бульваре.

Маленькие соколы — кобчик, чеглок и пустельга, совы — ушастая и зорька, кряква, черныш и еще несколько птиц, лесная куница выводят свое потомство в капитальных сорочьих постройках. Для половины из них именно сорока является проводником в новые места. Сначала селится она, а через год-два одно из ее гнезд занято пустельгой или совой. Чаще всего им достается то, что бросает сама сорока, однако бывают и случаи насильственного захвата, но лишь от безвыходности положения с жильем, потому что сами они — ни соколок, ни сова — и прутика положить со смыслом не умеют.

В одном из лучших охотничьих хозяйств страны — Нижнекундрюченском — каждую весну разрешается строиться всем желающим сорокам, но как только гнезда готовы, их безжалостно изгоняют с территории хозяйства, чтобы до осени и духу сорочьего поблизости не было. За что? Ни одна сорока не упустит возможности обездолить горлицу, чирка, стрепета, кулика, фазана. Чтобы разграбить чужое гнездо, сороки могут собираться в группы, в которых птицы действуют почти согласованно, сгоняя с яиц наседку. С мелкими птицами сорока вообще не считается. Один на один она может убить суслика, а вдвоем — месячного зайчонка-русака. Всюду, где живет сорока, не любят ее птицы, и она как изгой среди птичьего племени.

За то, что ловит мышей, что хлебных жуков истребляет, что обеспечивает жильем столько нужных птиц и даже зверей, которым порой приткнуться некуда, сороке можно было бы простить хотя бы кое-что из ее прегрешений. Но дело в том, что сорока пока и не нуждается в таком прощении. Она не хуже вороны воспользовалась теми выгодами, которые предоставила ей охрана птиц и охрана природы вообще. Она, как и ворона, покидает глубинку и селится вдоль больших дорог. На среднем участке шоссе Ростов-на-Дону — Москва она самая многочисленная птица: до пяти жилых гнезд на километр.

В деревенских садах сорока — один из обычных пернатых соседей человека. Но в последние годы она стала заселять и большие города, куда не очень смело заглядывала прежде только зимой. Жизнь сорок-горожанок, уже даже потомственных, посложнее, чем у их предков. Они, не утратив своей природной осторожности, вынуждены строиться на большой высоте, за кормом для себя и птенцов летать из центра за город. Если взрослые могут просуществовать на отбросах, то семерых сорочат надо кормить свежей добычей: насекомыми, мясом. И сорока *в* городе становится еще более заядлым разорителем гнезд мелких птиц, стараясь залезть даже в стрижиные. Особенно достается воробьиному племени. В пору вылета первой волны воробьиных слетков сороки-родители летают предельно медленно над живыми изгородями, гус-

тыми деревьями и кустами, где любят отдыхать воробьиные ватажки. Услыхав их чимканье, сорока круто пикирует в гущу зелени, а там поймать желторотого воробьенка проще простого.

Вселение сороки в города началось во многих частях ее ареала примерно в одно и то же время. Где-то поселилось сразу несколько семей, где-то робковато пристроилась на тихой окраине одна-единственная. Самое простое, но не самое правильное объяснение этой миграции напрашивается само собой: воспользовавшись всеобщим покровительством птицам и соблазнившись сытой жизнью, сорока переселилась из пригородных лесов в «хлебные» кварталы многоэтажек. Но ведь, осевши в городе, ей пришлось кое-чем поступиться — в выводках стало меньше сорочат. На стратегию размножения повлияли отнюдь не безопасность и комфорт. В городе, особенно в центральных кварталах и в районах современных сплошных новостроек, прокормить большие выводки в шесть-семь птенцов трудно: приходится летать за километры, оставляя детей без присмотра. Так в чем же дело?

Скорее всего сорока была вынуждена искать спасения в городе не от полуголодной жизни, а от какой-то серьезной опасности. Получив новое жизненное пространство в виде системы полезащитных лесных полос, сорока сама же привела туда лесную куницу, которая стала опустошать сорочьи гнезда не как квартирант, а как охотник, Кое-где стал прижимать сороку и ястреб-тетеревятник. В Каменной степи, например, оба этих хищника берут с сороки немалую дань. И если за сорок лет до написания этого рассказа в Каменной степи самой видной после грача птицей была наша старая знакомая, то теперь стала она там же большой редкостью. В лесополосах по весне куница, не утомляя себя воздушной акробатикой, ищет сорочьи гнезда с земли и, не ленясь, проверяет каждое. Стволы берез с такими гнездами всегда мокрые: из крошечных ранок от куньих когтей сочится сладковатая пасока. И теперь я почти уверен, что разгадка причины вселения сообразительной птицы в города кроется в ее бегстве от опасных хищников.

Весной, когда начинается строительство, у сорок появляется не совсем понятная страсть к блестящему металлу. В нескольких гнездах «диких» сорок находил я жестяные пробки от пивных бутылок. А в городе таких предметов, которые и блестели бы, и для постройки годились, предостаточно. И подбирают городские сороки кривозубые алюминиевые вилки, куски проволоки и обрывки проводов в яркой пластиковой изоляции, гнутые гвозди (но не ржавые!). Когда из одного гнезда после вылета птенцов вынули весь металлический стройматериал, выпрямили и измерили, получилось более ста метров. В стенки другого гнезда был искусно вплетен полуторометровый проволочный конец, придававший постройке дополнительную прочность,

Но далеко не все сороки соблазняются блеском, цветом и отменным качеством пригодных для строительства предметов, предпочитая сооружать гнездо по старинке, из веточек, Одной паре чего только не подбрасывали: разрубленную на куски стальную цепочку, разноцветные провода, сверкающую, как начищенное серебро, проволоку и проволоку латунную и красной меди, ложку и вилку, елочную канитель, скрученную фольгу. Не взяли ничего из этого изобилия, хотя все лежало на виду вокруг гнездового дерева в тщательно выметенном еще осенью скверике. Пара эта работала очень старательно и экономно: уронят прутик — не поленятся спуститься и подобрать. Но остальных вещей в клюв не брали. А пара с соседней улицы три весны подряд закладывала в стенку «дома» одну и ту же гнутую вилку: вытаскивали ее из старого гнезда и прилаживали в новое. Только вилку, и больше ни единой блесточки. Их третье гнездо было построено на березе всего в четырех метрах от окна квартиры, и можно было разглядеть в нем любую мелочь даже при электрическом свете.

В феврале у сороки, как и у прочих оседлых птиц, появляется свободное от поисков корма время. Да и солнце пригревает посильнее: днем ладонь ощущает тепло нагретых кленовых стволов. И возникает у птиц особое настроение, когда им требуется какое-то тихое развлечение, Устроившись в гуще сосновых ветвей, в колючем кусте боярышника, у ствола старого дуба, сорока неразборчиво, негромко и шепеляво повизгивает, шипит и прищелкивает, кудахчет и бормочет. Пересмешник она не из первого десятка, угадать чужие голоса в ее бормотании порой очень трудно даже знатоку, но зато ей хорошо удается чревовещание: порой кажется, что на дереве «разговаривают» две птицы. Меняется интонация, звучат какие-то вопросы и торопливые ответы на них, и все скороговоркой, без пауз. Но стоит пискнуть поблизости по-мышиному, как сорока, мигом замолчав, спрыгивает на нижние ветки и присматривается к месту, откуда раздался голос желанной добычи,

А вот в городе сорока, сохранив все родовые обычаи и привычки, будто стала стесняться своего посредственного птичьего дара, и, чтобы послушать ее щебетание в погожие предвесенние деньки, по-прежнему приходится отправляться за город. Но зато необыкновенные воздушные игры сорок удалось увидеть именно над городскими кварталами. Согласитесь, что одна лишь внешность длиннохвостой птицы заставляет предполагать, что в любой момент готова она совершить нечто дерзкое, отчаянное, озорное, да только остерегается при свидетелях. Действительно, сорока довольно скрытна в проявлении

чувств: она и поет-то всегда в одиночку. Однако если выражать свое настроение полетом, то ведь никуда не спрячешься. Небо!

За неделю до наступления равноденствия, в чудесный тихий полдень, когда в тени еще держался мороз, а над косогорчиками и крышами уже поднимался парок, носилась над застроенным бывшим карьером сорочья стайка. Могло показаться, что птиц спугнули с помойки и они кружат, выжидая, когда исчезнет причина их беспокойства. Но на разворотах группа явственно разделялась на пары, которые не перестраивались, когда птицы летели по прямой. На одном из виражей к стайке присоединились еще четыре сороки. Наверное, это был полный состав для игры, потому что все, прекратив кружение, начали круто забирать вверх, одновременно с набором высоты снова разделяясь на пары.

Вначале показалось, что птицы, заметив ястреба, хотят лишить его преимущества в нападении, поднимаясь выше его и разлетаясь в стороны. Но, взлетев метров на сто (у меня убеждение, что сороки не любят неба и на орлиные высоты не поднимаются), каждая пара стала падать вниз этаким фейерверочным колесом: каждая из птиц, рисуя в воздухе петлю за петлей, будто норовила ухватить партнера за хвост, После четырех-пяти оборотов падение прекращалось, сороки вновь набирали высоту, и вновь восемь черно-белых обручей катились к земле, Никакой очередности пары не соблюдали и друг другу не мешали. Такой полет можно поставить в категорию высшего пилотажа и по сложности фигур, и по законченности маневра, и даже по скорости.

Сорока единственная из птиц, кого ни с кем не путают. Ее знают все и везде называют своим именем. Ласточек называют стрижами, грача — вороной, а ворону — галкой, но сорока везде

Сороки
У гнезда
На подкормке

сорока. Легко запоминается и ее голос. Она осторожна, но постоянно на виду. Лишь в середине лета, когда начинается линька, прячутся сороки в чаще лесной, словно стыдясь своей короткохвостой фигуры и обтрепанной внешности.

К осени сороки собираются в стаи на свалках, у боен, колхозных ферм. Залетевшего сюда перепелятника принимаются гонять все, но словно бы без зла, а ради развлечения. Да и тот всерьез не принимает угрозу: неторопливо летит к ближнему лесочку, а следом тянется пестрый, мелькающий черно-белый шлейф из сотни сорок. Последние отстают пораньше, первые проводят ястреба до деревьев, посидят там немного и летят назад. Но летят с таким видом, словно действительно задали трепку пернатому хищнику.

Кое в чем сорока действительно сообразительнее вороны. Она, избалованная нашей же расточительностью, быстрее вороны научилась припрятывать корм про запас. Живясь по дворам, закапывает не все, что достанет, а кусочки повкуснее и в отличие от вороны присматривает за спрятанным и как может охраняет, осмеливаясь отгонять от тайников собак и кошек. А на вороватого грача набрасывается, будто защищая собственную жизнь. Да и совместные действия у сорок более согласованны, чем у ворон: ограбление чужого гнезда совершается как по предварительному сговору с распределением ролей, ^ не по принципу «тащи, кто что может». Временная шайка едина в своих действиях и почти всегда добивается успеха, хотя результатами грабежа не могут воспользоваться все участницы нападения (не на всех яиц под наседкой хватит). Но и меж собой не ссорятся: сегодня наша доля, завтра — ваша.

При всех прочих сорочьих достоинствах и недостатках нельзя не любить эту птицу уже хотя бы за то, что зачастую она бывает единственным живым существом, которое в любую погоду повстречается на унылой осенней или зимней полевой дороге. И в облике этого встречного нет ничего зловещего, тоскливого или вызывающего жалость. Всегда бодрая, немного вздорная и горластая старая знакомая — сорока-белобока.

Домовый воробей

Д линнее и светлее становятся дни, больше у птиц свободного от поисков корма времени. Играют над высокими зданиями вороны, млеют в лужицах талой воды голуби, звенят обласканные ярким солнцем синицы, словно позабыв о кормушках. За низенькой изгородью сквера, на ветках густой сирени, греется воробьиная ватага. Какие подремывают, какие перо перебирают, какие по сторонам поглядывают и чимкают негромко: все, мол, спокойно. Рядом автобусная остановка, идут и стоят люди. Спокойны воробьи. Однако стоит человеку обратить на куст внимательный взгляд, как разом обрывается мирный птичий говорок, и все, кто спал, кто чистился, кто в другую сторону смотрел, настораживаются, как один. Еще один взгляд, одно подозрительное движение, и стайка перелетает подальше и повыше.

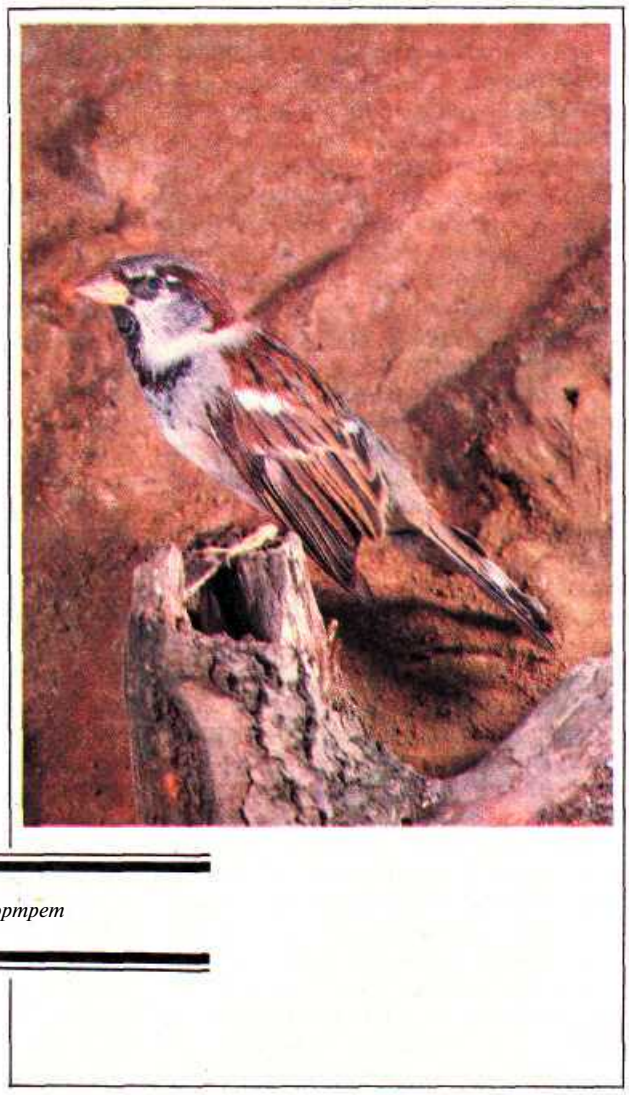
Смел и осторожен, находчив и сообразителен, памятлив и общителен наш постоянный сосед — домовый воробей. Он не ищет уединения и не терпит одиночества. Его стихия — городские кварталы и сельские улицы, где он знает все и всех. Но, живя тысячи лет бок о бок с человеком, используя все выгоды этого соседства, воробей остается дикой и недоверчивой птицей. Научившись пробираться на зиму в здания вокзалов, крытых рынков, больших магазинов, он ведет себя в закрытом помещении еще более уверенно и смело, чем под открытым небом, и живет до весны припеваючи. Опасаются воробьи лишь больших открытых пространств и воды, и суши. Поэтому и поля они грабят только с краев, чтобы иметь возможность при малейшей тревоге быстро спрятаться в ближайшей лесополосе. И воду либо облетают понад берегом, либо перелетают ее над мостами и дамбами.

Повсюду в обиходе слывет домовый воробей чуть ли не самой драчливой и скандальной птицей. Хотя обычно за драки принимают шумное и торопливое токование, которое можно видеть и слышать в любой сезон чуть ли не каждодневно. В хорошую погоду — чаще, в ненастную — пореже. Прекращается оно лишь дважды в году: когда надвигается шапка зимы, да в конце лета, когда взрослые птицы меняют наряд.

Это уличное «сватовство» тем быстрее и шумливее, чем больше птиц участвует в нем. Когда токует один самец без соперников и зрителей, он робко держится поодаль избранницы, кружа вокруг нее с однообразным чимканьем.

Приспустив крылья, приподняв хвост и припадая грудью к земле или к веткам, он ненавязчиво старается обратить ее внимание на себя. Если токуют сразу двое, то, не проявляя никакой неприязни друг к другу, оба смелеют и скачут почти рядом с самкой, которая никогда не бывает пленена таким вниманием и рассерженно делает угрожающие выпады в сторону то одного, то другого поклонника. Одновременное токование троих самцов да еще при десятке зрителей действительно похоже на драку без правил. Каждый дергает самку за крылья, за хвост, за перья спины. Та, никогда не проявляя благосклонности в открытую, едва успевает отбиваться, но, не выдержав столь напористого ухаживания, стремительно улетает.

Но когда вокруг припавшей к земле «невесты», мешая друг другу, скачет дюжина «женихов», ей не спастись и бегством, потому что самый настырный летит не просто следом, а крепко ухватившись за ее хвост. Воробьихи-соседки обычно внешне равнодушны к подобным сценам, но иногда, проявляя сочувствие к попавшим в свадебный переплет самкам, помогают тем отогнать самых назойливых ухажеров. Те в свою очередь не препятствуют друг другу проявлять свои чувства. Но уж если кто-то уловит малейший намек на благосклонность, то тут же начинает щипать и клевать соперников, которые не решаются дать ему сдачи.



Портрет

Домовые воробьи — выходцы из теплого Средиземноморья, но этим трудно объяснить такое всесезонное токование. Дело скорее всего в том, что у этого вида существует постоянная нехватка взрослых самок, и каждый холостой самец стремится создать семью, как только появляется хотя бы малейший намек на эту возможность. Как-то в конце зимы, в дни с хорошей погодой, было пересчитано более десяти тысяч воробьев. И повсюду — в селах и в больших городах — самцов было больше, чем самок. А для территории центра европейской части России оказалось, что в среднем на каждую сотню воробьих перед началом гнездования приходится более ста пятидесяти воробьев.

Но без ссор и драк воробьиная жизнь все же не обходится. А на общих ночевках вечерами разыгрываются прямо-таки безобразные сцены. Тысячами еще засветло слетаются воробьи на облюбованные деревья, но успокаиваются и засыпают уже после наступления темноты. В сплошном гаме птичьих голосов преобладает рассерженное верещание. Собираются вместе вроде бы все свои, но мира нет. На каждой ветке находятся задиры, которые постоянно ищут ссоры, которым не по душе ни один из соседей. Располагаясь на ночь под открытым небом, воробьи даже в самую стужу не садятся крыло к крылу, выдерживают такой интервал, чтобы с места не дотянуться до соседа клювом. Но кому-то этого мало, и они с угрозой требуют от соседа, чтобы отодвинулся подальше (а куда двигаться, если с другой стороны сидит такой же воробей?!). И если предупрежденный не освобождает место, его просто-напросто сдергивают с ветки за хвост или крыло. Да еще подержат в таком положении на глазах у остальных.

Домовый воробей — единственная среди известных мне птиц, кто может затеять драку без видимой причины и в такое время, когда у других не бывает даже пустяковых ссор, осенью, например. А весенние стычки отличаются такой яростью, что зачинщик, а может быть, и оба драчуна не воспринимают угрозу их собственной жизни. Сцепившись на ветке или крыше, они могут, не разжимая клювов, упасть на землю и стать добычей оказавшейся поблизости кошки. У них происходит что-то вроде помрачения сознания или паралича воли. Обоих можно взять в руки, но и на ладони они не сразу приходят в

себя. Иногда разлетаются в разные стороны, однако злость зачинщика бывает столь велика, что он и с руки мчит за удирающим, чтобы всыпать ему еще.

Дерутся и поодиночке, и семьями, которым вроде бы и делить нечего. Причем в межсемейных столкновениях соседка нападает на соседку, а самец — на самца. Такого, чтобы двое на одного, как у лысух или камышниц, видеть не приходилось. Стало быть, и у воробьев существует какой-то общепринятый кодекс. Например, взрослый воробей, раздавая тычки собратьям, никогда не тронет слетка, из чьего бы гнезда тот ни был, и позволит ему делать то, чего не терпит в ровесниках.

У большинства животных агрессор или деспот моментально умиротворяется покорной позой или поведением подчинившегося. А у домовых воробьев покорность побежденного не избавляет победителя от злости. Одна из уличных сценок из воробьиной жизни убедила меня в том, что причина конфликта, вероятнее всего, скрыта в прошлом, что «агрессор» нападает, подогреваемый неугасшим чувством мести. Протокольная запись этого происшествия хранилась у меня восемнадцать лет.

«Мирно пасется на спорыше воробьиная ватажка. Внезапно один самец с криком нападает на другого. Тот, не отбиваясь, вырвался, потеряв несколько перышек, и помчался прочь. Нападавший — за ним, но догнать не успел. Побитый спрятался под густой куст кизильника, а тот уселся на ветку. Подошел к кусту: кто же страшнее, человек или воробей? Забияка отлетел в сторонку, а тот лежал затаившись и улетел лишь от протянутой руки, но драчун тут же загнал его под другой куст. А ведь уже ноябрь, время для воробьев вроде бы мирное. Один такой злопамятный, или порок сидит в каждом?»

И в семейной жизни поведение домового воробья не укладывается в тесные рамки жесткого стандарта. Взять хотя бы сооружение гнезда. В многочисленном семействе ткачиковых воробей далеко не самый искусный строитель, и для определения внешнего вида его гнезда больше всего подходит слово «ком». Это действительно ком, свалянный из травинок, мочала, тряпочек, перьев и чего угодно еще, что можно было подобрать поблизости. Некрасиво гнездо снаружи, зато надежно, тепло, уютно и чисто внутри. А место для него найдется всюду: в дупле, под жестяной или шиферной крышей, за наличником окна, в скворечнике, в гнездах воронка и белого аиста, в норке береговушки или щурки, в бетонном столбе и где угодно еще. Находчивые птицы затискивают гнезда между водосточными трубами и каменными стенами, между защитными решетками и кожухами механизмов, в буквы световых реклам. А чем южнее, тем чаще строят жилье открыто, на деревьях.

Гнездо может быть построено самцом, самкой или обеими птицами совместно. Ранней весной первое гнездо может сложить и холостой воробей-одиночка. Но, обзаведясь семьей, такой не принесет для второго, летнего, гнезда ни перышка. Самка все сделает сама и быстро, и умело. К тому же не на каждое гнездо приходится тратить одинаковые силы и время. В пустой скворечник надо натаскать пакли, перьев, соломинок вдесятеро больше, чем в тесное лепное гнездышко воронка. Постройки этих ласточек воробьи захватывают охотно, если только отверстие летка позволяет забраться внутрь. И коли воробей уже залез в гнездо, ни один воронок не посмеет чем-либо помешать захватчику.

Сами же воробьи, особенно самцы, умеют постоять за свое жилье и смело бросаются на захватчика, который и крупнее и сильнее. Черного стрижа не всегда спасают крылья, скворцу удается вырваться лишь на земле, куда он падает вместе с вцепившимся в него воробьем. А на повторную встречу *с* разъяренным воробьем решится уже не каждый.

На наших глазах исчезла просуществовавшая несколько столетий, но так и не сделавшаяся наследственной привычка домовых воробьев, живших в селах, устраивать на крутых скатах соломенных крыш этакие полупещерки-полунорки для зимних ночевок. И в больших, и в малых деревнях таких домов с конопатыми крышами было достаточно. Но далеко не все подряд нравились воробьям, которые и днем все вместе, и ночью рядом друг с другом. Однако «квартирка» у каждого своя, только на одного. И служили такие норки многим поколениям по нескольку лет и даже десятилетий (если избы не перекрывались), пока крыши на них не обрастали мхом, На новой крыше воробьи не спешили восстанавливать «ночлежку», а приступали к работе осенью. Работая артелью, каждый старался лишь для себя, выщипывал и выдергивал прочные соломины, не помогая другим. Работали днем, когда солнце висело на южной стороне неба, поэтому все пещерки располагались на теплом скате крыши.

Когда же началось обновление деревень, когда стали крыть дома черепицей, жестью, шифером, когда нигде не осталось гумен, риг и овинов, воробьи не растерялись и, по мере приближения равноденствия, в погожие деньки, как и прежде, готовились к зиме. Они чуть ли не со всего села слетались к скотному двору, где были сложены соломенные ометы или скирды, на крутых боках которых сотни птиц старательно готовили себе убежища. (В поле не летели!) Но омет был ненадежным «домом»: к середине зимы от него оставался небольшой ворох побитой мышами соломы, а воробушки еще раньше оставались без крыши над головой. И ныне уже ни один сельский воробей не помнит, как зимовали

его предки, не интересуется стогами сена на подворьях, а больше ютится по щелям, устраивая в них подобие гнезда-постели.

На памяти многих горожан остались шумливые вечерние воробьиные сборища на уличных липах и тополях. Тысячи птичьих голосов заглушали грохот старых трамваев. Среди зимы оголенные кроны деревьев казались покрытыми густой листвой. Это было как раз тогда, когда голубь Пикассо завоевал души миллионов и любовь к птице-символу перешла на живых голубей, которые беспородной лавиной затопили города. Птиц круглый год кормили отборным зерном и перед церковными папертями, и перед школами, на главных площадях и улицах. Творя добро одним, помогли и другим: на даровых кормах неимоверно расплодились воробьи, стянувшиеся к местам голубиной подкормки. Их стало не просто очень много, но и изменилось поведение. К вечеру не разлетались по дворам, а, наоборот, собирались на многолюдную и ярко освещенную улицу, чтобы дождаться утра под открытым небом, какая бы погода ни была, и первыми быть возле корма. Постепенно голубиная благотворительность угасла, поубавилось воробьев, и лет через двадцать зимние ночевки на деревьях прекратились.

Среди сухопутных птиц немало заядлых купальщиков, но таких, как воробей, надо поискать. Кто еще полезет в случайную лужицу или ручеек в морозный день? А воробьи плещутся в холодной воде прямо с утиным восторгом. Бывает, что перо смерзается на купальщиках и им не удается взлететь даже на ближайший подоконник. Купаются в воде любой чистоты, лишь бы это была вода. Купаются в свежем снегу, в пыли и песке, в печной золе, в саже и толченом кирпиче. Поэтому и попадаются на глаза возле шинных или кирпичных заводов черные или красные воробьи.

Воробей не всеяден, но в городе ему летом и зимой достается то, чего он никогда бы не попробовал, живя в дикой природе. Мороженое, например, чебуреки и пирожки с разными начинками, сахар, не говоря уже о разных сортах хлеба и всевозможных крупах, готовых кашах и салатах. Именно в городе, где воробью часто достается больше, чем он может съесть, научился наш сосед носить (если по силам) куски и даже прятать лишнее про запас. Не так умело и тщательно, как ворона, но все же, насытившись, сунет оставшуюся корочку в какую-нибудь щель. Но, как и у ворон, до этого додумались немногие.

Но и при всевозможных «разносолах» воробей предпочитает свежий растительный корм, и семена птичьей гречишки для него привлекательнее манной крупы. Травку молодую любит, выедает бутоны одуванчика, зимой в оттепели ощипывает цветочные почки сливы и крыжовника, летом лакомится спелой вишней и земляникой. На огородах его не прогнать от подсолнухов и конопли. Сельские птицы давно оценили вкус наливающихся пшеницы, проса, гречихи,

Живая добыча: жуки, гусеницы, бабочки, комары-звонцы и караморы, пауки — идет на выкармливание птенцов. Взрослые более или менее равнодушны к ней. Но если добычи много, она вкусна и сытна, ее легко ловить, тогда ни стар, ни мал не упустят случая. Когда в середине лета происходит вылет крылатых самок черных садовых муравьев, то даже сытые, готовящиеся к вечернему отдыху воробьи ловят их на взлете, хватают тех, которые уже без крыльев бегают по земле.

Когда началось повсеместное увлечение синичьей благотворительностью, каких только хитроумных способов не напридумывали, чтобы корм доставался доверчивым синицам. Воробьи действительно довольно долго осторожничали, не рискуя таскать семечки из кормушек подозрительного устройства. Некоторые становились на путь мелкого грабежа, силой или угрозой отбирая у синиц. А потом будто разом все прозрели: если синица взяла корм, то и с нами ничего не случится! И стали опустошать щедрые кормушки, будто они для них и развешаны.

Над одним столиком, на который два раза в день прилетала кормиться малая горлица, хозяева повесили старый веник и дергали его за веревочку, как только хотя бы один воробей становился на краешек фанерки. Когда же корм клевала горлица, ее не пугали, и кое-что с кормушки доставалось и воробьям, которые быстро это усвоили и придумали оригинальный способ поторапливать горлицу, если она медлила опускаться на столик: чуть ли не все дергали ее за хвост и концы крыльев,

А в предвесенние дни начинает меняться не только поведение, но и внешность воробьев-самцов. Наряд самок остается таким же, каким был осенью, а у самцов обламываются, крошатся тусклые края и кончики мелких перьев и черноватое становится черным, коричневатое — коричневым, поношенное платье — красивым убором. Исчезает зимняя желтизна на клюве, и у каждого он становится угольно-черным,

Среди различных воробьев есть птицы с приятным певучим голосом, которых без особой натяжки можно отнести к певцам средних способностей. В простенькой же песенке нашего знакомца, которая на нашем языке звучит как «чим-чим, чили», нет ни музыкальности, ни связи между звуками, и поэтому ее лучше назвать выкриками, однообразным воробьиным приглашением. А вот нечто похожее на песню без начала и конца я слышал раза три или четыре у самок: тихое щебетание на чижиный или славочий манер.

Зяблик

Март даже после нестрогой зимы может так напоследок снегопадами и морозами заколодить дорогу весне, что даже у привыкших ко всем невзгодам ворон портится настроение. Но только после равноденствия свежий снег и на ровных местах перестает сопротивляться солнечным лучам. Их тепло стекает по нагретым стволам вниз, обтаивают замшелые подножия деревьев. На тусклой зелени крошечных островков жизни алеют спинки первых божьих коровок. Лихо барабанят дятлы, подкрепляясь кленовой пасокой. В низинах на лесовозные дороги натекает талая вода. Но в лесных оврагах, расчерченных голубыми тенями, тихо и холодно. Летят над лесом самые верные и ранние спутники и гонцы весны, но ей самой вроде как заказан вход в последнее прибежище зимы. Но это до поры до времени, пока в один из дней не разнесется в безмолвном урочище заливистая трель, в отдалении, как полное эхо, не прозвучит еще одна, а еще дальше — другая такая же: как сигнал весенней победы не зазвучат в прозрачном лесу удалые песни зябликов. И уйдет восвояси под сладкий плач кленов, не дожидаясь ночи, надоевшая всем зима.

А зяблики прилетели, несколькими днями раньше. Вели себя тихо. Держались дружной, молчаливой стайкой одни самцы, не залетая в лес и кормясь на дорожных обочинах прорастающими семенами птичьей гречишки. Только, вспугнутые, перекликались коротким и осторожным «пинк». Были все птицы в той стайке земляками, а возможно, и сородичами, но, когда пришел тот день, стал первым неприятелем каждого зяблика такой же зяблик. Заняв участок, самец спешит заявить об этом раскатистой песней, которая слышна на территории чуть ли не впятеро большей, чем требуется для нормальной гнездовой жизни одной семьи.

И пока не будут выращены птенцы, хозяин не покинет этот участок и не уступит его по доброй воле другому зяблику, которому либо не досталось, как опоздавшему, удобного места в поделенном между его соплеменниками лесу или парке, либо не нашлось среди прилетевших самок ни одной на его долю. Такие холостяки в поисках удачи вторгаются на семейные участки и смело ввязываются в драку с их владельцами. Победы они не добиваются, но иногда конфликтом может воспользоваться третий самец и беспрепятственно стать новым хозяином территории, за которую еще сражается ее прежний обладатель. Начав поединок на ветке, самцы падают на землю и бьются внизу чуть ли не до полного изнеможения, и, когда уже ни у хозяина, ни у чужака нет сил нанести удар, над ними раздается песня третьего. Самки к таким стычкам относятся безучастно.

У всех зябликов одна-единственная песня: звучная, задорная, красивая и короткая. Любители и знатоки птичьего пения и на слух улавливают в ней некоторые нюансы начала и концовки, но нигде ее нельзя спутать с песнями других птиц. В дни утверждения прав на гнездовые участки самые ярые исполняют ее до пятнадцати раз в минуту: две секунды — песня, две секунды — пауза. Это предел. Поют всегда в полный голос, с такой силой, что громче уже и не могут, будь это в центре большого города или в глухом уголке заповедного леса. Когда в конце апреля, перед прилетом соловьев, идешь вдоль полезащитных полос Каменной степи, эти песни звучат

Портрет

Кладка

беспрерывно, как парадный встречный марш. И в позе каждого исполнителя напряжение и страсть.

Нередко бывает и так, что в приветливое, солнечное утро вдруг оборвет пение один, за ним его соседи и с деревьев только и раздается беспокойно-монотонное «рррю-рррю-рррю-рррю...». А через час-другой может выползти из-за стены деревьев сизая туча и пролиться над лесом великолепным летним дождем. Совпадения бывают даже у самых абсурдных примет, а зяблики «рюмят», встревоженные чем-то более опасным для них, нежели близость дождя. Иногда «рюмят» они в засуху, а в самые дождливые дни поют. Один певец, выбрав место неподалеку от гнезда тетеревятника с того дня, как ястреб-мать стала проводить время не на гнезде, а на его любимом дереве, «рюмил» с утра до вечера, урывая для пения те немногие минуты, когда его молчаливая соседка кормила птенцов или обедала в сторонке сама.

С этим ритмичным звуком можно было бы связать происхождение названия птицы: когда слышишь его в ненастную погоду, кажется действительно озяб певец и жалуется, что не может согреться. Но раздается это «рррю-рррю...» в самое теплое время года, в беспокойные дни гнездовых забот, и не слышно его ни тогда, когда в лесах еще держится зима, ни тогда, когда начинает свирепеть осенняя непогода. В народном названии животного обычно отражены или место, или облик, или голос, повадки, любимый его корм. Ни один из этих ключей к зяблику не подходит, ибо в давние времена в селах Южной России у него было как бы два имени. Собственно зябликами называли зимовавших в одиночку самцов, а летом и весной всех называли юрками. Сейчас название «юрок» оставлено за другой птицей, ближайшим родственником зяблика. Весной и осенью эти два вида часто летят общими стаями.

Латинское же название зяблика переводится как юрок холостой, одинокий, неженатый, ибо при в*сей красоте и голосистости самцов их самки — одни из самых незаметных обитателей лесов. Они и прилетают попозже, и улетают пораньше, и голосом и нарядом победнее. Но зато в семье зяблика один строитель — самка. От ее умения при постройке гнезда зависит и судьба будущего выводка. По искусству маскировки эта мастерица часто не знает равных среди ее пернатого окружения. Плотное, теплое, аккуратное гнездо обычно выглядит как неприметный нарост в основании отходящей от ствола ветки, как обросшее лишайниками утолщение развилки. На березе оно как бы оклеено снаружи тонкими лоскутками бересты, на дубе в его стенки вплетены стебельки мха. Но иногда природный талант дает осечку. Одна самка, соблазнившись ворохом грачиного пера, нащипанного тетеревятником в сосновом лесу, вместо того чтобы положить несколько перышек внутрь гнезда, облицевала его снаружи. На красноватом стволе сосны иссиня-черный ком сам лез в глаза и, конечно, был содран кем-то из лесных разбойников. Другая соорудила громоздкую, клокастую и кособокую постройку из ваты на кустике бузины и поплатилась не только яйцами, но и своей жизнью. Насиживающая самка зяблика лежит на яйцах так крепко, что не всегда покидает гнездо даже в случае смертельной опасности,

Участие самца в постройке весеннего гнезда сомнительно или даже исключено вовсе. Но там, где у зябликов может быть два нормальных выводка в сезон, самец нередко помогает самке, разбирая первое гнездо и принося ей материал, чтобы ускорить сооружение второго,

Зяблик — одна из немногих птиц, кто без опаски относится к человеку в любой обстановке. Поющий самец позволяет смотреть на себя с расстояния, трех-четырех метров, не проявляя никаких признаков беспокойства. Самка разрешает наблюдать за строительством гнезда почти с такого же расстояния. Слетков родители могут кормить буквально под ногами пешеходов. Эта особенность поведения отнюдь не следствие продолжительной жизни зябликов в городах. Лесные птицы отличаются еще большей доверчивостью, которую при первом знакомстве можно принять за устойчивую привычку, возникшую при долгом содержании в неволе. Выкормили, вырастили певца в клетке, принесли весной в лес, выпустили: живи, мол, как все! Так можно было бы объяснить поведение одной птицы. Но за час прогулки по лесным дорогам и тропинкам можно встретить десяток зябликов, которые спокойно будут собирать корм, пока не подойдешь к ним вплотную. Излюбленный корм взрослых птиц — всевозможные семена по их росту, Птенцов же выкармливают насекомыми, от которых в гнездовую пору не отказываются и сами.

Зеленушка

Славные и здоровые зимы на Русской равнине все чаще стали перемежаться с такими, которые погодой похожи до солнцеворота на затянувшееся предзимье, а после него — на преждевременное предвесенье: сыро, на пеньках грибы денежки и вешенки, цветут мокрица и веснянка, сочится пасока из ран на кленовых стволах, комарики летают, пауки не дремлют, грачи на старых гнездах прутики перекладывают. И когда после такой убогой зимы солнце и теплые ветры отворяют ворота настоящей весне, трудно избавиться от сомнения: она ли это? Нет ледохода, нет половодья, пусто, как и прежде, в небе.

Птичьи голоса, которых не было слышно с прошлой весны, — верная примета, что произошла смена сезонов, что зиме — конец. И за голосами этими не надо отправляться на речные берега и лесные опушки, их и в городе достаточно. Синицы тут не в счет: возле щедрых кормушек их трехсложные колокольчики звенят даже зимними ночами; воробьи — те уже в феврале расчимкались вовсю. Новые, настоящие весенние голоса первыми или одними из первых приносят зеленоватоперые распевы. Так любители птиц называют самцов зеленушек.

Зеленушка — птица известная, поэтому у нее немало других местных названий, которые даны ей не за внешность, а именно за голос, довольно приятный и благозвучный, за талант, которым природа оделила маленького уличного певца. Возвратившись с недалекой зимовки и заняв участок, самец не спешит, подобно зяблику, заявить о своем праве песней. Отчасти такое поведение объясняется тем, что в его племени нет жесткого соперничества из-за территории. Поэтому хозяин-холостяк вроде бы без особого воодушевления испускает однотонные трели-приглашения, похожие то ли на бульканье водяной свистульки из глины, то ли на звон поддужного колокольчика, у которого язычок обернут чем-то мягким. Недаром в Польше зеленушку называют звонцом.

Самец являет свои певческие способности, только став семейной птицей. Однако заслушаться можно далеко не каждым исполнителем, потому что настоящих распевов, достойных признания и права носить это звание, единицы среди сотен певцов, которые так себе. А иную весну даже в самых надежных местах с талантами вообще плохо, сколько не ищи. У зябликов, например, любой поет и с одинаковым азартом, и с одинаковой безукоризненностью. У зеленушек тоже есть такое колено, в котором никто не фальшивит: этакий вызывающе-воинственный клич «джьжьжьжиу», чуть протяжный и угасающий. Неплохо удается всем и тот самый «мягкий» колокольчик. Однако ни то ни другое даже при абсолютном бесптичье не доставит слушателям даже и среднего удовольствия.

Настоящая и полная весенняя песня зеленушки звучит примерно так: «де-де-де-де-твитви-тви-тью-тью-тью-тью-жьжьжьжь», и — как отрезал. И все это в темпе, но без торопливости, каждый звук отчетлив и чист. Так, кажется, умеют все, но петь или не петь зависит, скорее всего, от желания. Певца не приходится отыскивать среди ветвей и листвы: и посредственный исполнитель, и классный мастер поют на виду, усаживаясь повыше. Иногда трели рассыпаются на целый квартал с телевизионной антенны, установленной на крыше многоэтажного дома. Бывает, что летают петь и на чужие участки, где есть место для пения получше.

Ну а самые таланты из талантов не только не могут жить без песен, но им мало того, что умеют остальные. Они обычно оседают подальше от своих, словно чураясь их безвкусицы. Песни таких мастеров всегда оригинальны, потому что в них проявляется редкостный для всего семейства вьюрковых дар пересмешничества. Причем кусочки чужих песен звучат не вполсилы, как у юлы или скворца, а даже громче и чище, чем у истинных обладателей. Простой синичий напев зеленушка выдает с такой звучностью, что, слыша его, сама синица должна, наверное, смолкнуть от смущения. Щеглиная скороговорка произносится с такой истовой яростью, что у любого щегла дух перехватит от зависти. А бессвязные воробьиные выкрики складываются так, что ими можно заслушаться, как песней канарейки. Кстати, одно из не очень удачных названий зеленушки — лесная канарейка. Неудачных потому, что эта птица не любит лесов, не живет в них постоянно. И поет настоящий распев самец не только на веточке-присаде. Весенним утром не сидится ему на дереве, носится он в воздухе, описывая круги или неправильные восьмерки и не смолкая ни на миг. Присядет на несколько секунд и снова, разжигая себя заливистыми трелями, разворачивает крылья. Но почему он входит в такой азарт, когда самка уже сидит на гнезде? Не от праздности, наверное. Кто ответит? Причем на вечерних зорях такие распевы поют на ничейной или даже чужой территории. Они же после длительного летнего перерыва поют и перед отлетом, осенью. И вот в этом осеннем пении открываются настоящие чародеи, которые, уединившись, выкладывают все, что у них было припасено, чтобы скрасить унылость сезона, сделать менее тягостным однообразие коротких дней.

При коротких, пусть даже очень частых,

Зеленушка
На подкормке
У гнезда

встречах с семейными парами зеленушек совместная жизнь двух скромных птиц в своих главных чертах представляется до крайности простой. Самец в первые дни весны находит и занимает территорию. Через несколько дней на участке появляется самка, возможно уже бывшая здесь хозяйкой в прошлом сезоне. Еще неделя — и приступает к строительству гнезда, Во время насиживания самец ее кормит. И пока птенцы мало-мальски не оперятся, заботы о всей семье только на нем. Потом — второе гнездо и еще один выводок на этом же или новом участке. А там уже в семейных узах нет надобности, Вот эта схема даже при давнем знакомстве с зеленушками кажется нам жесткой нормой семейного поведения, которая может нарушаться лишь при грубом вмешательстве посторонних сил,

Однако птичья жизнь интереснее, богаче событиями, серьезными и пустяковыми происшествиями.

Стоит начать с того, что, хотя зеленушки гнездятся обособленно, у них нет строго охраняемых семейных участков. Самец, облюбовав весной новый участок или заняв прежний, не старается показать себя собственником, встречающим соплеменников только угрозами. Он сам часто отлучается куда-то, может, «позвонив» своим колокольчиком дня два-три, вообще исчезнуть на неделю, словно бы убежденный в порядочности других самцов, что и они не обманут его доверия, не станут захватчиками. К тому же зачастую на участке, кроме удобного для устройства гнезда деревца, ничего привлекательного нет: вся земля покрыта асфальтом, и за кормом приходится летать куда-то на край света, Во'т и спрашивается: что и зачем охранять-то?

Поэтому весной вплоть до появления в семьях первых птенцов визиты чужих пар и птиц-одиночек на семейные участки — явление обычное, и выглядят они как посещение хозяев любопытными, но добрыми соседями, на которых не стоит сердиться всерьез, но и не стоит показывать себя радушными добряками. И если гости не по душе, пара, держа себя в рамках приличия, все же старается спровадить их без грубости и открытой ссоры. Делает это обычно хозяйка: ее «колокольчик» повышенного тона звучит недвусмысленно и твердо.

Всех тонкостей, случайных и неслучайных моментов семейного поведения зеленушек нам не узнать. Почему, например, не любая встреча самца и самки становится союзом? Были они знакомы прежде или увиделись впервые на занятом самцом участке? А не находит ли он ее на стороне, когда после недельной отлучки появляется на участке вместе с ней? Всегда ли третий лишний бывает помехой в супружеских отношениях?

Для меня было открытием, что у зеленушек существует особый, короткий, но обязательный ритуал помолвки. Семьей пара становится лишь после взаимного обмена одинаковым негромким и нежным свистом, этаким «уить-уить», как признанием в симпатии и верности. Короткий задушевный дуэт длится не более минуты неподалеку от того места, где будет построено гнездо, и больше никогда не повторяется. И никто третий уже не внесет раскола в отношения пары.

Случаи, когда третья птица пытается влезть в семью, у зеленушек не так уж редки. Этой третьей бывает одинокая самка, либо потерявшая надежду обзавестись собственной семьей, либо лишившаяся ее при трагических обстоятельствах, ибо появляется у чужого гнезда, когда уже идет насиживание яиц. Вопреки представлениям чужая даже не пытается завоевать благосклонность самца-хозяина. Тот со своей стороны тоже не проявляет к ней заметного интереса, хотя в этот период у него свободного времени более чем достаточно. Он может петь в сторонке, не вмешиваясь в события, которые разыгрываются вокруг его гнезда, где вот-вот должны появиться на свет его птенцы. И в этом отношении у хозяйки нет повода для выражения недовольства. Поведение чужой вызывает ее неприязнь и даже агрессивность по другой причине — соплеменница вторгается в ее жизнь не как разлучница, а словно бы доброхотка, желающая избавить ее саму от материнских забот и обязанностей. Но чужая добивается своей цели не совсем приличным способом. Она сначала робко, а потом все настырнее стремится посидеть в не своем гнезде, погреть не свои яйца. Это ей почти удается, когда наседка, не подозревая подвоха, слетает к самцу за кормом. Но ее подводит торопливость: хозяйка спохватывается и отгоняет незваную помощницу от гнездового дерева,

Та ненадолго прекращает свои происки, но не оставляет намерений занять место хозяйки. Она с какой-то синичьей шустростью скачет по веткам вокруг гнезда, снизу, сверху, буквально перепрыгивая через спину наседки, и, если у той не выдержат нервы, может произойти оплошность. А чтобы не допустить этого, самка начинает выпрашивать корм у самца, не слетая с гнезда.

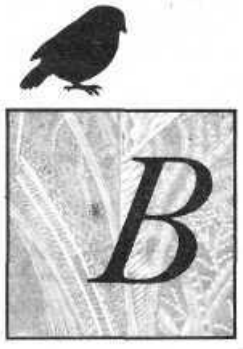
Трудно сказать, удаются ли такие попытки, но чужая крутится на участке несколько дней, улетает куда-то вместе с хозяином, возвращается снова. Он же ведет себя довольно сдержанно, кормит наседку, поет на любимой ветке, по вечерам улетает до утра куда-то в обществе других самцов. Но вполне допустимо, что он может быть отцом трех и даже четырех выводков. Ведь если в популяции останутся холостые самки, то единобрачие не будет способствовать ее жизнеспособности. Самец же прокормит и вторую семью, потому что сроки вылупления птенцов в разных гнездах не будут синхронными, а с кор-

мом у зеленушек, даже ранней весной, не бывает затруднений, потому что они вегетарианцы от рождения до конца своих дней. Если птица и прихватит какого-нибудь жучка, то это скорее случайность, чем желание внести разнообразие в растительную пищу.

Потому и прилетают ранней весной, когда еще не ожили никакие козявки. И даже если поздний снегопад снова на день-другой укроет землю и присыплет травяные ростки и уцелевшие с прошлого года семена, зеленушки не голодают, потому что могут жить на пчелином корме, на цветочной пыльце. Не только от бескормицы, но и в хорошие, погожие дни птицы охотно ощипывают набухающие пыльники на деревьях-первоцветах: осине, тополях, ивах, кленах, вязах. И чем холоднее весна, чем дольше затягивается настоящее тепло, тем сытнее живется зеленушкам. Но зато в первый же солнечный день ветер может лишить вкусного корма и пчел, и птиц, разнеся тучи пыльцы окрест.

А осина уже через месяц после цветения кормит новое поколение зеленушек поспевающим урожаем. Самцы прилетают на увешанные зелеными сережками деревья и деловито, без спешки ощипывают крошечные, набитые недозревшими семенами и нежным, сероватым пушком коробочки-плодики. Они не кислы, не сладки и не горьки на вкус. Потом, когда осиновые семена разлетятся, зеленушки подбирают их с земли, пока не проросли от первого дождя. А там начинают пушить серебристые тополя, за ними — осокори, канадские, душистые и прочие. Зреют крылатки вязов. Этой пищей сыты взрослые, на ней же растут птенцы.

Так что зеленушки вроде и не притязательны к жизненным условиям, и кажется странным, почему эти птицы так неохотно заселяют новые места, где на любой их вкус всего в достатке. Так, например, в Каменной степи, где был создан в конце прошлого века крупнейший оазис полезащитных лесных полос с парками, садами, приусадебными декоративными насаждениями, зеленушки бывали только на пролете, а гнездиться стали только через семьдесят лет. Да и то как-то нерегулярно, не каждый год. А вообще-то эти птицы необыкновенно верны месту: самки по нескольку сезонов кряду строят гнездо на одной и той же веточке или развилке. Весной, чтобы не пропустить день прилета зеленушек, можно ежедневно посещать бульвар или скверик, где они гнездились год назад, и птицы не подведут, вернутся именно сюда. Когда еще все листопадные деревья и кустарники голы, зеленушки начинают строительство гнезд на вечнозеленых растениях: ели, туе, можжевельнике. Прячут постройки так умело, что не разглядеть ни снизу, ни со стороны. А уж для летних, вторых выводков мест хватает.



Снегирь

В се зимнее в марте последнее. Снег и в апреле может завалить поля, перелески, городские улицы, но это уже весенний снег. И совсем последние в марте изморози. Днем солнце снимает с ветвей и проводов пушисто-ледяное убранство, а за ночь оно нарастает снова. Аллея в парке — словно облако, подпираемое толстыми стволами. Каждый прутик стал вчетверо толще, и не видно, где натужно каркает ворона, зовя в компанию своих. С одного дерева у автобусной остановки изморозь осыпается сильнее, чем с других, и вместе с ней, крутясь в воздухе, падают на снег сухие крылышки ясеня.

На нижних ветках, совсем не пугаясь ожидающих автобус людей, тихонько посвистывая, пируют снегири. Их небольшие стайки, оборвав ясеневый урожай на окрестных улицах, собрались на это дерево, как на прощальный общий пир. Пятьдесят шесть красногрудых самцов и двадцать девять самок, восемьдесят пять птиц сразу на одном дереве. Где еще увидишь такое? Несколько лет назад в грозовом июле на этот ясень, не выдержав силы вихря, упал полутораохватный тополь, переломив низкорослого соседа почти пополам. Изувеченный, он остался жить с тремя нижними ветками, на которых ежегодно созревал обычный урожай. Но прилетавшие в город на зиму снегири удостаивали его своим вниманием тогда, когда для них уже ничего не оставалось на других деревьях. Уж очень людно было около него во все дни, в любую погоду, и очень низко висели пучки крылаток с вкусными семенами.

Редкая зима в нашем городе проходит без снегирей. Примерно раз в пять-шесть лет весь урожай их любимого корма остается на ветках. Случается это вовсе не потому, что в окрестных лесах и на пустырях птицам живется сытнее и спокойнее. Их нет нигде, а почему — неизвестно.

Зимой в Черноземье корма для снегирей хватает. К рябине они как-то равнодушны. Ведь в рябиновых яблочках их привлекают лишь семена. Но зачем возиться с каждым яблочком, выдавливая из него одно-два семечка, когда повсюду черноклен, ясень, сирень, бурьян разный. И — никаких конкурентов. Интересно, что в те годы, когда и в лесах, и в городе росли только деревья местного ясеня, снегири обирали с них зимой все до единой крылатки. Но как только стал плодоносить понравившийся озеленителям и лесоводам ясень пенсильванский, снегири, попробовав его семена, охладели к быв-

шему корму. Как-то в одну из январских метелей стихия сбила с веток все, что на них еще оставалось. Утром снегири подобрали что могли со снега и принялись скусывать почки ясеней и вязов. На ясенях обыкновенных крылатки удержались, однако ни одна птица не стала их лущить. Так за какие-то двадцать пять — тридцать лет изменился вкус снегирей.

А новый кормилец сейчас везде. Есть километровые лесополосы целиком из этой породы, В городе на редкой улице нет его деревьев. Урожаи у него ежегодные: опадут осенью желтые листья, и остаются на ветвях густые кисти побуревших плодов. На иных деревьях столько этого снегириного корма, что от него падает на снег густая тень. Как дубы, которые не сбрасывают сухую листву на зиму, выглядят эти ясени. Когда не бывает сильных ветров, долго не выпадает свежий снег, день ото дня густеет под ясенями ковер из сухих плодиков-крылаток, похожих на узкие перья. Семян в них нет, вылущили снегири.

На вкус ясеневые семена немного горчат, но, наверное, не сильнее ядрышка черемуховой косточки. Зато масла в них не меньше, чем в семенах подсолнечника. (Если раздавленный плодик прижать через бумагу горячим утюгом, на ней расплывается большое жирное пятно.) При таком сытном корме любой мороз снегирю нипочем, и на ночь он не ищет теплого убежища, лишь бы сова его не заметила. На закате стайка за стайкой разлетаются снегири по соснякам зеленого кольца, но догадливые одиночки прячутся в гуще еловых ветвей тут же, на улицах и в скверах.

Удивительно ловко управляются коротко-клювые птицы с ясеневыми крылатками. Синица такую добычу зажала бы в лапках и расклевала, Снегирь все делает клювом: помнет-помнет — и уже пустая оболочка падает на снег. Тем и

Снегири
Зимой
Рябина

заняты с утра до заката. Перерывы бывают лишь для короткого отдыха, во время которого он споет немного, радуясь яркому солнцу, от которого на крутых скатах крыш появляются темные потеки. Попьют немного или по нескольку щепоток сухого снежка проглотят и снова на дерево. Начав с макушки, тщательно ощипывают его до самых нижних ветвей. Следует отдать должное их аккуратности: при таком изобилии легкого корма нет у них ни расточительности, ни привередливости, ни беспечности. Если и роняют два-три семени из десяти, то нечаянно. И пока есть корм, они от него — никуда. Разнообразия не ищут. Сыты — и ладно.

Незабываемое впечатление оставляют снегири, когда видишь их на дереве, каждая веточка которого за ночь обросла мохнатой изморозью, или когда идет «слепой» снежок, пухом садясь на ветки. Нет тогда птицы красивее снегиря. Его черная шапочка так отливает вороненым блеском, что только искорка в темном глазу выдает, что не зажмурилась от яркого солнца четырехцветная птица. Красногрудых самцов часто с яблоками сравнивают. Только не бывает яблок такого цвета. Скорее всего он такой у тюльпанов, роз, гвоздик. Не только красотой, но и особой опрятностью отличается снегирь. Степенностью тоже. Голос у него с каким-то вежливым оттенком: когда перекликаются друг с другом, слышно лишь вблизи. А громко зовет своих только одиночка: свистит растерянно и чуть удивленно и тревожно.

Зимой мы чаще обращаем внимание на ярких снегирей-самцов, а самок, которые лущат семена рядом с этими красавцами, иногда не замечаем, Но это не потому только, что у них скромный наряд: их меньше в стае, чем самцов, в полтора раза. Действительно ли это лишние самцы или на родине каждый из них обзаводится семьей, сказать трудно. Возможно, что зимнее соотношение самцов и самок было бы еще большим, если бы самцов птицеловы не вылавливали,

В стужу у многих птиц пропадает осторожность, кажется, что можно взять в руки озябшего хохлатого жаворонка. А потеплеет — и снова недоверчивы, будто одичали за один день, Снегири же не меняют своего поведения ив самые сильные холода. Одеты тепло. Воробьи еле ковыляют по звенящему тротуару, поджимая то одну, то другую лапку и подпираясь крыльями, а снегирь сидит на веточке, прикрыв пальцы густым пером, и неторопливо обрывает спелые крылатки.

Но, попав в город впервые, снегири не сразу осваиваются в новой обстановке. В начале зимы они осторожно кормятся на самых окраинах, на тихих улицах. Потом смелеют, привыкают к транспорту, к людям и наконец оказываются в центре, на самых оживленных магистралях. Птицы, которые прилетают в город не первый раз, сразу появляются на своих излюбленных деревьях и ночевать летят на те.места, где ночевали прежде. Новички с ними быстрее, как с наставниками, привыкают к городу,

Близится весна. Солнце поднимается все выше, согревая стволы деревьев, создавая птицам песенное настроение. Оживают клены, и растут на обломках ветвей сладкие кленовые леденцы. Днем потихоньку чмокают падающие с этих сосулек капельки и поют под их счет снегири. Я не знаю, как поют они на родине, у гнезда, а в зимнем сквере негромкая снегириная песенка звучит как песня гостя, который сам вызвался спеть, как умеет, коль никто из хозяев не решается. Обычно в маленькой стайке поет одна птица, которую никто и не слушает. Голос у певца не из громких, и среди сидящих на ветках птиц удается узнать его лишь по вздрагиванию хвоста и перышек на шее. Скрипит что-то, присвистывает, будто рассказывает неторопливо о том, о сем.

Слыша снегириное пение, сначала ищешь певца среди красногрудых птиц, но почти всегда оказывается, что поет самочка. В снегириной песне нет четко различимых колен, и кажется, что вот-вот в меланхоличном напеве проскользнет что-нибудь чужое. Нет, у снегиря все свое, Дар пересмешника проявляется у него только при содержании в неволе.

Обычно снегири улетают от нас до прихода весны. Однако в городе дружные парочки встречаются и в начале мая. А однажды я увидел семейную пару в центре города в те дни, когда уже летел осиновый пух, и снегири кормились семенами осины. Это были птицы не из клетки, слишком блестело чистотой их перо. Но и гнезда у них тоже не было, так как уже шло то время, когда на снегириной родине самки насиживают яйца.

Камышовый лунь

Какой бы ни была весна на Русской равнине — затяжной или дружной, ранней или поздней, — птичий перелет на ее просторах по-настоящему начинается только с разливом рек. Будто ломает стремительное половодье запоры на сотнях широких воздушных ворот, распахивая их для сухопутной и водоплавающей птицы.

Шумит река, и шумят над ней крылья и голоса перелета: стаями и в одиночку, в чистом небе и под низкими тучами спешат на родину пернатые переселенцы. Чуть пританцовывая в воздухе, вольным строем летят чибисы; едва не касаясь собственного отражения в воде острыми кончиками крыльев, слетаются к месту старых гнездовий светлоперые чайки; на мелководье табунятся лысухи, речные утки и нырки, токуют чомги; мельтешат на берегах дрозды, скворцы, трясогузки. А мимо всех, сторонкой, над прошлогодними тростниками, над залитыми ивняками медленно-медленно, едва взмахивая широкими трехцветными крыльями, плывет, чуть покачиваясь на воздушной волне, болотный, или камышовый, лунь. Летит, не глядя по сторонам, опустив голову, словно стыдясь того зла, которое причинил прошлым летом доверчивым соседям, поселившимся на воде и берегах в его семейных владениях.

Но нет, не раскаивается лунь, что обездолил десятки птичьих семей, выловив птенцов и разорив гнезда, не сторонится птиц в покаянном молчании. Он занят охотой. Ведь только-только прошел ледоход. Еще прибывает в займище вода, выталкивая заблудившиеся льдины на низкие берега, выживая из нор зимовавших в пойме грызунов. Карабкаются на кусты, гурьбой отсиживаются на ворохах сплавного мусора не пришедшие в себя водяные крысы и полевки. Вот их-то, пока не нашли новых надежных убежищ, вылавливают цапли, серые вороны да болотные луни, чуть ли не самыми первыми из перелетных хищных птиц появляющиеся на речных разливах. Птицы в эту пору будто и не интересуют луня. Это потому, что никого из них сейчас ему не поймать, и даже лихо распевающая на камышинке овсянка не улетает с дороги своего извечного врага. Но в немышиные годы беден разлив мелкими грызунами, и приходится луню ловить чесночниц, голубых лягушек, летать на дальние поля и, остерегаясь ворон, наспех осматривать лесные поляны и вырубки, где иной раз удается схватить даже зайчонка.

На третий-четвертый день прилета самца его одинокое патрулирование кончается. Как-то незаметно, будто отдыхала в тех же зарослях, появляется у тех же камышей самка, и начинаются высотные полеты с захватывающими фигурами совместного пилотажа. Судя по тому, как уверенно занял участок лунь, как без стычек и почти вежливо отвадил отсюда двух других таких же красавцев, как нашла остатки старого гнезда самка, это не случайная встреча. На тихие плесы, на плавучие луга телореза и камышовые крепи, где хорошая охота и легко вырастить выводок, вернулась прежняя семья сборщиков живой дани.

Дел у самки много, и они срочные, поэтому она быстрее охладевает к воздушным играм и целиком отдается строительству нового или восстановлению старого гнезда. Еще ни одного клочка суши не видно на водном просторе, еще негде постоять, почиститься лысухам и уткам, а самка уже носит к тростниковой крепи прошлогодний травяной сушняк. Дергает изломанные лезвия рогоза, кустики плакун-травы, взлетает с ними, перехватывает на лету в лапы и несет к гнезду, не скрывая его местонахождения. Рвать такой материал иногда трудновато, зато легко носить даже под свежим ветром, который только треплет зажатый в когтях узкий и длинный лист, как оборванный хвост воздушного змея.

Гнездо у камышового луня основательнее, чем у сухопутных. Это широкий и толстый помост на многолетнем тростниковом или камышовом заломе; если он и опустится на воду, то будет держаться на плаву, как гнездо лебедя или чомги. В молодых зарослях, где еще нет заломов, луни поступают как водоплавающие птицы: начинают мостить гнездо на воде. Материала на такую постройку идет больше, но он легок и его много по соседству. На следующий год остатки этого гнезда становятся основанием нового, неважно, для кого — прежних хозяев или нет, главное, что место теперь принадлежит луням.

Отложив первое яйцо, самка становится наседкой, но ведет себя довольно свободно. Она может в любое время покинуть гнездо и поохотиться, уверенная в недосягаемости своей обители, но все-таки не улетая далеко, потому что постоянно снуют над зарослями вороны. Яйца на первый взгляд кажутся чисто-белыми со слабыми ржавыми мазками. Но в ярком свете пятна оказываются естественной окраской скорлупы, а в белизне проступает какая-то мертвенность, будто угасла внутри едва возникшая жизнь. И даже на просвет нельзя определить, насижено яйцо или нет. Это потому, что у болотного луня скорлупа яиц и изнутри окрашена в ровный, однотонный светло-зеленый цвет, который и придает свежему яйцу странную мертвенность.

Трудно понять отношение мирных птиц к близости гнезда луней, истребителей их буду-

щего потомства. Удивляет беспечность лысух, озерных чаек, крачек и камышевок, без видимого интереса и беспокойства относящихся к самке луня, строящей гнездо среди их поселений не крадучись, а открыто. Некоторые пары чаек, покинув общую колонию, устраиваются даже поближе к гнезду хищников. Мне пришлось быть свидетелем нападения самки луня на лысуху, которая строила гнездо в полусотне метров от ее собственного. Однако одолеть взрослую лысуху в ее стихии оказалось не под силу самке луня, и она подержала свою жертву минут пять под водой, а потом взлетела, свесив намокшие перья. Лысуха, вынырнув, через несколько минут возобновила постройку гнезда, словно ничего с ней не случилось. Потом семья луней ополовинила выводок этой соседки. В окрестностях гнезда луня быстро перестают петь камышевки, потому что их самок хищник вылавливает прямо на гнездах. Выходит, что жертвы чуть ли не ищут опасного соседства, обеспечивая своим врагам успешную охоту на весь сезон. И мнение, что хищники не охотятся вблизи собственных гнезд, опровергается на воде поведением камышового луня, как в лесу — действиями тетеревятника,

Самец красив и пером и полетом. Но его трехцветный наряд сразу теряет свою красоту, как только птица складывает крылья. Мастерство полета луня такое, что трудно подобрать удачное сравнение, но в нем нет того аристократизма, той легкости, которой отличается полет «седых» луней: лугового, полевого, степного, Его редко увидишь на большой высоте, где он не охотится, а отдыхает в прогулочном полете, Поплавав рядом с облаками, лунь входит в простое пикирование без тех переворотов и петель, которыми удивляет его сосед, лунь луговой,

Но зато с какой тщательностью осматривает хищник заросшее густой осокой болотце! Едва уловимо взмахивая широкими крыльями, плывет

Болотный лунь
Птенцы

он навстречу свежему ветру, внимательно разглядывая каждую кочку. Долетев до края, разворачивается, сильно опрокидываясь назад и набок, и ветер стремительно сносит его к другому берегу, от которого он начинает поиск по другой полосе, пока не подвернется полевка, птенец, гнездо с яйцами и даже лягушка, которой не ускользнуть от мгновенного налета хищника.

Крылья у луня длинные и широкие. Когда он разворачивает их в полный размах во время штормового ветра над водным простором, кажется, что они немного великоваты для его роста и веса. Однако когда видишь, как взлетает лунь из высокой тростниковой чащи, густой и непролазной, то этого излишка уже не чувствуется. Опускаясь в гущу прямых трехметровых стеблей, птица держит крылья поднятыми над спиной. Удачным или неудачным бывает нападение, но выбраться из этих зарослей можно только одним способом — вверх. И только такие крылья могут поднять луня из глубокого травяного «колодца» в воздух.

И у лунят-слетков только один путь покинуть гнездо — взлететь вверх. Длинные, широкие и сильные крылья нужны им для первого в жизни полета, и поэтому птенцы-подростки, сначала старшие, а за ними меньшие, в последние дни гнездового сидения тратят время не на послеобеденный сон, а на серьезную тренировку, на одно-единственное упражнение. Еще задолго до того, как крылья смогут поднять птенца хотя бы на сантиметр, он, встав на выпрямленные ноги, усердно машет ими, подпрыгивая, как бы приплясывая от нетерпения, на камышовом помосте. Быстро растут полетные перья, сильнее становятся взмахи крыльев, и, наконец, он отрывается от настила и возносится над верхушками тростников. Но всего на миг открывается перед ним невиданный прежде горизонт, потому что первый неуправляемый полувзлет-полупрыжок заканчивается падением на гнездо, а иногда и в воду.

Жить над водой и не побывать в ней — так бывает редко. И подчас сбитый с помоста порывом ветра луненок, распахнув крылья, ложится на воду. Взрослых птиц близко нет, подбодрить его некому, но в его поведении не видно испуга или растерянности. Он вскарабкивается неторопливо обратно и на твердой опоре несколько минут как бы обдумывает неудачу, а потом, не обсушив как следует перо, делает новую попытку взлететь. Умения в ней не больше, чем в первой, но и следующие неудачи не убавляют желания поскорее попасть туда, куда улетают от гнезда родители. Никто его не учит, никто не помогает, не показывает, как управлять полетом, и все мастерство воздухоплавания постигает он сам. У других пернатых обитателей вод птенцы, за небольшим исключением, уходят или уплывают из гнезд, у камышового луня — улетают.

Камышовый лунь не только охотник. Он один из немногих хищников, кто любит птичьи яйца не меньше вороны. А та, прекрасно зная склонность луня к разорению гнезд болотных и луговых птиц, весной старается прогнать его из тех угодий, где промышляет сама. Яйца лунь выпивает сам, а в гнездо самке и птенцам носит убитую добычу. Он никогда не опускается на гнездо, и самка принимает принесенное в воздухе из лап в лапы.

Два с половиной месяца гнездовой жизни на реке или озере пара луней, так же как семья ястребов-тетеревятников в лесном урочище, ловит всех, кого можно поймать, и при обилии добычи птенцы получают больше пищи, чем могут съесть даже с их неуемным аппетитом. Подросшие птенцы на гнезде сами управляются с добычей, а поднявшись на крыло, становятся охотниками гораздо быстрее, чем птенцы светлых луней.

Пока ни у кого из мирных соседей луней нет птенцов, зловещий силуэт летящего хищника не вызывает у них тревоги. С появлением на свет молодого поколения отношение птиц к присутствию луня резко изменяется. По их поведению можно догадаться, что где-то недалеко, словно крадучись, летит бреющим полетом лунь. Чайки, например, белым облаком взлетают ему навстречу, и кажется, что вот-вот полетят на воду темные перья. Однако хищник не только не удирает от сотен рассерженных птиц, но и ухитряется при них взять чайчонка. И большая птичья община ничего не может поделать с такой наглостью.

Немало вылавливает камышовый лунь молодняка ондатры на воде и молодняка сусликов на суше, но больше всех достается от него птицам. Выводки уток, лысух, нырков беззащитны перед хищником. Только чомги ни во что не ставят его когти и клюв. Они и селятся бок о бок с лунями и на глазах у тех сначала носят птенцов, а потом обучают их тут же, на открытом плесе, не опасаясь нападения сверху. Их в любой момент спасет вода, и, видимо, луни знают об этом. Лишь неопытные слетки делают иногда безуспешные попытки нападения на чомг, но, убедившись вскоре, что это бесполезно, не повторяют их и ищут добычу среди других птиц.

Овсянка

Сколько же на Руси деревень, где о лошади забыть не забыли, но живую ее ни под седлом, ни в упряжи давно не видали. Но и не так далеки времена, когда полевые проселки зимой были санными дорогами. И какой бы груз ни везли на дровнях или в розвальнях, и даже если ехали порожняком, обязательно в санях была добрая охапка сена: и лошадь в пути подкормить, и себе удобнее и теплее. Просыпалась на снег сенная труха и мякина, и под слоем этой половы и конского навоза дорожный череп медленно таял весной и долго держал и кованый полоз, и копыто. По таким дорогам и живились всю зиму стайки подорожников-овсянок.

Их никогда, бывало, не разглядишь загодя, потому что расцветка наряда сливалась с дорожным мусором. Птицы затаивались и взлетали буквально из-под копыт, рассаживаясь по веткам ближних деревьев или уносясь рассыпной стайкой вперед. Вся стайка летит прямо, но каждая птица в ней мечется, взглядом не уследить, то длинными рывками вправо, влево, то почти прижимаясь к дороге бреющим полетом, то поднимаясь повыше. Будто с перепуга забыли, кому какое место занять, чтобы выстроиться в какой-то порядок. Но это отнюдь не суматошливое бегство, а обычный прием, чтобы сбить с толку ястреба: попробуй сообразить, за кем гнаться, кого ловить. Опытных охотников, конечно, провести трудно, но с новичками получается. Птицу-одиночку поймать гораздо легче, нежели выхватить ее из стремительного мелькания. К тому же в одиночку жертва как-то теряется, словно лишенная поддержки соплеменников.

Кочуя по округе, не улетая далеко от тех мест, где гнездились, овсянки и поныне держатся там, где есть скотина: чего-нибудь натрясут и для них с возов и вязанок — мелких травяных семян, пересушенных цветочков, годных непривередливым птицам. На скотных дворах они безбоязненно копошатся под коровьими мордами: по их росту невыбитое из колоска щуплое зернышко — уже счастливая находка. Наведываются к стогам и ометам, где не только кормятся, но и частенько ночуют, подобно домовым воробьям, у которых, наверное, и переняли эту повадку. В прежние времена любили ночевать на крутобоких соломенных крышах овинов и гумен, потому что стог или омет — сооружения временные. К тому же зимой сено и солому для скотины начинали брать затемно, беспокоя птиц. Вот только не берусь утверждать, сами ли овсянки выщипывали в соломенных кровлях полунорки-полупещерки или воробьиными пользовались. До снегопадов, как жаворонки, на земле ночи проводят. Затаившуюся в жухлой траве с нашим зрением и на свету не разглядеть, а совы их прекрасно и в темноте осенних ночей находят.

Овсяночьи стайки — сообщества сезонные. Весной рассыпаются без следа, а уже в середине лета начинают собираться снова. В них редко бывает меньше десятка птиц и еще реже — более полусотни. В стайках овсянки молчаливы, нарядом все одинаковы, и чтобы разобраться, кто с кем объединяется, нужно либо различать птиц с той же уверенностью, с какой они сами узнают друг друга, либо всех переловить и каждую подержать в руках. Но если потерпеть до конца зимы, не потребуется ни того ни другого, потому что месяца через полтора после солнцеворота в оперении самцов появляется все больше желтизны, которая к марту становится заметной издали

У гнезда

Птенцы

даже в пасмурные дни. (Наряд самок остается прежним.) Блеклые края и кончики перышек на груди, горлышке и голове крошатся, обламываются, открывая цветочную свежесть подносившегося за зиму платья. У этой желтизны почти одуванчиковая яркость, которая согревает наш взгляд даже под хмурым небом, утверждая уверенность, что долгожданное тепло уже где-то близко.

Может быть, за этот цвет дано птице старинное народное название, хотя его оттенок иной, чем у спелого овса. А может, названа овсянкой за то, что любила наведываться к необмолоченным овсяным кладям, за то, что кормилась по овсяному жнивью. А может, и за то, что на зимних дорогах собирала не прожеванный лошадьми овес. Но это уже в далеком прошлом. Кстати, у тех европейских народов, у которых культура овса издавна занимала не последнее место, в названии овсянки нет этого слова.

Так вот, как ни присматривайся к стайке желтогрудых, нет в ней ни одной птицы иной, хотя бы и сходной, расцветки. Все одинаковы, все до единой — самцы. Самки же до возвращения на родину держатся своими самостоятельными компаниями, улетая осенью, как улетают настоящие перелетные птицы, но не всегда туда, где зимой живется теплее и сытнее. Я встречал их в пору жестоких буранов в Северном Приаралье, тогда как за зимующими самцами наблюдал на дорогах черноземного подстепья, на проселках и в деревнях Мещеры. Получается, что они держатся поближе к гнездовым местам или вовсе не отлетают от них, потому что перед мартовским равнодействием кое-кто из них не уединяясь, скромно, но не робко запевает после восьмимесячного молчания.

После этого начала ждать остается совсем нечего: раньше полевых жаворонков, скворцов и зябликов запоют по лесным опушкам десятки желтогрудых певцов, каждый на своем месте, которое, наверное, держал в памяти с прошлого года. Запоют уже в полный голос. В лесу еще зима-зимой: обтаяли только подножия самых крайних деревьев с солнечной стороны. Не на каждом поле проталины обозначились. Ручьи по-настоящему не разбежались. А они уже звенят вовсю. Местами их столько и поют так усердно, что, когда едешь в автомобиле вдоль леса, кажется, что одна и та же песенка летит, не отставая, как ночью низкая луна, рядом.

Песня овсянки — простой звенящий мотивчик. У нас ее когда-то очень метко переложили на слова: «Теперь сено неси, да не тряси». Ведь петь-то птицы начинают именно тогда, когда сено надобно беречь до былинки. Зимой-то, наверное, молча молили, чтобы, наоборот, натрясли побольше. Созвучно своему языку переводят птичью песню англичане, поляки, немцы. Это свидетельствует, с одной стороны, о популярности овсянки, с другой — о ее доверчивости к человеку. Ведь для пения самец усядется так, чтобы всем виден был, и не стушуется под посторонними взглядами, сколько на него ни смотри.

По ладу коротенькая песенка у всех одинакова, но чистота звучания, высота и сила тонов разны даже для нашего слуха. Видимо, для исполнения даже такого коротенького и простенького мотивчика нужен опыт, а возможно, и дар. Один день-деньской отзванивает свое «синь-синь-синь-синь-синь-сиииии» однообразно, без живости и задора, словно бы жалуясь на неудачное место, на плохую погоду и скудный корм, Другой те же звуки отчеканит так, что под них захочется плечи расправить и прошагать, как под хороший марш. Есть и такие уникумы, которые при безупречном произношении через раз меняют тембр и темп: то повыше и почаще, то пониже и пореже, то добавят к последнему звуку четкий удар, как точку поставят, то растянут его, погасив плавно и нежно. Очень редко и очень тихо поют овсянки в самом начале золотой осени.

Кроме пения, жизнь овсянок бедновата звуками. Это одна из самых тихих певчих птиц. Окликая друг друга, они издают короткое и негромкое цыканье. В стайке действует другой сигнал — что-то вроде слабого «ц-трр». Интересно, что второе слово научного видового названия обыкновенной овсянки произносится как «цитринэлля». Похоже? Название, конечно, дано за лимонную желтизну оперения. А овсянки словно бы подтверждают его вслух. Голос голодных птенцов в гнезде — тончайший, еле слышимый даже вблизи свист-писк. И кажется, все.

Круглый год корм овсянок на земле. Они ничего не собирают с веток и листьев деревьев, Никого не ловят в воздухе. Семена и молодые ростки трав — для взрослых. Насекомые и пауки — для птенцов. Растительный корм, наверное, более привлекателен. Ранней весной овсянки вместе с другими зерноядными птицами дружно пасутся на нежном ковре еще не позеленевших как следует всходов птичьей гречишки, придорожной травы-муравы. В эту пору между самцами, дружно прожившими вместе всю зиму и хорошо знающими друг друга, все более крепнет неприязнь. И если несколько их кормятся в одном месте, то не просто держатся подальше сосед от соседа, а еще и хорохорятся, гоняются друг за другом, хотя корма с избытком хватает на всех. Нападая, не скачут, как полагается овсянкам, а быстро бегают, подобно каменкам, повыше поднимаясь на коротких ножках. Наверное, чтобы выглядеть погрознее, хотя до ссор и драк такие выпады не доходят,

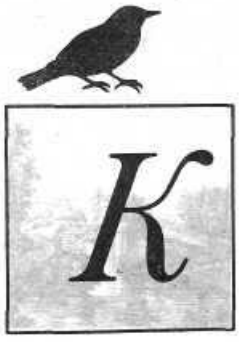
С гнездом самка управляется в одиночку, Самец лишь сопровождает ее. Она же и место выбирает. В лиственных лесах гнезда для первых

выводков сооружаются только на земле: больше спрятать негде. Летом в тех же урочищах и те же самки могут свить вторые гнезда и на кустиках. В ельниках и первые и вторые могут быть на ветках, но невысоко над землей. Но строго соблюдаемого правила или порядка, где когда строить, нет.

В тех местах, где еще держат лошадей, где пасут их у лесных опушек, где дрова и сено вывозят на лошадях, овсянки, как и в прежние времена, выстилают гнезда изнутри длинным конским волосом из грив и хвостов. Ну а где лошадей перевели, овсянки, конечно, остались, но за неимением прежнего материала стали собирать для отделки ломкий зимний волос лосей и оленей, кабанью щетину, лисью и собачью шерсть. Но вот заячий мягкий волос их почему-то не устраивает. Птица не спешит с каждой найденной шерстинкой к гнезду, а набирает их в клюв, сколько может, стараясь ухватить волосок посередине. И поскакивает среди цветущих подснежников и хохлаток странное существо с огромными, «дикими» усами. Нехватка традиционного материала не нарушила у птиц чувство меры: если посчастливится, кладут, сколько и прежде, а не плетут гнездо из одного лишь волоса.

У самцов дни строительства гнезда и насиживания — почти беззаботное время. Они лишь на несколько минут в день сменяют наседок, когда тем надобно отлучиться. Но зато забота о слетках почти целиком ложится на них, потому что матерям еще до сдачи молодняка в стаю надо срочно построить вторые гнезда. Освободившись от выводков, самцы снова начинают петь. Азарт, может, и не весенний, но, ведь дни-то намного длиннее, и зори позднее, поэтому в июне овсянки как бы растягивают свои сольные выступления чуть ли не дотемна, и уже не дрозды, а они убаюкивают лес под первыми звездами.

Но что-то нам не совсем известно в овсяночьей жизни. Почему их песни звучат и в разгар лета, в жаркий июльский полдень, когда в лесу, кроме воркования горлиц и пиликанья длинноусых кузнечиков, не слышно иных звуков? Не намерение ли это затеять все .в третий раз и воспитать еще хотя бы двух птенцов? А почему бы и нет? У воробьев-то получается.



Скворец

Каждая весна выпроваживает зиму по-своему, но одними и теми же средствами — свергая власть холодной хозяйки могучим половодьем, теплыми ветрами, солнцем и птичьими песнями. Восторженно свистят по лесам удальцы-пополэни, над обтаявшими косогорами звенят поднебесные певцы степных просторов — жаворонки, а на городских и сельских улицах славят возвращение весны скворцы. Их всегда ждут с нетерпением, как общих любимцев, сетуют, что из-за каких-то пустяков задерживаются в дороге. Но они не опаздывают никогда и прилетают, опережая разливы, не страшась последних снегопадов и незлых ночных морозов, и никогда не замедлят заявить о своем возвращении на родину, какая бы погода ни встретила их возле покинутого в прошлом году гнездовья. Будет ли то утро ясным или непроглядно-туманным, с обветшавшего скворечника на покосившемся шесте, со старой дуплистой ракиты, с телевизионной антенны или балконных перил вперемежку с малопонятным, неразборчивым щебетанием раздастся писк потерявшегося утенка, сипловатое шамканье селезня, взвизгивание чибиса, скрип автобусных дверей или тормозов, серебристый колокольчик свиристеля и вызывающе озорной свист. Скворцы прилетели!

Однако прилетели не совсем такие птицы, каких видели на тех же местах осенью. Те были черноклювы, густо-рябы и почти белоголовы. А эти поют, прищелкивая желтыми клювами и отливая на солнце йурпурно-фиолетовым, зеленым и синим радужным блеском черных перьев с редкими беловатыми крапинками, словно переоделись на зимовках в другое платье, посвежее и поярче. Но скворцы линяют раз в году, в конце лета, надевая новый наряд к осени. За полгода скитаний обносилось их оперение, искрошились, обломались светлые кончики перьев, но не в рубище остались птицы, а засверкали праздничной красотой брачного наряда. К середине лета остатки белесого крапа исчезнут полностью, и тогда игру света на пере можно будет сравнивать с блеском самоцветов, но тут как раз и начнется линька, и скворцы снова из черных станут пестрыми, и снова изменится цвет клюва.

Свою знаменитость скворец заслужил пением как один из лучших пересмешников с хорошим музыкальным слухом и памятью. Подражая чужим голосам и звукам, он забавляет слушателя, восхищает его незаурядным мастерством, вводит в обман. Воспроизведение чужого столь

безукоризненно и натурально, что порой ни прибавить, ни отнять нечего, и даже при виде поющего скворца невольно стараешься отыскать чижа или овсянку в совершенно неподходящем для них месте. У каждого певца свой небольшой репертуар, собранный им из непосредственного певческого окружения, и, чем оно богаче, тем наборнее скворчиная песня. У двух соседей могут быть некоторые совпадения, но никогда ни один не повторит другого. Есть звуки, любимые всеми, как свист иволги или куриное кудахтанье, Есть такие, которые удается услышать как большую редкость: звяканье железной кружки о дно почти пустого ведра. Если птица не может сразу повторить чей-то понравившийся ей голос, она, сохранив его звуковую окраску и интонацию, очень похоже изобразит свистом певучий голос женщины, зовущей бестолкового теленка.

Сохраняя ритм чужой песни, скворец нередко изменяет темп ее исполнения, повторяя торопливое чимканье воробья с расстановкой и паузами, а заунывное стенание жерлянки-бычка ускоряет так, как если бы реквием исполнять на манер «Камаринской». Однако, собирая наряду с мелодичными и приятными на слух голосами неблагозвучные крики и визги, скворцы почти поголовно отказываются перенимать песни некоторых птиц, поющих рядом, будто и не слышат их. Чем-то не нравятся скворцам трель зяблика или скороговорка пеночки-трещотки. И почти у каждого пересмешника кроме «сухопутных» звуков немало «водяных», которые были подслушаны ими на местах весенних и летних ночевок, Поэтому может звучать в тихом перелеске за добрый десяток километров от воды хныканье лысухи, отрывистый свист погоныша, утиные голоса и недовольный крик цапли, лягушачье «уррь-урррь-урррррь». Причем великолепен эффект отдаленности: одни звуки слышны совсем рядом, другие будто издалека долетают.

Поет скворец всегда, в любое время года, кроме тех недель, когда занят кормлением птенцов. Поет весной, зимой, осенью, в жару и снегопад, и в полдень, и в полночь. Когда появляется в кронах вязов и лип первая желтизна, а летний цвет неба утрами сменяется на холодную синь, с восходом солнца непременно прилетит к оставленному после вывода птенцов гнездовью перелинявший скворец и несколько минут пощебечет на ветке. Потом эти прилеты станут продолжительнее, а пение — поазартнее. А в приветливые дни бабьего лета всем на удивление запоют скворцы, собираясь стаями на проводах, на тополях в городских дворах. На общей скворчиной ночевке никогда не бывает так, чтобы спали все до единого: кто-то, пусть один из сотни или тысячи, поет, не смолкая. Самые заядлые поют ночами даже при двадцатиградусном морозе, и задолго до положенного срока можно послушать, как напоминание о лете, дребезжащий свист коршуна, флейту иволги, трель сверчка и кваканье.

Да, на севере и в средней полосе скворец был и остается перелетной птицей, но через десяток лет после грача стал он нерегулярно зимовать в Черноземном крае, в Подмосковье то в одиночку, то многосотенными стаями. Одиночки остаются на местах с осени, стаи появляются в разгар зимы с весеннего направления. Питаясь на свалках, по скотным дворам, они без потерь переносят под открытым небом долгие январские ночи с морозом в 20—25 градусов,

Любят скворца не только за песенное мастерство, но и за смелость, сообразительность и доверчивость. В воспитании и закреплении этой доверчивости много сделал человек, предложив лесной птице удобное для гнездования убежище — скворечник. Миллионы скворечников в садах и огородах, на лесных опушках и просеках, в городских скверах и на балконах высотных домов. При закладке первых полезащитных лесополос в Каменной степи 100 лет назад шесты со скворечниками расставлялись в чистом поле. Птицы не отказываются от дуплянок, от дощатых домиков, от пустых тыкв-травянок, от гнездовий других конструкций, но почти всюду предложение превышает спрос. Часть птиц, около четверти скворчиного поголовья, предпочитает гнездиться в .стенах речных обрывов, по лесным урочищам, занимая там норы, трещины, дупла, если даже неподалеку в достатке развешаны добротные искусственные гнездовья. Причем скворец нередко бесцеремонен в отношении опередивших его птиц других видов: он выбрасывает прочь яйца и гнезда поселившихся раньше него воробьев, выгоняет удодов. Большим пестрым дятлам не всегда удается отстоять от напористых захватчиков приглянувшиеся тем свежие дупла, в которых уже лежат яйца. Захват чужого гнезда и изгнание его хозяев нередко совершает в одиночку самка, а самец лишь смотрит на ее действия со стороны. Но сам скворец пасует перед черным стрижом. Да предусмотрительный поползень нашел способ защитить дом от вторжения скворцов, обмазывая вход в дупло глиной по своему росту, и скворец никогда не пытается взломать это препятствие,

Заняв с прилета гнездовья, самцы еще несколько дней остаются холостяками. Поют возле домиков и дупел, призывно всплескивая крыльями при виде каждого пролетающего мимо скворца. Но перед закатом вдруг обрывают пение, улетают от скворечников, собираясь небольшими компаниями соседей на высоких деревьях. Посидев несколько минут молча и дождавшись последних, стремительно уносятся прочь. В одном месте, где вечерние ватажки летят на восток, это может выглядеть как продолжение перелета, в другом — как непонятное бегство. Но на следующее утро все будут петь,

У *дупла*
Портрет
Своя квартира
Скворец с кормом

где пели вчера, а на вечерней заре все повторится снова. Скворцы улетают вечерами на общие ночевки, собираясь со всей округи в речные займища, где проводят ночь в тростниковых зарослях или на залитых половодьем деревьях. И каждый, наслушавшись здесь речных голосов, унесет их с собой в городской сквер или на улицу степного села. С прилетом самок и образованием семейных пар ночные сборища удваиваются: каждый самец прилетает на них со своей подругой и уже старается занять такое место, чтобы она была с краю, чтобы с ее стороны не было никого. Когда начнется насиживание, самцы будут улетать по вечерам, оставляя скворчих в гнездах до утра, и будут подменять наседок для кормежки только днем.

С вылетом молодняка такие ночевки превращаются в грандиозное явление. До утра слышится из тростниковой крепи ни на минуту не смолкающее щебетание и верещание. Птицы недоступны здесь для нападения хищников и сверху и снизу и поэтому не скрывают свое местопребывание. В таких прибежищах они могут ночевать до ледостава. Утренний взлет огромной массы звуком напоминает шквал урагана. Медленно из-за своей огромности, как дымная туча взрыва, взлетает черная сверхстая, разделяясь на взлете на стаи, разлетающиеся в свои стороны. На больших зимовках на совместные ночевки собираются уже миллионы птиц, и на экранах индикаторов кругового обзора радаров их подъем виден как сплошное светящееся облако.

Скворец начинает мостить гнездо до прилета самки, но делает это без должного усердия. С ее появлением простое строительство завершается быстро, хотя не все в семейной жизни птиц улаживается сразу: иногда на одно дупло метят две и даже три претендентки. Время появления птенцов узнать нетрудно, потому что в тот день в скворчиных поселениях выбрасываются из гнездовий голубые яичные скорлупки. Поддержание чистоты в гнезде сначала лежит на родителях, но, оперившись, птенцы избавляют их от этой заботы.

Птиц-дуплогнездников нередко одолевают шести- и восьминогие паразиты, особенно докучая маленьким птенцам. Скворец знает способ борьбы с пироедами и кровососами средствами «зеленой аптеки», по мере надобности нося пахучую зелень в жилье. Он находит в местной флоре или на огородах вонючие и ядовитые растения: красную бузину, у листьев которой прямо-таки одуряюще-отвратительный запах. На огородах предпочтение отдается рассаде помидоров, Скворцы скусывают верхушки растений по утрам, когда легче сломить напитанный влагой стебелек и когда их не видит хозяин огорода.

С первым выводком все семьи управляются довольно синхронно к началу лета, когда остается еще немало времени для повторного гнездования и воспитания второго выводка. Но чем севернее, тем реже используют скворцы возможность увеличить численность нового поколения. Да и на Русской равнине это зависит от того, как досталось родителям воспитание первых птенцов. В жаркую и засушливую весну выкормить их так же трудно, как в холодную и дождливую, и после трех недель утомительных полетов и поисков корма от повторного размножения отказываются все птицы поголовно. Чем мягче и ровнее весна, тем легче родителям выкормить пятерых-шестерых скворчат, доведя к их вылету вес каждого почти до собственного. И тогда, оставив выводки стае, многие пары спешат отдаться гнездовым заботам еще раз. Но при всех условиях поведение взрослых птиц после вылета первых слетков нестандартно и непредсказуемо, как и прогноз погоды на сезон, Последнее «слово» всегда остается за самками, Самка может и одна улететь с выводком, а самец останется у гнездовья и будет петь с тем же азартом, что и весной. Вернется прежняя подруга или прилетит новая — в середине лета вылетит еще выводок, поменьше. Нет, с каждым днем пение будет слабеть, и через недельку самец исчезнет до осенних дней.

Скворец не всеяден, но с кормами он не бедствует нигде. Взрослой птице и для кормления птенцов годится многое: дождевые черви, слизни, мокрицы, жуки, гусеницы, поденки, зерно, ягоды. Конкурируют с воробьями, воронами и голубями на мусорных ящиках, в зверосовхозах живятся на лисьих и норковых фермах. Есть любители мелкой рыбешки, которую ловят сами. От местных и транзитных стай достается вишневым садам и виноградникам,

Присутствие, поведение и деятельность скворцов нередко вызывают справедливые упреки в их адрес. Но уже найдены способы, как избавить виноградники, аэродромы, города от скворчиных нашествий, не причиняя вреда самим птицам. А помидорные грядки без лишних нареканий легко защитить, развесив над ними кусочки фольги, блестящие жестянки, осколки зеркала на крученых нитках. Для, вишневого дерева достаточно обрывка истлевшей сети. Мы не можем лишить скворца прежней симпатии, Ведь не за свои недостатки был завезен он в Северную Америку, на юг Африки, в Австралию и Новую Зеландию. Скворец был не только спутником человека и защитником его урожая, но и моральным помощником. Днем он бегал по борозде за сохой или плугом, а в конце дня, распевая у крыльца свои забавные песни, создавал уставшему пахарю особый уют, прилетал и пел, как бы прощаясь, в солнечные дни осени, когда заканчивались работы на земле. Так что скворец — птица особая, и доброе отношение к нему будет сохраняться как традиция.

Филин

Март двулик. У него весенние дни и зимние ночи. В полдень поют на станичных улицах хохлатые жаворонки, звенят на опушках желтогрудые овсянки, поднимается над косогорами парок, заволакивая края небосвода белесой дымкой. К ночи иссякают дорожные ручьи, намерзают на изломах кленовых веток сладковатые леденцы, стихает галдеж в грачиных державах. Но еще до того как погаснет заря и на чистом небосводе позимнему начнут перемигиваться звезды, над диковатым речным урочищем с высокого, обрывистого берега раздается глуховатое, таинственное «ггууу-гу». Следом с небольшой паузой звучит еще один выкрик, потом еще. Не дожидаясь темноты и не давая тишине завладеть миром, начал свое весеннее «пение» филин -— гигантская сова Европы, Азии и Северной Африки.

В ночном безмолвии эти клики могут одинаково навеять и тревогу и восхищение. В них угадывается угрюмость их обладателя, существа необщительного и скрытного, но нет в них ни заунывности, ни угрозы. Никто не откликается на это угуканье, но филин не перестает повторять его, время от времени меняя интонации. Помолчит малость и снова заухает. И так почти до света. И на следующую ночь будет ухать там же, и где-то в том месте будет его гнездо.

Хотя гнезд эта птица не строит. Разве только самец в ожидании будущей подруги выцарапает в мерзлом грунте подобие ямки, а то и того не бывает. Просто на землю откладываются белые яйца, на голой земле лежат белые пуховички-филинята. Больше всего устраивают филина маленькие пещерки, старые промоины в стенах обрывов, в которые не заглянуть ни сверху ни снизу. Иногда пара 'устраивается в бесхозной постройке орла, скопы, орлана. Привязанность к месту у каждой пары очень сильна: годами, десятилетиями выводят птенцов филины в одном месте, и земля тут обычно перемешана с множеством полуистлевших косточек от принесенной птенцам добычи. Да и дневное убежище у каждой птицы постоянно.

Филина, как и ворона, нельзя назвать ни лесной, ни степной, ни горной, ни равнинной птицей. Его весеннее угуканье слышно и в якутской тайге, и на обрывах Устюрта, и над разливами Хопра, и над Памирским нагорьем. Он может жить везде, где неплохая охота и где его не преследует человек.

Его силу можно сравнить с орлиной. Но его преимущество как охотника — ночь, и ловит он всех, кто годен в пищу и с кем может совладать. Против его длинных и острых когтей не существует защиты. И пожалуй, самой легкой, но не самой частой добычей филина становятся колючие отшельники-ежи. Ежа невозможно ни ощипать, как утку, ни ободрать, но тысячи ежиных иголок не помеха пернатому хищнику: он рвет жертву на куски и глотает их вместе с иглами или оделяет ими птенцов. Летом он ловит огромных и сильных жуков-оленей и проглатывает их целиком, вместе с «вооружением», которого побаиваются другие птицы.

Да, из симпатичного пушистого крошки-филиненка никогда не вырастет вегетарианец, и среди его жертв всегда будут не только мелкие грызуны — вредители сельского хозяйства. Но зато поблизости от его гнездовья нет ворон. Эти разорительницы чужих гнезд, убийцы попавших в беду взрослых птиц, птенцов, зайчат являются излюбленной добычей филина. И нет в птичьем мире более заклятых врагов, чем филин и ворона, и мстят они друг другу постоянно. Если вороньe найдет филина днем, то, собравшись огромной стаей, может так его «посадить», что он скорее отдастся в руки человеку, нежели осмелится взлететь и спасаться от беснующихся ворон бегством, хотя и летает быстрее их. Ночью же он разделается с той, которая первой попадется на глаза, а иногда и днем не упустит верного случая свести счеты.

Известен вполне достоверный факт, когда филин в полдень, при ярком солнце да еще на глазах многих людей схватил на лету раненую ворону. От единственной попавшей в нее дробинки она не каркнула, ни курса не изменила, но, перестав махать крыльями, заскользила на них, чуть снижаясь к еще не одетому ольховому лесочку, куда и держала путь. И когда до ольшаника оставалось метров семьдесят, из его гущи стремительно вылетел огромный филин и взял свою жертву в воздухе, как сокол-чеглок лапой берет на лету стрекозу. Он слышал выстрел, видел людей, но, заметив мгновенный сбой в полете вороны, решился на верное нападение. На его счастье, поблизости не было ни других ворон, ни сорок. А может быть, он и это обстоятельство успел заметить и учесть, иначе вряд ли осмелился бы на открытый бросок на чистом месте, да еще днем.

К сожалению, необыкновенно живучи представления о птицах-хищниках, которые могут ловить уток и зайцев, как о вредителях и нетерпимых врагах охотничьего хозяйства. Везде, где живет филин, давно и подробно изучен его рацион, известен полный список жертв. В пустынях Казахстана зоологи нашли в остатках его питания всех местных грызунов, включая тех, кто почти безвыходно живет под землей, и тех, чье присутствие в местной фауне не удавалось обнаружить иными способами.

Слеток
Дремлется
Портрет
Еще не оперился

В Нижнекундрюченском охотничьем хозяйстве (Ростовская область) за полтора десятилетия не был застрелен ни один филин, однако больше всего зайцев по вечерам бывает на их главной охотничьей поляне. В теплое время года филин, кажется, не трогает такую крупную добычу, как взрослый заяц. И в тихие сентябрьские сумерки там можно созерцать такую идиллию: на изломе старой ветлы темной колодой сидит филин, а внизу пасутся, скачут, играют русаки. Поставив торчком свои ушки-рожки, опытный хищник чуть ли не с благодушием смотрит на них сверху, а потом улетает охотиться на какую-нибудь мелочь.

Зимой иное дело. В зимнюю пору выбор не тот, и бывает выгоднее найти такую добычу, чтобы несколько дней быть сытым, не вылетая лишний раз в ненадежный поиск. Долгие зимние ночи — не лучшее для филина охотничье время, Взяв зимой зайца, с которым не управиться в один присест, филин несколько суток не оставляет добычу, пока не прикончит ее до кусочка, Прятать недоеденное нельзя не только потому, что найдут и присвоят ворон, лиса или сороки, а больше потому, что еще раньше ночной мороз за час превратит вкусную зайчатину в камень, не поддающийся клюву. Вот и прикрывает филин недоеденного зайца, как юбками, своим пышным пером, сидя на нем и, наверное, немного согревая собственным теплом, как греет птенцов. Дотянув обезглавленную тушку до какого-нибудь ближнего кустика, чтобы днем быть поменьше на виду, филин не шевельнется на ней до вечера. Снег будет падать на него и оседать, как на пеньке, белой нахлобучкой, а он и не отряхнется ни разу. От стужи одет тепло. У него даже пальцы оперены до самых когтей. И потери тепла ничтожны: у дремлющей птицы теряется, наверное, только то, что уходит с дыханием. И сытому филину любой мороз нипочем,

Без малого двухметровые в размахе крылья филина кажутся коротковатыми для такой крупной птицы. Длина сложенного крыла у него почти такая же, как у коршуна, при весе, в два с половиной-три раза большем, чем у того (весит филин до 3 килограммов). Но зато ширина крыльев такова, что филин может с места развить предельную скорость. Сила крыльев позволяет их обладателю легко нести упитанную крякву или тяжелого ежа. Выпущенный в комнате дикий филин с расстояния в четыре метра выбил двойное оконное стекло и стремительно вылетел наружу, не уронив ни перышка, будто перед ним действительно не было никакой преграды. И вместе с тем полет огромной птицы так же бесшумен, как и у других ночных сов, из-за особого строения полетных перьев — такого же, как у немного похожей на своего собрата ушастой совы.

Филина пока нет в списках Красной книги России. Мы знаем, где он еще обитает, но не знаем, сколько его. И не исключено, что в недалеком будущем властелина ночи постигнет участь царей птиц — орлов, взятых сейчас под особую охрану. Филин нуждается в ней хотя бы из-за своей исключительности: вряд ли кому еще в птичьем мире, кроме звукоподражателей, дано столько образных названий у разных народов, Орел-сова, великий герцог, сова-бог, пугач...

В животном мире врагов у филина, пожалуй, нет совсем, во всяком случае очень мало. Лисицу, например, он не боится нисколько и нередко живет чуть ли не бок о бок с лисьей семьей. Волки и те робеют перед ним.

Вертишейка

Днем в апрельском лесу и светло, и солнечно, и бабочки порхают, и цветов много, но как-то пустовато без птичьих голосов. Дрозды распевают перед закатом, а зарянки и зяблики — утром. Только дятел немного побарабанит по сухой стволине, да теньковка все сбивается со счета. И вот в такой тихий полуденный час вдруг на пол-леса разносится что-то вроде десятикратно повторенного крика малого дятла. Голос резкий, громкий, слышится в нем какое-то раздражение или недовольство. Так заявляет о себе близкая родня дятлов — вертишейка-тикун.

Когда вертишейка захватывает дупло с воробьиным гнездом, она садится у входа в чужой дом и возмущенно орет, словно это ее собственный заняли и не пускают. Покричав, птица смело ныряет в отверстие и выскакивает оттуда с пучком травинок, ниточек, перьев и лыка, из которых было сложено теплое воробьиное гнездо. С таким напористым захватчиком воробушки, конечно, ничего сделать не могут. Вертишейке удается выживать из дупла и большого пестрого дятла. В отсутствие хозяина она забирается в гнездо, выбрасывает из него лишние щепочки и уже близко не подпускает строителя к своему дому. Жильем, как и у дятлов, занимается в основном самец: он его находит, чистит, если надо, и кричит на всю округу, что есть у него дом и нужна ему пара.

А когда найдена пара, вместо громкого, раздраженного или угрожающего «кяй-кяй-кяй-кяй...» раздаются те же звуки, в том же ритме, но уже нежные, тихие, иногда еле слышные, словно шепотом. Часто около дупла пара исполняет нечто вроде дуэта: начинает одна птица, а после одного-двух слогов ее «песню» в той же тональности подхватывает вторая, и голоса обеих, чуть замирая, звучат в унисон. Потом — пауза в несколько секунд, и снова та же «песня».

В это время вертишейки подолгу сидят рядом, почти не шевелясь, не меняя поз, не подавая голоса, как голуби. А что еще делать? Гнездо не строить, муравьи мимо дерева колонной бегут — бери, сколько надо, дом рядом, и на него никто не посягает, в искусстве полета птицы не сильны, игр у них никаких. Поэтому уже в мае словно исчезают вертишейки из леса.

Вертишейка — птица-муравьед. Может есть и других насекомых, но, переведись в лесу мугавьи — не будут прилетать туда вертишейки. Да только пока в наших лесах трудно найти такое место, где бы не было шестиногих тружеников леса. А в междуречье Воронежа и Усмани в середине лета ни днем, ни ночью остановиться негде, все бугры и котловины, склоны и ровные места — сплошная муравьиная держава, муравьи на земле, под землей, на деревьях. Идешь по ней — ничего, остановился — и ринулись на тебя, кусаясь и обжигая кислотой, бесстрашные, неукротимые и напористые защитники. В таких урочищах мало птиц, а гнездящихся на земле совсем нет, но для вертишеек здесь настоящий рай.

Управляемость и скорость движения языка вертишейки просто фантастические. Если бы таким проворством обладали наши руки, то мелкие предметы исчезали и появлялись бы в них сами собой. Вертишейке может позавидовать любой фокусник. Острый, длинный, клейкий язык высовывается из клюва и в одно касание отправляет муравья в чуть приоткрытый рот. За его мельканием не уследить глазом, ладонь не чувствует его прикосновения. Сидя у муравьиной

Вертишейка

тропы, вертишейка не скачет за насекомыми. Она их ждет, и муравьи сами бегут к своей гибели, не замечая неподвижного врага.

Природа одела вертишеек в самое что ни на есть лесное платье. По удачному сочетанию цветов в оперении и мягкому рисунку ее можно поставить в один ряд с вальдшнепом, козодоем и

еще немногими птицами, которым достались лучшие шапки-невидимки. Прижавшуюся к шершавой коре вертишейку обнаружить так же трудно, как голубую ленточницу, когда она днем дремлет на стволе, прикрыв лазоревые с черной каймой ленты нижних крыльев верхними. Крупная, с маленькую птицу ростом, эта бабочка обнаруживает себя лишь на взлете. Взрослые вертишейки и их птенцы одеты одинаково. И те и другие на дереве похожи на еле заметный нарост, на земле или муравейнике — на кусочек коры в сухих лишаях. Даже голос не выдает в неодетом лесу его обладателя. К тому же природа наделила вертишейку завидной выдержкой. Познакомившись с образом жизни вертишеек, невольно начинаешь думать, что их незаметная внешность и способность затаиваться нужны не только для спасения от врагов, но и для того, чтобы своим на глаза реже попадаться. В мире пернатых немало необщительных особ, но у вертишеек необщительность доходит до крайности, и неприязнь друг к другу преодолевается лишь на два месяца семейной жизни. Не только взрослые, если это не пара, избегают встреч в родном лесу, на воздушных дорогах и, наверное, на далеких африканских зимовках, но и их птенцы не терпят друг друга. В гнезде зарождается родовая неприязнь. Пока все в одном доме, это хоть и кедружная, но одна семья. Первый же выход любого птенца из дупла становится моментом его бесповоротного отчуждения.

Вертишейки кормят выводок, пока он весь в одном месте, в доме. Бывает, что после вылета даже первого слетка родители перестают приносить корм и исчезают неизвестно куда, а попросту говоря, бросают детей на произвол судьбы. Однако, вскормленные лучшим в лесу птичьим кормом — спелыми муравьиными яйцами, птенцы к концу своего сидения в дупле уже могут летать, лазить по деревьям и ловить муравьев.

В начале первого дня самостоятельной жизни их не очень беспокоит отсутствие взрослых, но ожидание не приносит утоления голода. И тогда тот, что постарше и покрепче братьев, первым высовывается из отверстия дупла и негромко стрекочет на манер маленьких дятлят или летучих мышей. Возможно, что это не призывное стрекотание, не просьба поскорее накормить, а выражение дополнительного неудовольствия, ведь снизу его дергают, клюют и шпыняют в несколько клювов братья, чтобы скорее уступал им место, на котором можно получить полный рот сытных яиц.

Но вместо того чтобы уступить им в бесплодном ожидании и спрятаться назад, первый, осмотревшись и словно убедившись, что ждать отца или мать бесполезно, выскакивает из дупла, а в круглом отверстии появляется следующий и тоже верещит, крутя головой и разглядывая новый для него зеленый и светлый мир. И он покидает дупло, потом — третий, в действиях которого уже нет растерянности. Он сразу начинает обследовать соседний ствол, кого-то склевывает и слизывает с коры, спускается головой вниз и снова взбирается вверх, подпираясь коротеньким, мягким хвостиком,

Однако в стремительном птичьем детстве не все покинутое забывается быстро. После первых трех часов свободы тесный дом еще остается домом и тянет обратно.

Вот краткое описание сцены из птичьей жизни, за которой в одно июньское утро наблюдали со стороны двадцать человек. Один из трех слетков, обследовав ствол и подножие сухого вяза, перелетел на родное дерево и поскакал к дуплу, намереваясь влезть в него, будто с прогулки возвратился. Одновременно сверху спустился другой и стал то за крыло, то за хвост оттягивать братца от входа, а сидевший в дупле в это время отчаянно клевал его. Был возвратившийся и рослым, и сильным и влез-таки почти наполовину внутрь, но дальше пробиться не мог. Отдохнув, он повторил попытку с той же настойчивостью. Ветерок подхватил несколько выщипанных перышек. Молчаливо и упорно сражались друг с другом родные братья у входа, но во время одной из передышек сидевшие в глубине дупла вытолкнули защитника, и тот сам оказался изгнанником. К вечеру вылетели еще четверо,

Последние двое (всего в дупле росли девять) были совсем малыши, и я не мог удержаться от соблазна дать им немного поесть. Наловили мы комаров, мух, мелких слепней, муравьев, достали из-под коры поваленного дерева муравьиных яиц. Птенец сначала спрятался в дупло, но тут же, не показываясь сам, мигом слизнул с кончика пинцета комара. Потом, осмелев, высунулся до крыльев и не с пинцета, а прямо с ладони стал убирать угощение, пока не насытился, и, упав вниз, уступил место последнему. А когда до отвала наелся и тот, сверху на руку спустился первый, которого полдня не пускали домой (у него на щеке перышек не хватало). Держась одной лапкой за мой палец, другой — за кору ствола, он слизал с ладони сколько мог, сколько в него, голодного, вместилось и, оставив палец, заснул рядом с входом в дупло,

Утром второго дня дупло было пусто. Еле слышное стрекотание раздавалось неизвестно откуда. Оказалось, что один птенец дремал на соседнем дубе, а другой, самый маленький, лежал на тропке около муравьиной норки и был настолько сыт, что не пожелал брать у нас ничего. Время от времени он приоткрывал глаза, и тогда пробегавший мимо муравей исчезал неведомо куда. В руки птенец не давался, но и удрать от нас тоже не стремился. Семьи уже не существовало. Инстинкт подтолкнул каждого к нужной добыче. Трехнедельные птенцы стали самостоятельными птицами.

Такое раннее прекращение заботы родителей о птенцах случается в дождливое и прохладное лето, когда не только вертишейкам, но даже и муравьям туго с кормом, когда в муравейниках очень мало яиц и птицы днями не могут их добыть: зарядит с ночи обложной дождь, и муравьи, спасая собственное потомство, опустят его в свои подземелья еще глубже.

Июнь следующего года был, наоборот, зноен и сух. Настолько сильна была полуденная жара, что рабочие муравьи не выбегали за пределы тени, на освещенное солнцем пространство. И хотя последний из двенадцати птенцов получил последнюю порцию корма в дупле, которое покинул по своей воле, а не от голода, мирной жизни в этом доме тоже не было. Шесть дней птенцы больше дрались, клевали и щипали друг друга, нежели сидели смирно. Затихали они лишь напуганные кем-то: за эти дни и седой дятел в дупло заглядывал, сорока как-то устроила переполох, куница молодая на дерево взбиралась, сосед-удод взмахивал пестрыми крыльями у самого летка. Ночью из птичьего дома тоже не доносилось ни звука, хотя никто из взрослых вертишеек с детьми не ночевал, как это водится у настоящих дятлов. Они прилетали утром, примерно через полтора часа после восхода солнца, будили выводок и начинали сновать от дупла к муравейникам и обратно.

Дупло это было сделано когда-то большим пестрым дятлом, и внутри хватало места всей дюжине. Но перед вылетом любой из птенцов мог закрыть собой весь леток. Захватив место, он так и делал: цеплялся лапами за края входа, чуть расставлял крылья и, вереща, держался, сколько хватало сил и терпения. Так он успевал получить порцию-две, пока братьям не удавалось стащить его вниз. То и дело среди перьев брюшка этого птенца, вздрагивавшего от беспрестанных толчков и ударов, появлялся тонкий, шарящий язык братца, потом его же клюв и голова, а потом он получал два-три удара и исчезал. Бывало, что троим сразу удавалось высунуть головы наружу, но порцию получал кто-то один.

Шесть дней мы не сводили глаз с этого дупла, И все эти дни, пока в нем не остались двое, сцены, похожие друг на друга, следовали с утра до вечера. Вначале это вызывало любопытство, но вскоре стало интереснее наблюдать за тем, как новичок, очутившись впервые у входа, ощупывал, словно облизывал, длинным языком края дупла и кору вокруг него, как выпархивали один за другим птенцы и улетали куда-то, кто с родителями, а кто и без них. Улетали, но дорогу назад помнили хорошо, хотя и покидали дом впервые в жизни. Некоторые через день-два возвращались назад, но их не принимали те, кто еще сидел внутри. И только благодаря тому что у молодых вертишеек не было ни оружия, ни силенки, чтобы нанести увечье или серьезную рану, все обходилось недовольным стрекотанием да несколькими перышками, оставшимися в опустевшем дупле.

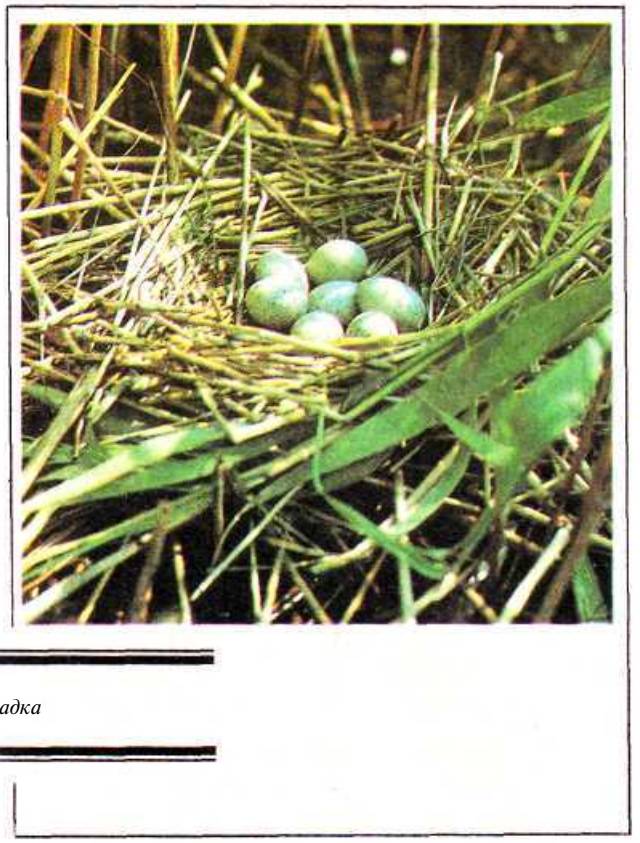
Птенец, ставший отшельником, кормится несколько дней на муравьиной дороге. Опустеет одна — разыщет другую. Крепнет, подрастает, и перья на нем тоже подрастают до нормы. Узнает кое-что, чего, сидя в дупле, не видел. Спугнешь его — быстренько шмыгнет в траву, перепорхнет за кустик, а через минуту-другую снова на месте. А там и за море пора. И в этот путь он тоже отправляется в одиночку, но в одно время с сородичдми. Муравьев же в лесу ни от взрослых, ни от молодых вертишеек меньше не становится. Малая доля этой дани даже возвращается муравьиному племени. Когда взрослая вертишейка передает высунувшемуся из дупла птенцу очередную порцию, тот хватает ее с такой торопливостью да еще при этом норовит ударить кормилицу, что часть куколок падает к подножию дерева, где их быстренько подбирают снующие мимо муравьи, пусть даже совсем другого племени, и уносят в свои гнезда: рабочие нужны всюду.

Есть муравейники, которые то по очереди, то вместе из года в год обирают вертишейка и седой дятел, кабаны не раз сравнивают их с землей в сырую осень, но, видно, на хорошем месте основаны муравьиные гнезда, коль не переводятся, а остаются сильны, несмотря на то что платят огромную дань своими жителями.

Полевой жаворонок

Какие пернатые были всегда самыми верными и самыми привычными спутниками нашей весны? Грач, скворец, кряква, полевой жаворонок. Но уже сколько зим видим мы грачей на улицах и окраинах городов и сел. Перестали удивлять нас ночные концерты скворцов под открытым небом чуть ли не при тридцатиградусном морозе. И тысячи крякв не хотят улетать на зиму с Дона и Воронежа, где свободной воды и корма всегда хватит на всех, кто пожелает остаться.

Полевой жаворонок — вот кто не изменил весне и всегда возвращается на родину вместе с ней. В лесу уже звенят синицы, барабанят дятлы, восторженно орут сойки и скрипят, собираясь улетать, снегири, а над белым простором заснеженных полей — тишина и солнце. Но как только зачернеют по буграм и склонам проталины, раздается из белесо-голубой дымки негромкое жавороночье журчание: «чирр». Оно звучит пока не как бодрое приветствие, а как осторожный вопрос: нет ли кого из своих? Нет. Он первый.



Кладка

Зимовал где-то недалеко, может быть, в причерноморских степях. Но там не пел, а здесь уже невозможно без песен, и птица короткой распевкой подтверждает свой прилет. Еще не в полный голос, еще без хорошей россыпи, но все равно это прекрасная, свежая песня пробуждения природы. В книге очерков о жизни русских птиц Дмитрий Кайгородов так пишет о первой песне полевого жаворонка:

«И вдруг все переменилось вокруг! Словно стали это и не те поля, и не те деревья, и не тот воздух: словно все это было несколько минут назад мертво, безжизненно, а теперь вдруг ожило, одухотворилось. Был будень, и вдруг стал праздник. На душе просветлело, на сердце повеселел'о, и бодро спешишь домой — легко несут ноги — спешишь поделиться с близкими сердцу радостною вестью: жаворонки прилетели!..»

Они еще не выбрали место, где будет гнездо, еще нет самок и многих соседей, поэтому и песня неполная, без стукотни и россыпи. К тому же еще не раз налетят с холодной стороны тяжелые, хмурые тучи, забелят поля чистым снегом, и те из жаворонков, которые увидят такое впервые, могут в растерянности повернуть назад. Но рано или поздно настанет утро, когда чуть ли не с первых минут рассвета польются с безоблачного неба бесконечные трели. Жаворонки всюду. Их песни звучат не только над зелеными и черными полями, еще заснеженными лесами и речными разливами. Чарующие трели слышны даже на самых шумных городских улицах. Певцы уже не могут без песен и поют, даже не видя внизу земли. Когда в тихую погоду плотные утренние туманы чуть ли не до полудня не дают пробиться солнечным лучам, поднимаются жаворонки над молочной пеленой и звенят, возвещая о том, что над ними чистое небо, что будет день и светлым, и теплым.

Места хватает всем, но не каждому обладателю годных для семейной жизни участков выпадает счастливая доля. Многие так и остаются холостяками, хотя и состоят в певцах далеко не последнего десятка. У прилетающих несколькими днями позднее самок всегда есть выбор, и далеко не каждая первая встреча становится помолвкой, а потом — и прочным союзом.

Разобраться в становлении птичьих семейных отношений непросто, особенно когда платье самца и самки до перышка одинакового рисунка и цвета, и многое выглядит для нас необъяснимым. Не каждый холостой самец встречает опустившуюся на его участок самку как желанную и может даже напасть на нее, как на соседа-соперника. Не каждая самка даже после учтивой встречи проявляет благосклонность к хозяину. Если первый выбор чем-то ее не устраивает, она

улетает. Однако высоко не поднимается, а летит особым полетом, негромко и грубовато «покряхтывая» и увлекая за собой всех ближних самцов, которые уже не щадят друг друга и не пасуют перед хозяевами участков, и уводит ее конечно же один из самых сильных. Во время такого полета даже ненаметанным глазом видно, что крылья самки значительно уже крыльев самца, который чуть ли не полжизни проводит в небе. А для того, чтобы пара стала семьей, птицам бывает достаточно нескольких минут совместного отдыха на земле, после чего самка подыскивает место для гнезда и начинает строительство, а для него основным времяпрепровождением становятся полет и пение.

Жаворонки первыми из земных существ, не считая стрижей, встречают солнце утром и последними провожают его вечером, потому что их патрульно-песенные полеты начинаются до восхода и заканчиваются после захода, когда гаснет заря и на темнеющем небосводе зажигаются первые звезды. И если человеку с достаточно острым зрением не всегда удается отыскать звенящего над головой поднебесного певца, то сам он прекрасно видит, что происходит на его территории. Едва сосед-одиночка перебежит установленную границу, он камнем падает с высоты, и не всегда даже крылья спасают нарушителя от хорошего тычка. В запале самец нападает на земле даже на такую крупную для его роста птицу, как горлица, и бьет ее с разлета так, что только перья летят со спины безвинной и смирной птахи.

Полевой жаворонок может петь и на земле, на какой-нибудь кочке или бугорке, но старается этого не делать. Не соблазняют его ни телеграфные столбы, ни опоры высоковольтных линий, ни провода, которые любит его сородич, хохлатый жаворонок. За манеру полевого жаворонка петь в полете, на крыльях, англичане называют его небесным.

Круто взлетает он вверх, начиная песню с первыми взмахами крыльев, и почти отвесно, не залетая в воздушное пространство над участками соседей и не смолкая ни на секунду, поднимается метров на сто, а иногда и выше. Там, трепеща крыльями, повисает, будто в невесомости, и никакому ветру не столкнуть его в сторону. Есть у нас кроме жаворонков еще несколько птиц, которые тоже могут петь на лету. Но их полет с песней длится несколько секунд, а потом певцы словно в изнеможении падают вниз, отдышаться, Слушая жаворонка и глядя на него снизу, думаешь, что поднялась птица на такую высоту для того, чтобы не только выразить свои чувства, но и отдохнуть с песней в воздушном просторе.

Нет, конечно, и он устает и почти камнем падает к земле, обрывая песню в нескольких сантиметрах от ее поверхности, и долго стоит, слушая, как поют над полем другие. Устанет и опустится сосед, отдохнув, поднимется снова он. Там, где жаворонков много, песни над полями звучат беспрерывно даже в неприветливую погоду. Строгой очередности, конечно, нет, потому что все равно никому не хватит терпения соблюдать какой-то порядок.

Среди сотен или тысяч соплеменников всегда найдется такой жаворонок, который что-нибудь делает не так, как остальные. С одним таким оригиналом я встретился на большой бросовой залежи, где когда-то была бахча, на которой не удавались ни арбузы, ни дыни. Степная трава уже выживала сорняки и разный бурьян, среди которого еще торчали палки от пугала для грачей, охочих до арбузной начинки,

Этот жаворонок по утрам, какая бы погода ни была, пел, только стоя на кривой, как переломленная пополам дуга, палке. Стоять на палке ему было не очень удобно, и, поворачиваясь, он неловко балансировал крыльями, но песню не обрывал. А как пел! Это был один из лучших, если только не самый лучший певец в округе, Его соседи успевали отдохнуть от пения по три-четыре раза, а у него за это время не было ни единой паузы. Однако такие концерты он давал только по утрам, когда вокруг одобрительно крякали токующие стрепеты, а днем и под вечер, как и все, пел на крыльях.

Когда-то распевали жаворонки в бескрайних придонских степях, ковыльных, полынных, чабрецовых, где еще и сурки пересвистывались, Когда стали эти степи полями, птицам не стало хуже, наоборот, это избавило многих из них от врагов, уничтожающих яйца и птенцов. Но когда поднялись по полям защитные лесополосы, сильно пострадали жаворонки от своих земляков, грачей. Не поют ни весной, ни летом полевые жаворонки там, где крепнут грачиные державы. Не потому, что мешает неумолчный гвалт в тысячных грачевниках, а потому, что уничтожают грачи потомство поднебесных певцов, начиная с яиц, которые находят, бродя по молодым посевам и травам. В Каменной степи даже на заповедных залежах давно не живут ни жаворонки, ни перепела, и на земле там гнездятся только луговые луни, к которым не подойдет ни один грач.

Поющий жаворонок поражает каким-то непонятным бесстрашием. Я не раз видел, как равнодушен жаворонок к взлетающим и садящимся самолетам, начиная от самых маленьких, Ан-2, до огромных, реактивных. Даже когда вихри от их двигателей срывали поющую птицу с места, она не прекращала пения, и по мере того как слух вновь начинал воспринимать звуки живого, первым сквозь затихающий рев моторов пробивался жавороночий напев, в котором все — и темп, и тон — было то же, что и прежде, как будто рядом пронеслась не грохочущая громада,

а на миг налетел легонький ветерок. Может быть, вырос этот жаворонок при таком громе, и дети его привыкнут к нему еще в скорлупе яйца, но скорее всего, не боится он ни грома небесного, ни огня земного.

Летом 1942 года на нашу колонну — ребят-детдомовцев, уходивших от фронта, налетело несколько «юнкерсов». С воем полетели на дорогу бомбы, но мы, уже повидавшие войну, побывавшие и под бомбежками, и под обстрелами, мигом рассыпались по сторонам дороги. Все лежали лицом к земле, невольно считая взрывы (знали уже, сколько и каких бомб может нести самолет), и, когда грохнула последняя бомба, услышали в необыкновенной тишине поющего жаворонка. Он пел и до налета, но тогда никто не обращал на него внимания, а теперь ему поверили, что можно вставать, что улетели стервятники. Через несколько минут босоногая ватага смело пылила к переправе, а в небе до самого вечера пели жаворонки, будто и не было на земле никакой войны.

Поет жаворонок и тогда, когда совсем рядом на поле охотятся лунь, пустельга, кобчик, словно это его самые добрые соседи. Но есть у него один смертельный враг, от которого может спасти лишь высокая рожь, густая пшеница или другая трава. Это маленький сокол-чеглок. Высоко поднимается поющий жаворонок, но еще выше парит невидимый нашему глазу чеглок. Наметив жертву, он с такой скоростью падает на нее сверху, почти сложив острые крылья, что жаворонок не успевает опередить его. Оборвав песню, он быстрее, чем камень, несется к спасительной земле, стараясь спрятаться между комьями пашни, но и чеглок достигает земли в тот же миг и никогда не промахивается. Попадают в его когти только поющие самцы. Самкам взлетать незачем, песен они не поют. Потеряв супруга, любая из них справляется с воспитанием выводка в одиночку.

Говорят, что и ночью поет полевой жаворонок, как юла, но мне ни разу не приходилось слышать его ночную песню даже там, где в июне и ночи настоящей не бывает. Однако верно то, что он первым встречает над полями солнце и последним провожает его вечером, смолкая только в лиловые сумерки. Вечерних певцов среди полевых жаворонков немного, и, когда на гаснущем небе зажигаются первые звезды, слышен один там, где утром и днем пели десять. Голос певца иногда доносится с такой высоты, на которую днем он не поднимается. Вот и кажется утром, что ночевал он где-то под звездами,

Когда приходится летней ночью ехать по полевой дороге на автомобиле или мотоцикле, кого только не увидишь в лучах фар: то бегущую полевку, то сову болотную, сидящую с полевкой в когтях, то хоря, который сверкнет двумя огоньками в придорожной траве. Но чаще других встречаются полевые жаворонки. Свечой взлетают они чуть ли не из-под самых колес и мгновенно исчезают в темноте. Что они тут делали? Спали на открытом месте? Купались в теплой придорожной пыли? Или иные дела привели их на дорогу, где днем не видно ни одного?

Во всем остальном, кроме пения, жаворонок — чисто наземная птица. Он никогда не гоняется за летающими мошками, а собирает насекомых только с земли и травы. И гнездо у него на земле. Птенцы в нем не засиживаются и уходят, еще не умея летать. Окраска жаворонка так же, что заметить его на земле, даже среди свежей, но редкой травы, непросто, Спит на земле, купается в пыли и никогда по своей воле не замочит перо водой. А когда заканчивается время песен, когда остаются позади все заботы по воспитанию второго выводка, жаворонок словно забывает о небе: внезапно вспугнутый, пролетит немного над самой землей и поскорее снова опустится на нее.

Осенью, до начала перелета (он бывает в конце сентября — начале октября), полевых жаворонков можно обнаружить лишь случайно, вспугнув из травы или с еще не запаханной стерни. Их предотлетные стайки большими не бывают и собираются по краям полей, по вершинкам безлесных балочек и пастбищам. Отсюда и улетают, высоко не поднимаясь и негромко перекликаясь друг с другом в полете. Голоса похожи на весенние, но обстановка не та, и даже над зелеными коврами озими они воспринимаются иначе: а не остался ли кто из своих случайно?

Кроме полевого живут на Верхнем Дону еще четыре жаворонка: домосед и подорожник — хохлатый; рослый, звонкоголосый пересмешник — степной; самый маленький из жаворонков, но довольно посредственный как певец — малый и юла — лесной. Но их всех, вместе взятых, в несколько раз меньше, чем полевых.

Черный дрозд

Шла уже вторая половина апреля, а над Хреновским бором ежедневно метались клокастые тучи, утроба которых то и дело просыпалась нехолодным, но густым и крупным, как гусиный пух, снегом, жизнь которого была чуть длиннее весенней ночи. И до того уныло было от этой серости и сырости, что чаще всплывали в памяти картины хмурой осени, хотя и кричали в приречных ольхах журавли. Но настал все-таки день, когда теплый ветер расчистил небо, как добрый богатырь, дал волю солнцу и, приморившись немного, спокойно уснул, не дожидаясь зари. И три больших события произошли в тот день в лесу: зацвела по светлым местам таинственная сон-трава, в чистых снеговых озерцах заикали робкие голубоспинные лягушки, а на старом, заросшем частым березняком пожарище запел черный дрозд.

Пощелкивали, растопыривая сухие чешуи, согретые солнцем сосновые шишки; чмокали, падая с кривой березы, тяжелые капли-слезы из расковырянной дятлом ранки; шелестели сухие листья под тысячами лапок стягивавшихся к дому муравьиных колонн. Звенели овсянки, синицы и малиновки, но главную партию вел сидевший в белоствольной чаще дрозд. И чем ниже клонилось светило, тем большую силу набирал его голос, глуша остальные звуки. Вернее, они сами затихали к ночи, а казалось, будто смолкают, не выдержав состязания с красивым чистым свистом черного чародея. Но когда загорелась за бором заря, дроздовое соло в неторопливом темпе полилось под мерный аккомпанемент приспущенной басовой струны. Это с маленького болотца взлетел бекас и закружил в гаснущем небе, с разгона бросаясь в восторге вниз, издавая развернутым хвостом дрожащее гудение: «Пой, сосед, еще, а я подыграю, как умею!»

Колена длинной песни хотя и похожи друг на друга, но высвистываются без повторов, почти без пауз, в одном и том же флейтовом регистре, размеренно, спокойно, неторопливо, без резких выкриков и трескотни. Этим звукам трудно найти подходящее сравнение, трудно передать словами, хотя выразительность вечернего речитатива завораживает, словно таинственное заклинание. Но если мысленно удвоить темп исполнения, то из птичьих свистов сложится мотивчик, напоминающий «Камаринскую».

Затихали под вечернюю песню лесные голоса, засыпали, закрываясь и склоняя лиловые головки, пушистые цветки сон-травы, и, когда поник последний, опустился на болотце бекас, и смолк, так и не показавшись никому из слушателей, дрозд.

Но зато, встречая тем же напевом следующее утро, он стоял на самой макушке крайнего дерева грудью к поднимавшемуся солнцу. Под косыми лучами черное, без оттенков, оперение поблескивало, как чистый сосновый уголь, и даже издали было видно тонкое золотое кольцо вокруг черного глаза. Мягкие звуки, вылетавшие из чуть приоткрытого клюва, осторожно и нежно возвращали к жизни поникшие цветки, под их переливы раскрывались новые бутоны, превращаясь из серебристых перьев в лиловые колокольцы *с* золотой серединой. Этим волшебством и закончился утренний концерт: расколдовав цветочный пригорок, певец занялся какими-то будничными делами.

Впрочем, серьезных дел у весеннего дрозда нет. Гнездо, как и у рябинника или певчего дрозда, строит самка, она же выбирает и место для постройки. А этим местом может быть куча хвороста или забытая поленница, ольховый выворотень и высокий полуистлевший пень, бурелом-ный ствол и низкая развилка, крона молоденькой ели или столетнего дуба, подножие старого дерева с выпирающими корнями и ниша-пещерка под дерниной в лесной канаве, а летом и куст бузины. В лесу все гнезда приземлены и могут располагаться даже ниже уровня земли. Городские дрозды поднимают свои постройки на десятиметровую высоту. В лесу — низко, но спрятано искусно и надежно, в парке — без всякой маскировки и ухищрений, но зато до гнезда не добраться. А стиль строительства всюду один и тот же — мелкие прутики, лесная ветошь, мох и обязательно земля. Земли может быть так много, что в сырых местах дроздиное гнездо может быть жилищем нескольких дождевых червей, попавших туда маленькими червячками или даже еще не родившимися из коконов.

Этот дрозд немного крупнее скворца, но не настолько, чтобы мгновенно заметить разницу ненаметанным глазом. Как не спутать их друг с другом в тех местах, где оба живут бок о бок? По земле скворец бегает, а дрозд скачет. Останавливаясь, он круто вздергивает хвост, который чуть ли не вдвое длиннее скворчиного. Из-за этой манеры крылья чуть приспущены, а не сложены на спине. Скворец с земли взлетает вверх, к ветвям, а дрозд улетает низом, между кустов. Поза поющего скворца известна всем: птица стоит, как сгорбившись, всплескивая крыльями и топорща на горле перо. Дрозд — артист иного стиля, певец классического репертуара и ведет себя соответственно, без ужимок и приплясывания. Скворец, вырастив птенцов, не терпит одиночества, для дрозда стайная жизнь чужда и неприемлема. И во второй половине лета, когда

лесные и городские скворцы переселяются на пастбища и луговые займища, черная птица на просеке или поляне может быть только дроздом.

К западу от линии, соединяющей Каспий с Финским заливом, черный дрозд считается оседлой птицей, и, чем ближе к берегам Атлантики, тем слабее у птиц тяга не только к перелету, но и к недалеким кочевкам. И вместе с тем в том же направлении возрастает численность птиц, безвылетно живущих в деревнях, городках и городах. Эти горожане опасаются людей не более, чем давние и постоянные наши соседи, воробьи, Но всегда ли был таким соседом черный дрозд?

«В Европе черный дрозд нигде не редкость, но и нигде не встречается очень часто. Лесистые местности с густыми чащами и мелким кустарником, особенно если по ним протекают реки или вообще есть вода, составляют его любимое местопребывание; зимой он является на местах прогулок, в публичных садах и открытых изгородях», — написано Альфредом Бремом в середине **XIX** века. И не причастен ли сам знаменитый зоолог, призывавший соотечественников охранять птиц, к переселению лесных отшельников на постоянное жительство в поселения человека? Ведь и у нас этот призыв привел к тому, что синица, ворона и сорока перестали быть только зимними гостьями.

Холода и снегопады наших зим дроздам, в том числе и черным, не страшны: был бы корм в достатке. И уже не раз на хорошем урожае рябины и боярышника зимовали они в Каменной степи. Правда, отваживаются на это лишь самцы не моложе полутора лет. А самки и все сеголетки улетают загодя, до наступления устойчивых холодов, не соблазняясь обилием вкусного корма. Как только смерзается или покрывается снегом лесная подстилка, дрозды лишаются возможности рыться в ней, разыскивать червей, слизней, спрятавшихся на зимовку насекомых.

На подкормке
Гнездо
Бузина
Портрет

В поля они никогда не вылетают. На лугах их тоже никто не видел.

Я был на родине А. Брэма в середине зимы. (Хотя какая же это зима, когда в начале февраля цветут на грядках маргаритки и анютины глазки и пылит лещина?) И видел на газонах и аллеях множество черных дроздов. По утрам, если небо не было затянуто тучами, многие из них пели. И при первой встрече с одним из уличных певцов у меня бесследно улетучилась зависть к тем, кто может слушать их круглый год. Как говорится, отлегло от сердца.

Стоя на крыше автобусного павильончика, радуясь утреннему солнцу, пел черный дрозд. Но была его песня невыразительна, тиха и неблагозвучна. Какое-то визгливое скрипение без намека на складный мотив. Ни веселья в ней, ни смелости! Такие певцы нашим мастерам не то что в соперники, в подголоски не годятся. Никого не обрадуют, никому удовольствия не доставят.

Однако в соседнем городке я понял, что слышал кого-то из начинающих, с непоставленным голосом и без всякого певческого опыта. На вершине высоченного дуба неторопливо и четко, как и полагается таланту, высвистывал звучные рулады настоящий артист. А белогрудые чайки на телевизионных антеннах стояли как благодарные слушатели. День был по-весеннему тепел, но не по-весеннему короток, и, не обманываясь погодой, ни один из уличных певцов не посвистел даже самую малость вечером. А ведь все богатство певческого дара черного дрозда в его весенней вечерней песне, где бы он ее ни пел.

Летом, после вылета первых птенцов, многие пары черных дроздов, не покидая семейных участков, отдаются заботам о втором выводке. В это время слабеют лесные птичьи хоры, смолкают соловьи, и новые песни черных волшебников звучат в лесном сумраке. Но прежнего впечатления, которое оставляли эти посланники весны в еще не одетом и не как следует проснувшемся лесу, когда на березах только зарождалась зеленая дымка, уже не остается даже при встречах с самыми одаренными. Нет той гармонии лесного покоя и птичьей песни. Она не стала беднее или бледнее, но среди цветущих лип в полуденные часы как-то более уместно воркование разомлевшей от жары горлицы, нежели мечтательно-плавные переливы сильного свиста. Что ж, всему свое время.

Певчий дрозд

К вечеру утихает птичья разноголосица в апрельском лесу. С речных разливов доносится лихое повизгивание чибисов. Замирает низкое гудение шмеля, улетающего от ярко-синей медуницы. Кажется, что вот сядет солнце, и вслед за этим опустится на лес и реку небывалая тишина. Но как раз в эти минуты с самой высокой сосны, как хорошо подготовленное выступление, начинает звучать голос птицы, которой как-то не было слышно в дневном хоре. Это лучший певец весеннего леса — певчий дрозд.

Еще за месяц до возвращения соловья баюкает он на вечерних зорях утихающие чащи. Неторопливо, словно бы припоминая, что надо спеть, часа за два до захода начинает дрозд распевку. А минут через десять уже звучит над лесом красивый минорный напев. И если никто не вспугнет, то дрозд как начнет на одном месте свой вечерний концерт, так и окончит его уже при первых звездах, никуда не перелетая. Эта степенность певца и торжественность обстановки делают встречи с ним незабываемыми. На годы запоминаются и место, и дерево, и тихий хор жерлянок на моховом болотце, и ровный ритм березовой капели.

Двух дроздов с одинаковой песней в одном лесу не встретишь. Могут быть одинаковые или похожие колена, но ладить их певцы будут по-своему, потому что у каждого свое мастерство, опыт и вкус. Но несмотря на это, тому, кто еще ни разу не видел и не слышал певчего дрозда в природе, легко узнать его именно по песне. Это песня артиста, который выше пересудов. В ней нет торопливости: так должны петь те, кто наслаждается собственным пением. В ней нет никакой последовательности или порядка: птица расставляет и повторяет колена, как выпадет. В ней нет долгих пауз, хотя колена четко отделены друг от друга. А главное ее отличие — обязательное повторение каждого колена дважды и трижды подряд. Самые же любимые высвистываются и пять раз.

И это еще не все. Каждое из его собственных песенных колен звучит настолько выразительно и законченно, что любое из них можно, кому как хочется, переложить на слова вопросом или приглашением: «Кто такой? Кто такой? Приходи! Приходи! Приходи!» Потом, словно в раздумье, вставит что-нибудь чужое и после снова спросит: «Деньги есть? Деньги есть?» Будто разговор с кем-то безответным, а не песня. А тому, кто бывал в апрельские сумерки на вальдшнеповой

тяге, наверное, не раз казалось, что эти свисты обладают какой-то колдовской силой, что, подчиняясь тройному заклинанию: «Вылетай! Вылетай! Вылетай!», сначала начинали кружиться над вырубкой летучие мыши, а потом появлялся и сам отшельник — вальдшнеп.

При таком таланте у певчего дрозда вроде бы не должно быть стремления к пересмешничеству. Однако и самым-самым, наверное, не хватает своего песенного набора, и они вставляют в песню то нежную трель золотистой щурки, то вечерний «бой» перепела, то соловьиный «почин», тройной «колокольчик» большой синицы, призыв орла-карлика... Порой кусочки чужих песен исполняются столь натурально, что их обладатели поддаются на обман.

Песня хороша. Но как бывает довольно часто, природа, оделив птицу талантом, обошла ее в наряде. В паре певчие дрозды неразличимы до последнего перышка. Со спины и самец и самка цветом, как пересохший прошлогодний дубовый лист. Снизу у обоих перо светло-кремовое с темно-коричневыми рябинками. И подростки-слетки уже через несколько дней жизни без гнезда на глаз неотличимы от родителей. Отрастут у них до полной длины хвосты, исчезнет желтизна в уголках рта, и они уже по платью — взрослые дрозды.

Наряд самый лесной, неяркий и неприметный. Ведь жизненное пространство дроздов — нижние этажи леса. Это лишь для пения усаживаются они повыше, на макушки высоких елей, сосен, дубов, а все остальное у них внизу. И корм у них на земле. Так что заметить птицу на фоне жухлого опада можно лишь случайно.

У самца — голос и певческий дар, у самки — строительное мастерство и необыкновенная раскраска яиц. Самец занимает участок для будущей семьи, а где построить гнездо, выбирает самка. Шестнадцать вариантов расположения гнезд известны лишь у воронежских дроздов: на согнутых ветках лещины, как у горлицы, на сосновых лапах, как у иволги, под дернинами и обрывчиками, как у белой трясогузки, под навесами оленьих кормушек, как у воробьев, на сучке у самого ствола, как у зяблика, в кусте, как у жулана или славок, в поленнице, в полудупле, на опавшем стволе, на пеньке, на торце снеголомного ствола, в корнях березового болотного выворотня...

Гнезда певчего дрозда

Рано прилетают певчие дрозды, рано начинают строить гнезда. Не ждут, пока начнут одеваться зеленью деревья. Они и без листвы умеют прятать гнездо так, что сто раз пройдешь рядом и не заметишь. Снаружи оно похоже на кучку лесного мусора из старых листьев, сухих веточек и травинок, грязного мочала. Внутренняя же отделка безукоризненна: это ровно оштукатуренная тертой гнилушкой полусфера. Иногда эта штукатурка выглажена с такой тщательностью, что блестит, словно лакированная. Если нащипать древесной трухи не с чего, птица замешивает штукатурку из земли. Оштукатуренное гнездо подсыхает, и потому в нем всегда сухо, где бы оно ни находилось, под навесом или под открытым небом. И нипочем ему даже сильные ливни. Казалось бы, без защиты сверху такая чаша после дождя будет полна до краев. Однако вода уходит сквозь дно и стенки, не размывая их, чуть ли не мгновенно. Такие постройки и на следующий год выглядят свежими, их могут занимать другие лесные птицы, но сами дрозды для каждого выводка непременно строят новое гнездо. В готовом гнезде-чаше не бывает ни перышка, ни иных утепляющих материалов, и бирюзовой голубизны яйца откладываются прямо на чистую штукатурку.

Когда, возвратившись на родину, распоются вовсю соловьи, смолкают певчие дрозды. Смолкают потому, что как раз к этому времени появ-

ляются на свет их птенцы, кормить которых в самые первые дни жизни приходится только самцу. Самка же почти неотлучно обогревает пятерых, а то и шестерых близнецов. В эту пору ведь не только ночи, но и дни бывают холодными. И тут уж самцу не до песен ни по времени, ни по силам. Да и надобности в пении никакой, потому что все заняты одним и тем же. В засушливую весну, когда в лесах от преждевременной жары стоит почти пороховая сушь, кормить птенцов, пожалуй, потруднее, чем в сырую, пусть даже прохладную погоду, ибо основной их корм — дождевые черви. Насекомых, улиток и слизней еще очень мало, а ягод нет совсем.

Но вот наступает лето, один за другим перестают петь соловьи, и, как бы прикрывая эту потерю, в обедневшие голосами лесные хоры снова вступают певчие дрозды. Покончено с воспитанием первого выводка. Построено новое гнездо, в котором будет уже на два, а то и на три яйца меньше. Со вторыми птенцами будет полегче еще и потому, что пойдет по лесам, по опушкам разная ягода, в том числе и несъедобная для нас — красная бузина, татарская жимолость. Но теперь концерты дроздов чаще звучат на утренних зорях.

А потом задолго до перелета собираются певчие дрозды по глухим лесным урочищам на линьку, менять изношенный за год наряд. И здесь же бывшие отшельники объединяются в стайки, которые уже после листопада, глубокой осенью, полетят к зимовкам — на юг Западной Европы. Будут лететь ночами, окликая своих негромким и осторожным цыканьем. Но если налетит ненастье или морозец ударит покрепче, могут лететь и в светлые часы суток.

Чибис

У двух весен могут быть похожие или даже одинаковые дни, но полностью ни одна не повторяет другую. То ее первый месяц только по календарю весенним называется, а сам ни шага против зимы не сделает, то он с первого до последнего дня солнечный, то по-осеннему дождливый, то не в меру ветреный, то тих, как бабье лето. А один во всем Черноземье выдался необыкновенно пасмурным. Все его ясные дни можно было пересчитать на пальцах одной руки. И ветра хорошего не было, чтобы разогнать серую пелену туч. Без солнца же и теплого ветра весна не весна: нет у нее ни веселых ручьев, ни настоящего перелета, чтобы птица валом валила. И как-то незаметно, словно поодиночке, собирались в грачевники грачи, как-то неуверенно окликали своих полевые жаворонки, невыразительно звучали песни первых скворцов. Медленно ширились проталины на озимых и паровых полях, медленно сырел и оседал снег по лесам и лощинам. Медленно натекала вода на поголубевший лед Битюга. Для появления птичьих караванов не хватало солнца, попутного ветра и половодья. Густые туманы висели и над речными долинами, и над равниной.

Но вот наступило утро, когда, несмотря на пасмурную погоду, будто почувствовав ее близкую перемену, на опушке зазвенела желтогрудая овсянка. В отдалении, как эхо, повторила простой напев другая. А еще через полчаса овсянки пели везде: на полянах, по углам больших сеч, у дорог и кордонов Хреновского бора. И словно для того, чтобы эти звенящие звуки могли подняться выше, над вздувшейся рекой, над посвежевшим лесом и черно-пегими полями открылось голубое оконце. За ним — другое, пошире, почище. И вот уже не тяжелые тучи, а легкие, светлые облака поплыли в ту сторону, куда отступала зима.

И рядом с плывущими облаками, как их попутчики, потянули на северо-восток многокилометровые нестройные грачиные колонны. А пониже грачей легким, порхающим полетом понеслись небольшие стайки франтоватых чибисов. Грач, конечно, еще долго будет оставаться весенней птицей, но большой грачиный перелет уже не производит впечатления, потому что примелькались за долгую зиму тысячи зимующих черных птиц. Чибисы же дарят радость возвращения настоящей весны. У них и полет какой-то радостный: будто немного пританцовывают в воздухе. Правда, смелые одиночки-разведчики

появляются иногда у Битюга и в других местах, когда на белом покрове полей нет еще ни пятнышка темного, а русло реки угадывается только по рыбацким лункам да родниковым промоинам. Тогда они самые ранние в Придонье из всех перелетных птиц.

Летят чибисы днем, тогда как другие кулики в основном путешественники ночные и встретить их стайки в полете засветло удается не чаще, чем сову в солнечный полдень. Летят не только над речными долинами и полями, иногда взгляд ловит их в городском небе, но мелькание широких крыльев слишком быстро исчезает за высокими громадами домов.

Чибисы — из тех куликов, которым не нужны ни болото, ни чистые песчаные берега. Они жители низкотравных лугов, где имеют хороший круговой обзор, не взлетая с земли. Чибисы охотнее гнездятся на почти голом месте, нежели на хорошем сенокосном лугу. А прилетают и начинают гнездиться рано, когда на больших реках разливы еще скрывают просторные займища, но большинство и не ждет, пока сойдет полая вода. Сыроватые степные солонцы среди полей, выбитые пастбища вокруг степных озер, «потные» места, мокрые огороды в долинах малых рек, осушенные торфяники — вот что устраивает этих птиц.

Есть на левобережье Битюга, южнее его медлительного притока Курлака, среди черноземных полей небольшая луговинка на пологом склоне. Пробовали засевать ее пшеницей и просом, но что-то у этой земли мешает расти посевам. На ней и трава не выше, чем в половину заячьего роста. Стелется тут клеверок-пустоягодник, полынь низкорослая вдается в него седоватыми языками. Для полей эти травы не опасны, это не сорняки. И зеленеет луговинка с самой ранней весны чуть ли не до настоящих снегопадов. Нравится она чибисам, и с первого дня

Чибис у гнезда
Портрет
Кладка

прилета в наши места до золотой осени останавливаются на ней и здешние, и пролетные стайки. Вода недалеко, а это почти обязательное условие даже временного пребывания чибисов, хотя не замечено, чтобы она была нужна птицам для питья или купания.

Первые стайки летят транзитом, останавливаясь покормиться около полевых луж, у дорог, на не затопленных половодьем берегах и островах, где вода выживает из земли разную мелкую живность. Чибисы не прощупывают почву, подобно другим куликам, клювами и охотятся только на глаз. Движения стайки чибисов на кормежке похожи на примитивный древний танец, в котором нет общего рисунка, нет общего ритма, но каждая птица повторяет и повторяет одни и те же движения. Опустившись на землю клювом к ветру, чибисы замирают неподвижно, кто где стал. Потом то одна, то другая птица делает два-три коротеньких шага вперед, наклоняется всем корпусом, прицеливаясь, и быстро тычет коротким клювом в землю. После такого поклона переступает еще раз, словно восстанавливая равновесие, и замирает вновь, будто забыв, что делать дальше.

Поле зрения у чибиса — полный круг. Поэтому, заметив движение добычи у себя за спиной, птица не оглядывается, а делает неуловимый разворот на сто восемьдесят градусов, прицеливается, склевывает насекомое, улиточку, червя и принимает прежнее положение: клювом к ветру, Ни суетливой беготни, ни торопливого прощупывания почвы наугад, а лишь спокойное и терпеливое ожидание. Раз, два, три — стоп, поклон; раз, два — стон.

В конце лета и осенью, когда из травы так и брызжут разные коньки и кобылки, чибисы охотятся на этих прыгунов совсем иначе. Тут, наоборот, требуется проворство, чтобы схватить насекомое сразу после скачка, в тот миг, когда оно еще не готово прыгнуть снова. Издали такая охота похожа на игру в короткие перебежки — кто вперед добежит до края луговинки. Но видно, правила в этой игре не строги. Не добежав до финиша, чибисы взлетают плотной стайкой, делают широкий разворот, опускаются почти на то же место, откуда начинали игру, и — побежали снова.

Настоящий весенний танец чибиса — в полете. Танец, в котором ему не нужны партнеры, но всегда есть зрители. Эти танцы начинаются вскоре после прилета птиц на гнездовые места, Самец, взлетев на метр-полтора над землей, разгоняется сильными взмахами крыльев, накреняясь на каждом третьем или четвертом взмахе то вправо, то влево и не набирая высоты. Широкие крылья, рассекая воздух, рождают звук, который в тихую погоду слышен метров за двести, а иногда и дальше, как отчетливое «ффух-ффух-ффух». Развив предельную скорость, чибис круто, почти свечой, взмывает вверх и продолжает горизонтальный полет уже в ином темпе. Взмахов больше не слышно, но далеко разносится чуть протяжный, сипловатый крик, который трудно передать буквами. Этим криком, иногда до четырех раз кряду, птица словно объявляет о намерении совершить нечто особенное. За возгласом-вступлением следует визгливое «квикви», и снова вскрик, похожий на первый. В этот момент воздушный танцор приостанавливается и, почти опрокинувшись на спину, падает вниз, увеличивая скорость падения резкими полувзмахами крыльев.

Высота, с которой чибис устремляется к земле, невелика, но он с такой стремительностью проносится эти несколько метров, что восхищение перед его мастерством мгновенно сменяется тревогой: вот-вот черно-белая крылатая фигурка врежется в мокрую пашню, став комком испачканных грязью перьев. Сколько раз видел я по весне, как токуют чибисы, а все не могу подавить в себе беспокойство при виде этой удали. Иногда птица исчезает из виду, проносясь бреющим полетом между оплывшими гребнями борозд зяби, едва не касаясь их кончиками полетных перьев. И снова — разгон и повторение тех же движений полета-танца, и снова над полем или мелеющими разливами, над гладью степного пруда раздается быстрое «ффух-ффух-ффух», в которое вплетается тихий, жестковато-скрипучий звук трущихся друг о друга перьев.

Крейсерский полет чибиса по скорости лишь немного уступает полету других куликов, острокрылых быстролетов. Его крылья в отличие от их крыльев не сужаются к концам, а, наоборот, расширяются, особенно у самцов, как пестрые веера, и чибиса легко узнать в воздухе даже издали по своеобразному порхающему полету, Это неспешное порхание создает обманчивое впечатление медлительности птицы, и охотники-новички, соблазненные кажущейся легкостью добычи, частенько обманываются. Чибис — непревзойденный ас воздушного маневра и легко избегает бокового или встречного заряда дроби, мгновенно и словно играючи изменяя направление полета. Совершенное управление полетом и неутомимость делают этого кулика настоящим властелином воздуха. Он может поддаться разбушевавшейся стихии, но не сдаться ей, и давно стал хрестоматийным трансатлантический перелет огромной стаи чибисов. Застигнутая сильным ураганом, эта стая, не растеряв своих, пересекла океан от Ирландии до Ньюфаундленда,

Токовый полет самца отнюдь не заявка на семейную территорию. Гнездо будет совсем в другом месте, где соберутся несколько пар, образовав колонию. Там надо бы вести себя скромнее, чтобы не привлекать внимания врагов. Но именно в гнездовое время семейные чибисы и крикливее, и заметнее, чем в другие сезоны.

У этих куликов в период четырехнедельного насиживания особый способ обмана врагов. Ни самка, ни самец не притворяются перед ними больными или увечными, а отводят опасность сообща. Все население колонии предупреждает о приближении пернатого или четвероногого хищника, а также человека. Чибисы покидают место гнездовья и молча устремляются навстречу врагу, начиная кричать плачущими голосами над его головой. Эти тревожные крики, беспокойное кружение сбивают хищника с толку, и он, понимая причину волнения птиц, начинает рыскать на пустом месте, где нечем поживиться. И чем энергичнее его поиск, тем ниже летают чибисы, тем сильнее исходят они надрывным «плачем».

На эту уловку попадаются даже бывалые вороны, не говоря уже о менее сообразительных лунях, грачах и собаках. Однако стоит хищнику очутиться в расположении колонии, как с ее хозяевами происходит неожиданное превращение: от волнения не остается и следа. Они опускаются на землю -и своим равнодушно-спокойным поведением как бы предлагают: ищи сколько угодно, здесь ничего нет. Цвет и раскраска яиц такие, что их не заметить, если рядом нет птицы. Со стороны это выглядит так, словно расхаживающая между гнездами ворона стала для чибисов гостем или другом.

Во время насиживания чибисы дорожат больше собственной жизнью, не рискуя ею ради спасения яиц. Потеряют — еще отложат. Когда для кольцевания ловили птиц самоловами на гнездах, они продолжали насиживание только в тех случаях, если под сеть попадал кто-то один из пары. Тогда другая птица, смело ложась на гнездо, как бы успокаивала партнера. Если лучок накрывал и ее, то ни та ни другая к яйцам больше не приближались и, не мешкая, устраивались на новом месте.

С момента вылупления птенцов тактика защиты чибисами потомства, по крайней мере от пернатых хищников, изменяется. Родители более внимательно следят за появлением опасности сверху, потому что с воздуха легче высмотреть на низенькой травке чибисят-пуховичков. Пропуская мимо горлиц, летящих на водопой или за песочком, крачек, мелких чаек, уток, чибисы поднимают тревогу, заметив приближение грача, вороны, коршуна и даже сизоворонки. Дав птенцам команду затаиться, легкие на крыло, оба родителя в несколько мгновений оказываются выше не очень расторопных ворон или грачей. Используя преимущество в скорости, высоте и маневре, они с вывертами и взвизгиванием бросаются на черных птиц, заставляя тех свернуть с пути или опуститься на землю. А на земле им не догнать проворных чибисят.

Птенцы растут быстро, быстро растут в их крыльях и полетные перья, и уже на втором месяце жизни они не уступают родителям в мастерстве полета. Тогда конец родительской опеке: распадаются семьи, расстаются молодые и взрослые птицы, образуя свои стаи. Уже в середине июня перестают тревожиться чибисы за судьбу нового поколения. Обучать его ничему не надо: кого следует опасаться, показали, совершенство полета постигнут сами. Молчаливыми становятся птицы, и за неделю-полторы до солнцеворота начинают встречаться стайки, занятые только кормежкой. Или просто опустятся на землю и долго стоят в раздумье, словно отдыхая от минувших беспокойных дней,

Куликам изящества не занимать. Только коротконогие дупель и вальдшнеп кажутся тяжеловатыми для своего роста. Чибис на земле держится степенно, словно обязывает его к этому необыкновенная элегантность наряда, подчеркнутая великолепным хохолком из узких черных перышек. Всегда этот хохолок торчком, будто когда-то удивилась птица да так и забыла его опустить на всю жизнь. Только в полете набегающий поток воздуха прижимает хохолок к спине, а когда чибис взволнован, он еще больше подчеркивает его возбуждение или тревогу,

Последние чибисы попадаются на Верхнем Дону ^лубокой осенью, почти в предзимье. Не больные, бескрылые птицы, а здоровые, неутомимые летуны. Осенний пролет чибисов проходит незаметно, он больше похож на обычные кормовые кочевки, и улетающие чибисы не вызывают тех чувств, как покидающие родину журавли. Может быть, потому, что стаи эти высоко не поднимаются, а, пролетев немного, опускаются на землю снова, кружат, возвращаются и, как темные облачка, исчезают за горизонтом совсем не в том направлении, куда должны спешить перелетные птицы. Словно не в пути они, а разыскивают места посытнее. И попробуй уследи за ними! А оказывается, что местных птиц давно уже нет. что сменили их те, которые первыми пролетали тут весной, а потом исчезают и они.

На весеннем пролете чибисы — такие же гонцы весны, как жаворонки, скворцы, журавли, Их не страшат последние ночные морозы. Была бы днем открытая, оттаявшая земля, в которой уже ожили насекомые, черви, мокрицы. Сильный весенний снегопад, который в Черноземье случается и в апреле, обращает этих смелых птиц в бегство. Однако с началом гнездования они перестают бояться снега. Сыпанет вдруг свинцово-серая туча густым и крупным белым пухом и в несколько минут покроет им поля, луга, дороги. И, присыпанные этим сероватым снежком, лежат на гнездах, грея яйца, чибисы, Уплывет туча, зазвенят в белесоватой вышине жаворонки, и раздастся у превратившейся в маленькое озерцо низинки чибисиное «ффух-ффух-ффух», а потом «и-и-ийэх». Смотрите! Чибисы токуют!

Тетеревятник

В нагорных дубравах степных правобережий береза — редкое дерево. Местами на десятки тысяч дубов, ясеней, кленов не сыскать ни одного белого ствола, ни единой березки-подростка. Но в непроезжем и диковатом урочище Кочетов лог, что широкой балкой выходит в долину реки Воронеж, береза нашла себе место и держится его прочно. Наверх не поднимается, но на склонах стоит крепкими, высокоствольными деревьями без сухих веток. Отвершки же лога завалены рухнувшими стволами дубов и осин, погубленных летними и зимними засухами. И, словно оценив надежность берез, семья ястребов-тетеревятников построила в основных развилках их крон два гнезда: одно — у перекрестка двух просек, второе — в ста двадцати шагах от первого.

Гнезда строились в разные годы, оба на исходе зимы. Для пятерых крупных оседлых хищников, ночных — филина и неясыти — и дневных — ворона, белохвоста и тетеревятника — весна начинается раньше, чем для других пернатых. Им нельзя ждать прихода большого тепла, им надо успеть обучить свой молодняк приемам родовой охоты на легкой добыче, на чужих птенцах и детенышах, пока их много.

Ломали ястребы упругие веточки с ближних деревьев, складывали из них плотный, толстый помост, утаптывали, чтобы не продувало снизу. Поверх стелили самые тонкие и гибкие кончики березовых веточек, надкусывали клювом те, которые топорщились. Невысокие края, наоборот, сложили из сухих прутиков кое-как. Получилось что-то вроде плетня, сквозь щели которого было видно все, что делается снаружи, но не заметно того, кто прячется за ним. И только изредка яркий желтый глаз все же выдавал затаившуюся птицу. Да несколько пушинок, прилипших к прутикам, подтверждали, что за редковатой изгородью лежит наседка.

Первое яйцо было снесено, когда в заснеженном логу еще не появлялись старожилы-поползни и не звенел даже случайный синичий колокольчик. Поэтому потом, кто бы сюда ни прилетал, кто бы ни появлялся, самка видела и замечала каждого. Видела, как строили гнезда зяблики, дрозды, дубоносы, горлицы, славки. И никто из мирных соседей тетеревятников, кроме дятлов да поползня, не только не выкормил своих птенцов, но и не увидел их: таинственно исчезали из гнезд сидящие в них самки, а развороченные или сброшенные гнезда размокали под дождями. Пожалуй, только у ворон хватало сообразительности не поселяться поблизости от тетеревятников.

К мышеловам-канюкам, расположившимся в одном из ястребиных гнезд, тетеревятники отнеслись как к равным. Порой мяукающий клич канюков и ястребиное гиканье слышались с одного дерева, но ссор между хищниками не было.

От постройки гнезда до вылета из него птенцов самка никогда не отлучалась далеко.,Лежа в Гнезде или сидя поблизости, она мгновенно замечала малейшее движение. Как бы осторожно ни подбирался я к гнезду, всегда в бинокль видел ее неподвижный и внимательный взгляд. Но я не делал никаких попыток мешать птичьей жизни, и самка, ежедневно видя меня на одном и том же пеньке, настолько привыкла к этому, что кормила птенцов в моем присутствии. Иногда залетала сзади и, молча или перекликаясь с самцом, разглядывала меня со спины. Самец никогда не подлетал близко ко мне и, как только наши взгляды встречались, исчезал в чаще.

После полудня, накормив семью, ястреб-отец был не прочь отвлечься от гнездовых забот, подняться в небо и затеряться среди белых облаков, подгоняемых свежим ветром. Тогда становилось видно, что широкие крылья и длинный хвост годятся не только для погони за добычей, но и для такого полета, который доступен не каждому даже из ближней или дальней родни ястреба. Значит, не может он, если делать нечего, предаваться праздному сидению и дреме в тени деревьев под убаюкивающий шелест листвы, а улетает туда, где солнце, тишина и ьетер, может быть желая уйти от постоянной настороженности, от тревожных писков, свиста и стрекотания перепуганных зябликов и зарянок. К вечерней охоте ястреб возвращался отдохнувшим и полным сил, потому что за несколько часов полета мог ни разу не взмахнуть крыльями, летя по ветру или против него.

О времени появления на свет птенцов можно было почти без ошибки узнать по первой зеленой веточке, сорванной с березы и положенной поверх сухих прутиков. И потом почти ежедневно, по мере роста птенцов, на сухих прутиках появлялись свежие ветки с листьями, которыми достраивалось гнездо.

Через две недели оказалось, что в гнезде не два, а три птенца, только третий вдвое меньше братьев, со скворца ростом. У совы или луня такой бы выжил, у тетеревятника он был обречен. Мать кормила его досыта и с тем же старанием, как старших, но догнать их в росте он не мог. Густой пух на шее и крупной голове у старших делал их похожими на маленьких грифов, а широкая грудь придавала маленьким фигуркам борцовский вид. Лежа рядом, большие грели малыша, но лишь до того дня, когда им уже надо было что-то делать, чем-то заняться.

Самец с добычей
Жертва
Слеток
Самка на гнезде
Птенцы обедают

Ястребята разглядывали зеленый мир, топтались по гнезду, разбирали по пушинке свой светлый наряд, брали клювом прутики. И вдруг один из старших, будто случайно, ущипнул за шею копошившегося перед ним маленького. Тот вывернулся, но братец снова ухватил его, покрепче и, наверное, побольнее, потом еще и еще, пока не устал, а выспавшись, стал продолжать это беззлобное истязание. Белый пушок на голове малыша порозовел от крови. Старший, увидев цвет знакомой пищи и почувствовав во рту ее вкус, стал клевать сильнее. Но он был сыт, и сон снова сморил его. Так и заснул, положив голову на малыша. Второй из старших в этой «забаве» не участвовал и даже не смотрел на нее. Но мать, сидя неподалеку, видела все, однако не делала никакой попытки остановить братоубийство. Я с трудом подавил сострадание, видя столь жестокий способ расправы со слабым, Третье яйцо было снесено спустя несколько дней после первых двух. Если бы те случайно застыли от ночного холода, жизнь осталась бы в третьем, (Так и произошло в этой семье два года спустя.) Если бы ненастье погубило ранних птенцов, родители вырастили бы из последыша настоящего ястреба. И не жестокосердие, не голод заставили еще не оперившегося птенца убить брата — просто ему надо было что-то делать с существом меньше его ростом. Второй ястребенок присоединился к братоубийце, когда малыш уже не поднимал головы.

Когда птенцы стали ростом с горлицу, а пух немного потерял белизну, мать полностью предоставила гнездо им. Дня три или четыре она стояла на ближайшей ветке, а потом стала отлетать на соседние деревья и присматривать за гнездом оттуда. К этому времени она успела сменить много крупного пера: едва приступив к насиживанию и перестав охотиться, она стала терять по нескольку перьев ежедневно во время утренних туалетов. Лежа на гнезде, перебирала клювом перышко за перышком, выщипывала мелкие пушинки и пускала их по ветру, Несколько пушинок, зацепившись за прутики гнезда, так и остались там, и по ним можно было угадать, что гнездо не пустое. Крупные перья выдергивала в стороне. Из всего ястребиного окружения только одна самка зяблика подобрала для своего гнезда два или три серых перышка. А синица и весничка, которым тоже нужны были перья, выбрали лучшее из того, что осталось от ощипанного чирка.

Росли ястребята быстро, и, когда в их белом пуху показались темные кисточки перьев, разница в их росте стала заметнее. Это не могло быть следствием недоедания. Скорее всего, в гнезде росли брат и сестра, которым в ястребином роду и положено быть разного роста: ему — поменьше, ей — побольше.

Голодной эта семья не была ни одного дня. Как бы рано ни приходил я к гнезду, ястребята уже спали после первого кормления. Зобы у обоих были набиты до отказа, и они, не открывая глаз, крутили головами, отмахиваясь от поднимавшихся к гнезду комаров и мух, липших к измазанным кровью краям рта. Им снились какие-то птенцовые сны, и они порой напоминали насосавшихся молока щенят, вздрагивая и попискивая во сне. Спали крепко, и даже новый звук, к которому они, бодрствуя, обязательно прислушались бы, не будил их.

Просыпались всегда вместе и лежали потягиваясь. Потом принимались перебирать и расчесывать клювами пушинки. На уход за своим детским нарядом они тратили большую часть бодрствования. Когда до гнезда добиралось солнце, отползали от его лучей в тень, но край знали хорошо. Хотя ноги у них были крепкие и толстые, стояли и ходили они очень мало, словно встать им было очень трудно, а сделать шаг-другой еще труднее. И, постояв немного, птенец падал словно в изнеможении на зеленый, чуть пружинящий помост. Когда же им приходилось управляться с принесенной отцом добычей, от неустойчивости и неуверенности не оставалось и следа.

Первую утреннюю жертву, пойманную на рассвете, ястреб отдавал самке и, пока та завтракала, снова улетал на охоту. Самка никогда не съедала добычу целиком: себе обязательно брала голову, а остальным кормила птенцов. Они оба полулежали перед ней и, тихонько и довольно вереща, глотали кусочки мяса, которые из клюва в клюв передавала им мать. Эта сцена всегда вызывала умиление: настолько приятны были голоса птенцов, их врожденная «воспитанность». Никто не пытался схватить кусок без очереди, а тем более вырвать его из клюва брата. В эти минуты даже как-то смягчался взгляд ястребят, исчезала холодная суровость голубых глаз. На такое кормление уходило до получаса, к его концу довольное и благодарное верещание птенцов становилось все тише, их быстро смаривал сон, и тогда мать, зажав в лапе несъеденные остатки, слетала с гнезда,

Бывало и так, что, пока она ощипывала и раздирала первую добычу, утоляя собственный голод, ястреб приносил следующую жертву. Он не отдавал ее никому, а клал на помост и мгновенно улетал прочь. Но получалось так, что добыча почти всегда оказывалась в когтях меньшего ястребенка, хотя он не был проворнее большего. Только никогда, ни разу не ущипнул меньший ни кусочка первым. Поначалу он, наступив на убитую птицу, с довольно грозным видом и грудь выпячивал, и клюв раскрывал, и крылья разворачивал, но потом как-то разом сникал, разжимал лапу и отворачивался с почти виноватым видом. Пока больший возился с едой сколько мог, он так и стоял неподвижно спиной к

нему. Лишь когда тот, наевшись, ложился, начинал есть младший. Ел не торопясь, а то, что оставалось после его завтрака, съедала или уносила мать,

Этот порядок в ястребиных гнездах не нарушается никогда, будет ли в семье два, три или четыре птенца: один ест — остальные стоят, отвернувшись, и ждут своей очереди. Если кто-то не выдерживает искушения и пытается оторвать кусочек из-под чужого клюва, то получает чувствительный укус и больше не повторяет посягательств. А если последнему ничего не остается, он ложится спать. Зато следующая добыча достанется ему целиком.

Как-то самка после проливного дождя сушила намокшее перо, усевшись на сухой вершине дуба. Приспустив широкие крылья и развернув хвост, она сделалась удивительно похожей на огромную кукушку, но только клюв крючком и сильные желтые ноги с черными когтями не походили на кукушечьи. Внезапно она, будто испугавшись чего-то, спрыгнула на нижнюю ветку и стала настороженно поглядывать наверх, Мимо, оказывается, летела ворона, которая не могла не заметить прикрытое зелеными веточками гнездо с двумя птенцами. Еще не зная, чьи они, но угадав, к какому принадлежат «сословию», ворона по своему обыкновению сделала круг над березой и стала звать своих. Среди них нашлись такие, кто, оставив без присмотра свои гнезда, поспешили на призывный крик соплеменницы, и через несколько минут над деревом с гнездом, каркая, кружили пять или шесть ворон, словно стараясь поточнее выяснить, что за птенцы и почему рядом нет никого из родителей.

В эти минуты я восхищался и выдержкой самки, и поведением ястребят. Сначала они крутили головами, разглядывая орущее воронье, потом стали чиститься, потом уснули. Конечно, это была смелость неведения, обыкновенное бесстрашие малышей, но в том, как они держались, как поворачивали голову, уже проглядывала спокойная уверенность и независимость взрослых птиц. А пока любая ворона, если бы захотела, могла сделать с ними что угодно, даже убить и расклевать в гнезде.

У одних ворон было свободное время, но других волновала забота о собственных воронятах, и они улетели почти сразу, выяснив причину переполоха. Может быть, улетели бы и забыли это место и остальные, но дело испортил ястреб-отец. Возвращаясь с охоты откуда-то со стороны Дона, он, набрав скорость, бросился на оставшихся ворон, и, хотя никого не ударил, те успели узнать в нем врага.

Над лесом разнесся вороний сигнал срочного сбора по чрезвычайной тревоге. Он не дается по пустякам, и его действие гораздо сильнее сигнала обычной тревоги. Вороньими сердцами овладела жажда мести за прошлое. Одна за другой (а их слетелось более двух десятков) стали бросаться они на ястреба. За листвой деревьев не было видно ничего, кроме мелькания темных силуэтов. Все это происходило неподалеку от гнезда, где безмятежно спали ястребята. И ястреб в конце концов улетел, уведя за собой ворон,

Примерно через полчаса вороны стали возвращаться, приводя с собой самых дальних, Только тогда самка, дотоле не обнаруженная ими, изменила тактику и «вызвала огонь на себя». Взлетев на сухой сук, чтобы быть повиднее, она стала демонстративно перебирать перья своего наряда. Этого вороны не ожидали, но не испугались, а распалились еще сильнее. Не с карканьем, а с каким-то рычанием пикировали они по одиночке и по двое на самку с явным намерением нанести удар. На этот шум даже коршун прилетел с водохранилища посмотреть, нельзя ли чем поживиться, однако, поняв, в чем дело, улетел обратно. Проснулись и закопошились, потягиваясь, ястребята, но ни одна из ворон даже не взглянула на них. Вся воронья ярость была направлена только на их мать, на взрослого ястреба — вороньего врага.

Наверное, я никогда не встречу другой такой бесстрашной птицы, какой показала себя тетеревятник-мать. Бешенство ворон только усиливалось от того, что, несмотря на их угрожающие крики и броски, самка держалась так, будто принимала в безмятежной лесной обстановке солнечную ванну и взлетела повыше, чтобы досушить последние перышки. Лишь едва уловимо пригибалась она при каждом новом броске вороны, казалось, ожидая неизбежного удара,

Вольным тетеревятником удается полюбоваться только в прогулочном полете. В иной обстановке он предпочитает не попадаться на глаза никому — ни птицам, ни людям. А тут самка, крепко вцепившись в сухую ветку, стояла на ней прямо, с монументально-вызывающим видом, вскинув голову и не сутулясь против обыкновения. Она не взъерошивалась, чтобы для острастки ворон прибавить себе роста, но так уложила крылья и раздвинула в стороны полосатые перья груди, что стала в плечах почти орлиной ширины, словно налилась двойной силой. В ее глазах не было ни злости, ни угрозы, а скорее любопытство и ожидание: сумеет ли коснуться ее перьев хотя бы самая отчаянная из нападавших?

Ни для одной из ворон ястреб-мать не была личным врагом, с которым та хотела бы свести старые счеты, потому что эта пара тетеревятников живых ворон не промышляла. Ловили уток, соек, голубей, вальдшнепов и дроздов, а ворон, грачей и галок подбирали только мертвых, улетая зимой на городское кладбище, где на густых деревьях ночевали черные птицы. Из стопятидесятитысячного сборища каждую ночь кто-то падал на снег, скончавшись во сне, и эти жертвы

стихии и птичьих недугов становились даровой добычей ястребов из Кочетова лога. Однако и этого было достаточно, чтобы считать ястребов врагами: никому не прощают вороны такого «кощунства» по отношению к своим мертвым собратьям.

Могла ли самка в этой ситуации сама напасть на ворон? Для хорошего охотничьего броска не надо было выбирать момент: любая из ворон в пылу ярости сама бы влетела ей в лапы. Но наверное, есть что-то в ястребином кодексе, что запрещает убивать недобычу. Обозленное, горластое воронье в конце концов разлетелось, оставив самку в покое. Но никак не успокаивался горемыка-зяблик, которому удавалось петь только урывками.

Целый день то с березы, то с других деревьев раздавалось его тревожное «ррю-пинь-пинь, рррю-пинь-пинь-пинь, рррю...» (кукушку он прогоняет другими звуками). Он своим криком указывал всем, где его враг. Однажды он привлек иволгу, которая, увидев причину его беспокойства, закричала таким истошным голосом, будто ее убивали. Прилетел к ней на помощь черно-золотой самец, уселся против ястреба и засвистел, как на флейте. Скворчиха с выводком летела в сторону поля и показала четверым скворчатам, кого следует опасаться в жизни больше всего.

Ястребята, как их мать, не обращали на эту мелюзгу никакого внимания, но за рокочущим самолетом, который несколько раз в день пролетал над логом, следили внимательно, провожая трескучую «птицу» взглядом. Взрослые ястребы к самолетам привыкли настолько, что были совершенно спокойны, когда крылатые машины проносились над самыми вершинами деревьев, Одевшись пером, перестали разглядывать их и птенцы.

Обилие добычи не могло удержать ястребят в гнезде дольше положенного срока, и как только их крылья окрепли настолько, что могли перенести их на соседнее дерево, сначала один, а через два дня и другой покинули гнездо на березе, Далеко они не улетали, но на глаза попадались редко, хотя и были довольно крикливы. Присматривавшая за ними мать стала осторожнее и беспокойнее и при виде меня предупреждала их, чтобы отлетели в сторонку.

Вороны здесь больше не появлялись. У них слетки покинули гнезда, и надо было уводить молодняк на поля и луга, куда к осени переселяется все воронье племя. Лишь запоздавшая с гнездовыми делами пара еще пыталась несколько дней скликать соплеменниц к ястребиной березе, но сама без поддержки близко не подлетала.

Прежде чем ястребы-родители расстались с птенцами, они обучили их всем родовым приемам ястребиной охоты: быть невидимыми в своей стихии — в лесу, нападать врасплох и наверняка, за хорошей добычей гнаться через любую чащу, брать ее с земли, с дерева, с воды, в воздухе. Все остальное молодые, сильные хищники должны были постигать сами.

Горихвостка-чернушка

В самом начале весны, пока не докатилась до Русской равнины волна большого перелета, быстро беднеет зимнее птичье население большого города. По утрам уже не слышно вороньего карканья, реже, да и не везде, раздается галочья перепалка. Большинство синиц, почти полгода живившихся возле кормушек, подалось в леса; ощипав прошлогодний урожай ясеня и вязовые почки, исчезли снегири. Не торопятся с возвращением скворцы: может быть, только к одному из ста скворечников вернулись прошлогодние хозяева-пересмешники. В погожие дни пробивается сквозь городской шум журчание полевых жаворонков, появятся в городском небе стайки черно-белых чибисов или изящных чаек, а в пасмурную погоду ждать некого.

Но как раз в такое утро, сырое и хмурое, на первой неделе апреля со стены высокого недостроенного дома в самом центре города раздалась незатейливая птичья песенка. Стоя на угловом кирпиче верхнего ряда кладки, пела птица воробьиного роста, почти черная, с неясной белизной на крыльях и ярко-рыжим хвостом. Иногда она перелетала на длинную стрелу башенного крана и, пощебетав там, снова возвращалась на стену. Это чуть ли не самой первой из перелетных наших соседей вернулась в город горихвостка-чернушка, родственница хорошо знакомой нам горихвостки-лысушки.

Но обе родственницы, видимо, не знакомы друг с другом, потому что живут в разных условиях: лысушка — там, где есть деревья, чернушка — там, где имеются каменные стены, так как она птица скал, обрывов и высоты. В Воронеже первая пара чернушек поселилась не ранее 1963 года, но только десять лет спустя удалось увидеть только что покинувших гнездо слетков и убедиться, что чернушка не случайная гостья, а новый гнездящийся вид в фауне Центрального Черноземья. Для многих горожан она еще долго будет оставаться незнакомкой. Ей нечем обратить на себя внимание, да и встречи с ней «лицом к лицу» чрезвычайно редки. Лишь изредка на чей-то балкон опустится на мгновение взрослая птица или присядет птенец.

Где же обитала рыжехвостая птица до того, как появилась на Верхнем Дону? Чернушка — жительница горных систем Европы и Азии, где она гнездится вплоть до нижней границы вечных снегов. В Карпатах, Альпах, на Балканах и Кавказе горихвостка стала когда-то спутницей человека в горных селениях, потом спустилась в предгорья, затем стала заселять города на равнинах, не удаляясь от границ своего ареала. Но в середине нынешнего столетия европейская чернушка, как и кольчатая горлица, начала стремительное продвижение на северо-восток.

Значительную, если не главную, роль в этом продвижении сыграло современное градостроительство. Лучшее место для устройства гнезда чернушки — маленькая пещерка в каменной стене. Таких убежищ в строящихся зданиях множество. Это щели между конструкциями и кладкой, отверстия в бетонных плитах перекрытий, вентиляционные ходы и другие длинные и короткие, глубокие и мелкие пустоты, пригодные для постройки в них гнезд и двухнедельной жизни пятерых—семерых птенцов. Нередко чернушка гнездится там, куда еще и воробьи не заглядывали. Иногда только фундамент сложен в свежем котловане на вчерашнем пустыре, а она уже построила гнездо в узкой щели между бетонными блоками.

Строительство и отделка больших зданий заканчиваются не в один год, поэтому чернушка без риска занимает подходящую щель для первого гнезда, находит рядом место и для второго и возвращается туда, где гнездилась, и на следующий год. Старые каменные дома тоже не без изъянов, но они пониже современных городоподобных сооружений и, видимо, не так привлекательны для чернушки. А в маленьких поселках ее устраивают и одноэтажные деревянные постройки, но это уже крайний случай. Встречается горихвостка-новоселка и на Дону, на его правых притоках, в степных балках правобережья, где немало стен из мела, доломита известняка, другого камня: это она вернулась из городов в дикую природу, но в такие места, где прежде никогда не обитала. Вот так благодаря городскому строительству соседями человека стали птицы гор: черный стриж, воронок, чернушка, так же как и каменная куница. Они нашли в городах такие условия для жизни, каких не имели в природных местообитаниях.

Вряд ли нам, наслушавшимся весенних концертов с участием таких мастеров, как жаворонки, соловьи, малиновки, дрозды, доставит удовольствие песня чернушки. Может быть, ее любят слушать там, где больше никаких певцов не бывает, как слушают сверчков или жаб там, где нет других живых звуков. Хотя в песне чернушки ясно слышен простой мотив, она совершенно не музыкальна. В ней нет приятных и чистых свистов, звонких трелей, виртуозных колен. Кажется, что в этом пении отражена прошлая жизнь птицы, которой ничего, кроме свиста заоблачного ветра да шума каменных осыпей, слышать не приходилось, и суровая природа не позволяла выражать настроение радостными звуками.

Каждая из коротких песен, состоящих из

шипения, сухого, приглушенного треска и прищелкивания, вполне законченна и чем-нибудь не похожа ни на предыдущую, ни на ту, которая будет спета следом. Чаще у чернушки можно услышать такую, которую легче всего передать словами: «Все-все-все. Всё! Всё!» Первые три слога идут скороговоркой, почти слитно, следующие за ними — с четким ударением. И у каждого певца есть один интересный звук, необыкновенно похожий на шорох осыпающегося мелкого гравия. Другие виды горихвосток известны умением подражать голосам птиц из своего окружения. Наверное, этого дара не была лишена и чернушка, которой, однако, кроме «каменных» звуков, ничего не досталось. Из поколения в поколение слышали птицы одно и то же и, научившись подражать голосу каменной стихии, сделали его обязательным для исполнения.

Самец поет на самых высоких точках своего семейного участка, с которых он может видеть все окрест и его лучше слышно и видно. Певца не привлекают густые кроны высоких кленов, лип и тополей. Ему нравятся телевизионные антенны, провода, натянутые над крышами, стены верхних этажей, стрелы башенных кранов, вздымающиеся выше стен. В утренней тишине песня чернушки слышна нам метров за сто пятьдесят. Значит, более тонкий слух птицы уловит ее с расстояния вдвое большего. И добавлять в нее громкости, чтобы предупредить возможных конкурентов или соперников, нет необходимости, ибо этим птицам, как и растениям очень крутых склонов, горизонтального пространства требуется меньше, чем вертикального.

Горожанам повезло, что их сосед-новосел не громкоголос, потому что петь он начинает ночью, за два часа до восхода солнца. Обладай чернушка голосом соловьиной силы, пришлось бы нам просыпаться в петушиную рань или наглухо закрывать на ночь окна квартир. А так, никого не тревожа, раздается в темноте спящих улиц торопливое: «Все-все-все. Всё! Всё!» С других крыш доносится в ответ подобное. Словно ночные сторожа перекликаются.

Наверху самец поет, наверху и охотится, не спускаясь за добычей вниз. Стоя на краю стены, птица видит на ровной поверхности бетонной плиты, на белой кирпичной кладке или штукатурке каждую мушку и ловит ее с проворством мухоловки. Под вечер, когда солнце, покидая улицы, задерживается на стенах верхних этажей, все уличные мухи поднимаются повыше погреться в его последних лучах, словно запасаясь теплом на короткую ночь. Утром те же этажи первыми получают весь поток света и тепла от встающего светила, и мухи опять там же, так что чернушка ловит их и утром, и вечером сколько хочет. Не она разыскивает добычу и гоняется за ней, а добыча поднимается поближе к охотнику каждое утро и каждый вечер. Можно предположить, что именно успешная охота — причина раннего появления чернушки весной и позднего отлета осенью: с мартовского равноденствия (иногда и раньше) до последних дней бабьего лета, до листопада, любят разные мухи греться на стенах. Из перелетных насекомоядных птиц с такими же сроками прилета и отлета едва наберется десяток видов. И из них только чернушка да пеночка-кузнечик кормятся насекомыми, остальные и ягоды, и семена, и еще что-то на земле собирают, Поэтому нет у чернушки на ее этажах никаких конкурентов. Разве только стрижи, проносясь на вечерних или утренних играх-гонках мимо стены, вспугнут крыльями одну-две мухи, которые тут же будто прилипают к нагретой поверхности,

Суровы условия высокогорий. Выдержать их дано далеко не каждому. Кругом камень. Погода и в разгар лета может зиму напомнить. А чернушка и гнездится, и птенцов выводит там, почти у предела жизни, где порой ни добрых соседей, ни опасных врагов. Поэтому даже самым пытливым зоологам удавалось узнать о гнездовой жизни и поведении чернушки, пока она сама не спустилась с гор, не много. Ее выносливость в суровой жизни сохранилась и на новом местожительстве. Чернушка прилетает весной намного раньше лысушки, чуть ли не одновременно с белыми трясогузками, и при раннем вторжении тепла появляется в Воронеже в последние дни марта. Она, конечно, и зимует намного ближе, чем лысушка. В городе чернушка уже может прокормиться, когда на полях и в лесу еще лежит не тронутый солнцем снег. Днем, словно в полусне, греются на стенах синие гренландские мухи, серые, с рыжеватым подпалом червоедницы, божьи коровки, солдатики. Горихвостке хватит, На этих мух как-то не обращают внимания ни городские воробьи, ни синицы, словно не веря, что настоящие. Ловить их не хлопотно: даже отогревшуюся червоедницу можно без спешки взять со стены пальцами.

За двадцать пять лет знакомства с чернушкой мне ни разу не приходилось видеть самца и самку рядом ни у гнезда, ни в другом месте. При ежедневном наблюдении за поющим самцом может сложиться впечатление, что он совершенно одинок. Залетел в чужую сторону, на край света, где не с кем создать семью. И полетел бы поискать счастья в другом месте, да время потеряно. Но это не так. Дело в том, что к тем этажам, где поет самец, самка не поднимается. Ее окраска настолько сливается с окружающим фоном, что ей незачем прятаться на верхних этажах,

Десять из двенадцати перьев ее хвоста рыжие, а все остальное платье того мышастого цвета, который получится, если слегка закоптить светло-серый дикий камень, которым прежде мостили дороги, или слегка добавить копоти в обыкновенный цемент. Это очень незаметный

цвет, если держаться в тени, в укромных местах среди камней. Птица в таком наряде не столько скрытна, сколько неприметна.

Выбор места для гнезда и его строительство — обязанности самки, тогда как у лысушки хозяин осматривает пригодное для гнезда убежище вместе с хозяйкой. Насиживание яиц — тоже ее обязанность. И ни то ни другое ей не в тягость. Строительство гнезда ведет без спешки, но споро. Надежность выбранного убежища такова, что птица не скрывает от постороннего глаза ни местоположения гнезда, ни своего занятия.

Я был свидетелем того, как одновременно по соседству друг с другом строили гнезда две самки — белая трясогузка и чернушка. Обе выбрали такие щели, в которые, кроме них самих, никто не смог бы проникнуть. Трясогузку немного беспокоило мое присутствие, чернушка же летала мимо меня с материалом, словно не замечая. Вдруг трясогузка, прервав работу, перелетела на соседнее здание. Бегая по краю крыши, она тревожно попискивала, качая длинным хвостом. Чернушка же не изменила своего поведения. Причина тревоги трясогузки обнаружилась быстро: позади меня на дереве сидела ворона и внимательно приглядывалась к щели, куда с травинками и шерстинками заюркивала горихвостка. Можно предположить, что чернушка еще не знала этого разорителя гнезд и убийцу птенцов мелких птиц. Но скорее всего в ее спокойствии была уверенность, что вороне до гнезда не добраться. Ворона и сама это прекрасно поняла и потом до вылета молодых горихвосток не проявляла интереса к их жилью. Эти птицы больше полагаются на укрытие, чем на быстроту своих крыльев, и от любой опасности стремятся спастись не бегством, а скрываясь внутри зданий.

В горах весной сыро. Да и в нашем Придонье не так редки вёсны, когда один ясный день сменяется тремя дождливыми. Унизаны каплями ветки неодетых деревьев, намокли пустые сережки осин, нет ничего сухого на земле, а чернушка и в дождь не прекращает строительства. Выжидать с погодой некогда, не за этим летела, Весь материал досохнет в готовой постройке, где на него не упадет ни капли. К тому же собирает птица не что попало, а то, что меньше впитывает влагу.

Птенцы чернушки, как и всех мелких птиц, растут быстро, но гнездо покидают лишь на шестнадцатый-семнадцатый день жизни, уже довольно сносно пользуясь своими крыльями, Одеты они в наряд того же цвета, что и у матери, но коротенькие рыжие хвостики у них словно подхвачены «бантиками» из кремоватых перышек. Пока сидели в полумраке гнездовой пещерки, каждого можно было различить лишь по светлой окантовке рта. Она у молодых чернушек не желтая, а сливочно-белая. Когда перед входом в убежище появлялся кто-либо посторонний, все близнецы мгновенно съеживались, подгибая под себя головы, и превращались все вместе в какой-то темно-серый комок. Можно было потрогать пальцем или прутиком встопорщенные перышки, но никто не выдавал себя невольным движением.

В последние дни сидения птенцов в гнезде мать проявляла больше родительской заботы, чем отец. А после вылета слетков как-то быстро остыла к ним и все чаще и надолго оставляла их под присмотром отца, а затем исчезла. Потом перестали попадаться на глаза и слетки, ставшие как две капли воды похожими на мать,

Но самца что-то еще удерживало на участке, Снова перед рассветом звучали его скрипучешепелявые песенки, словно сетования на одиночество и холостяцкую безнадежность. Встающее солнце освещало неподвижную птичью фигурку, видимую снизу как черный шпенечек на самом краю стены. Чимканье проснувшихся воробьев, шум улицы заглушали нескладные и невеселые коленца его песни. Но на закате одинокий певец снова заявлял о себе, упорно не покидая здания, облюбованного еще по весне. Его наряд к этому времени заметно потемнел, потому что обношенное перо, как и у многих птиц, стало ярче свежего: цвет кокса на нем перешел в черноту угля,

Повторное пение самца после воспитания первого выводка — это как заявка: готов к новым заботам. И действительно, вскоре нашел он самку, которая выстроила свое гнездо всего в четырех метрах от старого. Шестерка новых близнецов увидела небо и солнце в середине июля. Всего восемьдесят три дня ушло от начала строительства первого гнезда до обретения полной самостоятельности птенцами второго выводка.

Обычно у дважды гнездящихся перелетных и оседлых певчих птиц после вторых птенцов семьи распадаются. Одни меняют наряд, другие покидают родину, и если кто-то начинает петь снова, то уже только осенью. У чернушек не так: у них и после расставания со вторыми птенцами многие самцы поют до середины августа. Что это, стремление к третьему гнездованию, третьему выводку? Возможно. Вид, попав в новые, более благоприятные, чем в исконных местообитаниях, условия, проявил те способности к размножению, которые сдерживались в прежней обстановке. Так что одно объяснение стремительному расселению чернушек все же находится.

После третьего пения самцы куда-то пропадают. Наверное, линяют. И снова, в четвертый раз, заявляют пением, что они еще здесь, уже осенью, выказывая пренебрежение к холодным дождям, заморозкам и первым снегопадам, Самую позднюю песню чернушки я слышал в центре Воронежа 21 октября 1984 года.

Малый зуек

К исходу апреля Дон и его притоки-братья основательно промыли полой водой зимовальные рыбные ямы, снесли старые перекаты и прошлогодние островки и, возвращаясь в свои русла, обнажили на крутых коленах длинные песчаные косы с мелким, перетертым ракушечным боем, отглаженными камешками и черной крошкой мореного дерева. На уловистых местах становятся такие косы пристанищем рыбаков, с ближних лугов на них пригоняют к дневной дойке стада, пахнущие травяным молоком, и еще немало прекрасных, чистых пляжей до ледостава остаются птичьими владениями: в жару прилетают сюда купаться коршуны, деловито расхаживают у заплеска серые вороны, стоят красноногие чайки; трясогузки, цапли, утки, крачки живут здесь, отдыхают, кормятся.

А самыми постоянными обитателями береговых песков всегда были малые зуйки — ладные, быстроногие кулички равнинных рек и озер Европы и Азии. Где нет песка, довольствуются мелким галечником. Весной появляются не рано, но никогда не опаздывают к тому времени, когда уходит половодье, а солнце и ветер быстро подсушивают низкие гребни кос, на которых зуйки устраивают гнезда. Выводят они птенцов и вдали от воды, среди пологих дюн. Однако чистый, отвеянный песок птиц не устраивает: для маскировки яиц на нем должно быть хоть немного какого-нибудь мусора. И там, где земснаряды намывают новые острова, дамбы, перемычки, если не в первую весну, то во вторую непременно загнездятся зуйки.

В день прилета зуек дает знать о своем возвращении певучим голосом, в котором, как и у многих других куликов, есть какой-то оттенок одиночества. Печально-вопросительный зов разносится над водной гладью, ударяется в крутобережье и словно эхо возвращается такими же голосами соседей. Сначала образуются семейные пары, через несколько дней они объединяются в небольшие колонии, но могут остаться и сами по себе.

Семейные зуйки довольно воинственны, но не драчливы. Двое соседей встречаются в пограничной зоне десятки раз в день, и каждая встреча начинается так, что нормальным ее исходом должна быть только драка. Подбежав к нейтральной полосе, самец принимает боевую позу, как бы готовясь к таранному удару: держит корпус горизонтально, шею вытягивает так, что клюв и хвост находятся на одной линии, белые перья боков для устрашения расставлены в стороны. Злости нет только во взгляде. Сосед не заставляет себя ждать и быстренько прибегает с любого участка своей территории, принимает такую же позу, не приближаясь, однако, к невидимой границе. Так оба и стоят, будто соображая, как достойнее закончить встречу, клюв против клюва. Не делают ни одного угрожающего движения, только покрякивают негромко погрубевшими голосами, как бы беззлобно стращая друг друга. Нередко к одному или обоим, покинув гнезда с яйцами, бегут самки. Каждая останавливается позади своего, словно ожидая, как поведут себя дальше зачинщики, чтобы тогда и действовать. Но каждое противостояние заканчивается тем, что кулички разбегаются в свои стороны, не нанеся друг другу ни удара.

Даже с прилета, когда идет образование пар, семейный самец отваживает от своей подруги запоздавшего соперника без применения силы,

Малыши

Кладка

без ритуальной драки. В полете он не дает ему возможности обойти себя на крутых виражах, на земле старается стать между самкой и претендентом, загораживая тому дорогу. Этих намеков бывает вполне достаточно, чтобы третий понял: здесь успеха не добиться.

Оставшись наедине, парочка не стремится закрепить за собой косу или островок, а, наоборот, нередко покидает место первой встречи, имея в запасе несколько свободных от гнездовых забот дней. Гнезда как такового у зуйков нет. Они находят или выскребают в песке неглубокую лунку меньше кофейного блюдца, в которую кладут мелкие камешки, обломки раковин, травинки. На каменистом берегу, наоборот, убирают из ямки крупные камешки. В такой луночке четырехлепестковой розеткой лежат яйца, и расцветка их скорлупы настолько еливается с окружающим фоном, что надо выждать в стороне, пока наседка подбежит к гнезду, чтобы увидеть, где оно. Вспугнутая с яиц птица пытается привлечь к себе внимание обычным приемом куликов — притворяясь раненой, Потом же обе птицы молча перебегают поодаль, склевывая с песка мелкую добычу и не проявляя видимых признаков тревоги. Такое же внешнее безразличие выказывают зуйки в присутствии вороны или сороки. Дело конечно же не в неведении: наклонности этих разорительниц чужих гнезд прекрасно знает весь птичий мир. Кулики «уверены» в совершенстве маскировки яиц, и их беспокойство могло бы только подтолкнуть врага к дальнейшим поискам. Заметив возможную опасность, наседка без колебаний поднимается с яиц и, чуть пригнувшись, отбегает в сторонку. Взлетев же с гнезда, она скорее выдала бы, нежели скрыла, его место.

Жизнь на открытых местах выработала у этих куликов еще один способ сохранения яиц от врагов — нередко кроме основного гнезда-ямки и в некотором отдалении от него они устраивают несколько ложных. Пара даже во время насиживания поддерживает их жилой вид, будто не сегодня-завтра в каждом будет лежать яйцо или, наоборот, еще вчера были яйца, а сегодня уже ушли птенцы. Располагаются эти лжегнезда на самых видных местах: пологих возвышениях, узких перешейках между заиленными понижениями, то есть там, где хищник вероятнее всего будет искать яйца или вынужден обходить неудобные участки.

В жаркий день наседка лежит на гнезде неспокойно. Часто встает, не дождавшись смены, уходит кормиться, оставляя яйца под палящим солнцем без прикрытия. А почти отвесные лучи так нагревают песок или гальку, что ходить по ним еще можно, а стоять нельзя. И чтобы жизнь под тонкими скорлупками не пострадала от этого пекла, птица, возвратившись к яйцам, немного студит кладку, ложась на них мокрой грудкой. Для этого, кончив кормиться, она заходит в воду почти по крылья, приседает немного и скорее семенит к гнезду. Не видно мелькания тонких ножек, но бег так плавен, что с мокрых, отвисших перьев не успевает упасть ни капли,

Наряд у зуйков неброский, но птиц на песке он не маскирует. Цвета его контрастны: коричневый, белый, черный. Вокруг агатового глаза кольцо-ободок, яркое, как лепесток весеннего лютика. Крылья острые, длинные, узкие, и полет стремителен и легок. Хвост в полете, на бегу, в покое сложен тупым клинышком, но когда самец ухаживает за своей избранницей, не остается сомнений, что самое красивое в его наряде — хвост. Отвадив соперника, самец подбегает к самке и так кланяется перед ней, не приседая, что касается грудью песка у кончиков своих пальцев. В поклоне он разворачивает широким веером хвост, поставленный торчком, Каждое перышко на нем не скруглено, а чуть приострено, отчего этот веер похож на миниатюрный индейский убор и, наверное, производит на самку должное впечатление, хотя и у нее он такой же.

Птенцы появляются на свет друг за другом, Едва первый освободится от скорлупы, родитель тут же бегом уносит ее подальше, чтобы свежая белизна изнанки не привлекала ненужного внимания. Распушившийся куличонок становится невидимкой, как и яйцо, из которого он вылупился. Общий тон его расцветки сверху — под песок, а рисунок наряда похож на рисунок взрослых. Как только обсохнет последний из четверки близнецов, семья, оставаясь на косе, уже не нуждается в постоянном пристанище. А едва поднимется молодняк на крыло, покидают зуйки речные берега, не ожидая никаких попутчиков, и прямиком — к экватору.

Луговой лунь

ще не поднялись во весь рост молодые травы, и поэтому даже низенькие кустики ракитника кажутся вдвое выше, чем есть. А осыпанные нежно-розовым цветом куртины бобовника издали похожи на вросшие в землю огромные валуны невиданного камня. Этот дикий низкорослый степной миндаль никогда одним кустиком не растет. Тесно стоя рядом, переплетаясь ветками друг с другом да еще прорастая высокой крапивой, он превращается в такие заросли, куда по своей воле ни одна лиса не полезет. И, давно оценив надежность этого места, здесь из года в год гнездятся небольшой колонией луговые луни.

...Три светло-пепельные и три ржаво-коричневые птицы тремя разноцветными парами неторопливо, словно на совместной праздничной прогулке, кружат над кустарниковыми зарослями, не поднимаясь высоко, не отлетая друг от друга, не мешая соседям. Иногда плавное кружение сменяется чем-то похожим на атаку: самец и самка устремляются навстречу друг другу с вытянутыми вперед лапами. Но, так и не коснувшись партнера, снова летят крыло в крыло. Иногда самец, пикируя в коротком броске на самку, как бы принуждает ее сесть на землю, и она после нескольких таких приемов действительно опускается в самую гущу бобовника, в неглубокий и узкий колодец между стеблями, зев которого можно закрыть шляпой с неширокими полями. Там, на земле, на остатках прошлогодней ветоши и будет ее гнездо, сложенное из коротких соломинок и былинок. За каждой из них она слетает отдельно, поскольку никогда не носит строительный материал пучком.

Пока она занята строительством, а потом насиживанием, самец будет охотиться, а в свободное время отдаваться воздушным играм в одиночку, потому что его нормальное дневное времяпровождение — полет. Полет охотничий, сторожевой, прогулочный, игровой...

Изредка опускается лунь на землю, еще реже садится на кусты, но совсем не для того, чтобы дать отдых крыльям. На земле съедает добычу или терпеливо ожидает, когда у самки появится аппетит, чтобы передать ей пойманную полевку. Остальное время с зари до зари он в воздухе. Плавным поисковым полетом луня, когда плывет он над спокойными волнами пшеничного поля или серебристым простором ковыльной степи, можно любоваться бесконечно. А весенние игры седой птицы неизменно восхищают и мастерством, и абсолютной властью над воздушной стихией.

Уже само возвращение самцов в родную колонию знаменуется особыми полетами. И настроение птицам всегда создает свежий ветер, когда они без усилий могут набрать любую высоту. А без ветра игра как-то не ладится, может быть, потому, что крыльями махать не любят. Словно клочки белой бумаги, поднятые смерчевым вихрем в полуденное небо, реют меж кипенных облаков луни-соседи, и то один, то другой, внезапно оборвав спокойное парение, сильно качаясь на крыльях, устремляются в свободном падении к земле. А у земли, резко погасив скорость, птица выходит из пике и в несколько витков снова поднимается к ближнему облаку, на фоне которого остаются заметными лишь черные кончики ее крыльев. Несколько минут высотного парения — и опять почти отвесное падение.

С прилетом самок совместные полеты-игры действительно похожи на семейные прогулки. Но когда самки построят гнезда и станут наседками, самцы в одиночку по нескольку раз на день, начиная с раннего утра, отдаются уже новым играм, в которых еще больше удали и артистизма в сочетании с точным расчетом. Эти полеты — как бы заключительный и лучший номер сезона, и совершаются они не где придется, а только над своим гнездом, словно каждый стремится развлечь только свою самку.

Если утро начинается хорошим ветерком, то лунь, отдав самке первую добычу, вместо того чтобы опять лететь на охоту, поднимается над гнездовым участком повыше. Там, сделав как бы для прицела круг-другой, он, сильно подтянув крылья к корпусу, устремляется со стометровой высоты отвесно вниз, мгновенно набирая скорость, чуть меньшую скорости соколиного броска. С частым «ки-ки-ки-ки...» самец с такой неудержимостью приближается к земле, что у неопытного наблюдателя не возникает сомнения, что этот полет последний в жизни смельчака. Однако примерно на высоте нашего роста или даже чуть ниже лунь неуловимым маневром круто взмывает вверх, как бы намереваясь сделать мертвую петлю. Но вместо этого он делает в верхней точке петли поворот вокруг оси на сто восемьдесят градусов и по инерции делает петлю еще раз, но доменыпе, как бы дважды вычерчивая в воздухе ту фигуру, которая называется лентой Мёбиуса. Обтекаемость тела луня столь идеальна, что даже с расстояния в полтора-два десятка шагов не слышно звука его движения: будто что-то бесплотное мелькнуло с вывертом и негромким вскриком, а уже потом стало птицей. Самка же между тем, даже до того, как будет снесено первое яйцо, проводит свободное от еды время на гнезде.

Основная обязанность семейного самца в гне-

Гнездо
Самец
Нахохлился
Птенцы

здовой период, то есть почти все время пребывания луговых луней на родине, — кормить семью, и справляется он с этой обязанностью превосходно. Он кормит самку с первого дня ее прилета. Во время строительства гнезда, насиживания, пребывания ее на гнезде с птенцами он приносит добычу уже через полчаса после восхода солнца. Подлетая к гнезду, он вызывает самку негромким, нежным квохтаньем и предлагает ей жертву на лету из лап в лапы. Издали этот красивый трюк выглядит как нападение, потому что, вызвав самку, лунь, словно оробев, улетает от нее, но как-то нерешительно. Самка сильными взмахами догоняет его, и обе птицы едва не сталкиваются в воздухе, но, не уронив ни перышка, тут же разлетаются в стороны. Светлая взмывает вверх, темная летит на плешину от пастушеского костра, на тропинку, где быстро съедает принесенное. А носит ей самец мышей, ящериц и — особенно летом — птенцов куропаток, перепелов, жаворонков.

С появлением в гнезде птенцов охота требует все больше времени, потому что вылупление пятерых-шестерых лунят растягивается на полторы-две недели. Двух-трехдневный птенец лугового луня на редкость привлекателен и внешностью и доверчивостью. Он поднимает голову к протянутой руке, если голоден, охотно берет из пальцев кусочки мяса. Позднее он уже прекрасно разбирается, где мать, где посторонний, и становится дикарем. Такой к руке уже не тянется, а, быстро опрокинувшись на спину, молниеносно взмахивает когтистой лапой, нанося глубокие царапины. Начав оперяться, лунята стараются поменьше оставаться у гнезда и, когда на охоту улетает и мать, уходят в окружающие заросли, протаптывая несколько узеньких тропинок.

Сначала мать кормит каждого из клюва, потом добыча кладется на землю, где ее схватывает, кто успел. Когда же птенцы поднимаются на крыло, родители продолжают кормить их, но тактика меняется. Отец зовет подростка таким же квохтаньем, как и самку. Тот поднимается навстречу и должен подхватить мышь, ящерицу, кузнечика в воздухе. Высота полета небольшая, какие-то пять—семь метров, и надо проявить расторопность, чтобы не остаться голодным, ибо упавшую на землю добычу охотник не пытается искать вторично: что упало, то пропало. Ежедневно лунята много и охотно летают, как бы совершенствуя мастерство полета, но сами не охотятся, а родители и не торопят их с этим. Собственные охотничьи навыки молодняк совершенствует уже в пути к зимовкам, когда распадаются птичьи семьи. С охотой в эту пору намного легче, чем в середине лета, и молодые птицы в пути не бедствуют, а, наоборот, часто даже играют с собственной добычей, как играют котята с первым пойманным ими мышонком.

Лысуха

Все меньше свободнотекущих рек остается на равнинах степной зоны: большими и малыми водохранилищами становятся их долины. Так стало и с Воронежем. Когда-то по этой реке от Рамони до Дона провел небольшой боевой корабль Беринг, а в петровские времена с воронежской верфи сходили на воду корабли для морских сражений. Еще и в послевоенные годы к возрождающемуся городу плотогоны даже в межень уверенно проводили с верховьев стометровые плоты. А потом быстро захирела, обмелела река, год от года затягивая свое русло овражными выносами, теряя береговые родники. Полноводная и рыбная прежде, она все больше становилась лягушачьим царством, пока в 1972 году чуть повыше ее устья не стала поперек долины плотина с водосбросом и судоходным шлюзом.

В низовье сложился режим глубокого озера, а теплые мелководья верховьев стали быстро зарастать тростником, камышом, рогозом, телорезом и другой водяной травой, превращаясь в настоящий рай для водоплавающих и околоводных птиц. А ко всему весна того года после осенне-зимней засухи была на огромных пространствах Русской равнины безводной, без половодий, без разливов, и неисчислимое множество пернатых скопилось на тех мелководьях, потому что большинству из них лететь было некуда. Долетали они до привычных родных гнездовий и, словно беженцы, покидали их, спеша поскорее отыскать новое пригодное для жизни место. Цапли, поганки, крачки, утки валом валили со всех сторон. Так осела и прижилась здесь масса птиц, которых прежде и на пролете видели редко и не каждый год.

Тут уже не бывает разливов и ледоходов. Поднимется немного полая вода, открывая ранней рыбе ход на нерестилища, медленно растают под солнцем и теплыми ветрами ледяные поля на плесах, и закипит почти до самого ледостава птичья, рыбья, лягушачья и комариная жизнь. Самыми ранними весенними поселенцами становятся те, кто может нырять, потому что только на дне в эту пору можно найти корм. Первыми прилетают нырки седыши и белобоки, нарядные чомги и аспидно-черные лысухи.

Даже на рассвете, когда в белесо-сероватой мгле едва различимы на невидимой воде птичьи силуэты, лысуху при ее утином росте трудно принять за утку или нырка. Не потому, что пером черна, а потому, что плавает не по-утиному и ныряет иначе, чем нырок. Плывя медленно,

лысуха словно беспрестанно кланяется собственному отражению, кивая каждому гребку, как голубь — каждому шагу, а короткий хвостишко чуть приподнят над водой. Прибавляя скорости, птица перестает кивать, кладет хвост на воду и скользит по ней, словно утюжок. Ныряет легко: сильным толчком лап приподнимается над водой, как бы становясь на твердую опору, и без плеска, по-дельфиньи окунается, опускаясь вертикально вниз. Но под водой ей держаться трудно, и она часто выныривает хвостом вверх.

Летят лысушьи стаи ночами, останавливаясь для отдыха только на большой воде. Ни одна лысуха на весеннем пролете не опередит вскрытия рек. Весной ее никогда не встретишь на полевой луже, а летом — на чистеньком лесном озерце или затянутом ряской бобровом прудике, куда любят прилетать чирки и большие утки. И не потому, что там голодно или спрятаться негде. Лысухе, чтобы подняться в воздух, нужен разгон. Плавая не хуже утки и летая по-утиному, она не может взлететь свечой даже из низенькой осоки: слишком мала сила коротких крыльев, чтобы они подняли с места тяжелое тело птицы, даже против сильного ветра. Только в редких случаях, чтобы не огибать невысокое препятствие по воде, лысуха, натужившись, неуклюже перелетает через него и тут же шлепается как попало.

Она охотнее переплывает открыто километровый плес, нежели дает работу крыльям. А для взлета ей обязательно нужен длинный разбег. Посуху она ковыляет, еле переставляя ноги, а по воде бежит, взметая лапами фонтанчики брызг, так быстро, что всплеск от первого шага едва успевает осесть, когда птица делает уже десятый. Отчаянно махая на бегу крыльями, лысуха набирает необходимую взлетную скорость и по отлогой глиссаде поднимается в воздух. Когда на крыло поднимается сразу большая

Стая лысух
Пасутся
Портрет

стая, ее общий пробег длиннее, чем у отдельной птицы, потому что, теснясь, лысухи мешают разбегу друг друга. И если в предзимье, во время ледостава, соблазненные изобилием корма, задержатся черные птицы на последней полынье, то окажутся они пленницами родной стихии и еще до того, как замерзнет вода, станут добычей пернатых или четвероногих хищников, потому что ни взлететь с маленького оконца, ни уйти по льду или рыхлому снегу они не могут. А мороз им не страшен.

В день возвращения на гнездовые места стая, которая в пути была как одна огромная семья, перестает существовать. Те пары, которым посчастливилось уцелеть и остаться вместе на весеннем и осеннем перелетах и зимовке, быстро находят и занимают свои прошлогодние семейные участки, и главной их заботой на много дней становится защита этих участков от старых и новых соседей. Хозяевам, главным образом самцам, то и дело приходится вступать в поединки с теми, с кем еще вчера на последней остановке мирно плавали бок о бок. Сегодня же это не соперники, а самые настоящие враги, у которых только один способ установления отношений — сила.

Сильным себя считает каждый самец. Он без колебаний бросается на других лысух, оказавшихся неподалеку от его участка или даже на ничейной воде. А участок — это сколько-то метров по краю камышовых зарослей и полоса чистой воды перед ними, защищать которые надо и справа, и слева, и спереди. Тыл прикрыт стеной почти непролазной крепи, хотя нарушитель может подобраться и оттуда.

Границы устанавливаются не с первого раза, но, когда они признаны сторонами, встречи соседей в этой зоне оканчиваются хотя и не мировой, но зато без драки. Межевые кустики или травинки, торчащие из воды, служат пограничными знаками на невидимой черте, которую переплывать нельзя. Около них и происходит «обмен любезностями». Самцы в угрожающих позах: шея положена на воду, а полуразвернутые крылья приподняты над спиной, как черный парус, — сходятся у этих травинок клюв в клюв и застывают друг перед другом. Сзади на помощь обоим подплывают их самки. Безмолвно-напряженной сцене не хватает крошечной искры, чтобы вспыхнула драка, но вместо этого лысухи расплываются в свои стороны, даже не оглядываясь. Оказывается, здесь можно только угрожать, но запрещено наносить удары.

На открытой воде граница определяется на глазок: кому достаточно десяти — пятнадцати метров от края зарослей, кто чуть ли не весь плес считает своим и в любой момент готов мчаться на чужака метров за пятьдесят—шестьдесят, Чужаками считаются птицы-одиночки или пары, а к группе отношение равнодушное: если много, значит, не конкуренты. Случайная птица старается удрать и не вступать в драку с задирой. Но если тот нападает на такого же владельца, нерасчетливо выплывшего на середину плеса, то даже неожиданность и стремительность нападения не бывают залогом успеха. Противники опрокидываются на спину и начинают махать ногами, после чего, не нанеся друг другу ни царапины, спокойно и неторопливо, как ни в чем не бывало, уплывают восвояси. Если же во время стычки к одному из бойцов успевает подбежать на помощь самка, тогда победа над соперником остается за парой. Они бьют его ногами, стараясь окунуть в воду, что, как и в дуэли камышниц, считается его полным поражением. Когда в драку ввязываются самки, невозможно разобраться, кто где и чей верх. Надо сказать, что у лысух драки с соседями вовсе не привилегия самцов. Самки в этом отношении тоже задиры не из последних,

Самых заядлых не удерживают никакие преграды. Ранней весной на небольших плесах соперников может разделять нерастаявший лед. Перелететь через льдину нельзя: разбежаться еще негде, и зачинщик, выпрыгнув на нее, торопливо семенит, наступая на собственные пальцы, спотыкаясь и едва не тычась клювом в лед, но не останавливаясь и не поворачивая назад. Такая сцена смешна со стороны, но на соседа пеший агрессор производит иное впечатление, и он прячется в заросли, не принимая вызова, и поэтому возвращение нападавшего происходит уже по воде.

Ни среди сухопутных, ни среди водоплавающих птиц я не знаю более драчливых и задиристых, чем лысухи. Зяблик гонит со своей территории только зяблика, лебедь — только лебедя, лысуха же бросается на уток, поганок, чаек, опустившихся на воду, а водяную курочку не терпит как прямого конкурента. И уже осенью, когда выводки давно уплыли от родителей, пары продолжают охранять участки, пугая проплывающих вблизи крякв, чомг и конечно же своих сородичей. Да и молодняк в стаях, еще не одев наряда взрослых птиц, уже проявляет врожденную драчливость. И прекращаются птичьи распри только в поздних, предотлетных стаях, где все равны.

Понять поведение и позы лысух проще, нежели разобраться в значении звуковых сигналов, потому что заросли часто скрывают и ту птицу, которая издает возглас, и ту, к которой он обращен. До сих пор остается загадкой, какой ситуации соответствует сдержанное «оханье» или двойное причмокивание. Даже весной, когда лысухи большую часть времени на виду, когда они наиболее «говорливы» и когда рядом с ними нет других птиц, не каждый принадлежащий им звук удается сразу связать с их присутствием. Отрывистое и звонкое тявканье — обычный призыв. Негромкое, односложное пощелкивание,

похожее на слабый стук валька по мокрому белью, может означать и досаду по поводу несостоявшейся стычки с соседом, и удовлетворение победой после драки с ним. Однократное «пиксь», похожее на усиленное цыканье дубоноса, служит выражением настороженности, Похоже на приглашение особое, издаваемое не голосом шлепанье или топанье вроде похлопывания ладонью по крошечной лужице.

Это шлепанье — нечто необыкновенное в птичьем мире, и его трудно сравнивать с барабанной дробью дятлов, хотя назначение того и другого, видимо, сходно, если не одинаково, Самец, стоя на чуть затопленной кочке, на кучке сплавного мусора, на пучке примятого рогоза так, чтобы вода была не выше пальцев, начинает вдруг бить под собой растопыренной лапой, словно в нетерпении. Пошлепает немного, займется туалетом, потом снова примется топать, и все одной ногой. Поза его в это время выражает настороженность или выжидание, но никак не раздражение и не угрозу. Звук этот негромкий и слышен всего на несколько метров,

У лысухи и всей ее сухопутной и водоплавающей родни, в какой бы наряд ни были одеты взрослые птицы, птенцы-пуховички черны, как сажа. Но у маленького лысушонка черные пушинки на голове с ярко-оранжевыми, почти алыми кончиками, а на груди — с серебристой сединой. Кожа на темени красная, а большие глазные яблоки просвечивают сквозь нее синевато-лиловым цветом. Клювик густо-коралловый с белым кончиком и узкой черной каймой по краю. Возможно, что это единственный в птичьем мире случай, когда только что покинувший скорлупу яйца и едва обсохший птенец одет наряднее и пестрее своих родителей,

Птенцы появляются не все вдруг: из половины яиц — в один день, а из остальных — через те же промежутки, через которые были отло-

На гнезде
Кладка
Появление на свет

жены яйца, потому что насиживание начинается, когда в гнезде лежат четыре-пять яиц, то есть половина нормальной кладки. Первая четверка в гнезде не засиживается, а почти сразу уходит с кем-то из родителей на воду, возвращаясь к ночи. Правда, днем каждому надо где-то постоять немного, чтобы почистить и привести в порядок наряд, выбрать из него прилипшие соринки, ряску, смазать пух жирком. Птенцу для этого годна любая опора: его держит лист кувшинки, срезанная ондатрой тростинка или лягушачий насест на притопленном обломке. Нередко мать строит для всего выводка похожий на гнездо небольшой плотик, не всегда даже пряча его от постороннего взгляда. Когда вся семья, отдохнув и почистившись, уплывает пастись, тем плотиком пользуются чайки, утки и лысушья родня — камышницы.

Покинув гнездо, лысушата легко и проворно плавают, но сами не умеют собирать корм, и родители кормят их из клюва. Весь выводок все время под боком, и не надо каждую порцию нести к гнезду. Однако умение обеспечивать себя самостоятельно приходит к ним довольно скоро, и, подрастая, они освобождают родителей и от этой заботы, но те еще долго продолжают опекать и защищать выводок, однако, все меньше ограничивая его в свободе поступков.

Там, где человек не мешает лысухе, особенно в тревожную -гнездовую пору, она успешно справляется с разными испытаниями птичьей судьбы. И самка, и ее птенцы неплохо ныряют, у них есть надежная и постоянная защита — камышовые и тростниковые заросли, но все же немалый урон терпит лысуха от своего постоянного и близкого соседа, болотного луня. Это ее враг номер один, который берет дань с племени черной птицы яйцами, птенцами и взрослыми. У обоих не только одни и те же места обитания, но и почти одинаковые ареалы, и где не гнездится лысуха, туда редко залетает лунь.

Правда, взрослую, здоровую лысуху на воде, да еще в чаще, луню одолеть не просто и поднять ее оттуда в воздух невозможно, потому что она весит больше, чем лунь, особенно осенью. К тому же есть у нее один надежный прием, избавляющий от гибели в острых и длинных когтях, — ее спасает вода. Лысуха ныряет или тонет под тяжестью хищника. Тот же, вцепившись ей в спину, не может нанести глубоких ран: мешают крылья. К тому же и сам он оказывается по брюхо в воде, и вид у него довольно растерянный: кто кого поймал? Подержав жертву несколько минут, лунь, видимо опасаясь намокнуть целиком, разжимает когти и взлетает. А следом всплывает как ни в чем не бывало избавившаяся от седока лысуха и продолжает заниматься своими делами, словно нет на ней ни царапины. Лунь видит ее, но нападения не повторяет.

Пробуют луни искать удачи, нападая на отбившийся от родителей молодняк. Покинув семьи, молодые лысухи собираются в собственные стаи, без взрослых. Несколько соседних выводков, объединившись, живут на свободном плесике своей жизнью, в которой нередки неожиданные и опасные ситуации, требующие от птиц, еще не наживших достаточного опыта, мгновенных решений. А лунь как раз и нападает внезапно, подкравшись из-за высоких камышей чуть ли не вплотную к рассыпавшейся по воде стае. Мгновенно среди застигнутых -врасплох птиц возникает не очень понятная, похожая на панику суматоха. Вместо того чтобы спасаться кто куда может, они сбиваются в плотную стаю, Даже те, которые паслись или отдыхали возле зарослей, не ищут в них спасения, а мчатся к своим, будто подтверждая этим, что на миру и смерть красна.

Опытный лунь скорее всего пролетит мимо такой стаи, а молодой не удержится от двух-трех бросков, после которых не будет спешить с повторной попыткой напасть на нее. Во-первых, у него возникает нерешительность, кого схватить в сплошной массе черных спин и голов, во-вторых, лысухи не ждут покорно своей участи, и в тот миг, когда лунь уже протягивает лапы к жертве, вода словно вскипает. Ближайшие птицы быстро заныривают, вскидывая ногами высокие фонтаны крупных брызг. Выскочив из-под воды, они не удирают, а снова и снова сбиваются в плотную стаю, создавая перед хищником водяную завесу. Это не что иное, как самая настоящая коллективная защита, явление среди птиц не только редкое, а уникальное. Если бы стая в страхе бросилась врассыпную, кто-нибудь непременно замешкался бы и был схвачен в одиночку.

Лысуху почему-то считают робкой, запуганной птицей, которая чуть ли не лягушек боится, Да еще голос ее, как хныканье: совсем, мол, плохо живется на свете. Но на воде лысуха умеет постоять и за себя, и за птенцов, и за участок, где построено гнездо. Только во время линьки, во время смены полетного пера, прячется она в надежные места, потому что у бескрылой птицы вся смелость пропадает вместе с перьями. Хорошо, что линяют самец и самка по очереди, и за участком и за птенцами есть постоянный присмотр.

Желтая трясогузка

Весна раскрашивает речные долины и берега степных озер в два цвета: зеленый и желтый. Сначала, еще в апреле, пушистыми цыплячьими сережками одеваются ивняки. Потом по остаткам разливов выставляет свои роскошные желтые букеты водяной первоцвет калужница. Следом по зеленому ковру рассыпает солнечные блестки чистяк. За ним, уже приподняв соцветия повыше, зацветают крупка, сурепка, лютик. И не только у воды господствуют два весенних цвета: вдоль всех дорог тянутся желто-зеленые ленты одуванчиков.

Портрет

Но сколько бы ни было вокруг цветочной желтизны, нельзя не заметить на лугу или дорожной обочине желтогрудую изящную птицу, которая то раскачивается, балансируя длинным хвостиком, на кончике прутика или сухой травинки, то семенит по просыхающей тропке, то с писком преследует пролетающего мимо луня. По полету, манере бегать и качать хвостом в ней угадывается родственница белой трясогузки. Но у той черно-бело-серой птички-ледоломки известность не меньше, чем у скворца.

Наверное, могла бы день в день с ней прилетать и ее желтая сестра плиска, или желтая трясогузка. Но рано прилететь — значит и гнездиться раньше надо, а места нет. Белая совьет гнездо и под крышей сарая, и в поленнице, и под береговой дерниной, желтая устраивает его только на земле, в траве. Поэтому она и появляется на донских, воронежских и усманских лугах к тому времени, когда уходит с них полая вода.

Первыми возвращаются самцы. Они занимают участки и ждут прилета самок, которые прибывают не раньше чем через две недели. Ни один не покидает даже на несколько минут место, которое выбрал и, может быть, отстоял от притязаний других самцов. У каждого две-три кочки и два-три кустика, с которых он день-деньской выкрикивает односложный и однообразный призыв: только бы не пролетела мимо. И кажется, что от этого беспрестанного повторения чуть осип птичий голосок. Самец то и дело запрокидывает голову в голубоватой шапочке, и из приоткрытого клюва раздается какой-то простуженный писк.

Время от времени он невысоко взлетает, часто трепеща крыльями, опускается на другой кустик, и снова звучит призыв. Он хозяин своего участка и старается быть на нем заметнее. Но, владея территорией, он уже лишен возможности выбора: какая прилетит, с той и будет выводить птенцов.

И вот в одно утро, солнечное или пасмурное, словно исчезает с луга беспокойная птица-цветок. Став семьянином, самец ведет себя совсем иначе: ходит в траве чуть поодаль от самки, пушится, веером разворачивает черный с белой каймой хвост, что-то щебечет неразборчивое, журчит по-жавороночьи. Своим поведением он выказывает не восторг, а скорее робость и смущение. Теперь он смело бросается на ворону, гоня ее прочь, хотя еще за день до прилета самки не обращал на черно-серую разбойницу никакого внимания.

Самку в эту пору заметить труднее. Рисунок наряда у нее такой же, как у самца, но краски его тусклее. Зато нет на речных берегах птицы изящнее и стройнее. О ее прилете можно догадаться лишь по поведению того самца, на ком она остановила свой выбор: беспокойство многодневного ожидания сменяется у него тихим и сдержанным восторгом. У него и так не было звучной песни, а тут он, став семьянином, и вовсе теряет голос, почти немеет, не хвастаясь своим счастьем перед соседями-холостяками. Может показаться, что его душевный подъем словно бы становится неуместным рядом с непоказной деловитостью самки, которая прямо с дороги

быстренько отыскивает местечко для гнезда и целиком отдается строительству, словно и не было пути в шесть или восемь тысяч километров, не было на нем ветров, туманов, дождей и других испытаний. Проделала она его на крыльях, а дома — все на ногах: бегом, бегом, бегом...

Ловкая, энергичная, свежая, ладная, перышко к перышку, деловито семенит она, собирая сухие травинки, выдергивая корешки, отыскивая коровьи шерстинки. Ноша не тяжела. Наверное, вся постройка весит меньше птицы, но сколько же раз приходится прошагать с единственной былинкой, обходя то кустик одуванчика, то осоковую кочку. Особых требований к материалу нет, такого рядом сколько угодно, но собирать его возле гнезда нельзя: могут заметить.

Наверное, при таких обстоятельствах и в птичьем мире даже неназойливое ухаживание выглядит бестактностью. К тому уже оно уже и не требуется для закрепления семейных уз: коль хозяйка занялась строительством, она не станет искать иной доли, которая не будет ни лучше, ни хуже, ибо любой из ее избранников окажется одинаково заботливым отцом.

Впрочем, самец не предается праздному времяпровождению, бдительно следя и за всей обстановкой на лугу. Весенние травы в эту пору растут не по дням, а по часам, закрывая бегающей, словно мышь, самке не только горизонт, но и небо. Если в первый день строительства кустик одуванчика, под которым укладывался «фундамент» гнезда, был просто широкой розеткой листьев, то в последний, шестой, над готовой постройкой уже горят яркие соцветия на высоких ножках. Так что строительница полагается только на бдительность самца, который, держась в сторонке, вовремя предупредит о возможной опасности. Увидит ворону, луня, жулана, кукушку — предупредит. Пустое гнездо врагов не интересует, но память у них хорошая: запомнят и, когда надо, отыщут снова. Поэтому, услышав предупреждение, самка тотчас бросает свою ношу, чтобы не вызвать подозрения. Обман удается почти всегда, хотя кукушку провести трудно.

Даже после начала строительства гнезда самец не может быть уверен, что с семьей у него все устроилось. По какой-то причине надолго задержались, а может быть, стороной пролетели другие самки. Тогда остальные самцы, оставив безнадежное ожидание, кто пешком, кто лётом подбираются к участку счастливца, и, хотя драк и серьезных стычек не бывает, ему приходится туговато, чтобы удержать границы. Самцы-неудачники, помыкавшись у реки, объединяются в холостяцкие компании и кочуют где придется, В конце весны их можно встретить даже в сухой, начинающей выгорать безводной степи. В такие кочевые группы нередко собираются самцы двух-трех подвидов и даже видов. В них можно обнаружить птиц из Заволжья, Причерноморья, с Русской равнины. Вместе с желтыми трясогузками иногда бродяжничают и белые,

У самца-хозяина спустя несколько дней после начала насиживания самкой яиц гаснет агрессивность к тем сородичам, которые случайно или намеренно вторгаются на его семейный участок. Правда, и характер намеренного вторжения становится иным.

Луговые поселения этих птиц бывают столь плотными, что создается видимость разрозненных колоний. Несколько пар, избрав большой участок, занимают на нем маленькие семейные участки, а обширные пространства луга остаются свободными. Эти места и число птиц, гнездящихся на них из года в год, долгое время могут сохраняться довольно постоянными. Такая мозаичность в условиях однородной среды — явление вовсе не исключительное в животном мире, но она создает впечатление то необыкновенного обилия, то полного отсутствия,

В таких поселениях семейные пары не отличаются особой строгостью в охране границ, которая при чрезвычайных обстоятельствах может быть снята.

Май 1979 года на Верхнем и Среднем Дону был необычно жарким и сухим. Реки, пруды и озера, конечно, не иссякли, но степные лиманы, верховые болотца, полевые лужи снеговой воды, державшиеся в обычные годы до середины лета, высыхали на глазах. Ночами скакали от них лягушки, утки пешком уводили }тят к большой воде. В придорожной низине, где когда-то брали грунт на подстилку разбитого полотна дороги, в двух ямах вода оставалась долго. И обе эти ямы оказались в границах владения одной пары желтых трясогузок. А всего вокруг той низины гнездилось еще пар пятнадцать, которых не столько мучила жажда, сколько тянуло искупаться в полуденный зной.

Кто и как первым решился нарушить границу, неизвестно, но сюда стали слетаться ежедневно все ближние соседи и самые дальние поселенцы. Самки-наседки купались быстро, выходя из воды, не отряхивались, а сразу летели к гнездам, чтобы успеть лечь на яйца мокрым пером, Самцы же уделяли удовольствию столько времени, сколько хотели. Они плескались, расстилая широким веером по воде белокаемчатые хвосты, чистились на бережку и плюхались снова. Сам хозяин неторопливо семенил у края травяных зарослей, как бы присматривая, чтобы гости, кроме купания, ничем больше не увлекались, мух, гусениц, улиточек не ловили. В их присутствии он и близко к воде не подходил, хотя зной допекал и его.

Когда трясогузкам приходится сообща прогонять своего главного врага — болотного луня, межсемейные отношения отходят на второй

план. Если же, спровадив луня, трясогузки не спешат возвращаться на свои территории, хозяин последнего участка, над которым оборвалась погоня, поторапливает ее участников, чтобы улетали поскорее. Так же бывает при появлении кукушки. Все самцы слетаются на тот участок, где опустилась их обидчица, голосом выражая свою неприязнь к ней. Сюда прилетают даже те, кого сигнал тревоги застал за поиском корма для птенцов и кому, стало быть, этот визит ничем не грозит. Они тоже сидят вместе со всеми и, держа гусениц в клювах, тревожно попискивают. Улетела кукушка (чаще всего это бывает самец), и тут же хозяин как бы заявляет всем доброхотам: «Теперь разлетайтесь поживее!»

Задавшись намерением отыскать гнездо плиски, можно перебрать буквально все травинки на том месте, возле которого беспокоятся птицы, и через час поисков отказаться от своего желания, Для меня просто непостижимо, как в гуще травяных джунглей хозяйка с любого направления безошибочно находит гнездо пешком в зарослях полевицы или мятлика, где тысячи совершенно одинаковых, стебелек к стебельку, растений и — ни одной заметной приметы.

Гнездо всегда на земле. Часто в ямке от коровьего копыта. Птица словно уверена, что дважды в одно место корова не наступит. Наступает! Хорошо, что летом на сенокосные луга скотину не пускают. Но там другая опасность грозит желтогрудым птицам. А в сырой и прохладный сезон опасность становится двойной, и многие пары остаются без вторых выводков, После грозовых потопов обочины больших дорог становятся озерами, мокрые луга превращаются в болота, разливаются полевые лиманы, потому что земля не способна принять всей падающей с неба воды, и наседки не могут защитить своим телом яйца или птенцов от безудержной стихии. А многих, кого обошло это несчастье, обездоливает поздний сенокос.

Коса или жатка не зацепят построенное вровень с землей гнездо, не страшны они и слеткам, но урон, который наносит трясогузкам и другим луговым птицам сенокос, велик. И если дождливым выдается не каждое лето, то сенокос — ежегодная трагедия. И чем выше и гуще травостой, тем хуже плискам: часть гнезд оказывается тюд плотными, тяжелыми валками, а часть на широких, чисто выбритых полосах становится открытой палящему солнцу и чужому глазу. И еще не успеют уйти с луга косари, как, словно проверяя их работу, начинают расхаживать по травяной стерне сороки и вороны, не обращая внимания на сиротливо попискивающих плисок: чужая беда — их радость.

Но, несмотря на повторяющиеся из года в год «погромы», плиски с фатальным постоянством, как обреченные, гнездятся на одних и тех же лугах. И эта тяга стоила виду огромных потерь еще по одной причине — самый сильный урон плискам нанесло строительство водохранилищ на больших и малых равнинных реках. Перед последним половодьем закрывались водосливы, и ложе водохранилища заполнялось выше, чем при самых сильных разливах, и — навсегда,

Птицы прилетали в свой обычный срок, но не дано им было понять, что родного луга не увидеть больше никогда. Подступало время строить гнезда, насиживать яйца, а вода не уходила. Куда деваться? Плисками овладевали растерянность и что-то вроде общей паники: они теряли не только место жительства, рушился извечный уклад птичьей жизни. Это уткам просто махнуть на две-три сотни километров дальше и выбрать озеро или болото по вкусу. А у плисок семья образуется лишь на занятой территории, куда самка прилетает как в готовый «дом». Сниматься с места, искать новый участок можно лишь поблизости, рядом, а не на краю света. Я видел, как эти птицы в отчаянии пытались обосноваться возле бывшей реки, вплоть до того что присматривались даже к городским газонам, где никакой надежды на успех и быть не могло, но помочь им было нечем.

Довольно постоянны у плисок и места предотлетных сборов. В иные годы даже при специальных обследованиях заповедной поймы Хопра не удавалось встретить ни одной гнездящейся пары на прекрасных заливных лугах, где давным-давно не вжикали косы, не паслись стада. Но там же, возле кордона Шпиль, и посейчас в конце лета, как на этапе, собирается множество желтых трясогузок, сначала местных, а потом — и транзитных. Наверное, эти этапы поддерживаются тем, что, когда стартует очередная стая, кто-то остается, чтобы следующие мимо не пролетели. А самые последние как?

Четыре с половиной недели длится у желтых трясогузок период от откладки первого яйца до выхода из гнезда птенцов. Видимо, так же, пешком, они оставляют и гнездовой участок. Самка сразу принимается за строительство второго гнезда, но увидеть ее за этим занятием еще труднее, чем весной: поднялись во весь рост травы. Она выбирает новое место подальше от первого, вокруг которого за время кормления выводка была выловлена значительная часть добычи.

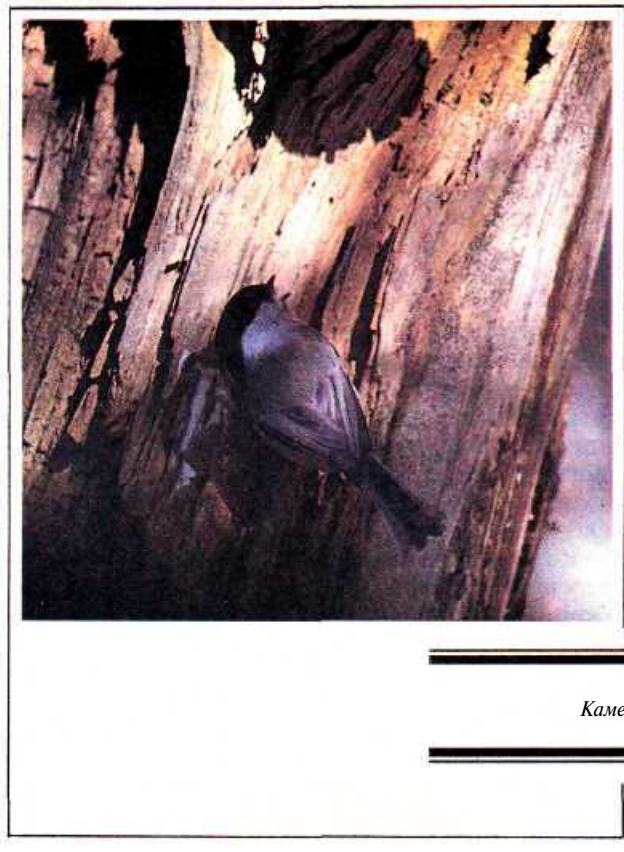
Каменка

Городских и пригородных пустырей еще достаточно. Они, безусловно, не служат украшением пейзажа, но в этом нет ничего зазорного для самых благоустроенных и культурных центров. Например, работал когда-то на окраине завод, на котором было сделано столько кирпича, что его хватало и на собственное градостроительство, и еще оставалось на вывоз. Город рос, окружая завод, который стал заводиком, а потом как-то незаметно для горожан исчез. Но осталась окруженная современными кварталами огромная яма карьера, которую так просто не завалить, не засыпать. Место не для отдыха, не для огородов, но вот дикая жизнь осваивается в нем быстро и надолго. И первопоселенцем карьера еще в дни работы завода стала элегантная, спортивного облика птичка — каменка.

И любой другой пустырь может подарить встречу с каменкой с ранней весны и до середины лета. В своем огромном ареале, простирающемся от Аляски через всю Евразию до восточных районов Канады, гнездится она на высокотравных лугах и пахотных полях, на больших без сухих островков болотах и в сплошных лесах, в горах — выше границы снегов, на ледяном щите Гренландии и среди сыпучих песков. В гнездовое время ее можно встретить и под незаходящим солнцем в заполярной тундре, и в пекле азиатских пустынь, и в центре большого европейского города. А зимовать отовсюду, даже с Чукотки и Аляски, все каменки летят в Тропическую Африку.

У каменки никогда не будет недостатка в удобных для устройства гнезда местах, выбор у нее намного богаче, нежели у давнего нашего соседа домового воробья. Идеальным убежищем может быть маленькая пещерка или норка, недоступная для четвероногого хищника, с небольшой площадкой-выгулом перед входом, куда будут выходить подросшие птенцы. А вообще-то годится и пустота под перевернутой плугом дерновиной, щель между камнями на склоне дорожной насыпи или дамбы, в дровяном штабеле, какая-нибудь лазейка в куче строительного мусора или железного хлама на заводском дворе. Всего не назвать. Одна пара построилась под рельсом железнодорожной ветки сахарного завода, другая — в небольшой промоине под асфальтом на краю шоссе, третья — в бетонном тротуаре, под ногами пешеходов. Очень нравятся птице пустотелые железобетонные плиты для перекрытий. Где только нет нынче таких плит со сквозными трубчатыми отверстиями! Хороши они тем, что, если сыч, куница или хорь заберутся через один вход, наседка, спрыгнув с гнезда, промчится по длинной трубе быстрее, чем хищник, и спасется через второй.

А бегает каменка, словно иноходец: не видно мелькания тонких ножек; капельку на кончике клюва пронесет и не стряхнет. По поверхности земли она обычно скачет, но никогда не ходит шагом. Ведь у птиц, кто хорошо бегает, тот не умеет скакать, и наоборот. Сойка, синица, дятел только скачут. Воробью, поселившемуся в норке береговушки, приходится десятки раз пробираться низеньким коридорчиком неестественно короткими прыжками, а пройти полметра шагом или пробежать он не в состоянии. Каменка же кроме полета прекрасно владеет двумя способами передвижения. И летать может по-разному. Можно наблюдать ее короткие патрульные перелеты по участку, верткую погоню за чужаком или преследование врага, токовое порхание. А вот каков ее крейсерский полет во время беспосадочного броска через Северную Атлантику? Нужен, наверное, особый стиль, который каменка держит в секрете.



Каменка

Каменка из семейства дроздовых, в котором немало отличных и превосходных певцов со

своей собственной песней или с целым набором чужих. Обитающая в степной и пустынной зонах каменка-плясунья слывет талантливейшим из пересмешников. А вот в отношении певческих способностей нашей знакомой много неясного, Певчие птицы ьсе личное мастерство выкладывают в дни весеннего возбуждения, не оставляя ничего для какого-то особого случая. Токовую песню каменки и песней-то не назовешь: негромкие и неблагозвучные выкрики или скрипучее чириканье, повторяемые раз пятнадцать-шестнадцать в минуту во время полета-танца. Взлетев почти свечой, самец, как бы приплясывая на крыльях, торопливо, словно воздуха ему не хватает, щебечет одно и то же, почти не делая заметных пауз. Иногда в этом журчании слышатся звуки и чужих песен, голоса певчих и непевчих птиц.

Но есть у нее и музыкальный вкус, и дар незаурядного пересмешника, однако птица крайне скупа на проявление своего настроения красивыми и мелодичными звуками. Она быстро и точно запоминает и повторяет чужие голоса, но выход своему дарованию дает лишь в течение нескольких дней и даже часов.

У самца, занявшего участок, нет особой необходимости предупреждать соперников от посягательств на его территорию специальной песней, Он больше показывает самого себя: перелетает с бугорка на бугорок, стоит, видный всем, приседает, вызывающе вздергивая и разворачивая веером черно-белый хвост. За несколько дней он успевает не только утвердить свои права на владение, но и осмотреть все пригодные для устройства гнезда укрытия. А вот где быть гнезду, это уже решит самка. После заключения семейного союза хозяин сразу же начинает показывать ей все места, которые присмотрел, будучи холостяком. Делает он это очень галантно. Напевая по возможности что-то приятное из своего репертуара, он на несколько секунд залезает в каждое, на его взгляд, пригодное убежище. Самка же в некоторые не заглядывает совсем, другие осматривает поверхностно и молча, ни да ни нет. А впечатление создается, будто выбирает он, деловито и по-хозяйски осматривая помещение: здесь построиться или подыскать получше? Он не настаивает, чтобы и она обязательно осмотрела предлагаемое, а сразу же ведет ее к другой щели или норке, и обязательно с новой песенкой. Конечно же, не у всех песенный набор одинаково хорош. Ведь многие живут на таких унылых пустошах, где вообще послушать, кроме сверчков да сусликов, некого. Таким годится и крик цапли, услышанный издалека, и недовольный голос пролетавшего мимо жулана, гиканье пустельги, прилетавшей охотиться на ящериц, тревожное взвизгивание чибиса. И как только начинается строительство гнезда, пение слабеет или прекращается совсем, хотя сооружением колыбели для будущих птенцов занимается только самка. Он же крутится поблизости, пытается ухаживать, как-то помогать, изредка подбирая былинки, чем вместо одобрения и благосклонности вызывает скорее ее недовольство.

В отношении большинства птиц понятия «гнездо» и «дом» отнюдь не одно и то же. Дом, для того чтобы в нем спать, отсиживаться в ненастье или спасаться от врагов, нужен совсем немногим. А у каменки птенцы за несколько дней до того, как станут крылатыми птицами, с утра до вечера толкутся на небольшой площадке перед входом в гнездовое убежище, поджидая здесь родителей с кормом, присматриваясь к м№ ру. А чуть что, даже без команды, мгновенно, но без толкотни заюркивают в спасительный дом.

Родители кормят их тем же, что едят сами, насекомыми, которых ловят на земле и траве. Каменка с бугорка, как сторож, не только врага высматривает, но и всех, кто копошится внизу поблизости. За стрекозами, бабочками и летающими жуками не гоняется, но изредка подлавливает добычу и в воздухе, подпрыгивая вверх, Весной так охотится на танцующих комаров-толкупцов, которые, суля тепло, пляшут перед заходом солнца над сырой ветошью, летом — на неповоротливых крылатых самок черных муравьев, на комариков-звонцов.

Каменка — птица со смекалкой и даже с хитрецой и на обманы горазда. Смелость птицы сочетается с неусыпной осторожностью; она не хуже вороны мгновенно улавливает обращенное на нее внимание и настораживается до полной недоверчивости. Интересен один из врожденных приемов обмана наземных хищников — лисицы, например, или собаки, на который попадаются даже опытные охотники. Заметив на своем участке возможного врага, которого не выпроводить силой, самец старается привлечь его внимание к себе. Стоя на бугорке, куче мусора или ином возвышении, он словно бы стремится убедить хищника, что нервничает, что защитить гнездо и семью не может, но готов пожертвовать своей жизнью.

Когда хищнику остается преодолеть несколько последних метров, птица спрыгивает с бугорка, как бы прячась за ним. Зверь, если он действительно охотился, стремительно обегает бугорок, готовясь схватить наивную жертву, но там никого нет. Зато поодаль, на таком же бугорке, как бы дразня простака, стоит, вздергивая хвост, та же каменка. Спрыгнув со сторожевой кочки, она, цепляя кончиками крыльев травинки, бреющим полетом, невидная своему врагу перелетела на другое место, продолжая с него заманивать незадачливого охотника подальше от гнезда или птенцов.

Так что каменка вроде бы и соседка наша, и жизнь ее почти вся на виду, но пока вопросов о ней больше, чем правильных ответов на них.

Горихвостка-лысушка

В разгар весны не усмотреть за всеми событиями одного дня не только на лесной опушке или подсыхающем лугу, но и в маленьком скверике или на тихой окраинной улице. Весна — такое время, когда на все знакомое, десятки раз виденное каждый раз смотришь заново, восхищаясь, удивляясь и радуясь синим разливам подснежников, грачиной суматохе, птичьему пению... А многое ли остается в памяти? Чаще всего с этих весенних свиданий с природой мы уносим лишь общую картину, которая при следующей встрече стирается более интересной и свежей. И попробуйте хотя бы через неделю представить себе в немногих подробностях, что из увиденного оставило такое впечатление, которое долго не потускнеет. А чем запомнилась прошлая весна или какая-нибудь еще раньше?

У весны 1982 года нашелся такой подарок, которым она позволила полюбоваться всего несколько мгновений, но и этого оказалось достаточно, чтобы приходить на то место каждый следующий год в надежде, что посчастливится увидеть его еще раз. Как у грибников после какой-нибудь небывалой находки: каждую новую охоту наведываются они к заветному пеньку — а вдруг там снова вырастет такое же чудо. Но замечают только, как, дряхлея, рассыпается пень, а на том месте, где стоял гриб-великан, подрастает молодое деревце.

Тогда почти весь апрель был прохладным и не в меру дождливым. Лишь в самые последние его дни солнце стало вставать на ясном небосводе, и прямо на глазах окутались зеленой дымкой березы на улицах, развернув из каждой почки пару светлых листочков, еще не затравленных автомобильной гарью. Тонкие ветки нагнулись под тяжестью пестро-желтых сережек.

Ранним утром над еще не проснувшимися улицами висела чуть ли не первобытная тишина. Блестели залитые обильной росой железные крыши. От утренней свежести зябли кончики пальцев, и казалось, что если немедленно из-за домов не выглянет солнце, то последняя роса осядет на молоденьких травинках не капельками, а сверкающим инеем. Но вот первый луч коснулся макушки высокой березы, и в тот же миг оттуда прозвучала короткая и негромкая песенка горихвостки. Не в новинку все это: береза, горихвостка и ее нехитрая песенка. Но в то умытое утро не было у всей весны ничего более прекрасного, чем мимолетная, чарующая картина на безлюдной улице.

Солнце освещало ярко-оранжевую грудку певца. Его черные щеки и горло поблескивали, как блестит на свежем разломе березовый уголь. Белое пятнышко на лбу было бело, как вишневый лепесток. Сама береза, тонкая, белокорая, стройная, стояла, не трепеща ни листочком, и только самая верхняя ветка, на которой сидела птица, едва заметно вздрагивала в такт звукам короткой трели. Яркое трехцветье наряда, полупрозрачная зелень чуть приодевшегося дерева, мягкий свет солнца, голубизна чистого неба и приятный, ласковый напев оставили неизгладимое впечатление, хотя длилась эта встреча, наверное, меньше минуты.

Больше тот певец на глаза не попадался: его трели раздавались то в соседних садах, то на той же березе или тополях, но листва деревьев стала гуще и скрывала птиц даже крупнее горихвостки. Пел он и в ясную погоду, и в дождь, в полдень и ночью. Когда цвели яблони, ночная песня звучала чаще, когда осыпался цвет — стала раздаваться реже. Между дневным и ночным пением горихвостки разницы почти не было, только в темноте ее голос звучал немного приглушенно, как будто она опасалась разбудить кого-то из соседей.

Начало короткой песенки у всех самцов этого вида одинаково и звучит как простой и отчетливый мотив: мягко и нежно, с едва выраженной грустинкой высвистывает певец свое «иииифиль-филь-филь-филь». За ним следует столь же короткое колено, в котором иногда слышится лишь неразборчивое щебетание, а иногда — кусочек чужого напева: колокольчик синицы, замирающий свист лесного конька или вопрос чечевицы. У хороших певцов вторая часть песни может быть вчетверо длиннее первой. Хороший — значит опытный. Его не может превзойти ни один из самцов в первую весну своей жизни. Среди этого молодняка, впервые обзаводящегося собственными семьями, попадаются не только бедные нарядом, почти куроперые, но и такие, чья песня состоит только из четырехпятисложного родового вступления и малопонятного завершающего «чьиррь». У мастеров же сходство с голосами других птиц может быть настолько полным, что на обман поддаются сами обладатели заимствованных кусочков. Получается что-то вроде птичьего рондо с одинаковым припевом и разными запевами. В припеве чуть протяжное «иииии» звучит как затакт. Оно чуть выше следующей за ним трели и несет тот самый оттенок грустинки, который придает всей песне минорный строй.

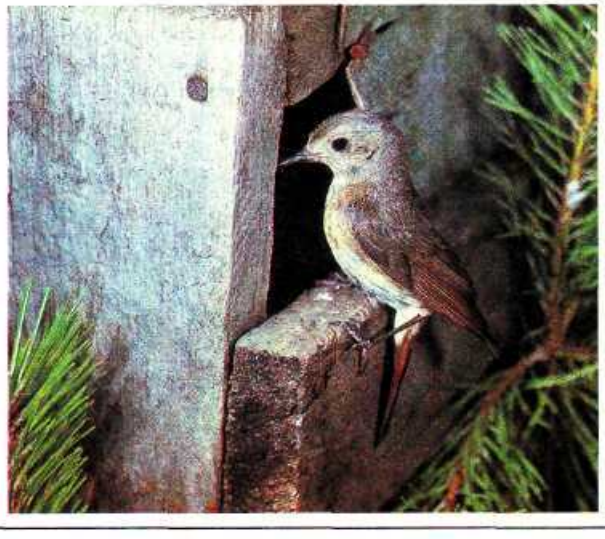
Эту горихвостку за белый лепесток на лбу самца называют лысушкой. Знакомство с ней у меня происходило в две встречи. Первая запомнилась при таких обстоятельствах: соседи ломали старый сарай и, когда разбирали крышу, обнаружили гнездо с шестью густо-голубыми

яичками. Они лежали, как шлифованные камешки бирюзы, посреди сухих травинок, листьев, шерсти и перьев, и эта подстилка казалась неподходящим местом для такой красоты, Гнездо положили в какой-то коробок, привязали его к веткам яблони, но только туда так никто и не заглянул.

Перепархивала неподалеку по веткам невзрачная птичка с ярко-рыжим хвостиком, который то и дело мелко дрожал, словно от сдерживаемой с трудом обиды. Присаживаясь на тонкую бельевую веревку, птица балансировала развернутым хвостом, как канатоходец веером, Знал я в те годы около двух десятков птиц из тех, которых можно встретить на каждой улице или которых держат в клетках, а эту рыжехвостку видел впервые. Никто не признал в ней хозяйку гнезда, потому что думали: такие красивые яйца должна нести очень красивая птица. А самца горихвостки я увидел много лет спустя, когда уже знал, как он должен выглядеть, как знал и то, что рыжехвостая птичка возле сломанного сарая была самкой, а в разоренном птичьем жилье лежали ее яйца.

Зная манеру горихвостки часто трясти опущенным хвостом, ее даже при мимолетной встрече невозможно спутать с другой птицей ее сложения и роста. Утренний сумрак может сделать неразличимыми и яркий наряд самца, и простенькое платье самки, но если в переплетении ветвей хотя бы на миг появится силуэт птицы с дрожащим, словно в ознобе, хвостом, можно не сомневаться, что это горихвостка. Дрожание хвоста при каждой смене места, при беспокойстве, при поимке добычи одинаково и у взрослых птиц, и у покинувших гнездо слетков. И цвет перьев, образующих хвост, одинаков у самца, самки и птенцов: за исключением средней пары, все они ярко-рыжие. За это и получила птица свое народное название. Этот цвет становится

Самец
Птенец
Самка



заметным у птенцов, едва они начинают оперяться: лежащих в тесном гнезде малышей проще пересчитать не по головам, а по рыженьким «бантикам». На второй неделе жизни маленькие горихвостки уже трясут этими «бантиками», как взрослые хвостами. Не качают, не машут, не вздергивают, а словно тщательно отряхивают от случайных пылинок.

Возвращение горихвосток с зимовок обычно совпадает с зеленением берез. Иногда первыми попадаются на глаза молчаливые самки, но чаще раньше их о своем прилете песнями заявляют самцы, и не днем, а, как правило, ночью, тихой и темной.

Место для гнезда присматривает самец, Неприхотливость горихвосток к месту превосходит воробьиную: была бы крыша над головой. А иногда годятся только стены без крыши. Была когда-то горихвостка лесной птицей, гнездившейся в дуплах стволов и пней, но, прижившись около человека и перестав предпочитать большой лес даже маленькому городу, стала гнездиться по неприметным и укромным щелям в дощатой обшивке и в каменных стенах зданий. В поленницах, штабелях, в почтовых ящиках находят ее гнезда. Выводили горихвостки птенцов в прогоревшей самоварной трубе, висевшей без дела под крышей сарая, в мятом узкогорлом кувшине, валявшемся на земле, в старом валенке, засунутом между кольями огородной изгороди на лесном кордоне.

Горихвостка охотно занимает разные искусственные гнезда. Развешивая в сосняках Усманского бора тыквы-травянки для привлечения синиц, мухоловок и горихвосток, зоологи вначале сочли случайностью, что в тыквах, которые опрокинулись набок, гнездились только горихвостки. Попробовали несколько тыкв прикрепить в таком положении специально: результат подтвердил, что такие гнезда нравились горихвосткам. Тогда стали сколачивать вместо дощатых синичников узкие ящички, открытые с одного торца. Прилаженные боком к стене дома или стволу дерева, они в первую же весну были заняты рыжехвостыми птицами. А главное, на них больше никто из птиц не претендовал, Проще стало готовить специально для горихвосток и дуплянки: не нужно было ни леток высверливать, ни крышу ладить.

Правда, бывают годы, когда самое добротное жилье, приготовленное для желанных новоселов, пустует, ибо горихвостке свойственно резко изменять свою численность на обширной территории. То ее минорные песенки слышны и в городских скверах, и в лесной глуши, то за весь сезон ни разу не пропоет даже бродячий холостяк-одиночка, и только в дни осеннего пролета мелькают по садам да опушкам, где стоят кусты черной бузины, рыжие хвостики. Но проходит несколько лет — и снова горихвостки обычны повсюду.

Самец находит убежище, а гнездо в нем сооружает самка. В первые дни строительства работа идет под присмотром хозяина. Но когда она приступает к насиживанию, его и вовсе редко увидишь поблизости. Забот у него в эти две недели немного: выпроводить с участка случайного чужака; если возле гнезда появится возможный враг, отвлечь его внимание на себя. Но как только в гнезде появляются птенцы, самец начинает носить им корм, проявляя при этом даже больше старания и заботы, чем мать. В эти дни у него только на рассвете, пока спят птенцы, выпадает несколько минут для пения. Кроме заботы о корме и территорию надо охранять, предупреждать, что она занята его семьей,

Слетков первого выводка обычно докармливает и опекает самец. Он и опасность от них отводит, и от дождя находит им сухое местечко, А самка в это время спешно строит в новом укрытии гнездо для вторых птенцов, но кладет в него уже на два-три яйца меньше. И еще две недели слух горожан ласкают приятные песни горихвосток, почти единственные в это время, которое приходится на макушку лета. А в июле смолкают и они, и птицы дают знать о себе только негромким «фью-ц-ц».

У городских горихвосток ни серьезных врагов, кроме кошек, ни конкурентов. В городе избавлены они и от «внимания» кукушки. А тем, которые в лесу или даже в пригородном парке неосмотрительно гнездятся в дуплах с широким входом, нередко приходится вместо своего выводка воспитывать кукушонка. Но и кукушка, подбрасывая яйцо в гнездо горихвостки, нередко попадает впросак. В вертикальных дуплах кукушонку некуда выбросить ни яйца, ни птенцов хозяев, и тогда он бывает обречен на голодную смерть, потому что ему достается поровну со всеми, а надо бы все одному.

Как ни заботливо относятся горихвостки-отцы к своим птенцам, расстаются они довольно быстро. Да и взрослые терпимы друг к другу только несколько недель совместной жизни. У них даже непродолжительные игры в те дни, когда заключается семейный союз, похожи на погоню: самец словно старается отогнать от гнездовья подальше ту, с которой помолвлен. И только негромкая, журчащая трель убеждает, что в этой погоне нет и намека на настоящую неприязнь. Когда обрываются семейные связи, в отношениях птиц появляется скорее беззлобная отчужденность, чем неприкрытая враждебность, И если осенью около одного куста черной бузины соберутся несколько горихвосток, они будут ощипывать ягоды только по очереди.

Камышница

На песчаном правобережье Северского Донца у слияния его с Доном раскидано множество маленьких, безымянных низинок. В одних вешняя вода держится до середины лета, в других — подольше, третьи высыхают до наступления степного зноя. Это уже не лужи, но еще и не озера: старинное казачье название им — озеречки. В мае на озеречках белой россыпью цветет водяной лютик, темно-зеленой непроглядной изгородью обступает их камыш, нередко забираются в них с песчаных берегов кустики ивы-краснотала. Вот в них-то часто строят гнезда болотные, или водяные, курочки, старинное название которых — чертовы куры, а книжное — камышницы.

На суше камышница действительно похожа на маленькую, ладную курочку, но вместо гребешка у нее на лбу, сливаясь с клювом, блестит ярко-алая лысинка-плешинка. Она одинаковая у самца и самки, да и все остальное в их наряде одинаково до мельчайших деталей. Темным и одноцветным кажется он издали, красивым и элегантным — вблизи: двухцветный клюв, как желто-красный цветок; меняющийся рисунок из белых полосочек на боках; кофейного цвета спина; зеленые, как летняя ряска, ноги с узенькой красной подвязкой над пяткой. Хвост птица хотя и держит торчком, но не складывает его, как настоящие куры. Маленькие птенцы черны с головы до кончиков когтей, клювы у них той же расцветки, что и у родителей, но с темным узеньким кольцом посредине. А уже летающие подростки, наоборот, не имеют ни перышка черного цвета.

На суше камышница выглядит как самая сухопутная птица, на воде чувствует себя так же уверенно, как любая водоплавающая. Не намокает ее перо ни под сильным дождем, ни во время многочасового плавания. На малых расстояниях она редко пользуется крыльями и преодолевает открытое пространство по воде вплавь, по суше пешком. С первых дней жизни легко и проворно плавают и ныряют ее птенцы. У таких пловцов ноги должны быть как весла — с широкими лопастями. Но на нежном прибрежном иле четко печатаются только тонкие, как стебельки болотной осоки, следы пальцев: три подлиннее — вперед, четвертый покороче — назад. С такой длиннопалой, без плавательных перепонок лапой удобно ходить по сплавинам, по зыбким местам, а камышница с ними и лазает по веткам и камышам, и плавает не хуже утки, а когда спешит, может бежать по воде, помогая себе крыльями.

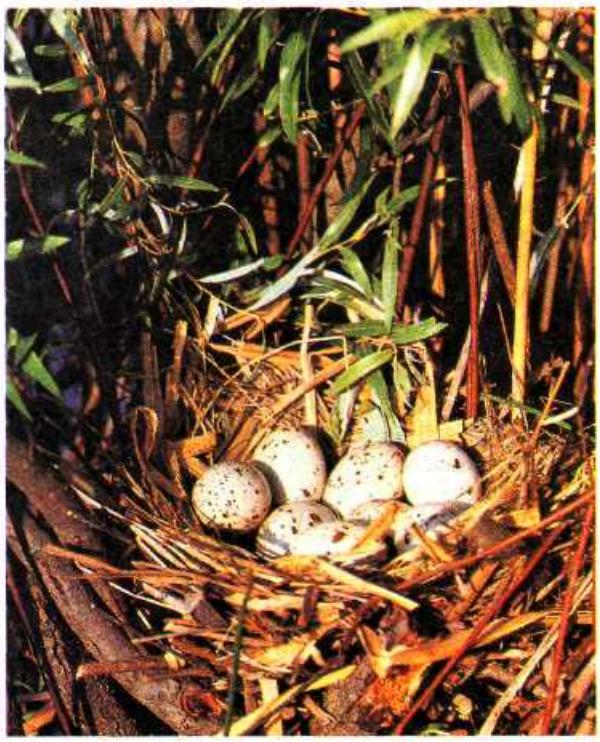
Камышница — птица из семейства пастушковых, одного из самых близких к настоящим журавлям, сходство с которыми проявляется не только в анатомическом строении и развитии, но и в межсемейном, родительском и птенцовом поведении. Но никто и никогда не видел их перелетных стай, нет у них и тех красивых брачных танцев, которыми знамениты журавли. Зато есть своеобразный боевой танец, который исполняется как обязательный ритуал при выяснении соседских территориальных отношений между гнездящимися парами. Границы между семейными участками охраняются очень строго, и обычно хозяин сам старается не нарушать их. Однако тем птицам, которые обосновались на озере или пруду первыми, приходится отстаивать гнездовые участки от вторжения запоздавших и стремящихся расширить свои владения за счет уже занятых и охраняемых.

Заметив друг друга в пограничной зоне, самцы без колебаний идут в нападение. Положив вытянутые шеи на воду, опустив хвосты и прижав поплотнее крылья, они, как могут, спешат навстречу друг другу. Сойдясь клюв в клюв, оба резко останавливаются, круто поднимают хвосты и головы, встопорщивают перо на шеях, мгновенно увеличиваясь в размерах чуть ли не вдвое, — пугают! Потом каждый поочередно делает на месте быстрый пируэт, демонстрируя черно-белый испод развернутого хвоста. Этот контрастный рисунок и острые кончики скрещенных над ним наподобие рожек крыльев делают «вид сзади» похожим на боевую, угрожающую маску.

После этой коротенькой церемонии оба противника сразу подпрыгивают, распахнув крылья, садятся на воду и, негромко вереща, царапают друг друга тонкопалыми лапами. Со стороны на их стычку интересно смотреть: она очень похожа на классическую дуэль. Правда, если на этой дуэли присутствуют «секунданты», самки соперников, то они вмешиваются в поединок, превращая его в драку без правил, и стараются окунуть противника в воду. Если тот ныряет — это чистая победа.

Побитый задира, стремясь сорвать досаду от бесславного поражения и не решаясь больше напасть на взрослых соседей, прибегает к низкой мести, тайком набрасываясь на их птенцов, когда те без взрослых.

Когда слабеет среди выводка дисциплина послушания и взрослые камышницы больше не стремятся поддерживать ее прежними мерами, птенцы начинают кормиться сами и довольно безбоязненно выплывают на открытую воду к границам семейного участка. Это не утята, чтобы кучкой держаться возле матери: самостоятельность приходит к ним очень рано. Казалось



На гнезде
Портрет
Гнездо

бы, что таких может подстерегать что угодно, но никак не нападение соседа-сородича. А тот только и ждет, чтобы соседские дети отплыли подальше от спасительных зарослей, и, наметив одного-двоих, крадучись плывет к ним, только спина чуть заметным бугорком выдается над водой. Птенец, конечно, видит его приближение, но спокойно склевывает ряску, улиточек, жучков, не проявляя беспокойства.

На последнем метре сосед не сдерживает распирающего его желания поскорее дать тычка малышу, который ростом вчетверо меньше его, и бросается с явным намерением ударить. Но никогда не успевает, так как птенец мигом исчезает под водой, успев, однако, пискнуть: «Спасите!» На этот сигнал сразу мчатся один или оба родителя, но нападавший с невинной личиной плывет себе мимо, птенца нигде не видно, и они дают «отбой», как после ложной тревоги. Когда все успокаивается, из-под лопушка или цветущего горца выныривает как ни в чем не бывало птенец.

Как ни странно, подобные вывихи в поведении бывают у семейных, но бездетных камышниц. У других видов обездоленные пары, лишенные хищником или стихией яиц, гнезда, выводка, нередко помогают кому-либо из соседей кормить их птенцов. Родители превосходно обходятся и сами, но помощь принимают и не гонят доброхотов со своих семейных территорий.

Когда же в середине лета хозяин линяет, становясь, на несколько дней «бескрылым», он старается не попадаться на глаза никому из взрослых соседей. Полетные перья у камышниц при линьке выпадают все вдруг, лишая их способности летать недели на три. В эту пору «бескрылый» самец выглядит меньше крылатого, и, хотя они отличаются друг от друга не силой, а количеством перьев, «бескрылый» при любом нападении соседа мгновенно исчезает под водой, не принимая вызова. Хорошо, что к этому времени молодняк уже довольно самостоятелен, охрану границ можно ослабить и укрыться для отсидки на небольшом камышовом пятачке...

Кладка из девяти-десяти яиц вполне нормальна для камышницы. Яйца крупные, и весь десяток весит столько же, сколько сама наседка, Птенцы из таких яиц вылупляются одетыми в густой пух и могут уже в день своего рождения уходить с гнезда на воду, но кормить каждого приходится самое малое неделю. Взрослые и на одной ряске могут прожить все лето, а пуховичков, чтобы окрепли поскорее, надо кормить не болотной травкой, а нежньп^животным кормом,

Если бы все птенцы вылуплялись в один день, то родители сразу же увели бы их на самое кормное место, облегчив себе доставку добычи и не оставляя ни одного из выводка без присмотра, Но природа выработала для этих птиц иной режим размножения и воспитания. Самке словно бы не терпится поскорее начать насиживание, и она начинает греть яйца, едва снеся половину их и добавляя к ним каждый день еще по одному, Поэтому четверо-пятеро близнецов появляются на свет вместе. Они могут еще денек-два посидеть под боком у матери, а отец будет приносить корм к гнезду. Но чаще бывает, что он уводит их раньше, беря целиком на свое попечение,

С близнецами ему управляться несложно, и нарушений дисциплины среди них не бывает. Но назавтра появляется шестой, на следующий день—седьмой. Отец забирает их. Потом—восьмого, девятого. С десятым может получиться небольшая задержка, и он в одиночку еще сутки управляется со всей девяткой, в которой уже нет прежнего послушания. Резкое и громкое «кьюррр», которое звучит как приказ «не выходить!», не позволяет птенцам покидать заросли, Но в какой-то момент один из старших, не удержавшись от желания поскорее получить свою или не свою порцию, самовольно выплывает навстречу отцу, спешащему к нему же с головастиком или улиткой в клюве. Отец отдает ему добычу и ждет, пока он с ней управится, а потом гонит его обратно, под те кусты, где сидят остальные.

Высидев последнего птенца, самка намного облегчает заботы самца, однако ритм движения обеих птиц за кормом и обратно остается напряженным. Но птичьи дети вообще растут и развиваются быстро, а у птенцов камышницы стремление к самостоятельности даже опережает рост. Едва достигнув недели, они уже сами поклевывают ряску, ловят каких-то козявок на берегу, куда их выводят родители. А когда сквозь черный пушок пробиваются кисточки первых перышек, птенец уже не просит корма — он плавает, где захочет, и у родителей остается лишь одна забота — соорудить в зарослях помостик наподобие гнезда, чтобы обеспечить выводок сухим местом для ночлега. А вскоре выстраивается и настоящее цреэдр — для второго выводка, в котором "будет вполовину меньше птенцов, чем в первом. \

Ушастая сова

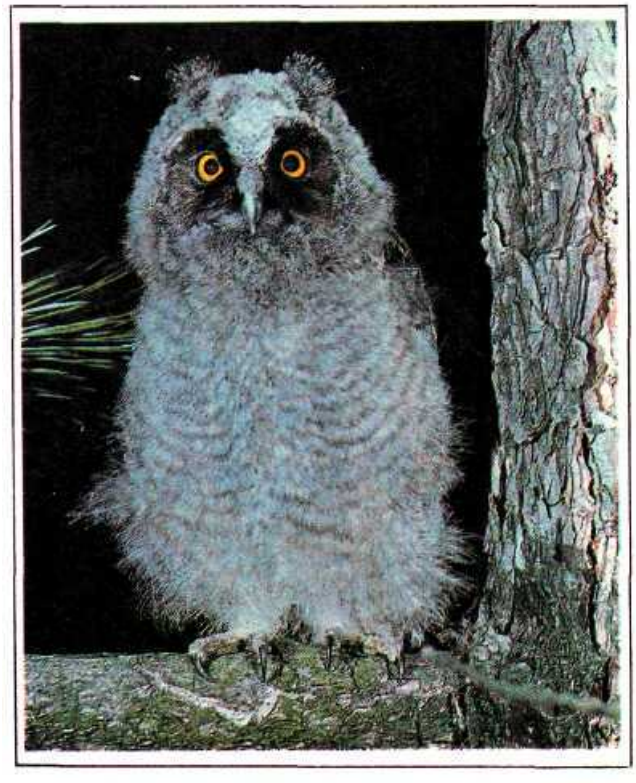
К середине мая чуть ли не до пояса поднялась густая рожь и, готовясь к цветению, подровняла один к одному легкие усатые колосья. Гонят днем степные ветры через то поле невысокие, сизоватые волны. Плавает над ними седоперый лунь, а повыше, где ветер посильнее, трепещет поднебесный певец — жаворонок. К вечеру успокаивается ветер, замирают колосья, и солнце, закатываясь за березовую лесополосу, окрашивает все поле в красный цвет. Словно плоским огнем, не дымя, полыхнет рожь до самого горизонта и начнет темнеть, теряя свои дневные краски.

Посвежело. Исчез куда-то лунь, еще выше поднялся с песней невидимый жаворонок, а от стены берез, едва не касаясь широкими крыльями концов колосьев, легко и неторопливо летит другая птица. Еще не сгустились как следует поздние сумерки, только раз ударил в лощине перепел, а в свой охотничий полет вылетел ночной хищник, ушастая сова. На пороге лета ночь мала даже соловью для песен и совсем коротка тому, кто пасется или охотится в темное время суток. За долгий день основательно проголодались сами родители, но еще сильнее проголодались птенцы, ради которых и приходится начинать охоту почти засветло.

Низко и медленно летит сова, слушая шорохи земли, потому что, где бы ни жили ушастые совы, в любой сезон они прежде всего охотники-мышеловы высшей квалификации. Они ловят мышей и полевок в густой высокой пшенице, в луговой отаве и по низенькой стерне, в опавшем листе, под рыхлой пеленой снега и на плывущем в половодье мусоре. Иногда совы вынуждены охотиться и на птиц — овсянок, чечеток, воробьев, но ловят их только в трудное время, когда почему-либо недоступной становится привычная добыча. Добычу выбирают по себе, чтобы можно было проглотить целиком (не в совиной это манере разрывать жертву на кусочки). Иногда голод может заставить ушастую сову напасть ночью на дневную птицу почти своего веса — сороку или сойку. Оторвав у сороки голову, сова проглатывает ее одним разом вместе с перьями и клювом и может оставить нетронутым все остальное.

Зажигается звезда за звездой, перепела уже бьют без передышки, как внезапно из густеющей темноты возникает длиннокрылый силуэт и тут же исчезает снова. Было какое-то движение воздуха, но не было звука полета, словно бесплотная тень пронеслась мимо, слившись через миг с породившим ее мраком. Лишь в долгие летние сумерки и в ясную ночь полнолуния можно полюбоваться и совиными воздушными играми, и поисковым полетом ночных хищников, и первыми охотничьими упражнениями слетков. Но будет ли летать над лужайкой одна птица или виться сразу десяток сов, до зрителя не донесется ни малейшего звука от взмахов широких и сильных крыльев, будто призраки, а не живые существа кружат над замершими кустами.

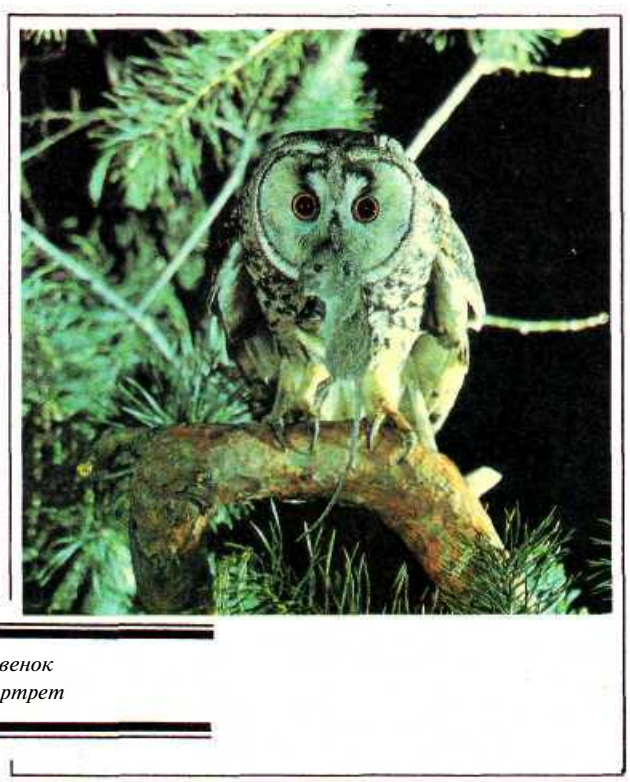
Передняя кромка самого крайнего полетного пера в крыле ушастой совы не острая (у других птиц похожая на лезвие), а как аккуратная гребеночка из двухсот с лишним коротких, чуть отогнутых ресничек. Верхняя сторона этого и следующих маховых перьев покрыта нежным, упругим, густым, коротким пушком. Такое крыло даже при резком взмахе рассекает воздух совершенно бесшумно, не настораживая добычу и не мешая сове искать ее на слух.



У любой дневной птицы и ночью дневной вид. Внешность совы с наступлением темноты преображается до неузнаваемости: «лицо» из вытянутого становится круглым, изменяется выражение глаз, словно бы пышнее делается оперение, иначе выглядит рисунок наряда, меняется даже посадка. Со светом дня приходит обратное превращение: торчком поднимаются «ушки», плотно прижимается перо, уже становится «лицо», гла-

за, как щелки. И сильно спавшая с тела, словно бы полубезногая сова столбиком затаивается на ветке у самого ствола. Не каждая сорока, увидев ее, опознает в такой фигуре живую птицу, своего врага.

Летом сове проще укрыться от постороннего взгляда. Зимой сосна выручает, ель, но в голом чернолесье все на виду. Однако есть в лесостепных дубравах такие деревья, которые сбрасывают до конца листву лишь весной. В мышиные годы эти дубы становятся для зимующих ушастых сов постоянным дневным пристанищем, где и от непогоды какая-то защита, а главное, общий тон совиного наряда настолько гармонирует с цветом жухлой листвы, что, сколько бы сов ни собралось на одном дереве, надо внимательно присмотреться, чтобы обнаружить хотя бы одну. А собирается их на дневной отдых в одном месте до полутора-двух десятков. Бывает, что только после снеготаяния обнаружишь зим-



Совенок
Портрет

нее совиное прибежище, найдя у подножия ствола целый холмик из плотно свалянных комков шерсти и мышиных костей. Вечером каждая птица улетала отсюда, а после охоты возвращалась на свою ветку.

В совином семействе нет гнездостроителей. Кое-кто прямо на голой земле насиживает яйца. Однако ушастая сова выводит потомство в гнездах на деревьях. Строит не сама, а занимает те, что сложены другими. Ее одинаково устраивает и новая, с хорошей крышей сорочья постройка, и старое воронье гнездо, и его остатки: лишь бы яйца из него не выкатились. И если в перелеске нет ни сорок, ни ворон, то негде там обосноваться и совиной паре. Бывает, что сова решается на захват нужного ей гнезда силой, изгоняя из него хозяйку, и в этом ей помогает ночь.

Снеся первое яйцо, сова уже не оставляет гнездо. Апрельские ночи еще с заморозками, да и белая скорлупа видна даже в самую темень, и днем в неодетом лесу птица только собой может прикрыть эту белизну от глаз сорок и ворон. Благополучие совиной семьи и ее численность целиком зависят от «урожая» главной добычи. И чем этот урожай выше, тем раньше загнездятся совы.

В 1956 году в Черноземье после долгой и морозной зимы в день появления первых проталин на ровных местах в гнезде ушастой совы уже лежало первое яйцо. Через две недели, еще до прилета первых соловьев и цветения черемухи, их было восемь, но весь выводок появился на свет за одиннадцать дней. Наверное, наседка только прячет под собой первые яйца, но не греет их как надо. Иначе бы разница в возрасте между первым и последним совенком тоже была бы двухнедельная, а это для короткого птичьего детства очень много. Да и при интервале в десять дней, когда каждый из двух первенцев мог уже проглотить принесенную мышь целиком, самый младший лежал в гнезде еще слепой. В зиму того года под метровым слоем снега на полях жило и плодилось несметное число серых полевок.

Пока на крыльях совят не выросли нормальные полетные перья, сидят они в гнезде, напоминая ком беловатого пуха с несколькими парами глаз. Постепенно исчезает разница в росте между старшими и младшими, выводок выравнивается, и вскоре все превращаются в неразличимых близнецов. Не из-за тесноты, а от стремления двигаться совята перебираются с обветшавшего помоста на ближние ветки, начиная время от времени махать подрастающими крыльями. Времени на сон уходит все меньше, все более частыми становятся дневные упражнения. А родителям в светлое время суток приходится уже не только присматривать за детьми, но и охотиться для них по очереди.

В этом возрасте у совят необыкновенно добродушный вид. Еще не выросли на голове тонкие ушки-рожки из перьев, и вместо них над глазами, как шишки, два коротеньких пучка пуха. И вся голова в пуху, мягком и нежном. В хвосте и крыльях уже настоящие перья, а на груди, на боках такой же полупух-полуперо. Головастый совенок в темноватой пуховой маске похож на простодушного гномика, заблудившегося в ночном лесу и не попавшего вовремя к своим, до-

мой. Не найдя ход под землю, сумел забраться на дерево, чтобы наверху отсидеться до вечера, и притих, нахлобучив парик-невидимку. Не птица сидит на ветке, а один парик. Под париком круто загнутый клюв и пара ярких глаз. Днем зрачок чуть больше просяного зерна, а глаз как желтый фонарь. Таким взглядом совенок уже может предупредить или припугнуть того, с кем не хочет заводить дневного знакомства. Привлекательной внешностью, спокойным поведением, забавными ужимками и доверчивостью совята вызывают неизменную симпатию и уверенность, что, став совами, они не будут способны на злые дела.

Став крылатыми птицами, совята в одну из ночей разлетаются от гнездового дерева кто куда, рассаживаясь вдоль опушки. И с тех мест, еще не погаснет заря, начинают просяще свистеть. Сипловатый, ритмичный свист звучит недолго: как только отец или мать отдают попрошайке свежую добычу, он смолкает. Проголодавшись, начинает свистеть снова, как звуковой маячок, чтобы не пронесли мимо. И в тот вечер, когда с поляны не раздастся ни единого свиста, последний совенок становится самостоятельным охотником.

Ушастая сова не может стать постоянным жителем больших городов: птенцов не выкормить. Но ранней весной, осенью и зимой она нередкая гостья городских кварталов. То ее вороны обнаружат на ветке липы или тополя, то спящие улицы всю ночь оглашаются весенним призывным гудением совина, то кто-нибудь из прохожих становится нечаянным свидетелем нападения совы на спящих воробьев прямо перед ярко освещенной витриной магазина.

А в полях, когда идет ночная пахота, летают они следом за тракторами. Эта охота приносит им больше добычи, чем обычный поиск в одиночку. Лемеха плугов выворачивают из земли мышиные гнезда вместе с их обитателями.

Все, что в семействе сов достойно похвалы, относится и к ушастой сове. Среди сов нет никого, кто заслужил бы хотя бы малого упрека даже с позиции человеческой морали. Супружескую верность сов можно ставить в один ряд с лебединой. Совы очень отзывчивы на ласку друг друга. Защищая птенцов, они бесстрашны перед любым врагом. Не коварны и не злы. Чужого им не надо: посторонних одиночек прогоняют с семейной территории, но сами границ не нарушают и не дают спровоцировать себя на это.

и все представление о соловье.

Так и с иволгой, чей голос, как свист флейты-невидимки. В дни майского цветения, в пору солнцеворота или июльского зноя в заповедной ли дубраве, в реденьком придорожном березняке, на старом ли кладбище или в людном городском саду можно каждодневно наслаждаться певучими руладами и ни разу не увидеть саму птицу, словно бы и на самом деле «где-то плачет иволга, схоронясь в дупло». Громкий, но без неприятной резкости и разбойного оттенка, переливчатый свист в зависимости от настроения слушателя может и вдохновлять, и звать, и успокаивать, и, как настоящий плач, навевать неясную грусть, но не тревогу, не беспокойство. Считается тот свист за красоту и звучность, как и у других певчих птиц, песней семейного самца. Вот только не вяжется это представление с порядком птичьей жизни: свистят иволги и там, где не собираются гнездиться, и тогда, когда никакой надобности в пении нет.

Первое и неясное подозрение, что свист не песня, возникло у меня задолго до подробного знакомства с семейным укладом иволг.

В заросшем и запущенном монастырском саду стояла могучая, под стать старым дубам из соседнего леса, груша. Какой-то старинный сорт, необыкновенно ранний, сладкий и сочный. Немеряного урожая хватало всем желающим — и людям, и птицам. Первые спелые груши доставались не нам, а дроздам, скворцам и иволгам, знавшим это дерево издавна. Иволги прилетели раньше всех и свистели в густой листве до вечерней зари, словно ансамбль флейтистов перед репетицией: готовились весь день, а сыграться так и не могли, потому что одни улетали, другие прилетали, когда хотели, а дирижера не было.

Но внимательный наблюдатель, приглядевшись, обнаружил бы, что одновременно на дереве находилось пять-шесть самок и всего-навсего один самец. И могло бы ему показаться, что мечется он по веткам, как незадачливый хозяин гарема, пытаясь уговорами удержать от самовольства непослушных жен. Однако и не очень наблюдательный знаток птичьей жизни должен был бы усомниться в этом хотя бы потому, что

время песен уже прошло, и убедиться, что иволги прилетали лакомиться грушами, а не выяснять семейные отношения.

Но подозрение это было забыто и воскресло лишь много лет спустя, в июле 1984 года, когда на улице большого города свободная самка-иволга прилюдно доказала, что умеет свистеть не хуже самца и что в ее племени свист никоим образом не весенняя песня, а «разговор» совсем иного содержания. И доказала это в многодневной «схватке» со своим бестелесным двойником в оконном стекле, увидев в нем собственное отражение, когда, стараясь не упустить толстую бабочку, спрыгнула с дерева на балконные перила.

Ни одной из лесных иволг никогда в жизни не увидеть свой образ в натуральную величину со стороны. Разве только в дождевой капельке на кончике листа может явиться ей золотистая птица-искорка. Но это надо самому быть меньше капельки, чтобы заметить в ней знакомый облик. А иволга-горожанка два полных месяца живет в мире тысячи зеркал, каждое из которых может в любой нечаянный момент показать ей незваную гостью, в которой она ни за что не узнает себя. Ее не обескуражит немота нахальной соперницы, ведь многие, кто тайком проникает в чужие владения, делают это молчком и даже в стычке не подают голоса ни для устрашения, ни для собственной храбрости.

Не успев ухватить оброненную добычу, иволга на мгновение замерла в изумлении: против нее стояла другая самка, не проявляя ни страха, ни покорности, ни растерянности.

Крикнув по-кошачьи, настоящая птица прицепилась к планке переплета рамы, развернув по стеклу двухцветный хвост, и засвистела прямо в «лицо» призрачному двойнику. Да как! Переливаясь на несколько ладов, птичий свист заглушил все звуки двора и улицы. Возле дома стали собираться любопытные, а иволга, словно не видя их, свистела и свистела, не отлетая от стекла. Она не лезла в драку, и ее «флейта» как бы одновременно выражала и просьбу, и возмущение, но в очень вежливой форме: настолько красивы были звуки, вылетавшие из острого клюва. А когда хозяйка квартиры, неверно поняв действие птицы, распахнула обе створки балконной двери, иволга отлетела в сторону и тут же бросилась на подоконник соседнего окна, увидев и в нем ту же настырную самку.

А самец и близко не подлетал, мяукая и посвистывая в тополях, нося корм птенцам. Это его заслуга, что они не голодали последние дни сидения в гнезде, пока мать «сражалась» с соперницей из Зазеркалья. Она видела человека в комнате, но, наверное, воспринимала его как призрак, не пугаясь его фигуры и движений. И скорее всего не ярость и возмущение сделали птицу безрассудно смелой. Иволги, подобно жителям неба, стрижам, воспринимают человека как существо, ходящее по земле и поэтому не опасное на их этаже жизни. Возможно, что в этом отношении кроется объяснение того спокойствия, с которым поющий самец позволяет смотреть на себя с близкого расстояния. А издали его и не расслышишь: настолько тихо нескладное и неразборчивое щебетание, в котором, если не мешают ветер и другие птицы, можно уловить и чужие голоса.

Так что флейтовый свист — не песня, а целый набор сигналов, которыми смолоду пользуются все. Только у слетков, пока не установится голос, чистые звуки не высвистываются, а получаются малость шепелявыми. Попытки подражать этому свисту удаются плохо: переливы вроде бы выходят, а громкости не хватает. Зато у тирольцев издавна сложился стиль народного пения, который можно назвать стилем иволги, когда люди своим голосом поют на птичьем языке.

А еще есть у этой птицы крик, за который ее называют лесной кошкой. Он действительно весьма неблагозвучен и по интонации похож на вопль раздраженного кота, хотя иволга издает его воисе не для выражения дурного настроения или угрозы кому-либо.

Ареалы многих птиц совпадают с ареалами тех видов растений, семенами или плодами и даже листьями которых эти птицы кормятся сами или выкармливают ими птенцов. Гнездовой ареал иволги почти целиком лежит внутри ареала мелколистной липы, распространенной в Средиземноморье, Европе, Малой Азии, Иране и Западной Сибири. Не совпадают лишь северные границы: иволга не долетает до высокоширотных мест произрастания этого дерева. А в Казахстане, наоборот, гнездится там, куда липа не доходит. Но нигде липа не кормит иволгу ни своим урожаем, ни насекомыми, живущими ее листвой. Это лубяная порода, дающая лучшее лыко, которое необходимо птице-корзинщице для изготовления рогожной основы висячего гнезда-кошелочки. Таким образом, дерево изначально определило, где гнездиться птице, которая уже потом разобралась, что для строительства годится вязовое, яблоневое и другое мочало. И если вы когда-нибудь захотите помочь иволгам, повесьте на ветку пучок мочала или распущенную малярную кисть, которыми белят печи и деревья в садах. Птицы найдут ее обязательно, и подарок этот намного сократит им время изготовления легкой плетушки, которую они устелят изнутри травинками, корешками, берестой, перьями и прочей ветошью. В городе вместо лыка частенько идут обрывки бумажного шпагата, пакля, а вместо бересты и перьев — автобусные билеты. Работу по плетению птицы начинают в два клюва, потому что в одиночку, наверное, невозможно связать развилку ветки,

чтобы получилась основа вроде маленького гамака. А уже потом самец и самка работают кому как удобнее.

Гнездо прячут очень умело. Аккуратная корзиночка всегда пристроена в тонкой развилке, но, как бы ветер ни тряс дерево, как бы ни гнул, ни трепал ветку, яйца из той корзиночки не выкатятся, потому что по внутреннему ее краю сделан сплошной валик.

Прилаживая плетеную колыбельку на тонкой ветке, иволги обеспечивают ей какую-то недосягаемость. Но от кого? Толщина и прочность живой ветки выдержит тяжесть куницы, не говоря уже о таких разорителях гнезд, как белка и соня. А от пернатых грабителей это и вовсе не спасение. Но видимо, иволги и не рассчитывают на то, что у врага не хватит решительности подобраться к гнезду по шаткой опоре, и сами с отчаянной смелостью нападают на всех, кто даже не намеренно, а случайно окажется неподалеку от гнезда. Они решительно бросаются на сороку, не робеют перед тетеревятником, не доверяют и довольно миролюбивому грачу, гоня его тычками прочь; ворон их побаивается,

В Хреновском бору я видел, как пара иволг гнала через большую поляну серую ворону. Та по незнанию присела на крайнее дерево да еще каркнула, будто домой прилетела. Иволги бросились к врагу с такой яростью, что ворона с заполошным криком бреющим полетом еле-еле успела скрыться в чаще соснового молодняка и еще там орала, позабыв о достоинстве. И обратно, к реке, полетела не прямиком, а стороной, сделав огромный крюк. А ведь птица не из трусливых и не из слабых, она в одиночку может разграбить гнездо соек на глазах у хозяев,

Иволга разыскивает в кронах берез, дубов, ив и тополей гусениц-невидимок, зеленых и зеленоватых, коричневых и пестрых, гладких гусениц бражников, пядениц, хохлаток, листоверток и

Самка кормит птенцов
Самец с птенцами

совок, личинок пилильщиков, набитых пережеванной листвой. Годятся и мохнатые гусеницы шелкопрядов и златогузок, но это уже во вторую очередь. Кажется, и сама не прочь заглянуть в чужое гнездо, за что недолюбливают ее соседи ростом поменьше. На сочном корме ни птенцы, ни взрослые не испытывают жажды. И семья иволг может в самое засушливое лето безвылетно прожить в лесу, где ни родничка, а после проливных дождей не бывает луж. Несколько капель утренней росы, несколько дождевых капель с листьев достаточно, чтобы не пить целый день. А с середины лета начинается лесная ягода — бузина, ирга, черемуха, малина, земляника, до которой иволги охочи не меньше дроздов и которую они сами насеяли по всем лесам немало. По садам вишню обрывают, грушу клюют, шелковицу любят и ранний виноград.

Птенцы, пока сидят в гнезде, словно бы безголосы: даже проголодавшись, сидят тихо-тихо, Но, покинув колыбель, становятся, наоборот, довольно крикливыми, то и дело издавая громкое троекратное «хихиканье», которым каждый дает знать родителям, где он. Это «хихиканье» слышно буквально в любом уголке семейной территории и звучит как маячный сигнал, без которого не отыскать затаившегося иволжонка. В его наряде от всей яркости наряда взрослой птицы только коротенький пучок желтых перышек там, где вырастет хвост. Остальное оперение, как шапка-невидимка, скрывающая слетка даже от наметанного глаза. В кронах листопадных деревьев в середине лета уже есть поблекшие и пожелтевшие от июльской жары листья, и затаившийся короткохвостый слеток сам, словно жухлый лист, повисший на веточке, настолько совершенна его маскировка. При близкой опасности взрослая птица подает тревожный приказ, и птенец смолкает, как бы голоден ни был. Да и сам он, заметив неподалеку постороннее движение, перестает «хихикать» и сидит, как оцепеневший. Пока все были в гнезде, мать даже ночевала рядом, оберегая их. Теперь же вся семья проводит ночь порознь. Так надежнее.

Последний крик иволги звучит в августовском лесу в последний день ее пребывания на родине, и если назавтра, какой бы ни была погода, вы не услышите знакомого свиста, значит, ночью улетели птицы-флейты. Птичьих голосов в эту пору так мало, что не услышать звучных переливов просто невозможно. Узнать бы, а свистят ли они в Африке?

Черная крачка

У же до полудня повисает над широкой донской поймой медово-цветочный дух, а красноперые чечевицы чуть ли не с рассвета высвистывают с обоих берегов один и тот же вопрос: «Сено косить будем?» Но пока и для пробы не вжикала коса по цветущему разнотравью, пока спокойна и безмятежна жизнь травяного царства, и зелено-пестрыми коврами без узора стелются заливные луга, по которым разбросаны озера староречья. Одни глубоки и чисты. Другие уже заросли по краям одолень-травой, белой кувшинкой. Есть и такие, словно аккуратно подстриженные газоны или парковые лужайки. Это самые старые и обмелевшие. На них густо и плотно, лист к листу, растет на плаву колючий телорез. Свободной воды нет, и никому по такой лужайке не пройти, не проплыть. Но черным крачкам, которые колониями часто и охотно гнездятся на таких полуболотах-полуозерах, лучших мест искать не надо. Здесь птичья община почти в полной безопасности, по крайней мере от тех врагов, которые не могут летать.

Колючая трава прекрасно держит и самих птиц, и их гнезда с птенцами и яйцами. К тому же гнезда черных крачек плавучи и сами по себе, ибо сложены из нетонущего материала, собранного и надерганного тут же. Маленькие травяные плотики без всякой дополнительной поддержки снизу выдерживают тяжесть птичьей семьи. Да и тяжесть ли это, коль взрослая крачка весит меньше скворца, а с добавлением веса трех ее яиц набираются неполные сто граммов? Выглядит же эта птица значительно крупнее скворца, но лишь за счет своих крыльев, которые чуть ли не вдвое длиннее скворчиных.

Когда крачка лежит или стоит, такие крылья кажутся немного великоватыми для ее роста, и будто сложить их на спине как следует никак не удается. Но как только птица взлетает, это впечатление исчезает мгновенно. Узкие острые крылья делают каждый маневр ее полета необыкновенно изящным. Одним взмахом крачка может разогнаться до предельной скорости и тут же погасить ее, остановившись в воздухе, чтобы пикой упасть в воду, а вторым взмахом — подняться на прежнюю высоту. Может с лёта взять с воды крошечного комарика и не оставить на ее глади ни малейшего следа, снять с кончика травинки тоненькую стрекозу-стрелку и не качнуть при этом саму травинку. Может без погони и промаха поймать в воздухе стремительного, как пуля, слепня и схватить с качающегося колоса хлебного жука-кузьку. В крейсерском полете каждый взмах проносит птицу метров на десять вперед. И полет этот одинаково уверен и скор при сильном ветре и в штиль, при свете дня и ночью.

Черное перо — весенний наряд птицы, в котором крачка возвращается с зимовки. Чернота взрослых самцов может быть сравнима с цветом березового угля. И когда безлунной апрельской ночью в кромешной темноте река различима только мерцанием звезд в ее бездонной глубине, голоса пролетных крачек воспринимаются как предупреждение своим, чтобы не отставали, чтобы держались вместе в черном пространстве. Этот строгий, почти траурный наряд птицы носят до середины лета, а когда подступает солнцеворот, будто начинают седеть одна за другой. Сначала появляется неясная белизна у клюва, потом быстро белеет голова, и на ней остается плоская темная шапочка с короткими ушками.

На гнезде

Ничего особенного не происходит: заканчивая кормить на гнездах птенцов, птицы начинают менять оперение. Обыкновенная линька. Удивительно другое: сменяя брачный наряд на зимний, родители становятся похожими на своих еще не поднявшихся на крыло детей, когда, казалось бы, должно происходить обратное. Так что, когда на закате лета встретишь у степного прудика или на берегу большой реки стайку крачек, не скажешь уверенно, взрослые это птицы или свободный от их опеки, вольный молодняк.

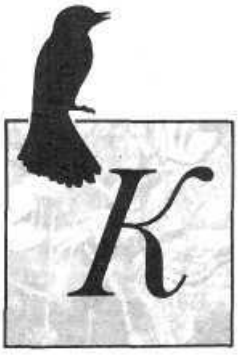
Черную крачку и еще два сходных по облику и образу жизни вида крачек зоологи называют болотными. Все они — жители тихих вод. И колонии черных крачек оседают на гнездовье по заросшим и зарастающим прудам и озерам, по ильменям и лиманам, по затонам и плесам маленьких речек с медленным течением. Их яйца не боятся воды и лежат на постоянно сыром помосте. Настолько сыром, что нередко под яйцами, как в лучшем комарином инкубаторе, согретые теплом насиживающей птицы, растут личинки комаров-звонцов. Поэтому и птенцы рождаются чуть ли не в воде и, пока не станут крылатыми птицами, относятся к ней, как к родной стихии.

Едва обсохнув и став первый раз на ноги, пуховички по тревожной команде взрослых не затаиваются на открытых гнездах, а ищут спасения на воде. Пушистые шарики без колебаний сходят с маленького плотика, проворно отплывают в сторонку и, не полагаясь на защитную окраску своего наряда, прячутся под ближайшими травинками, которые прикрывают малышей от нападения сверху. (А снизу, кроме лягушек, в таких местах нападать и некому.) Улягжется волнение, вызванное вторжением луня или вороны, успокоится колония, и птенцы, не слыша больше сигналов тревоги, вплавь возвращаются на гнезда. Пока все спокойно, лежат, прижавшись друг к другу, одним комочком пестрого пуха, прищурив маленькие глазки, чтобы не блестели на солнце. Бывает, что ранняя засуха обнажает дно под гнездами крачек, и тогда птенцы, чтобы спрятаться, уходят с них пешком. Походка у них легкая, хотя и неуверенная. Так что и ходить, и плавать они могут.

А вот взрослую птицу ни на плаву, ни ходящей по ровному, укатанному волной песочку видеть не приходилось. Она либо летает, либо стоит на берегу, на кочке, на торчащем из воды столбике или коряжке. Когда появится желание искупаться, осторожно и робко поплещется на самой мели, как трясогузка или варакушка, Похоже, что с возрастом появляется у нее какая-то необъяснимая боязнь глубокой воды. Появляется, конечно, не сразу, ибо молодняк, уже овладевший искусством полета, купается где угодно, Юная крачка смело падает с лёта на середину озерного плеса и, была не была, лихо откинув по-утиному голову к спине, бьет по воде немного расставленными крыльями, окатывая себя крупными брызгами, но не окунаясь. Но перо у нее не намокает, и с воды купальщица поднимается легко, в один взмах.

Кормят черных крачек не только родное болото, река и луг. Летают они на ближние и дальние поля, когда начинает наливаться хлебный колос и на незрелое зерно наседают шестиногие враги урожая. Не ведая усталости, реют они над бегущими желтоватыми волнами, словно на выбор снимая с колосьев жуков. Когда на песках вылетает мелкий летний хрущ, спешат всей колонией туда. Вечерами охотятся на комаров-звонцов, огромные сверхстаи которых, словно темные, нерасплывающиеся дымы, поднимаются над куртинами ивняков, над высокими деревьями, над маленькими островками. Под однотонный звон колышется в непонятном танце комариная стая и вьются в звенящих облаках стремительные крачки. Из воды вылавливают тех, кто плавает поверху, кого можно взять клювом, не ныряя: мелких головастиков, разных плавунцов, клопов-гладышей, подбирают полусонных мальков, которым уже не суждено стать взрослыми рыбами. Но чтобы специально и серьезно охотиться на рыбешку, этого у них ни-ни.

Слетки быстро расстаются с родителями. В большие стаи не собираются, но и в одиночку не держатся. Кочуют по большим рекам, по их притокам, словно разведчики, приглядывая место, где можно будет поселиться самим, если придется оставить родную колонию. Вынырнут на бреющем полете из перегретого степного марева, пронесутся над водой, глядя на свои отражения, поплещутся наспех в теплой воде и опять унесутся в горячую даль.



Серая мухоловка

Когда в первые дни лета по улицам летит назойливый тополевый пух, единственное место, где от него можно найти какое-то спасение, — густая липовая аллея в городском сквере. Мягкая, свежая листва готовящихся к цветению лип гасит рев автобусов, съедает сизый дым их выхлопов, и ветер проносит сквозь нее только мелкие пушинки. Но если бы не было этого пуха, наверное, не обратил бы я внимания на кусок бечевки, свисающий из толстой развилки прямо над дорожкой. Раскачивает ветер обрывочек ветхой веревочки, облепленный тополевой метелью, а там, откуда он свисает, птичье гнездо. Неряшливое, из сухих травинок, ниток, клочков ваты, двух автобусных билетов и этого самого обрывочка.

Не сразу можно заметить, что торчит из этой кучки ветоши серый птичий хвостик, а с другой стороны — серая головка с острым черным клювиком. Кажется, птица, поймав на себе взгляд, затаилась, замерла, не дыша и боясь даже моргнуть. Но через минуту вдруг закопошилась, словно ей неудобно сидеть на мягкой постели, сменила позу и застыла снова. Гнездо построено невысоко: привстав на цыпочки, можно дотронуться до кончика бечевки. По дорожке за день проходят тысячи людей, но мухоловке это не доставляет беспокойства. А копошится она, переворачивая под собой яйца.

Самая обычная и самая незаметная птица наших городов, сел и лесов — серая мухоловка. Самая невзрачная она из наших певчих птиц: вся серенькая — сверху потемнее, снизу посветлее. И весеннюю песню ее песней не назовешь: так, писк или цыканье какое-то негромкое и неразборчивое. Но слышен этот писк, как и многие тихие голоса природы, довольно далеко, даже сквозь шум осиновой листвы под ветром или звуки самой оживленной улицы. Пением мухоловке, может быть, только дубонос уступит. Но у того наряд какой! У мухоловок же обе птицы в паре одеты перо в перо одинаково.

Но при широкой и давней известности серой мухоловки она во многом остается для нас птицей-загадкой. Да, это не певец. И если с того места, где сидит мухоловка, услышать после ее поскрипывания и попискивания простенькую мелодию из приятных звуков, можно скорее подумать о присутствии рядом с ней еще какой-то птицы, чем поверить в то, что поет она же. Возможно, есть в ее племени особо одаренные пересмешники, которые заимствуют чужие песни. Профессор А. С. Мальчевский, записавший известную пластинку «Говорящие птицы», рассказывал, что у ленинградских юннатов была серая мухоловка, которая отчетливо произносила: «Солдат, пора спать». А может быть, способность к приятному пению появляется у мухоловки только с возрастом, до которого доживают далеко не все.

Песню лесных мухоловок, живущих в богатом певческом окружении, можно принять за песню других птиц — зарянки, горихвостки, славки. У городских же часто не бывает иных соседей, кроме воробьев, поэтому иногда лишь раз в несколько лет удается услышать от этих мухоловок приятную песенку. Есть в ее строе и звучании что-то похожее на пение зарянки, и так же гармонирует она с печально-задумчивым выражением черных глаз. И поет ее птица явно для себя, для своего удовольствия.

В гнезде грела яйца самка, а самец с утра до вечера патрулировал небольшой сквер. Здесь еще могли появиться другие мухоловки, и надо было их предупредить или прогнать, не дав завладеть даже небольшой частью семейного участка. Он безразлично относился к жившей рядом паре зябликов, к пересмешникам и зеленушкам, терпимо — к воробьям, шарившим вокруг его гнезда. Но если бы залетела сюда другая мухоловка, была бы драка.

Летом 1957 года я нашел в лесу трухлявый остаток осинового ствола, на обломленном торце которого серые мухоловки сделали гнездо. А чуть ниже, в дупле, выдолбленном малым пестрым дятлом, вертишейка выкармливала одиннадцать своих птенцов. Всякий раз, когда она подлетала к дуплу с клювом, полным муравьиных яиц, мухоловка приподнималась на гнезде и щелкала ей навстречу клювом. Выглядело это настолько беззлобно, что казалось соседским птичьим приветствием. Самец же не обращал на вертишеек никакого внимания.

Пока в аллее держится утренняя свежесть, наседка сидит на гнезде довольно крепко. Но есть ей, наверное, в это время хочется сильно. Самец догадывается об этом, однако, вместо того чтобы сменить ее хотя бы на полчаса, приносит ей за эти полчаса единственную мушку. Тогда она, выпорхнув ему навстречу, принимает угощение и тут же возвращается на гнездо, чтобы прохлада не коснулась яиц. Самец исчезает снова. Быстро теплеет, и самка на две минуты оставляет гнездо для скорой охоты поблизости. В хорошую, теплую погоду она может и на солнышке посидеть, перо почистить и перебрать тщательно.

Хотя гнездо строят вместе, право выбрать для него место принадлежит самке. На гнездовом участке первым появляется самец. Прилетающая вслед за ним самка ведет себя с первого дня столь деловито, что кажется, будто о всех дета-

лях семейной жизни пара договорилась еще там, на африканской зимовке, но хозяйка лишь немного замешкалась в дороге, целиком полагаясь на заботливость супруга, который должен присмотреть несколько удобных мест, чтобы она, не теряя времени, могла выбрать лучшее, Серые мухоловки прилетают поздно, улетают рано, и надо спешить.

Скорее всего первая встреча происходит на том участке, который занял самец, и сразу же начинается осмотр подходящих уголков. Самец и самка перелетают с карниза на карниз, с дерева на дерево, осматривают балконы, номерные фонари домов, заглядывают за наличники и под крыши. На каждом месте самец, тихонько цыкая, как бы показывает, неловко переступая рядом: вот что я тут без тебя присмотрел, давай здесь и построимся. Но ей, видимо, надо осмотреть все, чтобы облюбовать лучшее, и поэтому ее разборчивость не кажется капризной привередливостью. А если присмотреться к действиям птиц, то кажется, что самец лишь следует за самкой и все решает она.

Если бы все пять яиц, которые лежали под мухоловкой, были снесены птицей в один час и одновременно через полторы недели насиживания в гнезде появились птенцы, и тогда бы через несколько дней между близнецами наметилась разница в развитии. Но яйца были снесены за пять дней, а четыре птенца вылупились из них часов за пятнадцать (под скорлупой пятого не было жизни). И получилось так, что, когда двое из этой четверки уже могли понемногу летать, два других только расправляли коротенькие крылышки, приподнимаясь над растоптанным гнездом, и тут же ложились снова. Пока стояло вёдро и ладилось с охотой, каждый в гнезде получал сколько просил. Но вот после многочасовой грозы тучи так и не ушли с неба. Похолодало, зачастили дожди. И в один из пасмурных и

Черная бузина
Семья
Слеток

сырых дней, когда мухи отсиживались в щелях и под листьями, в маленькой семье создалась конфликтная ситуация.

Сверху птичье жилище было защищено толстыми ветками, и капли дождя в него не попадали, но мелких брызг от листьев отскакивало достаточно, и от них намокали спинки птенцов. Те, что были покрупнее, то и дело отряхивались, а малыши, словно покорившись судьбе, лежали, прижавшись друг к другу, и молча мокли.

Став у ствола соседнего дерева, я оказался свидетелем того, что никак нельзя назвать инстинктивным поведением. Мухоловка-отец и мухоловка-мать быстро поняли, что в первую очередь надо спасать намокших и озябших малышей, и стали отдавать корм только им. Однако есть хотели все, и оба больших тоже раскрывали рты навстречу подлетавшим с кормом родителям. И тогда мать выманила их из гнезда, чтобы не мешали. Поймав крупную муху, она, держа добычу в клюве, села на сухую ветку метрах в пяти от гнезда и стала подзывать птенцов эдаким «сии-ц-ц, сии-ц-ц». Конечно же оба уже умевших летать сразу перепорхнули к ней, голодные, а те двое так и остались лежать в гнезде, вызывая своим видом сочувствие не только у меня, но и, наверное, у соседа-зяблика. Мать мгновенно метнулась к ним и с лета сунула муху одному из них. Потом их покормил отец, потом еще несколько раз оба.

И вот тогда двое обманутых подростков, негодующе и недоумевающе пища, один за другим вернулись в гнездо и сели в нем так, что, если бы родители не видели разницы в детях, все доставалось бы только этим. Но мать снова тем же приемом отозвала их в сторонку. Получалось, что мухоловка даже в собственном гнезде кормит не каждый открытый рот, как бы голоден он ни был. Она знает, кому корм нужнее, когда его маловато.

Уловка с мухой повторялась и удавалась еще несколько раз, а потом ни тот, ни другой из подростков, основательно проголодавшись, больше не внимали обманчивым призывам матери и стойко сидели рядом с гнездом, то и дело повторяя то в унисон, то вразнобой просящее «цзси, цзси, цзси...». Мать не отгоняла их силой. Она повисала в воздухе с мухой в клюве перед одним, перед другим птенцом. Они же широко раскрывали рты, но с места не двигались.

Отец поступал проще: он подставлял им плечо и, нагнувшись к гнезду, кормил одного из малышей. Тогда старшие залезли в гнездо и улеглись в нем поплотнее, надеясь обмануть отца, Только этот трюк не помог им, отец словно и не видел их, а мать совсем перестала подлетать к развилке и попискивала издали, пока в гнезде снова не остались только маленькие.

Потеряв всякую надежду получить корм, старшие уселись на спины братьям и — ни с места. Казалось, что родители ничего больше не смогут придумать нового и поэтому на несколько минут прекратили охоту. И тогда один из них сам поймал свою первую добычу. Но это могло и показаться, потому что сделал это он совсем не по-мухоловски: вспорхнул, прицепился к коре ствола, неловко ткнул в нее клювом и тут же вернулся обратно,

На следующий день дождя не было, но и погоды тоже, а события около гнезда мухоловок были еще интереснее. Гнездо было пусто. Хватило всего суток, чтобы и самый маленький сумел перепорхнуть на соседнюю липу, с нее — на третье дерево. Там он и сидел молчком на сухой веточке, а мать беспрерывно носила ему корм. Второй малыш оказался на попечении отца совсем в другой стороне. А двое, кому накануне был сделан ясный намек, чтобы охотились сами, так и делали, но опять-таки не по-мухоловски. Они скакали в подстриженном газоне, спотыкаясь о травинки, и склевывали какую-то мелочь, То и дело попискивали, сигналя родителям, где они. Но никто не спустился к ним, не дал ни мошки.

То ли они устали, то ли еще больше проголодались да еще и намокли снизу от такой охоты, но один из них, взлетев сначала мне на голову, а потом на дерево, быстро отыскал малыша и сел рядом, плотно прижавшись бок к боку, щека к щеке. Посмотреть со стороны — трогательная братская любовь и нежность. Но мать лучше меня поняла, в чем дело, и сумела отманить хитреца тем же приемом, как и вчера. Однако урок прошедшего дня не пропал даром, и птенец не дал обмануть себя дважды: второй раз он не только не отлетел на призыв матери, а вспорхнул братцу на спину, совсем придавив того к ветке. Но... ничего не получил. Он и на другую сторону пересаживался, и пищал, и крыльями тряс, раскрывая рот, а к нему — как к чужому, Наверное, так у мухоловок: можешь прокормить себя сам — нечего попрошайничать,

Но все-таки материнское сердце не выдержало этого настойчивого выпрашивания, и сунула она ему без всякого видимого раздражения три или четыре мухи и маленькую бабочку, А может быть, потому дала, что потеплело, тучи поднялись, выпуская из плена солнце, и с охотой стало полегче,

Еще одним доказательством того, что серые мухоловки могут поступать в неожиданных и сложных ситуациях не по заранее определенной и жестко запрограммированной схеме поведения вида, а в зависимости от конкретных обстоятельств, служит следующий почти неправдоподобный факт. В конце 1977 года над окном одного из домиков лесного поселка четвертый раз построились серые мухоловки. Не событие, конечно, и не такая уж находка, но если есть воз-

можность заглянуть в гнездо, не беспокоя хозяев, я не упускаю такого случая, кем бы эти хозяева ни были. А год назад на этом же месте мухоловки вырастили кукушонка. Не пролетела кукушка мимо и на этот раз, и ее яйцо, похожее на яйцо белой трясогузки, лежало рядом с четырьмя мухоловкиными. И означать это могло лишь один исход — хозяйке вновь не было суждено увидеть своих детей. А она против всех ожиданий воспитала именно своих четырех птенцов, но... не в этом гнезде.

В середине июня я приехал на этот кордон с группой студентов-зоологов, чтобы показать им живого кукушонка. У гнезда нас встретил мухоловка-самец, но отнесся к нам без видимого беспокойства. Подождали самку, наверное улетевшую за кормом, но терпения не хватило, и я заглянул в гнездо. Там лежало холодное кукушечье яйцо. И больше ничего. Но ведь если кто-то, разоряя гнездо, крадет яйца, то все до единого. Такие грабители не испытывают сострадания к обездоленным хозяевам и не оставляют им в утешение яичко или одного птенчика. А кукушка берет взамен своего только одно яйцо, и никогда больше.

Через две недели на соседнем домике, в пятнадцати шагах от первого гнезда, нашли второе, в котором сидели готовые к вылету четверо маленьких мухоловок. Они не могли быть детьми другой, соседней пары: мухоловки необыкновенно строги в этом отношении и не позволят поселиться даже близким родственникам на своем гнездовом участке. Новое гнездо могло принадлежать только той паре, которую месяц назад «облагодетельствовала» кукушка.

Значит, птица, а может быть, и обе на всю жизнь запомнили, на кого обменяла их потомство судьба в кукушечьем облике. Быстро, но без неряшливой поспешности пара соорудила на своей территории новое гнездо, а потом самка перенесла в него свои яйца. Почему сразу не выбросила еще не вылупившегося подкидыша? Может быть, сначала она так и сделала, но ведь и кукушка не бросает свое яйцо без присмотра, Однажды я забрал из гнезда мельничка одно за другим два кукушечьих яйца, но кукушка принеела в него третье. Так, наверное, было и у мухоловок. К тому же кукушка всякий раз забирает в обмен по одному яйцу. Так что мухоловки выбрали единственно правильный и единственно объяснимый способ избавиться от паразита.

Жизнь мухоловок в городе тоже непроста, но есть у горожанок одно преимущество перед лесными — они избавлены от «внимания» кукушки и воспитывают только своих.

О той семье из сквера стоило узнать и рассказать до конца, но только с утра третьего дня писк и цыканье раздавались сверху с такого густого тополя, что лишь изредка удавалось увидеть кого-то из взрослых мухоловок, подлетавших к дереву с добычей. Потом птенцы исчезли. Растоптанное ими гнездо без присмотра стало намокать даже от небольшого дождичка, обветшало и превратилось в грязную нашлепку. Но писк старых мухоловок был слышен здесь каждое утро. Где-то рядом было построено второе гнездо. Самец-мухолов уже не так бдительно охранял участок: никто на него теперь не претендовал. И соседей убавилось: улетели пересмешники, зяблики в лес подались линять. Остались воробьи, да на заре воронки мелькали, спугивая с листвы мелких насекомых. А когда кончился июль, в сквере появилась четверка пестреньких слетков, и снова ритмично зазвучало просительное «цзси-цзси-цзси...».

Второй выводок, если даже после первого остается достаточно времени на повторное гнездование, не обязателен для каждой семьи мухоловок. Многие ограничиваются одним. Но немало и таких, которые растят вторых с еще большей заботой, чем первых. По тихому, похожему на сверчковое поскрипыванию я быстро отыскал всех слетков. Родители кормили их с таким усердием, словно старались этим загладить свою вину перед первой четверкой, с которой расстались, едва молодняк начал охотиться самостоятельно. Правда, теперь с добычей — мухами и другой летающей мелюзгой — стало легче. Отец и мать несли корм по первому требованию. И даже когда молодые, став искусными в полете и ловкими в охоте, продолжали изредка попрошайничать, им не отказывали. Будь это родителям в обузу, они скорее всего улетели бы.

Отчуждение стало проявляться лишь после того, как слетки сменили детское пе*ро на наряд взрослых мухоловок и от светлой каемки по краям рта не осталось и следа. Придя после недельного перерыва на их участок, я не сразу понял, что там произошло: на прежнем месте было пять взрослых мухоловок. Молодые это или взрослые, к которым присоединились пролетные?

Не может самая проворная и ловкая муха увернуться от снайперского броска взрослой мухоловки. А тут две птицы промахнулись дважды кряду. А когда к одной из промахнувшихся подлетела третья птица и с лета сунула ей в клюв толстую синюю муху, все стало ясно. Слетки за неделю успели переодеться в новое платье (оставшаяся с ними одна из взрослых птиц была в заметно потрепанном наряде), но родственные отношения еще поддерживались. А еще через три дня птицы стали отгонять друг друга от своего охотничьего места. Ссоры не ссоры, но... Даже когда после дождя одна птица купалась в мокрой листве слишком близко от другой, та непременно, прерывая собственное купание, прогоняла ее, как чужую. Семья перестала существовать. А в середине сентября с участка исчезла последняя мухоловка.

Золотистая щурка

Июнь — начало лета. Зной еще не спалил землю, хотя на песках, на степных косогорах, не дождавшись косы, посохли низкорослые ранние травы. Струятся на легком ветру блестящие перья ковылей, цветет разнотравье, и только стены обрывов и оврагов выглядят издали безжизненными пятнами на цветущих, зеленых равнинах. Но как раз у таких стен, пробитых темными отверстиями узких норок, можно повстречаться с самыми красивыми птицами степей и речных долин — семицветными, как радуга, золотистыми щурками.

Но прежде чем глаз различит в полуденном мареве хотя бы один птичий силуэт, донесутся негромкие и приятные на слух трели. Из густой кроны раскидистой ветлы на берегу крошечного прудика торчат две сухие ветки, на которых, блаженствуя под горячим солнцем, сидят несколько расписных птиц. Их говорок отдаленно напоминает пение полевых сверчков, однако нет в нем сверчковой монотонности.

Своим приятным журчанием (за трели и дано название самой птице) щурки встречают восход солнца, им же провожают светило вечерком. Оно весь день звучит в птичьей колонии как успокаивающий сигнал. Им обмениваются птицы на дневном и ночном перелете, им извещают они о первом и последнем днях пребывания на родине. Это журчание относится к тем тихим звукам природы, которые слышны на большом расстоянии так же отчетливо, как и вблизи. Когда в сентябрьском небе первая журавлиная станица обгоняет последнюю стаю щурок, на землю с двухсотметровой высоты доносятся с почти одинаковой громкостью и трубные голоса журавлей, и частые трели щурок. Они настолько обманчивы, что даже давнее знакомство с их обладателями не облегчает определение места, откуда они звучат. Негромкие, они слышны за версту; перекликается пара, а кажется — десяток; высматриваешь птиц в поднебесье, а они реют за спиной.

Когда возле птичьей колонии появляются пустельга, сорока, собака, лиса, змея, то первая заметившая опасность птица обрывает журчание и подает отрывистый, но тоже негромкий сигнал тревоги. Этот сигнал подхватывают все находящиеся поблизости щурки и, не делая попытки отогнать хищника или вора, беспрестанно повторяют его, пока опасность не минует. И опять над рекой или оврагом слышится их благозвучный, успокаивающий говорок.

Действительно, в отношениях со своими врагами щурки очень спокойны и уравновешенны. Птицам, живущим колониями, вообще чужда агрессивность в той форме, в какой она проявляется у видов, гнездящихся отдельными парами и защищающих гнездовую территорию от вторжения сородичей. В колониях короткие ссоры бывают лишь из-за посягательства соседа на само гнездо (кража материала или яиц). Вообще же у щурок нет видимых причин для недовольства соседями, и жизнь в их поселениях протекает мирно. Но все-таки даже у таких общительных и миролюбивых птиц находятся поводы для безобидных воздушных поединков, которые скорее похожи на танец эльфов при солнечном свете, чем на птичью драку, тем более что тут нет зачинщиков и не бывает побежденных. Повиснув друг перед другом, сверкающие птицы лишь едва касаются крыльев соперника кончиками полетных перьев, вовсе не используя длинный и острый клюв. В их журчащих голосах нет сварливых нот или угрожающих звуков, и это делает сцену еще более похожей на утреннюю встречу двух друзей, в которой самцы находят какой-то выход избыточной энергии.

Особой приязнью отличаются отношения в семейной паре в гнездовое время. Гнезд щурки не строят. Это птицы-землекопы, и роют они в отвесных стенах обрывов, промоин и ям длинные, до двух метров, норы. В конце узкого, чуть изогнутого коридора выкапывается довольно просторная пещерка, под сводом которой могут свободно уместиться пять-шесть птенцов. Трудно сказать, кто из пары выбирает место для норы (кажется, самец), но копают ее обе птицы по очереди. Скорость работы зависит лишь от плотности грунта: в песке — побыстрее, в глине — подольше, в мелу пробить ход нужной длины еще труднее, но зато и служит он птицам годами. Щурки не очень настойчивые землекопы, и рытье у них чередуется с длительными перерывами. Каждая птица работает сколько хочет, но на долю самца по времени приходится вдвое-втрое больше, а по объему выброшенного грунта, может быть, даже вчетверо больше, чем на долю самки.

Самец и приступает к рытью с такой энергией и решительностью, словно намеревается завершить его в один приступ. Вцепившись в стену короткими лапками и опершись на развернутый хвост, он принимается долбить твердую глину чуть приоткрытым клювом, как бы выщипывая ее, с яростью дергает тонкие травяные корешки. Маленькая ниша на глазах превращается в штольню, птица забирается в нее и там работает уже в другом положении, выбрасывая искрошенный грунт лапками. Самка в это время сидит, прицепившись рядом с выходом, тихонько и нежно журча — все, мол, спокойно. Щепотки песка или пыли могут лететь из норы прямо ей

на голову, она только щурится и отряхивается, не покидая поста. Вдруг самец, прервав работу, вылезает хвостом вперед, делает над обрывом широкий вираж, схватывает на лету какого-то жучка, преподносит его самке и снова забирается в норку. Поработав еще немного, уступает место в тоннеле ей, а сам занимает ее пост, негромко и ласково щебеча по-своему. На такую двухсменную работу уходит минут двадцать — тридцать, а потом оба улетают охотиться, стряхивая в полете приставшие к перу пылинки.

Красива внешность птиц, приятны голоса и восхитителен полет. Щурка выглядит чуть крупнее и стройнее скворца. Роста и стройности ей добавляют длинные клюв и хвост. Но ее вес на четверть меньше скворцового, и поэтому необыкновенно легок ее полет. Временами он, кажется, не требует никаких усилий, разве что держать крылья развернутыми. Когда на весь день разгуляется над степью неудержимый воемителен и нетороплив одновременно. Великолепен синхронный полет пары, когда обе птицы то планируют крыло о крыло, то, разогнавшись несколькими энергичными взмахами, проносятся рядом, сложив крылья. Их охота похожа скорее на воздушные игры или состязания в ловкости, в разнообразии фигур пилотажа. В ней нет неторопливости и погони и не бывает промахов. Ни у одного самого проворного, самого быстрого насекомого нет ни единого шанса увильнуть от клюва щурки. Особенно эффектно нападение снизу, которое завершается броском снайперской точности. Щурка, заметив издали летящую добычу, резко набирает высоту и скорость, а последние полтора-два метра проносится с прижатыми к телу крыльями, уверенно и аккуратно ловя жертву кончиком клюва в рассчитанной точке траектории, будто стрела вонзается в центр неподвижной мишени,

Добычу птица проглатывает целиком, лишь

У *норы*
Портрет

точный ветер, часами висят над крутояром семицветные птицы, не шевеля крыльями. Налетая на стену обрыва, этот ветер тугой, невидимой волной выбрасывается наверх, и на гребне этой волны, распластав острые крылья, будто лежат сверкающие бирюзой, изумрудом, рубином парящие щурки.

Полет у них плавный, с короткими остановками, но без рывков и резких бросков. Он и стрене много помяв ее клювом. В таком же виде отдает ее и птенцам.

В совершенстве владея искусством полета, щурка не испытывает потребности ходить, и если бы не родительская забота, то, возможно, за всю жизнь птица не прошла бы пешком и метра. Однако за месяц, пока птенцы сидят в норе, каждый из родителей, нося им корм, просеменит по длинному лазу более километра.

Жулан

ышел срок рубить дуб в самом дальнем урочище Думского леса. Осенью лесник поставил деляночные столбики, а зимой лесорубы свалили и дубы, и ясени, и клены, и несколько лип, оставив на вырубке лишь кривобокую заморенную грушу с тремя живыми ветками и голым, как штык, сухим суком. Стволы увезли по санному пути, хворост и прочие остатки сожгли в кострах, и весной густой ковер голубых подснежников расстелился по солнечной полянке.

И сколько же разной птицы потянулось на это приветливое местечко! Песнями звенела вырубка, обещая всем свое гостеприимство. Даже луговые чеканы, чечевицы и желтые трясогузки заглядывали на нее, словно прикидывая, а нельзя ли поселиться на травяном раздолье, пока новый лес не поднялся. Но вот пробудились в середине мая поздние дубы, стоявшие вокруг, отцвели кривая груша и медуница, и по мере угасания пестроцветья первоцветов как-то беднела полянка птичьими голосами. И наступил день, когда единственным ее обитателем остался красавец-жулан, проводивший большую часть времени на грушевом сучке. С него он, как караульщик, прицеливался на жуков и стрекоз, следил за округой, на нем и пел.

Пел тихо, не сравнить с соседом-дроздом. Так тихо, что бег муравьев по пересохшему прошлогоднему опаду и едва слышимый шелест шелковистой молодой листвы заглушали его щебетание. От опушки было видно, как трепещет на горлышке перо, но до слуха лишь изредка доносилось вроде как раздраженное восклицание. Но стоило подойти поближе, стараясь не обеспокоить певца, как все явственнее, перемежаясь друг с другом, от груши долетали до слуха кусочки синичьих, овсяночьих, щеглиных, славочьих и чьих-то еще песенок. Все правильно, без заметных искажений, четко, но — тихо. Пел вроде бы веселое, но поза и неподвижность свидетельствовали, что звуки эти не доставляют ему удовольствия, не было в пении ни азарта, ни чувства. Будто это не развлечение, а постылая обязанность, которую нужно исполнять даже в самое радостное весеннее утро.

Пересмешничество в птичьем мире удивительно прежде всего тем, что оно не принадлежит одиночкам. У каждого вида оно является общим даром, поголовной способностью. Одни только ею и живут: у плясуньи или скворца в пении ничего своего, заслуживающего внимания, нет. Другое дело, что у одного певца и набор побогаче, и умения побольше, а другой — то ли талантом пониже, то ли ничего приличного в жизни не слыхал. Пересмешничают и те «звезды эстрады», чья личная фантазия достигла предела, а еще хочется блеснуть чем-нибудь эдаким. Самые-самые из певчих дроздов обязательно подберут что-нибудь чужое. У мухоловок-белошеек есть такие певцы, кто к собственной приятной и звонкой песенке соберет что получше чуть ли не у всех лесных солистов.

Пересмешников достаточно и в лесах, и в степях, и в пустыне, у воды и на суше, в горах и на равнинах. Но в чем же смысл пересмешничества? Убедительное и бесспорное объяснение высказано пока только в отношении африканских родственниц воробьев, вдовушек, чьи птенцы воспитываются только в чужих семьях. Они запоминают песню приемного «родителя» еще в гнезде и потом безукоризненно подражают сводной «родне». Их умение направлено на то, чтобы не допустить ошибки и положить яйцо в нужное гнездо, а не кому попало.

Ну а остальным-то подражателям зачем их одаренность? Для собственной услады? Для утверждения превосходства над возможными соперниками без применения силы? Возможно и то и другое. Но у жулана, кажется, совершенно иная, вполне определенная цель.

Обычно птица-пересмешник не сразу повторяет понравившийся звук, а словно бы прикидывает иногда и день, и больше: получится — не получится, подойдет — не подойдет. А жулан, как эхо: без всяких раздумий и репетиций. Поцвенькала на опушке овсянка и тут же услыхала в ответ свое же «зинь-зинь-зинь-зинь-зиииии». Начала неторопливый счет на березе пеночка-теньковка и сбилась от неожиданности, потому что неподалеку ее голосом затенькал жулан. И синицу он так же огорошил, ее же колокольчиком, только тихо, словно не разжимая клюва.

Со своего наблюдательного поста на груше жулан выкладывал без пауз и в разной последовательности соловья (да не одно колено), пересмешку, лесного конька, щегла, вертишейку, желтую трясогузку, скворца (его собственный крик у гнезда), большую синицу, белошейку и серую мухоловку. Всех, кого слышал вокруг. Словно бы каждому сказал на его языке тихо, но внушительно, что место принадлежит его семье. Ведь все коротенькие и бесконечные, звонкие и тихие песни означают сигналы владения каким-никаким, а участком. А ему самому нужна большая, свободная территория, где он мог бы охотиться, кормить птенцов, не делясь ни с кем. Без конкурентов все-таки надежнее: никто не перехватит добычу.

Так ли это на самом деле, проверить трудно. Однако, где бы ни обосновалась пара жуланов, там словно сама собой создается зона отчужде-

ния, в которой избегают поселяться мелкие птицы других видов. На одном дереве могут устроить гнезда и жить в мире иволга и зяблик, мухоловка и пищуха, горихвостка и вертишейка, Рядом с жуланом — никто. Птицы боятся угрюмого караульщика. Интересно, что рядом с извечной птичьей смертью, ястребом, прямотаки с каким-то фатальным бесстрашием поют и строятся зарянки, коньки, дрозды, черноголовки, как бы не ведая о замашках желтоглазого соседа, не зная, что никому из них не взрастить новое поколение. А рядом с жуланом ни славка не посвистит, спрятавшись в кустах, ни весничка не пощебечет на вершине густой липы.

Да, маленький и нарядный сорокопут — птичий враг, самый мелкий из пернатых птицеловов мира. На птиц охотятся и самцы, и самки с одинаковой дерзостью, настойчивостью и умением, Нападение из засады на птенцов и слетков удается легко, но за взрослыми птицами приходится гоняться. И многие лесные певцы прекрасно знают о наклонностях певчего хищника и боятся его настолько, что, стараясь прогнать со своего участка, лишь тревожно стрекочут, жужжат, свистят, с явной опаской перескакивая по веткам за его спиной. Такое отношение может проявляться к жуланам даже там, где они ведут самый непредосудительный образ жизни, словно постники питаясь лишь «акридами», но без меда, то есть одними насекомыми, не употребляя сами и не давая птенцам ни птичьего, ни мышиного, ни лягушачьего, ни ящеричного мяса. Да и у тех, кто охотится на птиц, успех — дело случая, хотя неудачные нападения не умаляют их настойчивости, не обескураживает их и решительный отпор. Однажды жулан со своего присада увидел самца-варакушку с кормом и бреющим полетом полетел следом, надеясь поживиться в гнезде. Пара трижды отгоняла его прочь. Потом прилетела и его самка и дважды пыталась напасть на

Гнездо
Самец с птенцами

самку-варакушку. Отбились и от нее. Но двух птенцов, найдя гнездо, разбойники выкрали в тот же день.

А если предположить, что в пересмешничестве жулана не открытое и честное предупреждение, а злонамеренное коварство? Что, если он, спев песню на чужом языке, может ввести в заблуждение легковерную славку-черноголовку, спровоцировать на поиск соперника, проникшего в ее владения, подбить на выяснение отношений крошечную пеночку-весничку? Но во-первых, ко времени усердной охоты на птиц жуланы перестают петь вообще. Во-вторых, нередко жуланы с прилета поют голосами тех, кто еще в пути, и помнят тех, кто пытался присоседиться к ним год назад, а может, еще раньше, В-третьих, пересмешничают жуланы, не знающие вкуса птичьего мяса. В-четвертых, жуланы могут ошибаться и вставлять в свои песни жабьи трели и лягушачье кваканье. В-пятых, один из жуланьей родни, чернолобый сорокопут, который питается только насекомыми, тоже пересмешничает. Но вот его-то как раз и не боятся ни зяблики, ни трясогузки: оставаясь на своих территориях, они просто стараются не слишком часто попадаться ему на глаза.

Молодые жуланы, вылетев из-под родительской опеки, уже обладают родовыми приемами охоты, но им не хватает смелости или уверенности, чтобы напасть на крупную добычу. Как-то в дни жуланьего отлета меня привлекла странная «пляска» молодой птицы на широком низком пне. Жулан то скакал по краю торца, всплескивая крыльями, то спрыгивал на землю, как бы прячась и тут же появляясь уже на другой стороне пня. Таким способом сорокопуты выпугивают затаившуюся или спрятавшуюся жертву. А сорокопут, размахивая хвостом, «плясал» на голом пне, как на маленькой сцене. Причина пляски выяснилась вблизи: прижавшись к уступчику от двух пропилов и надувшись тугим пузырем, лежала, греясь на солнышке, чумазая чесночница. Она казалась слепой, до того узки были на ярком свету щелочки зрачков. А воздухом накачалась для острастки, -чтобы стать побольше. В жуланенке боролись желание попробовать мясца и страх перед неведомой головой с выпученными незрячими глазами, без туловища, без хвоста. Он не осмеливался клюнуть странное существо и старался спугнуть его, чтобы ухватить за бок или сзади. Но перед такой кикиморой пляши не пляши — проку мало.

Есть у жулана еще одна повадка, присущая и другим сорокопутам, — накалывать крупную, которую не проглотить разом, не съесть в один присест, добычу на колючку. Но и эта манера проявляется далеко не у всех птиц и не в каждой местности. В среднерусской лесостепи я такого способа не видел никогда даже в тех местах, где и жуланов немало, и колючек достаточно. Лишь однажды в Каменной степи удалось подсмотреть, как долго и старательно самец-жулан пытался затиснуть в развилку терновника молодую полевку, чтобы удобнее было ее разделать, и ничего у него не получилось: добыча упала и пришлось расклевывать ее на земле,

Так что этот красивый пересмешник — и хищник, и насекомоядный, но в отличие от множества по-настоящему насекомоядных птиц не берет в клюв вегетарианской пищи — ни семян, ни ягод, ни как корма или лакомства, ни для утоления жажды — и птенцам ничего, кроме жуков, стрекоз, кузнечиков, бабочек и пауков, не дает.

Жулан-самец на гнездовом участке вроде бы всегда держится напоказ, и порой его одинокое сидение можно принять за безнадежное ожидание никому не нужного холостяка. Но в интимной жизни пересмешник необыкновенно скрытен, и до сих пор нет полного представления, как происходит помолвка, как ведут себя птицы при первой встрече, чем поддерживается семейный союз. Смысл случайно подсмотренных сцен при всей занятности остается непонятным, а из-за расстояния они кажутся немыми представлениями, которые могут быть удивительно похожими на неприятные семейные объяснения, случающиеся в жизни человеческой,

Лучшее время для наблюдений за птицами — начало дня, а предзакатные часы приносят очень мало интересных открытий, особенно в разгар лета. Понемногу спадает жара, на природу снисходят тишина и безмятежное умиротворение, и жизнь птиц, утомленных долгим днем, уже течет без заметных событий. Однако нельзя было не залюбоваться жуланом, который неподвижно сидел на терновом кусте, словно предавшись ежевечернему самосозерцанию, не мигая и не щурясь на еще яркое солнце, которое уже прибавило немного розовинки к розоватому перу на птичьей груди. Внезапно, не присматриваясь и не прицеливаясь, жулан буквально упал на дорогу, тянувшуюся вдоль опушки, и тут же взлетел с черным жуком в клюве на прежнюю ветку, шмякнул о нее раза два добычу и оглянулся. В тот же миг возле него оказалась самка, вынырнувшая из густой листвы, села рядом, приняла от самца угощение, но возвращаться к гнезду не торопилась.

В бинокль было отчетливо видно, что клювы обеих птиц закрыты, что обе молчат. Но вдруг самец начал часто и утвердительно кивать головой, как бы соглашаясь с чем-то. После нескольких кивков он энергично и резко отводил голову в сторону, словно отрицая вздорный упрек, Потом снова кивал согласно, а следом одним решительным движением отрицал новый упрек, Издали казалось, что кается он в совершении недозволенного или предосудительного поступка, а супруга, сидя рядом, с «каменным» обличьем цедит укор за укором, не глядя на про-

винившегося. А тот, чтобы сохранить мир в семье, соглашается почти со всем, но все же не может побороть самолюбия и принять явную нелепость обвинения.

Вечерний «разговор» на опушке не был выяснением отношений. Самец, поймав жука для самки, выполнил обязанность, не рассчитывая на какую-либо благосклонность взамен. Надобность в ухаживании отпала давно: в гнезде вот-вот должны были появиться птенцы. Может быть, таким киванием подтверждается верность, может быть, так у жуланов убеждают в безопасности обстановки вокруг гнезда, может быть, самец тот был новым, занявшим место погибшего основателя семьи. Ведь при своей почти безрассудной смелости при защите участка и гнезда жулан и сам может расстаться с головой. Защищая потомство, самец бросается не только на дятла или сороку, обращая их в бегство. Он может напасть и на такого хищника, как ястребтювик, и гнать того от своих границ через владения еще нескольких жуланов. А это уже слишком рискованно: ястреб есть ястреб.

Есть у жуланов еще одна особенность, на которую я обратил внимание, прежде чем стал интересоваться их поведением. В одном лесу легче найти пять-шесть гнезд этих сорокопутов с разными по расцветке яйцами, нежели два, в которых оттенок скорлупы и пятнышек на ней будет одним и тем же. Каких-либо различий во внешности всех самок-соседок не отыскать, но одна несет яйца телесно-розового цвета с мелким малиновым крапом, другая — цвета топленого молока с едва различимыми пятнышками, в гнезде третьей яйца почти белые, а крапинки на них двух цветов: серые и коричневые, у четвертой — скорлупа, как дымка летнего неба. И разброс пятнышек, и размеры их тоже разные: то они образуют четкий поясок у тупого конца яйца, то рассеяны довольно равномерно, то поясок едва обозначен и сдвинут к середине. А птенцы изо всех вылупятся словно двойники.

Черношейная поганка

Погодой никакой июнь не повторит своего прошлогоднего тезку. То у него неделями не появляется ни облачка в белесоватом небе, и после ясных ночей сухими остаются травы. То, не мешая сенокосу, чуть ли не ежедневно тучки-поводыри, беззлобно погромыхивая, водят над лесами и степью веселые «слепые» дожди с пестрыми радугами. То зарядят с рассвета до сумерек, а потом еще и на ночь бесшумные обложные дожди, нагоняя ненужное уныние. В эту пору и без того на убыль идут птичьи песни, а бесконечная и неуютная сырость принуждает замолчать самых всепогодных певцов — и соловья, и горихвостку, и даже кукушку.

Зато на мелководьях, разделенных зарослями тростника, камыша и рогоза на узкие протоки и свободные плесы, птичья жизнь на виду, и никого тут не интересует, долго ли будет идти дождь. Купаясь в его струях, реют чайки и крачки, одинокими сторожами стоят у берегов цапли, не упускают случая подраться с соседями лысухи, дремлют на воде, сунув клювы в перо, нырки-седыши, заняты кормлением птенцов парочки черношейных поганок.

У всех поганок самцы и самки одинаковы или почти одинаковы обликом и ростом, и даже во время весеннего токования не всегда можно угадать, кто есть кто. Но сейчас даже сквозь густую сетку дождя видно, что из каждых двух птиц одна значительно крупнее, солиднее и толще. Она как-то лениво лежит на воде, лишь изредка неторопливо переплывая на другое место. Другая — маленькая, юркая — то и дело ныряет неподалеку, а вынырнув, быстренько подплывает к большой, касается клювом ее спины или плеча и тут же снова исчезает под водой.

Приближенная биноклем загадочная сцена становится увлекательным зрелищем. Из-под перьев толстой птицы торчат (две справа, две слева) четыре маленькие головки: темно-серые, с тонким белым узором на щечках и розовым пятнышком на лбу. Эдакий маленький живой кораблик с четырьмя пассажирами, которых, хотя они могут и сами плавать и нырять, пока приходится кормить. Заботы о потомстве с начала насиживания яиц у поганок разделены почти поровну, но волей-неволей хочется считать птицу с птенцами на спине матерью, а кормильца — отцом. Он больше под водой, чем на поверхности, и выныривает иногда с целым ворохом зелени на спине, но, не отряхнувшись даже, подносит птенцам то бокоплава, то водя-

ного ослика, то клопа-гладыша, то еще какую-нибудь козявку. При кормлении соблюдается очередность, за которой следит сам кормилец: он не протянет добычу одному и тому же птенцу дважды подряд, если хотят есть и другие. Если все сыты, но один еще тянется к отцовскому клюву, он будет кормить его одного. А когда вся четверка, насытившись, спрячется с головой под материнские крылья, он отдаст последнюю добычу ей.

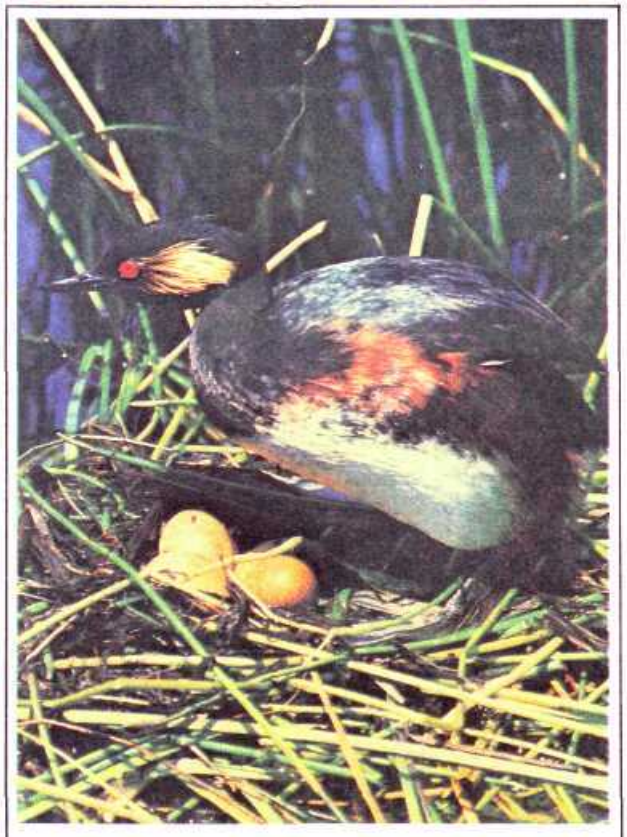
Поскольку плавать за добычей далеко не приходится, темп кормления может достигать четырех порций в минуту. На хорошем, добычливом месте птица-носитель начинает помогать кормильцу: она просто опускает голову в воду, не ныряя, и отдает корм тому, кто сидит поближе. И тогда получается уже до шести порций в минуту. Однако в обеденный час даже для такой небольшой семьи этого недостаточно. Тогда самка сбрасывает со спины всех седоков (для этого она становится почти вертикально, разворачивает крылья, словно потягиваясь, и птенцы съезжают, как с горки) и начинает нырять сама.

Заботы по кормлению птенцов у поганок недолги. Уже на второй неделе начинается обучение самостоятельной охоте: родители перестают отдавать добычу из клюва в клюв, а кладут ее перед птенцами на воду. Второй прием посложнее: взрослая птица, показав, что у нее в клюве, опускает голову под воду — нырни и возьми там. Заключительный урок — почти охота: под водой перед нырнувшим птенцом выпускается живая добыча — поймай сам!

Родительская спина тоже недолго служит местом жительства, но в первые дни весь выводок умещается на материнской спине, под крыльями. У поганок нет хвоста, и птенцы сами забираются на «палубу», так энергично работая лапками, что за ними вскипают маленькие бурунчики. Загодя заметив опасность, птица может нырнуть вместе с птенцами и под водой отплыть к безопасному месту. Но если ее испугать внезапно, то она каким-то образом оставляет малышей под водой и выныривает одна, а потом, оглядевшись и успокоившись, собирает их снова вместе. И все-таки как ни заботливы к своим детям черношейные поганки, как ни надежна их родная стихия, но к тому времени, как молодняк начинает кормиться самостоятельно, остается в среднем по одному подростку на каждую взрослую птицу.

Зимуют черношейные поганки на незамерзающих водах морей Европы, на юге Каспия, у берегов Дальнего Востока и Тихоокеанского побережья Северной Америки. В гнездовое же время они обитатели спокойных равнинных вод: озер, прудов, верховий водохранилищ, где и травяной растительности достаточно и открытого места немало. Летят они с зимовок апрельскими ночами. Стая, появившись на избранном для гнездования водоеме, разделяется на семейные пары и после непродолжительного токования — простеньких танцев на воде, сопровождаемых негромким свистом и щебетанием, — образует гнездовую колонию нередко саму по себе, но если есть возможность, то под защитой общины озерных чаек.

Прежде чем начать строительство настоящего гнезда, самка и самец приступают к сооружению маленького брачного плотика. Самка торопливо и не очень старательно собирает и укладывает в кучку обрывки травяной ветоши, которые хотя бы немного могут держаться на плаву. Самец же при ее хлопотливости выглядит неумелым или не очень расторопным помощником, который подносит то метровую камышину, то обломочек короче спички, то пучок собранного со дна затонувшего мусора. Правда, единственное назначение этого наплавного сооружения, похожего на настоящее гнездо поганок, —



Черношейная поганка

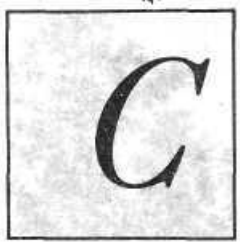
выдержать в течение нескольких секунд тяжесть обеих птиц. Время от времени самка, проверяя готовность, или пригодность, плотика, выпрыгивает на него из воды. Если плотик сильно оседает, но уже не тонет, она подкладывает на него еще несколько травинок и считает работу законченной. Нередко от такого плотика, сложенного утром, к вечеру и следа не остается. Но на следующий день в том же уголке озера за несколько минут будет сложен такой же.

Если брачный плотик пара старается строить в уединенном месте, насколько это возможно на пруду или озере, то, начиная гнездиться, все пары, наоборот, собираются поближе к своим, строясь иногда в полуметре друг от друга. Для настоящего гнезда материал собирается посвежее, который может держаться на воде, пока длится насиживание. Кроме того, свободная от насиживания птица часто собирает и подкладывает под бока наседке все, что не тонет. Гнездо хотя и на воде, но либо опирается основанием на близкое дно, либо, как на якоре, держится на прошлогодних стеблях тростника или камыша, чтобы не гоняло его ветерком по воде.

В границах гнездового ареала у черношейных поганок достаточно времени для нормального воспитания двух выводков. Но как правило, гнездятся они лишь раз в лето, хотя для кормления вторых птенцов условия на тех же водоемах благоприятнее. Впрочем, иногда в маленьких колониях или когда на водоеме гнездятся одиночные пары, у некоторых из них могут быть и два выводка. Тогда в конце июля можно увидеть самца и самку, которые уже потеряли главное украшение брачного наряда — золотистые «ушки», но носят на спине крошечных пуховичков, а следом за ними плавают их подростки первого выводка, которые ростом уже с родителей. Только наряд у них другой. В нем много белого пера, и он похож на зимний наряд взрослых птиц.

А весной и первогодки и их родители возвращаются на родину в брачном наряде, который с первого взгляда кажется неярким и невзрачным, хотя и в нем есть одно из лучших и гармоничных сочетаний красок, созданных природой. Шея и голова с небольшим хохолком-чубчиком — черные. Глаза — цвета красной смородины. А по бокам головы — золотисто-желтые «ушки» из узких перышек. За это украшение черношейную поганку называют еще и ушастой. В пасмурную и дождливую погоду и впрямь нет ничего привлекательного в ее скромном одеянии. Но зато в свете низкого, предзакатного солнца эта «золушка» выглядит настоящей принцессой среди всех своих соседей по воде.

Чернолобый сорокопут



тояла в стороне от больших лесов рощица — маленький островок в степи. Можно было обойти ту рощицу, но почему-то проложили дорогу через нее. Тянулись по ней обозы на Нижний Дон. Пришло время — столбы поставили вдоль дороги, и еще поубавилась роща. Потом полотно поднимали, асфальт клали. Узковата стала дорога — вторую вырубили полосу. И осталось от когда-то густого перелеска сотни полторы стволов по обе стороны широкого, в две полосы, шоссе. Но не пропала у того местечка спокойная приветливость степной рощи. Нравится оно людям. Не облетают его и птицы.

Днем свежий ветер продувает лесок насквозь и выносит на соседнее поле гул моторов и шелест шин по асфальту. Огрубевшие листья нескольких осин тоже шелестят от малейшего дуновения ветра. Зяблику или соловью это, конечно, не помеха: они сами заглушают грохот грузовых составов по рельсам и рев самолетных моторов. Но пение птиц со слабыми голосами слышно здесь только по утрам да под вечер, когда реже катят автомобили и еще не проснулся или, наоборот, успокоился ветер. Перед закатом обращает на себя внимание негромкое поскрипывание, которое сменяется особого рода треньканьем, как будто дергает кто-то раз за разом одним пальцем плохо натянутую скрипичную струну. Этот звук не изменяется ни по высоте, ни по частоте повторения, но, видимо, надоедает и самому исполнителю, и с ветвей крайнего дерева слышится негромкое щебетание, в котором неясно угадываются голоса разных птиц.

Усевшись на кончик сухой ветки, поет чернолобый сорокопут. Он не смущается от того, что за ним наблюдают. Он весь на виду. Сидит грудью к заходящему солнцу, и последние лучи немного розовят и золотят ее чистое перо. Взгляд скрыт широкой черной маской. Спина и голова сверху такого цвета, который почти сливается с начинающей сереть степной дымкой по краям небосвода, и поэтому голова выше маски кажется плоско срезанной. Черные крылья с аккуратной, короткой белой полосочкой плотно сложены. Красив и строг простой наряд птицы. Чуть приоткрывая клюв, сорокопут скрипит, щебечет негромко и довольно неразборчиво. Поет и сам себе хвостом отбивает такт: вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз. Раз восемьдесят в минуту, почти темп походного марша. По этим взмахам издали, не слыша голоса, можно определить, что птица поет. Внезапно сорокопут срывается с ветки и

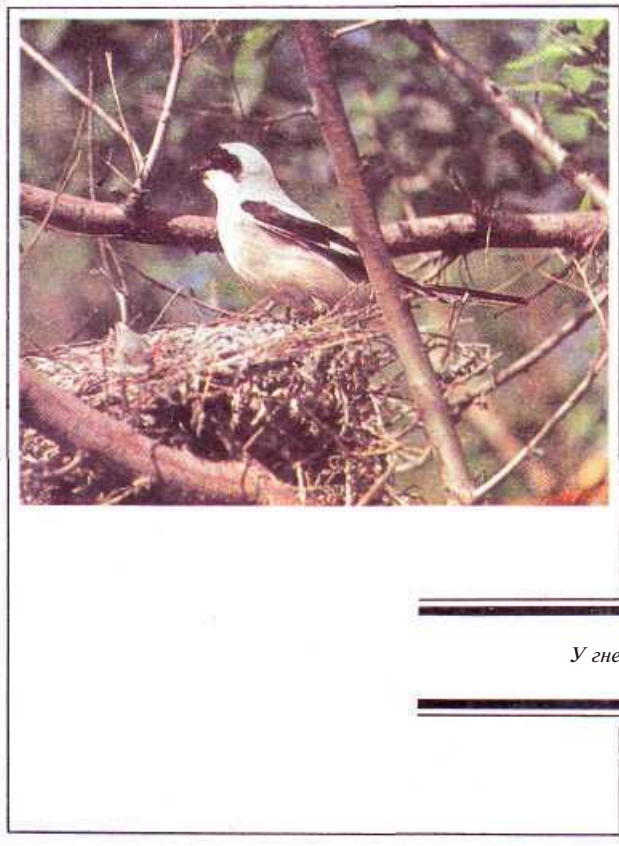
летит вдоль опушки ка другой край рощицы. Летит, развернув великолепным веером черно-белый хвост, короткими рывками, планируя на развернутых крыльях и «дергая струну» при каждом рывке. В полете напоминает он сочетанием черного и белого цветов сороку. Поскрипев немного на новом месте, сорокопут тем же необычным полетом возвращается на прежний сучок и надолго замолкает.

Кончается май. Все перелетные птицы уже строят гнезда, насиживают яйца, кормят птенцов. Сорокопут прилетел последним, и у него еще ничего нет, кроме места. А летел он в русское подстепье с самого юга Африканского континента только для того, чтобы вывести один-единственный выводок, и, не мешкая, в обратный стодневный путь. Прилетит ли кто ему в пару, чтобы рощица стала и гнездовым участком?

Утром следующего дня с сорокопутом стало происходить что-то не совсем понятное. Ночь была свежей, заря — росистой и почти холодной, и сорокопут долго сидел на проводе, как и под вечер, грудью к солнцу. Цвет пера на нем был розоватым, и вчерашний закат, когда он казался подкрашенным его лучами, был ни при чем. Трава быстро подсохла, сорокопут поохотился, высматривая добычу сверху и падая на нее по-сорочьи, короткой пикой. Подремал и исчез. Покинуть рощицу он не мог, ведь он уже пел в ней, занял ее, считал своей, да и время для ожидания самки еще не прошло.

И он объявился немного погодя, слетев на обочину откуда-то сверху. Скусил молоденький побег вьюнка и круто взлетел с ним к верхней развилке кривоватого дуба, в которой уже лежало несколько травинок, что-то вроде основания гнезда. Уложив туда свежий стебелек, сорокопут опустился снова и на этот раз унес перистый лист тысячелистника, потом подобрал клочок ваты, дважды срывал низенькую австрийскую полынь, которую в наших местах называют полынком (она растет на любой земле и на любой опушке в изобилии). Время от времени он прерывал работу и прогонял кого-нибудь из соседей: то трясогузку, то зяблика или мухоловку, но не нападал на них, как на добычу, подобно своему собрату, серому сорокопуту. Он, кажется, чист перед мелкими певчими птицами: птенцов не ловит и самих не трогает. Хотя однажды я видел, как старый, по-снегириному красногрудый зяблик с нескрываемой яростью бросался на самку чернолобого сорокопута. Он не давал ей взлететь, пикируя сверху, заставлял садиться вновь. Нападал не потому, что спутал ее с сорокой и хотел отыграться на ней за чужую вину, а потому, что были те счеты личными. Старается прогнать несекомоядных соседей сорокопут только для того, чтобы избавиться от их возможной конкуренции при ловле мелкой добычи. Может быть, с этой же целью включает он в свое пение их голоса: чтобы им понятнее было.

Сорокопут продолжал строительство, пожалуй, не столько со старанием, сколько с нескрываемым удовольствием. Наверное, на этом этапе оно и не требовало особого умения, потому что птица укладывала материал кое-как, и несколько травинок упало на землю, но сама постройка мало-помалу становилась заметнее. Похоже было, что он начал сооружать гнездо, чтобы время не терять в ожидании самки. У некоторых птиц так бывает — не дождавшись самки, самец строит гнездо, поет около него, хотя все равно может оставаться холостяком на весь сезон. Так поступает, например, крапивник или наш сосед — домовый воробей. Ранней весной воробей, который ни осенью, ни зимой не мог найти себе пару, строит в одиночку гнездо и постоянно выкрикивает около него свою простенькую песню-призыв. Может быть, так повел себя и чернолобый: построю, мол, работа небольшая, и, если прилетит запоздалая, все для нее будет готово.



У гнезда

И вдруг — заминка. Очередной прилет сорокопута затянулся. Но минут через пять работа продолжалась в прежнем темпе. Однако после второго такого исчезновения я стал следить за

птицей неотступно, не опасаясь помешать ей ни в охоте, ни в сооружении гнезда. Сорокопут, уложив очередную былинку, стал внимательно приглядываться к чему-то на окружающих деревьях, Метнулся к одному из них, трепеща крыльями, завис у кончика веточки и аккуратно взял с нее майского жука. Потом опустился на прямой сучок и, держа добычу на манер пустельги или кобчика — в одной лапе, оторвал у нее жесткие надкрылья, лапки, голову, взял в клюв и перелетел на соседнее дерево.

От неожиданности я не уловил и не запомнил всех моментов его последующего поведения, но увидел нечто необыкновенное. На толстой, без коры и мелких веточек горизонтальной ветви лежала, нежась на солнце, сорокопут-самка. Не стояла, не сидела, а именно лежала, греясь и ничего не делая. Самец как-то робко подал ей очищенного жука и, пока она его не проглотила, сделал попытку добиться ее окончательной благосклонности. В его действиях не было полной уверенности, да, видимо, и самка не была готова сразу после долгой дороги и состоявшейся помолвки к тому завершению семейного союза, к которому стремился сорокопут. А тот, не обескураженный таким приемом, продолжал носить в развилку травинку за травинкой, нашел еще несколько клочков грязной ваты и уложил их туда же, а потом снова угощал самку лучшими жуками, пока не склонил ее к окончательному согласию, после чего с ней мгновенно произошла разительная перемена.

Только что лежала она на ветке, даже не глядя в ту сторону, где старался сорокопут, а тут сама принялась за работу. Выбросила из постройки то, что было, на ее взгляд, ненужным, и стала носить свежий материал. Чаще другой травы в ее клюве оказывалась полынь, и к вечеру готовое на две трети гнездо снизу выглядело светлым комом от массы подвяленной на солнце полыни. На окончательную достройку и отделку ушло еще два дня работы, с которой самка справлялась уже без участия самца. Тот или пел, или выяснял отношения с двумя соседями-сородичами, которые появились в рощице двумя днями позднее его, или кормил самку.

Когда гнездо было готово, обе птицы стали охотиться вместе, каждая для себя. Но все-таки нет-нет да и просила самка по-детски то, что ловил самец, и никогда не получала отказа. А когда она стала наседкой, сорокопут стал больше охотиться для себя, и самка была вынуждена ловить насекомых поблизости от гнезда сама. Но если ему попадалось что-то особенное, он отдавал ей.

По-прежнему нес сорокопут охрану участка, не отлетая, однако, далеко от гнезда. С сородичами отношения были улажены, и лишь иногда перед закатом то на одной, то на другой границе устраивались непродолжительные, безмолвные дуэли на взглядах. Посмотрят-посмотрят друг на друга, покрутят хвостами, но не так, как при пении, а вправо-влево, вверх-вниз, выписывая перекрещивающуюся восьмерку, и разлетятся. На скворцов, докармливающих выводок в дупле, сорокопут почему-то не обращал внимания, Может быть, потому, что те летали за кормом куда-то через поле. У вороны, поселившейся на другом, за дорогой, краю рощи, хватило сообразительности не лезть к сорокопутам. А когда на опушке появилась праздная сорока, она в ту же минуту пожалела об этом, потому что тут же была изгнана.

В день солнцеворота появились на свет пять птенцов. Мать и согревала их, и от солнца закрывала, а отец кормил всех. Не ведая устали, чаще, чем когда строил гнездо, планировал он сверху к опушке, высматривал добычу понежнее, помельче и носил, носил, отдавая насекомых самке, а она уже оделяла ими птенцов. Она же следила за чистотой в гнезде.

Не зря выживал сорокопут соседей с участка, Место кормом было небогатое, и каждая лишняя птичья семья составляла бы конкуренцию. И участок был невелик: сто сорок метров опушки на три семьи чернолобых сорокопутов,

На шестой день жизни птенцов отец уже не мог в одиночку справиться с кормлением семьи, и родители стали летать на охоту вдвоем, оставляя гнездо на несколько минут без присмотра. Порядок на участке был обеспечен, и их тревожила только реальная опасность. Когда рядом с гнездом оказалась взрослая иволга, сорокопут-отец даже хвостом не взмахнул, хотя на самих птенцов положиться было еще рановато,

Маленькие сорокопуты в гнезде не засиживались. Едва смогли перепархивать по веткам, как спустились вниз, облегчив труд родителей, которые заметно уставали к концу дня, взлетая в течение каждого часа раз по десять на высоту расположения гнезда. Как только птенцы стали слетками, из рощицы исчезла тишина. В лгезде они молчали, и родители сами знали, кого из них надо кормить. Сидя на ветке, каждый стал требовать, чтобы его заметили первым. Голоса птенцов были похожи на голоса сорочат, только звучала в них не просьба, а недовольство и каприз. И хвостами короткими махали при этом, как рассерженные взрослые птицы: вверх-вниз, вправо-влево, Иногда дрались друг с другом, чего в гнезде не бывало. Трусоватыми их назвать нельзя: когда рядом с одним из таких полухвостиков опустился на ветку черный дрозд, тот даже не подвинулся.

Семья продолжала жить на участке, пока птенцы не освоили все приемы родовой охоты, Обучение начиналось с простого: отец или мать, держа добычу в клюве, как бы приглашали с соседнего дерева того птенца, который хотел есть. Потом приучали к земле: спустись — взле-

ти. Родители понимали опасность этого шага, и, когда один из слетков опустился на землю около меня, они тревожно затарахтели по-сорочьи, отвлекая внимание на себя, пока птенец не оказался на дереве, после чего я опять перестал существовать для них. Наверное, птенец за эти минуты понял, кого надо впредь опасаться хотя бы немного.

Поймав первую гусеницу, птенец не спешит к полной самостоятельности, а с прежней настойчивостью продолжает заниматься выпрашиванием. Он еще не может прокормиться сам: много ли наловишь за день, сидя на одной ветке? Однако уже дней через десять после выл ста, когда хвост у молодого сорокопута дорастет до нормы, он получает заключительный урок обучения.

Сорокопуты — караульщики. Их основной способ добывания пищи — высмотреть насекомое с высокого сторожевого присада — ветки, провода, с палки, на которой мотается на бахче грачиное пугало, с кучи земли или столба и взять его наверняка. Зрение у птицы отменное, и жучка размером с божью коровку она различает даже на маскирующем фоне за полсотни шагов. Вдали от присады сорокопут охотится, подобно пустельге: останавливая горизонтальный полет, он опускает хвост и, трепеща крыльями, зависает на месте, быстро и внимательно осматривая под собой землю и траву.

Этому приему детей обучала только мать, Самца за таким занятием я не видел ни разу. Пригласив птенца лететь за собой, она останавливалась и зависала на месте, а слеток повторял ее движения. Она как бы наводила его на цель, которую тот должен увидеть и взять сам. Этот прием немного похож на тот, которым обучают свой молодняк касатки. На этом, пожалуй, и закончились родительские заботы.

У молодых сорокопутов в голосе появились взрослые звуки. Семья еще не распалась, но днем все разбредались по окрестностям, лишь к вечеру возвращаясь на участок. И через два месяца после прилета, в последних числах июля, не спеша, с долгими остановками начали отлет чернолобые сорокопуты. Летят они, как чужие: двух рядом или даже поодаль не увидишь.

Мне всегда нравится смотреть на эту красивую и строгую птицу, и чем больше знакомлюсь с ней, тем меньше хочется узнать о ее жизни все сразу и побыстрее. Сорокопут и сам не дает разгадать свои большие и маленькие тайны одному человеку. В пределах гнездового ареала у чернолобых сорокопутов нет такой привязанности к постоянным местообитаниям, как у большинства птиц. Два-три года гнездятся они на одном месте, а потом исчезают на неопределенный срок или даже навсегда. Причем покидают сразу огромную территорию в десятки тысяч квадратных километров. И никакими местными условиями это явление объяснить не удается, Исчезая в одной области, сорокопуты появляются в другой, где их не было никогда прежде, а вскоре покидают и ее. Не удается установить и периодичность таких перемещений. В Каменностепном оазисе за все время его существования (этот оазис можно считать идеальным местом для гнездования вида) было всего два периода, когда там гнездилось много чернолобых сорокопутов, Во втором периоде нарастание их численности перед 1955 годом шло очень быстро. Образовалось что-то вроде большой разрозненной колонии. В следующем 1956 году в Каменную степь не прилетел ни один чернолобый сорокопут. Зато под Эртилем, расположенным в ста километрах севернее Каменной степи, в безлесном уголке Черноземья, гнездящиеся сорокопуты встречались в 1956 году чаще, чем зяблики. Но в 1957 году их там уже не было. Все остальные птицы прилетели на прежние места,

Летят ли вместе, то есть одновременно, самцы и самки? Почему никто из прилетевших в тот затерянный на огромной равнине крошечный перелесочек самцов не остался холостым и не было там лишних самок? Никакие логические размышления к правильному ответу на этот и другие вопросы не приведут. Нужны достоверные факты, чтобы понять, как, держась особняком в пути, все прилетают в конце концов в одно место. Надо еще иметь в виду, что у них времени в обрез и они не могут заниматься случайным поиском. Перелетное поведение этих птиц не укладывается в рамки современных гипотез об их ориентации на перелетах по звездам,

А каков смысл посредственного пересмешничества чернолобого сорокопута? Поет он всегда намного тише тех, кому подражает: за слабым шелестом листвы теряются многие звуки и даже части песни. Причем поет и специально уделяя время этому занятию, и между делом. У других певчих птиц так не бывает, или — или. Действительно ли это предупреждение для соседей на их языке?

Береговая ласточка

Изнуряющая жара делает июльские дни похожими друг на друга не только погодой, но и событиями в живой природе. Безоблачно потерявшее голубизну небо. Не оседая, висит над полями дорожная пыль тончайшего помола. Из-за нее тусклым и непривлекательным становится полуденное степное марево, а ночами луна светит, словно сквозь мутное стекло. Какая-то свежесть ощущается лишь у большой воды, а маленьких речек и прудиков не хватает, чтобы хоть немного остудить разогретый воздух. Впрочем, и возле них птичья жизнь заметнее.

Береговушка
Колония береговушек

Однако в полдень жара одолевает птиц даже на воде: прячутся в камыши лысухи и утки, не хочется летать чайкам и крачкам, смолкают пересмешницы-тростянки и варакушки. Лишь возле береговых обрывов, пробитых сотнями одинаковых отверстий, ни на минуту не прекращается мелькание ласточек. С негромким, суховатым журчанием или чириканьем вьются у отвесной стены береговушки. Одни с разлета ныряют в чернеющие входы норок, другие выскакивают из них и улетают куда-то, третьи возвращаются в стаю, которая, клубясь, как темноватое облачко, кружит на месте.

На три-четыре летних месяца заселяет равнинные реки всех континентов северного полушария неисчислимое и дружное племя береговых ласточек, или береговушек. За эту тягу маленьких птиц к береговым обрывам и дано виду одно из самых распространенных его названий. Другое народное название — стрижок — немного подзабылось. Некоторые колонии по нескольку лет могут существовать и вдали от речных долин — в заброшенных и действующих песчаных карьерах, на дорожных откосах, в других местах. Правда, карьеры — это потом. Сначала берега: никто из береговушек не прилетает раньше, чем уйдет половодье и обнажатся береговые обрывы и обрывчики.

Стайный и колониальный уклад жизни береговушек очень силен. Они не только гнездятся, но и мигрируют весной и осенью колониями. Неизвестно ни одного достоверного случая, чтобы пара поселилась где-нибудь сама по себе, вдали от своих. В маленьких выселках может быть меньше десятка норок, в огромных сверхколониях — тысячи. До 1975 года на Верхнем Дону возле устья реки Воронеж существовало поселение, в котором гнездилось до сорока тысяч ласточек. Пригодные для рытья обрывы были на протяжении нескольких километров пробиты густыми рядами норок. Здесь даже в самое комариное время можно было, не отмахиваясь от гнуса, спокойно удить рыбу или отдыхать: береговушки выедали комара и мошку начисто.

Когда молодняк из этой колонии покидал норы, число ласточек утраивалось. На проводах у паромных переправ, на окраинах прибрежных сел птицам едва хватало места. Под тяжестью живых гирлянд провисали многожильные провода. А когда взлетали все разом, то заметно раскачивались и столбы на железных и бетонных опорах. Беззаботно, как властелины огромных стад, живут возле таких колоний семьи соколовчеглоков, беря с береговушек дань и взрослыми, и молодыми птицами.

Назначив береговушке удел землекопа, природа обделила ее надежным инструментом для рытья, и в любом грунте ласточка копает нору полуметровой длины своим маленьким клюви-

ком. В песчаных обрывах работа идет споро: только струйки песка тонкими ручейками текут из выходов. В глинах с трудом дается каждый сантиметр: весь коридор и пещерку в его конце птицы выщипывают буквально по крошке. Зато их тяжелая работа на плотных грунтах облегчает гнездовые заботы нескольким следующим поколениям, освобождая их от многодневного рытья. В глинистых берегах норки служат по нескольку лет, не требуя никакого ремонта, даже после ежегодных наводнений в них. Новым хозяевам остается только настелить свежее гнездо.

Приступая к рытью на сыпучей, отвесной стене, ласточка повисает перед ней, «держась за воздух», быстро царапает песок лапками. Потом, уцепившись за маленький уступчик, пускает в ход клювик, упираясь в края углубления сгибом крыльев. Поэтому начало норки в песке по ширине немного больше, чем по высоте. В слоистом обрыве береговушки выбирают самые рыхлые пласты, и тогда их норки располагаются ровными рядами. В однородном грунте копают где придется. Но некоторые, не имея, видимо, жизненного опыта, соблазняются легкостью работы в самой верхней части стены, почти под травяной дерниной, и часто расплачиваются за это если и не собственной жизнью, то яйцами или птенцами.

Эти верхние гнезда очень часто становятся добычей лисиц, хорьков и даже ежей. То ли на слух, то ли на нюх зверь точно определяет, где находится пещерка, и раскапывает ее. Сами хозяева даже после ночного нападения остаются обычно в живых. Тогда они, не повторяя прежней оплошности, быстро выкапывают короткую норку и, словно стремясь, пусть даже с опозданием, выполнить долг перед племенем, успевают до общего отлета воспитать птенцов. Однако бывает и так, что лисьи раскопки оборачиваются бедой и для птиц из нижних этажей. Вода могучих грозовых ливней, врываясь в разрытую ямку, вытекает по коридорчику на откос. Маленький ручеек врезается в стену узкой промойной, которая после нескольких таких же дождей соединяется с соседними. А это уже может привести к обвалу. Да и вообще норки птиц-землекопов отнюдь не укрепляют стены обрывов. Нередко донские берега откалываются огромными глыбами как раз на длину норок в тех местах, где этих норок было более чем густо,

Выкопать норку —- это еще не все. В доме надо сложить гнездо, чтобы ни яйца, ни птенцы не лежали на голом земляном полу. На выстилку идет тот же материал, что и у всех других ласточек: сухие травинки и перья. Но если травяной ветоши сколько угодно можно набрать рядом, то с пером в конце весны — начале лета трудновато, и если паре удается отыскать хотя бы с десяток, то и ладно. Береговушки находят в тростниковых крепях первых линяющих селезней-холостяков и уносят оттуда не успевшие утонуть перья старого брачного наряда. Наведываются в колонии озерных чаек, залетают на выгулы больших птичников, на сельские дворы и улицы, подбирая там куриные и голубиные перья. Удачная охота орланов, болотных луней и других хищников — удача и для береговушек: им достается то, что не нужно самим хищникам, Однако не каждый день приносит нужную находку, и птицы не упускают случая принести перо в норку, когда там уже подрастают птенцы,

Иногда две пары копают свои норки настолько близко друг к другу, что песчаная стенка между ними постепенно осыпается, и тогда жилье соседей начинается общим широким входом. Но жизнь этих ласточек не осложняется даже мелкими ссорами. В гнездовую нору паре береговушек можно подсадить чужого птенца или даже выводок любого возраста, и родители, не замечая разницы, выкормят его вместе со своими до нормального вылета. Но когда родители еще несколько дней докармливают птенцов под открытым небом, они находят родных детей в любой стае и отдают корм только им, и никогда не сунут мошку постороннему попрошайке.

Как бы тесно и беспорядочно ни располагались жилые и пустые норки на обрыве, ни одна ласточка по ошибке не залетит в чужую. Каждая узнает свою, хотя наш взгляд не отличит ее от десятка соседних. Мало того, береговушки обладают способностью точно обнаруживать место входа в свой дом при небольших обвалах, засыпающих сразу несколько отверстий. Они быстро и деловито откапывают ходы. А вот живущий рядом с ними, зимородок воспринимает такую катастрофу как фатальную неизбежность и не делает даже попытки спасти потомство.

Орел-могильник

Просторы воронежского Придонья — это еще не настоящая степь. Это подстепье, в котором на древних речных наносах, на крутых правобережьях текущих к югу рек, по балкам и яругам островами разбросаны два бора и множество больших и малых дубрав. А сами необозримые степи Русской равнины давно стали полями, и остались от них, как памятники девственной природы, небольшие кусочки целины, которые можно оглядеть с одного места или не спеша обойти вокруг за полчаса. Нет у них горизонта: со всех сторон его закрывают лесные полосы. Но земля и трава здесь степные. А небо везде одинаково. Только именно в степи, пусть маленькой, но настоящей, так хочется смотреть вверх, где в спокойной синеве пасутся табуны облаков. Тогда нетрудно вообразить, глядя на качающуюся у лица травинку, что где-то неподалеку бредет стадо сайгаков, направляясь к водопою, что с достоинством вышагивают пудовые дрофы и, подобно каменным бабам на древних курганах, стоят на сторожевых холмиках степенные байбаки.

Есть такой нетронутый кусочек степи около Хреновского бора. Пасутся на нем только кони орловской породы. Давно не залетают сюда дрофы, исчезли сурки. Но днем, когда нагретый воздух чуть не наполовину состоит из смеси ароматов цветущих трав, как ожившее видение прошлого, парит над степью птица, без которой самая привольная степь не степь. На двухметровую длину развернуты широкие крылья, выдавая в их обладателе властелина воздуха самого высокого ранга. Парит в охотничьем или прогулочном полете старожил здешних мест, орел-могильник. Ходят по сыроватой низинке два журавля. Прилетел за лягушками белый аист. Семья лебедей-шипунов плавает на безлюдном пруду — тоже аристократы пернатого мира. Но их рост и осанка меркнут перед величавостью парящего орла, хотя и выглядит он на такой высоте не внушительнее коршуна, который плавает кругами пониже, высматривая поживу.

Жили когда-то и могильники, и другие орлы в лесах воронежских вольно и безбоязненно. Нераспаханные степные просторы изобиловали доступной добычей. Орлы в разряд дичи, которую можно отстреливать, не входили. Но потом цари птиц, лишенные прежних охотничьих территорий, подверглись прямому преследованию и истреблению оружием, и их существование едва не превратилось в небытие. Отстрел крупных пернатых хищников не только не осуждался, но даже поощрялся.

И долго не было известно, где же в Черноземье сохранились орлы-могильники и сколько осталось их. Дважды во время зимних учетов оленей и лосей в Хреновском бору, пролетая над глухими участками, мне удалось увидеть сосну, на которой то ли огромное гнездо было, то ли густая старая ведьмина метла под толстой снеговой шапкой. С самолета видели это дерево с предполагаемым орлиным гнездом, а с земли никак не удавалось отыскать его. Но сомнений в том, что хотя бы пара могильников в бору гнездится, не было. Гнездо нашли студенты-зоологи Воронежского университета, после того как был вырублен небольшой участок спелой мачтовой сосны. Лес валили зимой, хозяев гнезда не было, но дерево с ним оставили специально.

Я приехал к гнезду в середине жаркого мая 1984 года и, не мешая орлам, прожил несколько дней на той сече, наблюдая за парой издали через сильную зрительную трубу. Достаточно было одного взгляда на ту сосну, чтобы понять: орлы, наверное, облетели и осмотрели весь бор, прежде чем выбрали ее. Для устройства гнезда это было самое удобное дерево. Издали оно не производило впечатления ни очень высокого, ни очень крепкого, потому что росло со дна котловины между тремя высокими дюнами. Лишь став у его подножия и взглянув вверх, можно было проникнуться почтением к прямому, могучему стволу, на тридцатиметровой высоте увенчанному широкой мутовкой крепких веток, на каждой из которых — густая ведьмина метла. И на этой непроглядной зеленой опоре надежно покоилась тяжелой глыбой орлиная постройка. Высота дерева, огромный размах метел и махина гнезда словно убавляли хозяйку в росте. Орлица, стоя на краю помоста, выглядела на нем не крупнее канюка. Над мутовкой ствол, резко утончаясь, поднимался еще метров на пять-шесть, но зеленых веток на нем почти не осталось: все обломали орлы, и макушка выглядела как шпиль громоотвода. Казалась сосна неколебимой, но в зрительную трубу было хорошо видно, как раскачивается ее ствол под свежим ветром.

Оставлять урочище нетронутым и ждать, пока орлы захотят сменить место, было бы не очень правильным решением. Могильникам и одного дерева достаточно. В приаральской пустыне, где состоялось мое первое знакомство с этими птицами, все их гнезда были построены на одиночных деревьях, стоявших около старинных мавзолеев. Это или корявый, колючий лох, или тополь разнолистый, или саксаул, на ветвях которого могильники умеют сложить прочный помост из наломанных тут же веток.

Лесоводы, проводя рубку, оставили на сече не только сосну с гнездом, но и еще десятка полтора старых сосен, на которых любили сидеть птицы

во время обязательного туалета. У всех оставленных деревьев были сухие макушки: орел, опускаясь на тонкую вершину, нередко обламывает собственной тяжестью хрупкие живые веточки, кроме того, орлица, закончив утренний туалет или обед, сламывает обязательно веточку и несет ее в гнездо.

Начало моего сидения около орлиной обители не обещало интересных событий. Режим дня у птиц во время насиживания был такой же, как у других крупных хищников. Орел или улетал на охоту и, принеся добычу, отдавал ее самке, или праздно сидел на одной из сосен. Был даже день, когда не ели птицы, наверное, сытые охотой предыдущего дня. Орлица тогда с рассвета до вечера ни разу не покинула гнезда. Утром носилась с вывертами над поляной сизоворонка, не обращая внимания на орлицу, но со злостью бросаясь на орла, когда тот улетал или возвращался. Пела юла, перелетая по мелким сосенкам. Два зайца все утро рыскали между толстенными пнями, пока жара не загнала их в лес. Орлица следила за ними с явным интересом, Видела она и маленького косуленка, оставленного матерью в тени нескольких молоденьких березок. Прилетала поворковать на ее дерево горлица, но она даже голову не подняла посмотреть, кто над ней. И вдруг как-то сразу, будто сробев, поплотнее прильнула к помосту, стараясь вжаться в него, быть незаметнее, меньше,

А всего-то на кончик шпиля сосны взлетела небольшая, с дрозда, птица, воинственно размахивавшая длинным хвостом. Оказывается, рядом с могильниками загнездилась пара серых сорокопутов, птиц в этих местах еще более редких, чем они. По крайней мере у меня это была первая встреча с гнездящимися серыми, или большими, сорокопутами за все годы изучения птиц в Черноземье. Зимой же бродячих одиночек-сорокопутов можно встретить в перелесках, на пусты-

Орел-могильник

рях, в речных займищах, где они ловят мелких грызунов и любых птиц меньше себя ростом.

Весом сорокопут на одну четвертую легче скворца, но выглядит крупнее, чем он, потому что хвост у него вдвое длиннее скворчиного и голова больше. Этот маленький и отчаянно смелый хищник терроризировал орлиную семью. Особенно докучал он орлице, почти не отлучавшейся с гнезда. Раза три-четыре за день прилетал он на ее гнездовое дерево. Усевшись на макушке, он угрожающе размахивал хвостом, словно обдумывая, как посильнее досадить наседке. Потом, трепеща крыльями, зависал над орлицей, как бы прицеливаясь ударить получше, и падал ей на спину. Изнуряемая жарой, наседка даже не оглядывалась. А сорокопут, ободренный собственной удалью, ударял еще раз, тут же взлетая вверх, словно отскакивая от упругой спины орлицы. В голову он не метил, а жесткие перья орлиных крыльев были для него непробиваемой броней, но отказывать себе в этом удовольствии он не хотел. Иногда вместе с ним прилетала и его самка, но ни разу не отважилась, а может быть, и не хотела нападать на беззащитную орлицу, которая терпела его дерзость, не делая ни малейшей попытки защититься.

Сорокопут никогда не пропускал тех минут, когда орлица отлучалась с гнезда, и тут же оказывался у нее за спиной. На орла он почему-то не нападал, словно чести "не удостаивал, но и не боялся его. Он норовил ударить орлицу, когда она чистилась или обедала на дереве, но особенно рьяно бросался на нее в воздухе. И громадная птица в полете не чувствовала той уверенности, какую она имела, стоя или лежа на твердой опоре, защищенная броней крыльев. Ожидая удара, она старалась встретить налетевшего сверху и сзади сорокопута клювом, неуклюже оборачиваясь на лету. Скорый на крыло сорокопут, стремительно налетая сверху, заставлял ее и зеленую веточку бросить, которую она несла в клюве, и опуститься на ближайшее дерево. Так что попасть в гнездо ей удавалось не сразу. Интересно, что орлы видели гнездо сорокопутов, но позволили им выкормить весь выводок, наверное не припугнув ни разу: не опустились до мелочной мести.

Другие соседи — из смежного квартала, пара воронов, наоборот, больше недолюбливали орла. Они ни разу не дали ему пролететь свободно через свое воздушное пространство, был ли он с добычей или без нее. Завидев могильника, они с набатным круканьем в два голоса поднимались выше него и, пристроившись сзади, норовили ударить в спину. Вороны в воздухе выглядели лишь немного меньше орла, а орел почти не уступал им в скорости. И со стороны их нападение было, пожалуй, похоже на птичью игру.

Как только один из воронов был готов нанести удар, орел применял красивый прием, без усилий уходя от соприкосновения с противником. Он подтягивал крылья к корпусу, почти складывая их, и резко пикировал к верхушкам деревьев, А когда до его гнездового дерева оставалось несколько взмахов, сам переходил в нападение и отгонял черных птиц на их территорию. После такого отпора вороны успокаивались и улетали к своему гнезду. Сильные, рослые, они побаивались нападать на орла в одиночку, а преследуя его вдвоем, только мешали друг другу. Может быть, настоящий удар они не собирались наносить. Знали орлы и вороны друг друга хорошо, гнездились по соседству не один год, и было в их отношениях что-то свойское,

Ежедневно со стороны реки на вырубку прилетала серая ворона. Эта относилась к орлам без страха, но почтительно. Она не ошибалась в их принадлежности к врагам своего племени, тем более что под одной из сосен были рассыпаны перья ее соплеменницы, ощипанной орлицей. Но она ни разу не свернула к гнездовому дереву орлов, пролетая неподалеку, ни разу не каркнула угрожающе, не пыталась звать своих, словно хотела дожить в мире до того дня, когда можно будет увести из леса свой выводок.

Птенцов у орлов было двое. Хотя один из них вылупился из яйца двумя днями раньше другого, это были самые настоящие близнецы. Младший даже казался чуть покрупнее первенца. Только когда в их белом пуховом наряде затемнели кисточки растущих перьев, разница стала заметнее. А вскоре различия прибавились и в поведении, и в голосах орлят. Первый никак не мог догнать в росте второго. Завидев подлетающего с добычей отца, он сипловато пищал, тогда как второй требовательно и резко тявкал. Пока мать кормила обоих с клюва, никакой очередности в кормежке не было: кусочек — этому и такой же кусочек — другому. Когда оба стали сами управляться с добычей, когда на охоту стала улетать и орлица, больший никогда не позволял меньшему позавтракать раньше себя. Если он не успевал первым схватить принесенного грача или суелика, то бесцеремонно отбирал его, не встречая никакого сопротивления, и позволял доедать остатки, когда сам уже не мог проглотить ни кусочка. И рост, и голос, и поведение выдавали в нем самку: в гнезде росли брат и сестра,

Орлы были хорошими охотниками, и дети у них не голодали, но почти ежедневно на гнезде повторялась одна и та же сцена. Молодая орлица, набив до отказа зоб мясом, ложилась на помост, дремала, изредка расправляя то одно, то другое крыло, потягивалась. А ее брат, доев что оставалось, принимался махать крыльями, подскакивая чуть ли не на метр, или усердно перебирал клювом перья, пуская по ветру белые пушинки, большинство которых, зацепившись за

хвою, оставалось около гнезда. Вся широкая мутовка с метлами была в этих пушинках, как новогодняя елка в ваточных «снежинках».

Тренировка и чистка так занимали орленка, что он не обращал внимания на свежую добычу, которой мог уже полностью распорядиться сам. Утомившись, он тоже ложился на гнездо и дремал. Но вскоре поднимался и как-то нехотя принимался ощипывать грача. Ветер сдувал сверху черные грачиные перья, разнося их по вырубке, Орленок никогда не торопился. Казалось, что ему нравятся собственные старательность и аккуратность. А возможно, что не спешил он, зная, что от его трудов ему все равно достанется то, что не съест сестра.

Когда его работа подходила к концу, она лениво, медленно вставала на ноги. Ее вроде и не интересовало занятие брата. Перо на ее зобу немного оттопыривалось, и есть ей явно не хотелось. Мельком взглянув на почти ощипанную птицу, она отводила взгляд в сторону, глядя куда-то поверх деревьев, где, может быть, кружили над степью старые могильники, продолжая охоту. Но орленок знал, что кроется за этим равнодушием, и стоял не шевелясь. И действительно, сестра вскоре наклонялась, без усилий вытягивала из-под его когтей грачиную тушку. Ни ссоры, ни малейшего намека с его стороны на недовольство при этом не было.

Когда молодой орел обзаводится собственной семьей, он охотится и кормит самку на гнезде: так заведено в его роду. Видимо, это чувство обязанности и требовательность орлицы как-то проявляются уже в детском возрасте: самка имеет право на первый кусок. Такая внутригнездовая иерархия наблюдается и у некоторых других хищников, когда в выводке растут два птенца разного пола. У ястребов-тетеревятников птенец-самец, появившийся на свет раньше самки, быстро сменяет свой деспотизм на полную покорность. А она не мстит ему за прошлые укусы, а просто забирает добычу, делясь с ним, когда насытится сама.

Через год в том же бору было найдено гнездо еще одной пары могильников, которые были помоложе орлов первой пары. Зимой в Хоперском заповеднике вместе с залетными беркутами и орлами-белохвостами впервые увидели могильника. Так что есть теперь некоторая уверенность в том, что будем мы любоваться полетом этих белоплечих орлов над просторами Подворонежья, где когда-то жили их предки.

Лесной конек

Вопреки всем ожиданиям после холодного и бездождного мая выдался на редкость жаркий и сухой июнь. Только-только зацветала по лесным урочищам липа, а в светлом бору, смешиваясь с запахом сосновой живицы, стоял аромат подсыхающей земляники. Едва покраснев, теряла ягода сок, а вместе с ним — и сладость, и не клевали ее, горьковатую и подвяленную, мелкие лесные птицы. Зато словно алым цветом расцвели кусты бузины: поспел ее урожай — птичье лакомство и питье. На один и тот же куст слетались в полдень лесные соседи — черно-золотая иволга, две серые мухоловки, элегантная пеструшка, Черноголовка и певчий дрозд. Ощипывали кисти, глотали сами, рвали для птенцов, роняли на землю.

Подбежала к кусту шустрая птичка, похожая нарядом на певчего дрозда, а ростом и статью — на трясогузку. Схватила на бегу оброненную ягоду и засеменила среди редких травинок к низенькому бересклету, из-под которого ей навстречу, чуть приподнявшись с земли, открылись четыре ярких рта. Сунув ягоду в один из них, снова направилась к бузине и принесла другому птенцу. В это время с другой стороны приблизилась к гнезду точно такая же птица с зеленоватой гусеничкой в клюве. Парочка лесных коньков кормила птенцов, которым в последний день июня исполнилась ровно неделя.

В первые дни жизни птенцы были одеты в темно-серый пух, негустой, но довольно длинный для таких крошечных существ. Четверка лежавших в гнезде слепых близнецов была

Птенцы
На гнезде

похожа на сгусточек дыма. Больше и сравнить не с чем. Эта первая одежда защищала беспомощных малышей от комарья, хранила в их тельцах тепло материнского тела в свежее утро.

Не запоздали коньки с гнездовыми делами, а кормят второй выводок. Первый выпустили в лес в самом начале лета, когда цвел черноклен, А самая первая песня маленькой птицы прозвучала над вершинами сосен-великанов еще в апреле, когда стояли неодетыми листопадные деревья и даже в березняках не было зеленоватой дымки. С того дня до появления на свет первых птенцов пел конек-самец одну и ту же иесенку.

У нее всегда одинаковое начало, но часто не бывает конца. Она приятна, звучна, но на слух невозможно различить двух певцов-соседей, Среди тысяч коньков нет ни одного, который бы вставил в нее новый звук или как-то изменил манеру исполнения. Именно по этой манере легко и без сомнения можно узнать лесного конька.

Соловей охотно поет, даже лежа на толстой ветке. Полевой жаворонок рассыпает свои трели только в поднебесье. Большинство пернатых певцов поют, стоя на ветке, на кочке, на травинке. Конек поет, стоя и на земле, и на пеньке, и на макушке самой высокой сосны. Но на месте он исполняет часть песни, первую ее половину или начало, а заканчивает только в полете. С торопливым, но чистым и звучным щебетанием птица круто, почти свечой, взмывает вверх и, словно выдохшись на подъеме, подняв развернутые крылья и хвост, планирует с замирающим посвистыванием к вершине другой сосны, к другому пеньку. Несколько секунд передышки, и новая трель, а затем — новый взлет на ту же высоту, и опять красивое планирование. Дерево нужно самцу только для пения. Лишь иногда удается подсмотреть, как он с необыкновенным изяществом идет по горизонтальной ветке.

Высота полета токующей птицы отмерена длиной песни. Большинство коньков во время ее исполнения видят свой лес сверху, взлетая с макушки одного дерева и садясь на макушку другого. Но некоторые взлетают с пенька и на пенек опускаются. Почему так?

Конек верен прежнему месту, но может статься, что в его отсутствие, зимой, там свалили все деревья, вырубили кусты, но еще не вспахали землю под новый лес. Потерявший соседей конек становится единственным певцом свежей вырубки, где самые высокие присады — это не успевшие потемнеть в торцах пни лип, дубов и кленов. К началу лета, словно в густом тумане, утонут эти пни в зарослях цветущей сныти, бездымными кострами запылают у их оснований краснолистные кустики дубовой и кленовой поросли, но конек уже привыкнет к ним и до июля будет петь на них, с них взлетать, на них опускаться.

На виду, конечно, всегда самец. Самку удается увидеть лишь мельком, нечаянно спугнув с гнезда. Она его строит, она насиживает и корм сама себе добывает, оставляя на несколько минут яйца. На гнезде сидит крепко, как все наседки, ее нелегко разглядеть на фоне сухих былинок, листиков и земли,

Как ни трудно увидеть самку на гнезде, есть глаз, от которого не скроет ее никакая «шапка-невидимка». В «кукушечьи» годы чуть ли не в каждом четвертом-пятом гнезде лесных коньков растет подкидыш-кукушонок, который, став взрослой птицей, начинает разыскивать гнезда таких же безотказных воспитателей для своих потомков. С собственными птенцами коньки расстаются быстро: трехнедельный слеток — уже самостоятельная птица. Кукушонок заставит кормить себя месяц, а иногда и больше. И если в середине июля конек с кормом в клюве, значит, где-то неподалеку сидит его приемыш,

Все коньки — неутомимые ходоки. Шажки у маленькой птицы невелики, но от наблюдателя удаляется очень быстро. Через небольшие препятствия не перелетает, а переходит или перебегает. Если с пенька надо спуститься, конек никогда не спрыгивает с него, как это делает синица, а сбегает по комлю вниз, как с крутой горки. И на пенек не вспархивает, а всходит, не помогая крыльями, было бы за что уцепиться коготками.

Когда перестает существовать птичья семья, конек, сменив старое перо на новое, переселяется поближе к открытым пространствам, хотя и держится около спасительных опушек. В большие стаи коньки не собираются, но каждый погожий сентябрьский вечер с лугового огорода, с края поля стартуют десятка два-три молчаливых птиц, беря курс в ту сторону, куда опустилось осеннее солнце.

Кобчик

Весь день слабенький ветерок ровно тянул над степью, но так и не привел ни одного облачка, чтобы немного ослабить зной, которым, катясь по белесому небу, обдавало землю белое солнце. Но когда ему, огромному, остывающему, покрасневшему, оставалось дневного пути минут на пять, край диска стал тонуть во вздыбленной у горизонта туче, подобно шишковатой голове исполинского чудища, сидевшей на широких плечах Земли. Пока солнце не дотронулось до этой башки-башни, ее не было видно. Но, проглотив светило, туча стала быстро наливаться темнотой и вдруг медленно открыла два перекошенных глаза, бросив на степь, на реку, на стену тополей на берегу пылающий взгляд. Отразившись на широкой глади Донца, он медленно погас, как будто сами закрылись два огненных глаза, два просвета в дырявой туче, сквозь которые солнце глянуло на мир последний раз.

Сумерки стали густеть быстрее, чем при ясном небосводе. Оборвал вечернюю песню последний жаворонок, почти успокоилась к ночи вернувшаяся с дальних полей грачиная стая, но возле тополей, из крон которых еще раздавалось недовольное карканье, как неугомонные, почти черными силуэтами сновали острокрылые кобчики. Начав охоту чуть свет, они еще продолжали ловить добычу. Сейчас их было вдвое больше, чем днем, но не потому, что половина птиц отдыхала, а потому, что матери стояли на гнездах, защищая соколят собственной тенью от беспощадного солнца.

Засвистели за рекой сплюшки, цыкнула над водой летучая мышь, а кобчики, словно радуясь вечерней прохладе, будто и не намеревались возвращаться к гнездам. Странно: это же дневные хищники!

Научному названию кобчика более двухсот лет, и переводится оно как «сокол вечерний». Значит, издавна была известна его .манера охотиться на закате и в сумерках, когда в воздух поднимаются ночные жуки и бабочки, смирно сидевшие весь день в траве, в листве деревьев и даже под землей. Из-за малого роста добычи, ее юркости и скорости полета при слабом освещении невозможно разглядеть, кого предпочитают вылавливать кобчики. Но кажется, что ловят подряд, не выбирая, но и не протягивая лапу за самой мошкарой. Реющая в неспешном полете птица, чуть притормаживая, вытягивает перед собой лапу, а потом, сжав ее в кулачок, подносит к голове. Это миг овладения добычей и поедания ее, а для зрителя вечерняя охота стаи выглядит как легкая воздушная гимнастика перед недолгим сном.

Возле грачиной рощи охотились только взрослые соколки, а птенцы, накормленные и спокойные, спали на гнездах. А в теплом сентябре 1971 года я присутствовал на вечерней охоте большой пролетной стаи, в которой было немало аспидно-серых самцов, рыжегрудых самок, но еще больше — белощеких молодых кобчиков, которые искусством полета и умением уже не отличались от родителей.

Вдоволь налюбовавшись необыкновенной прелестью цветущего белозора, я тут же получил еще один подарок. Над опустевшим после ухода деревенского стада луговым пастбищем, как на большом птичьем гулянии, одни — совсем низко, другие — повыше, кружило множество кобчиков. Каждый из них то и дело как бы раскланивался в своеобразном молчаливом приветствии. Молодежь — со сверстниками и старшими, а те так же здоровались друг с другом и с птенцами-первогодками. На человека, стоявшего чуть ли не в середине этой стаи, они как будто и внимания не обращали.

В чистом воздухе под скользящими лучами закатного солнца была видна блеском крошечных крылышек даже тля в полете, и можно было без труда разглядеть добычу кобчиков. По всему пастбищу с земли чуть ли не роями поднимались и поднимались насекомые ростом с комнатную муху: из сухих и подсохших коровьих «блинов» вылетали тысячи и тысячи маленьких навозничков-афодиев. Их-то, не давая набрать высоту, и ловили соколки. А кое-кому досталось и по небольшой стрекозе.

Так продолжалось всего несколько минут. А когда солнце опустилось за высокое правобережье, лет жучков стал быстро слабеть и охота как-то неприметно расстроилась. Птичья стая начала редеть, кобчик за кобчиком улетали к старому саду за рекой, где некоторое время под вечерней звездой мелькали их черные фигурки.

Добыча ласточек в меню сокола — это и удивительно, это и обычно в птичьем мире. И не потому ловит кобчик хрущей и навозничков, что в «поле и жук — мясо», а потому, что охота легкая и корм сытный. Но вот птенцов на нем не вырастить, нужно другое мясо, настоящее, а не стрекозье и жучиное. И тогда в мышиных местах соколы становятся мышеловами, в суслиных — ловят суслят, которые как раз во время роста соколят расходятся из-под материнской опеки. У молодых зверьков, вступающих в самостоятельную жизнь, почти мышиные вес и рост, а взрослого суслика кобчик если и одолеет, то к гнезду не донесет. Ни один кобчик не упустит случая схватить ящерицу: голову себе, остальное — птенцам. Мелкие птицы его остерегаются летом. Даже взрослые стрижи не доверяют,

наверное узнавая в нем родича птицелова-чеглока, хотя, может быть, самому кобчику в когти никогда не попадали и неопытные стрижата. Но в гнезда маленьких соседей не заглядывает. По крайней мере чернолобые сорокопуты, жившие на соседнем дереве, ни разу не проявили неприязни к кобчикам, а грачей и сорок терпеть не могли даже у границ своего большого участка. Так и хочется сказать: «Вот оно, соколиное благородство!»

Но очень многие кобчики становятся на три-четыре недели настоящими лягушатниками, специально разыскивая бесхвостую добычу на утренних и вечерних зорях. По утрам на опушках и возле лесных полос ловят изящных остромордых лягушек, пока те не успели спрятаться от дневной жары, вечерами — шишколобых и толстобоких чесночниц, которые в сумерках сами выходят из-под земли на скорую охоту. Кожа тех и других, наверное, не ядовита ни для взрослых соколков, ни для птенцов, и едят их птицы без неприятных последствий. Видимо, умеют отличать жаб от похожих на них чесночниц. А может быть, и ловят в потемках, но ни сами не едят, ни в гнезда не приносят. Когда же в середине лета взрослеют и отъедаются степные и луговые прыгуны — разные коньки, кобылки, прус, кобчики переключаются на эту добычу, высматривая ее с дерева, с проводов или гоняясь за ней пешком,

Сомнительно, чтобы кто-либо когда-то и где-то видел, как кобчики пробовали сами построить настоящее гнездо или хотя бы подремонтировать чью-нибудь бесхозную развалюху, которая могла бы послужить птичьей семье всего сезон, те восемь недель, на которые этот «дом» и необходим. Не в обычае у аристократов неба, у рода настоящих соколов, заниматься такими житейскими делами, как строительство. На деревьях они в чужих гнездах птенцов выводят; на скалах, на земле так обходятся, без комфорта. Но приле-

Кобчик
Самка
Птенцы

тают кобчики поздно, одновременно с воронками: на Верхнем Дону — в начале мая, когда подходящих свободных гнезд на всех может и не хватить. Силой тоже ничего не возьмешь. И настоящими благодетелями для соколов являются грачи, потому что в старых степных грачевниках всегда найдется несколько достаточно крепких построек, у которых по разным причинам нет хозяев.

Кобчикам селиться в грачиной державе — сразу несколько выгод. Гнезда — это во-первых. Во-вторых, кобчики не любят уединения. Они и на перелете стаей держатся, которая у этих соколков представляет собой что-то вроде землячества. И если есть возможность осесть в одном месте, то стая не рассыпается и образует в грачиной колонии свою субколонию. А если не хватит на всех свободных гнезд, то кобчики могут и подождать, пока не вылетят грачата ранних выводков. Это происходит в самом начале лета, и времени вырастить соколят остается достаточно. Грачи относятся к «постояльцам» снисходительно, даром что клюв у тех крючком. И картину, когда грач кормит на гнезде здоровенных грачат, а рядом стоит на веточке кобчик (место, мол, занято!), можно наблюдать всюду, где эти птицы живут вместе. В-третьих, пусть ненадолго, но жизнь кобчиков в грачином гаме безопасна. Пока хозяева в грачевнике, путь туда воронам и сорокам заказан. Но между грачами и кобчиками конфликтов не бывает.

Там, где вместе с грачами гнездятся серые цапли, бывает, что пара кобчиков занимает пустующую постройку цапель. Соколок и на грачином гнезде выглядит малышом, но когда он стоит на огромном помосте метровой ширины, сложенном цаплями, то и вовсе кажется карликом. На таком ворохе слежавшихся веток свободно разместилась бы сотня его сородичей.

Удобны для кобчиков и сорочьи, и вороньи гнезда, но занимают их пары не всегда охотно, потому что приходится тогда жить на отшибе от своих, а не потому, что осознают степень риска такого гнездования. А опасность в том, что бывшие хозяйки этих гнезд и их соседки нередко, объединившись, устраивают разбойные нападения на «квартирантов» и буквально сдергивают наседку с гнезда, растаскивают яйца. И повсюду это происходит одинаково, словно по одному сценарию: окружают, дергают за хвост, щиплют крылья, угрожают и добиваются своего.

Наседка — не значит только самка, кобчик-отец тоже греет яйца. Она же в свободное время охотится для себя, отдыхает. Но потом у нее словно бы возникает беспричинное недоверие к заботливости и добросовестности самца, и она все реже уступает ему место, а потом и вовсе оставляет гнездо лишь для скорого туалета, Птенцы вылупляются всегда под ней, как и у журавлей. Она оделяет их кормом, днем прикрывает от солнца и дождя, согревает ночью, а охотницей снова становится тогда, когда подростки уже наполовину одеты в перо. Но и в дни взросления соколят отец словно бы не решается нарушить непонятный запрет становиться на гнездо и передает добычу матери, стоящей на соседней ветке.

Постепенно у птенцов проявляется простой, но обязательный обеденный этикет. Все чаще принесенная добыча не делится на кусочки между тремя-четырьмя — сколько их в семье, — а отдается одному целиком. Иногда он и сам может вырвать лягушку из материнского клюва, если та медлит, вспоминая, кого кормила прошлый раз. А вот у него никто не будет отнимать: отвернувшись от братьев, он спокойно съест все сам. Если же мать станет кормить одного, как маленького, вкладывая в его клюв кусочки понежнее, отвернутся все остальные.

Мне не доводилось видеть кобчиков в прогулочном полете. Даже весной они как-то не увлекаются воздушными играми. Наверное, им это уже ни к чему: сколько тысяч километров летели вместе чуть ли не крыло о крыло. Так что если кобчик на крыльях — он охотится. А вот сам охотничий полет может быть разным. То он реющий, как на той вечерней жучиной охоте. То кобчик, подобно пустельге, «трясет» на месте, вглядываясь в травяные заросли или заглядывая с небольшой высоты в суслиную норку. То он патрулирует на стометровой высоте, поддерживаемый горячим током воздуха, поднимающегося над нагретой пустошью. То в ветреную погоду, повиснув на гребне воздушной волны, отраженной от обрыва или плотной лесной полосы, медленно скользит вдоль нее, как плывет, успевая увидеть под собой все. Но очень сильного ветра не любит. Ложится тогда на ветку, на провод как дозорщик: кто-нибудь да шевельнется внизу.

Чем темнее становилось небо, чем больше звезд отражалось в Донце, тем призрачнее становилась туча на западе. Так она и растаяла, напугав своим обликом, но ни разу не сверкнув молнией и ни разу не громыхнув. И уже когда на земле исчезли все краски, а под ногами можно было различить только белые цветочки дремы, глаз все же уловил возле тополей черный птичий силуэт. По уверенности полета, по его скорости, по росту птицы можно было уверенно сказать, что это был кобчик. До полуночи оставался ровно час.

Удод

И сстари в поймах и на песчаных левобережьях степных рек Черноземья процветает огородничество: вода близко, земля легкая. Хорошо тут вызревают помидоры, картошка вкусная, удаются лук, морковь, капуста, другие овощи. Но в этих же местах живет неистребимый враг огородов — медведка. Грызет она корни растений, объедает клубни картофеля, вгрызается в огурцы, обходя стороной только хрен. В засуху, когда даже при хорошем поливе чахнут колючие плети тыквы, медведка злодействует с двойным усердием, утоляя сочным кормом и голод и жажду. И не страшны этому насекомому ни высокое половодье, ни глубокая пахота. Но в постоянной борьбе с подземным вредителем в этом районе у огородника есть давний и неизменный помощник — длинноклювый и пестрокрылый красавец УДОД.

В Черноземье прилет удода совпадает с пиком половодья, которое выживает медведок из их подземных убежищ. Но удод ловит медведок не только весной: с прилета до отлета предпочитает он их всему другому и достигает в своей охоте предела совершенства. Это охотник-ходок: ходит легко и живо, бегает редко. Его добыча — под землей и на земле: дождевые черви, жуки и личинки жуков, гусеницы, пауки. К медведке же страсть особая и особый дар на глаз отыскивать ее в земле. Тонким клювом, как пинцетом, вытаскивает удод на поверхность сильное и хорошо вооруженное, похожее на маленького зверька насекомое, обламывает ему

зазубренные лапы-лопаты и несет самке, птенцам или сам проглатывает. В полезащитных полосах удод, насколько может, избавляет корни тополей от личинок большой стеклянницы — бича степного лесоразведения.

Удод — птица необщительная. Никто никогда не видел удодов стаями. В конце лета может встретиться с десяток птиц — вся семья целиком, весной — пара.

Там, где поселяется удод, его невозможно не заметить. Не только потому, что прилетает рано, когда птиц еще мало, а прилетев, объявляет о своем возвращении весенней «песней», которая слышна на большом расстоянии так же отчетливо, как и вблизи. Картинно красуясь на столбе, вершине дерева или камне, удод глуховато бубнит свое однообразное «у-дудуд» или «уп-уп-уп» (кому как кажется), кланяясь при каждом повторе. Встревоженная птица шипит, птенцов из дупла выманивает негромким кряду. У маленьких удодов хохол растет одновременно с полетными перьями,

Пока дома весь выводок, родителям, как ни трудно, кормить его проще. И ритм кормления таков, что птенцы голодны только утром. Но как только из гнезда вылетят один-два первых, привычный дневной режим нарушается. Этих первых надо сразу учить приемам родовой охоты и еще кормить несколько дней, чтобы окрепли быстрее. Вылетит третий — и ему особое внимание. А те, что еще не могут покинуть жилье, есть хотят все сильнее, потому что достается им теперь и реже, и меньше. Получив гусеницу, червя или медведку, птенец не спешит спрятаться, а продолжает закрывать своим телом вход в дупло, норовя получить и следующую порцию, Тогда остальные голодные братья, ухватив его клювами за хохол, тянут вниз, назад, да так, что он пищит во всю мочь. Занявшие его место через несколько минут сами подвергаются такой же

Проголодался Шире клюв!

каньем. Других звуков и сигналов у нее нет.

Главное в наряде удода — великолепный, с черными кончиками, хохол. Он то сложен, словно зачесан назад, и его линия продолжает линию чуть загнутого клюва, то развернут, наподобие боевого индейского убора. Положение перьев хохла отражает какие-то нюансы в настроении птицы, и она может разворачивать и складывать это украшение до полусотни раз кря-

трепке. А поскольку вылет всего выводка растягивается почти на неделю, ссоры и потасовки в дупле или норе становятся постоянными, и оттуда до вечерней зари слышен раздраженный писк.

Смел и бесстрашен удод против сильной и злой медведки, но беззащитен и робок даже перед воробьями. Он мирно уживается в соседстве с любыми птицами. В тысячной колонии

розовых скворцов, черных стрижей и каменных воробьев на побережье Арала непременным поселенцем бывает и удод, потому что трещин и щелей в стене обрыва хватает всем с избытком. Лишь иногда с прилета два соперника попетушатся друг перед другом и этим пустяковым турниром улаживают свои территориально-семейные отношения.

Однако, если запоздавший претендент, не найдя своего счастья в округе, попытается вопреки обычаям урвать его за чужой счет, от чопорности хозяина мгновенно не остается и следа. Оказывается, что и удоды, если дело касается защиты особых интересов, так же драчливы, как и обыкновенные петухи (на юге России и поныне удодов называют цыганскими петушками, наверное, не только за внешность), и вместо красивого турнира завязывается жестокая драка.

При равных силах у хозяина есть небольшое преимущество: покинув дупло, к месту схватки прилетает и его самка. Она не ввязывается в поединок, а лишь взволнованно семенит вокруг, как бы подбадривая своего защитника. Ему в конце концов удается выдернуть несколько перышек из хохла чужака, то есть положить его по удодовым правилам «на лопатки». Побежденный пускается наутек с такой скоростью, что победитель не может за ним угнаться.

Успокоившись, самец становится на ту же ветку или столбик, с которого, прервав песню, бросился на чужака, и снова над безмятежной луговиной или пустошью разносится глуховатое «уд-ду-дут».

Хорошо, что этим невзыскательным птицам для гнезда годится любое пустое место с крышей над головой. Эти красавцы не строители и никакого дополнительного комфорта ни для себя, ни для птенцов не создают: яйца лежат на какой-нибудь трухе, золе в завалившейся старой печке, просто на земле, на голом дне бывшего дупла дятла.

Если легко обидеть пару взрослых удодов, то птенцов, когда они находятся в гнезде, — не так просто (родители не защищают детей и с ними не ночуют). У них есть один из самых надежных в мире способов самозащиты — способ системы «скунс». Для горностая, хорька и, наверное, даже для неразборчивого к вкусу добычи ежа внезапный залп одуряющей вони страшнее прочих угроз. В полете же такая защита против крылатого врага неприменима, и удод, покинувший дом, лишается ее.

Полет удода маневрен и легок. За кормом летает далеко и никогда не ищет его около гнезда. На Верхнем Дону удод выводит птенцов раз в лето, на Нижнем — дважды. Из года в год возвращается в одно и то же место, но для гнезда каждый раз ищет новое убежище. Прилетев, непременно забубнит свое «худо тут», в конце лета исчезает молча.

Воронок

Заканчивался почти бездождный июль. День давно пошел на убыль, а зной, наоборот, набирал силу. В воздухе висел не запах, а настоящий привкус тонкой пыли, поднятой с проселков и полевых дорог тысячами колес. Лунный диск катился по небу запыленным и тусклым. Но вот под вечер уже на шестой неделе после солнцеворота по разогретым улицам едва ощутимо потянуло свежестью, и, сгустившись из мглистого воздуха, повисла над городом клокастая туча, от которой чуть ли не до самых крыш спускались белесые космы, похожие на нечесаные бороды. Солнце, опустившись ниже тучи, бросило на эти космы багровый отблеск, усиливая предчувствие неминуемой беды. Дождя хотели все, но каждый, видя разбухавшее в небе сине-сизое чудище, думал невольно: хотя бы пронесло!

Зловеще багровея, клубилась туча, словно копя силу для единственного громового удара. Но вместо молнии по ее косматому низу вдруг замелькали сотни быстрых золотисто-розовых искр: в город возвращалась на ночь стая городских ласточек — воронков. Они не спешили укрыться от висящей тучи. Наоборот, со стороны реки к ним летели все новые птицы. С лихой беззаботностью реяли они в подбрюшье небесного чудища, рассеивая ощущение смутного беспокойства.

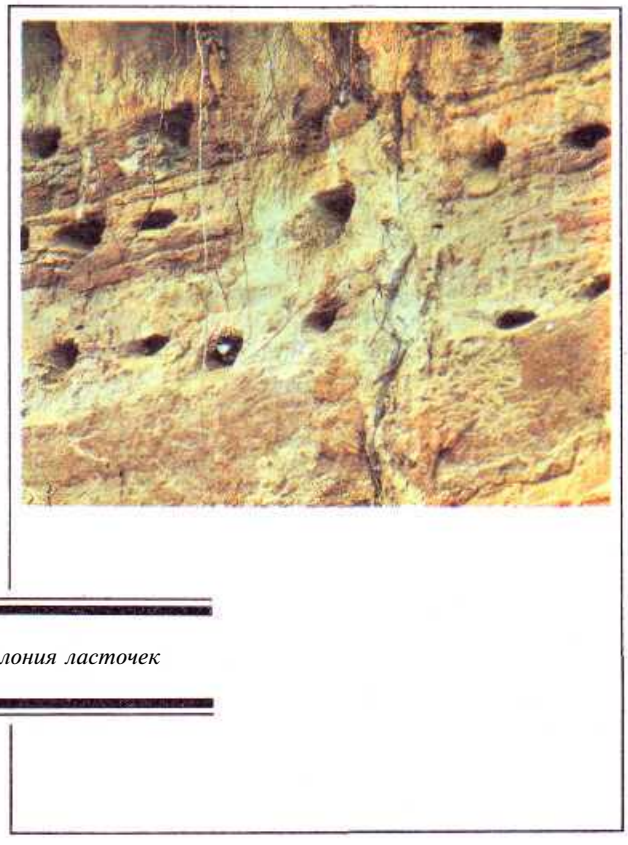
И в самом деле, едва погасли в окнах верхних этажей солнечные блики, туча, молча уронив несколько капель, словно отступая перед бесстрашными маленькими птицами, стала таять и рассеиваться на глазах.

Развеяв своими крылышками чужую тревогу, ласточки вдруг сбились в плотные стайки и заметались над крышами и тополями, увеличивая скорость полета. Ближняя стайка, вместо того чтобы облететь столетний тополь, ринулась в его густую листву, в одно мгновение пронзив раскидистую крону. Стремительный круг • — и снова птицы без колебаний бросаются в зеленый шатер. Но на этот раз остаются в нем, и, сколько ни приглядывайся снизу, никого не видно. Ни звука сверху, ни лист не шевельнется на дереве.

Первый заход нужен был воронкам, чтобы убедиться, что на дереве никого нет. На втором заходе каждый опустился на облюбованную им ветку, где, затаившись, проведет ночь. Другие могли заночевать в тростниках староречья, где собираются и скворцы, и касатки, и трясогузки. Третьи поднялись туда, где ночуют стрижи, — в небо.

Июльские ночи теплы даже для таких зябких птиц, как воронки, поэтому усаживаются они каждый отдельно, друг к другу не жмутся. Стайка собралась не случайно: многие в ней знакомы, родни немало. Однако и на дневной отдых, и на ночной птицы садятся так, чтобы между соседями было свободное пространство, самое малое — на ширину птичьего корпуса. Можно разместиться и свободнее, но теснее нельзя. Сразу же возникнет ссора: отодвинься! И лишь ненастье, иногда совсем пустяковое, заставляет их вспоминать, что они одной крови.

Ночной холод вынуждает воронков прибегать к единственно возможной взаимопомощи, чтобы спастись всем: согревать друг друга собственным теплом. Иногда мощные циклоны приносят из Приполярья такие массы холодного воздуха, что лето на Дону превращается в северную осень. Если такое сильное похолодание длится даже не более суток, воронку в одиночку не



Колония ласточек

пережить ночь, когда температура воздуха приближается к нулю градусов.

И ласточки нашли способ, который может показаться несовместимым с их взаимной неприязнью в хорошую погоду. Они или сбиваются в живые клубки на карнизах зданий или скал, или отсиживаются в чьем-нибудь гнезде, набиваясь туда как можно плотнее. Дом, слепленный в расчете на пятерых-шестерых, может вместить дюжину взрослых ласточек, и разобраться, где хозяева, где постояльцы, невозможно. Последним достается место под потолком, и их хвосты всю ночь торчат наружу.

Насидевшись в тесноте, утром воронки вылезать не спешат, пока немного не прогреется воздух. Кажется, что они впадают в непродолжительное оцепенение, и, может быть, поэтому тяжесть верхних становится нечувствительной для нижних. Как-то я с рассвета следил за гнездом, полным ласточек, приметив его с вечера, и утром положение трех торчавших наружу хвостов было таким же, как накануне. Не изменилось оно и за три утренних часа. Кажется, что ни один не дрогнул даже. Птицы в гнезде были как неживые: ни движения, ни звука. Потери общего тепла у такой плотной группы легко одетых маленьких ласточек не могут быть большими: ведь десяток взрослых воронков весит столько же, сколько одна сойка или сорока. Поэтому вылетают они из спасительного убежища не еле живыми, а бодрыми и быстрыми, словно просто отдохнули немного.

Летом 1967 года было такое вторжение холода в ночь с 3 на 4 июня, что местами воздух в Подворонежье остыл до пяти градусов мороза. Утром колония воронков из 176 гнезд была как вымершая или покинутая, хотя днем ранее птиц там было не сосчитать. И первые ласточки вылетели из своего жилья только после полудня, а некоторые остались там до вечера. И отсиделись. А стаи береговых ласточек, еще не имевшие норок, куда можно было бы спрятаться, погибли.

Находчивость воронков была, конечно, не случайной, это у них наследственное. Но многолетнее знакомство с этими птицами убедило меня в том, что в их поведении много незапрограммированного, нестандартного, что часто они могут поступать по обстоятельствам, что удачный опыт одиночек может, как и у ворон, становиться общим достоянием. Взять хотя бы гнездостроение. Казалось бы, все в нем — и материал, и размеры гнезда, и его местоположение — должно подчиняться жестким нормам, быть однотипным. У близкого/вида, у касатки, среди тысяч гнезд не обнаружилось заметного отступления.от стандартного образца — лепного получашия под навесом. Воронки тоже сооружают свои гнезда в виде сферы — одной восьмой или одной четвертой ее части. Нам уже примелькались подобные постройки под балконами, карнизами, в углах оконных проемов. Но обнаружилось, что они могут быть и иными.

Решив проследить, как заселяется животными новый современный город без времянок и бараков, я стал навещать жилой поселок АЭС на Дону. Особых неожиданностей не было: один за

другим возводились дома, подрастали деревца на улицах, появлялись птицы, которые гнездятся в районах новостроек старых городов. Интерес стал угасать, но последний визит в поселок принес неожиданную и необычную находку.

Около пятиэтажного дома на крайней улице реяли десятки воронков, то и дело подлетая в разных местах к стене фасада и тут же отлетая от нее: так обычно идет кормление птенцов в гнездах. Но стекла и подоконники всех окон были чистые, не заляпаны пометом птенцов. А просящее чириканье неслось именно от окон, и взрослые ласточки подлетали к ним с кормом.

Оказывается, в этом доме под окном каждой кухни был встроен шкафчик, а из него вела короткая труба наружу, чтобы он мог зимой служить холодильником. Летом, понятно, такие холодильники не действовали, и в них или вовсе не заглядывали, или складывали туда что придется. Но какой-то паре ласточек пришло в голову заглянуть в трубу и прикинуть, а нельзя ли, залепив вход в нее, вывести там птенцов. Во-первых, намного сокращались лепные работы. во-вторых, труба — более надежный дом, чем гнездо. И вся колония, более тридцати пар. поступила точно так же. Никто не стал лепить стандартное гнездо.

Пораженный тогда этим открытием, я забыл поинтересоваться, как поступили ласточки со вторым, внутренним отверстием — залепили наглухо или оставили как было. Но через несколько дней разгадка пришла сама собой совсем в другом месте, километров за семьдесят от АЭС, в Воронежском заповеднике. Там через усманский плес перекинули новый железобетонный мост, в несущие балки которого были вставлены короткие обрезки труб. И в каждом патрубке гнездилась семья воронков. Одно отверстие патрубка было залеплено наглухо, а другое заделано так, чтобы внутрь можно было пролезть только самим.

Мост находится рядом с усадьбой заповедника, где издавна существовала большая колония воронков, с которой несколько лет брала непомерную дань их соседка-неясыть. Сова каким-то образом догадалась, что можно отрывать лепные гнезда от стены, а потом подбирать птенцов с земли. Она на слух определяла, в каком доме есть верная добыча, потому что воронки ночью в гнезде негромко журчат, будто разговаривают. Совсем уничтожить колонию неясыть в одиночку, конечно, не могла. Были постройки, которые не поддавались ее силе. Но страха их обитатели натерпелись достаточно. И когда был построен новый мост, те, кто успел, быстро заняли железные «норки», оборудовав их для гнездования. В убежища воронков могла бы забраться только летучая мышь, но, кажется, такого за ней не водится.

Интересно, что воронки иногда квартируют в колониях береговушек, занимая нежилые норки своей родни, но никогда не перегораживают слишком свободные для себя ходы земляными защитными стенками, а пользуются такими, как есть.

Но и это еще не все. В Хреновском бору, на берегу Битюга, росла в старину сосна, приют огромной колонии воронков. Вот что в 1855 году писал о ней в книге «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» Н. А. Северцов: «...стоит на краю бора сосна, облепленная гнездами воронков; их там тысячи, явление тем более странное, что, кроме этой единственной сосны, воронки у нас, как и везде, гнездятся исключительно у строений». Как же выглядели гнезда воронков на той сосне? На деревьях городские ласточки гнездятся и сейчас, лепя гнезда под основаниями толстых веток. Но на хреновской сосне, какой бы она ни была большой, не могло быть тысячи сучьев,

И снова случай подсказал ответ. Около Хреновского бора на кирпичной стене будки с дырявой крышей было прилеплено гнездо воронка, такое, какое могло бы находиться и на стволе любого дерева. Представьте себе дыню средней величины, разрезанную пополам вдоль. Просверлите в середине половинки дыру с пятак и приложите половинку вертикально к стене, Таким было гнездо воронка с собственной крышей.

Соседство городских и деревенских ласточек, то есть воронков и касаток, — явление не столь частое, но воронки и его сумели использовать с выгодой для себя, достраивая старые гнезда касаток до пригодного для своего гнездования состояния — делая их закрытыми сверху и с боковым входом.

А ремонт поврежденных, разбитых гнезд? Из всех знакомых мне птиц на это способен только воронок. Аисты, цапли, грачи, орлы, ежегодно подстраивая старые гнезда, превращают их в огромные глыбы из веток и ветоши, под тяжестью которых ломаются и рушатся крепкие опоры. Восстанавливают поврежденные жилища и сооружения иного назначения чаще не птицы, а насекомые и звери. Термиты, словно слепые роботы, быстро сооружают новые стены и перекрытия взамен разрушенных, возвращая жилью прежний вид без малейшего отклонения от стандартной схемы. Бобры умело заделывают промоины в своих плотинах. Но если лось провалит свод их норы, они выкопают рядом новую, вместо того чтобы за несколько минут заделать небольшую дыру. В этом тоже можно найти смысл, но сейчас разговор не о бобрах,

Лепные гнезда воронков прочны, и многие без ремонта служат годами и самим ласточкам, и зимним квартирантам, воробьям. Но ко времени возвращения хозяев во многих постройках зияют дыры, от других остается лишь кусок стенки или

одно основание. У тех, кто прилетел раньше, есть выбор, и они занимают хорошо сохранившиеся гнезда. Следующим приходится заделывать дыры и восстанавливать стены, последним — строиться заново. Так что, кому-то, возможно, и ни разу в жизни не пригодится строительное мастерство, но это не значит, что врожденное умение угаснет от неприменения, Бывают случаи, когда всем птицам в колонии приходится одновременно выполнять ремонтные работы.

Под вечер 1 июля 1973 года в Воронеж наползла грозовая туча, в которой было больше града, чем дождя. Шквальный ветер гнал градовую завесу параллельно земле. Крупные градины били по гнездам воронков, как пули. Утром следующего дня обездоленные ласточки с криками вились у разбитых гнезд, в каждом из которых накануне были птенцы. А уже на следующее утро в колонии кипела работа: все как одна пары были заняты восстановлением жилья.

Есть у воронков давний враг — домовый воробей. Против него они бессильны не только в одиночку, но и скопом. Но очень живуча сказочка о том, как ласточки замуровывают в собственных гнездах захватчиков-воробьев. И «очевидцев» находится достаточно, которые с убедительными подробностями, но каждый на свой лад рассказывают об этом. Я видел множество занятых воробьями гнезд воронков, но никогда не находил их построек с наглухо залепленным входом.

Домовые воробьи действительно захватывают гнезда воронков, выбрасывают яйца хозяев и выводят в чужом жилье своих птенцов. Но ни одна ласточка не осмелится наказать злодея, потому что боится его панически. Даже на соседей потерпевших он наводит такой страх, что те боятся подлетать к своим гнездам, видя лишь голову засевшего в захваченном доме воробья. Но если бы и нашлась смелая ласточка, она не смогла бы отомстить агрессору, ибо завершение строительства производится всегда изнутри. Так что выдумка о маленьких мстителях нелепа.

Друг с другом воронки, наоборот, смелы, задиристы и даже драчливы. Когда всем плохо, когда всем грозит одна опасность, стайка становится единой семьей, чужие — роднее родных, Когда же приходится отстаивать свои права или интересы, порой весьма пустяковые, маленькие, миловидные птицы проявляют такую драчливость, с такой злостью и даже яростью нападают сосед на соседа, что, будь у них оружие, опасное не только для комаров и мух, их стычки непременно заканчивались бы по меньшей мере серьезным увечьем одного или обоих. Но поскольку ни крепкого клюва, ни сильных лап у драчунов нет, то ни перышка не выпадает из их наряда, и бывает непонятно, кто же_одержал верх.

Дерутся иной раз так, что, ухватив друг друга за перо, падают на землю, не замечая ничего вокруг, хоть накрывай их шапкой. Но даже после самой свирепой драки соседи не становятся врагами, однако хорошие отношения в любой день могут обернуться новым нападением,

У ласточек самцов и самок нет различия во внешности, и непонятно, кто чаще затевает ссоры. Мне кажется, что с одинаковой охотой лезут в драку и хозяева и хозяйки соседних гнезд,

Взрослые дерутся со взрослыми, птенцы — брат с братом, и только пока сидят в гнезде, как удоды или вертишейки. Малышей на это толкает чувство обиды, что ли. А первопричиной коротких внутрисемейных ссор бывает погода. В хорошую — с добычей легко, и ласточки сыты, в ненастье — зябнут и голодают. В дождь, да еще с ветром, прячутся насекомые, по своей воле не взлетит, наверное, ни одна муха. Попробуй тут прокормить выводок, который, сидя в сухом и теплом доме, не хочет терпеть муки голода. А вход в гнездо такой, что из него всем сразу не высунуться, и кормное место захватывает кто-то один, реже — двое. Это место он, пока не получит свою порцию, добровольно не уступит. Видя реющих птиц, среди которых и его родители, он лишь время от времени требовательно чирикает, как бы поторапливая их.

Но ведь голодны и те, что сидят позади. Их все больше раздражает поведение братца. Его начинают дергать за перья крыльев и спины, Наверное, это можно терпеть, и он продолжает загораживать вход. Сдается лишь тогда, когда кто-нибудь изловчится ухватить его за щеку, Чириканье сразу сменяется недовольным верещанием. Оба исчезают в гнезде, а им на смену высовывается третий, но и его через несколько минут тащат «за ухо» назад, наказывая за «несправедливость». Кончится дождь, потеплеет — и снова в семье мир.

После вылета птенцов, которым еще несколько дней требуется родительская забота, семьи воронков не уединяются, как у касаток, а остаются в стае, число птиц в которой быстро утраивается за счет слетков. У еще не окрепшего молодняка маловато силенок для полного полетного дня.

Следя за беспрестанной птичьей круговертью, замечаешь, как то и дело встречаются клюв в клюв воронки. Мгновенное касание — и разлетелись снова. Встречи не случайны: это родители отдают пойманную добычу птенцам, Поймав муху, взрослая птица подзывает ближайшего из слетков, и оба совершают одинаковый маневр, делая рывок навстречу друг другу и вверх. И в той самой точке, где гаснет скорость, где птицы на миг останавливаются, происходит передача добычи. И снова продолжается полет, пока птенец не почувствует усталости. Недолгий отдых, и снова на крылья, потому что жизнь ласточки — полет.

Малая крачка

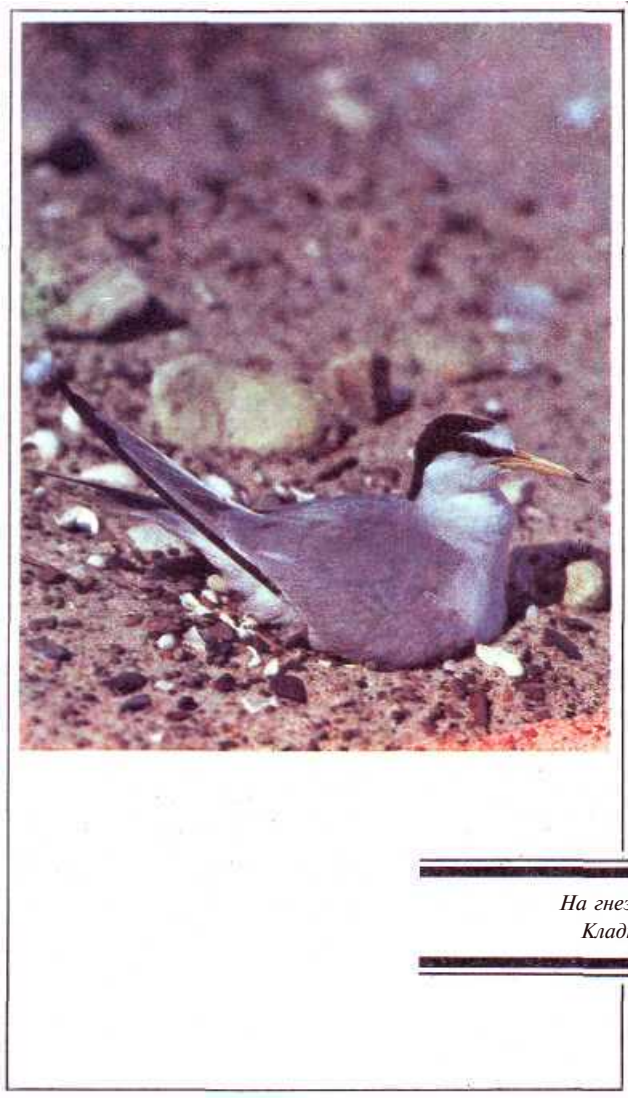
К закату шагает лето, едва заметно укорачивая днишаги. Тихо и спокойно течет среди скошенных лугов большая река, но маловато в эту пору птиц на ее берегах и воде. Бирюзовыми самородками дремлют на крутобоких стогах сизоворонки. Одинокими сторожами стоят на песчаных косах серые цапли. Докармливая последних птенцов, вьются около берегового обрыва, пробитого рядами норок, несколько ласточек-береговушек. К полудню небо над рекой и равниной становится белесым. Проплывет в нем, не шевеля крыльями, коршун, пронесутся на водопой стремительные горлицы, и снова — никого.

Но внезапно, как безмолвное видение, из дымки возникает пара изящных, светлых птиц, похожих на маленьких чаек. Неторопливо взмахивая острыми крыльями, пролетают они над речным коленом и словно растворяются в нагретом воздухе, не долетев до поворота. Значит, двинулась птица с гнездовых мест. И чуть ли не раньше всех покидают реки Русской равнины малые крачки. Последними, почти на пороге лета, возвратились они с вечно теплых берегов Индийского океана, первыми улетают обратно.

Птицы в семейных парах в дни пребывания на родине неразлучны и сохраняют супружескую привязанность на перелете. До появления птенцов самец относится с трогательной заботливостью к самке. Он ловит для нее рыбешек в пути, он кормит ее все три недели насиживания, хотя насиживает и сам. Это кормление похоже на ухаживание, в котором никогда не бывает назойливости. Прилетев с добычей, самец опускается в сторонке от самки и почтительно и терпеливо ждет, пока она подойдет и возьмет подношение.

У малых крачек нет синхронности в сроках прилета, постройки гнезд, откладки яиц, появления птенцов, отлета, свойственной большинству колониальных птиц, и даже в маленьком, в десяток пар, поселении могут одновременно быть и птенцы, и еще не насиженные яйца. Дело в том, что малые крачки — колониальные, а не стайные птицы, и лишь на короткий гнездовой период объединяются они с другими пернатыми — обитателями речных и морских пляжей. Весной в поисках подходящего места пара может с кратковременными остановками осмотреть за день несколько сот километров берега и, если не отыщет своих, может остаться в колонии речных крачек или основать новое поселение, где через день, через неделю появятся другие пары. Понемногу соберется в начале лета небольшая колония, в которую под защиту смелых крачек поселятся еще зуйки. Так что выбор пристанища у малых крачек довольно случаен, и они могут ныне поселиться там, где их не видели десятилетиями, а потом снова исчезнуть на годы. Правда, разнобой в сроках гнездования бывает и по иной причине: после сильных дождей река затопляет косы, вода губит кладки, ветер заносит песком отложенные яйца, и тогда надо все начинать сначала.

Ямку, в которой лежат яйца, пожалуй, можно назвать гнездом, потому что крачки не только выкапывают углубления на едва заметных возвышениях пляжа, но и устилают их дно обломками раковин, камешками, кусочками камышинок — всем, что можно собрать поблизости. Это немного маскирует яйца, а кроме того, на сыром месте немного предохраняет их от соприкосновения с мокрым песком, на сухом — от погружения в песок. Во время недолгих отлучек наседки,



На гнезде
Кладка

когда она по своей воле или по тревоге покидает гнездо, эту ямку может чуть замести песком, и птица, возвратясь, непременно выбросит лапками несколько щепоток. А так как лежит она на яйцах всегда клювом на ветер, то ямка в течение дня несколько смещается, потому что маленькие вихри выдувают песчинки из-под груди наседки. И время от времени крачка подкладывает себе под бока мелкие камешки, ракушечки, до которых может дотянуться клювом не вставая. Но иногда поднимается, отходя мелкими шажками от ямки, подбирает подходящие кусочки и, не поворачиваясь корпусом, бросает их через плечо в гнездо. Она продолжает подбирать и бросать в сторону гнезда щепочки и осколки, даже отойдя от ямки на метр или дальше, как заведенная, совершая работу вроде впустую. Но в следующий раз те же кусочки перекинет поближе, а потом и лежа до них дотянется.

Ямка — место для яиц, и птенцы покидают ее, едва умея ходить. Родители выводят их за границу поселения, чтобы не слонялись между чужими гнездами, не выпрашивали корм у соседей. Их пуховый наряд, как и скорлупа яиц, едва различим на фоне песка, засоренного мелким речным боем. Затаившегося птенца можно заметить лишь по солнечной искорке в прищуренном глазу. Затаивается он так сильно, что кажется, будто жизнь покинула маленькое тельце: птенца можно брать в руки, перекладывать с места на место, и он не вздрогнет, не шевельнется, не моргнет, пока не услышит разрешающе-призывный голос отца или матери, принесших корм, Маленькие птенцы довольно умеренны в еде, но, подрастая, становятся ненасытными и торопливо-жадными: стремясь вырвать рыбешку из клюва родителя, нередко роняют ее на песок, и тогда взрослой птице приходится снова лететь к воде, чтобы смыть с малявки прилипшие песчинки.

Рыба — основная, а на хорошем рыбном месте и единственная добыча малых крачек, Поэтому селятся они неподалеку от тех спокойных и чистых мелководий, где собирается много рыбьей молоди, у тех маленьких лагун и луж, в которых эта молодь, нередко лишенная возможности уйти в реку, бывает обречена на гибель от высыхания летом и от вымерзания зимой. На реках частой добычей бывает уклейка, красноперка, плотва, колюшка, то есть рыба не только малоценная, но и сорная, приносящая рыбному хозяйству немало неприятностей,

Охотничий прием у малой крачки один — зависнув над водой, наметить жертву и, сложив крылья, отвесно, как пика, упасть на нее. В безветрие промахи редки, но волнение и рябь искажают прицельность, и тогда вода выбрасывает крачку ни с чем. Идеальны условия охоты в

штиль, когда птица схватывает рыбешку у самой поверхности в одно неуловимое касание кончиком клюва, как будто комарика снимает с зеркала. Даже следа на воде не остается. При очень сильном ветре ей приходится ловить насекомых на берегах, но эта охота никогда не может заменить рыбную ловлю.

Наблюдая охоту малых крачек или их воздушные игры, нападение на врага или крейсерский полет, трудно представить, что есть еще и другие птицы, так же властвующие над воздухом и пространством, как они. Для малых крачек не существует нелетной погоды, так легок и управляем их полет при любом ветре, и кажется, что не они борются со штормом, а шторм с ними, безуспешно стараясь заставить хотя бы одну птицу сдаться и опуститься на землю. Крачка мгновенно набирает предельную скорость и может мгновенно погасить ее и остановиться в любой точке траектории. Крылья ее то развернуты на всю длину, то их узкие концы отогнуты почти под прямым углом назад, и тогда размеренные резкие взмахи придают полету некую лихость и полное пренебрежение к стихии.

Однако, позволив достичь совершенства в полете, природа очень мало сделала для того, чтобы птица могла ходить и плавать. Маленькие пуховички — довольно проворные ходоки, но по мере роста крыльев их ноги как бы останавливаются в развитии, и у взрослых птиц они по-прежнему малы и слабы. Крачка может стоять на них, как на тонких подпорках, не меняя положения тела относительно поверхности, на которой находится, а походка ее столь неуклюжа, как будто каждый шаг птица делает впервые. Не ходит, а неуверенно переступает коротенькими шажками, опасаясь споткнуться о камешек или веточку. К траве и близко не подходит. Всей ходьбы у каждой — несколько шагов в день, когда партнеры сменяют на гнезде друг друга, когда самец кормит самку, когда заползет на пляж случайный ужачок.

Однажды я был свидетелем того, как маленькая змея ползла через колонию крачек и зуйков к воде. Куликов ее появление не заинтересовало, но у крачек вызвало всеобщее любопытство. Все ненасиживающие птицы молча семенили за ужачком до самой воды. Когда он проползал мимо насиживающей крачки, та тоже с любопытством проводила его взглядом. Но никто не проявил ни страха, ни агрессивности.

Крачки прекрасно разбираются, кто и когда опасен для них. Маленькую змею они не приняли за врага. Зато самая дерзкая ворона не осмелится в одиночку приблизиться к поселению маленьких птиц, каждая из которых вдесятеро легче ее. Наседки относятся к близости вороны довольно спокойно, как будто не замечают ее. Однако если ворону обнаруживает тот, у кого уже есть птенцы, он молча бросается на нее с такой стремительностью, что ворона, бродившая в стороне от колонии и, может быть, не помышлявшая поживиться, удирает, будто от выстрела. Наверное, живущие по соседству с крачками вороны имеют представление о силе удара идеально заточенного клюва живой стрелы и знают, что если она бьет, то попадает точно в цель, Поэтому только в присутствии человека, спугивающего крачек с гнезд, удаются воронам разбойиичьи налеты на колонии,

Хотя лапки малой крачки с перепонками и плавать она, наверное, может, назвать ее водоплавающей птицей нельзя. Живет около воды, добычу ловит в воде, безбоязненно окунаясь в нее с разлета, но никогда в свободные минуты эта птица не опускается на воду отдохнуть, искупаться, поплавать. В жару для специального купания выбирает самое мелкое место, как воробей, чтобы чувствовать под собой твердое дно, и плещется на нем, приседая, отряхиваясь, поднимая фонтанчики брызг. Плеснет небольшая речная волна, отрывая птицу от опоры, и она сразу поднимается в воздух.

Тихие минуты на пляже выдаются редко, Нормальная жизнь колонии постоянно озвучена голосами ее обитателей, то тревожно-частыми, то успокаивающими, то возмущенными. При малейшей тревоге взлетают все. Крачка — птица видная, и наседке нельзя оставаться на гнезде. На поиск яиц нужно время, но крачки этого никому не позволят: у них кроме клювов есть еще одно средство против крупных врагов — они очень точно обстреливают с воздуха крупными каплями помета того, кто забредет в колонию даже случайно. В спокойные же минуты наседки успевают и подремать. Свободные птицы или молча стоят неподалеку от гнезд, или играют над пляжем. Поднявшись вертикально вверх, зигзагами, обгоняя друг друга, бросаются они к земле, останавливая падение в нескольких сантиметрах от нее. Поиграв, охотятся или предлагают партнеру посидеть на гнезде вместо него.

Касатка

Передо мной снимок, сделанный ночью 3 июля 1984 года: в комнате под настенным светильником прибит лосиный рог, и на кончике одного из отростков его сидит ласточка. Не чучело, а живая птица, но не домашняя питомица, а вольная касатка. Это самец, отец пятерых птенцов, которые ночуют под присмотром матери за дверью, в просторном тамбуре крыльца, где над полкой с пустыми склянками слеплено их гнездо.

Случаев гнездования касаток в помещениях, где подолгу находятся люди, в том числе в жилье, известно немало. И всегда на гнезде или рядом с ним на ночь остается самка, а самец устраивается или снаружи, или поближе к выходу. Этот же, наоборот, как только скрывалось за станичными домами солнце, успевал, пока не закрыли от комаров дверь, влететь в комнату и, усевшись всегда на один и тот же кончик рога, смирно ждал, когда погасят свет. В хорошую погоду хозяева ужинали на дворе, и никто ему не мешал. Если позднее чаепитие из-за дождя переносили в дом, он засыпал при свете, не дожидаясь, пока уйдут спать люди.

На ночь закрывались обе двери: наружная, ведущая с крыльца во двор, и внутренняя — в комнату, в форточки были вставлены мелкие сетки, так что самовольно вылететь во двор ни самец, ни самка не могли. И рабочий день этой пары начинался почти одновременно с рабочим днем хозяев дома, уже после того, как вольные касатки, гнездившиеся под крышей сарая и с другой стороны дома, позавтракают сами и птенцов накормят. Но ничего, терпели, сидя взаперти. Самец долго охорашивался, отряхивался, сидя на роге, иногда схватывал муху — их в комнате было достаточно, но охотой не увлекался. К окну, в которое уже заглядывало солнце, не подлетал, в другую комнату никогда не заглядывал, и пол под рогом был чистый.

Птенцы и самка тоже сидели тихо. Они — в гнезде, она — на длинном гвозде рядом. Всю ночь над крыльцом горела лампочка, на свет которой, наверное, со всей станицы слеталось столько ночных бабочек, что стекла окна в тамбуре были густо залеплены уставшими от многочасового кружения мотыльками. Но близкая добыча была недосягаема, и самка не поддавалась на обман.

Наконец двери открывались, и взрослые птицы, по нескольку раз управившись к тому времени с утренним туалетом, сразу начинали кормить выводок.

Я познакомился с птичьей семьей за четыре дня до вылета птенцов и в первое же утро, привыкнув летом вставать на рассвете, распахнул обе двери, едва со двора донеслось щебетание других касаток. Самец отнесся к этому с каким-то недоверием: зачем в такую рань? Показалось, что птицы-родители и их дети уже настолько приспособились к режиму дня хозяев дома, что не хотели начинать охоту и кормление раньше. Ни самец, ни самка не проявили особой радости, но вылетели во двор и долго чистились, сидя на проводе перед крыльцом.

Но вот наступил день, когда птенцы без принуждения покинули гнездо и впервые увидели небо и солнце. Первый их полет был не далее пяти метров от крыльца, до проводов. Взрослые показали каждому, как опуститься на провод. У одного это получилось сразу, другой примерялся раза четыре, отчаянно трепеща еще не привыкшими к полету крылышками. Это летать не учат, а остальное показывать надо. Наконец, все уселись в рядок, и началось кормление. Кошек во дворе не было, и день для родителей прошел спокойно. Слетки просидели на месте до вечера. Когда из ближайшего цапельника над станицей полетели цапли, серые и кваквы, направляясь к степным озерам на вечернюю охоту, молодые касаточки закрутили головами, провожая взглядом больших птиц, но, не слыша тревожного предупреждения родителей, быстро поняли, что цапли — не враги.

Хозяин дома, Борис Нечаев, приготовил аппаратуру, чтобы сфотографировать самца на роге. Мы оба рассчитывали на стандартное поведение касаток: у этих ласточек родители в первые после вылета птенцов дни приводят всех по вечерам домой. А они против обыкновения остались ночевать на проводах, хотя к ночи заметно посвежело. Белея в темноте грудками, слетки лишь поплотнее придвинулись друг к другу. Обе двери были открыты настежь до полуночи, но птицы остались твердыми в своем решении — очевидно, они не желали больше терять утренние часы: детей надо как следует кормить.

На рассвете вся семерка была на месте, но днем родители перевели слетков на ветлу, метров за сорок от дома. А еще через день выводки «домашних» касаток стали неотличимы от выводков вольных. Единая стая еще не образовалась, и касатки, словно по именам, подзывали то одного, то другого из близнецов, и никаких ошибок, когда за кормом норовил подлететь посторонний, не было.

Пять ночей пустовало гнездо над крыльцом. Стояли жаркие дни, и были по-южному теплы ночи. Но 2 июля с утра задождило, ветер разыгрался до урагана, а к вечеру похолодало, как в сентябре, и касатки засветло привели друг за другом всю пятерку уже окрепших птенцов. Их — в гнездо, сами — по своим любимым приса-

дам: на гвоздь и на рог. От людей не отвыкли, никто не дичился, но самец в ту ночь не выспался.

Если бы фотоаппаратура была установлена и отлажена заранее, все обошлось бы одной-двумя минутами. А мы стали заниматься ею, когда самец уже спал. Он начал беспокоиться, фотограф — торопиться, и в результате за четыре часа были испорчены три ролика пленки и полностью утрачено доверие самца. Хорошо, что самка ничего не видела и не слышала.

Доверчивость касаток не только в том, что они безбоязненно строят гнезда на виду у людей, но и в том, что даже взрослая птица, волей случая попавшая в руки, не теряет самообладания, словно уверена, что плохого ей не сделают. Одна ласточка, часто летавшая на открытую веранду, после того как застеклили одну из сторон, не заметила прозрачного препятствия и сильно ударилась о стекло. Ее подобрали без надежды, что выживет, положили в коробку на полотенце, поставили в комнате на подоконник. Плохо было птице, она лежала, закрыв глаза, не шевелясь. Утром ее увидели на подоконнике, но выпускать не стали, а начали гадать, чем бы накормить пострадавшую. Поймали муху и только поднесли ее к птице, чтобы положить перед ней на подоконник, как ласточка сделала два маленьких шага навстречу и вежливо взяла угощение прямо из пальцев. Тогда за мухами принялись гоняться все, а касатка спокойно стояла на подоконнике и ждала. Можно было подумать, что она сызмальства воспитывалась у кого-то на таком же подоконнике.

Утром следующего дня увидели, что ласточка стоит на грядушке кровати, совсем в другом углу комнаты. Ее осторожно поймали, вынесли наружу, и сразу же с ладони, прощебетав что-то на взлете, птица взмыла в воздух, и через несколько мгновений ее потеряли из виду в мелькании десятка ее соплеменниц. Кто-то предложил перед выпуском покрасить ласточке несколько перышек на груди, чтобы можно было узнать ее издали и найти гнездо, но побоялись, что свои не примут. Не знали, что касатки не обращают внимания на такого рода украшения. У них, видимо, цвет пера не самое главное в опознании своих. В Александровке-Донской три сезона кряду гнездилась пара деревенских ласточек, в которой самка была почти чисто-белой. И ничего, никто ее не гонял, как это бывает у ворон. Но белых среди птенцов не было ни одного.

В народе доброе отношение к касатке сложилось в глубокой древности. Доверяясь весенней касатке, крестьянин никогда не корил ее, да^же если яровые всходы гибли от поздних заморозков.

Я не хочу пересказывать слова выдающегося отечественного зоолога М. Н. Богданова, более ста лет назад написавшего одну из самых популярных книг о родной природе — «Мирские захребетники» (с 1884 по 1923 год она была издана девятнадцать раз), а приведу целиком небольшой отрывок из его рассказа «Ласточка», в котором описан прилет касаток,

«Настало ясное утро; старые знакомки вьются над ивами и лугами; шныряют под повети, в сараи, на чердаки, осматривая свои гнезда, Весело щебечут они на родных крышах,

Все село с раннего утра на ногах. Впрягают в сохи бурок и каурок; насыпают в мешки семена, начинают яровой сев.

Пустяки, кажется, смешно даже, что маленькая птичка-ласточка наделает такой переполох в деревне: мало ли птиц прилетает весной, Кажись, велик журавль, а его прилет не замечает земледелец; прилетит журавль сегодня, завтра, через неделю — все равно: прилетел — хорошо, не прилетел — тоже дурного нет. Ждет крестьянин ласточку, именно ласточку; нет ее — сидит он дома на завалинке, смотрит, как играют ребята на улице,

— Сеять пора.

— Нет-ста, погодим. — И сидит себе, смотрит на небо.

Чирикнула над домами ласточка — того же крестьянина не удержать. Везет в поле зерно, пашет и сеет. Это потому, что его дед говорил ему: жди ласточки; а деду говорил его дед и т. д. Так велось испокон веков. Это один из бесчисленных образцов векового народного опыта, Народ не знает, откуда прилетает ласточка; но веками он узнавал, что она прилетает, когда наступит настоящая весна и утренники не в силах уже вредить всходам яровых хлебов»,

Касатка завоевала любовь человека добровольным соседством, миловидностью, приятным щебетом, безвредностью и редкостным миролюбием. У двух других местных ласточек, воронка и береговушки, дерутся взрослые, дерутся меж собой птенцы, иногда взрослые соседских птенцов обижают. У них и в гнездах, и на ничейном пространстве могут разыгрываться совсем непривлекательные сцены. Хорошо, что природа, не обойдя их злостью, никому не дала опасного оружия. Воронки, только когда всем очень плохо, могут согревать друг друга своим теплом. В иной обстановке чаще проявляется их настоящая враждебность.

У касаток ни драк, ни намеков на серьезную ссору видеть не приходилось. И когда бы ни смотрел, как чинно и смирно сидят в гнезде птенцы, невольно приходит в голову одна и та же мысль: вот бы всем детям, и птичьим, и нептичьим, такое послушание, такое понимание родительского слова! Они дружно раскрывают рты навстречу подлетающим с кормом отцу или матери, но те сами знают, кому отдать муху, помня, в чей клюв сунули ее прошлый раз. Поэтому дважды подряд одному и тому же порция достается

редко, и никто не считает себя обделенным или обиженным. Выводок подрастает очень дружно и всегда покидает гнездо разом.

В первые дни после вылета слетки получают пищу на ветке или проводе, потом — в полете, Идет как бы одновременная тренировка их охотничьих навыков и летного мастерства. И пока молодняк не станет столь же властен над воздушной стихией, как родители, его не оставляют без опеки. Летать, конечно, не учат, совершенство каждому дается собственным трудом. Но для того чтобы сами ловили добычу, кое-какое обучение все же требуется. Оно просто: отец или мать летит впереди, ловит муху и, обернувшись, отдает ее тому, кто летит следом. Потом, вместо того чтобы схватить жертву, слегка отодвигается в сторонку, и птенец оказывается перед добычей, которую схватывает сам.

Примерное послушание без намека на строптивость и самовольство сохраняется у слетков все время, пока они пребывают под родительской опекой. Отчуждение, а вернее, передача выводка стае происходит постепенно. Семья распадается, но не перестает существовать окончательно, потому что птенцы из одного гнезда и в стае знают и держатся друг друга. Они помнят свой дом и, если до отлета придется искать от непогоды убежище на ночь, возвратятся к нему.

Гнездо для касаток нечто большее, чем для других птиц. Правда, это относится к молодым ласточкам. Они отсиживаются в сухом гнезде во время дождя, тогда как взрослые, отведя детей под крышу, стойко переносят непогоду под открытым небом: сидят рядышком на ветке или проводе, а с длинных косиц хвоста капают быстрые капельки или стекают тонкие струйки. Это не показная самоотверженность, а проявление еще не угасшей заботы о потомстве. Взрослая ласточка должна и может противостоять и не такому ненастью, но испытывать на стойкость только что начавший жизнь молодняк касатки не считают лучшим методом воспитания,

Слетки могут возвратиться в родное гнездо и после многодневной отлучки, после окончательного расставания с родителями. Вечером 27 сентября 1986 года мне позвонили из пригородного села: в гнездо прилетели три ласточки, которых не было более трех недель. Что делать?

Птенцы

В тот вечер было очевидно и без метеопрогноза, что ясная ночь окончится хорошим заморозком. Хозяйка уже несколько дней доила корову в хлеву, потому что на дворе становилось все холоднее. Доила и поглядывала на пустое гнездо касатки, из которого три птенца вылетели в самом начале месяца. И на этот раз по привычке взглянула на пустую птичью постройку и перевела взгляд на подойник. Но тут

же подняла голову снова: что-то не так. В полумраке хлева гнездо было почти неразличимо, но над его краем четко белели грудки трех касаток. Где летали, откуда возвратились? Пока ночи были только прохладны, проводили их в речных тростниках или в нескошенной кукурузе, но когда настоящим морозом запахло, выбрали единственно правильное решение: в хлеву, рядом с большой коровой было, конечно, теплее, чем в камышах.

В ту осень три молодые касатки не были последними ласточками. А осень была не из лучших, даже без бабьего лета, но ласточки задержались в Подворонежье до середины октября. Не раз низкие тучи сыпали и холодным дождем, и колючей крупой, и мокрым снегом. Но едва пробивалось сквозь разрывы туч еще теплое солнце, как над яркой зеленью озими сверкали вороненым пером касатки. Реяли поблизости от коровников и около козьего стада. Вились у мостов, переброшенных через водохранилище. Если бы до белых мух задержался только молодняк, не знающий куда и когда лететь, причину этой задержки объяснить было бы просто. Но ведь остались и взрослые, уже побывавшие за морем. Бывает, что не только задерживаются, но и летят в том же направлении, что и весной, на северо-восток.

Любят касатку за то, что прилетает рано и сразу — к своему гнезду, к своему дому и всегда с песней. Никогда не прилетит в плохую погоду, а обязательно в такой денек, когда у весны праздничное настроение. Потом снова может завернуть холод, но никто не будет винить в этом касатку. Наоборот, за своими заботами и о ней вспомнят, посочувствуют, а она в то время может вдали от этих мест пережидать последний возврат холодов.

Причина раннего прилета касаток понятна: им намного труднее, чем горихвосткам, мухоловкам и зарянкам, вырастить два выводка. У них с постройкой гнезда хлопот больше, и на его строительство, смотря по погоде, может уйти времени больше, чем на выращивание в нем птенцов.

Лепные гнезда деревенских ласточек необыкновенно долговечны, так как всегда хорошо укрыты от дождя. Но главная причина такой долговечности — в их конструкции, в том, что птицы лепят не просто комочек к комочку, добавляя для прочности немного слюны, но и укрепляют земляную кладку соломенной арматурой. Во дворах и на улицах подбирают тонкие соломинки, прокладывая ими слои комочков. Весной с растительным материалом бедновато, и весенние гнезда тяжелее летних: в них больше земли. С летних же, которые построены в июле, всегда свисает редкая, но длинная зеленоватая «борода» из свежих стебельков: всюду, где возят сено, обязательно натрясут немного на обочину, а ласточкам достаточно. И сохнут такие постройки быстрее.

Кому же годится отслужившее хозяевам гнездо касаток? Если оно слеплено под навесом крыши на наружной стене дома или сарая, в нем нередко выводят птенцов серые мухоловки, Изредка новыми владельцами такой постройки становятся воронки, которые оборудуют ее по своим правилам, то есть делают закрытой, с боковым входом, и тогда не сразу удается разгадать, кто и почему слепил такое странное гнездо,

Любят касатку и за то, что множество раз провожала она в дороге одинокого путника — пешего, верхового или ездока, скрашивая ему своим присутствием скуку дороги. Создавая знаменитую «Рожь», Шишкин изобразил не просто красивый пейзаж. В этом полотне чувствуется близкое присутствие человека, который идет или едет по пустынной полевой дороге: его добровольная спутница то ли навстречу ему летит, то ли сейчас обгонит. Так же, как у Левитана в «Весне»: не изобразив самого человека, он показал, что человек рядом.

А какое стадо на лугу или в поле пасется без касаток? Как только выгонят коров на пастбище, на первую травку, с ними — и касатки. Бредет по жнивью стадо, гонят коров к зимним стойлам — и провожают их касатки. Поблескивая синью пера, носятся они перед коровьими мордами, успевая схватить взлетающих насекомых. Весной были только взрослые, осенью в стаях молодняка больше. Знал пастух или нет, что ласточки, рея в стаде, облегчают жизнь скотины, ловя назойливых мух, слепней, оводов и комаров, не так важно. Ему нравилось, что с зари до зари рядом вьются любимые птицы,

Гнезда касаток можно найти в одиноких пастушеских мазанках в глухой степи, где есть водопой для небольшого стада. Вода касаткам нужна не только для того, чтобы грязь для строительства замешивать, но и для питья и купания. Купаются касатки обычно не в самую жару, а ранним утром, когда вода теплее воздуха. На скорости, в скользящем снижении птица ударяется грудью о воду, и этого, кажется, достаточно. Некоторые, посмелее, ныряют с разлета, вонзаясь в воду под очень острым углом и через секунду вылетая из нее пробкой поодаль. Не у каждой на это смелости хватает, а может быть, и умения.

Касатка — не только деревенская ласточка, хотя это название давно стало книжным; есть еще касатки: дальневосточные утка и мухоловка. В нынешнем правописании каким-то образом не столь давняя косатка стала касаткой, ведь народное название дано птице за две длинные косицы в хвосте. Конечно, в деревнях и селах касаток больше, но каким-то парам по душе город. Не из-за недостатка места в деревне гнездятся эти ласточки в боксах больших гаражей, в

механических мастерских, в цехах заводов, депо, то есть там, где минуты тихой не бывает не только днем, но и ночью, где люди глохнут от беспрестанного стука и лязга, где сверкает слепящая электросварка. Кажется, в такой обстановке и часа не вытерпит тот, кто привык к сельской тишине, непременно произойдет у него нервное потрясение от грохота, света, вонючей гари. Но, вырастив в таких условиях первых птенцов, касатки не спешат исправить ошибку, не ищут тихого местечка, а спокойно выращивают там и вторых.

Удивляет гнездование касаток под железнодорожными и автомобильными мостами, где к постоянному грохоту добавляется сотрясение от проносящихся грузовых и пассажирских поездов и тяжелых трайлеров. И ничего. Из гнезд вылетают нормальные птенцы.

Где еще могут строиться деревенские ласточки? Под землей. Сколько сел по Дону было сожжено в войну дотла. Не уцелело ни одного дома, ни сарая. Только названия остались. А ласточки весной прилетали и лепили гнезда под сводами каменных погребов.

Но находятся и среди них такие, которые ищут безлюдные места и гнездятся по щелям известковых и доломитовых обнажений на правобережных притоках Дона, по меловым обрывам. Гнезда этих отшельников недосягаемы ни сверху, ни снизу, как гнезда обитателей скал.

Казалось бы, жизнь касатки известна до мелочей, и нового о ней узнать нечего. Но разве это не новость, когда включаешь в темной комнате лампу, а перед тобой живая птица, у которой впереди совсем не легкий день. И даже неловко станет, что разбудил ее невзначай. И настолько по-домашнему вела себя та ласточка, что я не удивился бы, если бы она прощебетала: «Погаси, пожалуйста, свет. Ночь и без того коротка».

Тювик

Это рассказ о птице, которая из-за стихийного бедствия оказалась как вид в угрожающем положении на значительной части своего гнездового ареала, и у зоологов даже возникало сомнение в том, что она по-прежнему будет гнездиться на территории нашей страны. Это рассказ об одном из трех европейских ястребов, о тювике — птице редкой, интересной и малоизученной, не по вине человека попавшей в списки нескольких Красных книг и без его участия и помощи почти восстановившей и былой ареал и прежнюю численность.

Еще не только в нашей памяти, но и в живой природе не исчезли следы первых месяцев 1969 года, которые во всем бассейне Дона, главном оплоте ТЮБИКОВ, были такими морозными и бесснежными, что даже под пологом леса земля к весне промерзла на глубину более двух метров. Да еще необыкновенной силы пыльные бури намели в степные балки столько грунта, что были заживо погребены даже такие землекопы, как сурки-байбаки. Погибли, вымерзли, местами поголовно, многие животные — от насекомых до земноводных и пресмыкающихся. Ящерицы и ящурки стали такой редкостью, что их тоже можно было заносить в тревожные списки как находящихся под угрозой исчезновения. И тювикам стало нечем кормить птенцов.

Но природа сама исправила положение, казавшееся безнадежным. Ящерицы не исчезли, и сначала они, а затем постепенно и ястреб начали восстанавливать былую численность. В 1984 году ТЮБИКИ появились уже на Верхнем Дону, у северной границы своего исконного ареала. В низовьях же, в хороших добычливых урочищах, сейчас уже тесновато становится семейным парам, и самцам приходится устанавливать права на владение участками в ожесточенных драках с соседями, которые не прочь поохотиться на чужой территории.

Тювик — птица речных долин, где достаточно подходящих для устройства гнезд деревьев, где по пескам и сухим крутобережьям в избытке плодятся ящерицы, где нет у него никаких конкурентов. К соседству человека этот маленький хищник относится безбоязненно. Эта доверчивость местами доходит до того, что ТЮБИКИ не только охотятся на воробьев по дворам и улицам, но и гнездятся на хуторских и станичных усадьбах, устраивая гнезда иногда буквально на виду. Урона домашней птице они не наносят.

Пара на гнезде

Самец на гнезде

Самка на гнезде

Ящерица
Молодой тювик
Самец

«Тювик» — название народное, звукоподражательное, по голосу птицы, так же как «чибис», «чиж», «чечевица». Ястреб-самец, принося добычу, зовет самку с гнезда звонким, двусложным криком, который весьма схож с ночной перекличкой домовых сычей. Что-то вроде повторяющегося без пауз «ку-эк, ку-эк, ку-эк...». Звуки, напоминающие этот призыв, появляются уже в писке недельных птенцов, а у слетков это сходство позволяет безошибочно узнавать, кому принадлежит голос. Он более высок и протяжен, чем у взрослых, и слышится как отчетливое «тююви». Этим криком покинувший гнездо молодняк напоминает родителям, что пора бы и покормить. Голос взрослой самки, когда она отвечает самцу, похож на учащенный крик токующего бекаса: «та-ке, та-ке, та-ке...», которое может завершиться отрывистым «кувик».

Одна из необычных и удивительных особенностей ТЮБИКОВ — связанное с возрастом и сезоном изменение цвета глаз. Вообще птиц, у которых глаза птенцов и взрослых окрашены по-разному, немало. У большого баклана радужина изумрудно-зеленая, а у его птенцов — коричневая, у ночной цапли кваквы она карминно-красная, а у птенца лимонно-желтая. Ястреб-тетеревятник желтоглаз, а его птенцы, пока они в гнезде, голубоглазы. Но только у тювика цвет радужины меняется несколько раз в жизни. Его птенцы вылупляются черноглазыми, но на втором месяце черный цвет меняется на карий, еще позже радужина становится красноватой. Но в гнездовое время глаза самца и самки опять, как и у птенцов, агатово-черные, причем настолько, что ни под ярким солнцем, ни при ровном освещении в пасмурную погоду в них невозможно различить зрачок. Кончаются гнездовые заботы, и снова глаза взрослых приобретают красноватую окраску.

Если бы не глаза и не мелкие различия в окраске оперения, тювик был бы почти полным двойником ястреба-перепелятника. Но в поведении этих двух птиц гораздо меньше сходства, нежели во внешности. Перепелятник — профессиональный птицелов, и всякая другая добыча для него случайна. У тювика набор кормов значительно шире. По сравнению с перепелятником он и короткопал, и коротконог (его латинское название и означает — ястреб коротконогий), но ловит мелких птиц с тем же проворством, что и его желтоглазый сородич. Не прочь он заглянуть с той же целью в чужое гнездо с птенцами. Не отказывается от насекомых. Ведь даже самые сильные и благородные из пернатых аристократов неба иногда позволяют себе охотиться на стрекоз, жуков, саранчу и кузнечиков, ловя их скорее для разнообразия, нежели от безысходности. Так же относится к шестиногой добыче и тювик. Но существовать на этом корме, а тем более выращивать на нем птенцов ястребу нельзя, да и невозможно обеспечить выводок достаточным количеством насекомых: это не мухоловки. Ястребята должны расти на хорошем, свежем мясе и получать его вволю. И кормит тювик своих птенцов с первого дня их жизни до вылета из гнезда ящерицами,

У птенцов даже выработался необычный для дневных птиц суточный ритм жизни. Утром они не по-птичьи долго и крепко спят, и не могут разбудить их ни громкие голоса родителей, ни оглушительная «стрельба» пастушьих кнутов, ни комары, ни солнце. Самец успевает накормить самку, завтракает сам. Потом он и она немного «ремонтируют» гнездо, укладывая на борта новые прутики, играют, и все равно у них остается еще много свободного времени,

Первую дневную порцию ястребята получают, когда солнце уже приближается к зениту, когда отогревшиеся в его лучах ящерицы усердно охотятся сами. До недельного возраста самка кормит птенцов из клюва, оделяя всех поровну, так что никто не остается голодным, Потом каждому достается по одной обезглавленной ящерице, которую ястребенок проглатывает целиком и вскоре засыпает снова. На разовое кормление всего выводка в гнезде у родителей уходит всего 20—30 минут, не более. Самец приносит добычу с периферии своего участка и даже при изобилии добычи никогда не охотится рядом с гнездом. Это привилегия самки, которая иногда, чтобы быстрее накормить ястребят, ловит одну-две ящерицы возле гнездового дерева. Ближние ящерицы словно бы охраняются птицами как живой неприкосновенный запас, который станет добычей, когда птенцы начнут летать. ТЮБИКОВ не обманывает защитная окраска ящериц, и они одинаково ловят и серых и зеленых даже в такой траве, которая должна делать этих пресмыкающихся невидимками,

Иногда самец, увлекшись охотой и сбившись со счета, ловит лишнюю ящерицу, которую отдать уже некому: самка накормлена, спят сытые птенцы, самому есть не хочется. Тогда ястреб оставляет добычу впрок. Не на долгое, конечно, хранение, а пока кто-нибудь из семьи не проголодается. У него на одном из ближних к гнезду деревьев есть толстая горизонтальная ветка, на которую он и кладет ящерицу, как в кладовую. Самка, хотя и видит, где лежит предназначенная ей или птенцам готовая добыча, самовольно ее никогда не берет,

Кроме охоты, у самца есть и другие обязанности: он и охрану несет, и гнездо надстраивает, чтобы птенцы не вывалились, и защищает малышей от солнца, разворачивая над ними теневым зонтиком крылья и хвост. Вообще-то это забота матери, но и отец, когда свободен, охотно занимается детьми и домом.

Речная крачка

Низовой разгульный ветер, не устав и не остыв, долетел до Верхнего Дона, пригнул к воде камыши, раскосматил прибрежные ветлы и погнал частую волну против течения. На середине реки, почти у судового хода, пляшет на волне кусок толстой доски. Его держит на дне тяжелый груз. Здесь рыбак на зорях ставит свою плоскодонку, чтобы не сносило и не мотало ее струей. А сейчас на доске клювами на ветер стоят друг за другом две речные крачки. Если не смотреть на берег, то кажется, будто обломок со светлоперыми птицами стремительно несется вперед, а они на нем, как пассажиры на речной прогулке. Расстояние и мелькание волны мешают разглядеть птиц как следует, но все же видно, что обе они настолько коротконоги, что будто лежат на доске, прильнув к ней, чтобы не смыло в реку.

Полдень, а на реке из-за ветра какое-то бесптичье: ни коршуна не видно, не мелькают возле обрывчика береговуппси, не слышно журчания щурок, и цапля стоит под кустом, как уснула. Внезапно крачка, стоявшая позади, сипло крикнула в спину передней что-то такое, от чего та, не оглядываясь, мгновенно взлетела и сильными взмахами устремилась вниз. Полет неровный, рывками, но свободный, без видимых усилий, словно нет никакого ветра. Возле поворота, где песчаная коса гасит волны, крачка останавливается в воздухе, складывает крылья и короткой пикой вонзается отвесно в воду, мгновенно взлетает снова, но уже со сверкающей рыбешкой в клюве. С этой добычей она, уже подгоняемая ветром, возвращается к доске и, опустившись на нее, с нептичьей галантностью, как подарок, преподносит трепыхающуюся уклейку второй птице, которая так и простояла, не шевельнувшись, на месте.

За час эта сцена повторилась еще дважды, и оба раза добыча принималась без явной благодарности, словно плата за право стоять на обломке. Но рыболов вовсе не откупался малявками; не поймав для себя ни одной рыбешки, ничего не просил взамен подношений. А птица-хозяйка не была ни деспотом, ни калекой, ни немощной, которая не может охотиться сама, а живет лишь милосердием ближнего.

На доске «плыла» семейная пара речных крачек, у которых так и заведено, что самец охотится и кормит самку, как по своей доброй воле, так и по ее просьбе. Но...

Кормление по обязанности в семье у многих птиц — явление обычное. Пока орлица лежит наседкой на гнезде, орел носит ей мясо. Заботливость грачей, сов, синиц, ястребов в тех же обстоятельствах тоже можно ставить в пример. Но у крачек-то самец и самка греют яйца попеременно, и свободная от сидения птица может охотиться для себя сколько угодно: тут в праздном безделье самку не упрекнуть. Однако самец, сменяя ее, не всегда возвращается к гнезду с пустым клювом. Принося добычу, он и не рассчитывает задобрить этим самку, чтобы та, приняв рыбешку, осталась полежать на гнезде еще и положенное ему время. Ухаживание? Едва ли. После того как птицы становятся парой, ухаживание ничего не изменит, привязанности не прибавит, неприязни не сгладит. Видимо, у речных крачек не самки обладают особыми привилегиями, а у самцов существует постоянная потребность кормить ближнего: при птенцах она сильнее, без них — слабее. Ведь в эту пору во всех семьях местных крачек подрастали птенцы, а двое на доске были по какой-то причине бездетны, и времени на гнездовые заботы у них уже не оставалось.

Только ли рыбой питаются эти птицы и кормят ею птенцов? В основном — да. Остальную плавающую и летающую живность ловят, когда либо с рыбешкой плохо, либо этой живности очень много. Когда летними вечерами над песчаными левобережьями больших и малых рек Русской равнины во множестве вылетает из-под земли мелкий хрущ, крачки устремляются туда как на большое развлечение. Когда над спокойными мелководьями после захода солнца огромными темными дымами поднимаются мириады комаров-звонцов, крачки мечутся в живой мгле, словно бы тщась развеять ее взмахами узких крыльев. Иногда с болотными крачками летают на поля снимать с колосьев хлебного жука — кузьку. Во время лёта поденок не опаздывают на общее пиршество речных рыб и птиц. Когда, бывало, над сырдарьинскими или волжскими тростниковыми крепями зависали армады стрекоз, охотящихся на комаров, на самих стрекоз охотились крачки. Ловят они самонадеянных пиявок, водяных клопов-гладышей, креветок.

Но если рыбы достаточно, крачка не разменивает мастерство рыболова-профессионала на то, чтобы поймать жучка, ручейника или рачка. Рыбу она узнает и ловит даже в воздухе. У нас конечно же летучих рыб не водится, но зимуют-то крачки у побережий тропических морей, где безусловно знакомы с такой добычей. А полюбоваться подобной охотой, а заодно и совершенством полета крачек можно на одесских лиманах, где эти птицы первыми встречают рыбацкие шаланды с тюлькой в надежде, что при разгрузке улова что-нибудь перепадет и им. А нередко кто-нибудь из рыбаков или поддерживая традицию, или от доброго сердца, или забавы ради, зачерпнув полную пригоршню серебристого улова, подбрасывает рыбешек над собой, в гущу стаи

реющих крачек. И ни одна рыбка не упадет назад или в воду: с цирковой ловкостью без толчеи и ссор успевают подхватить всех.

Крачка не может ловить рыбу на плаву или гоняться за ней под водой. Она берет добычу в прицельном пикировании, даже в стае намечая определенную жертву. Поэтому и на гнездовья прилетает довольно поздно, когда посветлеет речная струя, когда обогреются мелководья и на них из глубины выйдет рыбья мелочь. Хотя неплохо получается у нее и в мутной водице: когда стаи бакланов устраивают летние погромы в рыбьем царстве, перепуганная рыбешка готова буквально из воды выскочить и тут попадает в клювы тех, кто не умеет нырять глубоко. Перепадает им и на жереховых побоищах, когда стаи крупных жерехов во время ската рыбьей молоди бьют малька больше того, чем могут съесть.

Добывают крачки не только верховок, уклеек, красноперок, но и придонных рыб, даже таких, как пескари и песчанки, окуни, бычки и ерши. Но вот головастиков жаб, лягушек и жерлянок, личинок тритонов, кажется, в клюв не берут,

На охоте крачка бесстрашна: без колебаний бросается с разлета в воду, не боясь, что ее может вместе с добычей накрыть небольшая волна. Но в другой ситуации птица вроде бы и побаивается водной стихии: купается у самого заплеска. Да и то наспех и с опаской, не теряя дна под ногами. Ноги у нее слабоваты, чтобы ходить и плавать. Птенцы же и бегают, и плавают, как утята, а у взрослых ноги, чтобы стоять. Взрослой птице легче пролететь два-три метра, чем пройти их пешком. Сделает несколько маленьких шажков и снова в воздух, где она одинаково смела и ловка и в мертвый штиль, и почти в шторм.

В полете у речных крачек необыкновенно развито чувство расстояния до птицы-соседа. Оно как бы автоматически обеспечивает сохранение необходимой дистанции в огромной стае даже в момент всеобщей паники. Из-за малого веса крачки при нечаянном столкновении в воздухе ничего серьезного произойти и не может: обе птицы мгновенно выровняют полет, но если кто-то в толчее зацепит крылом о чужое крыло, можно считать это чрезвычайным происшествием. Когда по общей тревоге взлетает разом многотысячная колония, когда стая голодных птиц бросается на даровое угощение из нескольких пригоршней тюльки, когда крачки преследуют врага, они словно живые магниты с одним полюсом: как ни сближай, быстро или медленно, все равно будут отталкиваться, не касаясь друг друга.

Полет речной крачки — нормальное времяпрепровождение даже тогда, когда не надо охотиться. Летом, когда пустеют гнездовые колонии, когда молодняк уже самостоятельно отрабатывает мастерство охоты, удается увидеть воздушную забаву крачек на прогулочном полете, На вечерней заре, когда птицы сыты, одна из них, поймав последнюю рыбешку, особым криком подзывает ближних. Не переставая кричать, она поднимается все выше над озером, рекой, лиманом и летит, то выпуская добычу из клюва, то снова подхватывая ее или уступая тем, кто принял приглашение к игре. Зеркальным блеском сверкает в лучах низкого солнца серебристая уклейка, мелькая среди свободно реющих светлоперых птиц. Тают в белесовато-голубой дымке птичьи силуэты, а крошечная искорка все мелькает в том месте, откуда доносятся голоса играющих крачек.

Забава с рыбкой похожа на групповую игру ворон «А ну-ка, отними!», но с той разницей, что у крачек добыча передается как эстафета, у ворон ее надо отнимать. Однако по уровню рассудочной деятельности, а значит, и по стремлению разнообразить свободное времяпровождение крачке далеко до вороны, и, опасаясь ошибки, удобнее было бы назвать игру крачек не развлечением, а обрядом или обучением. Да только какие обряды накануне отлета? К тому же в брачном ухаживании или в помолвке участвуют не полдюжины, а двое. Обучение молодых ловле добычи в воздухе? Тоже не подходит, потому что поймавший рыбешку на лету должен ее проглотить, не мешкая, а не перебрасывать соседу, чтобы и тот совершенствовал свою сноровку, Так что остается игра, как компанейская потеха, в которой должны быть обязательные условия или правила, по которым рыбешка-игрушка может разыгрываться как приз,

Для речной крачки главное условие гнездования — чтобы добыча была в достатке. А где само гнездо устроить, место найдется. В этом отношении птица весьма непритязательна: был бы свободный круговой обзор для наседки, а что снизу — не столь важно. Оно может быть и на песке, и на мелком галечнике, на топком солончаке, на большом валуне, куче сплавного мусора, на плавучей траве, на воде. Для четвероногих хищников, да и для человека тоже недосягаемы гнезда на колючих коврах телореза, по которым нельзя ни плавать, ни ходить. Кустики этой полуболотной травы прекрасно держат легких крачек и их гнезда-поплавки из растительного материала. Впрочем, гнезда как постройки может и не быть: подстилка нужна скорее для того, чтобы яйца в воде не лежали, чтобы не раскатывались из-под наседки, нежели для какого-то удобства или тепла. На голом песке это просто неглубокая ямка, соорудить которую птице помогает ветер.

А гнездовое поселение речной крачки может состоять из одной-единственной пары на всей речке или озере или из нескольких тысяч на безлюдных морских островах или намывных косах.

Это могут быть чистые колонии или сообщества с другими околоводными птицами: чайками, крачками, куликами. Возможно, что в этом разнообразии проявляется не столько неприхотливость, сколько экологическая разнородность вида. Места колоний могут меняться ежегодно, но могут существовать и десятилетиями. Причем тяга к постоянству может оставаться даже при поголовной гибели потомства от врагов или такого стихийного бедствия, как наводнение. У многих птиц неудача с выводком приводит к обязательной смене гнездовья. Речные крачки в этом отношении, словно закоренелые фаталисты: чему быть, того не миновать. Если после разорения остается достаточно времени, обездоленные птицы могут присоседиться к ближайшей колонии, с запозданием вырастить тройку птенцов, но на будущий год снова вернуться к роковому островку.

Три птенца в семье — это родовая норма кра-

Речная крачка

Птенцы

чек. Припоздавшие, чтобы не остаться совсем бездетными, выращивают двоих, а то и вовсе одного. Хотя в больших колониях нередки гнезда с четырьмя яйцами. Но тут еще не возникает сомнения, что все четверо птенцов будут детьми одной птицы. Когда же под наседкой оказываются пять-шесть яиц, появляется уверенность, что в семью проникла еще одна самка. (Временно? Постоянно? Случайно?) Случайность не подходит для объяснения, ибо подложить подкидыша без согласия хозяев можно лишь в неохраняемое гнездо. Но у речных крачек самки и в больших поселениях и на «хуторских выселках» начинают насиживать с первого яйца, и гнезда до вылупления птенцов ни на минуту не остаются безнадзорными. Стало быть, наседка должна добровольно уступить место товарке, позволив той оставить будущее потомство в ее «доме». Птичий альтруизм — отнюдь не досужая выдумка, поэтому возможен и другой вариант объяснения: четвертое, пятое и шестое — яйца птицы, занявшей бесхозное гнездо, бывшая владелица которого погибла.

Окраска яиц типично «болотная»: смесь в разных пропорциях коричневатого, сероватого, зеленоватого с бурыми и почти черными пятнами. В одной колонии различимых вариантов окраски наберется не менее десятка. У одних птиц яйца настолько сливаются с окружающим фоном, что им не требуется никакой дополнительной маскировки, чтобы быть невидимками. Но уже с откладки первого самка не уходит с гнезда. Лишь со второй недели начинается посменное насиживание. Но иногда в больших поселениях бывают гнезда с яйцами, заметными любому издали, например нежно-голубыми. Птицы с яйцами такой нестандартной окраски стараются занять место в середине колонии, в самой защищаемой ее части.

Так что же заставляет крачек садиться на гнезда с первыми яйцами при столь совершенной их расцветке? Объяснения могут быть самые разные. А что, если пошло это с тех времен, когда соседи крали яйца друг у друга, увеличивая свои семьи за чужой счет? Такое в птичьем мире бывает.

Степной орел

Мугоджарские горы в Казахстане — еще горы, они как продолжение Урала. А вот их южные отроги, Чушкакуль, только называются горами. Они скорее бугры и увалы, чем горы. Вдоль них с запада, устремляясь к Устюрту, змеится сай, сухая речка Чеган, в которой вода течет весной, иногда, после случайных и редких дождей, осенью. Но в глубоких промоинах она держится, как в маленьких озерах, все лето. Это волчьи, кабаньи и птичьи водопои. Звери приходят пить ночами, птицы прилетают днем. Ранним утром несутся к воде стремительные стайки рябков и саджи. В полдень, когда белеет над степью небо, слетаются со всех сторон орлы.

Белое небо, белая глина, белая соль, седая полынь, и темноперые птицы под слепящим солнцем кажутся издали совершенно черными. Ближе становится различимой разница в расцветке наряда: те, что посветлее, коричневые, — молодняк; а старые птицы в буром, почти без всякого рисунка оперении. Чем темнее орел, тем ярче кажется у него желтизна по краям большого рта. (Орлы «желтороты» всю жизнь. Это не воробьи.)

Несмотря на зной, птицы не торопятся напиться, как бы ожидая еще не прилетевших. Одни изваяниями стоят на видных местах, а большинство кружит в несколько ярусов над степью, словно убеждаясь, что никто не помешает им утолить жажду. Постепенно орлов становится столько, что всех вместе уже можно назвать стаей, от общего внимания которой не ускользнет ничего подозрительного на километры вокруг.

Если бы не орлы, полуденная степь выглядела бы совершенно безжизненной. Как может она прокормить столько крупных хищников? Может. Просто эти часы не их охотничье время. Степные орлы — сусликоловы, и в пекло их добыча отсиживается в прохладных норах, потому что солнце для нее так же страшно, как и орел: только в начале и в конце своего дневного пути позволяет оно попастись суслиному народцу.

Хищные птицы берут свою добычу с лёта, нередко даже при большом опыте охоты промахиваясь на броске. Степной же орел как суслятник-профессионал освоил оригинальный способ ловли, при котором неудачи случаются лишь у начинающих. Он знает, что у суслика в каждой норе лишь один вход-выход, и, куда зверек юркнул при опасности, оттуда же, малость успокоившись, он выйдет, чтобы голод утолить или спрятаться в более надежном убежище, в норе-доме. Наметив среди пасущихся грызунов жертву, пернатый охотник не всегда стремится схватить ее с налета. К тому же и сам взрослый суслик не промах: запасных норок на его участке достаточно, и он мгновенно заюркивает в ближайшую. Орлу того и надо: он ложится чуть поодаль входа и терпеливо ждет. Со стороны — не птица, а вросший в землю темно-бурый дикий камень. У суслика и терпения не хватает, и сообразительности, чтобы узнать в неподвижном валуне свою смерть. К тому же его успокаивает и поведение родичей-соседей, которые орла не видят вовсе. И внимательно оглядевшись, он вылезает совсем, чтобы продолжить прерванное занятие. Второй встречи с орлом у него уже не будет. Внезапное «оживление камня», вырастающего чуть ли не вчетверо, на мгновение парализует волю жертвы. А бегает орел не хуже собаки. А когда молодое суслиное поколение начинает уходить из родительских нор, с охотой становится еще проще.

Есть у степного орла и другая добыча, и стервятником он тоже может становиться при случае, ест снулую рыбу, но суслики для него прежде всего: где много суслика, там и степной орел не редкость. Он отыскивает этого зверька даже там, где его не могут обнаружить специальные зоологические экспедиции. От сезонного режима жизни сусликов, от сроков выхода их из нор после зимней спячки и полного залегания в норах осенью зависит и время пребывания степных орлов на родине.

Среди всех видов степных сусликов самый многочисленный — малый. Однако неприятности от него большие. На пастбищах он выедает самые лучшие травы, тта полях ему по вкусу любые культуры. А основная опасность от этого миловидного зверька не может быть выражена в рублях. Это угроза чумы, которая время от времени, словно бич божий, возникает в суслиных поселениях. Какую-то сдерживающую роль в распространении и возникновении повального заболевания играли степные орлы, пока сами не оказались в бедственном положении. Эту связь установили зоологи, выясняя распространение зверька: где было много малых сусликов, постоянно гнездилось много степняков. Эти грызуны как добыча оказались очень привлекательны для крупных пернатых хищников тем, что в нежаркую погоду пасутся и в середине дня.

Взрослые орлы могут и без сусликов обойтись, но орлят выкармливают только вкусным и жирным сусличьим мясом. А хищники очень крепко запоминают, чем их кормили в детстве. Порой настолько привыкают к детскому корму, что предпочитают поголодать немного, пока нет любимой добычи.

Если с сусликами у степного орла получается

прекрасно, то с другой добычей он не особенно удачлив. Иногда прямо неловко становится за* его охотничьи оплошки. Может быть, с дрессированными птицами и можно охотиться на зайцев, но от вольных орлов мелкие зайцы пустыни, песчаники или толаи, уходят, словно бы играючи. Да что зайцы. В конце августа на Устюрте пришлось быть очевидцем, как от царя птиц ушел трехногий корсак. Молоденькая степная лисичка угодила в волчий капкан. Натерпевшись ужаса и боли, зверек, когда его освободили, не очень резво поскакал в сторону обрыва, поджимая искалеченную переднюю ногу. Потом, словно поняв, что не только жив, но и свободен, так наддал ходу на трех, что при каждом скачке из-под задних лап взлетали фонтанчики пыли. И вдруг, будто и вовсе сумасшедшая радость овладела зверьком, заметался он вправо, влево, назад...

Не до радости было корсаку. Избежав одной смерти, он через минуту увидел вторую: на него, подтянув крылья, несся из поднебесья со стороны солнца степной орел. На здоровое животное он, может, и не стал бы нападать, но хищники мгновенно подмечают в поведении жертвы любую необычность, которая как бы подсказывает им: «Лови! Этот не убежит!»

Орел был темен пером, почти черен на ярком свету, а стало быть, немолод и опытен, но корсачок обвел его как новичка. Пернатый хищник проловил на первом же броске. Ему бы отказаться от дальнейших попыток: орел не ястреб, ему для нового захода нужен большой разворот, Высоту набрать — и вовсе время потеряешь, Кто-то выстрелил из двустволки, чтобы отпугнуть птицу. Но в те времена, наверное, девяносто девять степных орлов из сотни не знали, что такое ружье, и оба выстрела произвели на хищника не большее впечатление, чем два хлопка в ладоши.

Портрет

Хромой корсачок, уворачиваясь от протянутых к нему когтистых лап, все же доскакал до оврага и как под землю провалился. А орел без видимого сожаления, не оглядываясь, заскользил на распростертых крыльях к расстилавшейся перед Устюртом дикой равнине.

Еще тридцать—сорок лет назад немногочисленные в ту пору охотники-промысловики определяли сроки массового пробуждения желтого суслика в актюбинских степях по началу пролета орлов, которые вторгались в воздушное пространство Северного Приаралья не поодиночке, а сразу большими стаями, в которых летели десятки и сотни охотников крылатых. Ныне, к сожалению, об этом приходится говорить лишь в прошедшем времени, и вряд ли кому из современников посчастливится увидеть подобное, испытать то неизгладимое впечатление, которое остается от свободного полета такой стаи, единой в своих действиях.

Орлы прилетали в середине марта, когда степь еще лежала под девственно-белым снеговым покровом, углаженным ветрами до такой звенящей плотности, что некованый конь под тяжелым всадником оставлял на блестящей поверхности едва заметные следы, а солнце, уже теплое и яркое, отражалось от нее как от зеркала. Орлу над такой степью лететь и рискованно, и утомительно: от долгого махания крыльями, на которых удобно парить, птица быстро устает, и, чтобы продолжить путь, нужен и отдых и сытный корм. Корм есть: суслики вовсю хлопочут о продолжении рода, шныряя по соседним норам, но в эти полузимние-полувесенние дни над степью нет даже самых малых восходящих токов воздуха, которые могут нести тяжелых птиц без затраты их собственных сил.

А орлы летели. Досрочную навигацию им открывала железная дорога Средняя Азия — Оренбург, на которой через каждые восемь

Гордая птица
Птенец
Пуховички

километров — разъезд, через сорок — станция, а на запад и восток — голая степь без края. В пристанционные аулы, поселки, городки весна приходила на несколько дней раньше: затоптанные перроны, расчищенные пути, засыпанные золой дворы и улицы солнце освобождало от снега задолго до того, как бралось за такыры, барханы и солончаки. И уже до полудня над маленькими разъездами поднимались в безоблачное небо мощные токи нагретого воздуха. Их-то и научились использовать степные орлы для раннего продвижения на север.

Когда орлиная стая появлялась над станционным поселком, птицы летели так низко, так устало взмахивали длинными крыльями, что казалось, они вот-вот начнут цеплять ими о провода, о ветки уличных карагачей и оттяжки банной трубы. Но именно здесь было их спасение: взмахи прекращались, и орлы, кто по левой, кто по правой широкой спирали, начинали набирать высоту, уже не шевеля крыльями. Такому парителю, как степной орел, вполне достаточно скорости восходящего тока воздуха всего полметра в секунду, чтобы за несколько минут превратиться в птицу не крупнее ласточки. А каждые сто метров высоты позволяют ему без усилий при скольжении преодолеть в безветрие более полутора километров, а при попутном ветерке — и все два.

Ночь орлы проводили не на снегу, а на телеграфных столбах. Иногда стая была столь велика, что линия ночевки растягивалась на километры, и каждый столб на ней был увенчан массивной темноперой фигурой. Когда-то никаких столбов в степном пейзаже не было, и цари птиц отдыхали на каменных бабах, на могильных курганах, с которых горизонт раздвигался пошире. Но когда по равнинам, логам и увалам выстроились линии столбов, удобные насесты понравились орлам сразу. Вслед за линиями связи по бывшим вольным просторам разбежались местные и магистральные ЛЭП. Пока низковольтные провода висели на деревянных столбах, ни орлы, ни другие любители отдыхать на высоких присадах не подвергались опасности поражения электротоком, потому что дерево было хорошим изолятором. Бетонные столбы с начинкой из железной арматуры стали для орлов и других крупных пернатых смертельной опасностью: птица, намереваясь почистить клюв, замыкала через себя на землю десятитысячевольтную сеть и буквально сгорала в один миг. Не браконьерство, не распашка целинных степей привели к тому, что степной орел стал исчезающим видом и попал в Красную книгу, а электрификация, при осуществлении которой энергетики не посоветовались с орнитологами. Конструкция защитного устройства крайне проста, но его не используют, и орлы продолжают гибнуть на проводах, Смерть сородичей на столбах не служит уроком для живых, которых по-прежнему манят коварные насесты.

В давние благодатные для степных орлов времена общим правилом для них было строить гнезда на земле. Это не уютная и теплая постройка, а невысокая и широкая куча из веток, каких-то ошметков, сайгачьих или овечьих ребер, сложенная лишь для того, чтобы под яйцами и птенцами была не голая глина. Гнездо такое видно издали и конному, и пешему, потому что птицы мостят его на каком-нибудь возвышении, бугорке, кургане, на развалинах могил, чтобы и самим, не взлетая, видеть далеко вокруг. В Черноземье степняки гнездились когда-то на старых соломенных стогах. Известно несколько случаев, когда эти орлы выводили птенцов в гнездах на деревьях, но скорее всего не собственной постройки, а в пустующих и еще крепких гнездах своих соседей-могильников. Кое-где в Нижнем Поволжье степные орлы забрались и вовсе высоко, строя гнезда на стальных опорах ЛЭП, видимо используя как основу собственного сооружения гнезда воронов, давно оценивших надежность и недосягаемость этих конструкций.

Иногда на участке одной семьи бывают два гнезда. Второе птицы складывают не по причине ветхости первого (эта недвижимость может служить им десятилетиями), а словно бы поддаваясь неведомому «суеверию», развитому у многих крупных хищных птиц. При неудаче с выводком, когда либо под скорлупой яиц не было жизни, либо птенцы из-за какой-то случайности погибли в первые дни, на следующий сезон птицы строят неподалеку новое гнездо, а в старое и не заглядывают, словно лежит на нем неведомое заклятье, которое года через два забывается,

У хищников, орлов и всех прочих рангом пониже греют яйца самки, а самцы охотятся и кормят наседок. У степняка орел, кажется, совсем не заботится, сыта или нет орлица, или же подкармливает ее от случая к случаю. Она охотится для себя сама, не теряя гнезда из вида и всегда успевая к нему, если нужна защита. Разве иногда непогода не позволит даже ненадолго оставить яйца. А обычно она без опаски доверяет их солнцу, пока то не успело подняться высоко и раскалить землю и воздух. Для птенцов же оба родителя охотятся с одинаковым усердием, и, пока орлята не оденутся в перо, отец и мать в полдень спасают их от перегрева своей тенью.

В полном молчании кружат орлы над раскаленной степью, и лишь изредка из белизны небосвода донесется негромкий, хрипловатый клекот, лающий крик с прибавкой вороньего карканья. Значит, кому-то понадобилось отыскать или позвать своего, подать сигнал о большой добыче, предупредить о чем-то всех, а может быть, прибавить удали перед стремительным падением к земле.

Юла

инул летний солнцеворот. Давно отпели свое соловьи. Но не стали тише теплые ночи, потому что набирают силу несметные хоры певчих насекомых. По межам и обочинам, стоя возле норок, пиликают лобастые сверчки. Длинноусые кузнечики забираются повыше, до макушек самых высоких деревьев. Стрекотание трубачиков, заполняя речные долины, глушит голоса медведок и цикад, а заодно и ленивое ворчание лягушек. Зато на полянах и сечах сухого бора, где зной и тишина в полдень, там ни звука и в самую темную полночь, и при полной луне. Кажется, приложи ухо к земле и услышишь, как растущий гриб раздвигает скрипучие песчинки, чтобы к утру выставить под росу бледноватую шляпку. Бесшумен полет козодоев и сов, неуловимо на слух осторожное скольжение гадюк. Молча ткут тенета лесные пауки, беззвучно движутся в траве зеленоватые фонарики светляков... В таких-то глухих местах и удается послушать ночную песню лесного жаворонка — юлы.

Ночами поют соловей, варакушка, разные камышевки, скворец. Но их пение как бы заземлено: каждому нужна ветка, тростинка или иная опора. Юла в ночи поет только на крыльях, поднимаясь в темноте над лесом, как полевой жаворонок днем — над полем. Поэтому ее пение оставляет у любого слушателя неизгладимое — неземное! — впечатление.

«Полночь. Лишь вдали кричит ушастая сова или козодой мурлычет свою ночную песню; только кое-какие жуки жужжат и со свистом пролетают мимо. Как вдруг поднимается с земли неутомимый лесной жаворонок, точно во сне, и поет громко и чисто среди тихой лесной ночи, переливается трелями и, побуждаемый наплывом любви и песен, взвивается к сверкающим звездам, как будто днем к солнцу; и сердце странника следует за ним туда, куда за ним уже не может следовать взор. Нужно самому проходить в тихую полночь через такие пустынные места, нужно самому испытать на себе почти наводящее ужас спокойствие лесной глуши, чтобы понять силу, с которою эта милая птица овладевает человеческим сердцем. Надолго остановишься, слушая его, и невольно подумаешь, что он нарочно поднялся, чтобы порадовать своею близостью одинокого, покинутого человека, чтобы приветствовать его дружескими устами, чтобы подкрепить и ободрить его». Так написал о юле еще в 1861 году Альфред Брем.

Юла не редкость в птичьем мире, но послушать ее ночное пение удается не часто. В первые мгновения оно воспринимается как что-то фантастическое, ведь в полночь все живые звуки раздаются из травы, с кустов и деревьев, а эти чарующе-таинственные переливы струятся откуда-то из-под звезд, с неба. И по силе их звучания трудно угадать, на какой высоте трепещет неутомимый певец, у которого и день-то, наверное, был не из легких, а он еще и всю короткую ночь тратит не на отдых, а на то, что все его соседи делают засветло.

На фоне блещущего звездами небосвода едва различима черная, пильчатая стена соснового леса, в которой нет ни одного дерева такой высоты, чтобы дотянулось оно острой макушкой туда, откуда, то замирая, то делаясь слышнее, льется баюкающий напев. Колено от колена отделяется ясными паузами, во время которых то будто синица в отдалении колокольчиком позвенит, то посвистит или пощебечет еще какая-то разбуженная птица. Получается, как запевала с подголоском. Но это вторят не разбуженные дневные певцы, а сама юла слабее, чем вполсилы, повторяет их голоса. Трепеща крыльями, она высвистывает свои знаменитые переливы, а потом скользит без взмахов, как бы отдыхая, и тогда вместо мягкого «юль-юль-юль-юль...» доносится до спящей настоящей синицы ее весеннее «ци-ци-фи, ци-ци-фи, ци-ци-фи...». На такое способны только самые большие мастера.

А поет ли, как прочие жаворонки, днем? Поет, да еще как! И под ласковым апрельским солнцем с прилета, и в июньское утро вместе с кукушками, и в самые первые дни золотой осени, когда бывают у природы минуты девственной, звенящей тишины речных долин и маленьких перелесков, когда лучи еще теплого солнца приглушены либо легоньким туманом, либо высокой наволочью. Поэтому может сложиться впечатление, что юле не нравится яркое и жаркое солнце. (Она и на самом деле нередко в середине дня под кустики, под деревья жмется.) Но скорее всего не в жаре и ярком свете причина тяги к ночному пению. Очень часто соседствует с юлой, гнездясь в бесхозных сорочьих и вороньих постройках, один из аристократов неба, гроза мелких птиц — чеглок. Этот маленький соколптицелов прилетает чуть ли не на месяц позднее юлы, улетает раньше ее, ночами не охотится. А днем при нем выше леса подниматься опасно, и, наверное, чтобы не рисковать головой, стала юла петь ночами. В неволе она может давать ночные концерты уже в конце зимы.

Со времен Брема глухих мест, куда бы даже ночами не долетали грохот и свистки сирен, гул самолетов и лязг тракторов, наверное, и не осталось. Но не убавилось в мире лесных жаворонков, которые поют ночами, потому что все больше становится удобных для них полян и

Гнездо
Птенцы в гнезде
Юла с птенцами

вырубок в старых борах, потому что на бывших песчаных пустошах поднялись молодые сосняки даже в тех краях, где сосна, любимое дерево юлы, никогда прежде не росла.

Юла не просто лесной жаворонок. Это птица соснового леса. Без сосны юла может жить лишь в неволе, а для продолжения своего рода она не может обойтись без этого строго-сурового, но доброго дерева. Ведь у сосны, если не случается в ее жизни сверхжестоких засух, как, например, в 1971—1972 годах на Русской равнине, не бывает неурожаев. А плодоносить она начинает в лесу лет с десяти, на просторе — еще раньше. Зимой сосна кормит вкусными и сытными орешками лишь белку и дятла, а весной в изобилии рассыпает их для всех желающих: птиц, мышей, муравьев. В солнечные дни до заката не прекращается в старых и молодых сосняках легкое, сухое пощелкивание: с негромким треском растопыриваются чешуи спелых шишек, освобождая крылатые семена, которые даже в дождливую погоду не прорастают недели по две, а в сухие весны — еще дольше. И выходит, что к началу гнездования юла бывает обеспечена прекрасным кормом, к тому же без нужды делить его с конкурентами. Из самой вкусной смеси юла прежде всего выберет любимые сосновые орешки, а уже потом примется за остальное.

А кроме того, юла, как и все остальные жаворонки, не любит сырости. Сосновый лес на песках — самый сухой лес. Там уже через сутки после могучего грозового ливня может установиться пороховая сушь. Так что тяга юлы к сосне вовсе не случайна.

Во внешности, взгляде, манере держаться у юлы на первом месте какая-то особая, нептичья кротость, которая уступает место безудержной смелости лишь весной, во время выяснения отношений со своими же. Самец без колебаний бросается на любого возможного соперника, который вторгается в воздушное пространство семейного участка, иногда даже не имея намерения приземлиться на нем. Такому же нападению может подвергнуться и другая птица его роста, собирающая корм с земли, например овсянка или зяблик.

Семьи лесных жаворонков насиживают яйца дважды в сезон, выращивая обычно в каждом выводке по четыре птенца. Гнездо пара строит вместе, насиживает самка, а кормят детей тоже оба. В промежутке между уходом первого выводка и вылуплением вторых птенцов семейные самцы поют с почти весенним азартом. Хор птичьих голосов в это время сильно редеет и слабеет, поэтому в уединенном месте днем или ночью можно послушать, как льется с вышины звучное «юль-юль-юль-юль... ля-ля-ля-ля-ля-ля... ю-ли, ю-ли, юли...», за что и получила свое название милая птица, юла.

Авдотка

Два дня гулял над степным Прихоперьем свирепый суховей, превращая песчаное левобережье в настоящее пекло. Полевые жаворонки только на утренних зорях осмеливались подниматься в чуть остывшее небо. После безросных ночей лишь цепочки разных следов на пыли и песке говорили, что живого много, но прячется оно от дневного зноя где может. Никли и сохли травы на открытых местах, и лишь душистый чабрец все пышнее расцветал сиренево-розовым цветом.

Но в один из невыносимо жарких дней из-за хоперских крутояров медленно и грозно выползла чудовищная туча и бросила из своей многокилометровой утробы такой водопад, что на укатанных дорогах между пологими дюнами в несколько минут разлились маленькие озерца.

Лишь под вечер уплыла необъятная туча, и на западе появилась полоска догоравшей зари, отражаясь, как в темных зеркалах, во всех дорожных лужах.

На обрезе быстро тускневшей поверхности небольшой лужицы черным силуэтом четко вырисовалась перевернутая фигурка стройной, длинноногой птицы, наклонившейся к воде. Постояв немного, отражение унеслось в темноту подступившей ночи, мелькая зигзагами белых полос на крыльях. И, чуть замирая, в ту же сторону унеслось протяжное и какое-то всхлипывающее стенание — крик ночного отшельника песков, степного кулика-авдотки.

Пение авдоток трудно передать буквами и трудно спутать с другими звуками. В них слышится и сипловатый плач, и безнадежно-тоскливый зов, и едва сдерживаемый надрывный возглас. Эти крики одинаково могут породить у ночного путника чувство беспокойства и тоски или, наоборот, подбодрить, что не один он в темном, бескрайнем просторе. Очень удачно немецкое звукоподражательное название авдотки, которое звучит как протяжное «трииль» со смягченным «р» и неясным шипением на последующих звуках. Этот крик слышен в местах ее обитания чаще всех прочих.

Встреча с авдоткой — дело случая. Можно тысячи раз слышать ее голос и не видеть ни разу ни ее саму, ни яйца, а птенцов и подавно. Она обитатель песчаных и глинистых пустынь, степей, пустошей, долинных дюн, морских побережий, бесплодных земель. В бывшем СССР северная граница ее гнездового ареала тянется от озера Зайсан и Прибалхашья на северо-запад

к южным берегам Балтики. Но если в редких низкорослых саксаульниках Казахстана или в Нижнем Поволжье это обычная птица, то в Западной Европе — одна из случайных.

По размерам и весу авдотку, пожалуй, можно сравнить с самым крупным из европейских голубей, вяхирем. Но в ней нет голубиной плотности или увесистости, что ли. И ни один из самых лучших рисунков и фотоснимков авдотки не передает той стройности, подтянутости и особой легкости, идеальной обтекаемости корпуса, которые присущи спокойно настроенной птице. Когда самец, патрулируя участок вокруг гнезда, подолгу застывает на своих сторожевых бугорках и осматривает местность, он смотрится столь совершенным созданием природы, что, как говорится, ни прибавить, ни убавить.

Самое замечательное и удивительное в облике степного отшельника все-таки глаза. Из дневных птиц подобные глаза разве только у ястреба-тетеревятника, из ночных — у болотной совы. Огромные, ярко-желтые, они выдают затаившуюся птицу днем шагов за полтораста. Это глаза ночной птицы, хотя ни разу не доводилось видеть ее дремлющей при дневном свете. Днем птица, правда, выглядит головастее, чем ночью, потому что ерошит перо на лбу. Коротенькие перышки над глазами, наподобие узких козыречков, защищают от прямых солнечных лучей. Они не придают выражению авдотки суровости или нахмуренности, как у хищных птиц, но тень от них проходит как раз через центры зрачков.

Только на свои глаза полагается авдотка днем и ночью. Самец, охраняя территорию, пока самка на гнезде, не поднимается на крыло, а осматривает местность со всех сторожевых бугорков и кочек, то вытягиваясь во весь рост, то наклоняясь к земле, чтобы приблизить горизонт. Безлунной ночью авдотка с расстояния 50—60 метров замечает движение, которое человек с острым зрением едва различает в двух шагах. К тому же в темноте глаза взрослых птиц светятся бледно-красным светом — явление в птичьем мире хотя и не исключительное, но редкое.

Увидеть ненапуганную авдотку в крейсерском полете засветло удается значительно реже, чем сову, охотящуюся на солнце. Поэтому о полетном мастерстве ночного кулика можно лишь догадываться, слыша, как мечутся над степью весенние крики птиц. Авдотка — и ходок и бегун. Иногда самец перебегает с одного бугорка на другой с такой стремительностью, что кажется, будто на первом птица незаметно спряталась, а на втором встал на вахту ее сменщик. Иногда, наоборот, он переходит с места на место так медленно, что напоминает слепца, вне-

Гнездо
Авдотка

запно оставшегося без посоха: восемь—десять шагов в минуту, словно прощупывая ногами песок.

Авдотка способна оценивать степень риска, и не всякая опасность заставляет ее спасаться бегством или покидать гнездо днем. Она, как и ворона, одинаково узнает человека -— и пешего, и конного, и сидящего в автомобиле. Идущего стороной она лишь проводит взглядом. Если держать курс прямо на нее, то птица уйдет с твоего пути и затаится. Наседка, не полагаясь на свой защитный наряд, уходит от яиц или птенцов, не подпуская человека и на сотню метров. К животным относится по-разному. На зайца (наверное, зная, что он вегетарианец) не обращает внимания. Не боится ворону и сороку — бичей мирных птиц. Может отвернуть корову от своего гнезда или маленьких птенцов. Чуть выступив ей навстречу, наседка расставляет крылья и с шипением, напоминающим придушенный хрип, крутится перед коровьей мордой. Создается впечатление, что авдотка не только смела и осторожна, но и весьма сообразительна.

Днем в тех местах, где живет авдотка, ей охотиться, пожалуй, не на кого. Ночами же оживает в пустыне или степи жучиный мир, выходят из подземелий мокрицы, сверчки, медведки. Четвероногой мелкоте тоже лучше не встречаться с ночным охотником. Авдотка хотя и кулик, но с наклонностями хищника. Ее острый, крепкий клюв годится не только для ловли жуков и улиток. Да и в неволе прирученные авдотки предпочитают мясной корм всему прочему. А к воде по вечерам прилетают не для того, чтобы там поохотиться, а напиться самим, ведь день-деньской под палящим солнцем без единой капли во рту...

У авдотки нет гнезда. Два крупных (вдвое крупнее, чем у вяхиря) яйца лежат на песке. Перед вылуплением, раскалывая скорлупу, птенцы начинают подавать голос. Их ритмичный писк слышен из-под наседки за несколько шагов, и пробегающие мимо конек или жаворонок нередко останавливаются в недоумении, слыша эти звуки, а мать словно вздрагивает и еще шире раскрывает глаза в беспокойстве, как бы не услышал кто еще. Разница в появлении близнецов на свет невелика — несколько часов. Мать бегом уносит скорлупу в сторону: большие куски— подальше и там разбивает их о землю, мелкие — поближе, самые маленькие проглатывает. Обсохшему первенцу не сидится под пером, он вылезает из-под матери, топчется вокруг, берет клювиком соринки, камешки, травинки и снова прячется в тень, пока его братец тщится освободиться от тесной колыбели. А едва обсохнет и встанет на ноги второй, как мать уводит обоих, и в едва заметной ямке остаются лишь крошечные осколки скорлупы.

Большой баклан

Рискованно приниматься за жизнеописание птицы, с которой после недолгого знакомства не встречался ни много ни мало сорок лет, ровно столько не видел я живого баклана. Но черный рыболов был той птицей, о которой написана моя первая научная работа. Поэтому если что-то и просеялось сквозь редеющее сито памяти, то самые мелочи. Хотя, чем дальше, тем сильнее становится убеждение, что в птичьем мире суеты и мелочей не бывает, что за ничтожным пустяком может скрываться неразгаданное событие.

Было это в те годы, когда Волга от Рыбинска до Астрахани текла свободной рекой-богатырем, когда без опаски можно было пить ее воду и есть ее рыбу. А уж рыбы-то было и в самой реке, и в море! Настоящим рыбным царством была волжская дельта и те мелководья, где плодились, росли и нагуливались рыбьи стада. Но хозяйничало в том царстве разбойничье племя бакланов, грабившее без разбору воблу и чехонь, красноперку и леща, бычков и сельдей, ценную рыбу и сорную мелкоту. А неприкосновенным прибежищем тех разбойников были Дамчикский, Трехизбинский и Обжоровский участки Астраханского заповедника, где в общих с цаплями, каравайками и колпицами колониях летом 1950 года гнездилось 7300 пар больших бакланов. По тем рекам, на берегах которых жили птицы, в гнездовой период запрещалось плавать даже сотрудникам заповедника, чтобы ненароком не вызвать беспокойства среди населения колоний, кто бы в них ни обитал.

Глядя на рослых птиц, рассевшихся по ветвям высоких деревьев, развернувших, подобно геральдическим орлам, черные крылья, трудно представить, что это — непревзойденные пловцы и ныряльщики, лучшие рыболовы среди ближней и дальней родни, живущей дарами рек, морей и озер. Но если баклан не занят охотой, он отдыхает и спит либо на дереве, либо на скале, либо просто на сухом берегу и не будет плескаться в воде ради удовольствия. Да и нужно ли ему специальное купание после охоты даже в самый жаркий день?

Бакланы — птицы стайно-колониальные. Все у них вместе. Гнезда рядом, а то и совсем вплотную друг к другу, как общая постройка. Ветки ломать на строительство кучей налетают на одно дерево, обдирая его чуть не догола. На отдых, на ночевку собираются в одно место, где, конечно, многие знают соседей «в лицо». На охоту летают стаей. А баклан в одиночном поиске, как заблу-

У гнезда
На отдыхе
Кладка
Новая колония

дившийся. И пара, гнездящаяся особняком, словно отверженная.

Там, где бакланов много, их утренний вылет на охоту можно сравнить только с подготовленным наступлением хорошо обученного крылатого войска, которое способно действовать без военачальников, разведки и тыловых служб. Тысячи птиц, вылетая из ночного лагеря, выстраиваются каким-то образом в быстром полете длинными шеренгами с четкими интервалами. Шеренги, держа дистанцию, летят эшелонами. Летят в молчаливой решимости, и только взмахи множества сильных крыльев сливаются в шум, напоминающий голос стихии. Тускловато блестит черное оперение, подсвеченное снизу встающим солнцем; шеи вытянуты, как стрелы; взгляды зеленых глаз отрешенно устремлены в затуманенную даль. Самому жутковато станет, когда представишь, какой ад начнется на том култуке или морской банке, где безмятежным утром опустится это воинство, обнаружив рыбий косяк, потому что стайную охоту бакланов можно назвать не рыбалкой, а погромом.

На воде от четкого строя ничего не остается, общая цель достигнута — добыча обнаружена. найден подходящий косяк, и теперь у каждого своя задача — быстрее и побольше поймать себе. По воде катится какая-то черная масса вперемежку с тучей брызг, и шум от нее, как от большого водопада. А если к тому же стая орудует недалеко от берегов, то слетаются туда же тысячи крачек и чаек в надежде на легкую поживу. Баклан может нырнуть мгновенно и беззвучно, без малейшего всплеска. Но на охоте каждая птица поступает иначе: опустив голову и шею под воду, она бьет чуть расставленными крыльями, как бы ввинчиваясь в неподатливую поверхность, и пугает рыбу. Первое время косяк еще сохраняет первоначальное направление своего движения. Поэтому передние бакланы, преследуя рыбу, ныряют, гонясь за нею под водой, а задние, разбегаясь по воде, перелетают через них и падают в середине косяка или перед ним. Тогда косяк перестает существовать. Он разбит. Но и птичий вал начинает спадать, слабеть, стая редеет, потому что тем, кто уже успел набить свою утробу уловом, делать тут больше нечего, и они, не дожидаясь остальных, улетают к гнездам или к месту дневного отдыха.

В пылу охоты бакланы не всегда соизмеряют размеры добычи и свои возможности — бьют рыбу, которую не могут проглотить. Вынырнув с килограммовым судаком или лещом, баклан тут же бросает его и ныряет снова. Что смогут, подберут пеликаны, если окажутся тут же. А нет — пропадет рыба. Когда по осени бакланьи стаи начинали громить в дельте зимовальные ямы, после каждого налета битую рыбу собирали лодками. А сколько ее уносила вода, сколько опускалось на дно!

Всю жизнь от яйца баклан живет только рыбой, ничего больше в рот не беря и не выказывая никакого пристрастия к вкусу рыбьего мяса: с одинаковой жадностью глотает и нежную сельдь, и костлявую густеру, мягкого и жирного линя и колючего ерша. За два июльских дня в одной лишь колонии под бакланьими гнездами найдены оброненные при кормежке птенцов щука, вобла, красноперка, уклея, линь, лещ, белоглазка, окунь, судак, жерех, язь, ерш, подуст, голавль, щиповка, сом, чехонь, густера, сазан, пескарь и какие-то бычки, то есть, кроме карася, все, кого можно в эту пору поймать на ближних култуках, речных бороздинах и на взморье. Два судака и сазан были весом по фунту, а щука — еще тяжелее. По длине эти рыбы были от четырех до сорока сантиметров. Самой крупной добычей, которую на моих глазах осилил и проглотил взрослый баклан, была полуметровая щука. Весь хвост ее торчал из птичьего рта. Но взлететь с таким грузом рыболов не смог и оставил целехонькую рыбу на песке. А один из вольерных бакланов сумел проглотить шестисотграммового сазана.

Наверное, не одного меня занимало, почему бакланы даже в трудное время (трудное с рыбой) не ловят лягушек? Каждый баклан по детской неопытности может схватить и проглотить лягву любого роста, но эта добыча будет первой и последней ошибкой в его жизни. Излюбленное лакомство аистов и цапель для баклана — сильный и быстродействующий яд. Признаки отравления появляются через четыре-пять минут, и, может быть, поэтому дело не кончается смертельным исходом. Вид и поведение только что совершенно здоровой птицы говорят, что жизнь становится ей не мила, и она поступает так, как поступают почти все отравившиеся, извергая вон совершенно свежую лягушку, чья ядовитая кожа не успела даже изменить цвет,

А для маленьких бакланят в первые дни их жизни ядовито и рыбье мясо. Накормив без насилия трех инкубаторных птенцов кусочками нежной, жирной сомятины, я едва не отправил на тот свет всех троих: через несколько минут перед едва дышавшими бакланятами лежали ослизлые кусочки: все, что они проглотили добровольно, Наскоблил мясца с ребрышек совершенно постной красноперки — результат тот же. Наловил им сачком мальков — получилось еще хуже, Пришлось, чтобы не брать грех на душу, раздать малышей по бакланьим семьям, у которых птенцы были ровесниками инкубаторных неудачников. У других строго рыбоядных птиц: зимородков, крачек, скопы ^птенцы с выходом из скорлупы получают рыбу в том же виде, в котором едят ее взрослые птицы, и — ничего,

Бакланы не ловят специально для птенцов рыбью мелюзгу, а дают им «вареную», почти до каши размятую рыбу без колючих костей. И

пока птенцы не станут на ноги, вернее, не примут бакланью осанку, то есть перестанут лежать на гнезде, родители вместе с полупереваренной рыбой дают каждому несъедобные добавки: жесткие листья и плоды водных трав — резухи, урути, роголистника, ежеголовника, обломки скорлупы водяного ореха — чилима, кусочки раковин, короткие обломки мертвых веточек, стеблей тростника, угольки, водяных жуков и что-то еще. Толкового объяснения этой особенности питания пока не дано. Во всяком случае живая зелень в желудках бакланят — не витаминная добавка. И уж никак все эти посторонние предметы не попадают в суматохе охоты в желудок взрослых вместе с рыбой.

Приняв вертикальное положение, четырехнедельные бакланята уже не ложатся. Поначалу они, как бы подпирая друг друга этакой пирамидкой или башенкой, торчат посреди гнезда, потом рассаживаются посвободнее, потом перебираются на ветки, если гнездо на дереве. И уже месячный птенец получает рыбу целиком без ракушек, обломков и листочков. Меняется физиология его пищеварения. Кормят его родители дважды: днем, после утренней охоты, и на ночь, после вечерней. Слетки постигают искусство самостоятельной охоты не сразу. Улетая с родителями на рыбные места, они поначалу ведут себя еще по-детски: играют группами, ныряют, пока родители добычу ловят, отрывают под водой листья рдеста, а вынырнув, отнимают их друг у друга. Пригодится ли им эта сноровка во взрослой жизни? Нет. Там добычей будет только то, что самим и поймано.

Как строители бакланы не очень искусны, но зато очень аккуратны, и, где бы ни располагались их гнезда: на деревьях, на скалах, на полегшей крепи или на ровной земле, — всюду птицы очень бережливо обращаются со строительным материалом. Он прост: веточки или стебли тростника. Гнездо первого года на дереве похоже на большую воронью постройку. На второй год оно подрастает на столько же в высоту и чуть-чуть раздается вширь. А далее что ни лето, немного повыше и немного пошире, пока не получится почти идеальный конус метровой высоты вершиной вниз. А на грунте получается круглая глыба-башенка. И каждый год тяжелеет гнездо тройной тяжестью не только от сухих прутиков, но и от помета птенцов, который скрепляет веточки в сплошную массу, которую не берут и проливные дожди, как цемент.

За несколько лет бакланы доводят деревья, на которых гнездятся, до полусмерти, а потом убивают совсем, ломая мелкие веточки на строительство, обламывая их просто своей тяжестью (сытый баклан весит килограмма три, это не ворона), отравляя листья пометом. В конце концов от пышной кроны остается голый скелет без коры; дерево гибнет без болезни, просто усыхает. Бакланам это лишь на руку: удобнее взлетать и садиться, лучше обзор, ветер не может сильно раскачать дерево, упереться ему не во что; сухие сучья ветел и тополей крепче живых и надежнее держат многопудье гнезд-глыб,

Баклан неплохо вооружен: крючок на конце клюва, как заточенный коготь. На защищенной крепкой чешуей крупной рыбе рана получается, как от острого ножа. Еще не ставший на крыло птенец может полоснуть неосторожного человека по руке, словно бритвой. Но пользоваться своим оружием при защите гнезда баклан вроде бы не умеет. Это знают вороны и, не боясь хозяев, частенько грабят их гнезда. Наверное, одного движения бы хватило, чтобы срезать серой воровке голову, которая весит к тому же впятеро легче самого, а баклан лишь пугает ее, да и то как-то неумело и робко. Такая угроза не мешает вороне стащить яйцо или птенца прямо на глазах у родителей и безнаказанно улететь с добычей, Поэтому и начинают бакланы насиживание с первого яйца, сменяя друг друга. Да и после вылупления дежурства на гнезде не прекращаются еще чуть ли не месяц, ведь ворона один на один, как цыпленка, может убить трехнедельного бакланенка.

В воздухе баклан стремителен, но неразворотлив, хотя кроме широкого и длинного хвоста, как дополнительными рулями, полет управляется широкими лапами и длинной шеей. Взлететь с места баклану очень трудно, а подчас и вовсе невозможно: нужен разбег по воде (натощак этот разгон короче), чтобы крылья набрали достаточную подъемную силу. Даже с высокого дерева отъевшийся баклан сначала плюхается на воду, отчаянно работая ногами и крыльями, разбегается по ней иногда метров сто и, оторвавшись от поверхности, по довольно пологой глиссаде уходит на полетный курс. А уже в крейсерском режиме баклан летит, только версты за ним прибавляются: путь в оба конца (на охоту и обратно) может быть 400—500 километров. Это можно рассчитать по времени окончания вечерней рыбалки и возвращения в колонию: бывает, что птицы возвращаются уже ночью,

Казалось бы, коль так трудно дается птице подъем, то и сам полет баклану если и не в тягость, то вроде необходимости, без которой не проживешь. Наверное, была бы всегда под боком рыба в достатке, он и не летал бы никуда, (Живет на Галапагосских островах его нелетающий сородич.)

Но нет! Болыпекрылой птице свободный полет должен доставлять удовольствие при любых ее полетных качествах. И в жаркий день бакланы устраивают общие воздушные прогулки, чем-то напоминающие зимние игры ворон, Все население колонии, поднявшись на двухсотметровую высоту или еще выше (это может быть сразу после возвращения с охоты), начи-

нает что-то вроде состязания. Вспарывая воздух свистящим шумом, бакланы стремительно скользят в разных направлениях, постепенно теряя высоту. Когда в эти игры включается молодняк, они похожи на воздушные бои птичьих эскадр — черных и белобрюхих, но сбитых, подбитых и раненых в них не бывает. Шум постепенно нарастает, стая снижается, и все, сытые и довольные, мирно рассаживаются по своим деревьям, не теснясь и не мешая друг другу, чтобы потом стартовать без толкотни.

В облике и поведении баклана зримо ощущается некая первобытность, из-за которой он кажется прямым потомком неизвестной водяной праптицы, донеся до наших дней многие ее черты в неизменном виде. Голова, если бы не крючковатый клюв, похожа на змеиную и сидит на длинной, гибкой шее без перехвата. Перо не загнутое, как у прочих водоплавающих, а почти плоское, куриное. На спине оно, как крупная каемчатая чешуя. Широкие длиннопалые лапы удивительно похожи на крылья летучей мыши, потому что все четыре пальца соединены сплошной перепонкой. С такими веслами баклан на воде и под водой плывет, как с мотором — двум сильным гребцам на рыбацкой лодке не догнать. Под водой скорость движения еще выше, потому что сопротивление меньше, а выталкивающую силу птица сводит на нет, произвольно доводя свой удельный вес до единицы, выжимая из-под пера и без того ничтожное количество воздуха.

И ничтожно мало времени по сравнению с утками, поганками, лысухами баклан уделяет уходу за оперением. Оно у него и без того чистое. А что намокает немного в воде, так это еще лучше: нырять легче. И всегда после охоты любят бакланы сушить крылья, даже если их перо успело просохнуть в многокилометровом полете. Такова уж привычка.

И это далеко не все о баклане, у которого в Европе интернациональное название — корморан. В полете молчалив, а у гнезда «разговор» ограничивается несложным карканьем: в общем шуме можно услышать гортанное «каррк», «коррр», «горр» и «гок», часто сливающееся в сплошное «гокгокгокгокгок». Яйца почти идеально овальные, без острого и тупого концов, скорлупа их очень нежного зеленовато-голубоватого (или наоборот) цвета. Но голые птенцы черны, будто сажей натерты. А когда покроются темным пухом, кожа белеет.

А те 14 600 птиц из колоний Астраханского заповедника вырастили в 1950 году 17 500 птенцов.

Чеглок

Гроза собралась необычайно рано и с таким неистовством обрушилась на реку, луг и лес, будто хотела показать, что такое конец света. Ветер, ливень и град превратили маленькую спокойную речку в беснующийся поток. В мутной пелене растворилось, исчезло коровье стадо. Гром катался по земле с таким лихим азартом, что взрывы трех ольховых стволов в уреме прозвучали как щелчки. Но и туча ушла, унося ливень, и ветра не стало, чистой голубизной заполнялся небосвод. У солнца оставалось еще несколько часов, чтобы обсушить и обогреть всех, хотя казалось, что после такого разгула стихии ни сушить, ни греть уже некого.

Однако распрямились полегшие перед штормовым шквалом травы. Коровы, где бродили, там и остались. Щебеча, замелькали над ивняками ласточки. А на макушке полусухой сосны с горделивой осанкой стояли один чуть выше другого два маленьких белощеких сокола, два чеглока, глядя в сторону уплывавшей тучи, чьи молнии при свете солнца виделись уже слабенькими блестками. Внезапно одна из птиц, словно отрешаясь от земного благоденствия, словно желая еще насладиться сверканием, громом и вихрем, ринулась вдогон грозе. Другая, выглядевшая покрупнее, словно не одобряя безрассудную выходку младшего, стала охорашиваться, повернувшись к солнцу.

А через минуту в стайке ласточек произошло какое-то неясное замешательство, и мимо суховершинной сосны пронесся чеглок с касаткой в когтях. Звонкое соколиное гиканье прозвучало над лесом: отец вернулся с охоты, и надо кормить птенцов. Он не за тучей гонялся, а, набрав по широкой дуге высоту и наметив жертву, ринулся на нее со стороны солнца. Никакой погони не было, просто в той точке, где линия полета касатки должна была пересечься с линией соколиного пикирования, оборвалась ее жизнь. Ни тревожного вскрика, ни бегства и паники остальных. Похоже на то, что жертва встречается с чеглоком один раз в жизни, поэтому уроков, чтобы в дальнейшем не допустить ошибки, не бывает. Конечно, не обходится без исключений, но об этом ниже.

Кто-нибудь, возможно, упрекнет меня здесь за почти восторженное описание охоты чеглока на ласточку или жаворонка, но что поделаешь, если чаще всего добычей сокола становятся те птицы, которые больше других любят небо, которые в нем живут, которые поют на крыльях.

Портрет
Птенцы
Кормление птенцов

Их гибель от слепых сил стихии, от нелепого случая, в охотничьих тенетах или в когтях хищника вызывает одинаковое сожаление, как потеря близкого и любимого существа. Но что красиво, то действительно красиво, и даже у самых преданных любителей птиц охота пернатого аристократа вызывает неподдельное восхищение. Да вот чтобы стать ее свидетелем от начала до конца (а это всего несколько мгновений), нужна особая удача, ибо можно часами не отрывать взгляда от стаи ласточек, реющих возле берегового обрыва, и все же пропустить момент нападения, увидев лишь, как чеглок уносит добычу к гнезду.

Соколиная ставка, пикирующий бросок на добычу, вблизи неуловима для нашего взгляда, потому что совершается на огромной скорости. Ее можно сравнить с полетом стрелы до и после мишени, когда она, пронзив преграду насквозь, еще продолжает лететь по инерции. Жаворонок тоже может падать камнем с подоблачной высоты, но это не спасает его. Он словно легкий камешек в свободном падении, а чеглок несется за ним как плотный осколок, брошенный вниз сильной рукой. Иногда жаворонку удается достичь земли раньше, чем сокол сумеет перехватить его в воздухе, но тут чеглок нарушает правила состязания и, мгновенно гася скорость, берет вжавшегося в комья пашни поднебесного певца так же просто, как пустельга берет окаменевшего от ужаса сусленка. Промах при таком способе охоты у опытной птицы исключен. А вот погоня может закончиться безрезультатно, когда, выражаясь языком соколятников, даже опытная птица может «проловить», то есть промахнуться.

Погоня не всегда приносит удачу, потому что если нет птицы быстрее чеглока, то находятся такие, которые проворнее, увертливее, смекалистее. Я видел, как кулички-песочники, и сами быстролеты не из последних, выигрывали состязание со смертью в образе чеглока именно виртуозной увертливостью, вынуждая сокола отказываться от преследования. А один, разогнавшись до предела, дал такую свечу, что чеглок тут же отстал и повернул обратно.

Иногда взрослые чеглоки, подобно крупным благородным соколам, охотятся в паре, когда одна птица бьет добычу, а другая как бы подстраховывает ее. Просто поразительно, как чеглоки согласовывают свои действия, намечая одну цель и устремляясь к ней с разных сторон. Попробуйте вдвоем хотя бы указать на одну и ту же крупинку в кастрюле кипящего кулеша. Это будет наверняка не труднее, чем взглядами удержать одну и ту же береговушку в тысячной стае.

Особым лакомством у чеглока считаются стрекозы, но охота на них выглядит как скверная забава. Некоторые отдаются этому увлечению спозаранку, словно подавляя в себе страсть к птичьей охоте или дав зарок больше не трогать собратьев, какое бы перо они ни носили. Ранним утром, пока стрекозы ленивы на подъем, чеглок охотится за ними на бреющем полете, спугивая с травы, с дороги греющихся на солнце насекомых. Днем, как бы прогуливаясь, ловит их над лугом, над прибрежными камышами и водой, Из-за расстояния и малого роста добычи не разглядеть, на кого охотится белощекий соколок, и его действия могут показаться чем-то вроде ритуальных упражнений. То он вытянет ногу перед собой, то отведет ее в сторону, а потом поднесет к голове. И лишь иногда игра солнечного света позволяет увидеть, как за птицей медленно опускается что-то сверкающее, но бестелесное: поблескивают оторванные стрекозьи крылья.

Знаком чеглок и с такой добычей, как летучие мыши, но урон нетопырям и вечерницам ничтожен, хотя ловить их так же просто, как и майских жуков. Время вылета самых ранних зверьков приходится на сумерки, когда птицы сыты, а ловить добычу ради спортивного интереса или про запас ни один вольный сокол не будет. На весеннем пролете в конце дневного пути чеглоки словно и не замечают вылетающих к речным разливам и опушкам летучих зверьков, Жуков хватают, чтобы съесть на лету. А чтобы съесть мышь, надо либо останавливаться, либо с собой нести, чтобы от своих не отстать. Но если днем какое-то происшествие выгонит летучую мышь из убежища и вблизи окажется чеглок, он не смутится нептичьим обликом добычи,

Однако иногда охотничья ситуация может сложиться так, что «видит око, да зуб неймет», когда ловкость и мастерство хищника наталкиваются на хладнокровное поведение жертвы, понимающей риск любой своей оплошности. Утром 25 августа 1978 года я с интересом наблюдал, как взрослый чеглок безрезультатно пытался вспугнуть стайку куличков-поручейников, чтобы на взлете подхватить одного из них. А кулички словно бы в безнадежной обреченности неподвижно стояли в углу пруда-отстойника возле высокого земляного вала, заросшего густым бурьяном. Сахарный завод только готовился к новому рабочему сезону, и в системе отстойников еще оставалось немного воды, но зато было много полужидкой грязи — настоящий рай для пролетных куликов.

Кулички стояли совершенно открыто, как на ладони, но в таком месте, что чеглок не мог схватить добычу в пологом скольжении: мешал вал. На крутом пикировании он мог проловить и врезаться в грязь. Это он понимал хорошо и старался поднять поручейников, чтобы ударить жертву в воздухе. Несколько раз проносился он над их головами, но ни один не шевельнулся, не пригнулся и не присел в страхе, ни у одного не сдали нервы. Страшно, конечно, но выдержки

хватило, и молодые птицы получили хороший жизненный урок, как можно, не поддавшись угрозам и страху, остаться целым.

Стараясь не увлекаться описанием охотничьих способностей чеглока, все же не могу удержаться от восхваления смелой и ловкой птицы без дурных наклонностей, даже зная за ней не совсем достойный способ овладения, а вернее, завладения добычей. Нет, чеглок не запустит лапу в чужое гнездо, не выкрадет беззащитных птенцов даже в отсутствие родителей, и об этом знают все птицы. Но вот в списках его кормов кое-где можно обнаружить мышей, хомячков, полевок и даже лягушек, хотя ни один чеглок, наверное, не унизит своего достоинства ловлей этих животных. Тогда откуда же они? Если по соседству с парой чеглоков гнездится семья пустельги или кобчика, то добыча, пойманная этими соседями для своих соколят, может достаться птенцам чеглока.

Когда чеглок-отец запаздывает с охоты, мать, побуждаемая собственным голодом или беспокойным писком малышей, может перехватить летящего к своему гнезду соседа и отобрать у него добычу. Не отдавать рискованно хотя бы потому, что сила на стороне чеглока: самка может весить вдвое больше, чем кобчик-самец. Не спешите назвать ее действия разбоем, отбирает не у своих чеглоков, которые послабее или боязливее, чем она. К тому же эти поступки не переходят в привычку, не становятся правилом поведения, и отношения между соседями-сородичами не переходят во вражду. Сокол, выращенный на птичьем мясе, никогда не привыкнет к другому, не предпочтет воробьиному лягушачье или мышиное.

Лучшее место для обитания семьи чеглоков — небольшой лесок неподалеку от реки, чтобы вокруг и поля были, и травяной луг, и обрывчики, в которых поселяется неисчислимое племя береговушек. А уж сорочья, воронья или еще чья постройка для собственного гнезда всегда найдется, были бы ласточки. У чеглоков, промышляющих в сильных колониях береговушек, нет нужды идти на «разбой» или кормить соколят лягушатиной. В их гнездах вырастают крепкие выводки из трех-четырех птенцов. Но если пошатнется или вовсе рухнет это благополучие, в семье вырастут один-два или она может остаться бездетной.

Именно так было несколько лет подряд после 1975 года на Верхнем Дону. Тогда в середине августа после трехмесячной жары небывалый холод с проливными дождями накрыл почти всю Русскую равнину, погубив множество береговушек: обеспитчели тысячные поселения. Для чеглоков положение оказалось не таким трагичным, как для тювика в 196У году, но некоторые пары летом 1976 года остались без птенцов, хотя и держались весь сезон возле своих гнезд. Так что зависимость сокола от судьбы ласточек очевидна. И на пролете чеглоки не спешат: летят, не опережая общий фронт пролета касаток, береговушек и воронков, а заодно и стрижей,

И с птенцами у них надежда в основном на ласточек — не только как выкормить соколят, но и как обучить началам соколиной охоты, Поэтому и в размножении чеглокам не выгодно отрываться от тех же береговушек и других массовых видов. Обучение молодых, если оно требуется, у птиц завершается очень быстро. Ленивых и непонятливых тут не бывает, поэтому уроков немного и они короткие. У чеглоков они слегка напоминают обучение молодых касаток: птенец летит за отцом или матерью, у которых в лапах пойманная добыча. В какой-то момент взрослая птица разжимает когти: лови! Если у слетка не хватило расторопности, чеглок, мгновенно развернувшись, успевает подхватить птичку и повторяет урок еще раз. Два-три дня — и соколенок становится охотником-птицеловом, умеющим снимать молодых ласточек с проводов и ловить их на лету. И после этого он свободный сокол. Такой доучивается уже на собственных ошибках и промахах.

Чеглок — птица скоростного полета и очень точно оценивает скорость чужого движения как на охоте, так и в иных ситуациях,

Уже началась осень, посвежели зори, росы стали холодными и тяжелыми, и стрекозы по утрам прилетали греться на асфальт шоссе, сбегавшего с крутого берега к реке. Туда же повадился и чеглок. Он первым встречал солнце на сухой вершине громобойного дуба и ждал, пока соберутся стрекозы, а потом планировал к подножию склона и начинал охоту. Бреющим полетом, не глядя перед собой, он летел над дорогой вверх, вспугивая стрекоз и схватывая взлетевших. Когда навстречу ему, сверху, набирая скорость, мчал грузовой или легковой автомобиль, он не сворачивал в сторону, а в самый последний миг круто взмывал перед радиатором и опускался позади автомобиля, продолжая охоту. А ведь скорость сближения была километров двести в час. Воробьи, трясогузки, чайки и при вдвое меньшей скорости не успевают уворачиваться и гибнут от столкновения. Сверху, с пригорка, порой могло показаться, что сокол объят непробиваемым защитным полем и что не он перелетает через автомобили, а они, не притормаживая, подныривают под него, что не стрекозы нужны чеглоку, а забавляется он ради утренней разминки перед птичьей охотой, Такой-то удалью и похвастаться не зазорно.

Сизоворонка

У августовских дней еще хватает зноя, но по утрам у ясного, без дымки неба уже холодноватая предосенняя синева, а степные дали чисты и прозрачны. Из края в край до последней былинки просматривается огромное поле. Ярок на нем золотистый ковер ячменного жнивья, и, как бугор чистого золота, сверкает в лучах встающего солнца последний ворох соломы. Взгляд уже не задерживается на привычной красоте, но вдруг, словно материализовавшись, из небесной сини на ворох опускается сизоворонка и, застыв, превращается в самородок чистейшей бирюзы. Тут невозможно не остановиться, потому что уже идет осенний пролет сизоворонок, и каждая встреча с синеперым чудом может быть последней до будущего мая.

Весной же, возвратившись из тропической Африки на родину, они снова вызовут восхищение не только красотой свежего наряда, но и свадебными полетами, которыми они выражают и собственное настроение, и власть над воздушной стихией. Одинаковые до перышка, самец и самка неразличимы и по мастерству полета. Взмыв крыло в крыло, они бросаются к земле, чертя в воздухе длинные зигзаги. Крылья почти сложены, и скорость падения такова, что кажется, будто немного отстает от них негромкое, чуть рокочущее карканье.

Однако самка как-то более сдержанна в проявлении своего восторга, поэтому дуэт в воздухе удается увидеть реже, чем одиночный полет самца. Он, даже возвращаясь с кормежки, не делает обычную посадку на дерево, а падает с высоты, качаясь с крыла на крыло. Проносится мимо намеченной ветки, мгновенно взмывает снова и, сделав крутой вираж с каким-то особым вывертом, точно опускается на кончик сухого обломка. В обычном полете сизоворонку легко узнать даже издали по своеобразной манере высоко поднимать на каждом взмахе полусогнутые крылья, будто не машет, а размеренно всплескивает ими, играючи...

Гнезд сизоворонка не строит, но, чтобы вывести птенцов, ей обязательно нужны надежные стены и крыша, ибо скорлупа ее яиц такой белизны, что видна в любой темноте, а птенцы вылупляются из них совершенно голые, без единой пушинки, и для них одинаково опасны солнце, ветер, дождь. Поэтому сизоворонка больше всего ценит просторные дупла в прибрежных ветлах и осокорях и в первую очередь занимает те, у которых дно вровень с выходом. В старых деревьях с полутораметровой толщиной ствола бывают дупла, похожие на длинные норы, бывают просторные пещерки с узким входом и мягким полом из кофейно-коричневой трухи. Такое жилье, однажды занятое семьей сизоворонок, будет служить не одному поколению бирюзовых птиц, пока не рухнет огромное дерево под натиском урагана или не сгорит от молнии.

Кому не остается выбора, занимают дупла попроще, а те, кому вовсе ничего подходящего не досталось, расковыривают иногда старые дупла больших пестрых дятлов в полуистлевших стволах и выводят птенцов в тесноватом для их роста жилье. В безлюдных и безлесных местах сизоворонка нередко пользуется тем, что уцелело от покинутых в давние времена построек человека. Находятся для нее несквозные дыры в каменных, саманных, кирпичных стенах. На одном из сухих древних русл Сырдарьи сизоворонки много лет гнездились в одной из пустот

Сизоворонка с птенцом

мавзолея Аралбай, да, наверное, гнездятся и сейчас.

На речных берегах, на обрывах степного безлесья сизоворонка становится землекопом и выдалбливает в крепких глинистых, меловых или лессовых стенах широкие и довольно длинные норы, которые тоже служат ее роду иногда десятилетиями. А там, где нет ни дуплистых деревьев, ни обрывов, ни развалин, сизоворонки, как ушастая сова или пустельга, занимают свободное сорочье гнездо.

Сизоворонка издавна снискала себе известность как необщительная, склонная к одиночеству птица. Лишь несколько дней весны пара проводит почти неразлучно, на виду у всех. Потом начинается насиживание, за ним — кормление птенцов, и уже увидеть двух птиц рядом удается лишь изредка. Да и когда слетки покинут темную детскую, семья не держится тесной труппой. Наоборот, каждый словно бы стремится жить сам по себе. Тем не менее нет у этих птиц никакой неприязни к соплеменникам даже в гнездовое время, не водится за ними ни серьезных драк, ни пустяковых стычек. И гнездиться пары могут, как скворцы, на соседних деревьях.

А вот охотиться действительно предпочитают в одиночку, кто где. Однако именно в гнездовую пору, перед закатом, а иногда и по утрам слетаются сизоворонки со всей округи в одно место, образуя на ветвях сухого дерева необыкновенно живописную группу. В лучах заходящего солнца голубое оперение сияет как бы само собой на фоне темнеющего неба, а коричневые «накидки» на спинках кажутся одежкой с чужого плеча. Молча и неподвижно сидят птицы, будто ожидая прилета последнего, чтобы вместе отправиться на общую ночевку.

Вдруг кто-то, как в нетерпении, срывается с места, но, пролетев несколько метров, спохватывается, что негоже так, и возвращается на место. Но следом точно так же поступает другой, потом — сразу двое, и снова взлетает первый. Действия всех схожи настолько, что нет сомнения: птицы охотятся, схватывая в воздухе хрущей, стрекоз, не видимых нашему взгляду издали. И в других местах летают такие же самые жуки, но сизоворонки почему-то слетаются на вечернюю охоту, как на ритуальную. И лишь когда густеющие сумерки покрасят зелень листвы в черный цвет, птицы сами, словно черные тени, стремительно разлетятся каждая в свою сторону. И только самые рьяные в те несколько минут, что остались до наступления ночи, продолжают охоту с земли, высматривая летающую добычу на фоне гаснущего неба. И где-нибудь на степной дороге в свете автомобильных фар вдруг полыхнет голубым огнем сказочная синь-птица и исчезнет в темноте,

В середине лета, когда на просторах Русской равнины начинает блекнуть зелень полей, превращаясь в желтизну спеющей ржи, ячменя и пшеницы, вылезает из земли один из главных врагов этих злаков — хлебный жук-кузька, Крепко вцепившись всеми шестью лапками в колос (никакому ветру не стряхнуть его), днем и ночью выгрызает он зреющее зерно. И как-то не находится среди птиц хороших охотников на этих вредителей. Лишь сизоворонке не приедается легкая и обильная добыча. Пробегают по широкому полю легкие волны, чуть пригибая тяжелеющие колосья, качаются на них зловредные кузьки, будто не грозит им никакая кара. Но легко и неторопливо, издали похожая скорее на синекрылую бабочку, нежели на птицу, порхает над полем сизоворонка, снимая с растений жука за жуком.

Чем еще питается сама и птенцов кормит? В сыроватых местах ходит по земле, неторопливо собирая с листьев самую малоподвижную добычу — мелких травяных улиточек в хрупких и нежных раковинках. Не упустит медведку, Когда же в засуху, после весеннего маловодья быстро мелеют и пересыхают небольшие прудики и озерца, наведывается на них и вместе с цаплями вылавливает обреченных лягушат. Но иногда прилетает к дуплу или норе не с жуком, а с маленькой змейкой в клюве, с полевкой-подростком или ящеркой. Бывает, что приносит слишком явное свидетельство того, что совсем не по-соседски заглянула в чье-то гнездо с птенцами. Справедливости ради надо сказать, что у сизоворонок это случайно, и никто из них не становится профессиональным разорителем гнезд, Да и трусоваты они, нет у них разбойничьей смелости, поэтому всегда отступают, встречая отпор хозяев.

Красивая птица. Вот только как-то не вяжется с ее роскошной внешностью голос: этакое грубоватое покаркивание вроде рэкэ-рэкэ-рэко... или рак-рак-рак... за что местами называют сизоворонку сиворакшей или просто ракшей.

Орел-карлик

Кончается август, подходя к той неуловимой границе, которая проходит между летом и осенью. Но пока о недалекой смене двух сезонов напоминает лишь молоденький кленок на лесной опушке, горящий незатухающим, бездымным костром. Остывают реки, но дни еще жарки и тихи. Тихи настолько, что единственное облачко, заслонив полуденное солнце, словно повисает на его лучах, не сдвигаясь и не меняя очертаний.

Как бы укрывшись в тени того облачка, кругами набирают высоту две хищные птицы. Став едва различимыми, они прекращают кружение и вскоре скрываются из виду в южной половине небосвода. Это не охотничий и не прогулочный полет хозяев маленькой дубравы на правобережье Дона — орлов-карликов. Еще много легкой добычи в их семейных угодьях, но пара, не дожидаясь ненастья, уже отправилась в осенний перелет. До зимовки на юге Африки тысячи и тысячи километров, но пока по-летнему тепло, орлиным крыльям не много работы: потоки разогретого воздуха будут сами нести птиц в поднебесье.

Орлы-карлики, пожалуй, самые маленькие орлы мира. С первого взгляда в них трудно признать близких родственников могучих властелинов птичьего царства, но стать и повадки этих хищников самые орлиные. У них, как и у настоящих орлов, до оснований пальцев оперены ноги, сходна форма кроющих перьев. Пропорции головы тоже орлиные: глаза, клюв, широкий рот. Способ постройки собственного гнезда (карлики занимают и чужие) и выбираемый для этого материал тоже свидетельствуют в пользу этого родства. Как и крупные орлы, карлики верны друг другу, пока живы, и на свою семейную территорию пары возвращаются каждую весну, не желая искать новый участок, даже если их беспокоят на старом.

Вот только ростом они невелики. У взрослого орла рост и вес вороны, орлица может быть вдвое массивнее. Эта разница хорошо заметна, когда птицы парят неподалеку друг от друга или стоят рядом на гнезде или ветке. Только видеть пару вместе удается редко, ибо даже весной карлики очень сдержанны в проявлении взаимной привязанности, и орел держится возле самки с предупредительностью, похожей на робость.

Самка довольно молчалива и лишь изредка откликается на призыв самца чуть грубоватым орлиным клекотом. А голос самого орла необыкновенно певуч. В нем совершенно нет тех раздражающих звуков и интонаций, которые свойственны большинству птиц орлиного «сословия». Его двух- или трехсложный свист довольно похож на хорошо поставленный голос лесного жаворонка-юлы. Певучесть орлиного голоса нравится пересмешникам *с* хорошим музыкальным вкусом, и они нередко добавляют к своему певческому набору звучное и мягкое «пи-пи-пит».

Карлики отличаются не только малым ростом. Птицам этого вида присуща довольно редкая расцветка наряда, не зависящая ни от возраста, ни от пола, ни от их географического распространения. Гнездовой ареал этих орлов разорван на несколько частей: Южная и Северная Африка, Пиренейский полуостров, Юго-Восточная Европа, Ближний и Средний Восток, Средняя Азия, Забайкалье, — и повсюду с разной степенью частоты обитают птицы двух

Портрет

типов окраски. У одних оперение темное — коричневых и бурых тонов. Другие настолько светлы, что в полете на фоне яркого неба выглядят снизу чисто-белыми и лишь полетные перья крыльев из-за резкого контраста кажутся черными. Отдельные перья у светлых птиц действительно лебяжьей белизны. Верхняя сторона от клюва до кончика хвоста окрашена в сероватый цвет. При образовании семейной пары окраска наряда самца или самки не имеет значения: обе птицы могут носить одинаковое оперение, может быть темной орлица, светлым — орел, или наоборот. Птенцы у светлой пары могут быть темными, у смешанной — одинаковыми, у одноцветной — разными.

Различно и поведение самца и самки в гнездовое время. Свой дом они строят на лиственных деревьях. Уделом орлицы становится насиживание, а потом опека птенцов. Орел — охотник. И стало быть, кормилец. Возможно, он берет на себя эти обязанности еще в пути. По крайней мере уже с прилета на гнездовой участок он и ловит и ощипывает добычу для самки. А с того дня как она садится на яйца, а потом неотлучно находится на гнезде с птенцами, самец — единственный охотник в семье. Во время насиживания он кормит орлицу один раз в сутки, обычно после полудня, а иногда даже под вечер. Сама она, даже проголодавшись, никогда не нападет на чьего-нибудь бестолкового слетка, оказавшегося рядом с ее гнездом. Возвратившись с охоты, самец особым криком зовет самку к обеденному дереву. Отдав добычу, он тут же перелетает на гнездо и с полчаса, пока самка управляется с принесенной птицей или сусликом, греет яйца.

Орлица, наевшись до отвала, набив зоб мясом так, что на нем расходятся перья, возвращается на место и уже не покидает его до следующего утра. А орел, если до заката еще далеко, отправляется в патрульный полет, больше не появляясь возле гнезда.

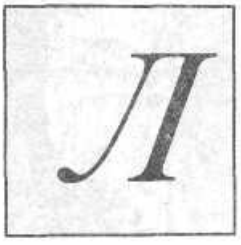
Он и ночует в сторонке. Но едва поднимется над горизонтом солнце, раздается в лесу его мелодичный свист, вплетаясь в утренний хор его соседей-певцов. Перелетев поближе к гнездовому дереву, орел сламывает небольшую веточку с листьями и, опустившись с ней на гнездо, словно подарок, кладет под крыло орлице, Если той надо заняться утренним туалетом, перебрать перья, выдернуть те, которые уже отелужили свой срок, она, не мешкая, уступает место орлу, и тот осторожно опускается грудью на яйца, чтобы утренняя прохлада не остудила их даже самую малость. Таков простой, но обязательный ритуал утренней смены наседки,

Но карлики — птицы короткого дня. Им, чтобы выспаться, мала даже восьмичасовая майская ночь вместе с долгими сумерками и рассветом. Поэтому нередко орлица в ответ на предложение сменить ее лишь привстает на помосте, словно бы распрямляя затекшие за ночь ноги, и ложится снова, а орел перелетает на одну из своих любимых веток досыпать. Вокруг уже кипит дневная птичья жизнь, а орлиная пара никак не может стряхнуть остатки ночного сна и подремывает еще часа три-четыре, пока солнце не начинает припекать как следует. Самка дремлет лежа, а у стоящего на ветке самца то и дело, словно бы непроизвольно, закрываются глаза и голова падает то на грудь, то на плечо. И только выспавшись, отправляется орел в охотничий полет. Так что орлица покидает гнездо всего два раза за день, а возвращаясь после туалета или обеда, непременно приносит зеленую веточку, Из этих веточек постепенно образуется сплошной листовой помост, на котором и лежат два орлиных яйца. Мастерством полета карлики превосходят не только настоящих орлов, но и многих хищных птиц своего роста. Взлетев с вершины высокого дерева, карлик буквально без единого взмаха крыльями может уйти по широкой спирали в заоблачный простор и там парить в воздушных потоках и вихрях или скользить навстречу свежему ветру. В погоне за синицей или зябликом может лавировать в лесной чаще с ловкостью и быстротой ястреба-перепелятника. Падая с высоты, развивает соколиную скорость и может погасить ее в любой точке. Поэтому так уверенно настигает этот хищник свою жертву и в воздухе и на земле. Кажется, только на воде не осмеливается нападать он даже на легкую добычу.

Орлята, покинув гнездо, становятся охотниками без всякого обучения, с первого же раза проявляя незаурядную охотничью сноровку. Да и на зимовку вполне могут отправиться самостоятельно, не дожидаясь родителей,

Несмотря на малый свой рост, карлики не охотятся на насекомых. Повсюду они предпочитают мелких птиц, а там, где много сусликов, ловят этих грызунов. А иногда в их когти как случайная добыча попадают и ящерицы.

Козодой



етнее утро в лесу. Это свежесть, голоса последних кукушек и свист иволги, жемчужный бисер на паучьих сетях, вжиканье кос на травяной поляне, ночной настой цветущих лип. Начало нового дня приветливо и в светлом березняке, и в мрачноватом ольшанике.

А как приходит в летний лес вечер?

В пору солнцеворота лес затихает рано. Долгого дня хватило людям, чтобы сделать здесь все свои дела. Еще при солнце перестают стучать дятлы и засыпают синицы. Замерли осины, но стали слышны шорохи у их подножий. Постепенно зелень листьев и травы, краснота нагретых сосновых стволов и другие дневные краски превращаются сумерками в один цвет. Только березы белеют в потемках. Догорела за деревьями заря, зажглись на другой стороне неба звезды, а рядом с тропинкой засветились фонарики светляков. Летучая мышь цыркнула, погнавшись за жуком. Над болотцем, словно костровой дымок, не касаясь осоковых кочек, повисает негустой туман. Вот-вот исчезнет граница между зубчатой стеной леса и потемневшим небом...

И в эти мгновения то ли из болотного туманчика, то ли из густеющего мрака неожиданно и беззвучно возникает черный силуэт летящей птицы: узкий, длинный хвост и острые крылья с белыми пятнами на концах, словно с тремя сквозными дырами. Полет черной птицы совершенно бесшумен и необыкновенно изящен. Ударив крылом о крыло, как хлопнув в ладоши, и сделав красивый вираж, она опускается на нижнюю ветку крайней сосны и снова становится невидимой. Но через мгновение оттуда раздается негромкая и вместе с тем слышная на всей поляне рокочущая трель. Скорее это не трель, а какое-то переливчатое мурлыканье или лягушачье урчание. На одном выдохе оно тянется двадцать, тридцать секунд, минуту, полторы... Мгновенная пауза, и новая трель звучит еще дольше, обрываясь так же внезапно, как и началась. Потом следует новая, все в том же регистре и почти без передышки — четвертая. Так исполняет свою сумеречную песню таинственная птица козодой. Она однообразна, как рокот мотора на постоянных оборотах, у нее нет начала и конца, она одинакова у всех козодоев, живущих в наших лесах.

Июньские сумерки самые долгие, но вот наконец гаснут и они. А козодой и не собирается умолкать, словно ждал он вечера не для того, чтобы скорее начать охоту, утолить свой голод, птенцов накормить, а для того, чтобы покрепче усыпить лесные чащи, убаюкать их своим негромким журчанием. Завороженный им, и сам не сразу замечаешь, что на поляне не один певец. Хлопают в темноте птичьи крылья, то один, то другой коротко взвизгнет, словно довольный поросенок, и со всех сторон несется одинаковое урчание, сливающееся в сплошной рокот хорошо отлаженного механизма, работающего без перебоев. К нему быстро привыкаешь, вскоре перестаешь замечать лесную тишину и поэтому непременно пропустишь миг окончания вечернего концерта.

Днем только случай позволит увидеть где-нибудь неподалеку от этой полянки внезапно вспорхнувшую с земли или с ветки темную птицу, которая в несколько взмахов крыльями исчезнет среди деревьев или же, наоборот, опустившись рядом, прямо на глазах превратится в сухой обломок ветки, покрытый тусклыми лишаями. И никто из дневных пернатых соседей козодоя не бросится следом, не закричит тревожно.

Козодой настолько ночная птица, что днем не вызывает интереса даже у охотников наблюдать и фотографировать животных. Разве что удастся подразнить лежащую на гнезде самку, и та покажет, как она умеет защищать свое потомство. А так не птица, а сучок сучком. И подобраться к нему можно в открытую так близко, что станет виден частый птичий пульс. С козодоя только сумерки снимают неведомое и вечное заклятье, а новый рассвет опять превращает его в лесное изваяние, которое до вечера словно не может пошевелиться по своей воле.

Но зато в ночном лесу токующий козодой вызывает неподдельное изумление даже у людей, довольно равнодушных к самым удивительным картинам нашей природы. Беззвучное мелькание черных силуэтов, возникающих неизвестно откуда, хлопки и взвизгивания над головой, монотонное урчание малость сродни какой-то жутковатой чертовщинке.

Однако же это еще не все.

Есть в Усманском бору возле озера Чистого поляна не поляна, а так, маленькая пустошь, где когда-то давно занялся небольшой пожар. Обгоревшие деревья сразу же вырубили, но, сколько ни сажали сосну снова, не растет, и все. Чуть выступив из соснового ряда, наклонился над пустошью полуживой дуб, у которого от всей кроны остался единственный сухой сук, любимое место всех живущих поблизости козодоев.

В ясную ночь июньского полнолуния выкатывающийся из-за леса огромный красноватый диск обязательно зацепится за этот обломок, и, прежде чем оторвется от него и пойдет вверх, врежется в сияющий круг силуэт острокрылой птицы и сольется с веткой. Если направить туда

луч карманного фонарика, он не осветит ни дерево, ни эту ветку, но на фоне луны вспыхнет ярко-красная точка, и как ответный сигнал зазвучит трель козодоя. Если обойти поляну так, чтобы луна за спиной оказалась, то уже на фоне черного леса будет гореть тот же немигающий огонек.

По таким огонькам козодоя проще отыскать в лесу ночью с фонарем, чем днем. Рубиновым цветом светятся глаза птицы, отражая слабый луч лампочки. Не щурится на свет, не мигает птица, будто слепая, хотя видит в темноте не хуже совы. Возможно, что ее зрение даже острее совиного, ведь ее добыча так же мала, как и у летучих мышей. И ловит козодой эту мелочь в такой темноте, когда человеку собственную ладонь разглядеть трудно. В густом сосняке летает, не сбавляя скорости. Так светится глаз в отраженном свете только у взрослых птиц. А у птенцов, пока они под опекой родителей, глаза не светятся, как, скажем, у котят до шестинедельного возраста.

И среди степных блуждающих огней какие-то принадлежат козодою. Как-то в одну из поздних весен эти огоньки до полуночи водили меня по заброшенным, давно не езженным дорогам в донецкой степи. Свистели и щелкали по заросшим балкам соловьи, скрипели на лугах коростели, у прудов на старых ветлах перекликались зорьки да тявкали по буграм недовольные лисы. Козодоев же в этой степи было столько, что местами их глаза светились на дороге, как аэродромные посадочные огни. Птицы-невидимки взлетали с земли перед автомобилем, уносились в сторону от лучей фар, и красные искры глаз гасли в темноте, а впереди, за взгорками, вспыхивали новые.

Холодная погода придержала всю массу пролетных козодоев в низовьях Донца и Дона. Днем птицы отсиживались в густых лесополосах, а к

Козодой днем
Ночью на гнезде

ночи вылетали охотиться на теплые, нагретые за день дороги. Из-за этих живых огней заблудился я майской безлунной ночью в незнакомой степи, потерял дорогу в станицу, позабыл о сне и ночлеге и не пожалел о том ни тогда, ни потом.

Отраженным рубиновым, сапфировым, хризолитовым, изумрудным, опаловым огнем горят в ночи глаза хорьков, пауков-волков, ершей, судаков, бабочек совок и бражников, зайцев, лис, оленей, лещей и множества других зверей, рыб, насекомых. Давно разгадана тайна этого свечения, но у козодоя есть в нем нечто загадочное.

Несколько раз я разглядывал козодоя в ночной обстановке при очень ярком свете. Нет, не в неволе и не больную птицу, а самку на гнезде, Луч прожектора был настолько силен, что был четко виден весь узорчатый рисунок пера, короткие щетинки по разрезу рта и даже совсем крошечные перышки-реснички вокруг глаза, но птица не прищуривалась, как днем, а смотрела на свет широко раскрытым огненным глазом. Но в какой-то неуловимый миг словно непрозрачная шторка-затвор задергивает птичий взор, и вместо рубинового фонарика — самый обыкновенный глаз с черной точкой зрачка и коричневой в темных прожилках радужкой. Еще миг, и снова ярким угольком тлеет немигающий глаз, словно по своей воле включает и выключает козодой свой собственный фонарик,

Удивительно легок и бесшумен полет козодоя. После того как к середине лета перестанут петь соловьи, как переведутся самые злые комары и угомонятся на озерах лягушки, тихими становятся ночи в лесу. Реют над спящими полями козодои, лишь изредка похлопывая крыльями на лету. Птица то повисает на месте, то проносится так стремительно, что нет уверенности, видел ты ее или померещилось. Вроде как часть лишней темноты сгустилась на миг в черное

Кладка
Козодой дремлет
Козодой с птенцом ночью

видение, из ничего возникшее и тут же растаявшее. Днем, когда над тем же лесом ворон летит, каждый взмах его крыльев слышен метров за сто. Козодой ночью в сто раз ближе пролетит, а звук его полета будет не сильнее, чем от трепетания крылышек крошечной моли.

Если днем козодой сидит на ветке — это самец. Его на взлете по белым пятнам на хвосте и крыльях узнать легко. А самка, никому не заметная, лежит на гнезде. Собственно, гнезда никакого нет, под птицей на старой хвое, на сухих листьях, а то и просто на песке лежат два яйца в бледно-серых и коричневатых пятнышках. Ни ямки, ни лишней травинки, ни собственного перышка, ни чужой пушинки. Утром и вечером тут негустая тень от сосен, а днем солнце светит, как в широкое окно, но птица лежит не шевелясь. Однако когда бы ни пришел сюда, все она клювом к солнцу, так что от нее боковой тени нет: в шесть утра она, как стрелка, указывает на восток, в полдень — на юг, в шесть вечера — на запад. В пасмурную погоду, в туман, не видя светила, лежит как придется.

Лежит, прищурившись, до самого вечера, Уже запоют поодаль самцы других пар, но она словно не в силах стряхнуть с себя дневное оцепенение. Но едва «забулькал» ее собственный, как мгновенно преображается птица, широко распахнув темные глаза. Легко взлетает вверх и начинает охоту. Яйца же так и остаются неприкрытые, иногда даже под проливным дождем, Они быстро остывают, но жизнь в них не угасает.

Днем самка по своей воле ни за что не оставит яйца ни на минуту, хотя место выбрала такое, которое больше никому не приглянется даже для отдыха. Некому и нечего тут искать, сюда не сворачивают с охотничьих троп ни лиса, ни куница, не заглядывает ястреб. Тут живет козодой, Лежит, как дремлет, сливаясь с окружающим фоном птица-невидимка. До узеньких щелочек прищурены глаза, но видит она все и всех вокруг, не поворачивая головы, потому что разрез больших глаз чуть загибается к затылку, и общее поле их зрения равно тремстам шестидесяти градусам. Полный круговой обзор при полной неподвижности.

Когда зарядит на много часов обложной грибной дождь или налетит грозовой ливень, намокает перо козодоя, и снова он неотличим от мокрой и потемневшей лесной подстилки. А если бы оставался сухим, отряхивался от капель, то стал бы заметен уже издали. Летом же в сосновом лесу все сохнет быстро. Белый мох через два-три часа начинает хрустеть под ногами, и перья козодоя и хвоинки вокруг него принимают прежний цвет.

За день до появления на свет первого птенца из-под наседки слышится слабенькое, но отчетливое попискивание. Разламывая скорлупу яйца, птенец словно предупреждает мать о скором своем рождении. Через сутки то же самое повторяет второй. Эта разница в одни сутки нормальна для всех козодоев, потому что самка, положив первое яйцо, сразу же начинает его насиживать,

Птенцы козодоя с рождения одеты таким густым и пестрым пухом, что сразу не понять, где голова: глаза прикрыты, коротенькие клювики еле видны. Вырастая до взрослой птицы, козодои остается таким же короткоклювым, ростом с кукушку, а клюв, как у ласточки. Но рот огромен. Не рот, а пасть до ушей. И когда самка, пугая врага, распахивает ее с шипением, оторопь берет от неожиданности. И не каждый хищник, случайно набежавший на гнездо козодоя, решится напасть на мирную и безобидную птицу, особенно видя такое страшилище впервые,

Птенцы пытаются ковылять на коротеньких своих ножках с первых часов, но сидят на месте, где вывелись, с неделю, а то и всего дня два-три, а потом бесследно исчезают.

Их куда-то уводит мать. И потом они до первого своего полета каждый день проводят на новом месте. Только за одной семьей удалось проследить до того дня, пока маленькие козодои не доросли до размеров скворчат-слетков. Сидевшую на яйцах самку окружили низеньким заборчиком из мелкой сетки. Ей самой изгородь не была помехой, но птенцов увести было нельзя. И птенцы, видно, смирились с таким ограничением свободы и каждый день, пока не сняли сетку, лежали посреди маленького дворика на одном и том же пятачке,

Оставаясь одни, пуховички то и дело негромко попискивают. Этот писк слышен шагов за двадцать. У родителей, надо полагать, слух тоньше нашего, и они слышат птенцов еще дальше. Нечто вроде звукового маяка в непроглядной лесной темени. На четвертый-пятый день голос малышей меняется, и они уже не пищат, а то вместе, то по очереди тихонько верещат, как озябшие сверчки.

Что еще сказать о козодое? Месту верен. Оно должно быть не сырым, чтобы травы на нем высокой не было, чтобы лес светел был, чтобы кустов в нем поменьше было. Это чтобы самому все вокруг видеть, чтобы гнездо и птенцов не терять. Летом козодой — лесная птица, а к осени охотно держится и в городах, и тогда не над просеками, а над улицами скользит вечерами его острокрылый силуэт. Усаживаясь на дуги уличных светильников, он высматривает в хороводе ночных бабочек добычу на выбор и, вспархивая на миг, ловит ее без погони и промаха.

Коршун

У берега затона стоит рыбацкая плоскодоночка. Рыболов, пригнув пучок камыша, сел на него, чтобы не уплыла лодка. Но она и без этого не сдвинется с места. Висят над рекой и лесом дырявенькие облачка, не шевелится лист на осинах, разомлев от жары, сидят на проводах ласточки-береговушки, замерла на кончике удилища синекрылая стрекоза-красотка. Неподвижны поплавки, словно и под водой все замерло, как в сонном царстве. Около лодки, в воде, белеет кверху брюхом помятая щучьими зубами плотвичка. Эту истерзанную, с откушенным хвостом и побелевшими глазами рыбешку заметила темная хищная птица и уже давно ходит над затоном широкими кругами, то поднимаясь над высокими ольхами, то опускаясь к воде, словно пытаясь заглянуть в лицо рыболова под надвинутой шляпой: спит он или не спит. Остановили свою сумасшедшую беготню блестящие жуки-вертячки, не скачут между лопушками длинноногие водомерки, камышевка горланит за спиной, и птица наконец осмеливается. Круто спикировав с виража, она выхватывает плотвичку из воды и, торопливо замахав крыльями, набирает высоту.

Не собственный голод заставил коршуна пойти на риск и взять добычу из-под руки человека. Поднявшись со своей находкой почти под самое облачко, он завершает последний виток высотной спирали и планирует к заречной дубраве, где его гнездо и птенцы. Есть, конечно, и самому хочется, но долг не позволяет проглотить рыбешку целиком. И он, крепко держа плотвичку в когтях, отщипывает на лету только кусочки от ее костлявой головы. Снизу кажется, будто несет птица серебристую игрушку, то и дело поднося ее к глазам, чтобы полюбоваться, пока не отдала детям. От крупной рыбы можно оторвать кусок и побольше, но не такой, чтобы обделить птенцов.

Оперение коршуна коричневое, а голова белесая, словно седая, ноги желтые, и лишь остро заточенные когти и крючковатый клюв совершенно черные. От всех темноперых хищников своего роста в полете или сидя отличается треугольной вырезкой на конце хвоста. Во взгляде светлых с желтинкой и оранжевой искоркой глаз ни суровости, ни злости, а скорее любопытство и какая-то простота.

Голоса тоже у других хищных птиц такого нет: негромкий, дрожащий свист, который любят перенимать скворцы. Порой в нем звучит явный оттенок нежности, неназойливая просьба, согласие. А клюв все-таки крючком, остры когти. И у одетых в белый пух темноглазых птенцов такие же клювы, такие же когти, что выдает их будущие наклонности: вегетарианцами из таких не вырастают.

Каковы же дела и повадки этого хищника? Серые цапли позволяют ему жить в своих колониях. В больших цапельниках одна, а иногда и две семьи коршунов живут за счет птичьей общины, подбирая с земли оброненную и потерянную при кормежке рыбу, обреченных птенцов цапель, выпавших из гнезд. К этому хищнику довольно равнодушно относятся серые вороны. Под его гнездом устраивают свое жилье воробьи. Эти маленькие нахалы хорошо отличают его от других хищников и в неволе: они смело залетают в клетки и вольеры к коршунам.

Мирные птицы за серьезного или опасного врага коршуна совсем не принимают. Как-то в

Портрет

колонии ласточек-береговушек раздался сигнал тревоги, и все ее население - - более тысячи ласточек — мгновенно взвилось над обрывом, спеша набрать высоту. Но тут же все возвратились и спокойно принялись за прерванную работу: из-за бугра выплыл темный силуэт с вильчатым хвостом. Наверное, подавшая сигнал птица в спешке не разглядела этот хвост.

Только когда птичий молодняк покидает гнезда, отношение родителей к коршуну на несколько дней изменяется, они как бы перестают доверять ему. Грачи летят навстречу и гонят прочь, сороки делают то же самое. А туда, где верещат сборища скворчиных семей, он и сам не полетит. Понимает, что взять скворчонка из стаи — немыслимая затея, что если и удастся схватить, то не дадут унести, отобьют живого. В воздухе коршун и вовсе никого поймать не может. Он робок перед уткой, защищающей утят на воде. Однако в утиное гнездо, оставленное наседкой без присмотра, может заглянуть и полакомиться яйцами. Такое бывает редко и лишь тогда, когда человек по неосторожности спугивает насиживающую утку.

Зато он великолепно ловит сусликов, особенно подростков, когда те покидают родительские норы и начинают расселяться. Этих дней не пропустит ни один коршун, в охотничьих угодьях которого есть суслиные поселения. День-деньской плавает над ними хищник, относя к гнездам легкую и вкусную добычу. Насекомых разных ест: жуков, кузнечиков. А чаще всего парит над рекой, высматривая в траве мертвую рыбешку и собирая ее, прежде чем она разложится. Весна отдает ему печальные жертвы зимы. Когда вытаивают из-под снега погибшие в лесных урочищах кабаны и олени, находит их ворон, а потом присоединяется к нему и коршун.

Из хищных птиц своего роста коршун наиболее доверчив к человеку, хотя подвергался необоснованным гонениям больше других, расплачиваясь за предрассудки и чужие провинности. Пока поддерживалась культура охоты, коршуны встречались на самых маленьких речках. Когда же началось массовое истребление хищных птиц, будто бы приносящих урон охотничьему хозяйству, первыми под выстрелы угодили из-за своей доверчивости коршуны. Унес ястреб со двора цыпленка — коршун! Поймал болотный лунь на пруду утенка — коршун! Выхватила из реки скопа язя или щуку — коршун! Не повезло растяпе-охотнику на утренней зорьке, а хочется унести какой-нибудь трофей, что делать? Коршун на охоту вылетает рано: солнце едва поднялось, еще не вся роса упала на траву из тумана, а он уже летит над сонной рекой. Несколько взмахов и короткое планирование — удобная мишень. Хорошо, что за годы преследования коршун не утратил до конца врожденной доверчивости. Он безбоязненно парит у многолюдных набережных, пристаней и причалов, где можно выхватить из воды снулую рыбешку. Весной вместе с чайками и грачами он неотступно следует за тракторами в поле, где умеет первым схватить вывернутую лемехами полевку или мышь. Собираясь стаями перед отлетом у звероводческих ферм, коршуны, подбирая отбросы, действуют еще смелее, чем галки и вороны. И даже гнезда коршуны могут строить на виду у людей, и не всегда на самом верхнем этаже деревьев.

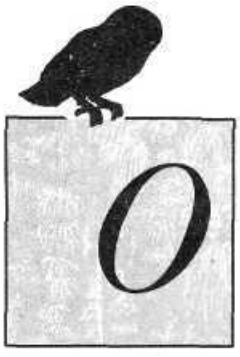
Нетороплив плавный полет коршуна. Широкие и длинные крылья нащупывают малейший ток воздуха вверх, используя его для подъема, Гонщик из него плохой, а парит он превосходно, В летний ветреный день, зависнув над плотной лесной полосой, коршун так и плавает из конца в конец на гребне воздушной волны, отраженной от высокой стены деревьев. Он выравнивает скорость своего падения со скоростью набегающего потока воздуха и, не тратя усилий, просматривает километровый участок поля: кого-нибудь да заметит. Осмотрев одно поле, перелетает к другому, потом возвращается снова.

Весной прилетает рано, как только вскроются реки, и рано, в августе, улетает, пока не начались затяжные осенние дожди, пока много солнца, пока горяча земля и долог день. Зачем махать крыльями тысячи километров, когда через степи, великие пустыни и горы воздух сам донесет до нужного места?

Перед дальней дорогой эти птицы линяют, У них в полете видны неширокие щели, зияющие в крыльях на месте выпавших перьев. Но никакой разницы в движениях и скорости полета взрослых птиц и молодых с целыми крыльями не заметно. Природа очень тонко отрегулировала последовательность смены перьев — так, чтобы ни на час птица не теряла власти над воздушной стихией.

Гнезда коршуны строят не очень искусно, Сложат на дубе, на ольхе помост из прутиков, выстелят его кое-какими обрывками и лоскутками. Коряво, но довольно прочно. Гнездо первого года невелико, и обычно хвост насиживающей самки виден снизу. Через год, если вернутся, если дерево выстоит, могут занять прежнее гнездо, подстроив его немного. Могут уступить другим хищникам, а себе построить новое, могут сами занять бесхозную постройку,

Когда в середине лета молодняк поднимется на крыло, когда молодое коршунье познает высоту и овладеет всеми видами полета, собираются коршуны семья к семье в сотенные стаи, как многие нехищные птицы. Эта общительность еще раз подчеркивает их неразбойничий характер. И сами стаи, когда все птицы поднимаются в воздух, не производят зловещего впечатления. Наоборот, провожаешь их с таким же сожалением, как и журавлей.



Сплюшка

Отошла пора птичьих песен. Лишь где-нибудь в светлом березнячке прозвучит ранним утром минорная трель веснички, пощебечут у воды касатки, и все. Тихи жаркие дни. Давно миновал солнцеворот, и убыль светлому времени уже заметна на глаз, без календаря. А ночь после новолуния кажется особенно темной, потому что молодой месяц проходит свой небесный путь почти что шаг в шаг вслед за солнцем — лишь чуть позднее встает, чуть позднее заходит. С наступлением темноты широкую речную долину заливает сплошной, непрерывный звон — звенят по кустам и бурьянам длинноусые кузнечики и травяные сверчки-трубачики. Но этот звон скорее хранит ночную тишину, нежели мешает ей. Из-под мерцающих звезд изредка доносятся осторожные птичьи голоса: первые пернатые путешественники уже начали перелет. А внизу, у невидимых ветел, ритмично, как звуковой маячок, свистит сплюшка.

По этому приятному и мягкому, чуть меланхоличному свисту можно безошибочно определить, где живет маленькая сова, даже не увидев ее саму ни разу. За этот голос, за свист даны сплюшке и все народные названия. Тюкалка, потому что ночные клики самцов больше похожи на невысокое и чуть протяжное «тююююю». Сплюшка, потому что тот же звук можно услышать как полудремотное «сплюю», без ясного «с». Зорька, потому что свистят совки не только на утренних зорях, но и после восхода, когда вставшее солнце начинает подсушивать росные травы.

Разное впечатление производят эти пусть монотонные, но певучие голоса в темные и лунные ночи. То, словно заклинания, нагнетают, обещая что-то неведомое, то, наоборот, звучат ободряюще, не пугая и не настораживая. «Сплююю... сплююю...» — свистит с одного места совка. «Тююююю... тююююю...» — откликается ее дальний сосед.

Однако даже там, где голоса сплюшек ежевечерне звучат со всех сторон, увидеть засветло хотя бы одну из них удается реже, чем любую другую сову. Мало того, что природа одела эту совку в такой наряд невидимок, совершеннее которого в птичьем мире нет, она еще наделила ее редчайшим даром перевоплощения. Затаившаяся днем сплюшка фигурой и обликом настолько не похожа на живую птицу, что однажды иволги полдня кормили своего слетка, который «хихикал» на ветке на расстоянии развернутого крыла от прижавшейся к стволу совки, и не обратили на нее внимания, будто и впрямь был перед ними сухой обломок в пятнышках и крапинках лишаев.

Плотно прижав крылья к корпусу, прищурив до узеньких, как ножевые лезвия, щелочек яркие глаза, неподвижно стоящая столбиком сплюшка неразличима на фоне темнокорого ствола. А если и ошибется, устроившись перед рассветом на березе, то и тогда не разглядеть ее в пляске солнечных зайчиков на белой бересте. Не видно спрятанного в перо круто загнутого клюва. Какая-то нептичья, угловатая и двурогая голова, пером прикрыты ноги. К этому надо прибавить еще и незаурядную выдержку. Нет у сплюшек и присущей другим совам манеры, наблюдая за кем-нибудь на свету, раскрывать во всю ширь глаза. Когда самка на яйцах или при птенцах, самец, как страж, весь день сидит неподалеку, оставаясь незаметным там, где не сумеет спрятаться даже птица воробьиного роста.

Вечером же преображается, принимая облик совы. Стройная, подтянутая днем, она словно превращается в другую птицу, у которой чуть ли не вдвое больше пера. Голова делается круглой, пропадают «рожки», «сучок» становится миловидной совушкой с вопросительно-добрым взглядом круглых глаз, в которых нет ни сычиной угрюмости, ни глуповато-растерянного выражения ушастой совы. Французы называют сплюшку маленьким герцогом (филина — большим).

Ни во внешности, ни в поведении этой крошки нет ничего, пусть даже в миниатюре, от пугала. Хотя пугать она умеет. По крайней мере у тех птиц, которые гнездятся в сорочьих постройках, а не в дуплах, есть необычный и довольно коварный прием защиты яиц или совят от врага, подбирающегося к гнезду снизу. Почувствовав подозрительное движение, наседка быстро проскакивает между прутьями крыши и, держась одной лапой за гнездо, повисает на нем в позе бабочки: крылья развернуты во всю ширину, а голова затылком прижата к спине. На этой темной распластанной фигуре, не мигая, горят ярко-желтые глаза. Вторая нога спрятана под крылом в таком положении, что ею можно нанести внезапный и молниеносный удар. А уж о ком, как не о сплюшке, сказано: «Пташка мала, да коготок остер»?

Сплюшка, как и козодой, — самая ночная птица и никогда не начнет охоту ни для себя, ни для птенцов при свете. Ждет, пока сгустятся сумерки. Ей вполне достаточно темноты коротких, но теплых летних ночей, чтобы накормить семью и быть сытой самой. Для нее ночная охота в июне, июле и августе добычливее дневной. Жуки, кузнечики, сверчки, богомолы, тяжеловесные бабочки, смирно сидевшие по укромным местам днем, выходят, выползают, вылетают на

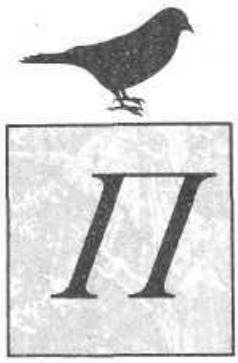
С добычей
Портрет
Семья
Попалась, мышка!
Птенцы

поиски друг друга, на охоту, на кормежку. Их платье невидимок с наступлением сумерек перестает служить защитой от маленьких сов, которые ловят их и на глаз, и на слух на земле, на траве, на цветках и ветках, в воздухе. Когда в середине лета на песках вылетает мелкий июньский хрущ, сплюшки, подобно большим летучим мышам, ловят этих жуков-корнегрызов так же ловко, как чеглоки — стрекоз. Обилие летающей добычи приводит сплюшек в какой-то азарт, и они гоняются за жуками, показывая все мастерство своего бесшумного полета, словно бы превращая охоту в воздушную игру или развлечение. Но чаще совки подкарауливают или высматривают добычу со сторожевой ветки.

До вылупления первого птенца у сплюшки-отца забот немало. Три с половиной недели насиживания он охотится для двоих: для себя и для самки. Его первое вечернее «тююююю» означает, что он проснулся и начинает охоту. Посвистев немного, охотник бесшумно опускается возле гнезда или дупла, и если меркнущий свет еще позволит различить птичий силуэт, то увидишь, как наседка, выпорхнув навстречу, берет у него добычу и тут же прячется снова. Молчаливая передача жука или бабочки из клюва в клюв выглядит со стороны как быстрый и робкий поцелуй при тайном свидании. Отлетев на прежнее место, самец снова начинает тюкать. Настроившись на его ритм, легко угадать момент прилета с кормом: как только пауза между двумя «сплюю» удлиняется против обычной, значит, добыча поймана, и через несколько секунд в кромешной тьме снова «целуются» совки.

Когда же в гнезде закопошатся птенцы, самец не ищет специально для них добычу помельче. Наоборот, в его когтях нередко оказываются жирный хомячок или полевка ростом вдвое крупнее любого совенка. В гнезде делит добычу и кормит малышей сплюшка-мать. А для слетков охотятся уже оба родителя. После вылета совят они словно перестают бояться света и зачастую приводят-выводок на добычливые места к фонарям, прожекторам и другим светильникам, возле которых вьется в летние ночи густая живая метель. И совята, как глазастые гномы, сидя на проводе, поторапливают родителей негромким и частым «чав-чав-чав-чав...».

Весной прилетают сплюшки довольно поздно, а из тех птиц, которые выводят птенцов в дуплах, последними. Однако место для гнездования им находится всегда, ибо годятся для этого и дупло, и скворечник, и бесхозная сорочья постройка. Дупло, может быть, и надежнее, но некоторые пары при свободе выбора предпочитают гнездо сорок, и у них дневным убежищем самца служит свободное дупло.



Сойка

Первое настоящее осеннее ненастье было таким внезапным, таким холодным и дождливым, что казалось: не будет больше ни солнечных дней, ни красивых закатов и погаснут, не разгоревшись, костры золотой осени. Но в один из вечеров открылась на западе узенькая полоска зари. Ветер оставил в покое мокрые деревья и, поднявшись повыше, погнал сизоватые тучи на восток. К полуночи звезды засияли по всему небосводу, а утром следующего дня наступило ласковое бабье лето и начался бесшумный кленовый листопад.

Гуще посыпались с дубов переспевшие, толстобокие желуди, и, занявшись заготовкой зимних запасов, словно обо всем другом забыли расписные пересмешницы-сойки. То ли первые снежинки были для них как предупреждение о недалекой зиме, то ли дождливая погода придержала их, и они торопились наверстать упущенное, но все до единой были заняты одним — подбирали под деревьями опавшие желуди или срывали еще уцелевшие с веток, сколько в рот уместится, и носили их в сосняки. Прятали там в плотный мох, под опавшую хвою, быстро и накрепко запоминая точное место, где положен каждый. Подкреплялись наспех теми же желудями, кроша их на мелкие кусочки, и летели за новыми.

Желудевым запасом сойка пользуется только первые дни зимы, пока та не установится как следует, пока не лягут глубокие снега или не примерзнет к земле после сырой оттепели ледяная корка. В густых сосняках зима наступает как бы позднее, чем в листопадном лесу; бывает, что первый снег остается почти весь на сосновых ветках, чуть припудривая землю между деревьями. Тогда сойки слетаются сюда, словно на последний пир, и неведома им та растерянность, которая овладевает многими другими птицами, когда ночной снегопад неузнаваемо меняет обстановку в лесу и поле.

Конечно, ни одна птица не подъедает за зиму свои припасы до последнего, да и не каждая, даже самая запасливая, переживает суровое время. Вот и прорастают по весне припрятанные желуди нормальными всходами. Им никогда не стать могучими дубами, потому что сосны уже не пустят никого выше себя, но живут они долго, посаженные вдали от родных деревьев не человеком, а птицами.

Тот, кто делает запас на зиму, должен и жить возле него. И действительно, в лесостепи и далее к югу сойки оседлы. Из более северных районов сойки нередко, собравшись в небольшие стайки,

улетают осенью из гнездовых мест на юг. Они не делают попыток остаться зимовать даже в самых желудевых местах, хотя одеты прекрасно для любой зимы. В апреле они же, возвращаясь по старой дороге на родину, так же без задержки пролетают через владения местных соек, которые, хотя и заняты уже гнездовыми делами, относятся к этим соплеменницам без видимой неприязни и почти не обращают внимания на их вторжение на семейные территории, будто это не сойки, а птицы другого вида.

Сойка — одна из самых лесных птиц. Она не умеет ходить, а только скачет. Может по-синичьи цепляться за кору стволов, разыскивая на них съедобную живность. Может легко взлететь вертикально вверх на десять — пятнадцать метров. Но через открытые пространства летает неохотно и, когда приходится лететь через луг или поле в соседний перелесок, набирает высоту, чтобы избежать риска нападения сверху ястреба или иного хищника-птицелова. Полет у нее не из быстрых, какой-то порхающий, с редкими взмахами крыльев. Это полет для леса, где не нужна особая скорость, где чаще приходится просто планировать с ветки на ветку, опускаться на землю и снова взлетать на верхние этажи, Поэтому крылья ее коротки, но довольно широки.

Повсюду, где живут сойки, их знают как красивых, но крикливых птиц с неприятным голосом. Сойка действительно нарядна и пестра, хотя и принадлежит к «черному» семейству вороновых. Самое привлекательное во внешности взрослых молодых птиц — несколько перышек на сгибе крыла, на которых цвет бледной лазури несколько раз переходит в иссиня-черный, создавая подобие черно-голубого шахматного узора, Неясная голубизна разлита и по черному фону полетных перьев. В каждом крыле одно перо каштанового цвета. Спина такого цвета, какой

Портрет
На подкормке

только несколько мгновений держится на низких рассветных облаках: уже не серый, но еще и не розовый. Поближе к хвосту перо чистобелое.

Пятно над хвостом и два таких же белых пятна на крыльях — самые броские отметины в наряде взрослой сойки. Они словно вспыхивают в лесном сумраке у взлетающей с земли или с ветки птицы, как безмолвный сигнал. Когда летом пара кочует со своим выводком по лесу, у родителей нет необходимости звать за собой слетков голосом. Каждый взмах родительских крыльев как приказ: «Не отставать! Следовать за мной!» И вся семья, неторопливо следуя своим путем, лишь изредка перекликается негромко чуть мяукающими голосами, пока не наткнется на что-нибудь необычное или опасное. Вот тогда-то и раздается в зеленой чаще истошно-хриплый крик, от которого пропадает сон у дремлющей неясыти, и она старается поскорее спрятаться или даже улететь от окруживших ее горластых соседок.

Но природа наделила сойку не только грубым, громким криком, от которого сразу становится неуютно даже в самом красивом лесу, но и незаурядным даром пересмешничества и неплохим музыкальным вкусом. В погожие дни февраля, когда солнце уже может так нагреть кленовые стволы, что из булавочного прокола в коре выступит прозрачная капелька сладковатого сока, где-нибудь на опушке, у лесного кордона можно стать слушателем интересного птичьего концерта. Устроившись на пригреве, довольная теплом и светом, сойка выражает свое настроение пением, в котором нет неприятных для нашего слуха звуков.

Но их набор при первом знакомстве кажется случайной мешаниной того, что могла услышать птица среди своего лесного окружения. А она без определенной последовательности негромко и

Есть хотим!
У гнезда
Шиповник

вроде бы робко повторяет звуки дневной жизни поселка, где постоянно живится уже не первую зиму. Видно, как трепещет на горле сойки мелкое перо, а до слуха словно издалека доносятся неторопливое щенячье повизгивание, куриное кудахтанье, мяуканье озябшего кота, которого не пускают в дом, звон колодезной цепи и скрип ворот, сычиное всхлипывание и вжиканье пилы по сухому бревну, летняя трелька пеночки-веснички, щебетание коноплянки и конечно же воробьиное чириканье. По этим звукам нетрудно угадать, кто поет: сойка-первогодок или птица постарше, чья память сохранила голоса не только последней зимы, но и прошлых весен.

Чем ближе равноденствие, чем выше поднимается солнце, тем больше у птиц свободного от поиска корма времени и тем азартнее поют сойки. Сначала в одиночку, каждая для себя, а на исходе зимы, когда приближается пора создавать семью, в еще заснеженном лесу устраиваются настоящие состязания, когда возле одной самки собираются четыре-пять самцов, каждый из которых старается во что горазд. Нарядом и самцы и самки одинаковы, искусство полета показать негде, драки между соперниками исключены, криком тоже ничего не возьмешь, и остается одна возможность заслужить благосклонность — пение. Потом, когда зазвенят по лесам голоса десятков других пернатых певцов, тихое, неразборчивое пение соек теряется в птичьем многоголосье, и снова смогут без помех показать свой талант пестрые пересмешницы лишь глубокой осенью, окончив заготовку желудей.

Сойка довольно доверчива к человеку, и в прежние годы была нередкой зимней гостьей на окраинах даже больших городов. А сейчас, не встречая враждебного отношения с нашей стороны, самые смелые пары стали гнездиться во дворах и скверах центральных кварталов. Однако, привыкнув к новой обстановке, сойки сделались молчаливее, словно поняв, что не подходит эта обстановка для их песен, и если весенний синичий колокольчик еще кое-как пробивается сквозь шум городских улиц, то сойкиных концертов не слышно ни зимой, ни весной.

Черный стриж

Над мещерским лесным поселком гаснет тихий июльский вечер. Настолько тихий, что оставшиеся на земле звуки не могут заглушить шорох шагов бредущего по сосновому стволу полусонного жука. Едва различимый в потерявшем голубизну небе рейсовый «Ту» беззвучно тянет вдогонку погасшей заре пушистую, розоватую ленту. Внизу уже сумерки, не видно и не слышно дневных птиц, но чуть выше сосен плотной стайкой, повизгивая, носятся кругами стрижи. На виражах стайка рассыпается, потом собирается вновь и вдруг куда-то исчезает. А через несколько минут с самолетной вышины доносится приглушенное расстоянием слабое стрижиное стрекотание. Там, зависнув над поселком, темноватым комариным облачком тает, поднимаясь все выше и выше, та же самая стайка. Имто чего не спится? Почему никто не спрятался в скворечник или под крышу, где у них гнезда с птенцами? Потому что спать будут под звездами, на крыльях, а к земле вернутся лишь на утренней заре.

Такую картину, как уходят в небо серпокрылые птицы, можно наблюдать летними вечерами и над бывшими берегами Арала, и над меловыми донскими обрывами, и над любым городом к югу от линии Кольский полуостров — Байкал. И не обязательно в ясную погоду, а при любом состоянии неба. Только когда над землей нависают сплошные низкие тучи, стрижи обнаруживают себя лишь голосами, издавая их, чтобы не потерять друг друга в непроглядной мгле. А особо впечатляюще выглядит вечерний подъем перед фронтом грозового облака, когда птицы умело используют силу восходящего тока воздуха. В гнездовую пору каждая колония поднимается сама по себе, не пристраиваясь к соседям, но все в одно время, как по общей команде. А обычно в колонии несколько десятков пар, поэтому и наблюдать, и даже представить общую картину трудно. Зато когда происходит подъем кочевой стаи, в которой находятся тысячи птиц, это бывает похоже на явление стихии.

На весеннем и осеннем перелетах многие дневные птицы летят только в темное время суток. Но в иные сезоны они проводят ночи на земле, на воде, на деревьях. Кто — в убежище, но большинство — под открытым небом. Стрижу земная твердь нужна лишь девять-десять недель в году, чтобы дать жизнь новому поколению. Все остальное свободное от семейных забот время он в полете, на крыльях. Раз взлетев, стриж до

конца своих дней может прожить в воздухе. Возможно ли такое? Есть рыбы, которые всю жизнь плывут, не ложась для отдыха на дно и не останавливаясь, потому что у них отрицательная плавучесть. А плавание и полет как формы движения очень сходны, и аэродинамика стрижа такова, что он тратит энергии на полет немногим больше, чем на сон в гнезде,. В Англии в 1964 году была найдена птица, проносившая кольцо на ноге 18 лет. По приблизительным, но не фантастическим расчетам, она могла пролететь за эти годы около четырех миллионов миль, что равно восьмикратному расстоянию до Луны и обратно.

Полет стрижа в любом режиме — это демонстрация абсолютной власти над воздухом, которой птица овладевает с первого взмаха. Остается лишь поражаться, видя, с какой лихостью и ловкостью, не замедляя полета, не мешая друг другу, проносится стрижиная стайка в переплетении уличных проводов. Ведь сколько разных птиц ростом от пеночки и мухоловки до куропатки, вальдшнепа, совы гибнет в городском пространстве во время перелетов от ударов о провода! А скорость-то у них не выше стрижиной. Поэтому и кажется, что, налети стриж на такое препятствие, либо крыло оторвет напрочь, либо сам — в лепешку.

Бьются стрижи в городах и о провода, и о стекла окон, но настолько крепки они на удар, что столкновение обычно обрывает полет птицы, но не ее жизнь. Немного отдышавшись, упавший стриж, если только крыло не сломано, готов лететь снова. При падении в траву ему необходимо доползти (ходить-то из-за коротконогости не могут) до какого-нибудь возвышения, хотя бы до камня, до стены, подножия дерева, чтобы, вскарабкавшись хотя бы на четверть своего роста, сделать полный взмах. С асфальта, чистой земли или пола птица вопреки давнему мнению может подняться в воздух с места и без чужой помощи. Сильным ударом разведенных в стороны длинных крыльев она подбрасывает тело на несколько сантиметров вверх и, не давая ему упасть снова, делает второй резкий взмах, развивая им достаточные для старта силу тяги и подъемную силу. Лишь при переломе крыла стриж обречен. Да при встречном столкновении с самолетом, когда удваивается и утраивается сила удара, стриж гибнет, иногда пробивая обшивку фюзеляжа. В остальных случаях дело обходится несильным нокаутом.

Стриж без гнезда настолько отрешен от земных событий, что все нелетающее для него словно и не существует. В небе у него есть враг, которого он знает и побаивается, — это птицелов-чеглок. Из-за него стриж опасается даже безопасного для себя кобчика: ничего, что у него манеры другие и ловит он не птиц, а жуков, но ведь похож, ведь тоже сокол. Поэтому даже бывалые стрижи, увидев неподалеку кобчика, стараются побыстрее подняться повыше, чтобы лишить его возможного преимущества при нападении сверху.

Но самого многоопытного аса стрижиного племени с большим успехом, нежели сокол-птицелов, может поймать на лету, как бумажку на ниточке, хромоногая кошка, отчаявшаяся в удачливой охоте на мышей. Сделает это на виду у всех его соседей и сородичей, не вызвав у них ни тревоги, ни удивления.

Ловят кошки стрижей на вечерних зорях, когда черные птицы заводят групповые игры-гонки. Плотными, визгливыми стайками носятся стрижи кругами возле зданий на высоте расположения своих гнезд, то есть обычно на уровне крыш. Делая виток за витком, они на виражах доводят скорость полета до минимальной и пролетают над краем кровли, едва не касаясь ее кончиками крыльев. Они не могут не видеть затаившуюся у водосточного желоба пегую кошку, но ведут себя, словно гомонящая ватага слепцов с подунезрячим поводырем, гоняя как на привязи по одному и тому же кругу. А кошка, рассчитав очередной заход стайки, приподнимается на задних лапах ей навстречу и без спешки берет передними жертву, которая и не делает попытки вырваться. Остальные, словно ничего не видели и потери не заметили, заходят на новый виток, Одна бездомная кошка, найдя путь на крышу старинного дома, за два сезона полностью привела крепкую стрижиную колонию в упадок: до гнезд она добраться не могла, но переловила многих на лету. Так же просто оказалось ловить стрижей рыболовным сачком: птицы, видя угрожающий им взмах, не уворачивались, продолжали полет как в пустоту.

Летные способности и возможности черных стрижей в игровом, скоростном, охотничьем и крейсерском полете известны довольно хорошо; представления же о передвижении в воздушном пространстве значительно скуднее. Мы знаем сроки появления стрижей у гнездовий и сроки последних полетов возле «дома», но у нас почти нет сведений о полете транзитных стай, о том, какими курсами летят птицы в зазкватриальную Африку и какими возвращаются на родину, как ведут себя над морем, каковы суточная скорость и предпочитаемые высоты. Стрижам не грозит опасность сбиться с пути из-за штормового ненастья, им не нужны небесные светила для ориентации, потому что они скорее лоцманы воздушного океана, а не навигаторы и прекрасно знают на память ту часть нашей планеты, на которой простирается их ареал,

На перелетах стрижи с какой-то выгодой для себя используют теплые сектора циклонов и могут вместе с ними пролетать мимо гнездовых мест. Только этим можно объяснить весеннее появление стрижей с самых различных направле-

ний, в том числе и с севера, и с северо-востока. Причем скорость поступательного движения стаи бывает такой, что птиц можно долго сопровождать неторопливым шагом. В самой же стае стрижи реют с обычной скоростью, сопоставимой с голубиной или скворчиной. В стаях этих могут лететь не только не родственники, но даже не земляки.

Стриж ничего не берет с земли, разве что пьет, красиво зачерпывая воду на бреющем полете. В дождь ловит падающие капли. Нет надобности специально исследовать питание стрижа, он живет исключительно за счет воздушного нектона, то есть мельчайших и мелких насекомых, большинство которых не крупнее и не тяжелее комнатной мухи. Попадаются и поднятые воздухом паучата. К гнезду, к птенцам стриж не летит с каждой пойманной мошкой, а набивает полный рот крошечными комариками, жучками, тлями, склеивая в плотный комочек несколько сот крылатых жертв. Таких крупных и сильных насекомых, которых ловят хотя бы щурки, стриж не трогает. Слаб и мал его коротенький и какой-то ненадежный клювик, годный лишь для чистки оперения. Поэтому и кажется, что черная птица не способна обидеть даже божью коровку.

Однако у стрижа есть оружие пострашнее всякого клюва, которым он может дать надолго запоминающуюся взбучку сороке за попытку ограбить его гнездо, может в одиночку убить птицу помельче, чтобы стать владельцем ее временной недвижимости. Острыми и круто загнутыми когтями необыкновенно сильных пальцев стриж убивает на гнездах мухоловок, вертишеек, горихвосток, синиц, занявших приглянувшиеся ему дупла или скворечники. Известны случаи убийства им таких неслабых и неробких птиц, как скворец и большой пестрый дятел, каждый из которых вдвое тяжелее стрижа. Убивает не как добычу, а как захватчик, избавляя себя от дальнейших выяснений отношений с хозяевами убежищ. Чтобы не насиживать чужие яйца, он прокалывает скорлупу и раскидывает их по сторонам. Птенцы — и с птенцами так же. Пока известно, что лишь домовый воробей, находясь в гнезде, может дать достойный отпор врагу, да еще и добавить для острастки вдогонку. Но уж если стриж проник в воробьиный дом в отсутствие хозяев, им свою оплошность не исправить. Захватчик может безвылазно сидеть в чужом жилье до двух суток, устрашающе визжа на обездоленных воробушков.

Но, находясь на гнезде, стриж как бы безразличен к опасности, грозящей яйцам, птенцам, самому. Кажется, что птица пребывает в каком-то полулетаргическом состоянии, что она абсолютно равнодушна к происходящему вокруг и к собственной судьбе, что она полностью лишена даже таких простых эмоций, как страх. Вертишейка, застигнутая врасплох на гнезде, может притвориться мертвой и бездыханно лежать на ладони, улучая момент для бегства. Стриж, вцепившись коготками в руку, даже не моргает: делайте, мол, что хотите, только не роняйте,

В семейной жизни стриж — один из тех образцов верности, которую молва признает только за лебедем. И если весной кто-то из стрижиной пары не вернулся к гнезду, значит, его нет среди живых. Но среди птиц не бывает безутешных однолюбов, и тот, кто вернулся к гнездовью, занимает прежнее место и создает новую семью, Самке это удается быстрее, видимо в популяции есть какой-то резерв холостяков. Птицы в паре не просто связаны обязанностью вырастить двух-трех птенцов, но и любят доставлять удовольствие друг другу, ничего не требуя взамен. Это самая простая птичья ласка — нежное перебирание перышек на голове и шее. Такие отношения никогда не выставляются напоказ и проявляются только в интимной обстановке.

Собственное стрижиное гнездо отнюдь не мягкая и уютная колыбель для птенцов, которые вылупляются без единой пушинки на теле, а твердая и плоская лепешка из склеенных птичьей слюной пушинок, былинок, поднятых вихрями в воздух и подхваченных птицами на лету. При насиживании самец и самка сменяют друг друга не по жесткому графику или просьбе, а добровольно, как дятлы: могут и через две минуты и через два часа. Если крылатые, летающие стрижи почти всепогодные птицы, то с потомством они как раз зависят от погоды прежде всего. Нормально самка несет яйца через двое суток и начинает насиживать, отложив последнее, и в этом случае ее двойня или тройня будет близнецами. Но если начало лета прохладное и дождливое, то срок откладки может утроиться, а насиживание начаться с первого яйца. Тогда в середине лета в гнезде может лежать последнее яйцо, едва прозревший птенец и оперившийся подросток, который немного согревает полуголого братца и не дает угаснуть жизни под скорлупой. При затяжном ненастье родители улетают туда, где могут прокормиться сами, но едва потеплеет, они снова возле дома и быстро откармливают малышей. У других мелких птиц птенцы от голода не дотянули бы и до вечера, а стрижата умеют ждать и терпеть.

Стрижи — не певчие птицы, но и не одноголосы. Звуки их общения — визг разных оттенков, повизгивание, визгливое стрекотание, своеобразный скрип, у птенцов — негромкий писк, протяжный или отрывистый. Полагают, что именно голос стал названием птицы, но скорее всего оно пошло от бреющего полета над лугом или степью. Ведь в некоторых местах стрижа и по сей день называют стриг, косарь, скоба и нигде — визгуном или как-нибудь похоже. А у англичан одно из названий — птица дьявола.

Варакушка

Между летом и осенью нет четкой границы. Погода в начале нового сезона еще по-летнему тепла и приветлива, и к полудню холодная синева безоблачного неба застилается белесоватой дымкой. Однако ночь, отбирая у отступающего дня светлое время, теснит его все напористее. Скромно цветет на лугах сочная отава, да только по утрам все тяжелее на ней обильные росы. Еще не остыла вода, но перед рассветом зябнущая река укрывается густым туманом, под покровом которого осень, словно бы тайком, ставит на прибрежных вязах свои первые отметины. Тишина в эту пору такая, что различимы в ней и шелест крыльев запутавшейся в полегшей траве стрекозы, и падение ольхового листа, и вкрадчивые шаги одинокой цапли на мелководье, и прощальная песня варакушки.

У берега тенистой заводи, на упавшем в воду обломке, чуть приспустив крылья, стоит изящная синегорлая птица и, почти не раскрывая клюва, щебечет бессвязную песенку, в которой отчетливо слышатся сбивчивый счет пеночки-теньковки, синичий колокольчик, пиликанье сверчка, свист голодного совенка и тот же стрекозиный шелест.

Осенние певцы никогда не поют в полный голос. Их песни часто невнятны и тихи, хотя весь строй и темп у них те же, что и весной.

Пение же варакушки в последние перед отлетом дни даже легче увидеть, нежели услышать. Достаточно случайного ветерка, чтобы оно потерялось в слабом шорохе жестких листьев тростника. Видно, как трепещет перо на голубом горлышке, как чуть вздрагивает приподнятый черно-рыжий хвостик, и порой лишь по этому трепетанию можно догадаться, что птица не молчит. Ее едва слышная песня так же гармонирует с первобытной тишиной спокойных, прозрачных вод, как минорная трелька веснички гармонирует с утренней задумчивостью осеннего леса. Словно бы про себя, почти шепотом вспоминает певец дни уже далекой весны.

Как в тихой песенке нет весеннего задора, так и в свежем наряде нет весенней яркости. Его рисунок и расцветка те же, но будто легкой сединой тронуто перо, как припудрено. На водяных мельницах этой порой уже начинают молоть новое зерно, и кажется, что каждая из пролетных варакушек, побывав на мельничной запруде, уносит на себе немного буса — тонкой мучной пыли.

Самое примечательное и запоминающееся во внешности варакушки — синее горло, очерченное снизу трехполосным, разноцветным нагрудником. На синеве четко выделяется красное, цвета шляпки стареющего подосиновика, или белое пятно — «звезда», похожая на половинку узкого овала. Изредка среди краснозвездных птиц встречаются также и такие, у которых на синем фоне ни пятнышка иного цвета. По сравнению с нарядом самцов платье самок будто недокрашено: нет в нем той ультрамариновой синевы, которой выкрашено горло самцов. Но и у тех и у других десять из двенадцати перьев хвоста великолепного рыжего цвета с почти черными кончиками. Эта рыжина, как опознавательный знак варакушек, появляется у»птенцов уже на первой неделе жизни, и у пестроперых слетков хвосты двухцветные, как у взрослых птиц.

Независимо от того, какого цвета «звезда» у самца или ее нет совсем, основания перьев на ее

Портрет

У гнезда с птенцами

месте чисто-белые, а на всех остальных темно-серые. Во время пения, когда самец чуть вскидывает голову, «звезда» становится шире, и в какой-то момент перья на ней поднимаются торчком, раздвигаются, обнажая скрытую белыми, рыжими или синими кончиками яркую белизну. Создается впечатление, что не только из раскрытого клюва вырываются трели и свисты, но и там, где у птицы рождается голос, открывается какой-то дополнительный клапан, чтобы не запнулся и не зашелся певец в собственной певческой ярости. Белый цвет настолько чист и ярок, что пульсирующее пятнышко бывает различимо даже в темноте безлунной апрельской ночи. Белизна так же ярка и у самок, но они открывают ее постороннему взору в совершенно иных ситуациях.

Самки варакушек очень скрытны. И видеть семейную пару вместе удается в сотню раз реже, чем одного самца. Но даже и при случайных встречах удается подметить, что цвет «звезды», возможно, играет какую-то роль при создании пары. По соседству могут жить варакушки с разноцветными «звездами», но, как правило, в семье обе птицы имеют одинаковую отметину, Хотя изредка попадаются на глаза самцы, у которых на белом фоне «звезды» явственно проступает рыжеватый мазочек — свидетельство того, что цвет наряда не самое главное.

Варакушки — способные и неутомимые пересмешники. Однако неопытному слушателю трудно разобраться в торопливом смешении звуков. К тому же, как и подобает пересмешникам, нигде две варакушки не поют одинаково. Весной, с прилета, и второй раз, летом, самцы поют на своих участках круглосуточно. Причем некоторые из певцов чаще повторяют ночные звуки ночью, а дневные — днем, то есть тогда, когда поют или перекликаются сами ночные или дневные животные, которым подражают пересмешники. В степных балках на правобережье Дона, где с восходом солнца выходят из нор и начинают пересвистываться сурки-байбаки, местные варакушки чаще свистят по-сурочьи утром, нежели днем или в сумерки, а тем более ночью. Соседка семьи ушастых сов, наслушавшись по ночам, как просят есть совята, сама с наступлением темноты включала в свое пение сипловатый, просящий свист, будто сидит рядом с ней совенок, напоминая родителям, где он.

Порой кажется, что варакушка поет что попало, лишь бы не молчать. Но у каждой есть любимые коленца, которые повторяются и чаще и старательнее других. Музыкальная память у этой птицы отменная: она на годы может исключить из своего песенного набора какое-нибудь коленце, а потом повторить его с прежней безукоризненностью. За способность перенимать чужие голоса и как бы передразнивать их обладателей (иначе — варакушить) и было дано веселой птице народное название, ставшее потом и книжным.

Варакушка — обитательница луговых пойм, берегов степных озер, старых прудов. Многим птицам пришлись по душе отстойники сахарных заводов. Вдали от воды варакушка не гнездится, И не слышно ее песен ни на светлых полянах, ни в ковыльной степи, ни на опушках полезащитных полос. Густая и высокая трава нужна для того, чтобы надежнее спрятать гнездо, устраиваемое на земле. Вода — для купания. У варакушки особая страсть к воде, и, кажется, среди сухопутных птиц нет более заядлого купалыщика, чем она. Варакушка купается несколько раз на день, купается ночью, купается в любую погоду. В самый разгар пения смолкает лишь для того, чтобы искупаться. Плещется на мелком местечке, положив на воду развернутый двухцветный хвост, и только брызги летят, сверкая вокруг радужным ореолом.

А если еще есть на лугу несколько кустиков ивняка, если на болоте после раскорчевки остались многолапые пни-выворотни, то это и будет варакушкин рай, потому что для пения ей нужен открытый простор. Поет она всегда на виду, а охваченная певческой страстью, даже взлетает ненадолго, продолжая песню в воздухе. Но это получается у нее как-то неумело, и она снова опускается на ветку, сухую тростинку или кустик прошлогоднего бурьяна.

Гнездовой ареал варакушки огромен и простирается через всю Евразию, от берегов Атлантики до Чукотки, захватывая почти все Заполярье, кроме островов, и, возможно, не уступает по площади всем ареалам остальных шести видов рода соловей, гнездящихся на территории бывшего Советского Союза и в Западной Европе, Условия обитания на таком пространстве неодинаковы, но в средней полосе они позволяют варакушке выводить птенцов дважды в сезон.

Серая цапля

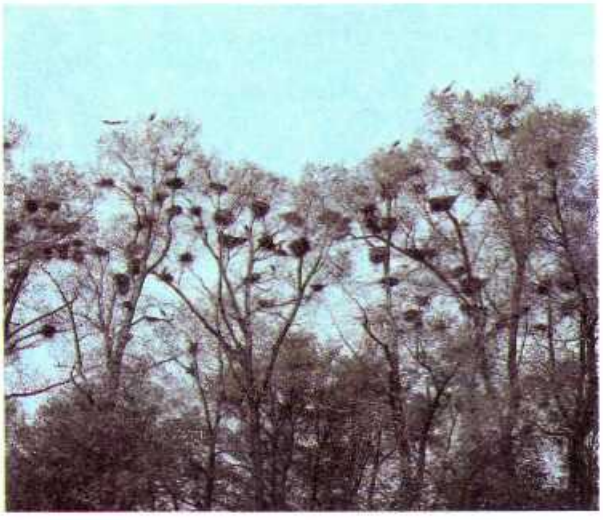
К концу лета, каким бы оно ни было — засушливым или с проливными дождями, — убывает вода в степных прудах и озерах, отходит от берегов где совсем немного, где на десятки шагов. И у новой границы воды и суши столько разных звериных и птичьих следов, что не сразу и разгадаешь, кто прилетал, прибегал, приплывал сюда искупаться, напиться, поохотиться, отдохнуть. Утки плотно утрамбовали широкими лапами небольшую площадку среди кустиков частухи и обсохшего стрелолиста, кулики натоптали узенькие тропинки, белые трясогузки напечатали крошечных елочек, округлые ямки оставила лиса. И среди этой разнослединцы — огромные, будто ненастоящие следы серых цапель: без малого двадцать сантиметров от когтя до когтя каждый. Медленно бродят по мелководью долговязые серые птицы. Сделав несколько вкрадчивых шагов, замирают, как изваяния, вытянув вверх длинную шею. Заходят в воду по самое брюхо. Качнет волна, проплывут немного и, снова став на дно, замрут неподвижно.

Завидя издали человека, цапли легко взлетают из воды, не выходя на берег. Одна за другой, чуть присев, глубоким взмахом развернутых крыльев поднимают они свое тело в воздух и в тот же миг начинают словно бы корчиться или складываться. Сначала, поджав под себя ноги, они отводят их назад, а шею изгибают так, что голова ложится на спину, а вперед между крыльями торчит только острый, как пика, клюв. И птицы, совсем непохожие фигурой на тех, которые только что стояли в воде, с надменно-высокомерным видом не улетают, а уплывают вдаль, за две-три минуты растворясь в белесой дымке у горизонта.

Все цапли — птицы легкие, и у серой при ее метровом росте буквально куриный вес. Поэтому птица так уверенно опускается и на зыбкую сплавину, и на тонкие ветки деревьев, которые едва сгибаются под столь незначительной тяжестью. Красив, изящен и легок полет цапли, особенно когда под вечер летит она над зеркальной гладью озера. Освещенная низким солнцем, отражаясь в воде каждым перышком, птица неторопливо и ровно машет широкими длинными крыльями. В установившемся полете работают лишь концы крыльев, создавая силу тяги, и цапля, не меняя высоты, летит ровно, как по струне. Наметив место посадки, планирует и опускается на него без дополнительного маневра, будь это крошечное оконце чистой воды, полузатопленный пенек или обломок сухой ветки, торчащей из кроны дерева. Нескладно и неуклюже выглядит цапля лишь тогда, когда намеревается взять с воды на лету снулую рыбешку. Получается это у нее без той ловкости, с которой подбирает даровую добычу чайка, коршун и даже ворона, но зато и без промаха.

Дапля из тех птиц, которым ни днем, ни ночью спрятаться некуда, она всегда на виду, где бы ни была: в воздухе, на земле, на воде, на гнезде, на дереве. Она умеет немного плавать, длинноногие ноги не годятся для быстрого бега, в полете ее обгонит и ворона. Добыча для пернатых и четвероногих хищников вроде бы заманчивая. Но не в ногах и крыльях ее спасение, а в страшном оружии, которого опасаются даже рамые сильные и смелые пернатого мира и хищные звери. Это оружие — длинный, крепкий и острый, как дротик, клюв. Сложенная втрое шея при нанесении удара распрямляется на полуме-

Портрет



В поисках пищи
На берегу
Колония
Гнездо
Малыши

тровую длину с неуловимостью сильной пружины, и тому, кто не знает этого приема, он может стоить глаза или даже жизни. Только молодые, еще не опытные птицы-слетки могут промахнуться и ударить мимо цели. Взрослые же обладают снайперской точностью, и кончик их клюва бьет в ту точку, куда направлен взгляд скошенных и почти неподвижных глаз.

Осторожна цапля, но не труслива и при опасности предпочитает оборону, а не бегство. Пробовали считать с самолета гнезда в цапельниках и самих цапель на кормежке. В панике разлетелись от низколетящего Ан-2 грачи, в ужасе уносился прочь коршун, бегом удирали в камыши лысухи, не шелохнулась только ни одна из тех цапель, которые лежали на гнездах, грея яйца, ни одна из тех, которые стояли у берегов, карауля добычу. Но шея каждой сложена, а клювы нацелены на самолет, круживший на такой высоте, что были отчетливо видны и птичьи глаза и узенькие перья черных косиц на затылке. Подобное бесстрашие возможно только при надежном оружии защиты.

А вот гнезда строят в таких местах, что с земли до них добраться или очень трудно, или вовсе невозможно, — в непролазной тростниковой крепи, в непроходимой черноольховой топи, куда летом опасаются забегать даже волки, В прежней волжской дельте строились цапли вместе со своими сородичами и с бакланами на корявых ветлах по берегам рек и ериков, в безлесных степях — на заломах сухого тростника. В знаменитой Шиповой дубраве их гнезда — на вершинах идеальных дубов-богатырей в десятке километров от воды. Цапля легка, и огромное ее гнездо, простой помост из сухих веточек, — не бремя для дерева. На первом году такие постройки даже просвечивают насквозь, но в следующие сезоны к ним добавляется свежий материал, и после каждого ремонта гнезда становятся с виду все массивнее, но не ломают своей тяжестью веток, как это случается с бакланьими и грачиными.

Цапля — птица колониальная, но не стайная. Гнездо одиночной пары где-нибудь на отшибе, далеко от общего поселения — исключение. На пролете летают в четком групповом строю, но чаще — семейными парами. Но охотятся каждая сама по себе, улетая из колонии в свои любимые угодья, иногда километров за тридцать.

На охоте цапля само воплощение терпеливости и ожидания. Подолгу стоит она на месте, ожидая, пока добыча приблизится на верный удар. Шея сложена, как в полете, и от этого птица кажется чрезмерно сутулой и словно бы состарившейся от тягот жизни. Это впечатление усиливается еще и оттого, что порывы ветра колышут длинные узкие перья под горлом, напоминающие сивую, немытую и нечесаную бороду. Не дождавшись никого в одном месте, цапля или перелетает на другое, или, вытянув шею как можно выше, медленно и вкрадчиво шагает по отмели, всматриваясь в воду, пока не заметит лягушку, рыбешку, головастика. Охотится и на суше, особенно по весне. В Средней России серые цапли в иные годы прилетают так рано, что еще не только половодье не разыгралось, но нет даже узеньких закраин на реках и прудах, Тогда на полях, на лугах стоят и бродят дЗгинноногие птицы, промышляя полевок и мышей,

Зрение цапель, возможно, не уступает совиному. С одинаковой уверенностью летают они на малых высотах и днем и ночью. Добычу видят и в темноте. Кажется, только гнезда по ночам не строят. Любят постоять на солнцепеке, не прячутся от дождя, потому что не намокает перо, обсыпанное, словно восковой пудрой, порошком из особого пуха. Лишь в ветреную погоду стараются летать поменьше и поближе, потому что их сносит с курса свежий боковой ветер, сильный встречный почти останавливает в воздухе, а крепкий заставляет иногда лететь хвостом вперед.

Весенняя цапля в чистом, необтрепанном, элегантном и строгом наряде, в котором без излишней пестроты сочетаются только три цвета: серый, сливочно-белый и черный, — грациозна и по-птичьи красива. Но красоту эту портит взгляд желтых глаз, скошенных вперед и вниз. Этот взгляд и птенцов лишает той миловидности и привлекательности, которая свойственна другим птичьим детям. Неприятен на слух и голос взрослых и молодых птиц, в нем нет тихих и нежных звуков.

Сентябрь — главный месяц перелета. День начинает отставать от ночи, быстро стынет вода, Отходит в глубину мелкая рыбешка, прячутся в омуты толстобокие лягвы, уползают под землю ужи, мышей и полевок скрывает полегшая и перепутанная трава. Труднее становится цаплям с добычей, и, опережая касаток, не дожидаясь бабьего лета, улетают они на зимовки.

Вяхирь

Сентябрь долго берег летнее тепло, пока одна из последних его ночей не дохнула со звездного неба острым холодком, и утром комковатая пахота свежей, едва подсохшей зяби засверкала мелкими искорками первого инея и трепетным блеском паутины. Днем снова было тепло, снова плыли над землей легкие облака, но перелом в погоде уже чувствовался во всем. Больше не расцветали по вечерам пышные кусты дурмана, ярче пылали в придорожных лесополосах клены, на пустырях и в садах убавилось пестрокрылых бабочек, заторопились перелетные птицы, гуще сбиваясь в стаи. Но сам перелет не так заметен, потому что ночами летит большинство пернатых путешественников.

Медленно ползут по бескрайним полям легкие тени пухлых облаков, черные на свежей пахоте, темно-зеленые — на низенькой озими. Среди черных и зеленых пятен одно голубовато-сизого цвета, и движется оно не вместе со всеми, а как-то наискосок, навстречу слабенькому ветерку, то распадаясь на части, то сливаясь воедино. На несколько минут его границы становятся отчетливыми, потом расплываются снова. Внезапно голубая тень отрывается от земли, свивается в огромный клуб, набирает высоту и, растягиваясь в неровную ленту, превращается в птичью стаю. Сотни птиц, похожих полетом на голубей, голубиного роста, с ярко-белыми пятнами на крыльях, уносятся за горизонт, на другие поля. Это вяхири, или витютни, самые крупные лесные голуби Европы.

Живут вяхири в лесу, но кормятся в поле. В лесу слышны их голоса, но на глаза птицы попадаются в поле или над полем, над степью.

Гнездо вяхиря — это простой, но толстый и прочный помост для двух яиц, сложенный из сухих тонких прутьев на основаниях боковых ветвей, отходящих от ствола почти горизонтально. Толстый ствол — надежная защита насиживающей птицы сбоку.

Лучшие деревья для устройства гнезд — у опушки леса, где достаточно бокового света. А чуть глубже, под тесно сомкнутыми высокими кронами даже в солнечный полдень сплошная тень, и тонкие нижние ветви деревьев отваливаются довольно быстро, а в вышине, где много ветра, вяхирь не любит строиться. Поэтому в лесостепной и степной зонах нагорные высокоствольные дубравы по крутым речным правобережьям не изобилуют вяхирями: в них ни дуб, ни породы его свиты неудобны для устройства гнезд. Густые пойменные ольшаники и осинники на равнинах тоже не лучшие места для их гнездования. Степное полезащитное лесоразведение создало для этих голубей дополнительное жизненное пространство. Сотни тысяч километров опушек среди полей, где прежде не было ни деревца и вяхири останавливались лишь пролетом, стали для них местом обитания.

Как все голуби, вяхирь — вегетарианец. Родители вскармливают птенцов «молочком», сами питаются семенами, почками, зеленью, ягодами. Поэтому сыт этот голубь всегда и везде, не имея среди птиц серьезных конкурентов по питанию. Любит желуди и осенью, не дожидаясь, когда застучит в лесах желудевый град, рвет их прямо с веток, а позднее собирает под дубами. И весной его еще кормит этот урожай. Желуди с подмороженными ростками лежат целехонькие на земле до середины лета. Весной роняют семена сосна и ель, весной созревают семена вязов, у которых не бывает неурожаев. Семена осины, тополей — тоже корм. Пасутся вяхири на всходах, пока они еще не стали травой, ощипывая сочные семядоли. Особенно любят гречиху и долго летают на ее посевы. Стая проголодавшихся птиц может в несколько минут ощипать плантацию ранней капусты, оставив от растений тоненькие кочерыжки. Единственное, что может лишить вяхирей корма, — это стихия: сильный снегопад или могучая ожеледь, покрывающая землю, ветви, травы толстым слоем крепкого льда. Но тогда птицы, не мешкая, покидают район бедствия и улетают в поисках кормного места за сотни километров. Собираясь в огромные кочевые стаи, вяхири сами могут становиться настоящим бедствием, как было, например, в начале 1982 года на Черноморском побережье Кавказа, когда спустившиеся с гор, из буковых лесов, вяхири напали на поля.

Птенцам, пока они в гнезде, родители ничего не приносят в клюве, а кормят их сначала густым зобным «молочком», а потом мягкой молочной «кашей» из зоба. Прилетев к гнезду, самец или самка не- сразу, как прочие птицы, начинают кормить детей, а долго сидят возле гнезда, воркуют тихонько, словно рассказывая им сказку, и «варят кашку» с полчаса или дольше. Потом птица перепархивает на гнездовой помост, приседает или ложится перед птенцами, а они оба, один — справа, один — слева, засунув мягковатые клювы в материнский или отцовский рот, не отрываясь ни на миг, чтобы передохнуть, высасывают все до капли. На глазах пустеет и опадает зоб взрослой птицы и наполняются зобы птенцов. И хотя кормежки эти редки, но зато быстры и сытны, и растут на них молодые, как на дрожжах. В месячном возрасте они уже птицы, которым не нужно гнездо, вскоре могут обходиться и без родителей, занятых уже заботами о втором выводке.

В стае, на кормежке, вяхирь молчалив. Но в пору гнездования по утрам и на вечерних зорях раздаются с семейных участков глуховатые завывания. Так гудит, стоя на ветке любимого дерева, вяхирь-самец. Не воркует, а именно гудит, не открывая клюва. Это гудение относится к тем негромким звукам природы, которые без помех одинаково хорошо слышны, как и трели золотистых щурок, и на близком расстоянии, и на далеком, что за двадцать шагов, что за двести. Простенький мотив «гу-гру-у-гугу» с ударением на втором слоге. Он может быть повторен и дважды, и четыре или пять раз, но вся «песня» обязательно заканчивается той же нотой, которой начиналась, и поэтому всякий раз кажется внезапно оборванной, словно начинала птица еще одну фразу, да смолкла на полуслове, напуганная чем-то.

Взрослый вяхирь — одна из самых осторожных птиц. Его поза и особенно взгляд выражают постоянную настороженность. Он и для пения всегда выбирает место, где обзор лучше: на сухой макушке дерева, на проводе. И его круговой токовый полет совершается больше для того, чтобы увидеть то, чего не разглядеть с места. В этом полете нет ничего необычного или интересного. Но изредка в дни самого усердного токования можно полюбоваться особым полетом вяхиря, когда он, словно уверенный, что за ним никто не подсматривает, перелетает открытое пространство между двумя перелесками или лесополосами: летящая птица удивительно напоминает смелого пловца, скользящего по невысоким и редким волнам. Оборвав гудение, голубь набирает скорость, по-особому ставя крылья и хвост и вскидывая голову, как бы встречая невидимую набегающую волну, на гребне которой он поднимается выше. Затем снова несколько взмахов для разгона на плавном снижении и — снова грудью на волну. Но, заметив хотя бы в отдале-

Пара вяхирей
С птенцами

нии человека, вяхирь тут же переходит на обычный полет и быстро уносится за пределы видимости, будто смутившись тем, что застали его за каким-то детским занятием.

Молодняк, обретая самостоятельность, проявляет врожденную осторожность даже там, где на вяхирей не охотятся. На открытом месте к птице-одиночке, а тем более к паре птиц или стае не подойти так близко, чтобы можно было рассмотреть рисунок оперения. Насиживающая птица терпит близость человека, пока не увидит обращенный в ее сторону взгляд. Не на нее, а только в ее сторону. Сорвавшись с гнезда, она стремительно уносится прочь, долго не возвращается и в другой раз уже не подпустит человека и на небольшое расстояние, а улетит заблаговременно.

Зато от пернатых врагов пара защищает яйца и птенцов как может. Если около их гнезда появляется ворона или сорока, обе взрослые птицы, как по тревоге, оказываются тут же, и бывает достаточно лишь одного их решительного вида, чтобы разорительница чужих гнезд убралась подобру-поздорову. Нападать на птенцов в присутствии родителей — значит рисковать получить сильный и резкий удар твердым крылом. Подросшие птенцы, оставленные без присмотра, пугают врага, сильно размахивая еще не как следует оперенными крыльями. И помогает.

Когда смотришь на летящего вяхиря, видно, что это сильная, неутомимая, хотя и тяжеловатая, быстрая птица (среди голубей нет тихолетов), для которой нет непреодолимых расстояний. Когда же в отдалении видна тысячекрылая стая, направляющаяся к месту ночевки, кажется, что все в ней безмерно устали за день и каждому хочется одного — лишь бы долететь до ближайшего безопасного лесочка. Движение большой стаи и расстояние скрадывают настоящую скорость полета отдельных птиц, не знающих усталости.

Вяхирь — стайная, но не колониальная птица, верная месту: постоянны гнездовые участки пар, постоянны места ночевок стай. Как только начинает собираться летняя стая из молодняка первого выводка и немногих взрослых птиц, она каждый вечер прилетает в одно и то же глуховатое лесное урочище. Птицы, уверенные в своей безопасности, гудят так, что в тихую погоду слышно их далеко окрест. К осени, когда вяхири начинают менять подносившийся наряд, все пространство под деревьями, где они ночуют, покрывается сизоватыми перьями.

Улетают вяхири, не дожидаясь предзимья. Но некоторые пары остаются зимовать в малоснежные зимы, словно угадывая наперед, какими они будут, и доживают до весны, кормясь по обочинам, степным выдувам, окраинам сел и городов.

Зимородок

Все лето одолевала природу засуха. Не было в Подворонежье ни хорошего дождя, обложного или ливня, ни густой, тяжелой росы на суходоле, не выдалось ни одной туманной зорьки на реке. И лишь через два месяца после солнцеворота, в конце августа, загремели над равниной гроза за грозой. Одни тучи проходили, устрашающе полыхая молниями, но не брызнув ни каплей, другие проливались на иссохшую землю благодатными дождями. Днем дождь иногда начинался, словно гром с ясного неба: за лесом дождевая туча подкрадывалась вплотную и в несколько минут выливала весь свой запас, уплывая в другую сторону легким светлым облачком. А одна собралась за Доном только к вечеру. Набирая силу, заиграла дальними сполохами на безлунном небе. Потом, невидимая, приглушенно рокоча, без ветра подкралась к Усманскому бору и разразилась над ним полуночным ливнем.

Утро нового дня проснулось по-летнему теплым, но по-особенному туманным, с висящими на листьях, на сосновых иглах, на кончиках шишек и травинках чистыми-чистыми каплями. Не спускаясь к дорожным лужицам, пили воду тех капель лесные птицы, едва слышно перекликаясь друг с другом.

Тих был лес, и тиха вода в реке: ни рыбешка не плеснет, ни утка не крякнет в затоне. Серой, беззвучной тенью опустилась у берега цапля и, словно не узнавая собственное отражение, уставилась желтым глазом в затуманенное зеркало. Защебетали касатки в никлых тростниках, и все равно ничто не изменилось от этого на сонной реке. Однако тяжелая сонливость, висевшая над берегами, вмиг пропала, как только посвистел зимородок, усевшийся на низенький лодочный столбик. Откуда появился, где ночевал: на ветке, на корешке под береговым обрывчиком или в семейной норе? В сероватом полумраке рассвета из всего его пестрого оперения выделялись только белые пятна позади глаз, а ярко-оранжевая грудка, синие крылья и голубая спинка казались тускло-серыми, будто отсырели за ночь. Посидев на колышке, короткохвостый рыболов перелетел на левый берег, потом вернулся и замер на ольховой веточке, склоненной к речной струе. Что-то не ладилось в такое утро с охотой, вернее, с рыбалкой, и зимородок то и дело приседал в нетерпении, вздергивая хвостишко, пересаживался несколько раз с места на место, но, так и не высмотрев верной добычи, задремал на том же столбике.

А солнце уже поднялось за туманом, разогнало белесую мглу, и его первый луч сразу преобразил мир, вернув ему все краски и добавив к ним сверкание искр в дождевых каплях. Тут же обрадованно свистнул-пискнул зимородок, бултыхнулся со столбика в воду, выскочил и помчался над рекой, сияя бирюзовой спинкой, словно синий огонек. Повис, трепеща крыльями, у крайних лопушков, присмотрелся, прицелился и камнем упал в маленькое оконце среди круглых листьев.

Поднялась в это время к тому же первому лучу стайка маленьких красноперок из зеленой глубины, и одна из них, сверкнув серебряным боком, исчезла в клюве зимородка. Довольный первой охотой, он долго сидел на одной из любимых веток, как бы борясь со сном или, наоборот, подремывая, сытый. Может, это была молодая птица, может, взрослая из уже распавшейся семьи: в последние дни лета и те и другие живут

Портрет
С добычей

отшельниками, сторонясь или избегая своих, Зимородков и летом редко увидишь вдвоем, осенью же только в одиночку.

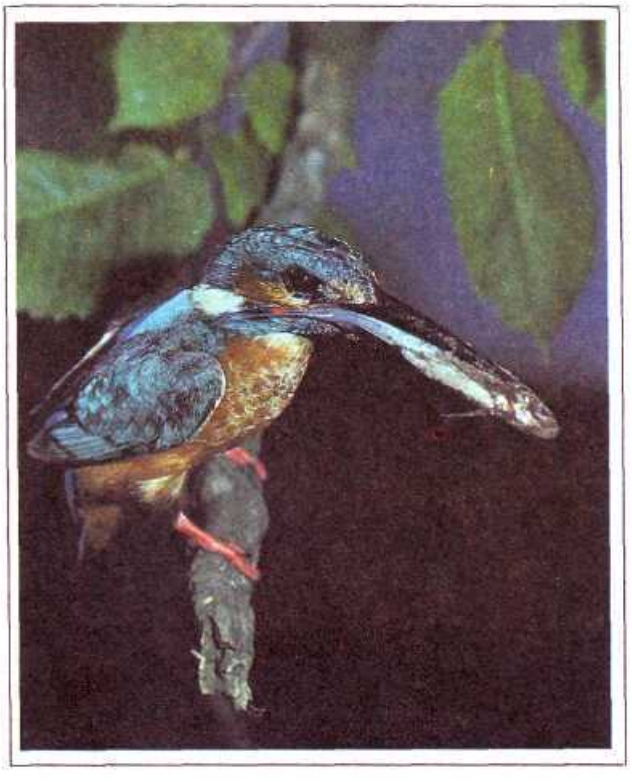
С первого до последнего дня своего пребывания на реке зимородок — самое яркое украшение. Но в самых людных местах он осторожен и умеет остаться незаметным. На тихих речках с незатоптанными берегами он доверчив, открыто носит рыбешек в нору, присаживается на кончики рыбацких удилищ, охотится около лодок, где рыбаки прикармливают рыбу. Выкопав весной на уединенном береговом обрывчике гнездовую норку, зимородок не покинет ее, если с началом купального сезона она окажется в самом центре оживленного пляжа. За добычей он будет летать на заросшие старицы и приносить ее птенцам в тот короткий миг, когда у норки никого не будет. Влетит в нее с разлета, не прицеливаясь, вылетит, как маленькая синяя ракета, и засвистит только на середине реки, уносясь к дальнему берегу. Если бы не свистел, то видели бы мы его еще реже, а то, как кулик-перевозчик, полетел — и обязательно засвистел,

На приглянувшемся зимородку добычливом, рыбном местечке с чистой водой, с хорошими приездами для отдыха и подкарауливают может не оказаться ни одного обрывчика, мало-мальски пригодного для устройства норки или даже двух, если у него две семьи. Тогда птица осмотрит ближние окрестности, полетает по лесу и что-нибудь подходящее найдет: весеннюю промоину, яму, где брали глину, глыбу выворотня с неосыпавшейся землей. На слабых песчаных почвах, где высоки грунтовые воды, ветер чуть ли не ежегодно выворачивает одну-две сосны или березы с корнями и огромным комом земли на них. В таких глыбах копают зимородки норы, быстро запоминая прямую дорогу к реке и обрат-

но. Промчится синей искрой сквозь густой подлесок, не поднимаясь в свободное пространство между стволами, отдаст рыбешку и, не мешкая, над землей мчится назад.

Когда низовья Воронежа стали водохранилищем, большинство зимородков-старожилов оказались в положении бездомных: осталось лишь несколько высоких обрывов на правобережье. Зимородкам до того туго пришлось в первую весну, когда река стала водохранилищем, что один из них прилетел на жилой кордон и начал долбить стену ямы, которую лесник копал под погреб. Как только уходил отдыхать человек, из кустов вылетал зимородок и торопливо принимался за свою работу. Тогда лесник прикрыл яму досками, пока зимородок недоумевал, куда все делось, срезал лопатой две оплывшие блиндажные стенки и подождал, пока обрадованная птица начала ковырять одну из них.

Привычно связывать слово «гнездо^ с уют-



ной, мягкой, сухой колыбелью. У зимородка в доме что ни весна — наводнение, особенно на реках с невысокими берегами. И потому там всегда сыро и нет никакой дополнительной вентиляции. На дне земляной пещерки лежат яйца. Они, как и у других птиц-землекопов, чистобелого цвета, без рисунка и удивительно похожи на идеально окатанные огромные жемчужины, скрытые под землей от прямых лучей солнца, чтобы не погасла их нежная розовинка, просвечивающая сквозь тонкую скорлупу. Совсем голышом, без единой пушинки вылупляются из яиц птенцы и одеваются пером довольно поздно.

Влетая стремительно в нору, птица мгновенно попадает из яркого, солнечного мира в темноту, заслоняя свет в узком коридоре своим корпусом. Быстро семеня коротенькими ножками, она добегает до пещерки и отдает рыбешку очередному птенцу. Все птицы, выкармливающие птенцов, соразмеряют величину добычи или куска с ростом птенца: маленьким дают кусочки поменьше, понежнее, большим — как себе. Зимородок может сунуть слепому птенцу уклейку или красноперку, которая длиннее всего птенца с его клювом. Бывает так, что рыбешка наполовину, а то и больше торчит изо рта голого малыша, едва вмещаясь головой в его желудок. Особого неудобства птенец не испытывает, и рыбешка, постепенно перевариваясь и растворяясь, в конце концов целиком исчезает в его утробе.

Бывают, однако, и трагические случаи, когда родитель сунет птенцу, не примерившись, слишком крупную, толстую плотвичку, а тот, стараясь проглотить привычный на вкус корм, душит сам себя. Случаи такие чрезвычайно редки, но пишу я о них не понаслышке, а будучи сам очевидцем такого происшествия на мещерской речке Пре.

Свои норы за все время пребывания в них птенцов зимородки не чистят. Если что и прилипнет к перу, птица, выскакивая наружу, особым образом рикошетирует о воду, смывая грязь.

Зимородок у нас не задерживается, не остается даже до самых ранних заморозков, хотя были случаи, когда птицу видели на незамерзающих быстряках зимой. Она и весной возвращается не первой, а когда зимы и в помине уже нет, когда входят в берега реки, когда посветлеет и немного согреется вода и выйдут на мелкие места косячки красноперок, уклеек, плотвичек. Ласточки-касатки дольше зимородка на родине живут, а он и настоящей золотой осени не видит ни на хоперских, ни на донских берегах, и приветливые дни бабьего лета проходят уже без него.

Белая трясогузка

Осенний перелет многих птиц начинается не с приходом осени, а еще в разгар лета. Однако в июле и в августе заметна лишь убыль птичьего населения, но не его движение, ибо почти все ранние пернатые путешественники летят ночами, да и в стаи к тому же не собираются. Когда же запас светлого времени, накопленный с мартовского равноденствия, подходит к концу, то уже засветло в одиночку и стайками держит путь перелетная птица в ту сторону, откуда летела весной. В ненастье поторапливается, в хорошую погоду, наоборот, останавливается в кормных местах.

На сельских огородах, полого спускающихся к маленькой речке, каждую осень, сменяя одна другую, останавливаются небольшие стайки белых трясогузок. Своим поведением, не проявляя ни интереса, ни неприязни друг к другу, изящные длиннохвостые птицы создают впечатление, будто собрались на перепаханной полосе случайно. Одни в какой-то задумчивости стоят на сухих комьях, другие без обычной для них суетливости ходят среди них, склевывая с земли мелких жучишек, вялых мух, крылатую тлю, паучков. К концу дня будто бы полное безразличие овладевает всеми. Все молчат, как перед прощальным расставанием. Но еще до того, как солнце опустится за позолоченный лес на высоком берегу, по какому-то неуловимому сигналу большинство трясогузок взлетает и, не выстраиваясь, берет курс почти точно на юг. Их торопливо догоняют еще несколько птиц, но три или четыре так и остаются на огороде, словно связные для следующей стайки, чтобы та мимо не пролетела.

Полгода проводят белые трясогузки на Русской равнине, полгода — в отлете. Весной летят они навстречу ледоходу, не всегда успевая к вскрытию рек, к началу половодья, но все равно рано, на волне первого настоящего тепла. Осенью улетают, не дожидаясь прихода бабьего лета. И все эти полгода птицы везде на виду, встреча с ними одинаково вероятна и в моховой заленской тундре, и в бетонно-асфальтовом центре большого европейского города, у избушки лесника в таежной глуши, у степного прудика с ракитами, на берегу лесной речки, и там, где даже жиденького родничка не сочится поблизости. Деловито и спокойно, как дома, расхаживает трясогузка, покачивая хвостиком, по двору большого автобусного гаража, бегает по крышам современных полунебоскребов, по бобровой плотине или навесу над коровьими кормушками, нигде не злоупотребляя добрым расположением человека. На пролете может она в одиночку невесть откуда появиться возле экспедиционных палаток на пустынном плато Устюрт, половить там мух, пощебетать немного, словно специально прилетела подбодрить полевиков, и снова исчезнуть.

Она и для гнезда найдет место где угодно. Может построиться в маленькой пещерке под дерниной берегового обрывчика, в поленнице на лесосеке или возле сарая, под крышей саманной мазанки, в штабеле кирпичей или пустотелой бетонной плите, на свежем выворотне и на конструкциях мостов, которые чуть ли не ежеминутно с грохотом сотрясаются от проносящихся поездов или груженых трайлеров. Не раз находили гнезда белых трясогузок под капотами двигателей, и не только тех, которые подолгу бездействуют. Плотное и толстое основание гнезда,

Белая трясогузка
Гнездо

как подушка, предохраняет от перегрева, а постоянная вибрация, видимо, не помеха ни яйцам, ни птенцам, ни наседке.

Но и в таких укромных и надежных местах отыскивает гнезда трясогузок кукушка. Белая трясогузка — одна из самых безотказных воспитательниц птенцов обыкновенной кукушки. Некоторые пары даже как-то почти покорно воспринимают роковой визит птицы, которая меняет их яйцо на собственное, относятся к нему как к чему-то неизбежному. Потеря собственного выводка и заботы по выращиванию подкидыша не служат им предупреждением на будущее. Одна и та же самка может становиться каждый сезон приемной матерью кукушонка и доводить воспитание чужого потомка, а возможно, и своего будущего обидчика до благополучного конца, если только кукушка сама не испортит дело, подложив в одно гнездо два яйца.

Полагать, будто все, что находится в гнезде, принимается трясогузкой-наседкой как собственное яйцо, нельзя. Она выбрасывает посторонние предметы, чем-то похожие на яйца, но никогда не делает этого с подкидышем. И это еще не самое удивительное. Когда кукушонок начнет выбрасывать ее птенцов, то нередко выталкивает их прямо из-под нее, когда она греет гнездо. Птица только вздрагивает при каждом тычке снизу, не интересуясь подозрительной возней под собой, не проявляет беспокойства, когда из-под ее" перьев появляется голый птенец и сваливается за край гнезда. В эти минуты выражение черных глаз-бусинок на белых щечках кажется неодушевленным.

Пока самка строит гнездо, пока насиживает, самец явно тяготится вынужденным бездельем и бывает откровенно рад, если в эти дни удается подраться с кем-либо из соседей, залетевших на его участок. Возможно, что и сам он с той же целью готов перелететь границу. У тех, кто поселяется где-нибудь на отшибе, такой возможнбсти не бывает, и длиннохвостые задиры кидаются даже на таких птиц, которым не всегда безопасно попадаться на глаза. Те, которые гнездятся рядом с человеком, нередко находят выход боевому пылу в стычках с соперниками из Зазеркалья: обнаружив случайно свое собственное отражение в оконном стекле, самец будет ежедневно, когда захочет, сражаться с «чужаком», не узнавая в нем себя.

Но с вылуплением птенцов самец сразу же становится самым мирным семьянином, отдаваясь с утра до вечера одной заботе — кормлению птенцов. Во время насиживания самка, проголодавшись, сама наскоро ловила насекомых, которые попадались вблизи, и быстренько возвращалась обратно. Самец не покормил ее за эти две недели ни разу и держался от гнезда в сторонке, но первую муху птенцам принес он. И первые дни, пока мать не могла оставить их без своего тепла, отец — главный кормилец потомства. По сравнению с его чадолюбием материнское отношение к собственным детям кажется прохладным. Он пытается кормить даже выброшенных кукушонком птенцов, на которых самка и не смотрит. А когда кукушонок-слеток ростом уже со взрослую кукушку еще пищит, следуя за прекратившими кормить его приемными родителями, самец поймает ему муху-другую, самка же и не обернется.

После вылета второго выводка, если только его судьбой не распорядится кукушка, трясогузки оставляют свои участки. От семейной привязанности не остается и следа. Днем ни молодняк, ни взрослые птицы не проявляют друг к другу ни интереса, ни внимания. Однако к ночи собираются вместе и летят на общие места ночевок. Это чаще всего бывают густые тростниковые заросли на озерных мелководьях или в речных затонах. Первыми, пораньше, туда прилетают скворцы, потом — касатки, и уже в сумерки, почти украдкой, появляются трясогузки и тут же прячутся в зеленую чащу, где к ним ни снизу, ни сверху не подобраться.

Трясогузки всех видов, в том числе и белая, — певцы довольно посредственные. Самцы поют весной, поют в начале лета и в погожие дни ранней осени, когда они в одиночку снова занимают участки. Их пение, особенно осенью, удивительно похоже на разговор с самим собой. Будто задает птица вопрос и тут же сама себе отвечает, не раскрывая клюва. Вопросы короткие и вроде как одинаковые. Ответы подлиннее, разные и торопливые. И все это как бы между делом: то за мухой подпрыгнет, то с травинки что-то склюнет, то на земле поймает. Но занятый пением и охотой хозяин участка внимательно присматривается ко всем пролетающим мимо. У него в эту пору и задиристость появляется самая что ни на есть весенняя. Но поскольку соперников из своего племени близко не оказывается, гоняется он за касатками, отгоняет прочь горихвосток, даже пустельгу припугнуть пытается. Однако на весь день его ретивости, как и у осеннего скворца, не хватает, а перед отлетом он и вовсе остывает к этому патрулированию.

Огарь

На осенней охоте по перу, особенно в первые ее дни, когда дичь непугана, нередко удивляют встречи с птицами, незнакомыми даже понаслышке. На степных водоемах Подворонежья почти каждую осень появляются пернатые гости, или давным-давно здесь забытые, или вовсе никогда не виданные. Дежурят на мелководьях рядом с серыми цаплями большие и малые белые, залетевшие с донских низовий. Иногда на несколько дней прибьется к светлоперым озерным чайкам такой же легкий на крыло, как они, черный поморник, неизвестно зачем улетевший с арктических берегов в самый центр континента. Или вдруг на сельский пруд покормиться рядом с табунком домашних уток опустятся пестрые пеганки.

Собравшись на вечернюю зорю, охотник приехал на степное озеро пораньше, выбрал в невысоком камыше место поудобнее, чтобы солнце было за спиной, и только огляделся, как заметил вдали два утиных силуэта. Утки были крупные и летели прямо на его засидку, но крыльями махали реже, чем кряквы. Охотник быстро отыскал и вставил в ружье патроны, выпрямился во весь рост, прицелился и… опустил стволы, не выстрелив. Низкое солнце ярко освещало великолепно-рыжее оперение больших уток, летевших почти гусиным полетом. В сознании охотника мгновенно возникло: «Краснозобые казарки. Они же из Красной книги!» А птицы, увидев человека, уже уходили на крутом вираже в сторону и вскоре скрылись за горизонтом. Не угадал стрелок, и чужое имя спасло жизнь по крайней мере одной красной земляной утке, огарю, а не краснозобой казарке, внесенной в списки Красной книги.

Огаря можно считать азиатской птицей, потому что в Европе он гнездится лишь по самой ее юго-восточной окраине, хотя в иные годы на летнюю линьку на Маныч собираются их десятки тысяч. Известный зоолог Н. А. Северцов, побывав в 1850 году в Каменной степи, писал, что огари гнездились там в ту пору в норах сурков-байбаков и в печах необитаемых хуторов. Но к началу нынешнего столетия этот вид исчез с Верхнего Дона. Исчез задолго до истребления сурков, в норах которых огари устраивали гнезда. Но вслед за возвращением байбаков на юг Черноземья здесь снова появились и земляные утки. Этому способствовало не только изобилие свободных нор, но и строительство прудов по балочным системам донского правобережья. Получив новое жизненное пространство, кое-где огари стали опережать сурков, выводя потомство в старых лисьих норах. На Памире и Тянь-Шане огарь — горная птица, в Приаралье — степная, в Забайкалье он связан в гнездовое время с лесом, поселяясь в дуплах деревьев. А москвичи знают его как обитателя городских прудов.

По росту и складу огаря нельзя безоговорочно назвать ни гусем, ни уткой, но в его поведении, особенно брачном, больше гусиного и лебяжьего, нежели утиного. Самец и самка верны друг другу до конца жизни, сохраняя взаимную привязанность во все сезоны. Насиживает яйца самка, но отношение к птенцам у обоих родителей одинаковое. Осторожность и смекалка у них гусиные: прилетая к воде, не спешат опуститься на нее, а, осмотрев озеро с воздуха, приземляются в сторонке и, оглядевшись еще как следует, идут к берегу. И кажется, никто из утиной родни огаря не летает таким особым образом, как весной самец. Набрав высоту, он стремительно скользит вниз, немного приспустив крылья, и свистяще-тугой звук, рожденный трением их о воздух, доносится до земли.

По неприязни к соперникам огари даже превосходят лебедей. Пары огарей с весны, с прилета на гнездовой участок, и до окончания родительских забот с особой враждебностью относятся ко всем взрослым птицам своего вида. Особенно нетерпимы друг к другу самки: они настолько задиристы, так яростно нападают на чужих и гонят их прочь, что никто не может выдержать такого натиска. Гонят от гнезда, гонят от воды, которую считают своей и начинают охранять еще задолго до появления птенцов. Самец во время четырехнедельного сидения самки на яйцах ежедневно наведывается к «своей» воде посмотреть, не появился ли здесь кто-то третий. Прилетит, походит по берегу и, убедившись, что никого нет, улетает обратно. Летящего мимо чужака предупредит голосом, чтобы не опускался.

И не просто: вот — моя вода, вот — твоя, а чтобы и близко никого не было. В двойном отвершке балки сделали два прудика, перегородив каждую из лощин плотиной, потому что ниже шла насыпь шоссе и воду лучше было держать от нее подальше. От прудика до прудика, от воды до воды было шагов тридцать. Где-то поблизости загнездилась пара огарей. Пока не началось насиживание, обе птицы с зари до зари патрулировали и тот и другой прудики, не позволяя опускаться на них никому третьему. Завидя летящего в их направлении огаря, они дружно кричали ему угрожающими голосами, стоя на берегу. Пролетал он мимо — успокаивались. Но весна есть весна, и у любого холостяка есть надежда, что где-нибудь да повезет. Поэтому не всегда удавалось криком отвадить чужака, и тот

опускался на соседний прудик, на воду. Тогда семейные птицы летели на него и гнали прочь, преследуя до тех пор, пока он не скрывался из виду.

Такие отношения существуют только между взрослыми птицами. Чужих птенцов они не прогоняют, наоборот, когда другая пара приводит выводок к уже занятой воде, она почти непременно лишается его и изгоняется «хозяевами», которые сразу «усыновляют» всех. И если в одной семье больше дюжины птенцов, то это дети разных родителей; по отношениям приемышей и опекунов заметить этого нельзя, так как хозяева не выделяют в общем выводке своих и чужих. Кормить ни тех ни других не надо, а присмотреть за двумя десятками дружных и послушных малышей вдвоем нетрудно.

Для огарей годится не только стоячая вода. На Тянь-Шане и Памире им хороши и горные реки. Так что в запасе в наших местах для огаря

примеси желтого. У них с первого дня жизни нет страха перед высотой: без колебаний весь выводок спрыгивает со скалы, обрыва, дерева, где в нише, пещерке или дупле было гнездо. Не отставая, бегут за родителями (путь к воде бывает неблизким), а завидев воду, обгоняют их и гурьбой бросаются в новую для них стихию, будь это горная река или соленое озеро в пустыне. Бросаются с такой решительностью или нетерпением, будто каждому из них эта вода грезилась еще в яйце. Пуховички быстро и проворно ныряют, спасаясь от опасности. Одетым в густой пух, им трудно держаться под водой, и, чтобы не всплыть, они дрыгают разом обеими ногами, удваивая силу каждого гребка, а на поверхности гребут лапками попеременно. Взрослые птицы нырять не любят.

В голосе и манере звукового общения у огарей тоже больше гусиного. Нередко «разговор» двух птиц бывает удивительно похож на осмы-

Портрет

есть и маленькие речки, и Дон, где воды и берегов хватит сотням и сотням пар. У границы верхнего и среднего течения Дона в 1984 году уже встречались семьи с собственными выводками.

Походка у огарей гусиная: ходят легко и быстро, как дикие гуси, не переваливаясь с боку на бок, быстро бегают. Птенцы довольно длинноноги. Они, как и утята других земляных уток, пегие, одеты в черно-белый пуховый наряд без

сленную, но непереводимую беседу в разных интонациях. В полете парой птицы окликают друг друга звучным «аанг». Крик угрозы огаря похож на удивленный возглас: протяжен и негромок. В осенних голосах огарей слышится какая-то печаль или усталость. Птицы уже ни с кем не ссорятся и больше предаются молчаливому раздумью, почти не проявляя интереса к окружающему.

Пустельга

Еще до первого ночного заморозка успели скосить кукурузу с большого придорожного поля и, прежде чем перепахать землю под урожай будущего года, выгнали сюда скотину, чтобы подобрали коровы листья, обрубки початков, кое-какие сорняки повыщипывали. Медленно бредет никем не подгоняемое стадо, реют над ним, мелькают у коровьих морд, носятся взад и вперед, сверкая вороненым пером, сотни касаток. Последнее стадо. Последняя стая. Вспугивают коровы мух, мелких жучишек, а ласточки тут же схватывают легкую добычу, которая не желала взлетать сама. Чуть повыше касаток летает над тем полем еще одна птица. Она тоже охотится, но, наоборот, держится от коров в стороне, чтобы те не спугивали ее добычу.

Пролетев немного, она поворачивает навстречу ветру и останавливается в воздухе, свесив развернутый хвост и трепеща острыми крыльями. Когда ветер становится сильнее, птица перестает трепетать и висит на месте, едва заметно подправляя свое положение движением полетных перьев. Она словно ложится на воздушный поток, держа крылья и хвост таким образом, что подъемная сила ветра становится равной силе тяжести.

По этой манере высматривать на земле жертву безошибочно узнается маленький сокол степных перелесков, высоких обрывов, окраин больших городов, деревенек с обветшавшими, древними церквушками — пустельга. Она тоже ловит жуков и кобылок, но больше любит живущую по норам разную четвероногую мелюзгу из неистребимого племени грызунов. Остановившись в воздухе, птица внимательно осматривает землю под собой. Не приметив никого, отлетает по ветру на другое место, потом дальше и дальше, пока не окажется в ее когтях замешкавшаяся полевка, сусленок, ящерица или жук.

Схватив в лапы полевку, пустельга несет ее к шеренге столбов, где, усевшись на перекладину, неторопливо съедает добычу, чистит клюв и подремывает, распушив перо и перекрестив за спиной концы крыльев. Потом взлетает снова и скрывается за лесной полосой в том направлении, куда летят в эту пору почти все перелетные птицы. Могла бы и на зиму остаться и оставалась не раз в «мышиные» годы, когда была возможность ловить неосторожных зверьков на снегу. Одета тепло, холодов не страшится, но снег скроет от нее привычную наземную добычу, а за птицами она гоняться не мастер.

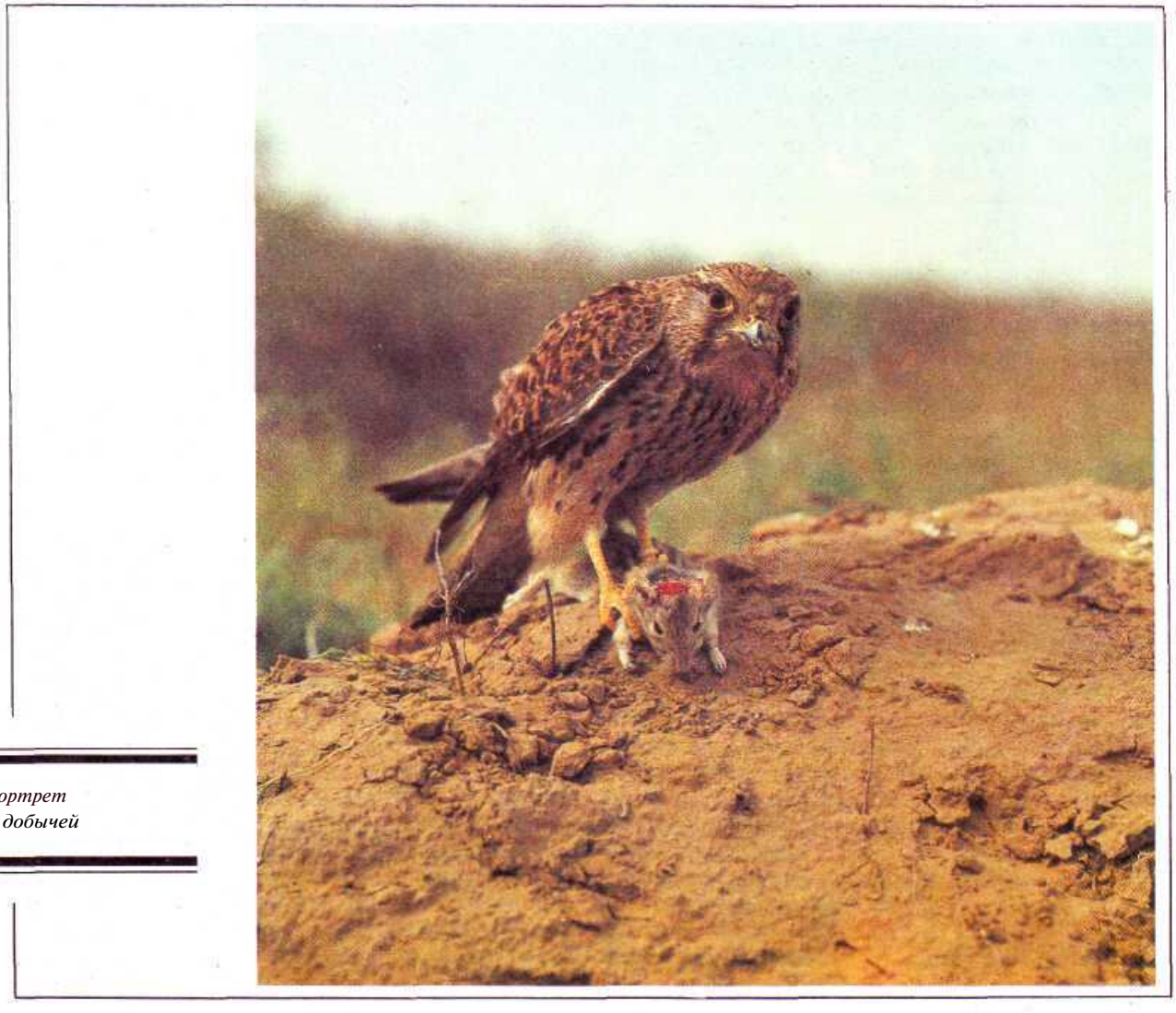
Пустельга — дневной конкурент ушастой совы. Этот маленький сокол такой же охотник-мышелов, как и сова. Одинакова их добыча, хотя сова не берет дань с сусличьего племени, а пустельга не ловит тех, кто выходит из норок ночью. Часто гнездятся бок о бок, охотятся на одних и тех же полях, но в разное время суток. И охотничий прием пустельги — быстрый бросок сверху, но не погоня. Потому и летает невысоко, чтобы не упустить замеченную жертву.

У опытных птиц промахи редки, но быстрая, проворная добыча уходит и от них. Однажды довелось мне видеть, как ушел в открытой степи большой тушканчик. Выскочив из разрушенной плугом норки, ошеломленный зверек сделал два или три неуверенных прыжка, оглядываясь, куда бы поскорее спрятаться от яркого солнца. Но его уже успела заметить летевшая за трактором пустельга, и казалось, что жить ему осталось секунды, что даже длинные ноги не спасут расте-

рянного беднягу от быстрокрылого врага. Однако он проскакал по степи не менее километра, меняя направление именно в тот миг, когда когтистые лапы едва не касались его спины, пока не заметил чью-то норку и не влетел в нее пулей, оставив пустельгу ни с чем.

Пустельга никогда не торопится поскорее съесть свою добычу, как бы голодна ни была. Сусликов она разделывает так аккуратно, что остается от них почти целая вывернутая и отмездренная шкурка и крупные косточки ног на ней. Мелкие птицы попадают пустельге в когти так редко, что охоту на них можно считать случайной и не ставить ей в вину. У одной пары на двести семьдесят мышей, хомячков и полевок, тридцать три ящерицы и полсотни хлебных жуков-кузек, пойманных для себя и птенцов, пришлось всего-навсего четыре птицы. Не потому ли так безбоязненно относятся к пустельге мелкие пичуги, без волнений перенося ее присутствие даже вблизи собственного гнезда?.. В конце лета сокола можно видеть в самой гуще предотлетной стаи воронков, отдыхающих в полдень на карнизе или проводах. Однако, когда пустельга появляется среди стрижей, те все-таки стремятся подняться повыше ее, словно избегая даже ничтожного риска. Как настоящему охотнику, ей чуждо убийство ради убийства, и во взгляде ее спокойных черных глаз нет ни злости, ни свирепости хищника, ни надменности сильного,

У пустельги нет строительных способностей, не строит она гнезд, и поэтому не всегда в хороших охотничьих угодьях удается паре найти место, где положить яйца и вывести птенцов. На береговых обрывах годятся для этого небольшие пещерки, в стенах зданий — балочные ниши и вентиляционные ходы, в старых парках и перелесках — широкие дупла двухсотлетних лип и тополей. А на равнинах лесостепи пустельгу обеспечивают временным жильем только сороки



Портрет
С добычей

и грачи. В Эртильской системе полезащитных лесных полос, созданной в одном из самых безлесных уголков Черноземья, более пятидесяти лет не было ни грачей, ни сорок, и пустельга ненадолго останавливалась здесь только на осеннем пролете. Когда же тут осела первая пара сорок, то весной следующего года их гнездо было занято соколиной семьей. Появившись, едва сошел с полей снег, пустельги завладели сорочьей постройкой и несколько дней охраняли ее, неотлучно по очереди сидя вблизи, чтобы ни сороки, ни кто другой не захватили.

Пустельги и в грачиных колониях нередко появляются одновременно с передовыми грачами, пока еще не все уцелевшие за зиму гнезда заняты хозяевами. В грачевниках судьба выводка (яиц или соколят) не подвергается той опасности, которая довольно обычна, если соколки селятся на отшибе. Сами грачи в их гнезда не заглядывают, а вороны и сороки опасаются появляться поблизости, пока не поднимется на крыло шумливый грачиный молодняк. В другом же месте не так уж редко сороки, словно сговорившись и собравшись до десятка, буквально сдергивают насиживающую пустельгу с яиц и растаскивают их у нее на глазах. Иногда и пустельга, не ради мести, конечно, ловит на корм своим птенцам короткохвостых сорочат-слетков. Так что у этих двух птиц отношения более сложные и тесные, чем с другими пернатыми соседями.

Пустельга, пожалуй, единственная из хищных птиц, которая легко приживается даже в городах. Особого внимания она к себе не привлекает, улетая охотиться за городскую черту — на открытые поля, луга или еще не застроенные пустыри. Поднявшись на крыло, молодые долго в семье не живут. Пройдя короткую школу обучения охоте, они расстаются с родителями и друг с другом. Этот соколок — охотник-одиночка.

Осенью пустельге на большой высоте делать нечего, ее пролетный путь — это и охотничья дорога. Но зато весной, когда птицей овладевает иное настроение, она не может жить без высоты. Не рядом, а чуть поодаль друг от друга пара входит в восходящий ток нагретого над сухим склоном воздуха и, ни разу не взмахнув крыльями, по крутой спирали уходит под самое облачко, заслонившее солнце. Там они, едва различимые снизу, как маленькие ласточки, подлетают друг к другу и стремительно скользят к горизонту или, наоборот, подтянув крылья к корпусу, наращивают скорость до предела — до свободного падения. Все-таки сокол есть сокол, и свободный полет — его стихия.

Зарянка

Уже стали тускнеть золотые ковры под осинами и кленами, а дуб только начал ронять листву, прикрывая свой урожай от морозов и наполняя лес пряным ароматом грибной осени. Береза еще держалась, день ото дня становясь ярче и наряднее. А дни те были настолько тихи, что казалось, будто листья срываются с веток от негромкого перестука дятлов или сильных взмахов вороновых крыльев. Поэтому так неожиданно закончилась одна из ночей, все завалив почти теплым, густым снегопадом. Под сыроватой тяжестью как бы постройнели и немного расступились, опустив ветки, сосны. Исчезли запахи, яркие краски, звуки. Но зато стало заметно каждое движение. Вот медленно, невесомой соринкой, опустился на снег нежнокрылый комарик. И тут же из-под пригнутого куста лещины выпорхнула зарянка, склюнула того комарика и немного постояла на месте, как бы недоумевая: а был ли он?

Конечно, снег в разгар золотой осени еще не зима и не предзимье, но все равно немного странно видеть на нем и комара, и одну из самых ранних и лучших певуний весеннего леса. Хотя осень — это не самая поздняя пора, когда можно встретить зарянку в островных лесах и садах Черноземья. Не так редко остаются они в этих местах и на зиму. Причем остаются не какие-то обреченные калеки, а нормальные, здоровые птицы, по какой-то причине не пожелавшие лететь туда, где зима и мягче, и сытнее. Чем западнее, тем больше число таких смельчаков, а по всей Западной Европе зарянка живет оседло.

Правда, с началом снегопадов и морозов эти зимовщицы пристраиваются поближе к людям, устраиваясь на лесных кордонах, на сельских и станичных подворьях, по дворам в больших городах если и не для теплой, то для безопасной ночевки. С холодами у них и вовсе исчезает и без того несильная боязнь человека. Бывало, что ползимы зарянка жила возле уловистого рыбацкого места на лесной речке, смело шмыгая среди людей и подбирая возле лунок обрывки мотыля и червей. Но зима есть зима, и голод иногда заставляет птицу вытащить из мусорного ведра и попробовать «на клюв» даже крошечный обмылок туалетного мыла. А сильные, затяжные оттепели с теплыми ветрами, сгоняющие снег не только с открытых косогоров, но и в густых лесных урочищах, для зарянок как праздники. В такие дни оживает немало насекомых и паучков,

и у сытых птиц даже остается немного времени для отдыха.

У сытой птицы в спокойной обстановке даже в хмурый и безрадостный день не может быть плохого настроения. Она довольна жизнью, потому что жизнь для нее проста, и одиночество в том не помеха. А те, кто умеет петь, доставляют себе дополнительное удовольствие немудреным пением. Так и зимовщица-зарянка, чуть распушившись и прикрыв пером тонкие пальцы, напевает под пасмурным небом то же самое, что будет петь в апреле. Но только тихо-тихо, словно опасаясь стряхнуть громким свистом чуть подрагивающую на соседней веточке большую прозрачную каплю, выжатую из лесного тумана. Она поет для себя, и не нужны ей никакие слушатели, не думает и о ястребе, хотя тот в любой момент может оказаться неподалеку и, конечно, не примет хрустальные звуки за наваждение зимнего леса. Птица не обманывается преждевременным теплом, не пытается остаться на участке хозяйкой (вернее, хозяином) и хотя бы вполголоса или еще тише заявить об этом, потому что точно так же будет вести себя и на городском бульваре, где ни одной зарянке не придет в голову остаться до весны и загнездиться тут же.

Но и в самую стужу зимующие зарянки стараются сохранить свою независимость. Они берут корм из любой кормушки, залетают в сенцы и подъезды, но совершенно не переносят неволи. Посаженная в теплой комнате в клетку птица упорно отказывается от еды и питья, не обращая внимания даже на мучных червей, беспрестанно бьется о прутья и обычно через несколько часов погибает. А в феврале, когда день прибавляет уже третий или четвертый час светлого времени, когда солнце начинает согревать темные бока деревьев, зарянки вдруг поголовно исчезают, видимо начиная перелет в обратную сторону, откуда появились осенью. Так что не по погоде, а по календарю начинают они весенний перелет, где бы ни зимовали.

У зарянки постоянная тяга к одиночеству. Двух птиц рядом можно лишь случайно увидеть возле гнезда в те дни, когда в нем растет новое поколение. В остальные сезоны птицы просто-напросто нетерпимы друг к другу. Хотя и в их жизни складываются обстоятельства, когда птицы словно бы понимают, что делить им нечего, и меняют неприязненные, даже враждебные взаимоотношения на почти дружеские. Если возле участка зимующей зарянки вдруг появляется соплеменница, птица-хозяин вначале предупреждает ее возбужденно-возмущенным цыканьем, тоненько присвистывая по-синичьи. Если это не действует, то раздается весенняя территориальная песня, но не в полный голос. Если и тогда пришелец не улетает, то «словесная»

Портрет

угроза сменяется нападением, хотя до настоящей драки дело никогда не доходит. Вмешаться в эти отношения и примирить хозяина с чужаком несложно. Надо лишь поставить возле границы участка кормушку, и буквально через час после неприветливой встречи обе сытые зарянки могут чуть ли не рядышком греться на обтаивающей крыше, пить по очереди теплые капельки, стекающие по темному железу. И если кормить их так же щедро, как мы кормим синиц, то обе до отлета сохранят мирные отношения.

Довольно миролюбивы самцы на весеннем пролете, останавливаясь после ночного пути в местах, где никто из них не собирается гнездиться: где-нибудь в маленьком городском садочке, Поют там, не враждуя, чуть ли не рядом друг с другом. Но, заняв гнездовой участок, самец не пустит туда третьего. Там весной и летом он будет петь один.

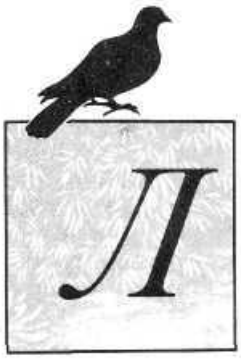
У этой птицы два очень удачных народных названия: зарянка и малиновка. Первое дано за вечернее пение, второе — за красивый малиновый перебор, который звучит в песнях самих искусников. Песня коротка и проста, но ее невозможно передать словами, как песни синицы, овсянки, соловья. Малиновый свист переходит в звенящую трель, которая замирает неоконченно, словно птица оборвала песню, чтобы попробовать новую, но спеть ее получше. Но и с новой получается то же самое, и со следующей: при одинаковом общем строе, громкости и продолжительности каждая чем-нибудь да отличается от уже спетых. Да и соседей нетрудно различить на слух. Один поет в чисто дроздовой манере, не делая продолжительных пауз. Другой, закончив простенький мотивчик, посидит молча, словно в раздумье, потом прощебечет следующий.

Короткая песенка чиста, как вода в лесном ручье, звучна и немного грустна. Этому впечатлению способствует какое-то задумчивое выражение птичьих глаз: черных, больших, круглых, Оно настолько гармонирует с минорным напевом, что спой его певец чуть быстрее или громче, как вмиг исчезнет все обаяние.

В разгар весны в хороших песенных местах утром и днем голос зарянки немного теряется в птичьей многоголосице, хотя и поет она не меньше других. Зато к вечеру, на самой заре, каждого из певцов можно послушать и оценить по достоинству. Успокаивается ветер, никто друг другу не мешает, не перебивает, и вечернее пение зарянок звучит в лесу как убаюкивающее, Гаснет заря, и один за другим смолкают очарованные черноглазые певцы, а их последние трели звучат уже как частица вечернего покоя дубравы или бора.

Зарянка не пуглива. К поющей птице можно подойти совсем близко, и если хорошо оглядеться, то почти без ошибки можно определить место, где самка построит гнездо. Ровное, светлое место, чистый лес не для зарянки. В светлом редколесье есть где петь, но негде построить гнездо по всем родовым требованиям. Зато в овражистых, тенистых урочищах, в старых, заросших промоинах, густых, захламленных валежником местах пары останавливаются весной и остаются там на лето. И гнезда зарянки не строят открыто, а обязательно прячут их в какое-никакое укрытие: в широкое дупло, если оно не очень высоко от земли, в маленькую нишу у подножия пня или дерева, где ствол переходит в корни, в неглубокую пещерку под дерниной на краю дренажной канавы, в забытую поленницу, под кучу хвороста или корчеванных пней. Так что вся жизнь зарянки, кроме пения, проходит на самом нижнем этаже леса.

С первым выводком почти у всех пар обходится все благополучно, а вот вторых птенцов судьба часто меняет на кукушонка. К первому гнезду кукушки просто-напросто не успевают, зато второе умеют отыскать, как бы надежно и старательно оно ни было спрятано. А зарянки безотказно принимают кукушечьи яйца любой окраски и расцветки, в которых нет ни малейшего сходства с собственными: то, что находится в гнезде, самка считает своим. И среди всей дроздовой родни зарянка, пожалуй, чаще других становится воспитателем кукушат.



Кольчатая горлица

Л ишь на исходе своей последней недели управился октябрь с листопадом. Холодный ветер сбил остатки поблекшего убранства с ветвей уличных берез и лип, раскидал по асфальту семипалые лапы-листья каштанов, раздел садовые деревья. Но ни он, ни дожди и сырые снегопады не смогли справиться со старыми тополями на городском бульваре. Огромные деревья стояли в свежей летней зелени, словно и не ведали о грядущей зиме. И в самые слякотные дни унылого предзимья кто-то заметил на тех тополях двух птиц голубиного склада, прежде никем не виданных в этих местах.

А уже и грачи улетели, и снегири посвистывали на пустырях, свиристели на рябину налетали, а пара молчаливых птиц, словно в растерянности, не знала, что делать, куда податься от непогоды, и, когда выглядывало скуповатое солнце, у них не прибавлялось ни радости, ни надежды. В ненастье же обе казались обреченными и покорившимися неласковой судьбе.

С перелетными птицами такое бывает. Проходит время перелета, стаями и в одиночку улетают соплеменники, но кто-то остается там, где родился. Иногда из-за пустякового увечья, иногда по неизвестной причине. Некоторые погибают еще до прихода зимы, другим удается пережить ее благодаря нашему добросердечию. Поэтому тревога за участь миловидных и неразлучных птиц немного сглаживалась уверенностью, что в городе-то они не пропадут. Будет корм — не страшны и холода, ведь наши перелетные голуби и горлица, зимующая в Африке, могут переносить довольно суровые морозы.

Узнать в пернатых незнакомках кольчатых горлиц было нетрудно: многие любители птиц уже разводили их в вольерах. И это обстоятельство, как говорится, пустило первоначальное следствие по ложному пути: этот вид был в те времена обитателем Средиземноморья и жил оседло западнее Днепра, а на Дону о нем и слыхом не слыхали. А тут еще обнаружилась причина, державшая птиц на одном месте: в кроне того же тополя скрывались еще две горлицы, ростом поменьше, с хвостами покороче — птенцы. Поэтому и возникло убеждение, что пара выращена в неволе и была либо выпущена, либо улетела сама, что подрастут, окрепнут молодые и вся четверка махнет без остановок к теплому морю. А шел уже ноябрь, и у всех оседлых и перелетных пернатых птенцы давным-давно стали птицами.

Но горлицы поступили против всех ожиданий: взрослые так и остались на своем тополе, а молодые в один из дней исчезли неизвестно куда и больше не появлялись. Пара перезимовала и в конце марта, еще до возвращения местных грачей, сложила новое гнездо, заявив тем самым право считаться воронежскими новоселами. Версия о птицах из неволи показалась сомнительной, а потом отпала вовсе, потому что дальнейшие события были похожи на бесшумный и безопасный взрыв или нашествие: кольчатые горлицы появились всюду. В Черноземье труднее было найти место, где их еще не было, чем город, поселок или село, где бы не видели самих, не слышали их голоса.

Быстро выяснилось, что каждая семейная пара, найдя место по вкусу, на нем и остается, становясь оседлой и теряя тягу к дальнейшим странствиям. Но вот о причинах стремительного расселения горлиц на север, северо-восток и восток от исконного европейского ареала можно лишь догадываться. Да ни одну из догадок уже не проверить никогда, хотя горлица вышла за пределы извечных местообитаний в середине **XX** века. (Точкой отсчета называют 1945 год.) В те нелегкие для Европы времена даже специалисты-орнитологи мало интересовались ближайшими пернатыми соседями, считая их птицами заурядными, вроде как неполноценными и даже испорченными. А многие профессионалы не могут или не хотят изменить такое отношение к птицам-горожанкам и по сей день. Так что и время, и возможность доподлинно выяснить изначальный толчок, изменивший поведение кольчатых горлиц, безвозвратно упущены.

Горлицам изящества и элегантности не занимать. Такова и кольчатая (она же ошейниковая. турецкая, смеющийся голубь). Маленькая, точеная головка, идеально обтекаемый корте, в меру длинный хвост с широкой белой лентой по концу, сильные крылья, которые могут нести птицу со скоростью до сотни километров в час. Оперение по цвету близко к сухой дорожной пыли, но чуть с розовинкой, на шее сзади узкое, серпиком, бархатно-черное полукольцо. У токующего перед самкой самца при поклонах серпик становится широким пятном.

За двадцать лет знакомства с кольчатой горлицей я ни разу ее ни в одиночку, ни в стае не видел в крейсерском полете на большие расстояния. Перелет с ветки на ветку, с дерева на дерево, с одной стороны улицы на другую, взлет с земли, планирование со столба вниз дают датеко не полное представление о летных способностях птицы, которая как бы сдерживает свою энергию на коротких дистанциях. А вот для описания полета токующего самца были бы уместны хорошие стихи, потому что просто сказать о нем, что он красив, слишком мало. Взмыв на несколько метров почти свечой, голубь склады-

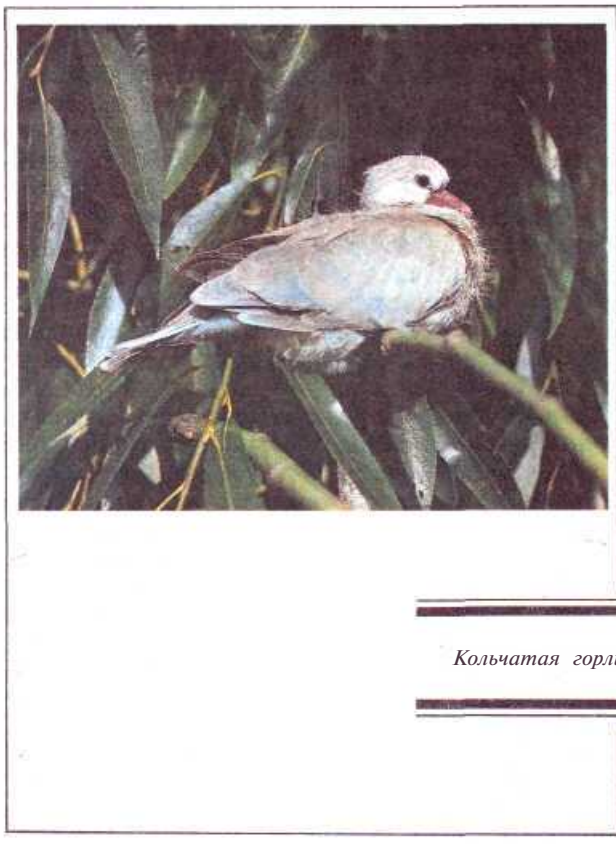
вает крылья «лодочкой» и грациозно планирует на новое место.

Ходит конечно же по-голубиному, даже в спешке не переходя на бег. Можно было бы и не упоминать о ходьбе, если бы эта горлица не умела ходить по тонким веткам и даже проводам как по ровной площадке. Вот скворец, сорока, грач передвигаются по горизонтальным веткам, переступая бочком и словно бы с опаской. А кольчатая и по проводу толщиной в палец, да еще в резиновой или пластиковой оболочке, идет, даже не балансируя ни крыльями, ни хвостом, как опытный канатоходец, прогуливающийся, руки в карманы, по хорошо натянутому тросу.

Появление птицы-новосела нигде не оставалось незамеченным, потому что повсюду кольчатая горлица прямо-таки жмется к человеку, избегая не только гнездиться в дикой природе, но и быть там временно, на кормежке или отдыхе. Не зная правильного названия нового соседа, птицу почти повсюду называли по голосу токующего самца где гудком, где кукушкой, где еще как-то похоже. Его однообразная «песня» действительно напоминает троекратное кукование или стенание с оттенком тоскливости, которое никак не вяжется даже в городской обстановке с приветливостью солнечного летнего или весеннего утра. Отношение к человеку у кольчатой горлицы столь же спокойно-настороженное, как и у городских воробьев и голубей: не боится, но и в руки не дается. Хотя, набравшись терпения, можно приучить ее брать корм буквально с ладони. Она очень точно определяет степень опасности: собирая камешки на дорожной обочине, не отбегает от автомобилей, катящих по самому краю асфальтового полотна, не пугается ни конных повозок, ни мотоциклов. Но вот перед пешим человеком взлетит, а того, кто едет прямо на нее на велосипеде, спокойно пропустит мимо. А ведь велосипедист — это почти пеший: едет, едва не касаясь земли ногами, как идет. Но эту разницу «едва» птица определяет для себя как безопасную, вряд ли надеясь на то, что у седока руки заняты рулем.

Однако при такой доверчивости интимно-семейная жизнь кольчатых горлиц может показаться довольно скрытной. Однако это впечатление возникает лишь при невнимательности наблюдателя. Например, при строительстве гнезда птицы нисколько не осторожничают, не стараются сохранить месторасположение постройки в тайне. Дело в том, что застать пару за работой можно лишь случайно, ибо на нее уходит меньше часа. А что можно соорудить за это время, даже работая в два клюва без перерывов? Гнездо кольчатой горлицы — плоский помостик из двух-трех десятков прутиков спичечной толщины, ничем между собой не скрепленных, положенных на развилку горизонтальной ветки или на толстый сук. Порой оно бывает так мало, что кажется, будто наседка устроилась отдохнуть на удобной ветке, выбрав местечко, где торчат несколько засохших побегов, чтобы они ее поддерживали под бока, если задремлет. А когда поймешь, что небрежно сложенный, просвечивающий помостик и есть колыбель для двух птенцов, то непременно возникнет опасение: а не развалится ли гнездо еще до вылупления птенцов, не свалятся ли они с него ненароком, еще не умея летать? Нет. Ненадежность помостика лишь кажущаяся: он остается целым и после вылета молодых горлиц, выдерживает и штормовые ветры, и шквальный градобой, и сырой снегопад и без ремонта может послужить паре в следующий сезон, как будто сложенный заново. На вид получается тяп-ляп, а служит не хуже орлиного.

Работают так: голубь собирает и ищет прутики, носит их голубке, а та укладывает их под себя, топчась на месте, словно проверяя постройку на прочность в ходе строительства, а не после его окончания. Наверное, это так же неудобно, как стелить постель, стоя на ней, но зато надежно. Готовность помостика определяется не затраченным временем, не количеством прутиков, а скорее всего на глазок. Однако



Кольчатая горлица

работа может быть прекращена, если она совершается впустую, когда застройщики выбирают для строительства заманчивую, но совершенно не подходящую для этого площадку. Одна пара вознамерилась соорудить гнездо на узеньком уступчике фонарного столба. Голубь беспрестанно приносил отпушившие тополевые сережки и прутики, голубка старательно укладывала их под себя. Но постройка тут же разваливалась: озорничал уличный ветер, да и самой птице было трудно держаться на узком карнизе, Голубь переносил уже столько материала, что из него можно было сложить два гнезда, но все это лежало под столбом на асфальте. А ведь у этой пары уже был опыт удачного строительства, не новички взялись за дело. Поняв бесплодность попытки, птицы на следующий день сложили гнездо на соседнем клене.

Иногда самец складывает гнездо в одиночку, но отнюдь не из-за холостяцкой тоски, а скорее чтобы не быть праздным, когда его голубка садится насиживать. Получается не очень умело, но все-таки по правилам, хотя и выглядит несколько легкомысленным, ибо не просто просвечивает, а состоит из дырок и щелей, в которые можно просунуть палец. Однако голубка с полным доверием относится к хлипкому сооружению, не опасаясь, что оно развалится при первом же резком движении.

Насиживают, сменяя друг друга, обе птицы, но лишь в момент подмены наседки можно узнать, кто грел яйца, ибо поведение и поза голубя и голубки на гнезде одинаковы: птица лежит неподвижно, не выказывая интереса к окружающему, словно брошенная и забытая. Но, проголодавшись, голубка издает негромкое и нежное двусложное «ку-ку». Тотчас на ближайшем фонарном столбе оказывается ее голубь, отвечая ей тройным кукованием. Потом он перелетает на ветку, подходит к гнезду, прижимается боком к голубке и как бы сдвигает ее с помоста, принимая ту же покорно-смиренную позу.

От зарождения жизни в яйце до превращения в крылатую птицу кольчатой горлице вполне достаточно месяца, то есть почти столько же, сколько требуется для этого скворцу. Птенцы уходят из гнезда на третьей неделе, сначала перебираясь на ветки, а потом и вовсе покидая родное дерево. Мать тут же строит новое гнездо или откладывает яйца в то, которое загодя выстроил отец. А дети остаются на его попечении. Он и за слетками присмотрит, покормит их «кашкой» из зоба, на часок-другой подменит наседку, чтобы она могла заняться туалетом, слетать на водопой, покормиться. Так что экономия времени на выращивание и воспитание птенцов у кольчатых горлиц получается двойная.

Голубиная плодовитость невысока: всего два птенца в выводке. Но у кольчатой горлицы в умеренной полосе может быть за сезон пять таких выводков. (В Западной Европе — семь.) С такими темпами, живя под боком у человека и пользуясь его покровительством, можно быстро обогнать воробьев и городских голубей, ежегодно удваивая и даже утраивая свою численность на месте, да еще выращивая какой-то резерв для расселения. Но через несколько лет после появления на новом месте горлицы стабилизируют свою численность на более или менее постоянном уровне, меняя стратегию размножения.

Семьи-новоселы поначалу выращивают нормальные выводки по два птенца, а затем, укрепившись, становятся однодетными. И хотя принятый в племени ритм не меняется, пара воспитывает за лето уже не десяток, а лишь троих-четверых. Таким образом, сдерживание размножения является не следствием перенаселения (свободной территории остается достаточно), а скорее его предупреждением. Такое предположение не укладывается в законы экологии, но иного объяснения мне найти не удалось,

У многих птиц, от полевых воробьев и хохлатых жаворонков до орлов и лебедей, взаимная преданность в семейных парах служит примером супружеской верности, хотя ее проявления могут быть мимолетны, сдержанны и даже суровы. У кольчатых горлиц отношения голубя и голубки отличаются уравновешенностью и особой трогательностью, хотя в гнездовое время очень редко удается увидеть их рядом. Но как только будет выпестован последний в сезоне птенец, они становятся неразлучны днем и ночью. В сумерки прилетают вместе.на свою любимую ветку, как на постоянный насест, и садятся бок о бок, прижимаясь друг к другу так тесно, что между ними не видно света уличного фонаря,

Отслужив раз, гнездо может быть заброшено и рассыплется само собой. Бывает, что пара возвращается на него через год, бывает, что в том же сезоне, выведя новых птенцов на другом месте, займет старое гнездо для следующего выводка, но никогда не будет гнездиться на одной и той же постройке дважды подряд.

Семейные пары не ищут общества себе подобных, по возможности предпочитая уединение. У молодых птиц, наоборот, есть тяга хотя бы к непостоянному общению. К вечеру они собираются на одно облюбованное дерево, образуя временную стайку, но не проявляя видимого дружелюбия друг к другу.

Кольчатая горлица, как и большинство ее родни по голубиной линии, — собиратель: ее корм то, что лежит на земле. Однако ее не увидишь в толпе городских голубей-попрошаек, живущих не только зимой, но и в иные сезоны нашими подачками, подбирая крошки и объедки, роясь в мусорных ящиках. Отнюдь не страх перед человеком не позволяет элегантной птице «ходить в куски» по улицам вместе с вечно голод-

ными и жадными соседями. Она с удовольствием ест такие же крошки, зерно, кашу и другую голубиную снедь, но не переносит толкотни и давки, манеры хватать корм из-под клюва друг друга.

Выбрав себе участок, пара уже не вольна оставить его, пока там остается хотя бы одно дерево, фонарный столб или какое-нибудь еще пригодное для гнезда место. Даже овдовев из-за несчастного случая, самец не в состоянии разорвать узы, связавшие его с тем уголком сквера, где вырастил первых птенцов. Он летает за кормом туда, ночует на той ветке, где кормился и ночевал с голубкой. Приближение новой весны не снимает с него этого заклятья, и он не ищет замены погибшей подруге на стороне, а остается в ожидании судьбы на прежнем месте, иногда терпя немалые унижения от соседей, среди которых может быть и его прямая родня. Вдовство буквально в одночасье превращает самца в изгоя: вместо спокойно-мирного отношения со стороны живущих рядом семейных самцов он встречает только открытую вражду. Зимой семейный сосед скорее сам останется голодным, уступив свою долю воробьям и городским сизарям, нежели позволит взять хотя бы крошку холостяку.

Один такой неудачник (его голубка попала осенью под автомобиль) зиму еще кое-как продержался рядом со своими, но весной и летом его гнали с его же бывшего участка все трое соседей, с которыми год назад жил в мире и ладу. Драк не было, но как только кто-либо замечал холостяка поблизости, то сразу с недовольным завыванием прогонял его с улицы. Между собой семейные самцы никогда не ссорились, охраняемых границ у них не было, а вот одиночку терпеть не могли.

Но эта враждебность сменилась на прежние добрососедские отношения, как только произошла помолвка вдовца с молоденькой голубкой из самого раннего выводка этой маленькой колонии. Выходит, что, возвратив себе репутацию порядочного семьянина, он сразу же перестал быть гонимым. Значит, опасались те трое если и не супружеской измены, то уж нарушения семейного спокойствия наверняка.

Оставаясь дикой птицей, кольчатая горлица настолько привыкла к человеку, что, кажется, эта доверчивость стала передаваться по наследству. Да и способность к личностному узнаванию у нее выше, чем у самой наблюдательной вороны. Она мгновенно узнает среди множества прохожих того, кто хотя бы раз в неделю и даже реже приносит ей корм, и подлетает к его ногам прежде, чем тот достанет из кармана горсточку проса. Узнает в любой одежде, голос и свист помнит месяцами. При некотором терпении голубку можно приучить брать корм с ладони. Голубь, тот поосторожнее, его с руки не угостишь.

Полевой воробей

Глубокой осенью, в предзимье, нередко наступают такие уныло-однообразные, безликие дни, настолько похожие друг на друга, что хочется сказать: погода остановилась! Дождя нет, но все отсырело. Воздух, земля, стены домов, заборы напитаны влагой. Слезы тумана капают с проводов и веток. На асфальте дорог и тротуаров образуется густо-кисельный слой тонкой, непросыхающей грязи, такой черной и липкой, что кажется, любая упавшая в нее вещь будет испорчена безвозвратно.

И вот на эту грязищу перед остановившимся у перекрестка автобусом медленно опускается голубиное перо, такое пушистое, чистое и светлое, что захотелось, пока не погас на светофоре красный свет, подобрать его и положить на сухое место. Но меня опередил воробей. Ухватив голубиный подарок, стряхнув с него частички прилипшей грязи, он улетел, не привлекши ничьего внимания. Перо понадобилось ему не для забавы: впереди была зима, и семейные пары полевых воробьев готовились к ее приходу, сооружая в зимовочных убежищах теплые гнезда. Ссора двух голубей за место на карнизе обернулась небольшой выгодой для их маленьких соседей. Время подгоняло их со строительством, но вместе с тем нельзя было торопиться с его окончанием, потому что почти весь подходящий материал или сыроватый, или совсем сырой. Носить его в непроветриваемое убежище, тем более на зиму глядя, нельзя: ком влажной ветоши, согреваемый теплом самих хозяев гнезда, непременно бы начал преть.

Эта пара не была случайно залетевшей в город, в сообщество своих сородичей, домовых воробьев, чтобы сытно и беззаботно перезимовать рядом с ними. Они жили здесь и летом и птенцов выводили дважды в дупле старого каштана. Но все же чаще полевых воробьев можно встретить на городских окраинах, на еще не застроенных пустырях, где растут дикие травы, нежели на центральных улицах, где на каждом шагу снуют, ссорятся, попрошайничают постоянные наши соседи, воробьи домовые. Они больше сельские жители, но не потому, что там к полям ближе, ведь кормятся птицы в основном не пшеницей и просом, а семенами трав.

Прекрасная наступает для них жизнь, когда созревает спорыш — птичья гречишка, которая будет кормить всех воробьев, сколько бы их ни было, до самых снегопадов, а потом еще и ранней весной. На незаезженной сельской улице или

на большом машинном дворе, где стоят отдыхающие от летней страды комбайны, где стелются сплошные зеленые ковры спорыша, день за днем пируют ватаги полевых воробьев. Иногда собираются вместе в такую стаю, что кажется, будто по большому зеленому ковру медленно-медленно ползет пестровато-коричневый ковер поменьше. Время от времени коричневый взлетает плотной птичьей стаей, которая проворно рассыпается по комбайнам, сеялкам, граблям. Тут, если и ястреб-воробьятник налетит, есть, где спрятаться. Весной-то на остатках этой травки семян уже нет, и даже птичьим клювом не выбрать их из раскисшей земли. Но зато прорастают они раньше семян всех других трав, едва снег сойдет с дорожных обочин. Тогда же можно оценить прошлогодний ее урожай: сколько паслось на нем птиц, а всходы появились всюду густой щеткой ростков. И пока не стали они травой, щиплют их и воробьи, и овсянки.

Портрет

На кормушке

Разный бурьян, сорняки и несорняки дают пищу множеству полевых воробьев. Благодаря своей зерноядности они более независимы даже в самые многоснежные зимы, хотя не упускают возможности поживиться и возле человека, находя пропитание у коровников, птичников, на сеновозных дорогах. Самые смелые иногда присаживаются на синичьи кормушки, но как-то не увлекаются даровым угощением, видимо; из-за присущей им в зимнее время тяги быть вместе со всеми, быть в стае. Домовых воробьев вместе собирает корм, полевые собираются вместе, чтобы искать корм.

Далеко не каждая пара поселяется на хорошем, кормном месте, откуда не надо никуда улетать. Большинству приходится каждое утро, собравшись стайкой, кочевать по дорогам, по косогорам, по степным выдувам, откуда ветром сметает снег. Вечером стайка рассыпается, и все возвращаются обратно, домой, где у них теплые зимовочные гнезда. Я часто наблюдал, как на лесном кордоне в самом центре Воронежского заповедника все жившие там полевые воробьи на рассвете каждого дня собирались возле крыльца. Темнота только-только отодвигалась с поляны под деревья, а они уже стрекотали на кустике ирги, всегда одном и том же. Собирались не для того, чтобы поджиться утренним кормом у индюков и кур, а как бы на стартовую площадку, с которой всегда улетали в одном направлении — к ближней опушке, где чуть в стороне от леса раскинулось большое село. На тот же куст возвращались все вечером и, когда начинали сгущаться сумерки, быстренько прятались по ближним дуплам и скворечникам, не выдавая никому своих убежищ. Улетали в любую погоду, а вот где бывали, можно лишь гадать. Но никогда никто не оставался на ночь там, где бывал днем, спать — только домой. Вот поэтому некоторые пары всю зиму остаются неизвестными жителями леса: улетают и прилетают к дуплам затемно, а весь день — в чистом поле.

Семейные пары владеют постоянными убежищами и живут оседло, по крайней мере до весны. Но множеству холостых птиц с осени предстоит неближнее путешествие. Пути осенних стай пока не прослежены по той «простой» причине, что это воробьи, которыми орнитологи заинтересовались всерьез чуть ли не в последнюю очередь. Знаю нескольких коллег, досадовавших на то, что вместе с другими птицами им приходится считать и воробьев. Скворцы, иволги, щеглы, зяблики, мухоловки, синицы, славки и вдруг какие-то воробьи! Вот что значит примелькаться ежедневными встречами.

Осенние миграции полевых воробьев немного похожи на настоящий перелет. Стаи держатся одного направления и одной дороги, чаще всего речной долины, где и корма всем достаточно, и мест для ночевки тоже. Под береговыми обры-

вами в переплетении обнаженных корней, под защитой обвисших дернин спокойно сидят до утра в полной безопасности, и — крыша над головой.

Каждая стая держится во время миграции особняком, не приставая к другим, но и не теряя с ними какой-то связи. Летят они лишь ранним утром, почти на рассвете, а весь день у них уходит на кормежку. Так что разовые броски большими, видимо, не бывают. Да мы еще и не знаем, сколько по своей воле может преодолеть воробей в беспосадочном полете. Не знаем даже приблизительно, кто летит в кочевых стаях: самцы и самки вместе или порознь, молодняк и взрослые совместно или отдельно? Знает ли кто дорогу и цель перелета, или летят, как ветер подскажет? Когда и как происходит возвращение и кто возвращается? Ведь многие за время скитаний находят себе новую родину, где остаются навсегда, оседая новой семьей на постоянное жительство. Вопросов много, а ответов, даже предположительных, пока еще очень мало. Но с местностью полевые воробьи знакомы лучше домовых и лучше ориентируются в пространстве,

Полевой воробей, как и другие наши старинные соседи — скворец, галка, воронок, может и даже любит постоянно жить среди дикой природы, устраивая гнезда в дуплах лесных деревьев, в пустующих норках береговых ласточек. А ходить-то воробьи не умеют, и по низенькому и довольно длинному земляному коридору прыжками передвигаться очень неудобно, но ничего— живут. Семейный уклад воробьиной жизни вроде бы прост: пара заключает постоянный, на всю жизнь союз и живет в ладу сколько этой жизни хватит. Взаимная привязанность потом уже не нуждается ни в каких подкреплениях и подтверждениях верности. И даже соединению пары не всегда предшествует токование, которое довольно похоже на ухаживание у домовых воробьев, но в отличие от такового у тех никогда не привлекает любопытных. Самец безназойливости и довольно почтительно скачет, поставив хвост торчком и немного приспустив крылья, вокруг своей избранницы чуть ли не на расстоянии нашего шага. Самка беззлобно относится к его ухаживанию, но делает вид, что ее это никак не интересует, и внимательно разыскивает что-то на земле. После такой встречи обычно и заключается пожизненный союз.

Никогда мне не приходилось видеть, чтобы благосклонности самки добивались скопом четыре-пять самцов, как у домового воробья. Помолвка совершается наедине, тихо и навсегда, Потом пара неразлучна. В этом особая трогательность воробьиных отношений: маленькие — и вместе, и никакой подчиненности, полное равенство. Сами воробьи с первого взгляда безошибочно узнают, кто самец, кто самка. Для нас же они выглядят абсолютно одинаковыми: элегантные, аккуратные, чистенькие. Поэтому трудно определить, каждой ли птице находится пара, или же постоянно существует какой-то резерв холостяков. На эту мысль наводят небольшие стайки, встречающиеся тогда, когда все воробьиное племя занято выращиванием птенцов. Такие холостяцкие или полухолостяцкие ватажки, не распадаясь, по нескольку дней живут в очагах дубовой листовертки, поедая множество гусеничек этой бабочки, оголяющих -майские дубравы.

После того как пара, вырастив за лето два выводка, снова остается одна, она каждое утро, хотя бы на несколько минут, прилетает к оставленному жилью, наскоро осматривая его (не занял ли кто). Если поблизости с недвусмысленными намерениями в это время крутится третий, самец без злости, но довольно решительно отгоняет его. Эти несемейные самцы, видимо, сначала присматривают свободное, подходящее жилье, а уже потом — с кем делить его. Они больше, чем семейные, тратят времени на осмотр убежищ да еще и на пробное «сватовство», ведь большинство воробьиных помолвок приходится на дни золотой осени. В это же время происходит и смена наряда, но «женихов» не смущает то, что они еще не одеты для такого торжества: в оперении еще много старого пера, хвост ступеньками. Но все как один смелы, бойки — одним словом, без предрассудков,

Полевые воробьи начисто лишены той агрессивности в отношении своих, которая свойственна воробьям домовым. Ведь у тех драки за корм, за перья для гнезда, за что-нибудь еще, беспричинные грубые ссоры, применение силы при ухаживании — явления самые новеедневные, У полевых подобного не бывает. У них даже взгляд и внешний вид уже свидетельствуют о миролюбивости и беззащитности. Я видел, как сизоворонка с наглостью сильного выпотрошила их гнездо. Воробьи, и самец и самка, словно оцепенев от горя и ужаса, сидели тут же, не сделав ни единой попытки, чтобы защитить и спасти птенцов.

Может быть, из-за этой беззащитности возник в их племени способ обеспечения безопасности: отдавать судьбу своего потомства под покровительство своих же смертельных врагов. Гнездо ястреба-тетеревятника, умело спрятанное в густой лесной полосе в Каменной степи, удалось обнаружить по тревожному стрекотанию полевых воробьев, которые забеспокоились, увидев вблизи человека. На толстом, полуметровой высоты помосте из веток стояли во весь рост два голубоглазых ястреба-подростка, а рядом с чирканьем суетились четыре воробья, чьи гнезда были спрятаны в основании ястребиного гнезда, Поначалу можно было подумать, что воробушки боятся ястребят и взывают о помощи к человеку,

чтобы немного припугнул грозных или, вернее, суровых на вид молодых хозяев. Но как только я отошел подальше, вся четверка успокоилась и продолжала кормить своих птенцов. А когда прилетел с добычей кто-то из старых ястребов, за криками хищников не было слышно воробьиных голосов. Потом я устроился для наблюдений поближе и был немало удивлен мирной жизнью у ястребиной обители, тогда как зяблик, живший неподалеку, беспрестанно выкрикивал свое тревожное «пррю... пррю... пррю...».

Другая встреча была и вовсе неправдоподобной: воробьиное гнездо было затиснуто под основание вороньего. И воробьи решились на это жутковатое соседство не из-за безвыходности с жильем: неподалеку висело несколько пустовавших скворечников. Но в тех местах (в Северной Таврии) птицы, поселяющиеся в скворечниках, подвергаются нападению четырехполосого полоза, большой, но неядовитой степной змеи, которая неплохо лазает по деревьям, умело находит занятые гнездовья и поедает птенцов и яйца. Воронье же гнездо было высоко, и близорукие полозы, наверное, его не видели, да и встреча с вороной не сулила бы любому из них ничего хорошего. В гнезде лежали сытые воронята, в воробьином попискивали воробьята. Сами вороны, опасаясь человека, отлетели подальше, а их маленькие соседи-квартиранты пытались отвлечь внимание на себя. Ястреб не пытался и не мог достать из щелей воробьиные гнезда, он этому не обучен. Но почему не тронули их. не попытались завладеть легкой добычей вороны, объяснить не могу и не берусь. Вытащить то гнездо вместе с птицами смогли бы, наверное, не только вороны, но и любой другой воробей в одиночку.

Гнездились воробьи и на одном дереве с сизоворонкой. В старых грачевниках их всегда хватает, в цапельниках они тоже как свои. Расчет верен: сильный хозяин, защищая свое гнездо, не позволит хищнику залезть к воробьям. Поэтому и строятся воробьи лишь в обитаемых гнездах больших птиц. Пустующие, заброшенные постройки их не привлекают. Место, может быть, и удобное, да положиться не на кого.

Сравнивая народные названия полевого воробья на других языках, можно убедиться, что он везде воробей. Только в Польше эта птица и самый известный польский танец называются одним словом, которое созвучно с нашим «мазуриком». Но созвучие созвучием, а по смыслу это нелестное прозвище совершенно не подходит миловидным и безобидным маленьким птицам.

Щегол

Ушла с октябрем золотая осень, отшелестел листопад. Лишь отсвечивают лисьей рыжиной березняки да немного скрывают общую наготу перелесков зимние дубы, крепко держа на ветвях побуревшее, убитое летучим заморозком убранство. Но яркие краски еще живы в природе, рассеянные крошечными капельками среди жухлого однообразия: где придавленный к земле полузасохший василек с густо-синими лепестками, где одинокий нивяник с тускловатой золотинкой в обрамлении блекло-белого кособокого венчика, где одуванчик, который не может раскрыться и блеснуть по-весеннему из-за недостатка тепла и света. Они милы и трогательны, последние цветы предзимья, но им не дано ни пробудить в памяти картины далекого лета, ни поднять настроение, ни тем более конкурировать с пестрыми щеглами, пирующими на репьястых макушках высоких лопухов. Осенью и зимой этих ладных и жизнерадостных птиц за яркость и разноцветность наряда непременно сравнивают с летающими цветами. Щеглы безусловно заслуживают красивого сравнения, но это для них бедновато: наряд взрослого щегла пятицветен. А пятицветие уже не цветок, а букет, в котором не хватает только синего и зеленого.

Осенью и зимой щеглы красивых мест не ищут, их стайки кочуют по тем неухоженным угодьям, где в изобилии растут колючие сорняки и бурьян. На этих «вооруженных» травах они не знают конкуренции со стороны своей зерноядной родни, потому что их любимый корм просто-напросто недоступен другим. В дикой семье всевозможных чертополохов, бодяков, осотов и татарников есть такие, чьи заросли обходят стороной волки.

Острые и твердые шипы, иглы с крючками и без них надежно защищают вкусные семена от случайных любителей. Щегла не останавливают даже длинные колючки волчеца, которые могут проткнуть насквозь птицу его роста, и обирает он страшный сорняк без риска, как воробьи — лебеду.

Щегол избегает опасности уколоться, аккуратно и осторожно усаживаясь в самую середину колючей головки, где шипы покороче, и достает семена прямо из-под ног. Видимо, такой способ добывания корма требует постоянной тренировки; наверное, поэтому отдыхающие щеглы словно не таясь предаются самолюбованию, то и дело наклоняясь так низко, что создается впечатление, будто они придирчиво осматривают свой

наряд спереди до самого хвоста. И только так можно расковырять твердый, словно орех, шиповатый плодик дурнишника, в котором сидят одно-два крупных, как у подсолнечника, ядрышка, вкус которых не ведом никому, кроме щеглов. Колючие, как спина рассерженного ежа, плодики размером со среднюю ягоду крыжовника можно только топором раскрошить. А щегол управляется клювом, в котором нет ничего особенного: клюв как клюв, в мерудлинный и острый, розовато-белый, цвета молодой живой кости, чуть зачерненный на конце, словно обожженный для крепости. Уцепившись за колючие крючки, птица терпеливо и умело, как гвоздем, расковыривает у плодика то слабое место, через которое вылезает корешок ростка, и по крошкам выбирает вкусную и сытную начинку. А дурнишника того по сорным местам никогда в недостатке не было.

Травяные семена — постоянный корм щеглов. Однако они могут какое-то время жить и просто на траве, ощипывая ее листья. Особенно привлекателен для них один деревенский сорнячок — марь. На нее в середине лета щеглы иногда собираются небольшими ватажками: соседи прилетают на пустырь ежедневно вместе, как сговариваясь. Нравится, значит, хотя семян разных в эту пору повсюду достаточно. За несколько дней до зацветания одуванчика щеглы с аппетитом выклевывают из розеток шарики бутонов, в которых еще лепестки не пожелтели, Они знают, когда становятся съедобными крошечные орешки березы, и прилетают на любимые деревья шелушить еще зеленые сережки, пуская по ветру мягкие чешуйки. Когда в июле осыпается избыток мелкой липовой завязи, щеглы и тут не упускают своего, склевывая крошечные, как просяное зернышко, зеленые плодики. Берут все с веточки, словно испытывая брезгливость к тому, что рассыпано на земле. Ни разу не видел их я на птичьей гречишке, топотун-траве, растущей по выгонам и обочинам и любимой другими птицами.

Насекомых, снующих у них буквально под ногами, щеглы не трогают. Гусеницы и пауки полезны им тем, что прядут паутину, годную для оплетки и облицовки гнезд. Иногда обирают они с кончиков молодых побегов тлей, да и то лишь, наверное, потому, что эти крошечные насекомые накачаны живым растительным соком, а больше в них ничего нет. Так что бескормица щеглам нигде и никогда не грозит. Они и в неволе не изменяют привычкам и вкусам: лучших мучных червей, как говорится, в рот не берут, а треплют лишь ради забавы,

Среди европейских вьюрков, щеглиной родни, есть несколько видов, у которых самцы по красоте наряда могут быть достойными соперни-

Щегол
С малышами

ками щеглу. Снегирь, дубонос, весенние зяблик и юрок, все клесты — завидные красавцы. Но их же самки блеклостью и бедностью красок не годятся в конкурентки самой невзрачной щегловке, потому что различить самца и самку у щеглов можно, лишь держа обоих в руках, по нескольким мелким перышкам возле клюва. В природе же они различаются лишь поведением, но возможный для опознания срок ограничен всего месяцем, в течение которого щегловка вьет гнездо и насиживает яйца.

Казалось бы, если наряд у птиц в паре одинаков, то какие-то заботы в семье тоже одинаковы. Но в строительстве гнезда щегол не принимает ни малейшего участия, хотя неотступно сопровождает щегловку в полетах за материалом и обратно. Назвать это охраной или отвлечением внимания на себя нельзя, ибо в его поведении нет и намека на ту воинственность, которую проявляет дрозд-рябинник, сопровождая свою самку. Не выставляет щегол себя напоказ, подобно коноплянке. Он просто все время рядом. Пока самка разыскивает нужные шерстинки, былинки, паутинки, теребит бересту, ее щегол неотступно следует за ней, но сам лишь охорашивается да негромко щебечет. Это не защитник, а скорее наводчик, который каждому любопытному покажет, где его гнездо. Вот кто мог бы быть идеальной находкой для кукушки, которая тратит немало времени на поиски чужих гнезд. Но лишь в крайней безнадежности оставляет птица-паразит роковое яйцо в щеглином гнезде, лишь бы не бросать его под кустом. Из-за этого щеглы могут лишиться своего потомства, но и кукушонок будет обречен на гибель, ибо ему не выжить на том питании, которое получают щеглята.

На качество изготовления жилища не влияют ни сезон, ни погода: июльское гнездо ничем не отличается от апрельского, кроме набора строительных материалов. Летом больше растительного пуха и хорошей паутины. Готовое гнездо даже в реденькой или изъеденной гусеницами листве можно отыскать лишь наметанным взглядом. Хотя в искусстве наружной маскировки постройки щегловка уступает такой мастерице, как самка зяблика, но и она столь тщательно подгоняет мягкое и аккуратненькое сооруженьице к ветке или развилке, что оно выглядит едва заметным утолщением, каких на любом дереве может быть сколько угодно.

Как только самка становится наседкой, беззаботность щегла словно рукой снимает, и он становится ее кормильцем. Летать к гнезду с каждым семечком накладно и рискованно. Поэтому он набивает кормом пищевод, как голубь — зоб, и отдает щегловке из клюва в клюв. Так же потом оба родителя носят корм птенцам. Щеглята и в гнезде не получают насекомых, которыми кормят птенцов другие зерноядные птицы: зяблик, дубонос, овсянки, воробьи. А когда щеглята начинают летать, отец и мать кормят их на месте, одновременно и обучая, как надо делать это самим. Это, пожалуй, еще хлопотнее, чем носить корм в гнездо, где все сидят молча даже голодные. Слетки же находятся в состоянии постоянного нетерпения, неумолчно твердя свое просящее «цит-цит-цит...». По этому беспрестанному щебетанию легче и надежнее считать щеглиные семьи, нежели делать это по пению взрослых птиц.

Щегол — стайная птица и одиночества в природе не терпит, но пара от пары гнездится отдельно, хотя семейных участков как таковых ни у кого нет и никто их не охраняет. Мест всем хватает, но если хотите жить рядом, пожалуйста! Гнездятся они только на деревьях: дубе, разных кленах и вязах, березе, липе, на лесных и садовых грушах, белой акации, реже — на сосне и ели. Но назвать щеглов лесными птицами нельзя. Они лишь ночуют в лесу. Скорее это садово-деревенские жители. Нравятся им лесополосы, едва подрастут они выше человеческого роста. Бывает, что вьют гнезда на самых оживленных, заасфальтированных до последнего пятачка городских улицах, не появляясь здесь в другие сезоны.

Несколько удивляет, что у щеглов, как у стайных птиц, разные пары гнездятся не одновременно, а вроде кому когда вздумается. В донском подстепье самые ранние пары начинают гнездиться чуть ли не вместе с полевыми жаворонками. Еще не подернулись зеленоватой дымкой перелески и не зацветали одуванчики, еще из тяжелых туч может сыпануть мокрым снегом, а на голой ольховой ветке над немного обмелевшим разливом уже готово изящное щеглиное гнездышко. Недели через три, уже после цветения садов, рядом может поселиться другая пара, а третьи соседи — еще позднее. И причина не в том, что где-то их обездолили и они, лишившись первых гнезд, решились, пока не поздно, попытать счастья на новом месте,

Причина в ином. Поздней осенью, когда перелиняет, одевшись во взрослое платье, последний молодняк, у щеглов происходит разделение стай: самцы — отдельно, самки — тоже сами по себе. Явление обычное для многих и перелетных, и оседлых птиц. И всю зиму кочуют по пустырям и речным долинам табунки из одних лишь щеглов. Но встречаются и такие, в которых до весны на равных правах держатся несколько щегловок. Их немного, может быть, одна на четырех — шестерых самцов. Вот с ними-то и образуются первые, самые ранние пары. А те щеглы, что остаются холостяками, не предаются одиночеству, по чужим краям не мыкаются. Самки возвращаются на гнездовые места в течение всего апреля и даже в мае. после цветения садов. И если ранние пары выводят

птенцов дважды в сезон, то поздним и одного раза достаточно.

Щегол в своем ареале не редкость, но встречи с ним в природе не часты. Пестр и наряден, диковатым и пугливым его не назовешь, а бывает, что по году и более не попадается на глаза, потому что больше держится мест, которые не для прогулок. Однако известен он издавна, как одна из самых непритязательных, уживчивых, мирных и жизнерадостных певчих клеточных птиц. Щегол больше покоряет красотой наряда и характером, нежели пением, хотя у некоторых мастеров есть что послушать уже на первой неделе неволи.

Песня щегла, как говорится, без конца и без начала; ее невозможно разделить на части, в ней нет различных колен. Но поется она необыкновенно истово: возбуждаемый собственными звуками певец ярится и едва не захлебывается ими, произнося некоторые из них до того отчетливо, что начинает казаться, будто у птицы есть слова, смысл которых она старается передать слушателю особой выразительностью, как выговаривает их. А вообще-то щеглиное пение лишено мелодичности, хотя и приятно на слух, как ненадоедливое и беззаботное щебетание, в котором нет ни сильных свистов, ни громких прищелкиваний. Льется оно без заметных пауз, вызывая удивление: как в этакой скороговорке птица не запнется ни разу, не передохнет?

В природе пение щегла можно послушать в любой сезон, ибо, как и у скворцов, в щеглиных стаях зимой ли, в унылую ли осеннюю пору всегда находятся один-два солиста, которые не дают своему таланту праздно отдыхать до весны. В перерывах между кормежками они, как артисты-добровольцы, знающие, однако, себе цену, усаживаются повыше остальных и поют не для себя, а для всех и не абы как, а с достоинством, без фальши и усталости. Под унылым осенним небом или в солнечный, морозный денек невозможно не заслушаться птичьим концертом и не удивиться при этом: как спутники певца не только не восхищаются, даже не слушают его? Охорашиваются, щебечут что-то свое или даже подремывают. Но оборвал песню солист, замолк, насторожившись, и мгновенно настораживаются все. Значит, пока поет, остальные могут быть спокойны. Он как добровольный и опытный часовой заботится обо всех. Не для самоутверждения уселся повыше, а чтобы видеть окрест подальше. Не красуется, поворачиваясь в разные стороны, а поглядывает, чтобы перепелятник не подкрался низом.

Из голоса щегла, вернее, из щеглиной переклички родилось и название птицы, которое сходно звучит и по-русски, и по-польски, и по-немецки, и по-чешски, и на других европейских языках. А уж «щеголь», «щеголять», «щеголиха» и другие пошли от птицы.

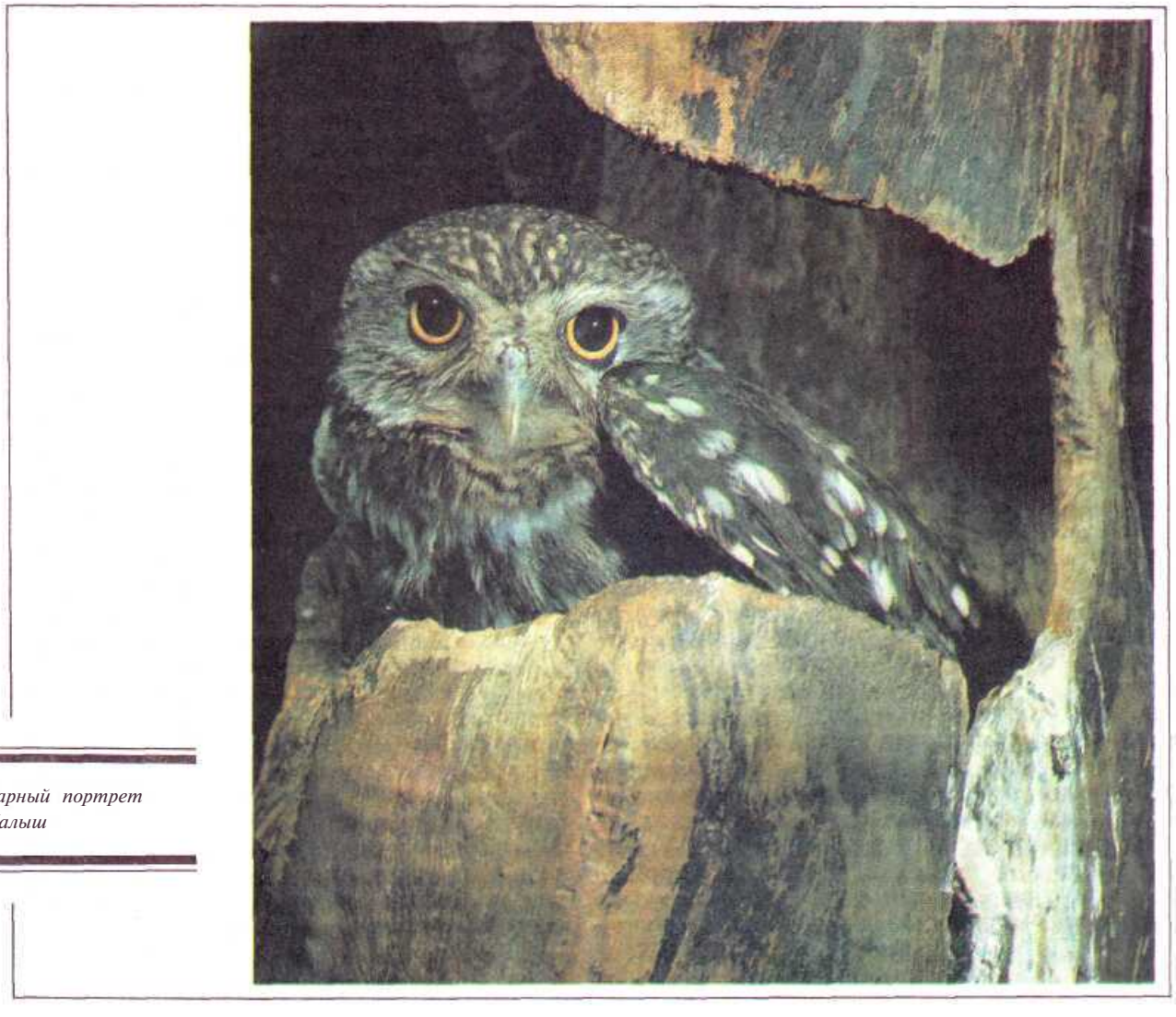
Домовый сыч

Яркость низкого солнца, синева и прозрачность чистого неба делают короткий день в казахстанской пустыне приветливее и ласковее. Но обилие света не может скрыть удручающую безжизненность однообразных барханов, ровных такыров, мрачноватых обрывов и сверкающих солончаков. Нигде не осталось зеленого цвета. Если и выпадет ночью невесомый полуснег-полуизморозь, то без остатка испарится утром, а вместе с ним исчезнут все следы и следочки. Нигде ни звука. Протянет в вышине белую ленту инверсии невидимый самолет, подгоняемые случайным

ветерком, проскачут рыжеватыми призраками пересохшие шары перекати-поля. И кажется, что нет вокруг ни птицы, ни зверя.

Но жизнь в пустыне не замирает и на зиму. Взлетит полупрозрачным облаком и снова опустится за горизонт тысячная стая черных жаворонков. Дозорщиком помаячит на сопочке волк. К вечеру же появляются те, кто днем отсиживался и отлеживался в норах, в камышовых зароелях. Густеют на закате холодные тени в пологих котловинах, и не успевшие согреться за день пески остывают еще сильнее, поблескивая искорками инея. В эти минуты каким-то тайнственным образом на изломанном кустике саксаула появляется небольшая головастая и коротхвостая птица. Повернувшись спиной к заходящему солнцу, она неподвижно сидит на кривой ветке, но, как только светило скрывается за песками, легко и бесшумно улетает в ту же сторону. Это отправился на охоту домовый сыч.

Он мог бы начать ее и раньше, да в эту пору, засветло, ему еще не на кого охотиться. Не хуже своей совиной родни и всех дневных птиц видит сыч при ярком солнце, но не всегда и не везде отваживается покидать свое убежище до наступления сумерек. Сова есть сова, какого бы роста она ни была, и отношение к ней у сорок, ворон, скворцов и многих других никогда не бывает дружелюбным. Лишь в середине лета, когда у всех ночных охотников времени для ловли добычи в обрез, пренебрегает сыч опасностью быть битым своими соседями. И где-нибудь на тихой сельской улице можно стать свидетелем мимолетного скворчиного переполоха, причиной которого бывает сыч. Выскочит он стремительно из-под какой-то крыши, схватит в траве длинноногого кузнечика и еще быстрее спрячется с добычей обратно. А отдыхавшие в густой кроне тополя или ветлы скворцы, успев разглядеть и узнать его, ринутся всей ватагой с дерева,



Парный портрет
Малыш

но угнаться за ним не смогут. Сыч, выждав, пока успокоятся или улетят совсем рассерженные скворцы, высмотрит из укрытия новую жертву— кузнечика, жука или слетка-воробьенка — и повторит нападение с той же поспешностью.

Он, как и большинство сов, —- охотник-мышелов. Когда есть возможность выбора, он ловит мелких грызунов, не обращая внимания ни на птиц, ни на жуков. И тогда в его добыче на сотню полевок и мышей могут приходиться однадве лягушки, несколько дождевых червей, несколько насекомых, какая-нибудь мелкая птица. Однако во многих городах, где домовые воробьи ночуют открыто, на ветках деревьев, многие поколения сычей и не ищут другой добычи. И чтобы не нарушать покоя воробьиной ночевки, у хищников хватает сообразительности начинать охоту только после того, как шумливым и сварливым сборищем овладеет сон.

Сила когтистых лап такова, что сыч без риска нападает на зверьков своего веса и даже тяжелее себя. В пустыне его жертвами часто бывают грызуны тех мест — рослые тушканчики и песчанки. В норах, вырытых песчанками, сычи нередко отсиживаются днем, а возможно, в них же и гнездятся. Получается, что пернатые «квартиранты» не только живут в чужом жилье, но и берут с четвероногих хозяев постоянную дань головой. Уничтожая врагов сельского хозяйства и тех, кто носит в себе постоянную угрозу здоровью человека, сыч не заслуживает ничего иного, кроме похвалы и доброго к себе отношения.

«Сову видно по полету». Это — о сыче. Летает быстро, как бы скользя по невысоким и пологим волнам. Немного похоже на полет удода. Однако ему доступен и общий для других сов стиль крейсерского полета, прямой и ровный, как по струне. В облике головастой и немного куцей птицы, сидящей на ветке, столбике или куче камней, трудно угадать летные способности ночного аса, и поэтому неожиданное и почти мгновенное исчезновение взлетевшего сыча всегда вызывает удивление. К тому же часто летает на бреющем полете. Велика и подъемная сила его широких крыльев: увесистого крысенка-подростка, держа его в клюве за холку, сыч несет с такой же скоростью, с какой может лететь налегке. Но если на пустынной равнине можно без риска лететь еще быстрее, то в городе скоростной полет опасен: ударяясь о провода, сычи не так уж редко разбиваются насмерть.

Семейная привязанность и постоянство сычиных пар еще не стали пословицей, но подмечены давно. Самец и самка неразлучны, пока живы, и гнездятся в одном и том же месте годами. Удобное дупло в старом парке, трещина или нора в меловом обрыве, пустоты в кладке кирпичных стен или в железобетонных плитах и просто широкие щели подолгу служат и для вывода птенцов, и как постоянное убежище взрослым птицам. В одном из старых зданий Каменной степи был глубокий вентиляционный ход, в котором несколько поколений сычей, сменяя друг друга, гнездились и жили без перерыва более тридцати лет. Когда же началась перестройка, птицы выбрали место на чердаке соседнего дома, Так что домовый сыч не просто оседл, но к тому же и настоящий домосед.

И хотя сыч не прочь поохотиться до захода солнца, он даже в пору весеннего возбуждения при свете дня молчалив и редко начинает подавать голос до наступления полной темноты или хотя бы глубоких сумерек. В этом отношении он чисто ночная птица. Весенний крик сыча — это не совиный низкий свист, а двусложное, резкое взвизгивание «ку-вить». Частое и однообразное повторение этой «песни» в ночной тишине может, подобно кликушеству, вызвать у склонного к суеверию человека смутную тревогу. Второй раз в году весеннее «ку-вить» звучит в самом начале осени, видимо когда образуются семейные пары у молодых птиц. Но домовые сычи не одноголосы и в каких-то невидимых для нас ситуациях издают звуки, значение которых пока непонятно. Негромко гукают, отрывисто стрекочут, своеобразно мяукают,

Особый рисунок оперения сычиного «лица» и спокойный без надменности взгляд больших желтых глаз в сочетании с короткой, но окладистой «бородкой» придают сычу удивительно умное выражение, которое в античном мире, видимо, и послужило поводом сделать эту птицу символом мудрости. Ведь именно домовый сыч, а не какая-то сова вообще считался совой Афины Паллады — покровительницы разума, Теперь забыты культы и греческой и римской богинь, но почтительное отношение к сычу в тех странах осталось. Осталось и в научном названии птицы имя Афины. У нас когда-то называли его сирином, по имени сказочной, райской птицы с женской головой. Казахи и сейчас называют сыча птицей-богатеем, и в народных легендах ему, конечно, есть место. Но у англичан и французов он просто маленькая сова, или совушка.

С другой стороны, есть в поведении домового сыча одна особенность, которая порой придает ему вид эдакого чудака. При встрече с человеком (и не только с человеком) птица, не имея возможности или не желая обращаться в бегство, начинает делать странные полуприседания-полупоклоны, не отводя неподвижный взгляд от глаз того, кто стоит перед ним. Иногда поклоны бывают так глубоки, что широколобая голова оказывается буквально между ног. Это при первом знакомстве может привести в состояние некоторого замешательства...

Пухляк

В грибную осень любители смиренной охоты до снега или до хорошего мороза, от которого каменеют самые поздние опенки и вешенки, бродят, аукаются по притихшим оголенным чащам, беспокоя дикого зверя и птицу. Но после сухого лета выдался неурожайный сезон, и коротенький дождь уже после листопада не поправил дело. Никто не ворошил опавшую листву на тропинках и дорогах, не пугал тишину. А своих живых звуков у леса в глухое предзимье мало: торопливые прыжки мыши, какое-то осторожное постукивание дятла. Не получается озорного посвиста у поползня, и словно бы обиженно или укоризненно перекликаются друг с другом пухляки, безбоязненно снующие вокруг человека с фотоаппаратом. Ему очень хочется сделать хороший снимок, но не хватает сноровки быстро прицелиться объективом в маленькую и непугливую птицу, которая по-синичьи ловко и проворно то цепляется за кору ствола, то повисает вниз спиной на кончике тоненькой веточки, то спрыгивает на старый пенек, а с него — на землю и ни на миг не замирает без движения.

Не надо быть специалистом-орнитологом, чтобы угадать в пухляке близкую синичью родню, потому что сходство видно буквально во всем, кроме расцветки наряда. Она такова, что пухляк будет выглядеть одинаково и в цветном и в черно-белом изображении: немного черного, еще меньше белого, а остальное — как дым без копоти, снизу посветлее, сверху погуще. Рост, движения, манера поиска чисто синичьи, и даже в голосе много синичьего: птицы, чтобы не потерять своих, изредка негромко перекликаются этаким «цици-е-е-е». Если добавить в последние звуки чуть-чуть «ж» или «ч», то будет очень похоже на настоящее синичье. Слышится в этом призыве непонятная обиженность маленького существа, которому некому пожаловаться, кроме своих же, и в ответ услышать то же самое. На самом же деле этот сигнал как свидетельство, что все вокруг более или менее спокойно.

Уже само название птицы обещает встречу с кем-то очень пушистым и легким, этаким шариком из перышек, немного ленивым и медлительным, симпатичным и непременно доверчивым. Из всех догадок самая правильная — последняя. До неправдоподобия поразительна доверчивость пухляков к человеку не в тяжкую и голодную для себя пору, а во время выкармливания птенцов. Зимой, конечно, любого пухляка, как синицу или поползня, ничего не стоит заставить брать корм с ладони. Даже самые близкие соседи наши, воронок и касатка, не говоря о других, теряют самообладание, заметив излишний интерес к гнезду с птенцами. Пухляк при тех же обстоятельствах относится к человеку как к олицетворению добра, не сомневаясь, что тот не обидит беззащитных.

Пухляки-родители не только позволяют наблюдать за ними возле гнезда, но и охотно принимают неназойливую помощь. Можно протянуть руку к самому входу в дупло, и птицы тут же поймут, что гораздо удобнее влететь в дом, сначала присев на палец. Они без колебаний будут брать с ладони предложенный им подходящий корм и тут же отдавать его птенцам, словно нашли или поймали сами. Я нередко проделывал такое в одиночку, но при случае, не опасаясь причинить птицам вред, приводил к их дуплу студентов. И в окружении двух десятков человек пухляки вели себя столь же свободно, как и наедине с родным лесом. Можно было разговаривать и удивляться в полный голос, фотографировать с мощной вспышкой, переходить с места на место. Птицы лишь немного настораживались от внезапных, резких движений, когда сама собой вскидывалась рука, чтобы убить на лбу комара.

Ну хорошо. На руку птица могла сесть и от безвыходности, подавив инстинкт самосохранения родительским: накормить птенцов, выходит, для пухляка дороже собственной жизни. К тому же в лесу он у себя дома и, может быть, надеется на свою ловкость и увертливость. Но в том-то и дело, что и в совершенно чуждой обстановке пухляк беспечно бесстрашен. В городе, например, где Он не просто редкий, а редчайший гость. Ранней зимой такой смельчак появился на одной из оживленных трамвайных остановок Воронежа, держась сторонкой от ватажки голодных воробьев. И что могло достаться ему, маленькому, там, где хозяйничали полтора десятка наглых и шустрых горожан, угадывавших любое движение каждого из пассажиров?

А он себе поскакивал возле самых ног, собирая с утоптанного снега крошечные крупинки семечек, которые несколько человек лузгали в ожидании трамвая. Когда он оказался в вершке от моего ботинка, я медленно подвинул ногу вперед, перегораживая ему путь. Пухляк вспрыгнул на носок, как на камешек, и спорхнул с него, даже не взглянув вверх. На такое не решится и самый отчаянный из воробьев. В поведении пухляка не было заискивающей робости маленького и слабого. Не испугался он и гремящей громады трамвая, поскакивая рядом с рельсом, и улетел по своей воле, видимо наевшись досыта. Значит, везде он таков — доверчив, как младенец.

Работ по устройству жилья у пухляков гораздо больше, чем у прочих синиц, да и всех других лесных птиц, потому что им приходится

мастерить и дом, и гнездо в нем. Пухляки, как и настоящие дятлы, сами готовят дупло от входа до дна и лишь в крайнем случае гнездятся в готовом. Для строительства отыскивается трухлявый ствол или стволик толщиной хотя бы в руку. Это может быть и пенек метровой высоты, и почти целый ствол без кроны. Обычно мертвое дерево переламывается в самой изъеденной грибом части, где древесину можно расковырять пальцем. Поэтому пухляки начинают долбить дупло чуть ниже отлома, зная, что в этом месте при их силенке управиться легче. Порода бывшего дерева не имеет значения. Годятся березовые, осиновые, ольховые, кленовые стволы и даже то, что раньше было дубом.

Пара работает сообща, но не бок о бок, а сменяя друг друга, так что строительство идет безостановочно и заканчивается довольно быстро. Птица проводит внутри ствола минуту или чуть больше и, нащипав щепотку щепочек, сколько может набрать в клюв, вылетает наружу, чтобы отнести эти щепочки в сторонку. В тот же миг внутрь заюркивает сменщик и так же торопливо и старательно щиплет трухлявую древесину. Пока работает один, другой наскоро успевает чем-то перекусить поблизости, не забывая следить за тем, что происходит вокруг. Стоит заметить чужой взгляд, тогда — сигнал, и движение внутри ствола прекращается.

После окончания плотницких работ самка в одиночку начинает стелить в новом доме гнездо. На выстилку идет мягкое, тонко нащипанное лыко, перышки, с которыми весной везде туговато, стебельки мха. Но если повезет отыскать на своем участке останки какой-нибудь жертвы зимы или остатки чьей-то охоты, тогда дупло чуть ли не до половины выстлано шерстью, так что наседка будет лежать, словно на пышно взбитой перине, которая долго хранит живое тепло и во время отлучек хозяйки. Одна пара пухляков поселилась возле обители тетеревятников, и самка знала, где грозный сосед ощипывал свои жертвы: каких только перышек на выбор не носила она оттуда! Рисковала, конечно, но уцелела.

Что же заставляет пухляков тратить столько сил и времени на строительство собственного дома, когда свободного, добротного и дарового жилья в старом лесу хоть отбавляй? Ведь, живя в этом лесу безвылетно всю зиму, они могли бы без конкуренции занять что приглянется раньше, чем этой недвижимостью завладеют лазоревки, мухоловки, горихвостки или вертишейки. Скорее всего дело в том, что у этого вида возникло и закрепилось то же, что и у дятлов, — стремление выводить потомство в свежем, а значит, и в стерильном, свободном от пухоедов, клещей и других нежелательных сожителей и паразитов жилье. И лишь при крайней необходимости, когда ни на поиски подходящего ствола, ни на строительство нет времени, занимают пухляки что придется.

Такое случается обычно в прохладные и дождливые сезоны. Причина не в бескормице: пухляки умеют прокормить себя и птенцов буквально в любую погоду. Но при частом или затяжном ненастье их обездоливают большие пестрые дятлы. На разбой, на грабеж гнезд мелких птиц лесных мастеров толкает непогода. Проще всего, конечно, поживиться за счет самых беззащитных, и дятел в несколько секунд взламывает жилье смирных соседей, похищая из него яйца или маленьких птенцов. Он никогда не пытается расширить вход в дупло по своему росту, а разбивает стенку у гнезда. Если с привычным кормом и у дятла неплохо, то соседство не оборачивается трагедией для пухляков, и тогда после вылета их птенцов маленькое дупло еще может пригодиться семье горихвосток для второго выводка, может оно стать жи-

Пухляк

лищем лесной сони или приютом летучей мыши.

Пухляк — певец далеко не первого десятка, но зато его песенка самая ранняя. Уже в январе, когда день еще не прибавил полного часа светлого времени, можно услышать чуть печальную птичью «дудочку». Так называют любители свистовую песенку пухляка. Она может быть и на два тона, очень редко — на три, но никогда в природе не звучит четырехдудочный напев. Однако «дудочку» настоящей песней признать нельзя, потому что ее свистят и самки, как и у лазоревок. То же самое и с другой песенкой, «бульканьем», немного похожим на мягкое и нежное бульканье водяных глиняных свистулек.

Все перелетные птицы и большинство оседлых не тяготятся заботами о завтрашнем дне, а тем более о том, что будет дальше: нашли корм — сыты, нет — голодают. Запасливых мало. Во-первых, если делать запас, то надо возле него и жить постоянно. Во-вторых, запас должен быть надежно спрятан от посторонних. В-третьих, в запас годится корм длительного хранения, чтобы не высох, не пророс, не сгнил до полной непригодности. В-четвертых, годный для запаса корм должен быть в избытке. И в-пятых, запас собирают до наступления трудного времени, то есть осенью. Пухляк делает небольшой запасец весной, когда рассевают свой урожай сосна и ель, и прячет крошечные орешки на деревьях, чтобы от дождей не проросли. В лесостепных дубравах, в осинниках и пойменных ольшаниках собрать нечего, и там он обходится без припаса. Специальных тайников у него не бывает, сунет семечко в морщинку коры, и ладно. Возможных нахлебников на семейном участке уже нет. И если вернутся холода и ненастье, пухляки будут сыты.

Пухляк-одиночка в зимнем лесу — редкость. Чаще всего группа пухляков — как основа сборной бродячей команды, в которой вместе с ними на равных правах обследуют деревья парочка поползней, парочка пищух, одна-две лазоревки, семья желтоголовых корольков и несколько больших синиц, по какой-то причине не пристроившихся к городской кормушке. Все птицы в стае довольно молчаливы, лишь пухляки время от времени перекликаются своим «ци-ци-ге-ге», которое в пестрой компании приобретает как бы иное звучание, уже не обиженное, а в меру строгое, чтобы не разбредались по лесу, друг другу не мешали. И изредка, словно извинение за эту строгость, звучит в лесной тиши певуче-нежное «тю-тю-тю-тю...». Дудочка пухляка.

Перепелятник

Предзимье — не зима. Нет у него устойчивых холодов, да и в земле еще много тепла. Ночью лег на нее ровной пеленой снежок, а к полудню от него остались только узенькие ленточки под заборами и стенами. Запасливые вороны даже не успели спрятать в него лишние куски и, наигравшись в чистом воздухе, нежились под лучами скуповатого ноябрьского солнышка на ветках тополей и кленов. Лишь одна вопреки общей беспечности обеспокоенно мыкалась на толстой ветке старой липы в уголке небольшого сквера. Она часто всплескивала крыльями, глубоко кланялась, молча присматриваясь к чему-то ниже себя. То ли уронила что-то ценное, то ли нашла что-то интересное да взять опасалась: как бы соседки не отняли.

Но соседки и не смотрели в ее сторону, хотя вряд ji что-нибудь интересное могло ускользнуть от их взгляда. Любопытство одолело меня, а не их и неожиданно привело ко всеобщему развлечению, избавившему воронье от праздного сидения.

На обломке сука под той веткой, на которой суетилась ворона, спиной ко мне, чуть ссутулившись, стоял ястреб-перепелятник. Его-то и пыталась она вспугнуть, но делала это как-то нерешительно или неумело. Стараясь прибавить себе в росте, ерошила перо, вскидывала полуразвернутые крылья и, не раскрывая клюва, чуть слышно ворчала, как бы стращая хищника: «Вот я ужо тебе!»

А тот стоял, даже не озираясь, словно бы отдавшись давним воспоминаниям, пока не почувствовал на себе близкий взгляд человека. Он резко обернулся, и глаза наши встретились зрачок в зрачок. И не выдержал ястреб (сверху — ворона, сзади — человек); развернув крылья, он легко заскользил между деревьями сквера, вызвав за собой чуть ли не всеобщую воронью погоню. Виляя в переплетении ветвей, мешая друг другу, вороны гурьбой бросились за хищником, и тому, кто видел подобное нападение впервые, могло показаться, что от сплоховавшего хищника вот-вот полетят перья. Первая из ворон буквально висела у него на хвосте, остальные тоже не отставали. А в полете ястреба, наоборот, чувствовалась вроде бы неуверенность или усталость. Долетев до ограды сквера, он, вместо того чтобы припустить через широкий проспект, резко затормозил и опустился на ветку белой акации, словно пытаясь в отчаянии и наивности укрыться от преследовательниц среди

пучков сухих плодов и колючек. А те, рассевшись вокруг, сразу как оробели, и лишь одна опасливо тянулась клювом к ноге перепелятника, словно униженно прося: «Позвольте дотронуться».

Случай не уникальный и даже не редкий. Подобные сцены в городе, погони воронья за ястребом в небе, можно наблюдать ежедневно до самой весны, пока перепелятники бродяжничают без определенного местожительства, задерживаясь лишь по воробьиным угодьям в городах и селах, где с добычей полегче.

Постепенно воронья шайка рассосалась, и[1] ястреб, постояв еще немного, чтобы не уронить достоинства, как с горки, скользнул, теряя высоту и набирая скорость, через забитый автомобилями проспект к противоположному тротуару с пестрым потоком пешеходов. Вороны — снова вдогонку. Но перепелятник, не долетев немного до стены многоэтажного дома, стремительно и круто взмыл вверх, перелетел через крышу, оставив погоню с носом. Ни одной из ворон такой маневр оказался не под силу.

Для меня перепелятник долго оставался птицей, о которой не хотелось ни писать, ни рассказывать, ибо не видел я в его жизни и поведении ничего привлекательного. В чем его заботы? Построить гнездо, выкормить птенцов, быть самому сытым. Все. Но, чем больше сводил я знакомств с другими хищниками: орлами, канюками, коршунами, — тем сильнее менялось это убеждение в пользу маленького ястреба. Оказалось, что кроме безудержной смелости нелюдимому охотнику не чужды и простые птичьи развлечения.

Вороньи погони вряд ли можно считать местью за какие-то прежние обиды. У ворон нет прямого предлога сводить счеты с перепелятником, как с его большим собратом — тетеревятником или с филином. Но они не ошибаются, угадывая в нем близкого родственника одного из своих заклятых врагов, и это дает им повод хоть немного досадить ненавистному хищнику через его родню. И всегда воронья неприязнь направлена на самок перепелятника. Мелкие самцы то ли стараются не попадаться на глаза черно-серым, то ли те сами не принимают их всерьез из-за малого роста. Да и держатся самцы зимой где-то в других местах, и на сотни встреч с самками приходятся там же одна-две на их долю.

Когда вороны гоняются за перепелятником, кажется, что он с трудом сохраняет самообладание перед злобствующими преследовательницами, что если и не страх, то смятение и неуверенность мешают ему дать отпор хотя бы самой заядлой или, наоборот, чувство собственного достоинства не позволяет спастись бегством. Да и куда бежать, если воронье повсюду? А оказалось, что желтоглазый хищник, чуждый какой-либо трусости, о бегстве и не помышляет, что он своим поведением лишь дразнит ворон, находя в этом удовольствие или удовлетворение. Но если настроение у него не игривое, то он сам переходит в нападение, и тогда пускается наутек даже закоперщица погони. И уже ястреб гонит ее, даже чуть притормаживая, чтобы не обогнать. А остальные вороны, видя такой оборот, и не пытаются вступиться за товарку, отвлечь внимание на себя, а поскорее возвращаются туда, откуда взлетели.

Мудрый глава вороньего рода ворон никогда не разменивается на подобные отношения с перепелятником. Грач и галка вроде бы и не замечают этого хищника, сойка побаивается. Сорока в одиночку предпочитает с ним не связываться. Но стоит ястребу в открытую заявиться в сорочьих угодьях, как десятки длиннохвостых птиц устремляются за ним, устраивая что-то вроде фестивального представления.

Такой сорочий массовый танец под руковод-

На гнезде
Птенцы

ством перепелятника довелось увидеть на большом пригородном пустыре в середине сентября, Ястребы только-только начали осеннее Переселение из лесов в зимние охотничьи угодья и были редки. Один из таких пионеров, наслаждаясь полетом, кружил в нагретом воздухе над песчаной пустошью между маленькими сосновыми рощицами, в которых после полудня отдыхали завсегдатаи городской свалки, сороки. Кому-то из них и пришло в голову пугнуть чужака из своей вотчины. За самонадеянной задирой как бы нехотя из ближнего сосняка потянулись и другие. Не прошло и минуты, как за ястребом вился расширяющийся на конце пестрый шлейф из сотенной стаи сорок. Эта стая была как единое тело, и ее полет походил на воздушный танец огромной невидимки с черно-белым шарфом или на пляску воздушного змея. Сделав широкий круг, ястреб заскользил к другому сосняку, и все сороки, сколько там было, взлетели и пристроились к погоне. Перепелятник водил сорочню, как крысиный колдун крыс, то кругами, то от лесочка к лесочку, не пытаясь оторваться от преследовательниц и даже чуть замедляя полет, чтобы они, короткокрылые, не отставали очень, не растягивались. Так и вился над пустырем в безоблачном небе змей-шарф, пока самим сорокам не надоело, и ястреб вновь остался в одиночестве.

Наверное, перепелятник — одна из самых непосредственных птичьих натур. С неволей смиряется быстро, становясь почти ручным. И вместе с тем даже при самом прекрасном уходе расстается с хозяином без колебаний. Ему неведом страх перед человеком: на охоте он относится к человеку не как к помехе, а скорее как к пособнику, отвлекающему внимание жертвы на себя, Самые дерзкие нападения на добычу этот ястреб совершает в присутствии поблизости человека,

Однажды он, не испугавшись ни крика, ни

брошенной в него шапки, сцапал большого пестрого дятла в четырех шагах от меня. Лесной мастер долбил в своей кузнице сосновую шишку и на минуту прервал работу, спрятавшись за ствол. Выглядывая из-за него (скоро ли пройду мимо), он не мог видеть, как с одной из соседних сосен серой тенью слетел перепелятник. Ястреб так ловко снял со ствола зазевавшегося дятла, что тот и дернуться не успел. Но и у меня хватило сноровки не промахнуться, запустив в хищника шапкой. Дятла я не спас. На снег упала только ушанка, а ястреб, моментально выровняв полет, замелькал крыльями между стволами, унося добычу подальше от дороги. Прямо получается, что, губя ежедневно чужие жизни, он и свою ни во что не ставит.

Смелы перепелятники на городских улицах, охотясь за воробьями, которые больше следят за людьми и кошками, не ожидая нападения из засады. Хотя какие там засады, когда некоторые ястребы высматривают добычу в открытую, никуда не прячась. В прежние времена у многих перепелятников, живившихся зимой по степным селам, была повадка стоять на плетнях. И хорошо получалось: по всему плетню колья торчат, и среди них, сам как колышек, тусклый пером перепелятник. Не шевельнется, не подожмет озябшую лапу. Обманывались не только простоватые овсянки, но и самые хитрецы из воробьиных ватаг.

Каков этот ястреб в открытой погоне, судить не могу. Не видел. Но его бросок накоротке, что сверху вниз, что снизу вверх, неотразим, как выстрел из сильного лука. Он столь стремителен, что не успевает испугаться жертва, не успеваёт разглядеть подробностей зритель. На летящего вдоль опушки дрозда бросается со скоростью реактивного перехватчика, беря жертву в намеченной точке, и столь быстро возвращается обратно, что кажется, будто незадачливый дрозд исчез сам по себе, как зрительный обман.

Конечно, среди птиц, которые по росту могут стать добычей перепелятника, есть и такие, куо превосходит его скоростью. Но вот чтобы обойти его в ловкости к поворотливости, таких немного. Его не остановит густое переплетение веток, в котором попытается скрыться маленькая и увертливая птаха. В пылу охоты ястреб, не тормозя, пронизывает непролазно-колючий куст боярышника, словно рыбешка - - целый ряд крупноячеистых сетей. То ли он делает это, прижимая крылья к корпусу и проскакивая между шипов подобно пуле, то ли успевает на предельной скорости увидеть единственный лаз и точно юркнуть в него, не зацепив и веточки. Спастись, забившись в основание куста, может птица лишь с очень крепкими нервами, ибо ястреб умеет выпугивать жертву из мест, куда не дотянется когтями. Даже проволочные прутики не могут защитить от покушения перепелятника певчих любимцев птицеловов, вынесенных в клетках на свежий воздух. А какие-то самые отчаянные (или самые голодные) нападают на комнатных птиц, завидев их в окне. Жертву спасает прозрачная преграда, но через распахнутое окно ястреб может залететь и в комнату. Было такое, И экзотическая внешность и яркий наряд волнистых попугайчиков не обманывали хищника, кто перед ним.

В жизни ястребу-отцу, как и у других хищных птиц, приходится охотиться больше, чем самке, Надо кормить ее на гнезде, и, чтобы пятерошестеро птенцов были сыты и росли нормально, тоже его забота. Да и не просто наловить и принести его обязанности, но и тщательно ощипать каждую жертву. И охотится он не возле гнезда, не где придется, а летает в самые дальние уделы своих владений, оставляя ближние угодья на потом, когда корма нужно будет больше и когда начнет охотиться мать. Это ее право — ловить рядом с домом. К тому же во время насиживания она меняет наряд, а хищник в неполном оперении себя-то может прокормить еле-еле, а уж наловить добычи для других он не в состоянии. Иногда линька идет так бурно, что на гнездовом помосте столько пера, будто небольшую подушку выпотрошили.

В тех гнездах перепелятника, которые я знал, птенцы не голодали. Но ни в одно из них родители не приносили больше добычи, чем могли съесть дети. Так что желтоглазый птицелов не такой уж безрассудный истребитель пернатых, как принято считать. Меру, выходит, знает. Не замечалось, чтобы в тех урочищах, где он гнездится и охотится, было меньше птичьих песен, чем в тех местах, куда он и не заглядывает. Здесь было бы уместным сравнить его с другим птицеловом — маленьким соколом-дербником. Тот в тундре с такой старательностью облавливает скудные охотничьи угодья, что по краям гнезда, словно на прилавке, бывает уложено до десятка мелких куликов, овсянок, коньков. На две семьи хватит. И никто не называет сокола бичом мирных птиц. Так что перепелятник и вовсе не заслуживает дурной славы, что у него вся жизнь — кого-нибудь убить да сытым выспаться.

Неясыть

Тих посветлевший осенний лес, и если бы не крукал, кувыркаясь в поднебесье, домосед-ворон, не стучал на своей «кузнице» пестрый дятел, то стоял бы лес, словно заколдованный, в покорном ожидании неминуемого прихода зимы. Но это днем тихо. А едва начинает тускнеть вечерняя заря, над замершими полянами, непроходимыми ольшаниками и боровым суходолом разносится могучий звериный рев. Еще не остыл бойцовский пыл у благородных оленей, еще не устали они от ночных поединков, еще вызывают на бой достойных соперников. Заглушая сухой стук рогов, грянет оземь подгрызенная бобрами осина, шарахнется вспугнутый табунок свиней, и кто-то, нагоняя жуть, захохочет, заулюлюкает им вслед с высокого дуба. Это черноглазые лесные совы, названные именем сказочной ненасытной птицы — неясыти.

Неясыть днем

Весь короткий день просидели молча по дуплам, на ветках, прижавшись к стволу, а вечером самцы, управившись с первой охотой, начали, словно ночную поверку, свою пугающую перекличку. И то от прибрежных ветел, то из старой дубравы раздается вызывающе-ликующий полукрик-полусвист «хуху-ххуху», и такой же клич несется в ответ из осиновой чащобы и, чуть отставая, возвращается еще раз со стороны придорожного кордона. По очереди кричат совины, прислушиваясь к ответным голосам, и кажется поэтому, что носятся в ночном лесу две птицы, окликая друг друга, и никак не могут встретиться в непроглядной осенней темени. Похоже это на брачный совиный «концерт», который зазвучит в этих же местах морозными февральскими ночами, но только не слышно сейчас ответных голосов самок.

Гнездо неясыти всегда в дупле или в таком месте, которое может заменить дупло. Она выводит потомство в дощатых коробах под крышами домов лесных поселков, в домиках-гоголятниках, развешенных на деревьях или на шестах посреди озер и водохранилищ, в старых, разбитых дятлами колодах для ловли пчелиных роев. Собственно, гнезда нет, и белые круглые яйца лежат либо на мягкой, сухой трухе, либо на голых досках. Одной из птиц пары семейное дупло служит дневным убежищем и осенью и зимой. А там, где нет ни подходящих дупел, ни иных мест для гнездовья, нет и совиных семей. Но и при избытке хороших, просторных дупел неясытей будет не больше, чем позволяют размеры охотничьей территории, границы которой устанавливаются хозяином и не нарушаются им самим даже при чрезвычайных обстоятельствах, как, например, при изгнании пришельца-соперника или холостого бродячего сородича.

Взрослые неясыти настолько привязаны к своему участку, что в иные морозные и многоснежные зимы эта привязанность может привести к гибели птицы: она замерзнет от истощения, пока ее добыча благоденствует и плодится под глубоким снегом. А лучший охотничий сезон для лесных сов — осень, от начала листопада до настоящего зазимка, когда заготавливают желуди желтогорлые мыши, а рыжих полевок столько, что даже кабаны устраивают на них облавные охоты. Первые снегопады не спасают зверьков от пернатого охотника: тонкость слуха и точность локации живой добычи у неясыти поразительны. Настроенный на «волну» жертвы, совиный слух легко отсеивает все шумовые помехи (даже на городской улице сквозь лязг

трамваев, фырканье моторов и другие звуки птица мгновенно улавливает мышиный писк и точно определяет, откуда он исходит). И рыхлый снег глубиной в четверть метра для нее не помеха. Неясыть так точно «выслушивает», где копошится мышь или хрустит промерзшей травинкой полевка, что берет добычу, не видя ее, без промаха. На снегу остаются два печатных веера от широких крыльев, две ямки от ног и алая ледяная бисеринка — свидетельство, что нападение было удачным.

Но в конце зимы снег в лесу превращается в толстый-и плотный «слоеный пирог», под которым мыши и полевки недоступны совам. Впрочем, им самим почему-то не сидится в эту пору внизу, они выбираются из подснежных лабиринтов наверх. К утру легкая вечерняя пороша бывает сплошь расшита неровными стежками их следочков. И непременно найдется среди них один оборванный: не добежал, не доскакал зверек до подножия ствола, до куста или спасительной валежины — оказался в совиных когтях.

Зимой сильные самки неясыти отваживаются нападать на добычу не по своему росту, пытаясь одолеть даже зайцев. Не каждое нападение приносит удачу, но снежная «книга» не раз протокольно подробно рассказывала, чем оканчивалась для русаков и беляков встреча на светлых полянах с бесшумными тенями. Как дается победа, каким приемом одолевает крупного для нее зверя сова, можно лишь гадать, но победы эти бывают.

Летом предпочтение отдается тем же мелким грызунам, но в годы, когда из-за «неурожая» этих зверьков бедствуют другие совы и дневные охотники-мышеловы, неясыть кормится сама и выкармливает совят полноценным мясным кормом, добывая в сумерках пучеглазых, похожих на лягушек чесночниц, когда эти безобидные и беззащитные земноводные выходят из-под земли на короткую сумеречную охоту. В редкие же годы мышиных «урожаев» и чесночница, и жук, и ночная бабочка, и летучая мышь или птица лишь по случайности угодят в список совиных жертв.

Неясыть, может быть, раньше многих других лесных птиц стала зимовать, а потом и жить оседло в селениях и больших городах, охотясь там на тех, кого исстари называли мирскими

Слеток

захребетниками: крыс, мышей, воробьев, голубей, галок. Изредка в зимнюю пору горожане, видя шумливое, обеспокоенное сборище ворон на дереве или высоком здании, не могут дать иного объяснения птичьему переполоху, чем избитое: «Ворона каркает — к морозу». Дело не в погоде. Злоба черно-серых птиц направлена на сову, которая со спокойствием и уверенностью мудреца подремывает под скупыми лучами солн-

ца, усевшись на ветке или на крыше. Ни перышка не упадет с совиной головы за день, ни одна ворона не посмеет дотронуться до нее клювом. За внешним единством действий нет ни общей согласованности, ни решительности смельчаков, которые отважились бы на первый удар. Но зато каждая, накаркавшись и утолив тем чувство мести, улетает отсюда с таким видом, будто совершила подвиг. А едва закончится вечерний перелет воронья на ночевку, стряхивает сова остатки дремоты и отправляется в ночной охотничий поиск... Ликующий крик самца-совина будет принят поздним прохожим за сигнал маневрового тепловозика на заводской окраине.

Однако в своей естественной обстановке, в лесу, неясыть старается на день не садиться открыто — прячется в дупла, под обвисшие сосновые и еловые лапы, жмется к стволам. Иной раз дотошные сойки поскачут рядом и не заметят. Есть у неясыти в лесу враг во все сезоны, который ловит ее, будто она беззащитная горлица. Это ястреб-тетеревятник, от которого только одно спасение — спрятаться понадежнее, потому что умеет он высматривать даже тех, кто одет в лучшие лесные шапки-невидимки.

Чем сытнее зимовка, чем добычливее охота, тем раньше начинают нестись неясыти. Еще стреляют в мартовские ночи от мороза стволы деревьев, днем олени и лисы выбирают для отдыха солнечные места, а в глубоких дуплах совы уже греют снесенные яйца, самцы же носят им добычу, оглашая лес своими сторожевыми криками.

Пожалуй, даже среди самых сильных и дерзких пернатого мира не найти равных по смелости неясыти, защищающей своих птенцов перед человеком. Она не пугает, не отвлекает внимание на себя, а, наоборот, без предупреждения решительно бросается в нападение, даже когда птенцам ничто не грозит, когда человек, не видя их, просто проходит мимо в такой близости, которая сове кажется недопустимой. И это при свете яркого дня! Удар всегда неожидан, чувствителен, а иногда и опасен. Позднее, когда у совят вырастают крылья и они могут уже немного постоять за себя, идет на убыль родительская забота: успеть выкормить всех птенцов за короткие ночи, пока не станут охотниками сами.

Грач

Перед самым утром, немного задержав рассвет и не дав разгореться заре, густой, незримо клубящийся туман лег на землю, утопив все, что росло и стояло на ней. Мелкими бисеринками оседал он на тенетах еще бодрствовавших паучат, крупными каплями повисал на оголенных ветках... Но вот тускловато-белым кругом обозначилось вставшее солнце, и тут же, редея, сам по себе без ветра стал исчезать туман, а вместе с ним исчезала и тишина. Автоматными очередями прострекотали в сосняке сороки, загомонили у сараев воробьи, а сверху донеслись тявкающие голоса галок. Там, в чистой, словно тщательно вымытой синеве, набрав высоту, уже летели, взяв курс на юго-запад, многоверстые грачиные караваны, и в каждом, как попутчики, несколько галок. И сами собой всплывают в сознании строки: «Поздняя осень. Грачи улетели. Лес обнажился, поля опустели...»

Именно грачиным перелетом после листопада, почти в предзимье, заканчивается на Русской равнине грандиозное переселение пернатых. Может еще пролететь запоздавший гусиный косяк, встретиться у опушки стайка дроздов, но после грачей словно бы окончательно пустеет холодное осеннее небо. В этих стаях только взрослые птицы, которые еще летом расстались со своим потомством. Перед отлетом они долго по утрам наведывались в свои грачевники, и было в их поведении немного весеннего. Но днем, рассыпавшись на пустом, порыжевшем косогоре, они в своей молчаливой неподвижности напоминали отдыхающих пилигримов. К вечеру слетались на место общей ночевки, пока не настал тот день, когда неведомый нам сигнал возвестил: «Пора!»

Только год от года все короче становится осенний путь грачей. Словно стали забывать птицы те места, где зимы теплее, чем на их родине. А многие из нас, крепко памятуя, что грач — птица весенняя, встретив его зимой, принимают то за ворону в одноцветном наряде, то за главу всего черного семейства — ворона.

Да, были и остаются грачи гонцами весны. Но вот уже примерно лет сорок граница их зимовок безостановочно отодвигается в направлении весеннего перелета, на северо-восток. Немало их стало настоящими домоседами, проводящими всю зиму возле собственных гнезд. В погожие дни такие пары подолгу сидят рядом с засыпанными снегом, отяжелевшими постройками. А иногда, как было в особенно теплом декабре

1982 года, они же принимаются за ремонт и даже строительство новых гнезд, однако без того усердия, с которым работают весной.

Скорость расширения области зимовок довольно значительна: в Черноземье первых зимующих грачей как событие отметили в канун 1958 года, а через 12 лет грачей-одиночек уже видели в ночных сборищах московских ворон, Ныне же и в Саратове, и в Рязани, и в других городах Поволжья и Нечерноземья стали привычными зимними обитателями уже не сотни, а тысячи грачей, которые при изобилии корма довольно сносно переносят долгие ночи с тридцатиградусным морозом. Правда, для таких холодов они одеты немного похуже, чем вороны, и поэтому утром, покинув место ночевки, еще долго сидят на деревьях, подставляя лучам скупого солнца словно поседевшие за ночь спины: это инеем намерзло на вороненом пере птичье дыхание.

Колония

Такое изменение поведения грачей стало причиной одного перелетного парадокса — весной во многие свои поселения, расположенные северо-восточнее мест зимних скоплений, гнездящиеся птицы прилетают раньше, чем в грачевники, находящиеся южнее.

Когда в конце зимы снимается с места большая, в несколько тысяч птиц, грачиная зимовка, нестройная колонна растягивается на два, а то и три полетных часа. Почти непрерывным потоком, не сгущаясь и не прерываясь, летит такая сверхстая сначала вся в одном направлении, а по мере приближения к родным гнездовьям отворачивают от нее большие и малые отряды, прилет которых нигде не остается незамеченным. «Грачи прилетели!» Шумливое их племя чуть ли не с первого дня принимается за гнездовые дела и словно бы не узнает тех соплеменников, которые здесь зимовали, но малость замешкались с отлетом.

Как и большинство колониальных птиц, грачи необыкновенно привязаны к местам гнездовий. Они не любят больших, глухих лесов и никогда не селились в них, издавна предпочитая соседство с человеком. Десяток осокорей и кленов на маленьком кладбище, несколько ветел по берегу прудика или саврасовских берез у околицы, липовая аллея в старом парке — вот и все, что было нужно их общине. Теперь-то грачам селиться стало куда вольнее. Вдоль железных и шоссейных дорог, по полям вытянулись защитные лесные полосы, в которых прочно обосновались грачиные державы. Годятся для гнезд не только деревья. В первые послевоенные годы грачи мостили гнезда в балочных нишах на кирличных стенах сгоревших зданий. А когда железные дороги страны переходили на электрическую тягу, птицам по вкусу пришлись ажурные

металлические опоры и фермы, к которым подвешивались провода контактной сети.

У грачей настолько сильна привязанность к местам, выбранным первыми поселенцами, что они и по сей день живут там же. Разрослись города, и, чтобы птенцов прокормить, приходится нынешним обитателям городских грачевников летать туда, куда их предки и не заглядывали. Но никак не хотят эти горожане переселяться к полям поближе. Во многих гнездах первые прутики давно истлели в труху, от ежегодной достройки становятся они непомерной тяжестью для деревьев, обламывая толстые ветки. Два, три гнезда и больше могут быть построены так близко друг к другу, что кажутся снизу одной постройкой, а насиживающие в них грачихи могут дотянуться друг до друга клювами. В центре Липецка есть ясень, на ветках которого в свое время было 96 грачиных гнезд. И это, конечно, не рекорд. В степных, малолесных районах не так уж редко вперемежку с грачами поселяются цапли и сокол-балобан, а в бесхозных грачиных гнездах выводят свое потомство кобчик, пустельга, кряква. В щелях между соседними гнездами устраиваются воробьи.

Грачиная община — очень устойчивое образование, в котором многие птицы знают друг друга в лицо. Взрослое население большого грачевника на перелетах и зимовках не смешивается даже с соседними колониями. Птичьи землячества продолжают существовать в многотысячных сборищах воронья, слетающегося осенью в большие города. Они не рассеиваются даже при чрезвычайных происшествиях, при панических ночных переполохах, вызываемых либо праздничными фейерверками, либо преднамеренной стрельбой. Весной, возвращаясь на родину, колония может отправиться в путь и сама по себе, но чаще всего, когда трогается с места вся огромная зимовка, вливается в общий поток. Однако, подлетая к своим гнездовьям, она покидает попутчиков, словно случайных знакомых.

А если жить в обжитом грачевнике из-за чьих-нибудь притеснений становится невмоготу, то население колонии не разлетается кто куда в поисках нового, безопасного места, а снимается с гнездовий всем скопом. Беженцы очень редко присоединяются к другим поселениям. Они основывают собственные, ютясь иногда в таких насаждениях, в которых растут еще деревца, а не деревья. Молоденькие березки не выдерживают грачиного пресса и через несколько лет, зачахнув, в конце концов погибают. Да и старые деревья березы и сосны угнетаются грачами очень сильно. В лесных полосах Каменной степи в насаждениях, заложенных в самом начале XX века, не уцелело ни одной березы там, где много лет гнездились грачи. Дуб выстоял, а белоствольная усохла вся, до последнего дерева, не выдержав непосильного бремени — от ежегодного обламывания множества веточек на постройку десятков новых и ремонт старых гнезд.

Грач исстари заслужил доброе к себе отношение. Весенний и осенний спутник пахаря, он спасает немалую долю урожая, уничтожая четвероногих и шестиногих врагов полей. У одного из грачей, летевших с кормом к птенцам, под языком было набито полсотни клопов-черепашек и еще несколько жуков и бабочек. У другого во рту был комок из двухсот гусениц совки. Не упустит грач случая схватить мышь, хомячка, полевку. Весной 1956 года в Каменной степи грачи тамошних колоний вылавливали до десяти тысяч серых полевок за день. Когда в дубравах начинает злодействовать дубовая листовертка, оголяя только что распустившиеся дубы, грачи прямо по-синичьи собирают гусениц с веток,

Зимой едят что попало. Понемногу подворовывают у запасливых ворон, подсматривая, куда те прячут про запас лишние куски. Понемногу начинают и сами припрятывать то, что не могут съесть на месте или унести с собой. Только делают это не просто неумело, а абы как, иногда засовывая все куски в одно место рядом с тем, где нашли их. А потом ссорятся друг с другом, потому что каждый считает себя единственным хозяином спрятанного.

Но есть в репутации этой птицы и темные пятна. Жалуются на нее бахчеводы Приазовья и Нижнего Поволжья. Если в радиусе действия колонии посеяна кукуруза, с появлением ее всходов грачи, словно солдаты на учении, неторопливо шагая вдоль рядков, вытаскивают из почвы мягкие проросшие зерна, собирая с некоторых участков до трети посеянного. Протравливание зерна неприятными на вкус веществами не останавливает грачей. Набрав в рот сколько уместится, летят они к воде и там полощут добычу, прежде чем нести ее к гнезду. Кое-где, узнав вкус рыбешки, собирая на заплеске погибшую мелочь, приноровились ловить живого малька на лету прямо из воды. Возле грачевников не поют полевые жаворонки, не могут эти поднебесные певцы отстоять свои гнезда от грачей. Разорению подвергаются гнезда фазанов, куропаток, перепелов и других гнездящихся на земле птиц, Несдобровать и новорожденному зайчонку, если его найдет грач. А когда колония обоснуется возле жилого дома, ее шум выводит из себя даже самых терпеливых людей.

Малый пестрый дятел

После нудных обложных дождей наступили сырые, туманные дни затяжного предзимья. Большие капли повисли на кончиках оголенных дубовых ветвей, помельче — на каждой хвоинке отяжелевших от влаги сосен, ажурные плетения молодых паучков тускловато мерцают водяным бисером. Толстый слой почерневших листьев делает беззвучными шаги тяжелого лося. Тишину нарушает лишь редкое чмоканье срывающихся с деревьев капель да тоненький писк ранних зимовщиков-корольков, к которому примешивается частый глуховатый стук. У подножия полусгнившего обломка ствола, из которого раздается это тюканье, белеет россыпь кремоватых щепочек. Из аккуратного, круглого отверстия не шире пятикопеечной монеты время от времени выглядывает головка малого пестрого дятла. Оглядевшись, дятелок торопливо выбрасывает из дупла щепотки мелких щепочек, а потом начинает стучать снова, готовя себе зимнее жилье.

Ростом этот житель лиственных и смешанных лесов с воробья. В его наряде, как и всего рода пестрых дятлов, три цвета: черный, белый и красный, но красного ему дано меньше, чем другим. У самца лишь на голове атласная шапочка в копейку, у самки же черно-белое платье без единого красного перышка. На спине столько белого, что выглядит дятелок, как миниатюрный двойник белоспинного дятла. Да и в повадках у него немало сходства с этим крупным лесным санитаром. Даже весеннюю дробь самец выбивает похоже, но звучит она, конечно, послабее и не так раскатисто.

Как и белоспинный, он никогда не долбит дупел в живых стволах. Ему не под силу пробить еще не тронутую тленом заболонь дерева. И только источенная грибами гнилушка годится для устройства гнездового или зимовального дупла. В девяти случаях из десяти это даже не дерево, а высокий пень, оставшийся после случайного порыва ветра, отломившего безжизненную крону вместе с половиной ствола. При строительстве семейного дупла основная работа выпадает на долю самца. В конце зимы он занимает участок, отстаивает его от посягательств сородичей, выбирает место для дупла и приступает к строительству.

Ни перьев, ни звериной шерсти, ни растительной ветоши в готовом дупле не бывает. После вылета птенцов в нем так же чисто, как и в день откладки первого яйца, и оно в тот же сезон может стать домом новым хозяевам: пара горихвосток сделает в нем гнездо для второго выводка. На следующую весну претендентов на добротное гнездовье будет больше: синица-лазоревка, поползень, мухоловка-пеструшка... Не так оно тесно внутри, коль может в нем вырастить двенадцать своих птенцов вертишейка. Его дуплом, как подходящей заготовкой, нередко пользуется и средний пестрый дятел, хотя он вдвое крупнее малого. Он лишь раздалбливает вход по своему росту и немного расширяет дом внутри. А кроме птиц летними постояльцами дупел малого дятла бывают сони.

Забота о птенцах, пока они в дупле, поддержание чистоты в нем тоже в основном на самце. Самка же, чем старше становятся ее дети, словно остывает к ним и носит корм намного реже, чем отец, а иногда исчезает на весь день, не показываясь поблизости ни разу. Досиживая в дупле последние перед вылетом дни, дятлята, прежде

сидевшие в своей темноватой детской молча, начинают по очереди высовываться из дупла и негромко стрекотать, словно торопя родителей, чтобы накормили поскорее. Однако в их голосах слышится скорее недовольство чем-то, нежели просьба или нетерпение голодного. И действительно, прежде чем мать или отец прилетят с щепоткой гусениц в клюве, дятленку достанется несколько тычков и щипков от сестер и братьев, которым тоже хочется попасть на кормное место. И, чем больше выводок (а птенцов бывает от 4 до 9), тем реже каждый из птенцов получает корм, тем чаще клюют его снизу. В маленьких семьях мира больше, но и то лишь в хорошую, добычливую погоду, а в затяжной дождь ссоры неминуемы и там.

Этот дятел — одна из немногих птиц, чьи птенцы уже в первом пере различимы, кто самка, кто самец. Вот выглянул из дупла взъерошенный и такой чумазый дятленок, что кажется, будто его щеки старательно натерли коричневой дубовой трухой. Проглотив свою порцию, самочка с неохотой опускается внутрь, а в отверстии показывается чистенькая белощекая головка в красноватой шапочке. Этот настолько похож на своего отца, что в первый момент можно подумать, будто это сам взрослый дятел, уставший и отчаявшийся накормить ненасытных детей, залез к ним в дупло и выпрашивает хотя бы какую-нибудь козявку у прилетевшей с кормом самки. Лишь красные перышки на темени птенца без атласного блеска да белые бока с легким коричневатым оттенком, будто испачканные о чумазых сестер, выдают его возраст.

Семьи малых дятлов распадаются гораздо быстрее, чем у других пестрых дятлов, — вскоре после вылета выводка из дупла. Не нуждающиеся в обучении и опеке дятлята разлетаются по лесу и начинают кочевать, появляясь в садах, молодых лесополосах, на городских улицах, вызывая беспокойство, а то и открытую неприязнь воробьев и нигде не останавливаясь надолго. Кочевки прекращаются к осени, когда каждая птица занимает участок, на котором живет до весны. Во многих местах гнездового ареала на зиму остаются в основном самки.

К зиме дятелок становится доверчивее к человеку, и после листопада весь рабочий день птицы можно проследить с первой минуты до последней. Занятый работой, дятелок позволяет смотреть на себя с расстояния в полтора-два метра. Его не приходилось видеть на зимних птичьих кормушках, будто игнорирует он любое даровое угощение, добывая корм только своим трудом. Его «сфера промысла» — тонкие, чаще не толще пальца, веточки.

Способы зимнего поиска у этих птиц разнообразны: то действуют по-синичьи, приглядываясь к каждой подозрительной трещинке и прощупывая ее языком, то простукивают такие места несколькими быстрыми ударами, определяя, где прячется под корой личинка или куколка. Третий способ, пожалуй, самый надежный: медленно сползая хвостом вперед к основанию веточки, дятелок выстукивает по ней такую частую дробь, что различить отдельные удары еще можно, но сосчитать их нельзя. Усердие и тщательность таковы, что через три-четыре минуты на метровой веточке не останется ни одного невскрытого хода жучиной личинки, ни одной колыбельки, в которых зимуют куколки короедов и заболонников. Маленькую добычу проглатывает быстро, а вытащив замороженную толстую личинку усача, упирает ее одним концом в ветку и буквально вдавливает в свой маленький рот. Летом малый дятел тоже постучать любит, но для птенцов ловит только открыто живущих насекомых: время не позволяет разыскивать тех, кто сидит под корой, даже самой тонкой.

Дятел за работой
Следы работы

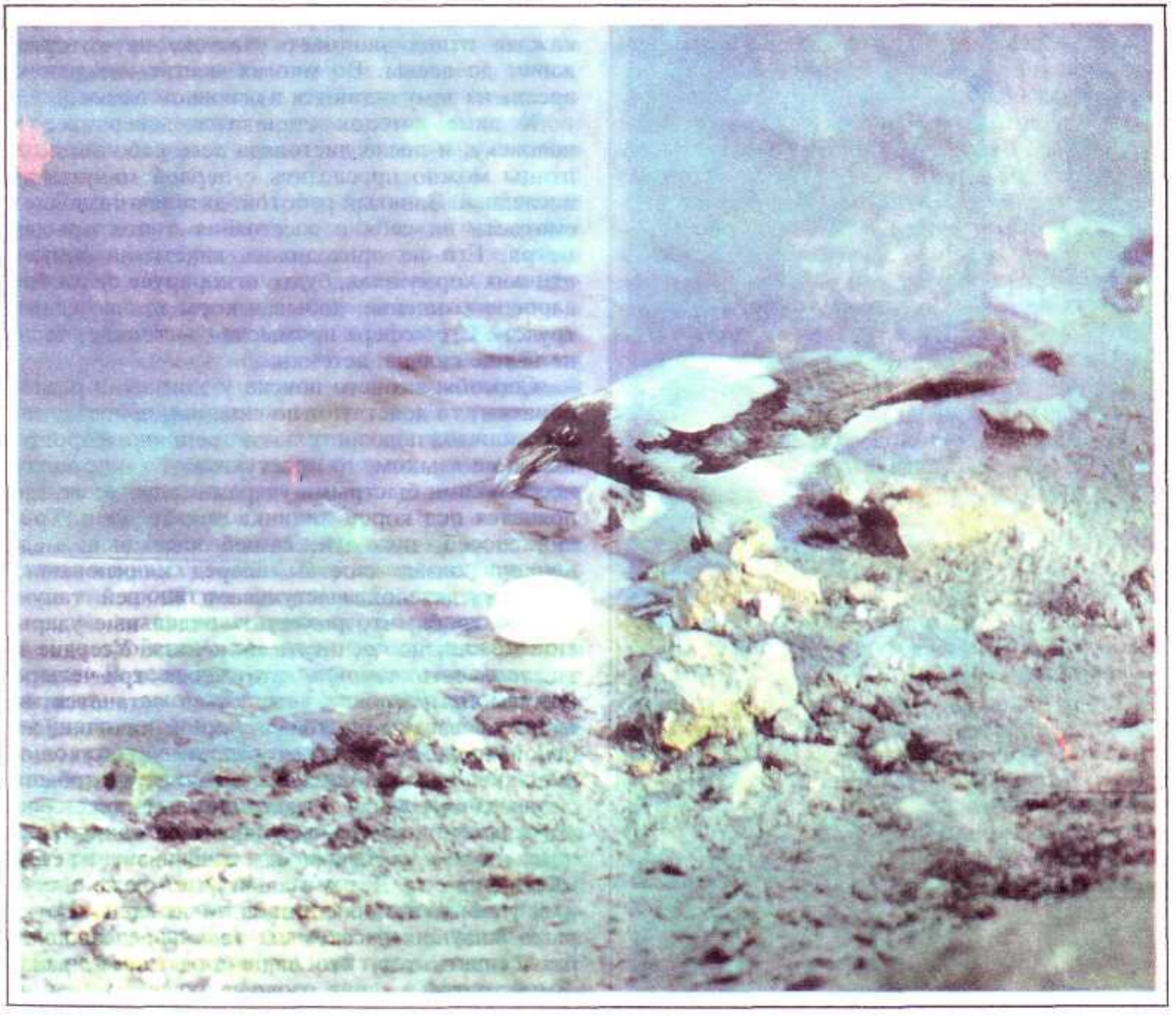
Серая ворона

Не так уж редки такие годы, когда в середине ноября можно еще и за грибами сходить, и скромненький букетик поздних цветов собрать на лугу или пустыре. По погоде может стоять теплая осень, но по свету это уже зима. Еще на час убавится день, и наступит суровая полночь года, холодная и голодная для зверя и птицы пора. И далеко не каждому дано ее пережить: зима сумеет взять дань даже с самых сильных. Но те обитатели дикой природы, кто посмекалистее, издавна становятся на эту пору соседями человека. И наверное, одной из первых оценила выгоду такого соседства серая ворона — птица смелая, сообразительная, осторожная и на редкость жизнеспособная. Еще до наступления холодов приходит в движение масса ворон, которые, словно настоящие перелетные птицы, в определенные сроки тысячами слетаются в большие и малые города — на места своих постоянных зимовок. Еще достаточно корма для всех и на полях, и в речных долинах, а они уже здесь и шумным карканьем даже в теплый, приветливый день возвещают о неотвратимости наступления зимы.

Почти вся зимняя жизнь вороны на виду, но в ней еще много непонятного.

Чуть ли не в любую погоду находится у ворон свободное от поисков корма время для развлечений в одиночку или общих игр.

Птичий завтрак — дело быстрое: кто сыт запасами прошлых дней, кто разжился большим куском и прячет остатки его либо в снег, либо под язык. К полудню уже сидят в полудреме на



деревьях, крышах, заборах и просто на снегу, но вскоре какая-то неясная настороженность овладевает воронами: все молчат, но смотрят в одну сторону, где вот-вот что-то случится. И действительно, вдруг по какому-то сигналу вороны поднимаются в воздух и, торопливо набрав метров сто высоты, летят беспорядочной стаей, но все в одну сторону. С ними изредка увязываются несколько галок, один-два грача.

Обратившие внимание на птичий переполох обычно предполагают немногое. Кто-то подумаеТ; что это смятение вызвано приближающейся метелью или иной переменой погоды, что подалось, наконец, воронье в свои родные леса, что просто напуганы птицы пролетевшим самолетом. Но, пролетев метров триста—четыреста, вороны, словно спохватившись, поворачивают назад и в каком-то радостном возбуждении парами и в одиночку стремительно бросаются к покинутым местам. Издавая негромкое рокочущее карканье, с выкрутасами и погоней друг за другом падают они вниз, снова рассаживаются по деревьям, крышам и антеннам и снова все молчат, а потом начинают заниматься своими вороньими делами, словно и не было никаких поводов для недавнего беспокойства.

Серая разбойница
На отдыхе

Более сорока лет присматриваюсь я к жизни и поведению ворон, сотни раз видел такие полеты с осени до весны, но так и не обнаружил никакой связи их с погодой ни в ближайшие часы, ни в последующие сутки. Да и случается такой «переполох» в вороньем мире и среди ясного дня, и под низкими тучами, и в оттепель, и в крепкий мороз. Это не что иное, как самая массовая и распространенная игра, в которой одновременно участвуют тысячи птиц и десятки «команд».

Весной залюбуешься воздушными играми пары сизоворонок или змееядов, когда птицы крыло в крыло взмывают за облака и падают оттуда, едва различимые из-за скорости. Но скорее это не игры, а танцы в полете. Танцуют на воде чомги и малые чайки, на земле — журавли, в воздухе — хищные птицы. Так что игры вовсе не воронья привилегия. Но если все другие местные птицы исполняют их как особый брачный ритуал перед началом гнездования, то вороны — всю зиму, будто желая хоть как-то скоротать скучное время вынужденного пребывания в городе. Зимой ворона просто-напросто не терпит одиночества, но и среди тысячной стаи редко обнаружишь пару, в очень сдержанной форме проявляющую супружескую привязанность, которая может выражаться в неназойливом сопровождении партнера, в защите его от некоторых посягательств со стороны своих же, в простых птичьих ласках, ничем, однако, не напоминающих игру. Я не знаю других птиц, кроме журавлей, вороны и ее недалекого сородича ворона, охочих до игр, не связанных хотя бы както с взаимным ухаживанием. И кажется, ворона занимает верхнюю ступеньку: ни у кого не бывает большего разнообразия в развлечениях, чем у нее. Каждый февральский день на четыре минуты длиннее вчерашнего, и на столько же раздвигаются границы птичьего времени, которое у ворон уходит не только на поиски корма, перепрятывание лишних кусков, купание в отсыревшем снегу, чистку пера, отдых и обругивание кошек на крышах, но и на разные игры, смысл которых не всегда поддается сколько-нибудь убедительному толкованию.

При несильном ветре вороны чаще всего развлекаются в парном полете, который удобнее на этот раз назвать танцем, а не игрой. Он исполняется над высокими зданиями, береговыми обрывами, карьерами и плотными лесными полосами, от которых отражаются невидимые вихри. Легко, свободно и смело, с явным наслаждением парят и кувыркаются в этих вихрях чернокры-

лые птицы, то повисая на гребне воздушной волны, то окунаясь в соколином броске в набегающий поток, чтобы через миг без единого взмаха крыльями подняться на ту же высоту. Это именно парные танцы, но пары в них не семейные, хотя движения обеих птиц отличаются согласованностью. Никогда ворона не будет в одиночку исполнять то, что делает в паре. Появление первой же птицы над куполом старой церкви служит приглашением к танцу, и летят к ней соседи с окрестных крыш и дворов, сменяя друг друга. Иные отдаются этой забаве, даже не долетев до места первой кормежки, другие не унимаются до самой полуночи. Но это, наверное, уже дело возраста. Не раз доводилось видеть такое при свете прожекторов над башнями Кремля, куполами Василия Блаженного, надстройками Исторического музея.

В такие же ветреные дни устраиваются настоящие состязания на точность посадки. В них принимают участие обязательно несколько птиц. (Во всяком случае не меньше двух, иначе это уже не будет состязанием.) Вороны одна за другой, соблюдая какую-то очередность, нацеливаются на кончик антенны или громоотвода, планируя на него навстречу ветру. Чем сильнее ветер, тем труднее црисесть на кончик шпиля. Кому это удается, тот не задерживается на месте больше двух-трех секунд, уступая место следующему. Если очередной промахнулся, он повторяет попытку после остальных. Игра продолжается часами, несколько раз сменяются ее участники, и никакой толкотни, ни самой пустяковой ссоры, ни одного нарушения правил. И только если одна задержится на шпиле дольше положенного, ее спугивают без применения настоящих угроз.

Довольно распространена игра, для которой само собой напрашивается конфетное название «Ну-ка, отними!». Выглядит она, как нападение и погоня одной или нескольких птиц за обладательницей куска, рыбьей головы или косточки. Она сама вызывает на это одну-двух соседок, за которыми увязываются и остальные, бывшие поблизости. Не выпуская куска из клюва, уворачиваясь и меняя направления, удирает от погони ворона, а за ней молча, тесной группой, повторяя все ее маневры, неотступно летят преследовательницы. Если бы заводила действительно хотела спасти свою добычу, она припустила бы с ней подальше, и никто бы за ней не погнался, Многие вороны вечерами летят в общих стаях на ночевку, держа в клюве то, что не успели съесть на месте, и никто из летящих рядом не пытается отнять или заставить бросить.

Кончается игра-погоня чаще всего тем, что закоперщица роняет кусок, за которым пикирует самая первая из погони и ловит его иногда на лету, а став сама обладательницей предмета игры, прячет его в снег или сама вызывает новую погоню. Но бывает и так, что преследовательницы быстро теряют интерес к игре и отстают одна за другой, а та, которая все начинала, усаживается на столб или крышу и оглядывается прямо-таки с вызывающе-победным видом: ну, мол, чья взяла? И в этой игре никогда не допускается не только ударов, но даже угрожающих движений.

Старинную игру с собакой, ставшую большой редкостью в наши дни, можно увидеть только на городской окраине. В ней три участника: пес и две вороны. Одна должна дергать собаку за хвост, другая — не упустить момент и схватить кость. Остальные птицы, сколько бы их ни было, просто зрители. Вороны затевают игру, когда собака лежит, зажав кость в передних лапах. У птиц тонкий и точный расчет: из такого положения четвероногий партнер не может мгновенно вскочить и броситься на стоящую против него ворону, которая это прекрасно знает и держится очень смело и самоуверенно. Кость как добыча не нужна никому, на ней нет ни кусочка мяса, и внутри она пустая. Риск для ворон небольшой еще и потому, что они ведут игру не с любой собакой, а с хорошо знакомой бродячей умной дворняжкой, которая понимает, чего от нее хотят. Она даже не оборачивается на ту, которая дергает за хвост, хотя птица старается изо всех сил. Если бы собака захотела по-настоящему припугнуть ворону, она прежде взяла бы кость в зубы. Игра ее забавляет, и ни она, ни вороны всерьез друг друга не боятся, и относятся зверь и птицы друг к другу совершенно беззлобно, как и полагается в игре. С таким псом воронье безбоязненно роется в одной мусорной куче, но если на пустыре появляется черно-пегий спаниель, все усаживаются повыше и ни за что не спустятся, чем бы их ни соблазняли, пока не убежит домой короткохвостая и длинноухая собака, для которой высшее удовольствие — поймать птицу.

В этой игре совершается действие ради достижения определенной цели, хотя вовсе не голод побуждает птиц разыгрывать нападение. У каждой из них есть запас в снегу на том пустыре, и часть его обязательно станет добычей той же дворняжки, но птицы даже не сделают попытки, чтобы защитить его. «Зрители» постигают приемы этой игры, но вряд ли кому они пригодятся в природной обстановке: затеять подобное с диким хищником можно, только рискуя собственной головой. Правда, орлов иной раз дергают за перья, требуя поторапливаться и освобождать им место на туше крупного зверя, погибшего от стихии или пули.

Некоторым воронам явно не хватает короткого зимнего дня для всех развлечений. Пожилые, бывалые птицы быстро засыпают с наступлением темноты и даже к фейерверку праздничного салюта относятся безразлично. Такие и

садятся вместе, чтобы выспаться, не мешая друг другу. А на других деревьях обязательно найдется кто-то из молодняка, который будет и среди спящих искать себе компанию. Осторожно, бочком подбирается ворона к спящей соседке и тянет ее за перья крыла. Но разбуженная, вместо того чтобы принять приглашение, обиженно кричит и перелетает на другую ветку. Со стороны это выглядит довольно безобидным озорством и совсем не похоже на те скандальные сцены, которые устраивают на общей ночевке домовые воробьи, нападающие на соседей с явной озлобленностью. Галок и грачей, сидящих рядом, такие вороны-озорницы не трогают, хотя ничем и не рискуют.

Когда у ворон хорошее настроение, они охотно заигрывают и с другими птицами, даже довольно далекими в родственном отношении, Как-то по раннему перволедью на зеркальный лед опустилась отдохнуть стая озерных чаек, среди которых вскоре очутилась и ворона. Она расхаживала, чуть скользя по льду, но с эдаким заносчивым видом, приставая то к одной, то к другой чайке, пока не нашла такую, которая была сама не прочь затеять игру. Ворона подбиралась к ней то с одного, то с другого бока, осторожно тянулась клювом к лапам, словно стараясь ухватить за палец. Чайка, не сходя с места, отвечала тем же. Но вскоре ей наскучило это занятие, а ворона, не находя больше взаимности, улетела и стала гоняться за реющей в воздухе чайкой точно так же, как гоняется за ястребом, сарычем или коршуном.

Есть у ворон еще несколько игр, в которых они участвуют парами, группами, в одиночку, но ни одна из них не заимствована у других птиц, а придумана ими самими. Это ли не свидетельство вороньей незаурядности! Постоянное любопытство (и не только у специалистов-орнитологов) вызывают зимние ночевки воронья, на которые собираются также тысячи грачей и галок. Это не беспорядочные сборища, они проходят по строгому регламенту.

Незадолго до захода солнца на больших пустырях, на речном льду, на других открытых местах начинают собираться сначала самые сытые. Летят в одиночку и парами, к ним подлетают те, которые живились на дальних окраинах, последними, почти в темноте, появляются кормившиеся по окрестным селам и фермам и те, которые охотились в мышиных местах. Густеют на снегу огромные черные пятна, куда опускаются все новые и новые птицы. К ним ниоткуда и никому ни подойти, ни подползти незамеченным. Ни криков, ни ссор там. В какой-то миг прекращается всякое движение, и все сидят в молчаливом ожидании некоего сигнала. Быстро гаснут короткие зимние сумерки, уже невозможно, обладая даже острым зрением, различить буквы газетного текста, вдруг разом поднимается в воздух вся масса птиц и, словно едва просвечивающая завеса, застилает вечерние огни. Живая черная река течет по темному небу куда-нибудь в сквер или парк, на старое кладбище или пригородную рощу, и далеко слышен шум крыльев этой сверхстаи,

Каждая птица быстро находит себе место на ветке, и оголенные кроны дубов, тополей и кленов обрастают огромными черными шапками, Изредка слышны голоса с недовольными интонациями: значит, не поделили какой-то удобный сучок. Но покой наступает довольно быстро, и каждая сидит на ветке так, чтобы в случае тревоги, не мешая друг другу, могли взлететь все разом. Ночевки на деревьях обычны, хотя в центре Москвы несколько сот ворон каждый вечер устраиваются на карнизах, в маленьких нишах на верхних этажах старинных зданий, на заваленных снегом крышах: как ни тепло одеты эти птицы, лишняя защита от холодного ветра не помешает.

Утром, еще до того как забрезжит рассвет, птицы в несколько минут покинут место ночевки и разлетятся по окрестным улицам, рассядутся по высоким деревьям, словно намереваясь подремать оставшееся до восхода солнца время. Где провели ночь, о том никто не должен ни знать, ни догадываться. И ни одна ворона засветло не появится в «спальном корпусе». Однако место это одно и то же на каждую ночь и каждую зиму, Привязанность к постоянным местам ночевки столь велика, что даже стрельбой не сразу удается отвадить птиц с участка, где их пребывание стало нежелательным. В таких ночных сообществах равноправными участниками бывают галки и грачи, которые обычно ведут себя как вздумается, не скрывая мест постоянных или временных ночевок. Однако тут они подчиняются строгой дисциплине, заведенной воронами, и разлетаются вместе с ними,

Зимний день для большинства ворон начинается с поиска корма, хотя многие избавляют себя от этих забот тем, что делают небольшие запасы. Сытая ворона не оставит без внимания лишний кусок, а спрячет его под край шиферной кровли, в снег, а если нет снега, то под опавшие листья. Чтобы кусок не торчал на виду, прикроет его льдинками, кусочками смерзшегося снега, чем-то еще. Место, где лежит запас (всегда одна порция), птица запоминает столь крепко, что после хорошей ночной пороши, скрывшей все следы, уверенно идет к засыпанному снегом тайнику и обычно с первого раза достает припрятанное, не дожидаясь, пока можно будет поживиться в мусорном контейнере или ящике. Ошибок не бывает: если не нашла, значит, украли собаки или кто-то из своих подсмотрел.

Ворона почти всеядна, но в любой сезон предпочитает живую добычу, которую только смо-

жет одолеть. А одолеть ворона может не только беззащитную полевку, но и месячного зайчонка, взрослую курицу, голубя, смело нападет на того, кто сильнее ее, но терпит бедствие и не может дать отпор. Там, где нет вороны, даже чомги устраивают гнезда на открытой воде, но где вороне живется вольно, там ни густые камышовые крепи, ни листва не скроют от нее гнездо утки, лысухи или иной мирной птицы. И все, вместе взятые, браконьеры не наносят того ущерба поголовью пернатой дичи, как воронье племя. Если ворона нашла гнездо, в нем не останется ни яиц, ни птенцов. И очень часто невольным, но прямым сообщником вороны становится человек, спугивающий наседок с гнезд.

Когда распускается береза, вороны в сумерках ловят на лету тяжелых майских хрущей. Летом, когда перегревается вода степных озер и прудов и рыбья мелочь поднимается к поверхности, вороны довольно ловко выхватывают из воды полусонных мальков. В мышиные зимы целые вороньи отряды на весь день улетают из города ловить зверьков на полях. Но здесь даже при обилии добычи они никогда не делают запасов: просто выедают у жертвы самые лакомые места и оставляют остальное на снегу.

Ее карканье неприятно на слух, хотя и нет в нем никаких зловещих нот. А свои способности к пересмешничеству птица тратит на воспроизводство весьма немелодичных звуков. Способности же эти таковы, что ворона с первого прослушивания может столь безукоризненно повторить, например, барабанную дробь дятла, что приведет в замешательство самого барабанщика. В повседневном вороньем языке сигналов немного, но, видимо, достаточно для общения в семье и стае. В спокойной обстановке вороны довольно молчаливы, особенно зимой. Их карканье не предвещает ни перемены погоды, ни иных событий, и если они поднимают крик, то скорее всего их взбудоражило что-то необычное. Выйдет на крышу кот, и все вороны из ближайших дворов слетятся покричать по поводу вторжения его в пространство, которое считают своим. Упала раненая соплеменница, лежит на снегу мертвая — тоже покричат немного. Обнаружат созу на отдыхе, и раздраженное карканье не прекращается часами, пока, наверное, не накричится вдоволь каждая.

В природе воронья сообразительность не уступает волчьей, а возможно, и превосходит ее. Опыт поколений передается молодняку сначала в семье, а потом в стае. Можно перехитрить одну или несколько ворон, но одержать верх над всем племенем, пожалуй, невозможно, потому что уроки личных ошибок быстро становятся общим достоянием. Никто из диких животных не использовал с такой выгодой для себя нашу деятельность по охране природы, как ворона, хотя сама лишена всяких прав на эту охрану,

Жилые кварталы на землях бывшего ближнего Подмосковья несколько лет оставались по-деревенски тихими, густо зарастая кленами, березами, тополями и ясенями. Потом постепенно защебетали, засвистели в густой зелени лесные певцы. Прошло еще несколько лет, и приятные голоса желанных новоселов задавило хриплое карканье горластых ворон. Никто из зоологов и не предполагал, что, загнездившись кое-где в столице, первые пары черно-серых стали не редкостным и временным исключением, а настоящими колонистами, открывшими соплеменникам новую землю обетованную. Эти новоселы не были потомками тех птиц, которые в страхе покидали районы новостроек, навсегда расставаясь с родными перелесками. Создалась особая, городская общность птиц, живущих в своих районах безвылетно. Изменилось их поведение. Ни зимой, ни летом вороны-москвички не улетают вечерами на общие ночевки, а остаются там, где живятся днем. Они словно бы перестали знаться с лесными соплеменницами. У них и сутки проходят иначе: часто без всякой видимой причины поднимают среди ночи громкую перекличку, когда люди спят и спят «дикие» вороны, И жизненного пространства им требуется гораздо меньше, чем семьям, живущим в природе: соседи без ссор гнездятся буквально на соседних деревьях что в Черемушках, что в Сокольниках.

Переселившись на постоянное жительство в большие города, выводя и воспитывая потомство, ворона не просто расширила свое жизненное пространство и возможности, но и вышла из-под действенного контроля за ее численностью, которая продолжает нарастать год от года. А контроль такой не просто нужен, он совершенно необходим всюду, где живет эта птица.

Канюк

Под слабым утренним ветерком шелестит сухим листом подмороженная кукуруза: в одну ночь блеклыми и бесцветными стали ее заросли после раннего заморозка. По краю поля, где кукуруза уже скошена, выщипывая уцелевшую траву, медленно бредет небольшое стадо. Между коровами снуют десятки касаток, подхватывая на бреющем полете озябших мух, которых вспугивают коровы. За чуть запестревшей березовой полосой, как два огромных корабля, высятся две скирды пшеничной соломы. На гребне одной с осанкой гордеца стоит темная птица ростом покрупнее вороны. Перо коричневое, а на груди будто светлая манишка, густо заляпанная крупными пятнами. Солнце золотит березовые макушки и верх скирды, слепя глаза, но птица не отворачивается от светила, словно внимательно разглядывая его диск.

Заметив на обочине какое-то движение, птица планирует туда на широких крыльях и быстро поднимается в воздух, держа в когтях короткохвостую полевку. Тут же за ней увязываются две трясогузки и, проводив до ближайшего столба, усаживаются неподалеку на проводах, покачивая хвостиками, словно обсуждая увиденное происшествие. А птица быстро управляется с добычей, не обращая внимания на маленьких соседок, и словно бы задумывается: а что делать дальше?

А солнце меж тем, согнав с земли ночную прохладу, согревает сначала косогорчики, а потом и ровные места. У горизонта начинает подрагивать слабенькое марево, и вот тогда большая птица взлетает снова, взмах за взмахом набирая высоту. Но на этот раз ее замечает ворона и несется вдогонку: такая уж у ворон ненависть ко всем хищным птицам — и большим и маленьким. Однако с местью у вороны не получается: птица, поймав крыльями ток нагретого воздуха, перестает махать ими и *в* несколько широких витков поднимается на такую высоту, которая, наверное, пугает ворону. Так начался последний день пребывания на родине самой обычной от Испании до Сахалина и Японии хищной птицы — канюка, или сарыча.

Поднявшись на полукилометровую высоту, канюк выходит из последнего виража и на распростертых крыльях направляет свой полет в сторону полуденного солнца. Провожая его взглядом, замечаешь, что на той же высоте и тем же курсом, словно по широкой дороге, там и сям летят другие канюки. Может быть, все здешние, может, просто попутчики из разных лесов Русской равнины. Их привычной добычи на земле еще достаточно, однако задерживаться ради легкой охоты уже немного рискованно: придется тратить на полет силы. А пока солнце греет днем чуть ли не по-летнему, воздух сам донесет их куда надо.

Искусство планирующего и парящего полета у канюка выше, чем у многих птиц его клана. Давно перестало быть загадкой величественное парение крупных хищников в могучих токах нагретого у земли воздуха. На гребне отраженной воздушной волны в ветреный день даже ворона может лететь, не взмахивая крыльями, вдоль плотной стены леса или над береговым обрывом. Используя лишь ветер, носятся над штормовым океаном буревестники и альбатросы, не поднимаясь на большую высоту и все больше удаляясь в ту сторону, куда бегут волны. Канюк же может подняться до заоблачной выси и лететь навстречу свежему и даже сильному ветру, когда воздух над равниной так же холоден, как и земля, и нет никаких восходящих токов и струй, не тратя на этот полет видимых усилий.

Птицы за много тысячелетий до авиаконструкторов открыли преимущества изменения площади крыла в скользящем и планирующем полете. Канюк — один из этих асов.

Даже угадав намерение сарыча лететь против сильного ветра, видя упорство, с которым птица начинает полет, сомневаешься в успехе попытки. Явно тяжелы и напряженны частые взмахи широких и длинных крыльев, будто тщится птица только удержаться в воздухе, чтобы не завалиться в вихрях набок, не опрокинуться на спину. Понемногу канюк набирает высоту, но с каждым отчаянным взмахом его сносит назад, дальше от намеченной цели.

Но в какой-то момент хищник круто поворачивает под ветер, как бы отказываясь от своей затеи и сдаваясь стихии, и несется в обратную сторону, чуть снижаясь и опережая ветер. А затем так же неожиданно следует новый разворот на сто восемьдесят градусов, и птица в набегающем потоке круто взмывает вверх на развернутых крыльях, на мгновение останавливается в верхней точке подъема и снова стремительно скользит назад, а разогнавшись, делает новую «горку». На скольжении она складывает две скорости — собственную и ветра, а повернув, превращает его энергию в подъемную силу крыльев. После десятка таких маневров хищник с метровым размахом крыльев кажется снизу не крупнее дрозда.

Там, по-соколиному подтянув крылья к корпусу, уменьшив их площадь втрое или вчетверо и уменьшив лобовое сопротивление, канюк, как с горки, стремительно несется к цели. Силы собственной тяжести вполне достаточно, чтобы преодолеть ветер. Потеряв запас высоты, он так

же просто и легко повторяет подъем, уходя иногда за пределы видимости, теряясь среди белых громад облаков. Стартуя с высокого дерева или столба, канюк может вообще одолеть весь путь без единого взмаха.

Один из тех, кто дивно парит в поднебесье, сарыч уверенно чувствует себя и в лесу, легко, почти по-ястребиному летая между стволами и без вмешательства выбирая нужную дорогу. В охотничьем полете иногда останавливается в воздухе, часто и мелко взмахивая крыльями, как бы вибрируя ими. Так останавливаются в воздухе пустельга и змееяд, выбирая удобный для броска на добычу момент. А раз в году сарычи, не скрывая своего восторга, отдаются подоблачным играм, выбирая для них самые погожие дни. Эти игры и просты, и красивы. В них птичья пара забывает о своей степенности, то кружа вместе на огромной высоте, то пикируя оттуда крыло в крыло, да еще с какими-нибудь вывертами.

Сарыч и все другие канюки известны как заядлые мышеловы. От «урожая» мелких грызунов прежде всего зависит благополучие их потомства, да и собственное тоже. Весной не опаздывают они к речным разливам, когда половодье выживает из нор всех обитателей поймы, бедствующих водяных полевок в это время хоть руками лови, и сытые канюки сидят на прибрежных ольхах и ветлах, словно забыв, зачем прилетели.

Почти вся добыча этой птицы бегает, скачет и ползает по земле: мыши, полевки, суслики, ящерицы, лягушки, жуки, кобылки, птенцы тех птиц, которые гнездятся на земле. Но бывает, что хищник таскает птенцов из гнезд соек, сорок, ушастых сов, горлиц. Мясной корм нужен главным образом для того, чтобы вырастить здоровое потомство, а когда заботы о птенцах отходят, можно жить и совсем безобидной охотой. И тогда солидный с виду хищник может так увле-

Глядя в даль
Портрет
Слеток

ченно бегать по дорожной обочине за разными саранчуками, что не взлетает от проносящихся мимо автомобилей. По утренней прохладе, пока у прыгучих коников и кобылок нет дневной прыти, он так набивает ими зоб, что и в полете издали видно, как оттопыривается на шее перо.

Некоторые канюки с середины лета переходят от полевой охоты к патрулированию дорог, обратив в свою пользу рост автомобилизма. С началом уборки хлебов на дорожные обочины слетаются из деревень ватажки воробьев клевать просыпанное зерно, и много воробьиного молодняка гибнет, сталкиваясь с автомобилями. Сбивают автомобили зазевавшихся голубей и грачат, на мостах и дамбах — белых трясогузок, скворцов и крачек, у придорожных обрывчиков — береговых ласточек. Одних — днем, при солнце, других — ночью, ослепляя светом фар. Много гибнет стрекоз. И сарычи не отказываются от даровой добычи, не уступая право выбора воронам и сорокам. Кажется, что некоторые даже присматривают со столбов за воробьиными стайками и ждут, когда те, вместо того чтобы отлететь в сторонку, полетят перед машиной, пересекая ей путь.

Сарыч — хищник. Но если бы не клюв крючком, не острые, как заточенные, когти, его облик был бы совсем не хищный. Взгляд карих глаз не суровый и не злой, голос и вовсе просящий свист, за который и назвали канюком: будто канючит птица, выпрашивая что-то.

Улетают канюки. Жили семьями, улетают стаями, в которых много птиц, хорошо знающих дорогу и места остановок на ней. Поближе к закату с высоты долго и внимательно осматривают место предстоящей ночевки, а потом падают с неба, прячась в еще густых кронах высоких деревьев.

Черноголовая славка

Лет эдак тридцать стоял в углу моего сада огромный куст черной бузины, растения совсем не садового, но и не совсем бесполезного. Немного ее сливочно-белых цветков шло на добавку к чаю, а остальные завязывали множество мелких ягод. По их смоляному наливу я определял условную смену фенологических сезонов и с первого осеннего дня ждал пернатых гостей на сладковатый урожай бузины. Его на несколько недель хватало боязливым горихвосткам, невозмутимым серым мухоловкам и спокойным черноголовым славкам. Нагуливая на ягодном сахаре жирок для дальней дороги, птицы рассевали потомство огромного куста по всему саду. И конечно, только из-за того не стоило держать его там, где могло расти что-нибудь более ценное. Но именно из-за бузины прилетали в осенний сад лесные певуньи-черноголовки и дарили в приветливые дни позднего бабьего лета незатейливые мелодии первобытной природы.

В этих звуках нет майской громкости. Порой они так тихи, что кажутся звуковым миражем: этакое незапоминающееся благозвучное плетение непонятных птичьих «слов», но без весенней флейты, которой так знамениты Черноголовки. Да и само поведение осеннего певца иное: пощипав ягод, птица прячется в еще густой листве и щебечет на одном месте, а не скачет беспрестанно с ветки на ветку, как весной и летом. Никаких лишних движений, никакой неприязни к другим самцам, кормящимся на том же кусте (самки к этому времени уже далеко). Наверное, это щебетание является признаком благодушного настроения, потому что поют Черноголовки и на своих африканских зимовках. Эти птицы спокойны и не боязливы, но как-то не любят быть на виду, и осенью порой только по случайно подслушанному говорочку можно узнать, что Черноголовки еще не улетели.

Осеннее пение черноголовок лишь отдаленно похоже на весеннее, но знаток сразу поймет, что перед ним незаурядный талант, которым можно было заслушаться в майском лесу, потому что певцы так себе в эту пору помалкивают. Многие любители нежной птицы ценят эту славку не ниже дроздов, соловья и юлы. И ценят не только за красивый голос, умение и особую мелодичность, но и за спокойный характер, доверчивость и сообразительность, способность к обучению даже словам, за элегантность наряда и ладную фигурку, хотя на первое место ставится конечно же певческий дар.

В весенней песне Черноголовки две части: длинное переливчатое и негромкое щебетание— приятный для нашего слуха говорок и следующий за ним звучный и вместе с тем бархатисто-мягкий свист в несколько сбегающих нот одной октавы — флейты. Говорок — это как бы песня для себя, которая не несет никакого оповещения для ближних. Поначалу он кажется просто набором звуков без определенной последовательности: лишь бы не молчать. Но затем в нем все яснее улавливаются те красивые звуки и созвучия, которые певец слышал в родном лесу от своих временных земляков — зяблика, зарянки, певчего и черного дроздов, соловья, пеночки-веснички, лесного конька. Но все заимствованное не поется, а напевается без той лихости и громкости, с которыми заливаются первые исполнители. Есть в говорке и что-то неузнаваемое: то ли импровизация, то ли то, что понравилось самцу на зимовке, у тамошних соседей. В говорке каждый старается во что горазд, высвистывая на свой лад песенки тех учителей, на которых в жизни ему повезло.

А вот флейту, которой часто заканчивается говорок, свистит словно бы совсем другая птица — с сильным, хорошо поставленным голосом. И в одном лесу, и в другом, и в третьем — у тысячи черноголовок флейта может быть одинаковой или почти одинаковой для нашего грубого слуха, но тысяча первая может закончить долгое журчание такими переливами, что оторопь возьмет: а не залетела ли в наши края какая-то заморская знаменитость? Дважды довелось мне встречаться с черноголовками, чьи флейты были удивительно похожи на свист золотистой тимелии или китайского соловья, хотя исполнители и близко не летали от тех мест, где поют тимелии.

И столь же редки Черноголовки с двух- и даже трехколенной флейтой. Но флейта в три колена — это не простое троекратное повторение одного и того же напева, а четкое высвистывание трех мотивов, которые могут меняться местами. Она может начинаться низкой нотой и повышаться к середине. Интересно, кто способен на это в племени черноголовок: молодые самородки или достигшие предела возможного мастера?

Однако страстные охотники до птичьего пения исстари искали черноголовок не столько с причудливой флейтой, сколько с наборным говорком. Но прослушать весь богатый набор свободно поющей птицы трудно, а то и невозможно: и ветер мешает, и другие певцы лесные, и сама славка на месте не сидит, перелетая верхом с дерева на дерево. Чтобы насладиться ее пением вблизи и без помех, поначалу следовало найти тот куст, на котором самец начинал строить гнездо, и тогда певец выступит, как со сцены.

У самцов славок не в обычае праздно проводить время в ожидании прилета самок. Выбрав участок, самец вьет на нем что-то вроде заготовки одного или нескольких гнезд, сколько успеет до появления хозяйки. Он и место выберет нужное, и по правилам сложит каркас постройки, и травинки нужные найдет, но сам не доводит строительство до конца. Лишь в поздние вёсны бывает так: только самец уложит в развилку первые былинки, а самка уже тут, и тогда строительство завершается совместно. Но в этой серьезной работе поведение самца иногда похоже на шалость или игру: он шутя отнимает у самки травинки, к чему она относится без видимого раздражения.

Вот на этих-то ложных гнездах самец, когда он еще холост, показывает свое мастерство, истово распевая бесконечную песенку, но без флейты. Присутствие неподалеку от куста затаившегося человека его почти не смущает,

Видимо, у черноголовок есть звуки, которые нельзя назвать птичьими. Значение их неясно, и произносятся они в коротких паузах между очень тихими и высокими свистами, более тонкими, чем писк пищухи или королька. Птица, чуть вскинув голову, довольно широко раскрывает клюв, из которого вместо звучного перелива вырывается чуть слышное с пяти шагов «сиии», словно сорвал певец голос на какой-то немыслимой ноте и тщится вернуть его снова. После этого «сиии» видно, что в славочьем горле происходит рождение еще одного звука, не слышного даже в полной тишине.

Самец не только совместно с самкой вьет гнездо, но и принимает на себя все иные обязанности по выхаживанию потомства. И тут в его поведении проявляются чисто самочьи, то есть материнские, черты. Он тем же способом отводит от гнезда опасность, что и она. Насиживая яйца попеременно, и самка и самец при приближении человека просто выпархивают из гнезда, стараясь сделать это как можно незаметнее. Нос первого же дня появления птенцов на свет, будучи застигнуты врасплох, оба, наоборот, стараются отвлечь внимание на себя: вывалившись из гнезда на землю, ковыляют, словно калеки, трепыхаются, едва всплескивая крыльями. Разница лишь в том, что самка делает это молча, уползая, как немая, а самец, словно у него не хватает притворства, проковыляв немного, вспархивает на куст и негромко свистит, как бы начиная распевку и добавляя к свисту чуть взволнованное «трррр»,

Сколько черноголовок в заповедном бору? А в заовражной дубраве? В запущенном старом саду? Посчитать не трудно, пройдя в певческое утро по дорожкам и просекам. Один певец — одна семья. Однако уверенности, что счет будет верен, нет, потому что у этих славок и при первом выводке, и при втором есть какой-то запас холостых самцов, ведущих себя иначе, нежели

владельцы участков и гнезд. Они не идут на конфликты, не пытают счастья за чужой счет, но, если с хозяином случится непоправимое, один из них тут же примет на себя все его обязанности, Голос крови у черноголовок не имеет никакого значения, и отчим будет греть и кормить чужих птенцов как родных, а их жизнь станет для него дороже собственной. Он с той же трогательной заботливостью и самоотверженностью примет птичий крест, если в чужом гнезде вместо славчат окажется кукушонок.

У многих птиц от имеющих крепкую, постоянную семью, как, например, белые аисты, до соединяющихся в пару лишь на несколько недель, как славки, если есть поблизости лишние самцы, овдовевшая самка не будет воспитывать сирот в одиночестве, потому что помощник может появиться буквально через час. Альтруизм в птичьем мире — явление не исключительное: было бы кого кормить, а кормилец найдется.

Черноголовки — птицы леса. Тенистого, многоярусного леса, в котором достаточно и кустов, и высокоствольных деревьев разных пород. Это самые лесные славки из пяти видов славок Русской равнины. Избегают они лишь чистых сосняков, вообще малопривлекательных для птиц, где под сосновым пологом растут лишь грибы да мох. Но когда под теми же соснами вырастет густой подлесок из рябины, ирги, малины, бузины и жимолости, семена которых были посеяны не без участия черноголовок, славки больше не будут облетать сосновые урочища стороной. Левады степных рек с сумрачными ольшаниками, нагорные дубравы крутобережий, лесные острова российского подстепья, смешанные леса северных областей были изначально летними обителями черноголовок. А уж оттуда они переселились поближе к человеку, и переселение это продолжается и поныне. Поэтому поют Черноголовки в одичавших станичных садах, на старых городских и сельских кладбищах, в тихих уголках больших парков и даже на оживленных сиреневых улицах. Это отнюдь не те, кому не нашлось места в родных лесах, не те, кто, помыкавшись по свету, пристраивается где попало. Первая флейта Черноголовки может зазвучать в один и тот же день и в городе, и в дальней роще.

Сороки, поселившись в городе и пригородных лесах и парках, сразу же отказались от привычки строить гнезда на кустах и низких деревцах, опасаясь, может быть, не столько человека, сколько многочисленных кошек, домашних и одичавших, Черноголовки в тех же местообитаниях страдают от хищников-птицеловов больше, чем от пернатых разорительниц гнезд, ворон и сорок, но по-прежнему вьют гнезда так же низко, как и в лесу. Иногда так близко к земле, что под гнездо едва можно подсунуть ладонь. И наверное, кошки научились отыскивать эти гнезда по птичьей песне, как и птицеловы-любители.

Маленькое послесловие

Не прошло и года, как рукопись этой книги была подготовлена к печати. И за этот небольшой срок страницы моих записных книжек пополнились множеством новых наблюдений за птицами, о которых вы только что читали. Осенью на берегах Колхиды я слушал, как на исходе ночи под слабый шум прибоя поют зарянки. Узнал, что канюки с аппетитом едят на пастбищах причудливо раскрашенных гусениц молочайного бражника, что стриж может плавать, что у варакушек семья может состоять из трех птиц (самка, белозвездный и красно-звездный самцы кормили птенцов в одном гнезде), что горихвостка-чернушка добралась уже до Подмосковья, что слывшие чуть ли не самыми миролюбивыми птицами касатки дерутся иногда, как воробьи, что... Одним словом, к этой книге можно было бы прибавить еще страниц пятнадцать—двадцать. Значит, хватает в птичьем мире неоткрытых тайн, и ваша очередь в их разгадывании не последняя.

Леонид. Семаго